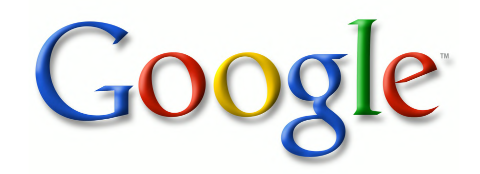
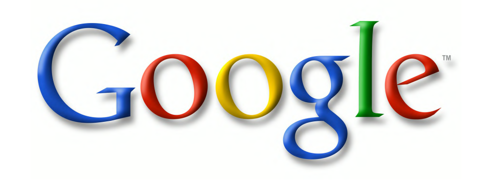
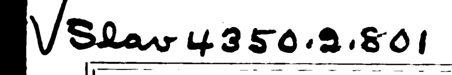

Slav 4350.2.801

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

М. П. ПОГОДИНА

Дни минувшіе и рѣчи
Ужь замолкшія давно.
Князь Вяземскій.

Былое въ сердцѣ воскреси
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Хомяковъ.

И я не будущимъ, а прошлымъ оживленъ!
В. Истоминъ.

«Не извращай описанія событій. Побѣду изображай какъ побѣду, а пораженіе описывай какъ пораженіе».
(Наказъ Персидскаго государя Наср-эддинъ-шаха исторіографу Риза-кули-хану).

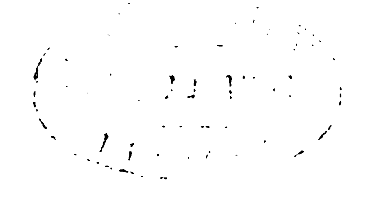
«Цари и вельможи! Покровительствуйте Музамъ: онѣ благодарны»
Погодинъ.

«Пою... дондеже есмь».

Николая Барсукова

КНИГА ОСМНАДЦАТАЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича. В. О., 5 л., 28
1904

3318

КОНСТАНТИНУ АРКАДІЕВИЧУ

ГУБАСТОВУ,

ВЪ ЗНАКЪ БЛАГОДАРНОСТИ,

ПОСВЯЩАЕТСЯ КНИГА СІЯ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Императоръ Александръ II-й, въ седьмое лѣто царствованія своего подписалъ слѣдующій манифестъ:

„Божіею Милостію,
Мы, Александръ Вторый,
Императоръ и Самодержецъ
Всероссійскій, Царь Польскій,
Великій Князь Финляндскій,
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ.

Божіимъ Провидѣніемъ и священнымъ закономъ престолонаслѣдія, бывъ призваны на прародительскій Всероссійскій Престолъ, въ соотвѣтствіе сему призванію, мы положили въ сердцѣ своемъ обѣтъ обнимать нашею царскою любовію и попеченіемъ всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ всякаго званія и состоянія, отъ благородно-владѣющаго мечемъ на защиту Отечества до скромно-работающаго ремесленнымъ орудіемъ, отъ проходящаго высшую службу государственную до проводящаго на полѣ борозду сохою или плугомъ.

Вникая въ положеніе званій и состояній въ составѣ Государства, мы усмотрѣли, что государственное законодательство, дѣятельно благоустрояя высшія и среднія сословія,.. не достигло равномѣрной дѣятельности въ отношеніи къ людямъ крѣпостнымъ... Права помѣщиковъ были донынѣ обширны и не опредѣлены съ точностію закономъ, мѣсто котораго

заступали преданія, обычаи и добрая воля помѣщика. Въ лучшихъ случаяхъ, изъ сего происходили добрыя, патріархальныя отношенія искренней правдивой попечительности и благотворительности помѣщика и добродушнаго повиновенія крестьянъ. Но, при уменьшеніи простоты нравовъ, при умноженіи разнообразія отношеній, при уменьшеніи непосредственныхъ отеческихъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, при впаденіи иногда помѣщичьихъ правъ въ руки людей, ищущихъ только собственной выгоды, добрыя отношенія ослабѣвали и открывался путь къ произволу...

Усматривали сіе и приснопамятные предшественники наши, принимали мѣры къ измѣненію на лучшее положеніе крестьянъ...

Такимъ образомъ, мы убѣждены были признать, что дѣло измѣненія положенія крѣпостныхъ людей на лучшее есть для насъ завѣщаніе предшественниковъ нашихъ и жребій, чрезъ теченіе событій, поданный намъ рукою Провидѣнія.

Мы начали сіе дѣло актомъ нашего довѣрія къ Россійскому Дворянству, къ извѣданной великими опытами преданности его Престолу и готовности его къ пожертвованіямъ на пользу Отечества. Самому Дворянству предоставили мы, по собственному вызову его, составить предположенія о новомъ устройствѣ быта крестьянъ, при чемъ Дворянамъ предлежало ограничить свои права на крестьянъ и подъять трудности преобразованія, не безъ уменьшенія своихъ выгодъ. И довѣріе наше оправдалось...

Призвавъ Бога на помощь, мы рѣшились дать сему дѣлу исполнительное движеніе.

Въ силу новыхъ положеній, крѣпостные люди получатъ въ свое время права свободныхъ сельскихъ обывателей.

Помѣщики, сохраняя право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, предоставляютъ крестьянамъ, за установленныя повинности, въ постоянное пользованіе усадебную ихъ осѣдлость, и сверхъ того, для обезпеченія быта ихъ и исполненія обязанностей ихъ предъ Правительствомъ, опре-

дѣленное въ положеніяхъ количество полевой земли и другихъ угодій.

Пользуясь симъ земельнымъ надѣломъ, крестьяне за сіе обязаны исполнять въ пользу помѣщиковъ опредѣленныя въ положеніяхъ повинности. Въ семъ состояніи, которое есть переходное, крестьяне именуются временно-обязанными.

Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ дается право выкупать усадебную ихъ осѣдлость... и другія угодья, отведенныя имъ въ постоянное пользованіе. Съ таковымъ пріобрѣтеніемъ,... крестьяне освободятся отъ обязанностей къ помѣщикамъ по выкупленной землѣ и вступятъ въ рѣшительное состояніе свободныхъ крестьянъ-собственниковъ.

Особымъ положеніемъ о дворовыхъ людяхъ опредѣляется для нихъ переходное состояніе... По истеченіи двухлѣтняго срока отъ дня изданія сего положенія, они получатъ полное освобожденіе и срочныя льготы.

На сихъ главныхъ началахъ, составленными положеніями опредѣляется будущее устройство крестьянъ и дворовыхъ людей...

Какъ новое устройство, по неизбѣжной многосложности требуемыхъ онымъ перемѣнъ, не можетъ быть произведено вдругъ, а потребуется для сего время, примѣрно, не менѣе двухъ лѣтъ, то въ теченіе сего времени... существующій донынѣ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ порядокъ долженъ быть сохраненъ дотолѣ, когда, по совершеніи надлежащихъ приготовленій, открытъ будетъ новый порядокъ.

Для правильнаго достиженія сего мы признали за благо повелѣть:

1) Открыть въ каждой губерніи Губернское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе.

2) Назначить въ уѣздахъ мировыхъ посредниковъ, и образовать изъ нихъ Уѣздные Мировые Съѣзды.

3) Затѣмъ образовать въ помѣщичьихъ имѣніяхъ мірскія управленія.

4) Составить, повѣрить и утвердить по каждому сельскому обществу или имѣнію уставную грамоту...

Обращая вниманіе на неизбѣжныя трудности предпріемлемаго преобразованія, мы первѣе всего возлагаемъ упованіе на всеблагое Провидѣніе Божіе, покровительствующее Россіи.

За симъ полагаемся на доблестную о благѣ общемъ ревность благороднаго Дворянскаго сословія, которому не можемъ не изъявить отъ насъ и отъ всего Отечества заслуженной признательности за безкорыстное дѣйствованіе къ осуществленію нашихъ предначертаній. Россія не забудетъ, что оно добровольно, побуждаясь только уваженіемъ къ достоинству человѣка и христіанскою любовію къ ближнимъ, отказалось отъ упраздненнаго нынѣ крѣпостнаго права и положило основаніе новой хозяйственной будущности крестьянъ. Ожидаемъ, несомнѣнно, что оно также благородно употребитъ дальнѣйшее тщаніе къ приведенію въ исполненіе новыхъ положеній въ добромъ порядкѣ, въ духѣ мира и доброжелательства, и что каждый владѣлецъ довершитъ въ предѣлахъ своего имѣнія великій гражданскій подвигъ всего сословія, устроивъ бытъ водворенныхъ на его землѣ крестьянъ и его дворовыхъ людей на выгодныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ, и тѣмъ дастъ сельскому населенію добрый примѣръ и поощреніе къ точному и добросовѣстному исполненію государственныхъ постановленій...

...Полагаемся и на здравый смыслъ нашего народа...

Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго.

Данъ въ Санктпетербургѣ, въ 19-й день февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова 1861-го, Царствованія же нашего въ 7-е.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

АЛЕКСАНДРЪ“ [1]).

Такимъ образомъ, по слову Апостольскому: *Древняя мимоидоша, се быша вся нова* (2 *Кор.* V, 17).

Высочайшій манифестъ 19 февраля, былъ обнародованъ въ Петербургѣ и Москвѣ только 5-го марта, въ прощеное воскресенье.

По свидѣтельству графини А. Д. Блудовой, „маленькая великая княжна Марія Александровна, въ утро 5-го марта, выбрала сама между своими образами *Благовѣщеніе* и принесла къ Государю, и весь этотъ день была особенно съ нимъ ласкова, обнимала, цѣловала его безпрестанно; она ребенокъ семилѣтній. Императрица была больна и не могла выѣзжать; Государь взялъ дочку съ собой, чтобъ ѣхать на могилу отца своего въ крѣпость, и помолившись тамъ, катался съ нею въ открытомъ экипажѣ. Народъ окружилъ около Лѣтняго сада, кричалъ ура, благословлялъ, любовался ими, говорилъ съ Государемъ по *нашему*, простодушно, почтительно, но безъ робости, какъ съ отцомъ. Мало пили въ этотъ день. Церкви были полны. Маленькіе вклады дѣлались по церквамъ, свѣчи горѣли передъ иконами во множествѣ и весь народъ пошелъ, по обыкновенію, на работы. Это и есть *Русская демонстрація*".

По прочтеніи манифеста 19 февраля, Катковъ писалъ: „Великое, величайшее слово въ Русской Исторіи произнесено!

Послѣдствія этого слова будутъ неизмѣримо благодѣтельны, и память народная сохранитъ имя того, кто рѣшился произнести это слово и снять узы, которыя были наложены на Русскій народъ исторической необходимостію государственнаго начала.

Вспомнимъ съ благодарностію о тѣхъ многочисленныхъ офиціальныхъ и неофиціальныхъ дѣятеляхъ, которые своими трудами подготовляли разрѣшеніе труднаго вопроса и способствовали скорому и справедливому разрѣшенію его" [2]).

Для обнародованія манифеста въ губерніяхъ были отправлены свитскіе генералы и флигель-адъютанты.

Въ день обнародованія манифеста въ Петербургѣ, Ники-

тенко записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Великій день: манифестъ о свободѣ крестьянъ. Мнѣ принесли его около полудня. Съ невыразимо отраднымъ чувствомъ прочелъ я этотъ драгоцѣнный актъ, важнѣе котораго врядъ-ли что̀ есть въ тысячелѣтней Исторіи Русскаго народа. Я прочелъ его вслухъ женѣ моей, дѣтямъ и одной нашей пріятельницѣ въ кабинетѣ передъ портретомъ Александра II, на который мы всѣ взглянули съ глубокимъ благоговѣніемъ и благодарностью. Моему десятилѣтнему сыну я старался объяснить какъ можно понятнѣе сущность манифеста и велѣлъ затвердить ему навѣки въ своемъ сердцѣ 5-е марта и имя Александра II—освободителя. Я не могъ усидѣть дома. Мнѣ захотѣлось выйти побродить по улицамъ и, такъ сказать, слиться съ обновленнымъ народомъ. На перекресткахъ наклеены были объявленія отъ генералъ-губернатора, и возлѣ каждаго толпились кучки народа: одинъ читалъ, другіе слушали. Вездѣ встрѣчались лица довольныя, но спокойныя. Въ разныхъ мѣстахъ читали манифестъ. До слуха безпрестанно долетали слова: „Указъ о вольности—свобода“. Одинъ, читая объявленіе и дочитавъ до мѣста, гдѣ говорится, что два года дворовые должны еще оставаться въ повиновеніи у господъ, съ негодованіемъ воскликнулъ:—Чортъ дери эту бумагу! Два года—какъ бы не такъ, стану я повиноваться! Другіе молчали“.

Изъ знакомыхъ, Никитенко встрѣтился съ Галаховымъ.—*Христосъ Воскресе*! сказалъ онъ ему. *Воистину Воскресе*! отвѣчалъ Галаховъ. Потомъ Никитенко зашелъ къ Ребиндеру. Послѣдній велѣлъ подать шампанскаго и они выпили по бокалу „въ честь Александра II-го“ [3]).

II.

„Всю голову мою“—писалъ Погодинъ къ князю П. А. Вяземскому—„занимаютъ теперь Поляки и крестьяне. Стыдно теперь думать о чемъ нибудь другомъ“ [4]).

Предъ самымъ объявленіемъ манифеста объ освобожденіи

крестьянъ Погодинъ находился въ Петербургѣ, куда онъ пріѣзжалъ на юбилей князя П. А. Вяземскаго.

Узнавъ, въ субботу, 4-го марта 1861 года, что на другой день, т.-е. 5-го марта, обнародуется всемилостивѣйшій манифестъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, Погодинъ „бросился на желѣзную дорогу, чтобъ поспѣшить къ обѣднѣ въ Кремль, въ Успенскій соборъ, къ Ивану Великому,—а потомъ и подъ Новинское“.

Поѣздъ опоздалъ, по причинѣ мятели, и онъ прибылъ въ Москву, въ 10-мъ утра.

Въ своемъ *Красномъ Яичкѣ*, въ статьѣ *5-е марта въ Москвѣ*, Погодинъ повѣствуетъ: „Передамъ съ точностію всѣ свои наблюденія и впечатлѣнія; онѣ вѣрно дополнятся другими—постараемся сохранить полную память о томъ, какъ проведенъ былъ въ Москвѣ великій день Русской Исторіи.

По дорогѣ отъ станціи до Дѣвичьяго Поля, на разстояніи почти семи верстъ, народу встрѣчалось очень мало.

Дома прочелъ я въ первый разъ манифестъ, полученный уже съ *Полицейскими Вѣдомостями*. Понравилось заключеніе: „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго“.

Въ смутномъ расположеніи духа отправился въ Кремль. По Зубову, по Пречистенкѣ, народу было меньше обыкновеннаго. Въ Кремлѣ, на площадяхъ, почти никого.

Признаюсь эпизодически, что я со страхомъ приближался къ дверямъ и былъ почти намѣренъ остановиться: ну какъ, попрежнему, хожалый, жандармъ, или квартальный, меня не пуститъ, скажетъ какую-нибудь грубость, и кровь моя взволнуется, желчь вскипитъ...

Я прошелъ въ двери, однако же, благополучно, несмотря на тѣсноту, и почувствовалъ удовольствіе, хотя, съ больною ногою, стоять мнѣ было почти опасно. Народъ толкался,

входя и выходя: почему бы не определить одной двери для входа и другой для выхода?

Распоряжаться въ подобныхъ случаяхъ у насъ совершенно не умѣютъ, или, вѣрнѣе, никто не обращалъ еще вниманія на эти нужныя удобства, не дѣлалъ ихъ предметомъ своего тщательнаго *изученія*; а это очень нужно въ церквахъ, на почтѣ, въ театрѣ, на гуляньѣ, въ публичныхъ собраніяхъ, при разъѣздахъ и т. п.; у насъ господствуетъ въ этихъ случаяхъ „какъ-нибудь“ и „авось“.

Чрезъ нѣсколько минутъ я пробрался во внутренность собора и сталъ въ сторонѣ. Соборъ былъ полнехонекъ, по-крайней-мѣрѣ сзади, а впереди, кажется, было просторно. Несчастные богомольцы жмутся, не смѣя обезпокоить блистательныя лица, а блистательныя лица не догадываются ободрять несчастныхъ богомольцевъ и давать имъ дорогу.

Въ моей сторонѣ люди были разныхъ званій: направо бѣлая мантилья, налѣво овчинный тулупъ, вокругъ купцы средней руки. Весь народъ стоялъ благоговѣйно и соблюдалъ совершенную тишину.

Не стану говорить о себѣ, что̀ я чувствовалъ, думая, слушая... Овчинный тулупъ стукалъ безпрестанно пальцами по кожѣ, кладя крестное знаменіе, и умиленно вздыхалъ, произнося, по-временамъ, шепотомъ: Господи помилуй!—Какъ мнѣ хотѣлось заглянуть въ его душу! Видно было, что онъ молится усердно.

Манифестъ былъ прочтенъ... сердце трепетало. Чтеніе продолжалось долго; при послѣднемъ выраженіи: „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ“, весь народъ перекрестился. Минута, которой описать нѣтъ силъ. Господи! Господи! Благослови! Благодаримъ, благодаримъ!

Мнѣ хотѣлось бы услышать за молебномъ: *Тебе Бога хвалимъ*—во сто или двѣсти голосовъ, чтобъ стѣны затрещали, а пропѣлъ его обыкновенный хоръ.

Послѣ многолѣтія Государю, мнѣ хотѣлось бы услышать многолѣтіе православному Русскому крестьянству, получаю-

щему освобожденіе, многолѣтіе благородному Русскому дворянству, отпускающему своихъ крестьянъ на волю, согласно съ волею царскою; но, кажется, этихъ многолѣтій, полезныхъ для того, чтобы возбуждать духъ любовнаго единенія между сословіями, пропѣто не было, вѣроятно потому, что онѣ не значатся по чину. По крайней мѣрѣ, я ихъ не слыхалъ.

Прочіе соборы были биткомъ набиты, а особенно Чудовъ монастырь, гдѣ было, какъ я слышалъ, больше крестьянъ.

Выйдя изъ церкви, я *похристосовался* съ встрѣтившимися знакомыми.

По окончаніи богослуженія, народу въ Кремлѣ не оставалось.

Изъ Кремля я проѣхалъ по Замоскворѣчью, а оттуда на гулянье подъ Новинскимъ, въ третьемъ часу. На улицахъ нигдѣ незамѣтно было необыкновеннаго движенія, какъ будто ничего особеннаго не случилось.

Въ балаганахъ, на балконахъ, не слышалось ни одного слова, относящагося къ интересу минуты. Зато, у райковъ напѣвалась передъ слушателями всякая нравственная мерзость безнаказанно. На качеляхъ и на конькахъ было повеселѣе, впрочемъ, не знаю отъ масляницы, или отъ свободы.

Обѣдалъ въ порядочномъ обществѣ, между людьми, принимающими живое участіе въ дѣлѣ,—мы были какъ будто ошеломленные.

Воротился домой часовъ въ 9, также мимо гулянья, и все тамъ было уже почти совсѣмъ тихо; въ нашемъ послѣднемъ переулкѣ встрѣтилось нѣсколько пьяныхъ, и то не слишкомъ.

На другой день пріѣзжаетъ ко мнѣ одинъ издатель газеты и говоритъ: „Я хотѣлъ просить васъ, Михаилъ Петровичъ, написать нѣсколько строкъ о вчерашнемъ днѣ, но вижу, что писать нечего; такъ было тихо“.

Народъ вдругъ не понялъ, не выразумѣлъ, не взялъ въ толкъ, что̀ онъ манифестомъ получаетъ. Не выразумѣли еще

порядочно и мы, грамотные. Недоумѣніе—вотъ слово, которое характеризуетъ настоящее положеніе въ воскресенье. Народъ, руководствуемый вѣрнымъ своимъ чутьемъ, принимаетъ на вѣру, что ему сдѣлано добро, молится Богу, благодаритъ Государя.

Поговоривъ съ разными лицами на другой день, сообщивъ взаимно наблюденія, мы пришли къ тому заключенію, что поутру весь народъ былъ въ церквахъ, оттого и не видать его было на улицахъ; изъ церквей онъ разошелся по домамъ, по лавкамъ, въ кабаки и трактиры, читать *Положенія* и толковать между собою".

За симъ Погодинъ сообщаетъ слѣдующее: „Пьяный мужикъ встрѣчаетъ на улицѣ женщину и спрашиваетъ ее: „Вольный ли я"? — Ты дуракъ — отвѣчала баба, видно прыткая. А онъ ее въ ухо. Будочники его схватили.—За что ты дерешься?—„Она ругается, а вы скажите мнѣ: Вольный ли я"?—Ну ты вольный, а все-таки пойдемъ въ часть.—„Ведите куда хотите, лишь бы я былъ вольный".

Вопросъ: вольный ли я? повторялся многими.

Мужикъ везъ дрова на рынокъ и увидѣлъ большое объявленіе, прибитое на будкѣ: „Что̀ это такое"?—Свобода.— Какъ стоялъ, такъ и упалъ на колѣна, въ лужу, и началъ молиться Богу и благодарить.

Рабочіе на одной подмосковной фабрикѣ, около 2000, просили у хозяйки позволенія идти въ городъ. Прогулъ у нихъ платится по полтора рубля въ сутки: „Матушка, пусти, возьми хоть вдвое, возьми по три рубля: намъ надо встрѣтить Государя".

Рабочіе на винномъ дворѣ, числомъ около 300, послѣ обѣдни заставили читать себѣ манифестъ. Прослушавъ, одни бросились цѣловать его, другіе пустились въ присядку по двору, третьи начали обниматься.

— Ну, ужъ Царь у насъ—сказалъ одинъ крестьянинъ— удалый: какой день выбралъ! прощеный!

Крестьянинъ, служащій на какомъ-то господскомъ дворѣ,

на Пречистенкѣ, приходилъ ко мнѣ, благодарить отъ имени трехъ сосѣднихъ трактировъ и мелочныхъ лавочекъ, и просить, чтобъ я принялъ деньги на церковь во имя св. Александра-Невскаго. „Благодаримъ тебя, батюшка, что ты насъ надоумилъ, что сказалъ о насъ доброе слово: что̀ мы, въ самомъ дѣлѣ, оворники какіе чтоли? съ чего же это взято? Церковь, церковь непремѣнно хотимъ мы построить. Научи только насъ, какъ намъ взяться за дѣло“.

На другой день приходилъ Шереметевскій крестьянинъ, изъ Бронной, поклонился въ ноги, хотѣлъ поцѣловать руку, и благодарилъ въ такихъ трогательныхъ выраженіяхъ, за мысль о церкви, что у меня самого навернулись на глазахъ слезы: „Ото ста человѣкъ я одинъ соберу, извощики мнѣ проходу не давали, гоня къ тебѣ“.

Отъ фабричныхъ на Дѣвичьемъ Полѣ, отъ лавочниковъ на Смоленскомъ Рынкѣ, въ сосѣднихъ кабакахъ и баняхъ, тѣ же отзывы.

Другой очевидецъ событія 5 марта, С. М. Сухотинъ свидѣтельствуетъ: „До великаго дня 5 марта никакихъ особенныхъ слуховъ. 5-е число обошлось весьма тихо. Оберъ-полицеймейстеръ Потаповъ сказывалъ мнѣ, что въ этотъ день, подъ Новинскимъ, было взято только шесть человѣкъ пьяныхъ. Народъ, не понимая ни слова изъ манифеста, что-то плохо вѣритъ свободѣ; и изъ разговоровъ съ нѣкоторыми извощиками замѣтно, что оброчные крестьяне, принадлежавшіе хорошимъ господамъ, не очень радуются освобожденію. Политическія и литературныя новости перешли покуда на задній планъ: все поглощено эмансипаціей“ [5]).

Въ день пріѣзда изъ Петербурга, т.-е. 5 марта, Погодинъ получилъ слѣдующее приглашеніе отъ *Ѳ. В. Чижова*. „Нѣсколько человѣкъ соберутся сегодня въ 9 часовъ вечера въ трактирѣ Самарина; если вы желаете участвовать, а не желать совѣстно, то приходите. Я дамъ знать Мамонтову; съ нами Солдатенковъ. Соберемся, не собираясь заранѣе, и попросту отпразднуемъ великій день. Напишите одно слово

буду и довольно. Кто пріѣдетъ немного ранѣе, что все равно. Спросите меня или Бабста, гдѣ комната“ [6])?

„Въ воскресенье вечеромъ“ (5 марта), — писалъ Погодинъ,— „пріятели собирались въ Самариномъ трактирѣ праздновать день. Я былъ приглашенъ туда же, но усталый, не могъ участвовать въ пирѣ. Тамъ предложилъ кто-то собирать въ пользу дворовыхъ людей. Половые услыхали и тотчасъ прибѣжали съ своими пожертвованіями, прося убѣдительно допустить ихъ до участія“.

„Не знаю уже“,—пишетъ С. М. Сухотинъ,— „по какимъ превыспреннимъ причинамъ, начальство запретило подписку въ пользу дворовыхъ людей, вызванную въ воскресенье 5 марта, въ трактирѣ Самарина, собравшимся туда нечаянно Ѳ. В. Чижовымъ, Бабстомъ, Солдатенковымъ и нѣкоторыми другими. Было объясненіе по этому случаю довольно крупное между Потаповымъ и Чижовымъ“. Вскорѣ послѣ того С. М. Сухотинъ обѣдалъ у Потапова, который—пишетъ Сухотинъ—„разсказалъ мнѣ въ подробности его разговоръ съ Чижовымъ. Сей послѣдній напрасно погорячился“.

На другой день, Погодинъ, читая *Положенія* и „недоумѣвая при нѣкоторыхъ параграфахъ“, писалъ Далю: „Темна вода во облацѣхъ“ Даль отвѣчалъ: *О темной водѣ во облацѣхъ* скажу, что она устоится и просочится, и будетъ свѣтла, чиста и цѣлительна. Болтая объ этомъ туда-сюда, года два, у насъ, можетъ быть, и языкъ уже приговорился и мы стали посматривать на дѣло легонько; а какъ хотите, Царь поборолъ такого медвѣдя, какого не стрѣливалъ еще во всю свою жизнь. Дѣло сдѣлано, воротить его нельзя, и оно пошло впередъ, какъ течетъ Днѣпръ и Волга и прочія жилы насущной родной Земли нашей“.

Черезъ два дня послѣ объявленія манифеста, А. В. Головнинъ писалъ князю А. И. Борятинскому: „Дѣла Польскія очень озабочиваютъ Его Величество. Зато крестьянскій вопросъ, слава Богу, вступилъ наконецъ, въ законную силу. Въ воскресеніе, 5 марта, провозглашенъ былъ въ обѣихъ столи-

цахъ манифестъ. На дняхъ вся Россія узнаетъ о великомъ событіи, которое будетъ въ Исторіи важнѣйшимъ и прекраснымъ подвигомъ нашего Государя. Пріѣздъ вашего сіятельства сюда крайне необходимъ. Особенно дѣла Польскія чрезвычайно важны" [7]).

Герценъ спрашивалъ И. С. Тургенева: почему онъ сидитъ за границей и почему не ѣдетъ въ Россію, гдѣ теперь такъ интересно, гдѣ рѣшается вопросъ величайшей важности, объ освобожденіи крестьянъ?

На этотъ вопросъ Тургеневъ отвѣчалъ изъ Парижа (9 марта 1861 года): „Прежде всего долженъ тебѣ сказать, что ты ужасный человѣкъ. Охота же тебѣ поворачивать ножъ въ ранѣ! Что же мнѣ дѣлать, коли у меня дочь, которую я долженъ выдавать замужъ, и потому поневолѣ сижу въ Парижѣ! Всѣ мои помыслы, весь я—въ Россіи".

П. В. Анненковъ послалъ въ Парижъ телеграмму; но она—пишетъ онъ—„никого тамъ не удовлетворила. Какъ? ни бѣшенаго восторга, ни энтузіазма, достигающаго границъ анархіи—ничего подобнаго. Петербургъ оставался совершенно покоенъ. Понятно, что людямъ, живущимъ далеко отъ мѣста событія, подготовленнымъ и своимъ воображеніемъ, и журнальными статьями, къ манифестаціямъ *великаго дня*, неимѣвшимъ въ рукахъ даже и новаго *Положенія* о крестьянахъ — тишина столицы казалась чѣмъ-то необъяснимымъ: они требовали дальнѣйшихъ подробностей, заклинали не оставлять ихъ безъ свѣдѣній о томъ, что совершалось въ Россіи, волновались предчувствіями и ожиданіями, но успокоить ихъ разсказомъ о какомъ либо значительномъ патріотическомъ движеніи не было возможности".

Самъ Тургеневъ, 3 апрѣля 1861 года, изъ Парижа, писалъ Анненкову: „Съ нѣкоторыхъ поръ народы какъ будто дали себѣ слово удивлять современниковъ и наблюдателей— и Русскій народъ, и въ этомъ отношеніи, едва ли не перещеголялъ всѣхъ своихъ сверстниковъ. Да, удивилъ онъ насъ, хотя подумавъ и приглядѣвшись—увидишь, что нечему было

удивляться; это всегда случается послѣ так называемыхъ необыкновенныхъ событій и доказываетъ только нашу близорукость. Сдѣлайте божескую милость, продолжайте извѣщать насъ о состояніи умовъ въ Россіи. Здѣсь господа Русскіе путешественники очень взволнованы и толкуютъ о томъ, что ихъ ограбили (изъ *Положенія* рѣшительно не видать, какимъ образомъ ихъ грабятъ!), но принимаютъ мѣры къ устроенію своихъ дѣлъ. Вѣроятно, въ нынѣшнемъ же году прекратится въ Россіи барщинная работа. Въ прошлое воскресеніе мы затѣяли благодарственный молебенъ въ здѣшней церкви—и священникъ Васильевъ произнесъ намъ очень умную и трогательную рѣчь, отъ которой мы всплакнули (NB. Много ушло изъ церкви до молебна). Передо мной стоялъ Н. И. Тургеневъ и тоже утиралъ слезы; для него это было въ родѣ: *нынѣ отпущаеши раба Твоего.* Тутъ же находился старикъ Волконскій (декабристъ). „Дожили мы до этого великаго дня", было въ умѣ и на устахъ у каждаго. Сгораю жаждою быть въ Россіи" [8]).

Въ *Дневникѣ* В. А. Муханова мы находимъ слѣдующее свѣдѣніе: „Обѣдалъ Н. П. Игнатьевъ, который разсказываетъ, что въ Александріи корреспондентъ журнала Siècle, при полученіи рескриптовъ объ эмансипаціи, на публичномъ обѣдѣ, потребовалъ шампанскаго и пилъ здоровье Государя, какъ достойнаго послѣдователя Fourier и другихъ соціалистовъ. Милютинъ хвастался, что помѣстилъ въ основаніе *Положенія* о крестьянахъ зерно будущаго развитія демократической конституціи Россіи".

Въ Тульскомъ каѳедральномъ соборѣ, по прочтеніи манифеста, епископъ Алексѣй произнесъ рѣчь. Познакомившись съ этою рѣчью, митрополитъ Филаретъ писалъ проповѣднику: „Послѣ продолжительнаго чтенія манифеста не утомлено ли уже вниманіе слышавшихъ для рѣчи? Однако не одни вы говорили. Рѣчь я прочиталъ. Мнѣ кажется, она не близка къ бывшимъ крѣпостнымъ, есть ли они были предъ вами. Слово *радость*, думаю, не проникало въ сердца дворянъ".

„Совершилось дѣйствительно великое дѣло",—писалъ И. С. Аксаковъ въ Орловскую губернію,—„крѣпостного права уже не существуетъ, оно вычеркнуто изъ законодательства и изъ жизни. Только теперь возможны реформы, и движеніе впередъ самого народа, и онъ двинулся, тронулся, какъ вешній ледъ. Черезъ полгода вы его не узнаете. Какъ они ни недовольны *Положеніемъ*, но выберутъ изъ него, повѣрьте, все, что служитъ къ ихъ выгодѣ; и проникнутся сознаніемъ своихъ правъ. Во всякомъ случаѣ мнѣ сдается, что народъ проснулся и инстинктивно чувствуетъ, что онъ призывается къ дѣйствованію, что его чередъ наступаетъ, и спѣшитъ вооружиться, запасается деньгами и грамотой. Какъ вы хотите, чтобы народъ романтически относился къ свободѣ и послѣ двухсотлѣтняго плѣна радовался наивно тому, что ему разрѣшаютъ (по выраженію князя Черкасскаго) браки по любви. Онъ понимаетъ свободу, какъ свободу быта, а этого-то ему и не даютъ. Не забывайте, что онъ, кромѣ того, находится подъ гнетомъ нужды и вѣчныхъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ. У него нѣтъ нашего барскаго досуга отдаваться отвлеченнымъ соображеніямъ о свободѣ вообще и пр. Отъ этого-то рабства стремится освободиться народъ (да и все человѣчество). Естественно, разумно и законо, что первый вопросъ мужика послѣ долгаго, напряженнаго ожиданія чего-то лучшаго: „Избавляюсь ли я отъ нужды, обезпечиваюсь ли я матеріально и развязаны ли у меня руки на работу, на борьбу"? (отъ которой онъ не отказывается). Не становясь въ красивую позу, онъ въ теченіе тысячи лѣтъ сберегъ свои нравственныя начала, тѣ начала, которыя всего труднѣе уберечь, при постоянныхъ соблазнахъ и искушеніяхъ. Между тѣмъ, это дурацкое *Положеніе* на первой страницѣ объявляетъ, что земля составляетъ неотъемлемую собственность помѣщика, и такимъ образомъ идетъ прямо наперекоръ народнымъ понятіямъ, выработанымъ его историческою жизнью. Тутъ очень важенъ провозглашенный принципъ. Скажите крестьянину, что земля его, но что помѣщика слѣдуетъ вознаградить за эту

землю, вознаградить обязано государство (а не крестьянъ— выкупать)! Государству для этого нужны деньги, и участвовать въ этомъ вознагражденіи, наравнѣ съ другими, готовы и крестьяне. Это я слышалъ отъ мужичковъ. Вотъ теперь велѣно распространить на государственныхъ крестьянъ это же *Положеніе*, и заставятъ пожалуй, и ихъ выкупать землю. Это все равно, что заставить дерево выкупать ту землю, на которой и изъ которой оно растетъ. Признаюсь, чѣмъ больше я читаю *Положеніе*, тѣмъ мнѣ грустнѣе становится, грустнѣе именно потому, что въ составленіи его участвовали близкіе мнѣ люди. *Положеніе* обличаетъ полную несостоятельность нашего интеллигентнаго класса"...

Въ томъ же письмѣ Аксаковъ спрашиваетъ: „Почему вы думаете, что „зависть, равенство (?), домократизмъ, неблагодарность суть пороки свободнаго народа"? Это все пороки рабства, крѣпостного ли рабства нужды, духовнаго и всѣхъ наименованій. Но вы правы, мнѣ кажется, говоря, что напр. кабальные люди были преданнѣе, и что наши рабы, съ тѣхъ поръ, какъ съ ними стали лучше обходиться, готовы бросить добраго господина чтобы перейти къ тому, кто имъ больше даетъ. Это можетъ происходить отъ двухъ причинъ: 1-е) отъ того, что въ прежнія времена господа были ближе къ своимъ рабамъ, находились съ ними въ единствѣ быта, жизни, вѣры. Рабъ могъ понимать и любить господина, какъ человѣка, какъ Русскаго. Съ тѣхъ поръ, какъ господа стали между собою говорить по-Французски, не умѣютъ рѣчи держать Русской, ни въ чорта, ни въ Бога не вѣрятъ: то, не смотря на свою доброту, они стали рабамъ болѣе чужіе; у нихъ общаго нѣтъ ничего, у самыхъ добрыхъ! 2-е) рабу любить своего господина преданностью восточною — неестественно, нечеловѣчно. Для этого надо сдѣлаться животнымъ, снизойти на степень собаки. На этой степени отчасти и держало людей кабальное холопство. Стали съ ними обращаться лучше, рабы стали человѣчнѣе и утратили свойства

собачьей преданности. Если господинъ смотритъ на нихъ, какъ на предметъ выгоды (не какъ на друзей же и не какъ на дѣтей мы на нихъ смотримъ!), то и крестьянину или дворовому позволительно смотрѣть на господъ съ этой точки зрѣнія. Благодарности отъ нихъ ждать нечего, да и за что? За то, что ласковымъ голосомъ заставляемъ ихъ орошать пòтомъ наши поля!!! Слава Богу, что нѣтъ благодарности".

Письмо свое Аксаковъ заключаетъ:

„Что-же касается до вашего расчета, то право я тутъ не судья. На бумагѣ выходитъ хорошо. Я, впрочемъ, думаю, что вообще помѣщикамъ не такъ худо, а крестьянамъ хуже— не сравнительно съ прежнимъ, а сравнительно съ ихъ ожиданіями, съ ихъ законными требованіями. Однакоже, говоря правду, помѣщикамъ небогатымъ, тѣмъ у кого имѣніе заложено и слѣдуетъ платить долги въ Опекунскій Совѣтъ (а закладывались не земли, а рабочія силы), тѣмъ, у кого нѣтъ свободнаго капитала для найма рабочихъ и пр., выходитъ очень убыточно, особенно въ нашихъ Заволжскихъ краяхъ... Казна, вмѣсто денегъ, выдаетъ вамъ какое-то свидѣтельство на большую сумму, которую передать иначе нельзя, какъ по купчей крѣпости, слѣдовательно нельзя размѣнять, развѣ какъ за полцѣны! А объ административномъ устройствѣ и говорить нечего. Но при всемъ томъ брешь пробита" [9])!...

III.

Предъ самымъ объявленіемъ манифеста 19 февраля, Погодинъ печатно сдѣлалъ воззваніе къ построенію въ Москвѣ церкви во имя Святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго.

Эту мысль воспріялъ съ сочувствіемъ старый товарищъ Погодина, С. А. Масловъ, и написалъ ему слѣдующее письмо:

„Съ какимъ сердечнымъ сочувствіемъ, при объявленіи царскаго слова о свободѣ крестьянъ, многіе прочли въ городскомъ листкѣ ваше приглашеніе къ построенію въ Москвѣ

памятника всенародной благодарности къ Богу за царя-человѣка и благодѣтеля двадцати-трехъ мильйоновъ освобожденныхъ. Присоедините къ нимъ и нѣсколько мильйоновъ ихъ братьевъ, радующихся объ ихъ освобожденіи. Мысль ваша и увѣренность въ христіански-благодарныхъ чувствахъ народа такъ вѣрна, такъ пришлась по-сердцу освобожденнымъ и радующимся за нихъ, что всякое промедленіе въ ея живомъ осуществленіи, всякое подчиненіе ея холоднымъ формамъ, противно ей и чувству всенародной благодарности къ Богу и нашему родному, доброму царю-освободителю. И до меня уже дошли слухи, что у васъ было нѣсколько освобожденныхъ, съ заявленіемъ готовности сдѣлать приношеніе на построеніе въ Москвѣ храма Божія, съ неугасимою лампадою, выражающею вѣчную, пламенную молитву народа за царя-благодѣтеля. За чѣмъ дѣло? Почему имена этихъ передовыхъ людей, искреннеблагодарныхъ за свободу, до-сихъ-поръ неизвѣстны? Въ чемъ же затрудненія? Развѣ мы не видимъ, что двѣ дамы высшаго сословія, по христіанскому состраданію къ Болгарамъ и Славянамъ, нѣсколько уже лѣтъ собираютъ для нихъ приношенія, и дѣло дѣлается просто, безъ формъ канцелярскихъ. Пожертвованія присылаются или къ нимъ прямо, или чрезъ редакцію *Московскихъ* и другихъ *Вѣдомостей*; объ нихъ отдаются отчеты гласно, открыто. Почему же не начать теперь же сбора на памятникъ всенародной благодарности, именно на храмъ Божій въ Москвѣ, по мысли, вамъ внушенной. „Мысли добрыя, гости небесныя, откуда вы къ намъ прилетаете“? говаривалъ незабвенный Алтайскій миссіонеръ, архимандритъ Макарій. Къ вамъ прилетѣла такая мысль, спустилась изъ головы въ сердце, согрѣлась его любовію къ царю и къ народу Русскому, котораго душу вы поняли лучше многихъ, отгадали въ ней завѣтное чувство, и предложили построить въ Москвѣ храмъ благодарности къ Богу за царя-благодѣтеля. Высказанная вами мысль—вотъ фундаментъ этого храма; матеріалы для него—въ сердцахъ народа. Эти невидимые, духовные матеріалы благодарнаго чувства облекутся въ веще-

ственные, по-мѣрѣ усердія и способовъ каждаго. И денежка бѣдняка, опущенная въ храмовую кружку, будетъ оцѣнена Сердцевѣдцемъ такъ, какъ мы и оцѣнить ее не сумѣемъ. И такъ, вы первый призваны быть храмоздателемъ въ чувствахъ народа; не откажитесь же и отъ осуществленія доброй мысли, такъ ему близкой и понятной; пригласите къ тому всѣхъ, вамъ сочувствующихъ, а ихъ много и между искренне-радующимися ихъ свободѣ. Но дайте просторъ участвовать въ этой радости и другимъ сословіямъ. Сколько найдется въ одной Москвѣ, а за ней и во всей Россіи, богатыхъ купцовъ, фабрикантовъ, и цеховыхъ, и мѣщанъ, родныхъ и близкихъ освобожденнымъ?—и всѣ они съ радостью, по силѣ помочи, примутъ участіе въ народномъ храмозданіи. Найдутся и другіе участники въ построеніи храма для вѣчной, общей молитвы за царя-благодѣтеля. Ему уже создается несокрушимый памятникъ въ Исторіи человѣчества, и вы, какъ историкъ Русскій, лучше другихъ это видите и сознаете. Но если храмъ Василія Блаженнаго воздвигнутъ Грознымъ въ память покоренія Казани, а храмъ Спасителя—въ память освобожденія Москвы и Россіи отъ нашествія Французовъ въ 1812 году, то какъ не быть въ этомъ сердцѣ Россіи памятнику благодарности народа за свободу двадцати-трехъ мильйоновъ душъ, которою обрадовалъ ихъ императоръ Александръ II. Да, такъ будетъ, и мысль ваша, высказанная языкомъ сердечнымъ, понятна народу. Будьте же вы и первымъ ктиторомъ народной благодарности, откройте у себя подписку на приношенія и пригласите къ тому редакторовъ *Вѣдомостей*. Вамъ всѣ повѣрятъ. Вы будете отдавать отчетъ о приношеніяхъ гласно, какъ редакція *Московскихъ Вѣдомостей*, и дѣло начнется и пойдетъ просто, не запутываясь въ формальностяхъ, которыми можно задушить вашу мысль, какъ новорожденнаго ребенка—а это такое преступленіе противъ двадцати-трехъ мильйоновъ людей благодарныхъ, что объ немъ страшно и подумать.

И такъ, съ Богомъ, добрый товарищъ! А чтобы не отстать

отъ передовыхъ людей, къ вамъ являвшихся съ готовностію на приношенія, то, при разсказѣ о томъ, двое и не крѣпостныхъ, такъ были тронуты ихъ чисто-христіанскимъ поступкомъ, что тутъ же поручили мнѣ передать вамъ, отъ неизвѣстныхъ, 50 рублей, какъ ктитору, на зданіе храма благодарности къ Богу и царю, за свѣтлый праздникъ для всей Россіи. Да празднуется 19-е число февраля на вѣчныя времена, въ память нашего родного желаннаго царя-человѣка, Александра II."

Между тѣмъ, самъ Погодинъ писалъ, что „есть почтенные люди, которые желали бы лучше вмѣсто церкви учредить, въ память славнаго дня, какое-нибудь благотворительное заведеніе.

Прекрасно! Я не имѣю ни слова противъ. Но кто же и что же мѣшаетъ намъ по одну сторону церкви устроить больницу, а по другую богадѣльню.

Я сказалъ о церкви, потому-что церковь, слава Богу, всего понятнѣе, ближе къ сердцу и къ головѣ народа, чѣмъ благотворительное заведеніе. На церковь съ радостью крестьянинъ дастъ что̀ можетъ, а на заведеніе—остановится.

Другіе сомнѣваются, что не достанетъ денегъ на сооруженіе церкви, что нужно имѣть впередъ нѣсколько тысячь для обезпеченія постройки — а я скажу, и сколько угодно прозакладую, что денегъ собрано будетъ съ излишкомъ; а я скажу, что не тысячи нужны для начала, а нужна именно одна копѣйка, за которою посыплются и тысячи. Умѣйте только собирать ихъ. Не надо собирать ихъ у генералъ-губернатора или у митрополита. Ни къ генералъ-губернатору, ни къ митрополиту, не пойдетъ и не осмѣлится пойти ни одинъ крестьянинъ съ своимъ пятакомъ или гривною. Помилуйте, развѣ вы не знаете, что въ воротахъ всякаго генералъ-губернатора и всякаго митрополита стоитъ сторожъ, въ мундирѣ или тулупѣ. Вотъ онъ и спрашиваетъ у доброхотнаго дателя: Что ты за человѣкъ?—Никита Терентьевъ.—Чего тебѣ надо?—Принесъ по-мочи по-силѣ на церковь. — Сколько? —

Семитку. — Ахъ, ты, болванъ, пущу я тебя съ семиткою вверхъ. Прочь—и въ-зашей доброхотнаго дателя, Никиту Терентьева, который и сообщитъ извѣстіе Филькѣ, и Симеону, и Григорью Панкратьичу, и, почесавъ затылки, всѣ они порѣшатъ, что нельзя дѣйствительно семитками обезпокоивать высокія лица. А больно тебя погладилъ жиндаръ? — Насилу опомнился, такъ хватилъ лѣшій!

Въ мелочныхъ лавочкахъ, безъ всякаго участія полиціи и всякой власти, пусть собирается подписка или поставится кружка—дѣло закипитъ.

Будьте увѣрены, что ни въ одной лавочкѣ не пропадетъ копѣйки, и все въ цѣлости представлено будетъ въ канцелярію.

Одинъ, вѣроятно, молодой человѣкъ, написалъ ко мнѣ письмо съ цитатами о Kritik und Negation. Я отвѣчалъ ему на оборотѣ письма, что подумалъ ли онъ о нравственномъ состояніи того народа преимущественно, гдѣ господствуетъ Kritik und Negation. Эти свойства хороши, нужны, важны и полезны въ развитіи человѣка, но оборони Богъ, если они захозяйничаютъ въ народѣ. Моя статья написана была задолго до манифеста. Тогда многіе боялись худа при объявленіи. А отъ крестьянина, который подумаетъ о церкви, можно уже было не ожидать никакого худа“.

Эта статья оскорбила протоіерея А. В. Горскаго, и онъ, 26 сентября 1861 года, писалъ Погодину: „Что касается до продажи *Краснаго Яичка*, признаюсь не могу примириться въ душѣ съ тѣмъ, что сказано о митрополитѣ. И потому думаю, книжка ваша у меня пролежитъ долго“.

На сторону митрополита Филарета и протоіерея Горскаго стала и графиня А. Д. Блудова, такъ что Погодину пришлось и съ нею вступить въ полемику. Она писала ему: „Я справлялась на счетъ приношеній для церкви. Вотъ что мнѣ отвѣчали: затѣять такое большое дѣло (т.-е. требующее большихъ средствъ) неловко, не зная, удастся ли оно (т.-е. точно ли захотятъ безъ подстреканія

со стороны, мужики *всѣ* участвовать въ такомъ дѣлѣ). Я думаю, захотятъ и стоитъ только объявить: что тамъ-то, или тамъ принимаютъ сборы. Но я должна сказать, что я нахожу весьма похвально желаніе *не* стѣснять желаніе, чтобы въ такомъ святомъ дѣлѣ не было тѣхъ принудительныхъ мѣръ—тѣхъ *наказовъ*, которые, къ несчастію, у насъ такъ часто наказываютъ подъ именемъ добровольныхъ приношеній. Опасеніе *такого* рода дѣлаютъ честь тѣмъ, которые чувствуютъ ихъ. Опасеніе, чтобы все это не вышло *пуфъ*, чтобы, начавъ сгоряча въ Москвѣ, не отозвались бы на это въ губерніяхъ мнѣ кажется не совсѣмъ основательнымъ. По крайней мѣрѣ между дворовыми ваша статья произвела и здѣсь большое впечатлѣніе; и мысль понравилась о церкви. Я думаю, еслибъ сказано было *гдѣ именно* принимаютъ деньги, то больше бы выказалось охоты—а то теперь они идутъ на частные вклады по деревенскимъ церквамъ. Мнѣ поручила одна особа, имѣющая вѣсъ, сказать вамъ, чтобы вы съѣздили къ митрополиту и къ генералъ-губернатору, сказали бы имъ о людяхъ къ вамъ обращающимся и просили бы митрополита взять на себя принимать и хранить всѣ присылаемыя деньги. Скажите его высокопреосвященству что это поручила мнѣ написать къ вамъ одна ему извѣстная и имъ весьма уважаемая особа, которая не разъ обращалась къ нему на счетъ помощи для построекъ разныхъ церквей. И вы и онъ догадаетесь кто это, а именъ писать по почтѣ не люблю".

Въ томъ же письмѣ графиня Блудова сообщаетъ Погодину о пріемѣ Государемъ крестьянской депутаціи, во главѣ которой домогался стать какой-то полковникъ; но когда пришли крестьяне съ хлѣбомъ-солью, то сказали полковнику, что тутъ ему не мѣсто, и „вызвали старика, который и поднесъ Государю хлѣбъ-соль; замялся-было сначала рѣчи—но потомъ, просто высказалъ прямо чувства свои: „Мы, батюшка, пришли къ тебѣ великому Государю нашему—благодарить за великое благодѣяніе. Ходили мы въ Невскій. Молебенъ служили,—а теперь кланяемся тебѣ,—принесли хлѣбъ-соль

да нашу вѣчную благодарность. Ты насъ отпустилъ на волю и мы за тебя молить Бога будемъ во всю жизнь да и дѣти наши и внуки тебя будутъ благословлять во вѣки. А ты не бойся, чтобъ мы не умѣли себя держать. Знаемъ, что мы хоть вольные теперь—а обязаны долгъ свой исполнять. И будемъ, батюшка, такъ вести дѣла, что тебя не обидимъ—ничѣмъ тебя не огорчимъ. Все будетъ въ порядкѣ—чтобъ тебѣ никогда не каяться, что ты насъ волею подарилъ". Такъ пересказалъ мнѣ слова бывшій свидѣтелемъ этой сцены человѣкъ. Государь былъ видимо тронутъ именно простотою этою, и отвѣчалъ прекрасно: „Будемте вмѣстѣ благодарить Бога, что Онъ сподобилъ меня великаго счастія исполнить наконецъ давнишнее мое задушевное желаніе освободить васъ. Это было постоянное желаніе и отца моего покойнаго, во всю его жизнь, но ему Богъ не далъ дожить до этого дня. Въ васъ же я увѣренъ! Я знаю, что мой народъ не огорчитъ меня никакими безпорядками. Я вамъ далъ права свободныхъ людей; гдѣ есть право, тамъ и обязанность.—Вы ваши обязанности будете точно исполнять, я увѣренъ.—Я увѣренъ что никогда не подадите поводъ мнѣ, раскаяваться въ томъ, что̀ я для васъ съ Божіею помощію сдѣлалъ. Будемъ вмѣстѣ благодарить Бога"!

Великіе князья всѣ были тутъ же въ сѣняхъ съ Государемъ. — Великій Князь Константинъ Николаевичъ былъ въ восхищеніи. Великій Князь-Наслѣдникъ очень тронутъ".

На первую часть письма графини Блудновой, Погодинъ писалъ тоже, что̀ такъ возмутило протоіерея Горскаго

„Помилуйте",—писалъ онъ,—„къ его высокопреосвященству и его высокопревосходительству кто же осмѣлится идти съ пятаками-гривнами. Да по дорогѣ сторожа, солдаты и швейцары поколотятъ бѣднаго въ шею такъ, что онъ своихъ не узнаетъ. Въ мелочныхъ лавочкахъ—вотъ гдѣ пусть собираютъ, да безъ нашего вѣдома и непосредственнаго участія. Вы хвалите опасеніе. Оно также нелѣпо и доказываетъ незнаніе Русскаго человѣка, какъ нелѣпо было опасеніе бунта, 19 фев-

раля. И я вамъ теперь отвѣчаю головою, что соберется не только на церковь, но и на больницу при ней и богадѣльню. Только не пускайте въ дѣло полицію и мѣстныхъ всякихъ властей. Радость украдена на минуту первую, какъ хотите, потому что ни одного слова народъ не понялъ, ни въ манифестѣ, ни въ *Положеніи*".

„Какой же вы еще хотите радости",—писала Погодину графиня Блудова, — „шумной и кабачной? Отчего *украли* радость у народа? Его радость, какъ радость въ день причащенія Святыхъ Таинъ, которую никто отнять не можетъ. Одно только нехорошо, но виноватъ не манифестъ, а *Положеніе*,—это двухлѣтняя барщина" [10]).

IV.

Послѣ „незабвеннаго" воскресенья 5-го марта, Погодинъ „заперся дòма, и двѣ недѣли сидѣлъ безвыходно, только принималъ иногда посѣтителей, которые, впрочемъ, являлись довольно рѣдко, потому что сообщеніе съ Дѣвичьемъ Полемъ, за распутицею, если и несовсѣмъ прекратилось, то, по крайней мѣрѣ, затруднилось".

Изъ затвора своего Погодинъ вышелъ только 18-го марта, и обѣдалъ на именинахъ, „въ семействѣ средняго сословія, гдѣ были и помѣщики, съ порядочнымъ, по старой таксаціи, состояніемъ. Послѣ обѣда провелъ часа два въ домѣ высшаго образованія, съ людьми очень либеральными и, вмѣстѣ, исконными дворянами. Вечеръ былъ раздѣленъ между двумя учеными обществами „Любителей Русской Словесности" и „Исторіи и Древностей Россійскихъ". Наконецъ, ужиналъ онъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми учеными, у помѣщика богатаго, хозяина, изучившаго крестьянскій вопросъ con amore, теоретически и практически".

Такимъ образомъ, Погодинъ выслушалъ и увидалъ, въ продолженіе дня, по крайней мѣрѣ, человѣкъ сорокъ, и чтò

же—двухъ голосовъ не было совершенно одинаковыхъ, двухъ мнѣній не было вполнѣ сходныхъ:

Одинъ кричитъ арбуза,
Другой соленыхъ огурцовъ.

И, на возвратномъ пути, ему пришли на память стихи изъ *Притчей* Сумарокова:

Ужъ если слушать всѣ людскія рѣчи,
Придется и осла взвалить на плечи.

Узналъ Погодинъ, между прочимъ, и многіе отзывы, нетолько неблагопріятные, но даже бранные, о его статейкѣ, написанной въ февралѣ, въ ожиданіи манифеста, статейкѣ, по собственному сознанію автора, искренней, мирной, доброжелательной, имѣвшей цѣлью воздать всѣмъ должное, кому *урокъ*, кому *дань*, кому *честь* (никому только *страха*). Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ уповалъ, что „придетъ время, когда взглянется на дѣло хладнокровнѣе и безпристрастнѣе: тогда и порицатели выразумѣютъ меня лучше, сознаются, что я говорилъ правду, желая всѣмъ добра. А говорить я не перестану, сколько могу, потому что считаю это своимъ долгомъ и своею службою; дѣла никакого у меня другаго нѣтъ, и мнѣ кажется, что если когда, то именно, въ наше время, въ круговоротѣ нынѣшняго смѣшенія языковъ, голосъ искренній, свободный, внѣ всякихъ личныхъ интересовъ, безъ всякихъ заднихъ мыслей, имѣетъ свое значеніе и свою пользу“.

Основываясь на этомъ убѣжденіи объ обязанности говорить и писать, Погодинъ рѣшился теперь предлагать свои мысли о тѣхъ или другихъ насущныхъ предметахъ—афоризмами, любимой формой, какъ онъ пишетъ, „моей молодости (которыхъ, въ тридцатыхъ годахъ, не поняли учителя Исторіи). Я буду предлагать ихъ гомеопатическими порціями, по тому соображенію, что короткія строки, въ наше бурно-дѣятельное время, скорѣе обратятъ на себя вниманіе и вызовутъ хотя безпристрастныхъ, нейтральныхъ людей, на серьез-

ное размышленіе. Читатели не должны, слѣдовательно, удивляться, если они увидятъ зданіе не въ соразмѣрности съ этимъ обширнымъ крыльцомъ. Намъ теперь не до архитектуры; мы предоставимъ красивые фасады молодымъ художникамъ, которые объ нихъ только и заботятся, а тепло ли, холодно ли во внутреннихъ покояхъ, имъ до того нѣтъ вѣдь дѣла, намъ же—наоборотъ“.

Плодомъ одиннадцатидневнаго уединенія Погодина было его разсужденіе, напечатанное въ газетахъ подъ заглавіемъ: *Наше время въ отношеніи къ Русской Исторіи.*

„Время“,—писалъ Погодинъ,—„въ которое мы живемъ, событіе, которому намъ случилось быть свидѣтелями, въ которомъ должны мы были принять участіе, вліянію котораго, по необходимости, всѣ мы подвергаемся, есть событіе наиважнѣйшее, наивеличайшее, наивысочайшее,—имени ему нѣтъ, какъ нѣтъ и примѣра!

Съ 23 мильйоновъ человѣкъ, однимъ движеніемъ пера, спали мгновенно вѣковыя, тяжелыя оковы; 23 мильйона человѣкъ изъ вещей сдѣлались лицами, и получили всѣ человѣческія права.

Ну гдѣ же это бывало?

Сѣверо-Американскіе Штаты освободились отъ Англіи, но это освобожденіе не простиралось и на десятокъ мильйоновъ, и зависимость колоній отъ митрополіи, что̀ же значила съ зависимостью крѣпостныхъ крестьянъ, которыхъ можно было покупать, продавать, закладывать, проигрывать, и проч.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

Двадцать три мильйона получили свободу. Это не все, это еще половина, меньше половины событія... Слушайте: эти двадцать три мильйона получаютъ себѣ, на извѣстныхъ условіяхъ, землю въ пользованіе, которая обезпечиваетъ на вѣки вѣковъ ихъ существованіе.

Канты, Шиллеры, Руссо, Вильберфорсы, снимайте шляпы, творите земные поклоны. Какъ это? Возможно ли? Что̀ за

чудо? Молчите и слушайте дальше: Двадцать три мильйона крѣпостныхъ крестьянъ получаютъ землю въ пользованіе, а у прочихъ она уже есть, такъ что въ Россіи вскорѣ будетъ 70 мильйоновъ землевладѣльцевъ, самостоятельныхъ, общинныхъ и особенныхъ, да еще мѣста предложить у себя хоть семи стамъ мильйонамъ—милости просимъ съ вашими капиталами, познаніями, опытами; мы отведемъ вамъ землю, сколько надо. Это

...„для насъ не составляетъ много"!

Адамъ Смитъ, Сисмонди, Сей, Рикардо,—и ты, несчастный Мальтусъ, святотатственно налагавшій свою руку на законы человѣческаго размноженія, дерзавшій сказать: „остановитеся и воздержитеся", вопреки Творцу, повелѣвшему: „раститеся и множитеся"! Политическая экономія, наука о финансахъ, государственное хозяйство—всѣ камеральные факультеты, съ докторскими париками Геттингена, Оксфорда и Сорбоны, что̀ вы объ этомъ думаете? Сен-Симонъ, Фурье, Прудонъ и отецъ Анфантенъ, какъ вы объ этомъ разсуждаете? Не хотите ли и вы пожаловать къ намъ въ гости: икаріи у насъ готовы, и фаланстеріямъ нѣсть числа: село Богоявленское, село Патрикѣево, Спасъ-Берендѣевка, и проч. и проч.

Вся эта, семдесятъ мильйоновъ обнимающая, операція, послѣ трехлѣтняго почти разсужденія, *дверемъ затвореннымъ*, оглашается вдругъ, на пространствѣ, равномъ всей Европѣ, и приводится въ исполненіе такъ, что ни одинъ листикъ съ дерева нигдѣ не падаетъ, всѣ дѣла идутъ по старому, ни шатко, ни валко, ни на сторону, безъ малѣйшаго волненія, ни отъ выигрывающихъ, ни отъ проигрывающихъ, какъ-будто бъ ничего не происходило необыкновеннаго. Но... воля ваша.... это вѣдь явленіе удивительное! Монтескьё, Макіавелли, Маколей, встаньте хоть вы изъ могилы, да растолкуйте намъ, одеревенѣвшимъ и окаменѣвшимъ людямъ, намъ, тупоголовымъ и узколобымъ, что̀ это значитъ, чего это сто̀итъ;

а вы, Теккерей, Диккенсъ, Викторъ Гюго, постарайтесь это въ сказкѣ сказать или перомъ написать.

(Прибавимъ еще, для курьеза, что народъ, преданный, говорили, пьянству, внезапно отрезвляется и на радостяхъ не только не пьетъ до-пьяна, но еще уменьшаетъ свою порцію).

Всѣ эти семдесятъ мильйоновъ уравниваются въ своихъ правахъ. Нестало между нами никакихъ привилегій, какъ было за тысячу лѣтъ, при основаніи государства; живи всякой, какъ тебѣ угодно, выбирай дѣло, которое тебѣ по сердцу, и получай слѣдующую за него награду сполна, по писанію: *достоинъ дѣлатель мзды своея*. Хочешь пахать землю—ну, ты крестьянинъ; хочешь торговать—записывайся въ гильдію и вступай въ купеческое сословіе; ловокъ ты руками работать—иди на фабрику; любопытство тебя одолѣваетъ: тебѣ хочется знать все какъ и что—иди въ училища; университеты, академіи настежь растворены; хочется тебѣ писать—вотъ тебѣ перо и чернильница (только, братъ, сперва по линеечкамъ, а то, по первопутенкѣ, пожалуй, можно сбиться съ дороги и забрать слишкомъ налѣво, либо направо).

И все это сталося вдругъ, въ одно истинно-прекрасное утро.

Ну не чудо ли это?

Я крестьянинъ, и имѣю, могу имѣть, всѣ права, какія есть въ государствѣ; у меня нѣтъ никакого повода, никакого разумнаго основанія, завидовать кому бы то ни было.

Франція снискала себѣ когда-то уравненіе правъ, но она получила ихъ цѣною революціи, а сколько крови пролито въ продолженіе революціи—до сихъ поръ еще не подвели итоговъ ни Минье, ни Тьеръ, ни Ламартинъ.

Англія получила Magnam chartam, Habeas corpus, но какою цѣною, за какіе труды, посредствомъ какихъ усилій!

А сколько книгъ головоломныхъ написала Германія, выработывая свои Grundrechte: постоитъ какой угодно войны, съ сраженіями, осадами, побѣдами и пораженіями.

И несмотря на головоломныя сочиненія Германіи, несмотря на геніальныя практическія соображенія Англіи, несмотря на пролитую кровь Франціи, все-таки не добрались они до настоящаго равенства, и теперь еще Французы и Нѣмцы полѣзутъ на стѣну изъ-за *de* и *von*, а Англійскій лордъ причисляетъ простолюдина къ особой породѣ. Нѣтъ, слѣдовательно, и не можетъ быть у насъ, по Исторіи, зависти, злобы, ненависти между сословіями, нѣтъ также и сословной гордости, и мнѣ столько же легко, даже лестно, почетно признать свое крестьянское происхожденіе, сколько разсіяющему князю нетрудно обходиться со мною по-пріятельски, за пани-брата, и подчасъ подождать меня въ пріемной комнатѣ. А почитайте-ка вы, какъ герцогу Кумберландскому долженъ былъ кланяться въ поясъ Гиббонъ, слышите кто, Гиббонъ! И какъ геніальный Гёте кичился званіемъ тайнаго совѣтника великаго герцогства Веймарскаго, которое помѣстится просторно въ любомъ нашемъ уѣздѣ.

Къ вамъ теперь обращусь я, доморощенные наши историки-самозванцы, покойные и безпокойные, вы, препрославленные кумами-журналистами, вы, отвергавшіе сравненіе Русской Исторіи съ западною, и, наконецъ, вы, нагло восклицавшіе, что у насъ нѣтъ Исторіи! Что̀ вы скажете объ этихъ явленіяхъ?

Но мы вооружались противъ Древней Исторіи, ворчатъ они, пристыженные, а это Новая.

Да развѣ Новая Исторія не отъ Древней происходитъ? Развѣ можно устье отдѣлить отъ истока, несмысленные! Ну, вотъ вамъ событіе и изъ Древней Исторіи, которую, впрочемъ, вы еще меньше понимаете, несмотря на свои умничанья, кои разлетаются въ прахъ при первомъ прикосновеніи критики. Уничтоженіе мѣстничества. Это событіе—столь же знаменательное, хотя, разумѣется, въ мѐньшемъ размѣрѣ: собственныя права свои (какія бы ни были, все равно—довольно, что они представлялись самыми дорогими, кровными), собственныя права свои старое боярство кладетъ на костеръ,

подгребаетъ уголья, и сожигаетъ торжественно на площади — и когда? Когда не было помину ни объ какихъ интересахъ, ни о какомъ прогрессѣ и ни о какой гуманности, когда не было никакихъ образцовъ, да и знать ихъ никто не хотѣлъ. Но развѣ дворянству принадлежитъ мысль о сожженіи разрядныхъ книгъ? Кому же? Не Θеодору же Алексѣевичу, который, по болѣзни своей, ни объ чемъ и не думалъ; не народу, которому до разрядныхъ книгъ не было дѣла. Русскому толку, если хотите, принадлежитъ это славное дѣяніе, тому толку, который призвалъ Рюрика, въ надеждѣ отъ него порядка, составилъ Судебникъ, избавилъ Москву отъ враговъ, избралъ Михаила, издалъ Уложеніе, возвелъ на престолъ семнадцатилѣтняго юношу Петра I, сжегъ Москву, при Французахъ, на который и теперь, по мудрѣйшему слову въ манифестѣ, Государь полагается при приведеніи въ исполненіе величайшаго въ мірѣ преобразованія.

Любопытно узнать, какъ Европа смотритъ на то, что̀ у насъ происходитъ — вѣрно диву дается: что̀ это за чудище Россія, думаютъ Нѣмцы, Французы, Англичане. Именно чудище, господа, котораго мы сами выразумѣть не можемъ, а вамъ, съ своими западными масштабиками, и соваться нечего.

А между тѣмъ, у насъ, въ эту славную эпоху, слышатся, по угламъ, ропотъ, жалобы, неудовольствія: иной ворчитъ, другой хмуритъ брови, кто надуваетъ губы; не одни правые, но и лѣвые, и середніе. Такъ, видно, бываетъ всегда въ эпохи великихъ событій: люди вблизи радуются наименѣе, и только издали великолѣпная картина является во всемъ своемъ блескѣ.

Неудовольствія, жалобы, роптанія, хоть и самыя тихія — все-таки, по моему мнѣнію, есть явленіе временное. Съ каждымъ днемъ они будутъ становиться тише и тише, и скоро умолкнутъ вовсе: обозначится положеніе, уяснятся выгоды и невыгоды, придумаются средства, и непремѣнно удовлетворятся законныя права и требованія. Я стою твердо на своемъ,

что никто ничего потерять не долженъ, дворяне всѣхъ менѣе. Вознагражденіе или обезпеченіе ихъ должно пасть на весь народъ, разложиться на Всероссійскій міръ.

Какъ бы то ни было, музыка написана, ноты розданы — разыгрывать нашé общее дѣло. Достанемъ инструменты, разсядемся получше, какъ училъ дѣдушка Крыловъ...

Впрочемъ, на первый разъ афоризмовъ довольно".

V.

„Дѣло по-истинѣ—громадное",—писалъ И. С. Аксаковъ, въ Вѣну, къ протоіерею М. Ѳ. Раевскому,—„необъятное, великое и святое, но важно тутъ собственно произнесенное слово, уничтоженіе крѣпостного права и заявленіе принципа о нераздѣльности крестьянъ съ землею. Самый же манифестъ написанъ уродливо, на какомъ-то Татарскомъ языкѣ; *Положеніе* въ высшей степени запутано многосложно... Ни крестьяне, ни помѣщики не удовлетворены. Крестьяне говорятъ: „тутъ что-нибудь не такъ: будетъ настоящая воля, а то—что это за воля: иди на барщину"!... Мудрый народъ нашъ принялъ извѣстіе серьезно и важно: онъ не вѣтреный, не взбалмошный, не легкомысленный западный народишка".

Изъ Курской губерніи князь Н. Н. Голицынъ написалъ Погодину восторженное письмо. „Что скажу вамъ",—писалъ онъ,—„какъ только счастья, любви и радости... Отъ избытка сердца глаголютъ уста! Совершилось! И мы бодро ступили великій шагъ, который порвалъ навсегда оковы наши на поприщѣ современной и будущей Исторіи. Боже, на яву ли все это? спрашиваешь себя всякій день и съ радостью видишь, что все совершается въ очію, въ тѣлѣ и плоти. Да, великій день взошелъ для Россіи! Что, Михаилъ Петровичъ, если бы воскресли мертвые, наши добрые страдальцы за славу Русскую, если бы изъ земли поднялись Посошковъ, Петръ, Радищевъ, Карамзинъ, Пушкинъ и другіе недавно отшедшіе братіе—что сказали бы они, видя осуществленіе своихъ, только

едва смутныхъ думъ и сердечныхъ пожеланій? Взглянувъ на новую славу Россіи, воздавъ хвалу царю, помолясь Богу, они, съ чувствомъ счастія и свѣтлой радости, сказали бы подобно Симеону: *Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыка, съ миромъ...* На нашу долю выпали эти мгновенія великія, святыя; намъ удалось быть свидѣтелями событія всемірнаго. Зачѣмъ же смерть скосила за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ Шеншина, Хомякова, Аксакова и многихъ другихъ, которые тоже ждали, чтобы этотъ день смежилъ имъ очи... Помолимся о нихъ. Великій часъ пробилъ, но задача впереди: выполненіе ея есть наше дѣло. Успѣхъ въ этомъ дѣлѣ будетъ служить мѣриломъ той степени нашего развитія, на которомъ стоитъ теперь общество, успѣхъ покажетъ, въ какой степени мы готовы къ исторической жизни... Реформа велика въ настоящемъ... Громадна она въ будущемъ. Разовьются дары Богомъ данные Русскому человѣку. Окрѣпнутъ его способности, освѣжится, усилится его дѣятельность на благо и славу, просвѣтится Русь. *Измѣнится и Русская пѣсня и вмѣсто чувства грусти и звука тоски и тайной скорби, прозвучитъ она громко и свѣтло на весь Русскій міръ...* Когда-то будетъ! Увидятъ это наши дѣти, а намъ безпристрастнымъ перомъ историка слѣдуетъ лишь вписать въ нашу современную хартію: *...Александровъ день*"!

Но предсказаніе князя Н. Н. Голицына о судьбѣ Русской пѣсни не оправдалось.

Звенигородскій предводитель Дворянства графъ Павелъ Сергѣевичъ Шереметевъ, познакомившись съ этимъ письмомъ князя Н. Н. Голицына, писалъ мнѣ: „Пѣсни поющіяся въ настоящее время, напримѣръ въ Звенигородскомъ уѣздѣ, свидѣтельствуютъ не о возрожденіи напѣвовъ, о которомъ мечталъ князь Н. Н. Голицынъ, а наоборотъ, объ упадкѣ поэтическаго чувства въ современномъ крестьянскомъ поколѣніи. Пѣсни фабричныя, такъ-называемыя *болтушки* или *прибаутки*, съ залихватскимъ напѣвомъ, заслонили старую пѣсню. Если она еще поется, то только болѣе пожилыми крестья-

нами, кое-когда еще иными дѣвушками, неуспѣвшими набраться столичнаго духа, да и то не вездѣ. Это повальное опошленіе въ пѣснѣ идетъ вмѣстѣ съ перемѣнами во всемъ обиходѣ: мѣняется типъ избъ, внутренняго убранства, одежды. Вмѣсто старыхъ избъ съ крутыми крышами, теперь вы видите сплошь и рядомъ маленькіе домики съ желѣзной крышей и какимъ-то уродливымъ, глупымъ глазомъ, изображающимъ слуховое окно. Вся постройка походитъ на голову безъ лба. „Спинжакъ" господствуетъ у насъ повсюду. Если случится вамъ выйти вечеромъ на улицу, не ждите услыхать старыхъ пѣсенъ и хороводовъ. Ихъ уже у насъ не водятъ. Дѣвушки и парни слоняются по селу и оглашаютъ воздухъ безобразными оглушительными „прибаутками", образецъ которыхъ позвольте привести въ подлинникѣ:

Какъ у мельницы крупчатки
Подарилъ милый перчатки....
Дура, дура не брала,
Отъ него рожу драла.

Изрѣдка только иной старикъ, и то по просьбѣ, споетъ *Степь Моздоцкую*, или *Не бѣлы снѣги*, да пастухъ на жилейкѣ заиграетъ старую, чудную пѣсню...

По свидѣтельству самихъ старожиловъ, не разъ мной слышанному, въ прежнее время, т.-е. какъ разъ во времена крѣпостного права, часто раздавалась на селѣ веселая пѣсня. „Нынче и гулять-то не умѣютъ", говорятъ старики и это не есть одно недовольство старыхъ людей и брюзжаніе на новую жизнь. Не разъ говорилъ мнѣ и князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, владѣлецъ древняго сосѣдняго села Петровскаго, что его поражаетъ исчезновеніе въ деревнѣ веселой, радостной пѣсни, именно въ настоящее время, и онъ вспоминаетъ прошлые годы съ сожалѣніемъ. По словамъ же одной дворовой женщины, у нихъ „и господа были веселые и народъ былъ веселый".

Вспоминается мнѣ и отзывъ одного стараго почтеннаго крестьянина:

— „Нынче пошелъ народъ трактирный, кабацкій и нѣтъ ему настоящей цѣны". Все это заставляетъ задуматься о современномъ ходѣ Русской *цивилизаціи*".

Въ книгѣ *Россія* мы читаемъ: „Городская и фабрично-заводская *цивилизація* не преминула оказать вліяніе и на народную поэзію: появилась лишенная поэзіи фабрично-городская пѣсня. Она извѣстна въ народѣ подъ названіемъ *частушки*, *припѣвки*, *сбирушки*, *набирушки*, *вертушки*. Напѣвъ ихъ въ большинствѣ случаевъ, однообразный, музыкальная тема бѣдная по замыслу, съ пошлымъ оттѣнкомъ. Поются онѣ чаще всего на деревенскихъ *посидкахъ*, какъ пѣсни плясовыя. Со стороны литературнаго своего достоинства представляютъ безсмысленный рифмованный наборъ словъ, а другія довольно вѣрно характеризуютъ теперешнюю народную жизнь".

Изъ Флоренціи, 13 апрѣля 1861 года, Шевыревъ писалъ М. А. Максимовичу: „Теперь утѣшила и порадовала вѣсть объ освобожденіи крестьянъ. Премудрый и добрый народъ нашъ такъ славно принимаетъ свободу. На Западѣ, не зная насъ, думали: вотъ Россія вся верхъ дномъ станетъ. Анъ, не тутъ-то было! Мы и сами, не зная крѣпости древней основы, заложенной предками въ народѣ, также думаемъ объ немъ... Народъ изумляетъ насъ своею мудростію и спокойствіемъ, а гдѣ имъ разгадка?—Въ силѣ его вѣры и въ любви, безъ нея же вѣра мертва".

Но вскорѣ послѣ этого письма, Шевыревъ писалъ Погодину: У насъ били домашнія непріятности. Слуги, привезенные нами изъ Россіи, подвигнутые слугами бaръ побогаче насъ и гуманистами-безбожниками, Ростовцовымъ, Фрикеномъ и другими, не стерпѣвшими моихъ лекцій, взбунтовались противъ насъ и насъ оставили. Мы распорядились хозяйствомъ при здѣшней прислугѣ—и теперь живемъ гораздо спокойнѣе и довольнѣе. Стоютъ они намъ еще дешевле, чѣмъ Русскіе, а служатъ вдвое лучше. Слуга теперешній вмѣстѣ и хорошій поваръ. Кондрату мы дали вольную передъ нашимъ отъѣздомъ, потому

что Маргарита не хотѣла идти за крѣпостного. Онъ, обѣщаясь за эту вольную прослужить намъ здѣсь два года, обманулъ и надулъ. Сколько стоило намъ перевести его сюда — и лишь только-что онъ, примѣнившись къ языку, начиналъ намъ быть нѣсколько полезнымъ, какъ оперщись на гуманистовъ, взбунтовался, сталъ грубить, отказываться отъ дѣла, и отошелъ... ... Онъ надѣялся на опору Ростовцова, который самъ призывалъ его къ себѣ, писалъ о немъ къ консулу, и послѣ самъ во всемъ винился передъ мною. Гуманистамъ ничего не стоитъ разрушить миръ, спокойствіе и здоровье честнаго семейства. Мы привезли слугъ, надѣясь на ихъ вѣрность и честное слово. Но нашлись добрые люди, которые помогли намъ найти здѣсь честныхъ и усердныхъ слугъ — и зло, которое сдѣлали безбожники, на меня сердитые, Богъ обратилъ въ добро. Въ лицѣ Кондрата отошло отъ меня послѣднее зловоніе крѣпости. Несносна была его служба. Лѣнтяй, неряха, грубіанъ, корыстолюбивъ, обжорливъ, онъ на силу двигался и казался страдальцемъ, котораго я терзаю. Теперь служитъ мнѣ свободный гражданинъ Италіи неутомимо, живо, усердно, и при всякомъ дѣлѣ и словѣ мнѣ въ глаза глядитъ, тогда какъ Кондратъ вѣчно былъ съ опущенными. Тяжело мнѣ было видѣть его при себѣ. Расходовъ меньше, а служба лучше. Но что̀ за баре! что̀ за гуманисты! Какъ они развѣсили уши, внимая его клеветамъ и жалобамъ на насъ, и заплатили ему за это пятьсотъ; а онъ новый Хлестаковъ въ слугахъ надулъ ихъ да и былъ таковъ“.

Въ то же время сынъ Шевырева, Борисъ Степановичъ, писалъ къ Погодину, изъ Клинской деревни своего отца, слѣдующее: „Въ деревнѣ, слава Богу, спокойно, но оброчныя недоимки возросли. Много такихъ, которые пользуясь настоящимъ положеніемъ, оттягиваютъ почти годъ платежъ оброка не отъ того, чтобы у нихъ не было денегъ, а надѣятся, что и такъ сойдетъ. Писалъ я къ Виктору, чтобы онъ узналъ отъ крестьянъ, не желаютъ ли они выкупить землю; получилъ отказъ; они еще думаютъ, что можетъ быть земля безъ выкупа отойдетъ къ

нимъ. Словомъ, они не вѣрятъ, а *Положенія* для нихъ непонятны" [11]).

VI.

„Признаюсь",—писалъ И. С. Аксаковъ,—„чѣмъ больше я читаю *Положеніе*, тѣмъ мнѣ грустнѣе становится, грустнѣе именно потому, что въ составленіи его участвовали близкіе мнѣ люди. *Положеніе* обличаетъ полную несостоятельность нашего интеллигентнаго класса. Нельзя безнаказанно одной рукой жестикулировать въ либеральномъ смыслѣ, а другой сѣчь; нельзя безнаказанно либеральствовать и въ одно и тоже время ссылать въ Сибирь Унковскаго, запрещать дворянамъ толковать на выборахъ и налагать молчаніе на Литературу. Черкассій говоритъ, не было другого практическаго выхода. Мнѣ до этого дѣла нѣтъ" [12]).

„Достоинство, пользу и удобство *Положенія* о крестьянахъ",—писалъ Филаретъ къ Антонію,—„трудно опредѣлить при чтеніи. Это яснѣе откроется на дѣлѣ. Да даруетъ Богъ, чтобы крестьяне умѣли воспользоваться тѣмъ, что̀ имъ дано, а помѣщики тѣмъ, что у нихъ осталось" [13]).

Еленевъ писалъ Погодину: „Вскорѣ по выходѣ *Положенія о крестьянахъ* вы писали гдѣ-то: „Взялъ въ руки *Положеніе*, сталъ читать, но темна вода во облацѣхъ". Вотъ я и подумалъ про себя: должно же быть въ самомъ дѣлѣ *Положеніе* наше неудобовразумительно, когда темна вода оказалась въ немъ такому даже грамотѣю, какъ Михаилъ Петровичъ, который умѣетъ читать и тамъ, гдѣ нашему брату ужъ ничего не разобрать. А что же будутъ дѣлать съ *Положеніемъ* наши мужички, для которыхъ эта книга—Новый Завѣтъ, краеугольный камень всей ихъ будущности? Недобро будетъ, если книжники и фарисеи овладѣютъ ключемъ разумѣнія и Новаго Завѣта, какъ то было съ Ветхимъ... Вотъ и положилъ я себѣ на сердце разъяснить для мужичковъ новое *Положеніе*".

Когда же стали доноситься слухи объ общемъ ропотѣ,

Погодинъ во избѣжаніе недоразумѣній и столкновеній, счелъ за благо написать двѣ *Грамотки*, коихъ цѣлію было „возбудить въ крестьянахъ благодарность и внушить терпѣніе, подвигнуть къ послушанію и исполненію остальныхъ обязанностей“.

Къ этому предпріятію Погодина поощрялъ самъ Николай Алексѣевичъ Милютинъ. „Позвольте прежде всего“,—писалъ онъ Погодину,—„выразить мое полнѣйшее сочувствіе къ вашему доброму намѣренію. Всѣми силами желалъ бы вамъ помочь, но, къ сожалѣнію, трудно это сдѣлать заочно. Личныя объясненія всего лучше отвратили бы всякія недоразумѣнія, а при многосложности дѣла, недоразумѣнія неизбѣжны. Чтобы сколько-нибудь помочь вамъ въ предпринимаемой вами работѣ, мнѣ не остается ничего болѣе, какъ препроводить брошюрку, которая была первоначально составлена въ видѣ матеріала, съ цѣлію: показать наглядно, въ какой постепенности будутъ вводиться новые порядки. Брошюрка эта, напечатанная въ видѣ корректуры, теперь исправляется и дополняется, а потому *перепечатывать ее пока нельзя*. Посылаю ее, въ видѣ секрета, собственно *для васъ*, дабы облегчить изученіе нашихъ обширныхъ *Положеній*. Примите все, какъ выраженіе самаго искренняго съ моей стороны желанія: видѣть скорѣе статью, написанную вами, въ которой заключалось бы популярное изложеніе новаго закона. По моему глубокому убѣжденію, литературные дѣятели, лучше всякихъ административныхъ мѣръ, могутъ обезпечить мирное введеніе новаго порядка, объясняя и популяризируя сущность закона, не для каждаго понятнаго и доступнаго. Кому же ближе это сдѣлать, какъ не вамъ, искренно уважаемый Михаилъ Петровичъ! Я надѣюсь, что такое убѣжденіе раздѣляютъ со мною и лица, власть имѣющія въ дѣлѣ цензуры. И такъ, помогите общему дѣлу, общей насущной потребности. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ литераторовъ, сколько мнѣ извѣстно, принялись также за подобную работу; но они, конечно, не истощатъ предмета, столь сложнаго и разнообразнаго. При томъ ихъ статьи едва ли пригодятся той массѣ читателей, которую всего нужнѣе

просвѣтить и надоумить. Одни дифирамбы да ученые трактаты недостаточны. Намъ самимъ, т.-е. оффиціальнымъ работникамъ, это дѣло совершенно недоступно: требуется взглянуть на новое преобразованіе со стороны, а мы, отъ долговременной и кропотливой работы, такъ погрузились въ подробности и частности, что потеряли способность схватить общія очертанія. Не откажитесь же отслужить еще важную службу общественному дѣлу. А я буду истинно счастливъ, ежели могу и впредь быть чѣмъ нибудь вамъ полезенъ" [14]).

Желаніе и просьба Н. А. Милютина были исполнены. Наканунѣ Благовѣщенія (1861 г.), Погодинъ является съ своею первою *Грамоткою*:

„Православному Русскому мужичку о Христѣ радоватися. Посѣтилъ насъ Богъ, друзья мои сердечные, святою своею милостію, наградилъ насъ царь-батюшка за наше долготерпѣніе; принесли для насъ жертву помѣщики, за вѣрную нашу многолѣтнюю для нихъ работу, послужили намъ добрые люди всякаго званія, посторонніе, питая въ сердцѣ страхъ Божій и заповѣданную Спасителемъ любовь къ ближнему. Первымъ нашимъ дѣломъ должна быть признательность къ помѣщикамъ, подъ которыми столько лѣтъ мы пребывали, и покровительствомъ ихъ пользовались, признательность на дѣлѣ, чтобъ, если намъ сдѣлается лучше, и имъ бы не сталося хуже.

Побесѣдуемте теперь, други, о новомъ нашемъ положеніи. Многіе изъ васъ сказали мнѣ спасибо, за мысль мою о сооруженіи въ Москвѣ церкви, на память дѣтямъ о нашемъ освобожденіи, мысль, которая крѣпко имъ полюбилась. Можетъ-быть, и въ теперешней моей рѣчи вы найдете что̀-нибудь по сердцу, а мнѣ больше ничего и ненадо.

Судилъ-рядилъ царь дѣло съ своими министрами и прочими генералами и всякаго чина знающими людьми, ни много, ни мало, года четыре, и, наконецъ, порѣшилъ державнымъ своимъ словомъ, 19-февраля 1861 года: быть по сему.

Сіе-то я и хочу вамъ хорошенько протолковать, простыми словами, что̀ называется въ ротъ положить, потому-что высо-

кая рѣчь для васъ невразумительна, и, съ непривычки, нескоро въ толкъ вы принимаете, что̀ въ указахъ про васъ ли, не про васъ пишется.

Чтобъ *сіе* совершилось, то-есть, чтобы слово стало дѣломъ, чтобъ всѣ постановленныя правила приведены были въ исполненіе, полагается два года.

Для этого учреждаются особыя по губерніямъ и уѣздамъ Присутствія, въ коихъ будутъ засѣдать выборные и опредѣленные чиновники.

Пока они будутъ раздѣлять уѣзды и волости, писать уставныя грамоты и назначать старостъ, а вамъ-то, православные, въ новомъ своемъ положеніи, какъ быть, что́ дѣлать и какъ поступать?

Нѣкоторыя права̀ и льготы вы получаете немедля, о нихъ поведу я рѣчь послѣ, а касательно прочихъ, по самому простому разсужденію, вамъ слѣдуетъ ожидать, въ совершенномъ спокойствіи, окончанія начатаго дѣла, и быть увѣреннымъ, что государь объ васъ непрестанно заботится, лучшіе изъ начальниковъ ему усердно содѣйствуютъ, и много людей со стороны, какъ изъ дворянъ, такъ изъ чиновниковъ и разночинцевъ, на все производство недреманно смотрятъ: въ обиду даны вы никакъ не будете, да и обижать, впрочемъ, некому, потому-что выгоды въ безобидности обоюдныя.

Пуще-всего боязливые люди опасаются, что земля на весну останется, изъ-за споровъ, невспаханною. Тѣмъ и государя они въ сомнѣніе приводятъ. Оборони Богъ!

Барщину, въ продолженіе этихъ двухъ лѣтъ, необходимо справить какъ-можно усерднѣе, и для помѣщиковъ пріятнѣе, чтобъ остановки за вами никакой не было. Барщина самая легкая, по три дня съ мужика, и по два дня съ бабы. Больше никоимъ образомъ съ васъ никто не спроситъ, и больше ничего вы дѣлать не обязаны; поборы всѣ прочь.

Боже упаси заводить какой-нибудь споръ, или оказывать ослушаніе, или, въ случаѣ какого лишняго дѣла, заламывать цѣну несообразную.

Старики по деревнямъ всѣми силами должны стараться, чтобъ народъ уговаривать, и убѣждать, и настаивать—всѣ работы указныя пусть исправятся на славу.

Малѣйшее упущеніе, непослушаніе, а и хуже того какое-нибудь смущеніе, огорчитъ батюшку царя-благодѣтеля вашего до глубины сердца, а его огорчить, братцы—нѣтъ это уже нельзя, это и Богъ накажетъ! Противъ такого добра, противъ такой льготы, да оказаться неблагодарными, нечувствительными—нѣтъ, лучше и на свѣтѣ не жить.

Еще вамъ вотъ чтò я скажу: есть вѣдь люди всякіе, бываютъ иные, какъ-бы сказать, ну, хоть съ норовомъ и боятся они всякаго нововведенія, будь оно распрекрасное. Помните пословицу, которую вы же сложили: ласковая телятка двухъ матокъ сосетъ. Помѣщики для васъ нужны такъ же, какъ вы нужны помѣщикамъ. Кто дровецъ отпуститъ, кто денегъ взаемъ иногда ссудитъ, кто совѣтъ подастъ, кто, въ случаѣ нужды, передъ чиновниками заступится, кто лекарствецо для жены выберетъ—все-таки помѣщикъ. Помѣщики теперь про себя думаютъ: ну, какъ поле не засѣется, ну, какъ то или это недоброе по хозяйству причинится. А вы, друзья любезные, сдѣлайте такъ, чтобъ все это лучше оказалося, чѣмъ прежде, да и еще лучше—кашу масломъ не испортишь; ну, вотъ у помѣщика и отлегнетъ на сердцѣ, онъ и ободрится, и примирится съ новыми порядками, и васъ отблагодаритъ чувствительно.

Согласіе, взаимная услужливость, доброжелательство у крестьянъ съ помѣщикомъ—это есть самое желанное для всего Русскаго царства счастіе. Барщина, хотя вовсе не такъ тяжелая, какъ прежде, продолжается два года, срокъ этотъ самый короткій и необходимый.

Черезъ два года установится вездѣ оброкъ, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ крестьяне сами, до выкупа, захотятъ отбывать свои обязанности работою, какъ по любовному условію будетъ между ними положено. Я думаю, что и выкупивши, крестьяне будутъ обработывать помѣщикамъ землю, на сходныхъ усло-

віяхъ, потому-что она имъ знакомая, подручная—чѣмъ вдаль идти искать работу, а эта подъ-бокомъ: денежки же вѣрныя.

Кстати повести теперь рѣчь о денежкахъ. Была у насъ пословица: береги денежку про черный день. А теперь случилось такъ, что и на красный день денежка пригодилася, да еще какъ пригодилася то!

Еслибы была у васъ денежка, такъ выложили бы теперь на столъ, что̀ надо, да и зажили бы себѣ хозяевами, не зная ни барщины, ни оброка. Царь помочь хочетъ, конечно, и въ этомъ дѣлѣ, чтобы земля досталась крестьянамъ на-вѣки-вѣчные во владѣніе, но все-таки, за свой грошъ вездѣ хорошъ, и бережливость для крестьянина, послѣ кротости и трудолюбія, нужнѣе всего. Надо деньги приберегать, чтобы стать совершенно на ноги, и привесть въ порядокъ дѣла̀, и зажить, что̀ называется, домкомъ своимъ, себѣ на пользу, царю на радость, добрымъ людямъ въ честь, и Отечеству на-славу. Иные говаривали прежде: къ чему намъ беречь—все въ барскихъ рукахъ, захотятъ и отнимутъ, придравшись къ чему-нибудь, такъ лучше я свою душу морить не стану, погуляю, не доставайся же мое добро никому. Неразумная была эта рѣчь и прежде, а теперь вонъ ее изъ головы, чтобы и духа ея не оставалось. Что̀ твое, отнять у тебя никто не можетъ. Клади все въ домъ, для семейства, для дѣтей, для внуковъ, на поминанье души.

Грѣха таить нѣчего, хмѣль обуялъ у насъ многихъ — молодежь, что̀ на фабрикахъ въ Москвѣ и прочихъ городахъ работаетъ; извощики, что̀ по городамъ извозничаютъ, и прочіе, что̀ въ заработки на сторону ходятъ, на большихъ дорогахъ, подъ городами, живутъ, мало денегъ копятъ, или домой приносятъ, а норовятъ попить, поѣсть, да погулять.

Надо старикамъ ихъ удерживать и уму-разуму учить, на сторонѣ присматривать, и отъ всякаго зла отечески отводить, потому-что деньги теперь крестьянамъ, какъ сказалъ я выше, на всякое дѣло нужны. Стаканчикъ выпить, а въ праздникъ съ пріятелемъ, за умною рѣчью, и другой—почему нѣтъ, на

здоровье; но зашибаться до безпамятства, до безобразія, если всегда было зазорно, нехорошо, то нынѣ, просто, незамолимый грѣхъ.

Ѣзжалъ я много по разнымъ сторонамъ, и всякія моря переплывалъ. Объ иныхъ говорятъ: молодà, въ Саксоніи не была. Нѣтъ, я былъ и въ Саксоніи, былъ и въ Пруссіи, и во всякой Нѣмечинѣ, во Франціи, въ Англіи, Италіи, да не одинъ разъ, а много разъ, присматривался, прислушивался, разспрашивалъ—и вотъ, чтò вамъ скажу по чистой совѣсти: нѣтъ во всемъ свѣтѣ Русскаго человѣка толковѣе, смышленѣе, удалѣе и добрѣе, ни въ какой землѣ иностранной. Правду говорится: мужикъ у насъ сѣръ, а умъ у него не чортъ съѣлъ. Вотъ оно чтò! А Нѣмцы *ушлѣе* насъ наукою: это сказалъ одинъ вашъ же братъ крестьянинъ, Иванъ Посошковъ, котораго сочиненія я, лѣтъ тому назадъ двадцать, отыскалъ въ старой ветоши, а они таковы, что любому книжнику или фарисею въ носъ и нынче кинутся. Нѣмцы *ушлѣе* насъ наукою, сказалъ Посошковъ — ну, вотъ за науку-то и надо намъ приняться! Возобладаемъ наукою, такъ поди-ка, сунься къ намъ кто? Угостимъ! А теперь дѣлать нѣчего, надо кланяться: укажите, помогите, научите—мы отстали маленько, благодаря недобрымъ или неумнымъ людямъ, да и не то, что маленько, а коли правду сказать, такъ и глазомъ не дохватишь, на сколько Нѣмцы отъ насъ впередъ, по наукѣ, ушли. Надо догонять, безпремѣнно надо догонять, а не догонишь, все дѣло, братцы, хоть брось—я вамъ говорю безъ обмана, и вы мнѣ повѣрьте. Толковать много, впрочемъ, нѣчего: вы видите теперь сами, своими глазами, чтò дѣлаетъ наука: возьмемъ въ примѣръ желѣзныя дороги или пароходство. Давно ли несчастный курьеръ какой или фельдъегерь, сломя голову, мчался на перекладныхъ изъ Москвы въ Петербургъ, по кочкамъ, ухабамъ и бокалдинамъ, колотилъ въ спину ямщиковъ, загонивалъ лошадей, надсаживалъ грудь, но ужъ какъ ни бейся, а ближе трехъ сутокъ не поспѣешь бывало, хоть и много реберъ въ боку несчастный не дочтется, и

много зубовъ изо рта по дорогѣ повыпадаетъ. А нынче завалился въ вагонѣ, захрапѣлъ — да въ тѣ же сутки и очутился въ Петербургѣ, цѣлъ, здравъ и веселъ. Вотъ наука-то! Конь (только безъ хвоста) бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ушей дымъ столбомъ, изъ ноздрей полымя—точь-въ-точь, какъ въ сказкѣ говорится, а у насъ въ очью совершается.

Ну, а пароходы-то по Волгѣ? Вонъ ужъ ихъ двѣсти шмыгаютъ и вверхъ и внизъ, и на вѣтеръ и по вѣтру, и бичевой тянуть ненадо; а какова была бичева-то. Скоту человѣкъ равнялся. Намается, сердечный, утомится—и себя не помнитъ. Тогда и вино приводило въ искушеніе, и отъ нужды, по мѣстамъ, развращался народъ.

Посмотрите еще на наши фабрики: есть пословица— работнику грошъ, нарядчику рубль. Такъ оно и выходитъ: на фабрикахъ у насъ работаютъ мужички и получаютъ по грошу, а нарядчики—Нѣмцы да Англичане, получаютъ не только по рублю, а по тысячѣ, что̀ я говорю по тысячѣ— по десяти тысячь. Машины уставить, колеса въ ходъ пустить, котлы починить, узоры придумать, краски развести—вездѣ Нѣмцы, потому-что науку знаютъ, и берутъ деньги съ насъ за то страшенныя, барышъ-то весь къ нимъ и переваливается, а мы мозолимъ себѣ только руки и ноги, да вырабатываемъ изъ-за хлѣба семьѣ на квасъ. Зло беретъ, братцы, меня, и думаю я, сидя на Дѣвичьемъ Полѣ, смотря на сосѣднія фабрики: да когда же Русскіе люди сами-то начнутъ работать, своею головою, и перестанутъ, словно дѣти, на помочахъ ходить? Прежде нельзя, пока не выучатся—одинъ отвѣтъ. И Нѣмцы сначала были глупы, глупѣе еще насъ: нужда научила ихъ калачи ѣсть. У нихъ вѣдь земли-то въ обрѣзъ, и та вся въ рукахъ у дворянъ, которые за нее крѣпко держутся, у прочихъ же ни кола, ни двора, что̀ у нихъ называются пролетаріи, по нашему сказать бы, прости Господи, промытаренные. А насъ бѣлая вошь-то до-сихъ-поръ не кусала, земли вдоволь—куда ни оборотись: полямъ конца не

видать, а тамъ еще Крымъ, Кавказъ, Оренбугская сторона, Сибирь съ Амурскою палестиною въ придачу.

Такъ въ этакомъ-то раздольѣ, въ такомъ-то обильѣ, чего хочешь, того просишь, да еслибъ еще намъ науки-то прихватить, такъ небу бъ стало жарко, зажили бъ, что̀ называется, припѣваючи, разлюли̂.

А дорога къ наукѣ для всякаго крестьянина нынѣ еще шире открыта. Да вотъ что̀ я вамъ еще скажу: первый Русскій грамотѣй, который всѣхъ насъ грамотѣ выучилъ, и примѣръ показалъ, и всѣ правила отыскалъ, соловьемъ по-Русски запѣлъ, весь царскій дворъ удивилъ, всѣхъ Нѣмцевъ, въ свое время, за поясъ заткнулъ, однимъ-словомъ, дошелъ по наукѣ до того, что сталъ громъ и молнію отводить—былъ крестьянинъ Архангельской губерніи, Холмогорскаго уѣзда, Куростровской волости, Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Вотъ оно что! До семнадцати лѣтъ онъ рыбу ловилъ, съ отцомъ, въ Бѣломъ морѣ, а потомъ ушелъ въ Москву, учиться, да и выучился, и всѣмъ сталъ мастеръ, наставникъ, и всѣ вельможи ему поклонились, а императрица Екатерина Алексѣевна пожаловала въ гости. И памятникъ ему поставленъ на площади въ Архангельскѣ, близъ его родины.

Были и другіе крестьяне на Руси такіе, чтобъ хоть кому подъ-пару: вотъ хоть бы тотъ же Посошковъ, о которомъ упомянулъ я выше. Какъ пораскусятъ его хорошенько, такъ тоже поставятъ гдѣ-нибудь памятникъ. Онъ такія мудрыя рѣчи, за сто пятьдесятъ лѣтъ говорилъ, которымъ и теперь слѣдуетъ поучиться.

За добрыя дѣла̀, пришлось сказать къ слову, крестьяне испоконъ-вѣка, впрочемъ, получали на Руси благодарность, царскую и земскую. Напримѣръ: въ Костромѣ поставленъ недавно памятникъ крестьянину Ивану Сусанину, что̀ избавилъ отъ смерти, своею смертью, царя Михаила Ѳеодоровича Романова, а тотъ всѣхъ его потомковъ навѣки-вѣковъ освободилъ отъ всякой земской и рекрутской повинности...

Да и на Красной площади стоитъ мѣдной Козьма За-

харьичъ Мининъ Сухорукой, недалеко отошелъ отъ крестьянъ: посадской человѣкъ въ Нижнемъ-Новѣгородѣ. Онъ, въ 1612 году, поднялъ всю Русскую Землю, чтобы выгнать изъ Москвы вражью силу. Его гробницѣ въ соборѣ самъ императоръ Петръ I-й въ ноги поклонился.

Такъ вотъ видите, друзья мои, крестьянамъ на Руси честь воздавалась испоконъ-вѣка; бывало это, конечно, по особымъ случаямъ, кого Богъ поищетъ, а нынѣ, когда всѣ вы стали свободны, и всѣмъ дорога открылась широкая—ищите и обрящете, толците и отверзется, молитеся и дастся вамъ. Да, братцы, молитесь Богу: страхъ Божій начало премудрости, ведите себя честно, исправляйте всѣ свои обязанности, учитесь и учитесь—житье вамъ будетъ такое, что и умирать нанадобно, и всѣ Нѣмцы вамъ позавидуютъ. А какое житье, и что̀ именно вы теперь всемилостивымъ манифестомъ 19-го февраля получаете, о томъ напишу въ слѣдующей *Грамоткѣ* [15]).

Прочитавъ первую *Грамотку*, Ѳ. Н. Глинка писалъ Погодину:

„Читали ли вы старинный романъ *Шписа*: *Старикъ вездѣ и нигдѣ!* Можетъ быть и не читали, а сумѣли стать *вездѣ и нигдѣ!* Давно ли посѣтили насъ въ С.-Петербургѣ и очутились *на Кавказѣ*! Письма, отправленныя туда, пошли отыскивать васъ въ Крыму, въ Москвѣ, въ Петербургѣ и, пожалуй гдѣ-нибудь на Дунаѣ. *Вездѣ и нигдѣ.* Только вы, слава Богу, еще не старикъ или обновилась юность ваша, *аки орляя*. Спасибо, сто разъ спасибо за вашъ размашистый возгласъ къ мужичкамъ: въ немъ высказано *дѣло*, никто не забытъ, всякому воздано: „Комуждо что подобаетъ“. Здѣсь, между мужиками, замѣтилъ я, что они еще не вчитались, не вдумались и выглядываютъ точно какъ будто ихъ окрестили въ *новую вѣру*. Это подало мнѣ мысль написать нѣсколько рифмованныхъ строчекъ. Примите благосклонно эти строчки и сдѣлайте изъ нихъ что захотите. Пуще всего не забудьте любящей васъ четы въ г. Твери и вѣрьте давней къ вамъ привязанности“...

Вдохновитель Погодина Н. А. Милютинъ писалъ ему: „Простите, многоуважаемый Михаилъ Петровичъ, что замѣшкался отвѣтомъ. Газеты подъ рукою не было. Наконецъ досталъ, и прочитавши обѣ статьи, спѣшу вамъ низко поклониться. Ваша цѣль была—какъ я разумѣю, поставить сначала, кикъ слѣдуетъ, вопросъ для обѣихъ сторонъ, и эта цѣль, по моему, вполнѣ достигнута. Теперь мы будемъ ждать разработки вопроса, и конечно дождемся, ради великой общественной пользы. Прояснять, толковать, вразумлять, вызывать хорошіе инстинкты и срамить дурные — вотъ главное теперь дѣло. Правительству надо всѣми силами помогать и поощрять печатное слово, которое одно можетъ обратить мысль въ дѣло, законъ въ жизнь".

Погодинъ въ это время пребывалъ въ Петербургѣ, и Милютинъ въ томъ же письмѣ ему писалъ: „Многое хотѣлось бы передать лично. Неужели мнѣ не удастся васъ видѣть? Выберите сами время и мѣсто. Если хотите, буду васъ ожидать, утромъ ли, вечеромъ, а всего лучше — къ обѣду. Не согласитесь ли завтра, въ понедѣльникъ, въ 5 часовъ. Позвольте ждать отвѣта, надѣюсь, благопріятнаго".

Въ особенности понравилась *Грамотка* Погодина С. П. Шипову, и онъ писалъ ему: „Я съ наслажденіемъ прочелъ, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, превосходную статью вашу, помѣщенную въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*. Не можете ли вы доставить мнѣ нѣсколько оттисковъ, или указать, гдѣ бы я могъ пріобрѣсть оные, вы бы тѣмъ меня одолжили. *С.-Петербургскія Вѣдомости* не читаются въ нашихъ селахъ. По множеству иностранныхъ словъ, которыми онѣ напичканы, эти газеты непонятны людямъ, даже и просвѣщеннымъ, но еще не онѣмечившимся. Неужели статья ваша не перейдетъ въ *Московскія Вѣдомости*. Я раздѣляю всѣ изложенныя вами убѣжденія, но сожалѣю только, что вы снисходительны къ чарочкѣ. *Стаканчикъ выпить, а въ праздникъ и другой, почему нѣтъ*—пишете вы—и осуждаете только, если мужичекъ зашибается до безпамятства. Я много жилъ

съ нашимъ народомъ, изучалъ, наблюдалъ его и убѣдился въ томъ, что нынѣшнее горячее вино, горѣлка или водка,—ядъ для тѣла и души человѣка. Это не то вино, о которомъ говорится въ Священномъ Писаніи и котораго апостолъ Павелъ дозволяетъ употреблять мало, *недуга ради и стомаха.* При употребленіи горѣлки, обыкновенно, такъ бываетъ, что кто въ молодости начинаетъ съ чарочки, почти всегда въ послѣдствіи дѣлается пьяницей. Я желалъ бы всѣми путями вести народъ къ совершенной трезвости, т.-е. къ отреченію отъ спиртныхъ напитковъ".

VII.

Кромѣ Н. А. Милютина, Погодина поощряла къ писанію *Грамотокъ* и графиня А. Д. Блудова.

Первая *Грамотка* была написана въ Москвѣ; но вскорѣ Погодинъ убѣдился, что для успѣшнаго хода своего предпріятія, ему необходимо ѣхать въ Петербургъ, и объ этомъ писалъ графинѣ Блудовой: „Письмомъ ничего сдѣлать нельзя. Рѣшился пріѣхать въ Петербургъ и завтра выѣду".

Такимъ образомъ, *Грамотка* вторая была написана въ Петербургѣ 17 апрѣля 1861 года. До выхода ея въ свѣтъ, графиня Блудова писала Погодину: „Пожалуйста, Михаилъ Петровичъ, прибавьте непремѣнно и какъ можно яснѣе: 1) О значеніи словъ *надѣлъ въ пользованіе за повинность*, о томъ что это есть, такъ сказать, наемъ земли, и что она можетъ перейти въ *собственность* не иначе, какъ черезъ выкупъ—что нужно стремиться къ выкупу—что вотъ какъ этотъ выкупъ можетъ совершиться легко въ дальніе сроки, когда будетъ добровольное согласіе съ помѣщикомъ и тогда казна всѣмъ помогаетъ. Что тутъ нужно въ ладахъ быть съ помѣщикомъ и дружно устроить уже прочное неотъемлемое *владѣніе* частію земли. Что можно и меньше высшаго надѣла выкупить, что̀ обойдется дешевле, а остальную нанимать по вольнымъ цѣнамъ и пр. Это весьма нужно, чтобы народъ ясно понялъ.

2) Что для выкупа однѣхъ усадебъ помѣщикъ можетъ не согласиться иначе какъ со всею крестьянскою землею—и что должно бы стараться сговариваться всѣмъ міромъ для предложенія выкупа и пр. 3) Объ *лѣсахъ* и особыхъ *пустошахъ* хорошенько разъясните—что они никакъ не могутъ принадлежать крестьянамъ, и что это *воровство* и большой грѣхъ рубить безплатно лѣсъ или косить луга—что такое воровство наказывается, какъ и обыкновенная покража, что прежде не было *ясно*, что кому принадлежитъ—потому что сами люди *принадлежали* своимъ господамъ, а теперь точно также не должно красть лѣсъ, какъ не должно одному помѣщику у другого красть деньги, или скотъ, или яблоки и пр. Это очень, очень *нужно!* Пожалуйста, безъ этихъ важныхъ пунктовъ, самыхъ важныхъ по поводу недоразумѣній, которыя могутъ весьма дурно кончиться, не издавайте вашего *Краснаго Яичка*. . . . Не унывайте такъ — Богъ поможетъ; но и намъ не сидѣть сложа руки. Напишите пожалуйста объ землѣ, объ лѣсахъ, объ оброкѣ, объ выкупѣ — объ барщинѣ. И дай вамъ Богъ внушеніе, какъ ясно и толково все это сказать мужичкамъ! Трудное время — отъ того-то и надобно крѣпко на-крѣпко работать и молиться Богу, чтобы далъ силы и разумъ для борьбы"!

Въ другомъ письмѣ графиня Блудова писала: „Лѣсами уже прежде мужики распоряжались самовольно, и не понимали своей безчестности, а теперь, я знаю, что въ весьма многихъ имѣніяхъ идетъ настоящій грабежъ лѣсу—и даже не для своего употребленія а въ продажу... Если можете, заѣзжайте къ намъ часовъ въ 6 нынче, что бы для *Грамотки* прочесть или написать, если еще не написано—все это! т.-е. нравоученіе мужичкамъ, а ужъ до помѣщиковъ не намъ добираться" [16])!

Изъ чтенія *Грамотки* второй, явствуетъ, что на Погодина наставленія графини Блудовой и ея отца мало подѣйствовали. Вотъ чтó „мужички" прочли въ ней:

Въ первой своей *Грамоткѣ*, друзья мои любезные, ста-

рался я всѣми силами, сколько умѣлъ, представить вамъ, какъ для полнаго успѣха великаго нашего земскаго дѣла, желательно совершенное спокойствіе, послушаніе, смиреніе, взаимное доброжелательство, готовность къ услугамъ, удаленіе отъ всякихъ споровъ, отъ всякихъ дрязговъ, непріятностей, притѣсненій.

Пуще всего хотѣлось мнѣ вразумить васъ, чѣмъ можете вы угодить, удовольствовать, возблагодарить нашего государя, которому всеблагій Богъ далъ совершить великое дѣло освобожденія, а, съ другой стороны, чѣмъ страшно его огорчить, возбудить сомнѣніе, навести грусть, помрачить эти радостныя, сладкія минуты его жизни, жизни нашей, жизни Русской.

Еслибъ вы знали только, какъ самъ-то онъ, голубчикъ, провелъ тотъ святой день, когда, послѣ горячей молитвы въ уединеніи, сподобился подписать всемилостивѣйшій манифестъ, а, по-старому сказать, льготную грамоту: и плакалъ-то онъ, говорятъ, и смѣялся, и дѣточекъ цѣловалъ, и близкихъ обнималъ, спрашивалъ, разсказывалъ, а что̀—Богъ вѣсть. Окружающіе диву давались, глядя на него; маленькая дочка побѣжала къ своей образной, вынула образочекъ Благовѣщенія, и принесла къ нему, въ подарокъ, на память о днѣ крестьянскаго освобожденія, имъ съ Божіею помощію совершеннаго. Другіе говорятъ, что это было въ день объявленія, 5-го марта.

Былъ у насъ, на Руси, великій пѣснопѣвецъ, которому Господь свыше ниспосылалъ духа разума и духа слова Божія— Гавріилъ Романовичъ Державинъ. Когда вы съ грамотою покрѣпче познакомитесь, ученіе все произойдете, и будете читать всякія книги, тогда вы усладитесь дивными его пѣснопѣніями. Это вамъ удовольствіе еще впереди. Онъ-то, Гавріилъ Романовичъ Державинъ, сказалъ:

Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ.

А Крезъ былъ, узнаете вы тоже когда-нибудь, такой богатый царь въ древности, какого ни прежде, ни послѣ, нигдѣ, никогда не бывало; золота у него навалено было горы горами, просто сказать: куры не клевали. Куда ни оборотись, вездѣ золото. Потому Гавріилъ Романовичъ и прировнялъ къ нему, да и поставилъ выше, человѣка добродѣющаго и чувствующаго.

Судите же сами: вывести двадцать-три мильйона христіанскихъ душъ изъ тьмы, на свѣтъ Божій, развязать всѣмъ руки, разрѣшить оковы—какого добра на землѣ отыскать больше? Теперь вы понимаете, я надѣюсь, царскую радость, истинно-царственную.

Ну, да я боюсь заговориться; пора уже приступить къ самому дѣлу, то-есть, разсказать вамъ, какъ обѣщался, попростѣе и повразумительнѣе, что̀ за права̀ или льготы вы нынѣ и впредь пріобрѣтаете, и что̀ за обязанности или повинности на васъ за нихъ возлагаются.

Крѣпости больше нѣтъ. Царь даровалъ крѣпостнымъ людямъ свободу. Изъ господскихъ вы становитесь вольными людьми. Конечно, бывало много и добрыхъ господъ, за которыми житье, что у Христа за пазухой, но все-таки никогда нельзя было не опасаться: баринъ хорошъ, а дѣти каковы будутъ? Мы пойдемъ въ дѣлежъ или въ приданое, кому-то достанемся; и такъ, если въ настоящемъ былъ упокой, то за будущее всегда щемило сердце. А теперь всякому опасенью, всякому страху конецъ. Хуже прежняго быть не можетъ, а развѣ со всякимъ годомъ лучше, лишь только бы сами дуростями какими не повредили дѣлу.

Инаго мужичка поищетъ Богъ: расторгуется хорошо, или промыселъ какой прибыльный попадетъ подъ-руку—ну, вотъ и задумаетъ онъ, бывало, выкупаться на волю: неси-ка барину тысячу, десять тысячь; пятьдесятъ вносилъ иной богатый—радъ всё отдать, лишь только-бъ вырваться изъ неволи. А нынче ненадо ни копѣйки, выкупать тебѣ свою душу не для чего, потому-что ты самъ есть вольный чело-

вѣкъ, все тобою нажитое тебѣ принадлежитъ, и никоимъ образомъ никѣмъ отнято быть не можетъ.

Все это у насъ сталося съ той минуты, когда царемъ, 19-го февраля, былъ подписанъ всемилостивѣйшій манифестъ.

Вольные люди — значитъ, переселять васъ, передвигать съ мѣста на мѣсто, водворять на другой землѣ—нельзя. А каково, бывало, подниматься съ своего теплаго гнѣздышка, насиженнаго, нагрѣтаго, покидать знакомыя, привычныя мѣста, любезную родину, гдѣ отцы и дѣды жилы и кости свои положили, бросать заведенное хозяйство и пускаться на чужую, дальнюю сторону съ малыми дѣтушками, подъ дождемъ, подъ снѣгомъ, въ грязи и слякоти. Сколько голода и холода натерпишься, сколько горя, бывало, примешь.

Теперь этого нѣтъ и не будетъ. Живи каждый на своемъ мѣстѣ, въ своемъ родномъ углу, кромѣ особенныхъ случаевъ, гдѣ понадобится переселеніе, и то по любовному соглашенію, законно, съ различными льготами.

Великія льготы, великія милости, или, говоря по-книжному, великія права, получаетъ крестьянинъ въ силу высочайшаго манифеста 19-го февраля.

Какъ хотѣлось мнѣ узнать, въ которомъ часу 19-го февраля, въ какую минуту, подписалъ Государь всемилостивѣйшій манифестъ. И подумалъ я—вотъ въ слѣдующую же минуту, вѣрно, вѣдь гдѣ-нибудь на Руси родился новый человѣкъ, тамъ, въ дальнемъ углу, въ губерніи Пермской или Рязанской,—счастливчикъ! Онъ уже вольный человѣкъ. Отецъ и мать взглянули на своего младенца не такими глазами, какъ прежде, и въ избѣ-то, кажется, стало теплѣе, и свѣтъ Божій въ окно лучомъ проникнулъ ярче, и хлѣбушко показался слаще. Рости, дитятко, будешь хорошъ и тебѣ будетъ хорошо, будешь нехорошъ — пеняй только на себя. Самъ-себѣ, подъ Божьимъ Промысломъ, судьбу изготовишь. А человѣкъ, что за минуту передъ подписью манифеста родился, тотъ есть уже только отпущенный на волю, потому-что хоть одну минуту, но все-таки онъ былъ еще въ крѣпости. А за ними третій,

четвертый, пятый, въ губерніи Херсонской, Архангельской, Астраханской, Калужской, и пошли, и пошли нарожаться, какъ-будто птички воздушныя налетать на землю, все вольные люди, по образу и подобію Божію сотворенные. Въ Россіи, вѣдь, во всякую минуту, по пяти человѣкъ или еще больше рождается. Конечно, мудрено, а можетъ-быть и совсѣмъ нельзя, отыскать, кто родился именно въ первую минуту послѣ подписанія манифеста, а за день узнать можно, потому-что въ записныхъ книжкахъ при церквахъ значится, кто какого числа гдѣ нарождается.

Братцы, братцы! Надо заслуживать такія милости, надо вести себя такъ, чтобъ ни сучка, ни задоринки за вами не оказалось, чтобъ иголочкой подъ васъ подточиться было нельзя. Особенно о первыхъ порахъ, надо безпремѣнно всѣми силами постараться, чтобъ вездѣ была тишь да гладь, да Божья благодать. Первое время самое важное, пока начальство не привыкло, пока помѣщики недоумѣваютъ, пока самъ государь въ раздумьи на свое дѣло смотритъ, какъ оно въ ходъ пойдетъ. Священники, старики, всѣ добрые люди должны народу какъ можно больше и чаще толковать, внушая о строгомъ исполненіи обязанностей и о соблюденіи совершеннаго спокойствія. Всѣ друзья ваши боятся больше всего недоумѣній изъ-за глупыхъ рѣчей какого-нибудь бродяги или дурня, что захочетъ въ мутной водѣ рыбы половить, либо съ васъ, за обѣщаніе какія несбыточныя, магарычи сорвать. Охъ, остерегайтеся, други, и держите ухо востро, прибѣгайте за совѣтами, за объясненіями къ тѣмъ людямъ, которыхъ вы издавна знаете и почитаете добрыми и честными—священникъ ли то будетъ, или чиновникъ, или помѣщикъ, или свой братъ крестьянинъ бывалый, что изъ семи печей хлѣбы ѣдалъ и всю подноготную знаетъ. Изъ Питера, изъ Москвы, изъ губернскихъ городовъ должны живущіе въ заработкахъ крестьяне домой писать и внушать, чтобъ пустаго не затѣвали, нестòющихъ людей не слушали; а дожидались, какъ вокругъ дѣло обозначаться будетъ: что въ людяхъ ведется, то вѣдь и ихъ не минется.

Начнемъ теперь рѣчь съ другого конца:

Вамъ дается много, очень много, какъ вы видите, но все то, что̀ вамъ дано, все то отъ помѣщиковъ взято. А Русская пословица говоритъ: долгъ платежемъ красенъ. За все то, что̀ мы получили, должно заплатить, если не мытьемъ, то катаньемъ. Даромъ ничего нигдѣ взять нельзя. Даромъ и чирей на спинѣ не сядетъ. Заплатить вамъ, други, особенно на первыхъ порахъ, нечѣмъ, кромѣ исправности, послушанія, благонравія, какъ о томъ въ первой *Грамоткѣ* пространно написано. За зло Спаситель велитъ платить добромъ, а за добро—кольми паче. А и за зло платить добромъ куда душеспасительно и общеполезно, по слову Евангельскому. Наградитъ Господь за такое добро и насъ, и дѣтей нашихъ, въ роды родовъ, сторицею.

Говорить на волка, надо говорить и по волку. Имѣнія на глазахъ нашихъ: то вонъ куплено на чистыя денежки, а то получено въ наслѣдство, за службу предковъ, которые кровь за насъ, за отцевъ нашихъ, проливали, всякой трудъ на себя принимали, животъ свой на полѣ сраженія полагали. Законно ли, незаконно ли порядокъ старой произошелъ, но онъ цѣлые вѣка у насъ держался. Обветшалъ онъ, и царь увидѣлъ, что дальше ему стоять нельзя. Добрые люди нашлись, которые святую мысль прояснили, утвердили и всякими доказательствами доказали. Установлены теперь новыя правила и положенія, новые порядки, но вѣдь и дворянамъ нельзя же остаться безъ слѣдующаго законнаго вознагражденія: *Божія Богови, кесарева кесареви*, и всякому свое. Это вы помните завсегда, и исполнять, что̀ отъ васъ зависитъ старайтеся.

Поведемъ рѣчь дальше.

Я объяснилъ вамъ, какія льготы, по новымъ *Положеніямъ*, вы получаете, сами-по-себѣ, для своего лица, въ своемъ семействѣ, въ избѣ, около печки, права̀, что называется личныя, домашнія; но, кромѣ ихъ, вамъ достается теперь еще многое другое, о чемъ, въ прежнее время, и во снѣ не грезилось.

Выйдемъ же изъ избы на улицу, и поговоримъ, въ какое отношеніе становится теперь крестьянинъ къ своему селенію, къ своей волости. Это опять я сказалъ по книжному, а попросту: чѣмъ крестьянинъ къ своему міру обязанъ, а міръ къ нему?

Крестьяне, для разсужденія о своихъ дѣлахъ, собираются на мірскія сходки, составляютъ общественные приговоры; для суда избираютъ излюбленныхъ ими людей; раскладываютъ между собою по закону казенныя, земскія и мірскія повинности.

Раскладка и отправленіе рекрутской повинности производится по общественнымъ приговорамъ и по распоряженіямъ выбранныхъ крестьянами должностныхъ лицъ, на основаніи правилъ, изложенныхъ въ общемъ *Положеніи.*

Повинности, братцы, надо всѣ отбывать какъ можно исправнѣе, повторяю это не въ первый разъ, чтобъ хорошенько то на носу зарубить: исправностію своею, такъ же, какъ и спокойствіемъ благоразумнымъ, вы покажете Государю, добрымъ людямъ и всему свѣту, который теперь на васъ съ любопытствомъ смотритъ, что вы свободою пользоваться достойно умѣете, добро, вамъ оказанное, вполнѣ чувствуете, и всѣ пользы, частныя и общественныя, соблюсти стараться будете.

Когда учредятся волостные и прочіе суды, тогда всѣ споры, иски и тяжбы между крестьянами будутъ рѣшаться ими, въ назначенныхъ предѣлахъ, а равно и выдаваться крестьянамъ билеты и паспорты; до учрежденія волостныхъ судовъ обязанности эти возлагаются на помѣщиковъ. Помѣщики должны законнымъ порядкомъ побуждать крестьянъ ко взносу казенныхъ податей и къ отправленію денежныхъ и натуральныхъ повинностей; они могутъ подвергать виновныхъ взысканіямъ и наказаніямъ, но что̀ касается до тѣлесныхъ наказаній, исполненіе ихъ производится не иначе, какъ чрезъ полицію.

Помѣщику предоставляется вотчинная полиція и попечительство въ обществахъ временно-обязанныхъ крестьянъ, живущихъ на его земляхъ. На семъ основаніи, помѣщикъ,

между-прочимъ, имѣетъ право надзора за сохраненіемъ общественной безопасности и общественнаго порядка; въ случаѣ злоупотребленій и вообще неисправнаго выполненія своей должности старостою или помощникомъ старшины, помѣщикъ можетъ требовать смѣны ихъ мировымъ посредникомъ; помѣщику предоставляется, если онъ признаетъ присутствіе какого-либо крестьянина въ обществѣ вреднымъ и опаснымъ, предложить самому обществу объ исключеніи того крестьянина и предоставленіи его въ распоряженіе правительства, а въ случаѣ несогласія общества, обратиться о томъ съ просьбою въ Уѣздный Мировой Судъ, для представленія Губернскому Присутствію; помѣщикъ можетъ требовать сообщенія ему мірскихъ приговоровъ и пріостанавливать исполненіе тѣхъ изъ нихъ, въ коихъ усмотритъ распоряженія, противныя существующимъ постановленіямъ, или вредныя благосостоянію сельскаго общества, или нарушающія помѣщичьи права.

Продолжаю далѣе рѣчь о крестьянскихъ правахъ:

Обидѣлъ кто тебя, захватилъ твоего добра, не отдалъ долга, не выполнилъ того, за что̀ брался, ну, ты можешь жаловаться, или начинать искъ самъ-собою, чрезъ повѣреннаго, съ кѣмъ бы то ни было, и всякое присутственное мѣсто тебя выслушаетъ и правду тебѣ дастъ. На самого помѣщика бывшаго своего, если онъ обидитъ тебя, станетъ спрашивать что̀ не по закону, ты можешь жаловаться мировому посреднику, либо уѣздному предводителю. Только нѣтъ, братцы, оборони васъ Богъ отъ всякихъ жалобъ, тяжбъ и исковъ; до судовъ доходить не совѣтую: времени потеряется много, а выйдетъ ли польза какая, Богъ вѣсть. Лучше всѣ дѣла кончать между собою полюбовно, либо третейскимъ судомъ, какъ искони на Руси водилось. Развѣ уже какая необходимость случится, защитить себя отъ несправедливаго обвиненія или отстранить какое беззаконное взысканіе.

Крестьяне получаютъ право быть свидѣтелями и поручителями, на общемъ для свободныхъ сословій основаніи.

Крестьяне могутъ пріобрѣтать себѣ въ собственность,

то-есть, покупать всякія движимыя и недвижимыя имущества, дома, сады, луга, заведенія, пожалуй хоть земли, на коихъ ваши братья-крестьяне по условіямъ и договорамъ живутъ. Могли вы это дѣлать и прежде, да съ барскаго согласія, и баринъ, если грѣха на душу взять не боялся, могъ, такъ или иначе, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ ваше имѣніе у васъ отжилить, васъ прижать такъ, что сами вы были рады ино-мѣсто, отъ своего кровнаго добра, отказаться, лишь только-бъ онъ оставилъ васъ въ покоѣ—а нынѣ уже нѣтъ; ты купилъ, и прямо говоришь: это мое; я, Ѳедоръ Трифоновъ, этому дому али усадьбѣ какой хозяинъ. Нечего прятаться, нечего таиться! Такъ оно и по всѣмъ книгамъ, во всѣхъ судахъ, будетъ значиться; никто у тебя ничего отнять не можетъ: что̀ твое, то и есть твое.

Захотѣлъ ты свое имущество продать — объявляй всенародно: нашелъ покупщика, сговорились, да и по рукамъ. Ни усышки, ни учетки никакой не бойся, и получай денежки безъ вычета. А продать не хочешь, ну, закладывай, чтобъ достать капитальцу на время, для оборота.

Захочетъ крестьянинъ снять какой подрядъ, взять на себя какую поставку съ казною, али съ посторонними людьми— онъ можетъ вступить во всякіе договоры и обязательства, на общихъ правилахъ, можетъ торговать гдѣ угодно, сколько то дозволено свободнымъ сельскимъ обывателямъ; а Богъ благословитъ тебя, тебѣ хочется раскинуться пошире, ну, такъ иди въ купцы, разочтясь съ своимъ міромъ, заплатя гильдейскія повинности, или записывайся въ цеха̀, коли есть охота приняться за какое рукомесло.

Ты можешь открывать и заводить всякія заведенія, торговыя, фабричныя и ремесленныя, на сколько у тебя хватаетъ силы и достатка, въ городахъ, въ селахъ, хоть въ Москвѣ и Петербургѣ, на основаніи общихъ узаконеній. Дорога повсюду широкая. Изволь пріобрѣтать и увеличивать свое состояніе, все оно остается въ твою пользу, и всему ему ты есть полный хозяинъ, никому отчета недающій.

Теперь разберемъ, что̀ къ землѣ принадлежитъ.

Усадьбы и полевыя угодья, коими крестьянинъ до сихъ поръ пользовался, остаются и впредь въ его пользованіи.

Въ оброчныхъ селеніяхъ, сколько крестьянинъ платилъ помѣщику оброка, столько и впредь платить долженъ.

Въ селеніяхъ на пашнѣ борщина не можетъ налагаться больше трехъ дней съ тягла — мужская, и двухъ дней — женская.

Барщина продолжается только два года, а чрезъ два года крестьяне, что̀ были на пашнѣ, получаютъ право, по собственному желанію, пересаживаться на оброкъ.

Поборы добавочные всѣ съ крестьянъ отмѣняются: ни птицы, ни яицъ, ни масла, ни барановъ, ни ягодъ, ни грибовъ, ни холста, ни сукна, ни пряжи, однимъ словомъ, ничего крестьянинъ помѣщику нести не обязанъ. Что разведешь, выростишь, соберешь, кушай на здоровье самъ, корми дѣтушекъ, чтобъ румянецъ въ щекахъ у нихъ горѣлъ повеселѣе, и силы съ возрастомъ для работы прибавлялося. Полно сидѣть на пустыхъ щахъ, да на хлѣбѣ съ квасомъ; послалъ Богъ сметанки во щи. Есть что̀ въ хозяйствѣ лишнее, неси на базаръ, продай да денежки тащи въ домашній ларецъ, на всякую нужду. А это, други, чего сто̀итъ: что̀ ты ни сдѣлаешь, все твое, тебѣ на пользу. Гдѣ положенъ сборъ зерновымъ хлѣбомъ или свекловицею, въ счетъ барщины, тамъ онъ и справляться, разумѣется, долженъ.

Добавочныя рабочія повинности, гдѣ таковыя сверхъ опредѣленной барщины отбывались, какъ-то: караулы, уходъ за господскимъ скотомъ, сгонные дни, всѣ прочь: исправилъ что̀ слѣдуетъ, и работай ужъ на себя, все остальное время— твое.

Крестьянскія подводы могутъ наряжаться только на одинъ годъ, и то не зря, а по особымъ правиламъ, которыя разочтены и взвѣшаны такъ, чтобъ крестьянину никакой лишней тягости или вредности не причинялося, а все шло по закону, безобидно.

Чтобъ всѣ дѣла между крестьянами и помѣщиками были постановлены крѣпко, и исполнялись свято и нерушимо, въ отстраненіе и на будущее время споровъ, напишутся, для всѣхъ селеній, уставныя грамоты въ продолженіе одного года, да на разсмотрѣніе ихъ полагается годъ.

Уставныя грамоты составляются помѣщикомъ, прочитываются слово отъ слова предъ мировымъ посредникомъ, въ присутствіи владѣльца или повѣреннаго, шести уполномоченныхъ крестьянъ мірскими обществами и трехъ добросовѣстныхъ свидѣтелей. Если крестьяне не предъявятъ никакихъ возраженій, то грамота окончательно всѣми подписывается и въ свое время приводится въ исполненіе. Если же крестьяне представятъ возраженіе, то мировой посредникъ старается согласить обѣ стороны, а въ случаѣ неуспѣха рѣшаетъ самъ или переноситъ дѣло на разсмотрѣніе Уѣзднаго Мироваго Съѣзда, гдѣ ему и конецъ на основаніи мѣстныхъ положеній. Отрѣзать земли, гдѣ понадобится, можетъ только Губернское Присутствіе, а перенести усадьбы—Уѣздное.

Для уставныхъ грамотъ, вообще помѣщикомъ съ крестьянами написанныхъ, нужно только мировому посреднику удостовѣриться, дѣйствительно ли согласились добровольно между собою владѣлецъ и крестьяне.

Въ уставной грамотѣ имѣютъ быть опредѣлены преимущественно: надѣлъ, оброкъ, барщина, то-есть, сколько земли должно быть за крестьяниномъ, сколько за эту землю долженъ онъ платить оброка, или сколько долженъ за нее работать на помѣщика, по добровольному между ними соглашенію, на законномъ основаніи.

Оброчныя селенія, съ согласія помѣщика, могутъ выкупаться съ усадьбами и полевыми угодьями, по полюбовной цѣнѣ. Крестьяне взносятъ четвертую часть, а три части даетъ царь имъ въ ссуду, изъ казны. Выкупились—и никакого дѣла крестьянамъ до помѣщиковъ не остается: вы себѣ, а они себѣ, какъ говаривалось у насъ въ старину.

Черезъ девять лѣтъ съ утвержденія *Положенія*, крестьяне

получаютъ право отказываться отъ предоставленной имъ въ пользованіе земли и переходить, по желанію, на другія земли, или перечисляться въ другія общества, на основаніи особыхъ правилъ.

Въ заключеніе, я долженъ сказать еще вотъ что: доходятъ до меня слухи, что многихъ приводитъ въ сомнѣніе, почему де, платить намъ за усадьбу—вѣдь она нашими трудами устроена; почему де, платить намъ и за землю—вѣдь на ней мы выросли, и своимъ пòтомъ облили. Это все такъ, если посмотрѣть на дѣло съ одной стороны, а посмотрите съ другой, то окажется иначе.

Всякій человѣкъ, во всякомъ государствѣ, долженъ тянуть свое тягло, деньгами или работою, за то, что онъ отъ государства, то-есть, изъ-за верховной власти, благодаря правительству, живетъ себѣ спокойно, отъ внѣшнихъ враговъ безопасно, отъ внутреннихъ лиходѣевъ охранно, находитъ себѣ въ нужномъ случаѣ сыскъ и управу, всякую помощь, пользуется разными удобствами и выгодами, и пр. и пр. У чиновника свое тягло, у дворянина свое, у купца свое, у духовнаго свое; вотъ и нашъ братъ грамотѣй, писатель, отправляетъ свою службу, кажись бы и легкую, сиди да пиши, анъ нѣтъ, пописалъ, а тамъ и чахотку схватилъ, ослѣпъ, оглохъ, или стукнетъ тебя въ голову такъ, что упадешь да и не охнешь. Царь, на что уже человѣкъ выше и сильнѣе, а и у него своя забота, своя работа, служба, потяжеле всѣхъ. Сынъ царскій, наслѣдникъ, чуть достигнулъ совершеннолѣтія, такъ уже и принимаетъ присягу служить Отечеству вѣрою и правдою. Слово *Писанія* исполняется повсемѣстно: *въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой.* По тѣмъ же самымъ причинамъ и крестьянинъ долженъ ежегодно взносить въ государственную казну опредѣленную подать, а кàкъ эта подать называется—подушная, поземельная или задѣльная, не все ли то равно? Въ чьи руки подать представляется: помѣщику, исправнику или въ Волостное Правленіе—разницы нѣтъ! Нечего и разбирать, за что она платится. За все—вотъ тебѣ и короткій

отвѣтъ. Въ *Положеніяхъ* толкуется о платѣ за усадьбу, за угодья, собственно для очистки понятій. Хорошо бы только платить поменьше, кому бы-то ни было. Объ томъ-то и есть первая забота у царя, чтобы всѣмъ сословіямъ въ государствѣ, всѣмъ людямъ жить становилось легче и легче. Слѣдовательно, толковать и сомнѣваться, или упираться — нечего, за что платитъ крестьянинъ въ казну или помѣщику. Такъ положено по общему государственному постановленію. Увидитъ начальство, что тамъ ли, сямъ ли, народу становится тяжко, не въ моготу, ну, оно и представитъ кому слѣдуетъ, а потомъ на царское благоусмотрѣніе, и учинится скидка, отсрочка или облегченіе. Храни только Богъ обманывать начальство, да обмануть, впрочемъ, и мудрено. Обманъ тотчасъ изобличится, и тогда стыдно будетъ виноватому крестьянину, или деревнѣ или волости.

Мнѣ остается теперь поздравить васъ, любезные друзья, съ наступающимъ торжественнымъ праздникомъ Воскресенія Христова, и пожелать вамъ всякаго счастія, здравія же и спасенія, и во всемъ благаго поспѣшенія, на враги же, видимые и невидимые, побѣды и одолѣнія.

Какъ разъ, въ нынѣшнемъ году и Юрьевъ день, столько для васъ приснопамятный, пришелся къ дню св. Пасхи. Дай Боже, всѣмъ православнымъ христіанамъ, начиная съ благочестивѣйшаго, любезнѣйшаго Государя нашего Александра Николаевича, со всѣмъ его Царскимъ Домомъ, встрѣтить и проводить святые дни въ радости, мирѣ и спокойствіи на многія лѣта!

Слава Тебѣ, Господи, Слава Тебѣ“ [17]).

Вторая *Грамотка* привела графиню Блудову въ негодованіе, и она писала Погодину: „Выходитъ, что всѣ наши замѣчанія на вашу послѣднюю *Грамотку*—всѣ мѣста, которыя я просила васъ *замѣтить*, чтобы измѣнить объ томъ какъ Государь будто бы смѣялся и о маленькой великой княжнѣ, и всѣ замѣчанія батюшки о смягченіи помѣщичьихъ злоупотребленій, вы не измѣнили, не смягчили—теперь уже все-

возможныя сплетни и исторіи пошли объ этомъ. Я не могу отъ васъ скрыть, что вы такимъ неосторожнымъ авторскимъ самолюбіемъ, нехотящимъ ни слова перемѣнить въ своей редакціи, и себѣ, и всѣмъ сочувствующимъ дѣлу много вредите! Мнѣ это больно потому, что могутъ имѣть непріятности черезъ это нѣкоторые прекрасные люди, подъ которыхъ и такъ подкапываются. Вотъ почему нельзя васъ не бранить; ужъ извините! Вы уже не говорите объ томъ, что̀ сплетничаютъ— авось, если промолчимъ всѣ, то и сплетни утихнутъ" [18]).

Самъ же Погодинъ былъ вполнѣ доволенъ своими *Грамотками.* По крайней мѣрѣ вотъ что писалъ онъ князю П. А. Вяземскому: „*Грамотки* мои надо бы разсыпать по всей Россіи, а наши тупые не умѣютъ распорядиться, чтобъ онѣ были перепечатаны хоть въ казенныхъ газетахъ" [19]).

VIII.

Вскорѣ по объявленіи манифеста 19 февраля, престарѣлый министръ Внутреннихъ Дѣлъ С. С. Ленскій былъ возведенъ въ графское достоинство, въ званіе оберъ-камерсера Высочайшаго Двора и, по прошенію, уволенъ отъ должности министра; а преемникомъ ему назначенъ Петръ Александровичъ Валуевъ.

Погодинъ писалъ Шевыреву: „Валуевъ назначенъ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Его иные хвалятъ".

„Такое назначеніе", — писалъ графъ Д. Н. Толстой, — „было принято съ восторгомъ всѣми, кто искренно былъ привязанъ къ престолу и Отечеству. Назначеніе это обѣщало много. Валуева не знали; но знали, что не принадлежитъ ни къ какой партіи; знали, что назначеніе его не было слѣдствіемъ интриги, а истекало изъ личнаго выбора Государя, и ожидали отъ него многаго. Я зналъ Валуева. Я сблизился съ нимъ въ такомъ еще возрастѣ, когда сближенія бываютъ чисты и безкорыстны. Не буду говорить о его недостаткахъ, отъ которыхъ не свободенъ ни одинъ человѣкъ

въ мірѣ; скажу только о томъ, что онъ соединялъ въ себѣ все, что̀ составляетъ условіе благороднаго человѣка. Онъ глубоко преданъ Государю, горячо любитъ Отечество, обладаетъ умомъ свѣтлымъ и образованнымъ, вполнѣ владѣетъ собою и умѣньемъ вести себя, пишетъ и говоритъ съ замѣчательнымъ дарованіемъ, работаетъ быстро и неутомимо, имѣетъ доброе, любящее сердце и проникнутъ чувствомъ справедливости и правосудія. Таковы личныя его качества. Немудрено, если съ такими достоинствами, которыхъ онъ не можетъ не сознавать въ себѣ, слышимыя имъ отъ окружающихъ лицъ восхваленія принимаются имъ за чистую монету; немудрено, что эгоистическія ихъ выраженія любви къ нему и преданности мало-по-малу представляются ему въ видѣ искренней привязанности".

Подъ 24 апрѣля 1861 года, Никитенко записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „У Муханова встрѣтилъ новаго министра Внутреннихъ Дѣлъ Валуева, который былъ лучезаренъ, какъ восходящее свѣтило. Онъ наговорилъ мнѣ кучу любезностей".

„Замѣна Ланского Валуевымъ",—замѣчаетъ Татищевъ,—„получила опредѣленное политическое значеніе, какъ указаніе на желаніе Государя, въ дальнѣйшемъ направленіи крестьянскаго дѣла, принять въ соображеніе законные интересы дворянъ, а также изгладить то раздражающее впечатлѣніе, что̀ произвело на большинство землевладѣльцевъ, недовѣрчивыя и даже пренебрежительныя отношенія къ помѣстному дворянству органовъ администраціи. Что таково именно было значеніе состоявшейся министерской перемѣны, подтверждалось и одновременнымъ удаленіемъ Н. А. Милютина съ должности товарища министра, хотя съ производствомъ въ сенаторы, но съ увольненіемъ въ продолжительный заграничный отпускъ".

Такимъ образомъ, П. А. Валуеву выпалъ жребій „вводить освобожденіе крестьянъ".

Проживъ почти мѣсяцъ въ Петербургѣ, Погодинъ, въ мрачномъ расположеніи духа, вернулся въ Москву, и оттуда,

4 мая 1861 года, писалъ Шевыреву: „А и время же мудреное и трудное! Грустно, что ладьею нашею или кораблемъ большимъ управляютъ кормщики нарумяненные, набѣленные, насурмленные, гробы повапленные. Наглядѣлся я на нихъ по Петербургскимъ раутамъ и повторялъ стихи Мерзлякова:

Отечество мое, чрезъ сихъ ли ослѣпленныхъ,
Ты будешь силою и славой возрастать?

Я прожилъ въ Петербургѣ почти мѣсяцъ... Манифестъ написанъ Филаретомъ пренелѣпо. Въ *Положеніяхъ* переломишь ногу. Народъ ничего не понялъ, и крупичатая мука сдѣлана хуже аржаной. Грустно и тяжко! Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начались безпокойства, вслѣдствіе недоразумѣній, и являются злонамѣренные люди, которые пользуются ими. Мнѣ кажется, еслибъ вмѣсто всей этой дребедени сказать крестьянамъ: „Вы свободны; ни барщины, ни оброка нѣтъ, поборовъ нѣтъ, земля, коей пользуетесь, ваша, а подати платить въ казну вы должны ежегодно столько-то". Отъ подати въ казну крестьянинъ отказаться не можетъ, потому что подать платятъ всѣ; а платить за усадьбу, за угодья, онъ упирается, потому что все считаетъ своимъ. Въ числѣ подати вы включите и оброкъ нынѣшній и всѣ повинности. Получа подать, вы сами отдадите что слѣдуетъ помѣщику и что слѣдуетъ оставите на прочія повинности, подушныя, поземельныя и проч. И помѣщику будетъ пріятнѣе и спокойнѣе получать свой оброкъ отъ казны, чѣмъ отъ крестьянъ. Разлученные de jure, они будутъ жить de facto гораздо дружнѣе, потому что взаимная нужда будетъ ихъ къ тому побуждать, а теперь все между ними какъ-будто кость. Что просто, то для мудрецовъ, особенно Петербургскихъ, непонятно" [20]).

Въ томъ же духѣ Погодинъ писалъ и къ А. В. Головнину, который отвѣчалъ ему: „Искренно благодарю васъ, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, за письмо, отъ 4 мая, и спѣшу отвѣчать: Коренное преобразованіе въ бытѣ 20/м. людей не можетъ совершиться безъ многихъ неустройствъ, заблужденій, потерь, жертвъ, страданій и проч., и съ этимъ приходится

помириться. Оно не можетъ совершиться рѣзкими мѣрами и только медленное преобразованіе можетъ уменьшить до нѣкоторой степени помянутыя жертвы и страданія. Положеніе о выкупѣ ведетъ прямо къ цѣли, которую вы указываете, т.-е., развязать крестьянина съ помѣщикомъ, но ведетъ медленно; а болѣе крутая мѣра произвела бы сильное экономическое потрясеніе. Многое видишь возлѣ себя дурнаго, но не въ силахъ исправить, многое видишь въ воображеніи идеально-хорошаго, но не въ силахъ достигнуть или осуществить. Въ заключеніе желаю вамъ еще надолго сохранить теплоту юношескаго сердца, увлеченіе ко всему прекрасному и мысль, что прекрасное легко достижимо. Я же ѣду на дняхъ на кислыя воды въ Франценбадъ. У меня нѣтъ Нѣмцевъ-управителей, а есть выбранные міромъ старосты, нѣтъ барщины а есть старинный оброкъ, и черезъ день послѣ прочтенія манифеста крестьяне прислали мнѣ оброкъ впередъ по ноябрь" [21]).

„Однако",—замѣчаетъ Никитенко въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 3 мая 1861 года,—„добродушный Русскій народъ, который, по словамъ Погодина, встрѣтилъ свободу *съ умиленіемъ сердца, кротко и благородно*, начинаетъ въ разныхъ мѣстахъ проявлять свое вѣковое невѣжество и грубое непониманіе закона и права".

Еще подъ *10 апрѣля* 1861 года, въ *Дневникѣ* Никитенки мы встрѣчаемся съ слѣдующею записью: „Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, въ разныхъ уѣздахъ, уже произошли волненія среди крестьянъ, которые отказываются отъ выполненія всякихъ повинностей въ отношеніи къ помѣщикамъ. Помѣщики, въ свою очередь, сильно раздражаются. Надо опасаться столкновеній при надѣлѣ землей. Между тѣмъ, такъ называемый, образованный классъ и передовые — какъ они сами себя называютъ—люди, бредятъ конституціей, соціализмомъ и проч. Юношество въ полной деморализаціи. Польша кипитъ—и не одно Царство Польское, но и Литва. Все это угрожаетъ чѣмъ-то зловѣщимъ"...

Послушаемъ С. М. Сухотина:

26 марта 1861 года: „Большею частію извѣстія самыя утѣшительныя изъ деревни: народъ спокоенъ и держитъ себя весьма достойно, показывая между тѣмъ сочувствіе и благодарность своимъ прежнимъ добрымъ помѣщикамъ; вспомнить разсказы Савина, Ахлестышова, графа Закревскаго. Рядомъ съ этимъ есть, впрочемъ, и сопротивленіе со стороны крестьянъ; вспомнить разсказы Сушковыхъ, В. Д. Давыдова, В. В. Павловой. Что-то будетъ весною при посѣвахъ? А сколько мрачныхъ пессимистовъ-дворянъ, которые могутъ все дѣло испортить. Мнѣніе грустное князя Н. И. Трубецкаго: j'aime mieux les coquins que les rouges.

29 марта 1861 года: Неблагопріятные слухи получены изъ Спасскаго уѣзда, Рязанской губерніи: управляющій М. П. Полуденскаго пишетъ къ нему, что въ сосѣднемъ селѣ Задубровьѣ, крестьяне взбунтовались, разграбили домъ и все добро помѣщика Торопчаникова, растащили все его гумно; въ этомъ же селеніи проживающіе мелкопомѣстные прошли чрезъ разныя испытанія, между прочимъ, госпожа Бахтіарова получила двѣ плюхи отъ двороваго человѣка. Крестьяне дошли до такого безобразія, что даже покинули свой скотъ, ничего на дѣлаютъ и грабятъ на дорогѣ. Всему причиной долженъ быть священникъ (еще благочинный!) того села Фіялкинъ .. А изъ нашихъ мѣстъ (т.-е., изъ Тульской губерніи) вѣсти самыя благопріятныя.

12 мая 1861 года: Со всѣхъ сторонъ получаются слухи самые неблагопріятные; вездѣ бунты, сопротивленія со стороны крестьянъ и недоразумѣнія...

Послѣднее письмо отъ брата Ѳедора и Любиньки, изъ Новосиля, самое неутѣшительное; отъ И. В. Павлова, изъ Мценска, то же самое. Чѣмъ все это кончится? Положительно то, что овесъ будетъ очень дорогъ, и что по крайней мѣрѣ ⅓ онаго по Россіи будетъ не посѣяна“ [22]).

IX.

15 апрѣля 1861 года, въ Петербургѣ была получена депеша изъ Казанской губерніи, извѣщающая о бунтѣ тамъ крестьянъ.

При объявленіи манифеста объ освобожденіи крестьянъ, въ селѣ Безднѣ, Спасскаго уѣзда, произошли безпорядки, вызвавшіе вмѣшательство вооруженной силы.

Казанскіе Духовная Академія и Университетъ выразили сочувствіе къ жертвамъ сего безпорядка. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ увѣдомилъ объ этомъ оберъ-прокурора Св. Сvнода графа А. П. Толстаго, что 16 апрѣля 1861 года, „студенты Университета и Академіи, въ числѣ ста пятидесяти человѣкъ, служили на кладбищѣ панихиду по убитымъ въ Безднѣ, и что профессоръ Академіи и Университета Щаповъ, послѣ панихиды, что то говорилъ и что Государь по прочтеніи депеши Казанскаго губернатора повелѣть изволилъ: *Узнать, чтó читалъ Щаповъ послѣ панихиды*.

Вслѣдъ за симъ, министръ Внутреннихъ Дѣлъ препроводилъ къ графу Толстому копію съ другой депеши слѣдующаго содержанія: „Щаповъ—баккалавръ. Архіепископъ Аѳанасій требовалъ рѣчь; Щаповъ не доставилъ. Жандармы узнать не могли, мнѣ рѣчь извѣстна отрывками, что ученіе Христа было демократическое, умеръ за свободу, какъ умираютъ теперь, наши братія труженики удобряли своею кровію нивы, которыя поили своимъ потомъ, скоро настанетъ минута освобожденія Россіи и что-то о конституціи. Щаповъ восторженный, дерзкій, пьющій, но умный. Отставленные архіереемъ два монаха, служившіе панихиду, съ правами священниковъ, вредны“.

Государь на депешѣ этой собственноручно соизволилъ начертать: *Щапова необходимо арестовать, и двухъ монаховъ заключить въ Соловецкій монастырь.*

Ректоромъ Казанской Академіи въ это время былъ знаменитый нашъ церковный законовѣдъ, архимандритъ Іоаннъ.

Оберъ-прокуроръ Св. Сvнода графъ Толстой (27 апрѣля 1861 г.) не безъ смущенія писалъ митрополиту Московскому слѣдующее: „Объ этомъ печальномъ происшествіи я слышалъ и отъ самого Государя Императора и при семъ имѣлъ счастіе доложить Его Величеству, что для принятія ближайшихъ по этому предмету мѣръ нужны свѣдѣнія о числѣ студентовъ Академіи, бывшихъ на панихидѣ и подробныя свѣдѣнія о каждомъ изъ нихъ, о Щаповѣ и его рѣчи и двухъ монахахъ и вообще о духѣ и направленіи всей Казанской Академіи... Архимандритъ Іоаннъ, сколько я его знаю, нимало не погрѣшаетъ въ умышленномъ распространеніи какихъ-либо ложныхъ духовныхъ или политическихъ ученій, но какъ онъ крутаго нрава, гордъ и потому далеко держитъ себя отъ преподавателей и студентовъ, то онъ могъ оставаться въ совершенной неизвѣстности о внутреннемъ поврежденіи умовъ ввѣренныхъ ему воспитанниковъ, отъ коихъ, какъ и отъ преподавателей требовалъ только наружной дисциплины, наружнаго къ себѣ почтенія".

За свой талантъ и трудолюбіе Щаповъ нашелъ себѣ покровителя въ тогдашнемъ попечителѣ Казанскаго Учебнаго Округа князѣ Павлѣ Петровичѣ Вяземскомъ. По предстательству князя Вяземскаго, министръ Внутреннихъ Дѣлъ П. А. Валуевъ пріютилъ Щапова въ своемъ Министерствѣ.

Разставаясь съ Казанью, Щаповъ не помянулъ добромъ города, въ которомъ онъ занималъ должность баккалавра Русской Исторіи въ Духовной Академіи и читалъ эту науку въ Университетѣ, „производя фуроръ въ слушателяхъ".

Щаповъ писалъ:

Городъ сплетенъ, городъ пыли,
Городъ разныхъ лихорадокъ,
Городъ, гдѣ меня судили,
Какъ змѣя ты мнѣ сталъ гадокъ!

Восемь лѣтъ въ своихъ объятьяхъ,
Городъ ты меня душилъ!

То въ мученьяхъ, то въ проклятьяхъ
Дни въ тебѣ я проводилъ.

Много слезъ въ тебѣ я пролилъ
За страданье мужичка;
Ты широкихъ думъ не понялъ
Сына бѣднаго дьячка.

Жалкій городъ! Ты потѣхи
Ждалъ съ каѳедры отъ меня,
Думалъ ты, что я для смѣха
Выступаю предъ тебя?

Нѣтъ, не въ томъ мое призванье,
Чтобъ потѣхою служить!
Не хочу святое званье
Я учителя срамить!

Я открыто, прямо, ясно
Все сказалъ тебѣ что́ могъ,
А теперь съ тебя я гласно
Отряхаю прахъ отъ ногъ,
Спи же, городъ, сномъ глубокимъ,
. . . .
Ты не внялъ рѣчамъ широкимъ
Сына бѣднаго дьячка!

Покровительство, оказанное Щапову, возмутило А. Н. Муравьева, и онъ одному „вліятельному лицу“ писалъ: „Пишу тебѣ, любезный другъ, можно сказать съ отчаянія, потому что я, право, уже не знаю, къ кому мнѣ обращаться противъ наглости нашихъ писателей и вольности нашей цензуры; а что еще будетъ, когда ее совсѣмъ уничтожатъ. Я ужъ писалъ изъ Кіева и графу Строганову, и министру Внутреннихъ Дѣлъ о несвоевременыхъ выходкахъ *Современнаго Слова*, которое повсюду старается распространить обзоръ всѣхъ конституцій и свои на нихъ либеральные взгляды. Министру я напоминалъ даже о долгѣ присяги, которая заставляетъ насъ быть вѣрными самодержавію, доколѣ стоитъ оно на Руси, и не допускать такъ безсовѣстно его колебать; но всѣ мои возгласы остались безъ отзыва и послѣдствій.

Теперь явилась новая книжка: *Земство и Расколъ* Щапова, который былъ за Казанскую исторію чуть не сосланъ

въ Соловецкій монастырь, и вмѣсто того причисленъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, по уваженію къ его таланту (хотя я никакъ не могу сообразить, что можетъ быть сходнаго между Соловками и Министерствомъ), а куда направленъ его талантъ, мы видимъ изъ его брошюры. Еще это только первый выпускъ; если же съ рукъ сойдетъ, то каковы будутъ послѣдующіе? И всѣ молчатъ, а брошюра сія была уже напечатана отдѣльными статьями въ журналахъ.

Дѣлать изъ нея выписки нахожу излишнимъ, потому что вся она, отъ начала до конца, проникнута тѣмъ же мятежнымъ духомъ, который обнаруживается въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ.

Сущность книги: что расколъ есть ничто иное, какъ протестъ земства противъ правительства, по его нестерпимымъ злоупотребленіямъ, и что слѣдственно характеръ раскола не есть религіозный, а гражданскій. Выбрало себѣ нѣкогда земство царя, но царь не въ силахъ былъ одолѣть всѣхъ злоупотребленій людей и чиновныхъ, и приказныхъ, а сынъ его царь Алексѣй составилъ свое *Уложеніе*, мимо земства, и сталъ править по своей волѣ, почему и прослылъ самодержцемъ.

Отъ сего образовался расколъ въ царствѣ и земство отпало отъ царя, отъ того и первые раскольники стали бѣгать по лѣсамъ и пустынямъ, чтобы отыскать себѣ свободу, такъ какъ иго сіе уже становилось невыносимо.

Осьмой же царь антихристъ, т.-е., Петръ Великій, въ потокахъ крови похоронилъ старую Русь, и началась еще болѣе тяжкая эпоха при устроителѣ новой политическо-географической, Петербургско-губернской централизаціи властей. По выраженію автора, расколъ есть недовольство народное. Все горе, злосчастье, всѣ элементы бунтовъ народныхъ, возвелъ онъ въ вѣковой народный заговоръ, въ согласье, въ доктрину. Духъ Стеньки Разина, духъ стрѣльцовъ воплотился въ живучую неумирающую вѣковую оппозицію раскола. Это настоящій коммунизмъ съ безпрестанными выходками противъ бояръ и чиновниковъ, требующій уравненія во всемъ,

съ частыми ссылками на раскольничьи книги, изъ которыхъ приводятся цѣлыя тирады съ народными пѣснями; однимъ словомъ, расколъ выбранъ орудіемъ или лучше сказать, рычагомъ, чтобы все поднять для какой нибудь новой Пугачевщины.

И это поняли весьма хорошо наши заграничные агитаторы, которые къ расколу обращаютъ свои воззванія, надѣясь чрезъ его посредство возмутить Россію, такъ какъ она, вопреки ихъ чаянью, осталась спокойною послѣ освобожденія крестьянъ. А между тѣмъ, расколъ все болѣе и болѣе распространяется, потому что ему дѣлаютъ всякаго рода поблажки, и напрасно думаютъ, что духовенство само собою одними пастырскими увѣщаніями можетъ, безъ содѣйствія правительственныхъ мѣръ, искоренить эту язву, которая теперь дѣйствительно имѣетъ характеръ болѣе политическій, нежели духовный, такъ какъ расколъ образуетъ родъ status in statu.

Но обратимся къ цензурѣ. Я весьма понимаю, что талантливый авторъ, промѣнявшій Соловки на разгульную жизнь, пишетъ подъ веселый часъ такого рода книжки, каковы *Земство и Расколъ*, получая за нихъ, отъ кого слѣдуетъ, денежную плату, и стараясь такимъ образомъ возблагодарить правительство за оказанную ему милость, какъ это въ такомъ случаѣ всегда бываетъ. Я понимаю также издателя Кожанчикова, который съ такою дѣтскою наивностью увѣрялъ, будто онъ, какъ человѣкъ торговый, вовсе не понимаетъ, что̀ самъ издаетъ и, разумѣется, внутренно смѣется надъ тѣми, которые ему столь же наивно вѣрятъ на слово, когда между тѣмъ онъ успѣлъ вызвать изъ мрака цѣлую раскольничью литературу. Я понимаю и цензоровъ, которые принадлежатъ большею частью къ тому же классу, изъ котораго произошли и авторы новѣйшихъ произведеній плачевной Литературы нашей, и отъ того держатъ ихъ руку и все имъ пропускаютъ, будучи сами твердо увѣрены не только въ совершенной безнаказанности, но даже и въ тепломъ заступничествѣ ближай-

шаго и высшаго своего начальства: потому что если бы хотя одинъ изъ нихъ, при первомъ своемъ умышленномъ промахѣ, вмѣсто родительскихъ увѣщаній, немедленно лишился бы мѣста, а чрезъ то и насущнаго хлѣба, то всѣ прочіе тотчасъ бы отрезвились.

Но если можно чему дивиться, такъ это равнодушію тѣхъ, на чьей отвѣтственнести лежитъ наблюденіе за высшей цензурой, въ особенности министра Просвѣщенія; ибо это его прямая обязанность, хотя онъ, для большей прочности своего мѣста, хитро подѣлился сею отвѣтственностью съ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ; а тотъ добродушно принялъ, вѣроятно, по тому убѣжденію, что, при множествѣ и разнообразіи ввѣренныхъ ему частей управленія, будетъ ли одною больше, или одною меньше—все равно!

Но если главный надзоръ за цензурою и строгая за нее отвѣтственность не будутъ лежать на одномъ лицѣ, то всегда будутъ тѣ же несчастныя послѣдствія. Это вовсе не дѣло министра Внутреннихъ Дѣлъ, но собственно министра Просвѣщенія. А теперь, какъ слышно, есть еще новое предположеніе: вовсе уничтожить предварительную цензуру, оставивъ только карательную, т.-е. правительство хочетъ само у себя отнять возможность предупреждать зло и прямо вручаетъ факелъ въ руки зажигателей. Позволятъ ли однако чумному заразить цѣлое селенье, и что̀ пользы, если его запрутъ, когда уже распространится болѣзнь? Не то же ли и здѣсь? Когда богохульная или возмутительная книга будетъ переходить изъ рукъ въ руки и заражать общество, какая польза въ томъ, что станутъ судить автора, достигшаго своей адской цѣли? Не лучше ли предупредить зло въ началѣ, вмѣсто того, чтобы карать безъ пользы впослѣдствіи?

Изумительно также равнодушіе нашихъ верховныхъ сановниковъ не только къ сему дѣлу, но и вообще къ либеральному или, лучше сказать, возмутительному направленію умовъ, котораго они хотя сами и не раздѣляютъ, но однако, потворствуютъ ему вполнѣ своимъ равнодушіемъ. Невольно

вспомнишь острое слово покойнаго Алексѣя Петровича Ермолова, при учрежденіи корпуса жандармовъ. „Теперь,—говорилъ онъ, — у каждаго или голубой мундиръ, или голубая подкладка, или хотя голубая заплатка". Не то же ли и теперь можно сказать, съ перемѣною только голубого цвѣта на красный? Иной улыбается, другой пожимаетъ плечами, всѣ чего-то боятся, а чего сами не знаютъ, потому что паническій безотчетный страхъ овладѣлъ всѣми.

Разгулъ небольшой шайки развратныхъ пролетаріевъ или исключенныхъ поповичей представляется имъ какъ будто голосомъ всего народа, и этой шайкѣ позволяютъ бушевать по произволу. Изъ недостойныхъ видовъ популярности, они прислушиваются къ тому, что̀ скажетъ о нихъ Европа, и не хотятъ слышать того, что вопіетъ въ ихъ слухъ Россія; а между тѣмъ, зло усиливается отъ такого малодушія, которое походитъ, можно сказать, на какую-то водобоязнь.

Но не отъ умышленнаго ли разврата писателей XVIII вѣка, безнаказанно возстававшихъ на церковь и на правительство, при совершенной распущенности нравовъ, которая теперь допускается и у насъ, возникла Французская революція? Не то же ли повторяется въ Россіи, съ такою лишь разницею, что приготовлявшееся тогда десятками лѣтъ, теперь, съ уничтоженіемъ времени и пространства, совершится быстро; да сверхъ того у насъ еще есть мятежная Польша!

Извини, любезный другъ, что, отъ избытка огорченнаго сердца, я тебѣ такъ пространно высказалъ то, что у меня было на душѣ. Прими это письмо, какъ выраженіе той увѣренности и того уваженія, какое я къ тебѣ питаю за твою истинно-патріотическую ревность къ общему дѣлу, когда уже у многихъ опустились руки".

По свидѣтельству В. П. Батуринскаго, „теорія Щапова о расколѣ, какъ политическомъ протестѣ народа, нашла сочувствіе у Огарева, который началъ издавать при *Колоколѣ* спеціальный журналъ для вовлеченія раскольниковъ въ революціонное движеніе, носившій названіе *Общее Вѣче*. Огареву

содѣйствовалъ въ этомъ отношеніи эмигрантъ Кельсіевъ, увлекавшійся идеей о возможности раскольничьей революціи. Огареву и Кельсіеву, религіозныя убѣжденія которыхъ не имѣли ничего общаго съ расколомъ, приходилось, для „практическихъ цѣлей“, и въ журналѣ, и въ личныхъ сношеніяхъ съ раскольниками, надѣвать на себя личину раскольниковъ. Пріѣздъ Бакунина въ Лондонъ подлилъ масла въ огонь. Бакунинъ, руководясь принципомъ „цѣль оправдываетъ средства“, вполнѣ сочувствовалъ и поддерживалъ тактику Огарева. Въ воспоминаніяхъ старообрядческаго епископа Пафнутія Коломенскаго, бывшаго въ Лондонѣ, съ цѣлью установленія сношеній съ кружкомъ *Колокола*, имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія о роли Бакунина въ этомъ дѣлѣ.

„Пафнутій“, — говорится въ воспоминаніяхъ, — „разсказалъ на пріемѣ у Герцена, какъ старообрядческій инокъ Алимпій (Милорадовъ) отличался на Пражскомъ Славянскомъ сеймѣ (1848) и на улицахъ города Праги, во время происходившаго тамъ возстанія противъ Австрійцевъ. Это извѣстіе было совершенной новостью для Герцена. Не дальше, какъ на слѣдующій день послѣ свиданія Пафнутія съ Герценомъ, Кельсіевъ вбѣжалъ въ комнату Пафнутія и сообщилъ новость, что въ Лондонъ пріѣхалъ Бакунинъ, что его спрашивали, между прочимъ, объ Алимпіѣ, что разсказъ Пафнутія онъ подтвердилъ вполнѣ и очень радъ повидаться съ знакомымъ своего Пражскаго сподвижника. Вечеромъ 5 января, въ Крещенскій сочельникъ, Пафнутій сидѣлъ одиноко въ своей квартирѣ. Вдругъ онъ слышитъ, что кто-то, распѣвая густымъ басомъ: *Во Іорданѣ крещающуюся Тебѣ Господи*, — тяжелыми шагами поднимается по лѣстницѣ; дверь распахнулась, и какой-то незнакомецъ, сопровождаемый Кельсіевымъ, съ хохотомъ вошелъ въ комнату и сталъ привѣтствовать изумленнаго Пафнутія. Это былъ самъ Бакунинъ. Его наружность, грубая безцеремонность и это распѣваніе священной пѣсни, которымъ онъ какъ будто хотѣлъ скрасить свой первый визитъ къ старообрядцу, но въ которомъ слышалось не-

вольно самое наглое кощунство, все это произвело на Пафнутія крайне непріятное впечатлѣніе. Кельсіевъ также чувствовалъ себя неловко. Но дѣло мало-по-малу уладилось, и знакомство съ новою знаменитостью изъ Герценовскаго кружка завязалось. Вскорѣ потомъ Бакунинъ составилъ для *Колокола* статью о своихъ похожденіяхъ, въ которой упоминалъ и о подвигахъ отца Алимпія. Статью прежде напечатанія показали Пафнутію. Оберегая интересы старообрядчества, онъ просилъ, чтобы не писали объ этихъ подвигахъ и особенно, чтобъ не было упоминаемо самое имя Алимпія, особы очень маловажной въ Исторіи Бѣлокриницкой іерархіи. Само собою разумѣется, что его просьба была уважена, и въ статьѣ ограничились только подстрочнымъ примѣчаніемъ, что на Пражскомъ сеймѣ съ Бакунинымъ никого изъ Русскихъ не было, кромѣ одного старообрядческаго инока. При другомъ свиданіи, также въ присутствіи Кельсіева, Бакунинъ читалъ Пафнутію письма, которыя приготовилъ къ своимъ старымъ друзьямъ, въ томъ числѣ и къ Алимпію; онъ извѣщалъ ихъ о своемъ освобожденіи и приглашалъ снова приниматься за старое дѣло. „Отецъ Алимпій“,—такъ писалъ онъ къ этому послѣднему,—„помнишь ли Прагу? Что же ты дремлешь? Пора за дѣло“!

Кельсіевъ съ тревожнымъ любопытствомъ слѣдилъ какъ дѣйствовало это чтеніе на Пафнутія и вообще немало смущался болтливостью и неумѣстною откровенностью Бакунина, который непринужденно витійствовалъ о такихъ вещахъ, относительно которыхъ, очевидно, ему хотѣлось оставить Пафнутія въ невѣдѣніи, такъ какъ Кельсіевъ понималъ, что не слѣдуетъ посвящать Пафнутія во всѣ таинства политическихъ и особенно религіозныхъ ученій, принятыхъ въ обществѣ Герцена, что, по крайней мѣрѣ, нужно знакомить съ ними постепенно и соблюдать осторожность. Самъ Герценъ не могъ не признать справедливости этихъ замѣчаній и до того простеръ внимательность къ старообрядческимъ убѣжденіямъ своего гостя, что у него даже не курили въ присутствіи Паф-

нутія, пока, наконецъ, этотъ послѣдній самъ не попросилъ оставить такую щепетильность".

Когда Пафнутій, понявъ, наконецъ, зачѣмъ Герценъ и его гости выходили въ сосѣднюю комнату, попросилъ ихъ, не стѣсняясь, курить при немъ, то Бакунинъ, къ крайнему неудовольствію Кельсіева, захохотавши, воскликнулъ: „Ну, значитъ, благословилъ"! Пафнутій не преминулъ сдѣлать Бакунину строгое замѣчаніе за кощунство въ его словахъ; онъ замѣтилъ, что иное дѣло терпѣть непозволительный обычай, а иное дѣло благословлять, что если бы онъ имѣлъ право раздавать благословенія, то никогда не далъ бы его на куреніе табаку, хотя и смотритъ на этотъ обычай снисходительно, такъ какъ не находитъ въ немъ ереси".

Чѣмъ же окончились эти недостойныя заискиванія предъ раскольникомъ? Пафнутій пріѣзжалъ въ Лондонъ съ довольно широкими планами устройства въ Англіи старообрядческой епископіи, монастыря и школы, при помощи Русскихъ эмигрантовъ, группировавшихся возлѣ *Колокола*. Но личное столкновеніе съ ними произвело на него такое впечатлѣніе, что онъ впослѣдствіи, когда Кельсіевъ тайкомъ пріѣхалъ въ Москву, уклонился даже отъ свиданія съ нимъ. Въ довершеніе скандала, старообрядческій Бѣлокриницкій епископъ Кириллъ издалъ архипастырское посланіе, въ которомъ совѣтовалъ своимъ единовѣрцамъ „показати всякое благоразуміе и благонамѣреніе предъ Царемъ и отъ врагъ его удалятися и бѣгати, яко отъ мятежныхъ крамольниковъ Поляковъ, *тако наипаче отъ злокозненныхъ безбожниковъ, гнѣздящихся въ Лондонѣ*" [23])....

X.

Нерадостны были вѣсти и изъ Тамбовской губерніи. Одинъ тамошній помѣщикъ разсказывалъ Никитенкѣ, что у него въ имѣніи тоже были „сцены неповиновенія властямъ: *Не хотимъ работать и дай намъ земли сколько хотимъ*. Опять

принуждены были призвать солдатъ для растолкованія имъ, что работать должно и что земля не вся ихъ. Въ другомъ имѣніи крестьяне бросились съ топорами въ барскій лѣсъ и весь вырубили" [24]).

Пріѣхавшій изъ Бейрута въ Кирсановъ Н. В. Бергъ, 5 ноября 1861 года, писалъ Погодину: „Сколько лѣтъ, сколько зимъ, добрѣйшій и почтеннѣйшій Михайло Петровичъ. Говорятъ, „Кузьма закуетъ, а Михаилъ Архангелъ раскуетъ", т.-е., 1-го ноября ударитъ морозъ, а 8-го будетъ оттепель. Дѣйствительно, у насъ 1-го ноября сильно заморозило, а теперь, 5-е, опять оттаиваетъ. Легко понять, что я васъ очень просто вспомнилъ, а равно и то, что день 8-го ноября много лѣтъ мы проводили вмѣстѣ. Все это осталось за горами и Богъ вѣсть, когда придется опять быть въ Москвѣ... Самое прекрасное дѣло сопровождается гнусностями и безпорядками. Я разумѣю освобожденіе крестьянъ. Тутъ размазывать много нечего. Вы чувствуете въ воздухѣ, что все замерло и остановилось, а холопство многихъ изъ нашей братіи, попавшихъ на служебную дорогу, еще болѣе помогаетъ безпорядкамъ и вызываетъ новые. Какъ правительству не забрать въ руки весь этотъ холопѣющій, раболѣпный народъ, когда онъ самъ протягиваетъ шею, и, такъ сказать, напрашивается на новыя лишенія и стѣсненія, которыя самъ изобрѣтаетъ напередъ и лѣзетъ съ ними на глаза разнымъ властямъ, какъ будто съ какимъ товаромъ. Правительство и не думаетъ иной разъ, можетъ, даже и боится принять стѣснительную мѣру, а тутъ, глядь, разлетѣлись сами: возьми-молъ, ѣшь насъ еще... У насъ неслыханный застой во всемъ. Рабочихъ рукъ мгновенно не стало на огромныхъ пространствахъ. Рожь стояла мѣстами на корню до конца октября, рожь, убираемая обыкновенно въ іюлѣ, очень рѣдко въ августѣ. Гречихи брошены въ полѣ. У одного помѣщика не скошено сѣна на полуторѣ тысячахъ десятинъ. Вѣдь это маленькое княжество. Между тѣмъ, въ *Положеніяхъ*, изданныхъ Правительствомъ, отнюдь не приглашаютъ народъ къ такимъ безпорядкамъ. Нѣтъ со-

мнѣнія, что многія хозяйства рухнутъ совсѣмъ. А иные ужъ и рухнули. Существенная гибель помѣщиковъ, кажется, въ невозможности закладывать имѣнія и брать деньги, дасть извернуться. Все нелѣпѣйшимъ образомъ заперто на замокъ. Монеты давно никто не видитъ въ глаза. Всѣ стали ее припрятывать, кто по страху, кто по глупости. Напишите вообще, какъ живете и можете. Ваши вопли о застоѣ, чувствуемомъ повсюду, достигли до меня въ одной изъ газетъ. Мы всѣ перечитывали это и поражались немало. Чтó это, Боже мой! Что это будетъ! Куда идетъ Россія? Эта дивная страна, которой нѣтъ равной по богатствамъ и обилію чуть не всевозможныхъ произведеній; а куда она теперь отодвинулась! По моему, есть что-то сильно дрянное въ народѣ, чтò мѣшаетъ намъ блаженствовать. Куда ни поверни: и лѣнь, и подлость, и желаніе надуть другъ друга. Это послѣднее въ особенности. Серебро поддѣлываютъ; при торговлѣ съ иностранцами стараются спустить дрянь и гниль за хорошій товаръ. Довѣрія къ намъ нигдѣ никакого. Проживъ такъ долго въ кипящемъ дѣятельностью портѣ, я чувствую тоньше многихъ страшный застой нашего Отечества. Еслибъ не было глупой, или не знаю какой, къ нему привязанности, бѣжалъ бы къ чорту безъ оглядки. Срамъ сказать. Получилъ въ Бейрутѣ, при отъѣздѣ, полтораста рублей нашею серебряною монетою, безъ всякаго промѣна, а любезное Отечество, когда я поѣхалъ, выдало мнѣ только на 5 цѣлковыхъ серебра, при самыхъ ближайшихъ, школьныхъ связяхъ съ Московскимъ Казначействомъ. Въ нашемъ Тамбовскомъ Казначействѣ въ продолженіи пяти лѣтъ лежатъ, какъ рѣдкость, только *два золотыхъ*, кои казначей показываетъ друзьямъ посмотрѣть да подивиться. Тошно и грустно" [25]).

Въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 31 мая 1861 г., В. А. Мухановъ записалъ: „Говорятъ, что Калужское Дворянство прислало въ Москву, къ Государю, депутацію съ просьбою о перемѣнѣ губернатора Арцимовича. Императоръ принялъ депутацію съ гнѣвомъ и сказалъ, что губернаторъ на счету

лучшихъ начальниковъ и что теперь Государь еще болѣе утверждается въ этомъ мнѣніи".

Въ другомъ мѣстѣ своего *Дневника* (подъ 25 іюня) В. А. Мухановъ отмѣчаетъ: „Обѣдаютъ Исаковъ и Унковскій, который въ Черниговской губерніи нашелъ между крестьянами въ ходу копіи *Крещеной Собственности*, прокламацій и другихъ произведеній Герцена, а въ Калугѣ—крестьянъ враждебныхъ помѣщикамъ vice versa, и оба сословія возстановлены противъ Правительства, благодаря губернатору Арцимовичу, подбирающему въ сотрудники къ себѣ людей одного съ собою цвѣта, т.-е. краснаго" [26]).

Между тѣмъ, А. Ѳ. Кони въ своемъ *Воспоминаніи* о Викторѣ Антоновичѣ Арцимовичѣ пишетъ: „Оставивъ Тобольскъ, сопровождаемый общимъ сочувствіемъ, отголоски котораго радовали его до самой смерти, и поработавъ въ подготовительныхъ по крестьянской реформѣ коммиссіяхъ—онъ, въ качествѣ Калужскаго губернатора, долженъ былъ вводить освобожденіе крестьянъ. Новое дѣло потребовало сомоотверженнаго труда и чистыхъ побужденій. На зовъ Арцимовича собрался обширный кругъ молодыхъ людей, пошедшихъ въ непремѣнные члены и мировые посредники. Имъ приходилось переживать многое—отъ „вольнаго-невольнаго" непониманія окружающею средою новыхъ условій быта, отъ глухой вражды и отъ явныхъ клеветъ,—но двери, сердце и глубокія думы губернатора были имъ всегда открыты. Поддерживая ихъ внутренно указаніемъ на величіе дѣла, осуществляемаго по великодушной волѣ монарха, онъ внѣшнимъ образомъ служилъ имъ опорою всѣмъ своимъ авторитетомъ и личнымъ почином. Онъ самъ любилъ вспоминать это время,—время, когда онъ жилъ всею полнотою своихъ силъ, согрѣвая и оживляя другихъ,—какъ лучшее въ своей жизни" [27]).

Въ это время изъ Парижа, въ свое Мценское село Спасское, пріѣхалъ И. С. Тургеневъ, и оттуда, 7-го іюня 1861 г., писалъ П. В. Анненкову: „Я здоровъ—это главное; работаю потихоньку; гуляю въ ожиданіи охоты; вижусь съ нѣкоторыми

сосѣдями. Объясняемся съ мужиками, которые изъявили мнѣ свое благоволеніе: мои уступки доходятъ почти до подлости. Но вы знаете сами, и вѣроятно въ деревнѣ узнали еще лучше, чтò за птица Русскій мужикъ: надѣяться на него въ дѣлѣ выкупа—безуміе. Они даже на оброкъ не переходятъ, чтобы, во 1-хъ, не „обвязаться", во 2-хъ, не лишить себя возможности пресквернo справлять трехдневную барщину. Всякіе доводы теперь безсильны. Вы имъ сто разъ докажете, что на барщинѣ они теряютъ сто на сто; они вамъ все-таки отвѣтятъ, что „несогласны молъ". Оброчные даже завидуютъ барщиннымъ, что вотъ имъ вышла льгота, а намъ — нѣтъ. Къ счастью, здѣсь, въ Спасскомъ, мужики съ прошлаго года на оброкѣ".

Въ Спасскомъ, Тургеневъ прожилъ недолго и возвратился опять въ Парижъ [28]).

Мало отраднаго читаемъ мы и въ *Дневникѣ* почтеннаго старца графа Граббе. „Дѣла на Кавказѣ",—писалъ онъ,—„запутываются. Абадзехи возстали, Чечня мятется. Фельдмаршалъ больной уѣхалъ за-границу. Въ Польшѣ мятежъ. Въ Россіи суматоха отъ приступа къ отчужденію крестьянъ отъ помѣщиковъ. И тѣ и другіе недовольны. Въ Малороссіи вразумляютъ оружіемъ и розгами. Хозяйственныя дѣйствія стѣснены и разстроены. Въ будущемъ, особливо при надѣлѣ землею, ожиданія еще болѣе тревожныя. Нѣтъ, недовольно добрыхъ намѣреній и похвальной цѣли! Измѣненіе вѣками сложившагося порядка вещей не терпитъ крутаго переворота и нарушенія не только глубоко укоренившихся въ плоть и кровь обычаевъ, но и правъ собственности, основаніе всякаго общества. Постепенность была необходима. Шуму передъ Европой не нужно было. Слѣдовало вести къ цѣли путемъ закона. Она достижима была бы не только спокойно и твердо, но даже раньше, чѣмъ будетъ теперь. Сколько уже теперь несчастныхъ жертвъ неразумія и обманутыхъ надеждъ, вслѣдствіе неясныхъ обѣщаній! А что будетъ далѣе? И это внутреннее разстройство, въ такой тревожный періодъ общаго положенія дѣлъ политическихъ въ свѣтѣ"!

Въ другомъ мѣстѣ своего *Дневника* графъ Граббе пишетъ: „Безопасность общественная поколебалась и здѣсь въ Малороссіи. Неповиновеніе крестьянъ дѣло обыкновенное. Полиція и мировые посредники недостаточны и не могутъ замѣнить прежней, привычной власти помѣщиковъ, разумѣя ее въ законныхъ размѣрахъ, изъ которыхъ, конечно, она нерѣдко выходила. Правительство, безъ сомнѣнія, благонамѣренное, приступило къ разрѣшенію вопроса, на Западѣ вѣками устроеннаго, само вовсе не приготовленное, ни измѣненіемъ порочнаго судоустройства, продажной полиціи, искаженнаго избирательнаго начала, финансовой системы, ниже благоразумнымъ расположеніемъ военной силы, въ слѣпой надеждѣ на народный смыслъ. Несчастныхъ происшествій уже много, но, кажется, должно опасаться еще важнѣйшихъ“.

„Говорятъ“,—замѣчаетъ В. А. Мухановъ въ своемъ *Дневникѣ*,—„что мировые посредники Тверской губерніи явились къ губернатору съ просьбой измѣнить *Положеніе*, ибо при немъ дѣло ни на волосъ не подвигается.

„Н. М. Смирновъ“,—сообщаетъ В. А. Мухановъ,—„думалъ, что еслибы прожилъ Ростовцовъ, крестьянскій вопросъ разрѣшенъ былъ бы лучше“.

Изъ своего Богородскаго М. А. Дмитріевъ писалъ Погодину: „Совсѣмъ одряхлѣлъ. Много, можетъ быть, способствуютъ тому и хлопоты по высочайшему введенію безпорядка и разстройства въ наше хозяйство“.

Въ это тревожное время, съ высоты церковной каѳедры, въ смиренномъ Вдовьемъ Домѣ, въ Москвѣ, по свидѣтельству С. М. Сухотина, „священникъ Дома *) сказалъ прекрасную проповѣдь на текстъ: *Покаянія отверзи ми двери*, гдѣ онъ указалъ на фарисейство, сокровенно въ насъ пребывающее и состоящее въ самодовольствѣ съ соблюденіемъ повидимому всѣхъ нравственныхъ правилъ со стороны хорошихъ даже людей и такъ называемыхъ благонамѣренныхъ.

---

*) Протоіерей Петръ Алексѣевичъ Смирновъ. *Н. Б.*

Сегодня (19 марта 1861), священникъ во Вдовьемъ Домѣ, на тотъ же текстъ, сказалъ опять прекрасную проповѣдь противъ отчаянія духовнаго и мрачнаго настроенія духа“ [29]).

XI.

Историкъ Россіи С. М. Соловьевъ писалъ: „Освобожденіе совершилось. Сто лѣтъ тому назадъ, Екатерина спросившая Россію относительно освобожденія крестьянъ, услыхала отвѣтъ рѣзко-рѣшительно отрицательный. Я въ *Исторіи Россіи* изложилъ причины этого явленія. Александръ II не спрашивалъ объ этомъ у Россіи, и, конечно, еслибъ вопросъ былъ подвергнутъ тайной всеобщей подачѣ голосовъ (исключая, разумѣется, крѣпостныхъ), то отвѣтъ, надо полагать, вышелъ бы отрицательный.

Голоса помѣщиковъ были заглушены либеральными криками Литературы, сосредоточенный въ столицахъ. Дѣло было произведено революціоннымъ образомъ; употребленъ былъ нравственный терроръ. Человѣкъ, осмѣлившійся поднять голосъ за интересъ помѣщиковъ, подвергался насмѣшкамъ, клеймился позорнымъ именемъ крѣпостника... Пошла мода на либеральничанье, люди, несочувствовавшіе модѣ, видѣвшіе, что нарушаются ихъ самые близкіе интересы, пожимали плечами или въ тайнѣ яростно скрежетали зубами, но противиться потоку не могли, не смѣли,—и молчали.

Какъ бы то ни было, переворотъ былъ совершенъ... Крестьяне торжествовали; у прежнихъ землевладѣльцевъ отняли собственность и подѣлили ее между народомъ, замазавъ дѣло выкупомъ,—но выкупъ насильственный. Славянофилы торжествовали, не понимая, на чью мельницу они подлили воды: имъ нужно было провести общинное землевладѣніе.

Сначала дѣло обошлось спокойно, хотя боялись народнаго возстанія: въ Петропавловской крѣпости приготовлены были средства къ защитѣ, манифестъ былъ обнародованъ не

19-го числа февраля, а позднѣе, въ послѣднее воскресенье въ посту (5 марта). Мѣры напрасныя, происходившія отъ незнанія состоянія народа вообще и Русскаго въ то время въ особенности. Крестьяне приняли дѣло спокойно, хладнокровно, тупо, какъ принимается массою всякая мѣра, исходящая сверху и некасающаяся ближайшихъ интересовъ—Бога и хлѣба.

Интеллигенція, по недостатку вниманія, изученія низшаго класса, изумлялась этому равнодушію, приписывая его или великимъ качествамъ народа, или его тупости. Она кипятилась, подзадоривая себя опьяняющимъ словомъ: свобода, а мужичокъ оставался спокойнымъ, не обращая вниманія на происходившее около него бѣснованіе.

Простого человѣка свободою опьянить нельзя, ему надобно показать осязательно, что̀ выгоднѣе. Но этого вдругъ показать было нельзя...

Скажутъ: не могъ же крестьянинъ не обрадоваться, узнавъ, что онъ не будетъ болѣе зависѣть отъ произвола помѣщика, что его семейство и собственность будутъ безопасны? Отвѣчаю: тѣ крестьяне обрадовались, которыхъ семейство и собственность были въ опасности; но это были не всѣ крестьяне и не большинство.

Злоупотребленія помѣщичьей власти продолжались до послѣдняго времени, иногда обнаруживались въ ужасномъ видѣ, но это было *иногда* и преимущественно относительно дворни. Иногда крестьяне и убивали помѣщиковъ; но крестьяне наиболѣе зажиточные, которые по извѣстному закону могли бы скорѣе и сильнѣе другихъ поднять вопль и встать противъ притѣсненій, ибо у нихъ было что защищать, — такіе крестьяне не имѣли побужденія тяготиться своею участью, потому что были наиболѣе обезпечены: это были оброчные крестьяне богатѣйшихъ землевладѣльцевъ“ [30]).

Заключимъ эту главу свѣтлымъ явленіемъ, которое въ то время было, вѣроятно, не единственнымъ. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* напечатано: „12 марта 1861 года, въ Юхотской

вотчинѣ графа Д. Н. Шереметева, становой приставъ созвалъ мірской крестьянскій сходъ, и крестьянамъ былъ объявленъ манифестъ объ освобожденіи. Крестьяне прослушали манифестъ среди глубокой тишины. Они тотчасъ же стали просить управляющаго вотчиной, Анфимова, чтобы онъ написалъ графу Д. Н. Шереметеву просительное письмо о дозволеніи написать икону, для увѣковѣченія этого дня. Письмо было подписано бывшими на сходѣ крестьянами и отослано по принадлежности. *Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе*, восклицали крестьяне въ этомъ письмѣ, выражая при этомъ свою признательность Государю. Они благодарятъ и графа Шереметева за то, что жили не такъ, какъ другіе крѣпостные; что были почти свободны; не были отягощены оброкомъ и всегда находили въ графѣ Шереметевѣ добраго заступника. Крестьяне просили, чтобы на иконѣ были изображены тѣ святые, въ дни которыхъ празднуются тезоименитство Государя, Императрицы, Наслѣдника и, какъ сказано въ письмѣ, „попечителя по крестьянскому дѣлу" Великаго Князя Константина Николаевича, а также и графа Шереметева, его супруги и наслѣдниковъ. Редактору *Московскихъ Вѣдомостей* показалось очень страннымъ, что въ письмѣ крестьяне, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости, еще называютъ себя *рабами* помѣщика".

Графъ С. Д. Шереметевъ, въ своей *Домашней Старинѣ*, свидѣтельствуетъ: „Вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ, отцовскіе крестьяне не отстали отъ другихъ въ общемъ выраженіи Государю неподдѣльной радости, но и здѣсь выразилась своеобразная особенность ихъ отношеній къ отцу моему. Они прежде всего явились къ нему съ настоятельной просьбой самому вести ихъ къ Государю—что безъ него они не желаютъ подносить хлѣба-соли и отдѣлять себя отъ него въ такую знаменательную и торжественную минуту. Отца это заявленіе очень порадовало и утѣшило. И здѣсь звучала правда. Здѣсь не могло быть фразъ. Въ назначенный день, отецъ отправился во Дворецъ во главѣ крестьянской депутаціи, и

это совмѣстное появленіе отца съ крестьянами—видимо доставило удовольствіе Государю. Онъ обласкалъ крестьянъ и указалъ на тѣсную и живую связь ихъ съ такими помѣщиками, какимъ былъ мой отецъ. Съ нимъ Государь былъ особенно привѣтливъ, и день этотъ остался въ памяти отца моего, какъ одно изъ лучшихъ воспоминаній въ жизни. Помню, съ какою радостью разсказывалъ онъ мнѣ подробности этого представленія".

Черезъ сорокъ одинъ годъ послѣ этого событія, *ясно глаголющаго* о нравственной связи дворянства съ крестьянствомъ, графъ Сергій Дмитріевичъ Шереметевъ получилъ „почтительнѣйшее прошеніе" крестьянина деревни Шохина, Пыжовской волости, Ржевскаго уѣзда, Тверской губерніи, Зосимы Ермолаева, слѣдующаго содержанія: „Я узналъ, что 2 апрѣля 1903 года исполнится столѣтіе пользованія Страннопріимнымъ Домомъ Молодотудскою дачей вашего сіятельства. Проживши почти 80 лѣтъ, я былъ въ крѣпостной зависимости отъ приснопамятнаго отца вашего, его сіятельства Дмитрія Николаевича. Хорошо вспоминаю я ту прежнюю жизнь; вѣдь какъ онъ былъ милостивъ къ намъ, крѣпостнымъ крестьянамъ: на барщину насъ работать не гоняли, тѣлесныхъ наказаній мы не испытывали, землей пользовались сколько было намъ угодно, оброки платили малые, и теперь, послѣ освобожденія крестьянъ, земли намъ подарено не $4^1/_2$ десятины, какъ у другихъ помѣщиковъ, а по 10 десятинъ. За его человѣколюбивыя отношенія къ намъ, крестьянамъ, я всегда считалъ себя обязаннымъ поминать за обѣдней и на панихидахъ, наравнѣ съ своими родителями, и душу усопшаго раба Божія графа Димитрія.

Теперь, при послѣднихъ дняхъ своей жизни, я остался безъ жены, безъ сыновъ и дочерей и живу у вдовца зятя, и если вы, ваше сіятельство, Сергій Димитріевичъ, дозволите, то своимъ внукамъ и внучкамъ завѣщаю неопустительно поминать за литургіей и на панихидахъ приснопамятнаго графа Димитрія. Въ благодарныхъ чувствахъ за всѣ чело-

вѣколюбивыя благодѣянія вашего отца и я, хотя человѣкъ малозначительный и ничтожный, ко дню столѣтія шлю вамъ, ваше сіятельство, свою признательность.

Деревни Шохина крестьянинъ Зосима Ермолаевъ, а по его безграмотству и личной просьбѣ, росписался его внукъ Яковъ Сергѣевъ.

Что Зосима Ермолаевъ дѣйствительно поминаетъ графа Димитрія, то удостовѣряю своимъ подписомъ и приложеніемъ церковной печати. Священникъ пог. Спаса-Перебора, Ржевскаго уѣзда. Іоаннъ Знаменскій (Печать), 1902 года 24 ноября".

„Имена нѣкоторыхъ сподвижниковъ по крестьянскому дѣлу",—пишетъ князь В. П. Мещерскій въ своихъ *Воспоминаніяхъ*,—„изъ творившихъ его съ желчью и съ ненавистію, перешли въ Исторію. А между тѣмъ, внѣ всякаго сомнѣнія, что такіе помѣщики, какъ мой отецъ и какъ графъ Шереметевъ, болѣе сдѣлали для славы крестьянскаго дѣла своими отношеніями къ крестьянамъ и для славы Русскаго Дворянства".

XII.

19 ноября 1861 года, А. В. Никитенко посѣтилъ И. Д. Делянова. Среди ихъ бесѣды, пріѣзжаетъ графъ Д. А. Толстой. Рѣчь склонилась къ нынѣшнему состоянію Россіи, которое, по словамъ Никитенко, „представляется въ самомъ неутѣшительномъ видѣ. Графъ Д. А. Толстой лѣтомъ жилъ въ деревнѣ, ѣздилъ по разнымъ губерніямъ и наблюдалъ состояніе вещей и умовъ"...

Сообщенія графа Толстого навели Никитенко на слѣдующее разсужденіе: „...Не есть-ли все это процессъ перерожденія—и это всеобщее шатаніе умовъ, и быстрая, тревожная разладица общественныхъ отношеній, деморализація, безтолковое увлеченіе молодыхъ умовъ, тупое бездѣйствіе зрѣлыхъ и возмужалыхъ—это всеобщее броженіе, лихорадка честолюбій, безъ всякихъ правъ на отличіе, бредъ умовъ такими теоріями,

которыя едва коснулись ихъ мысли, но не выдержали, ни анализа, ни испытанія. Не есть-ли это тяжелый и тревожный процессъ перерожденія народа, который не жилъ до сихъ поръ жизнью естественнаго и здороваго развитія—народа, котораго Исторія мучила, а не воспитывала?.. Тутъ не должно волноваться, ни страхомъ, ни негодованіемъ, тутъ надо отбросить обыкновенныя предубѣжденія. Тутъ должно мужественно мыслить, мужественно хотѣть и дѣйствовать. Но все это невольно надламываетъ во мнѣ вѣру въ нашу національную способность самимъ устраивать свою судьбу. Невольно приходитъ на умъ, что Русскій народъ въ самомъ существѣ своемъ носитъ невозможность самообладанія, невозможность нравственной и политической самозиждительности. Не общее-ли это на всѣхъ Славянахъ проклятіе? Спаси, Боже"!

Еще подъ 23 апрѣля 1861 года, В. А. Мухановъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Графъ Д. А. Толстой сокрушается о положеніи крестьянъ и говоритъ, что не рѣшается везти жену въ деревню" [31]).

Будущій министръ Народнаго Просвѣщенія и оберъ-прокуроръ Св. Синода, графъ Д. А. Толстой, находясь въ то время въ дружескихъ отношеніяхъ съ Погодинымъ, написалъ ему изъ Михайлова, Рязанской губерніи, „на шести листахъ" письмо; на это письмо Погодинъ отвѣчалъ: „Благодарю васъ искренно за довѣріе и расположеніе, спѣшу отвѣчать.

Начну съ того, что напрасно считаете вы взглядъ свой на освобожденіе крестьянъ діаметрально противоположнымъ моему; напрасно видите въ моихъ статьяхъ безусловное восхваленіе *Положеніямъ* Редакціонныхъ Коммиссій, котораго и въ умѣ никогда у меня не бывало.

Не въ первый разъ, впрочемъ, подвергаюсь я обвиненіямъ, совершенно неосновательнымъ, по этому дѣлу.

Главную причину ихъ должно искать, съ одной стороны, въ необходимости, въ которой находимся мы, пишущіе, не договаривать своихъ мыслей, и только намекать тамъ, гдѣ было бы нужно ясное и подробное изложеніе; съ другой сто-

роны, въ привычкѣ многихъ читателей судить по первому, случайному, иногда безотчетному, впечатлѣнію; а не выслушивать внимательно, соображать и вникать въ смыслъ прочитаннаго.

До такой степени надоѣли мнѣ, въ послѣднее время, всѣ эти кривыя толкованія, что я закаялся писать и печатать что-ниубдь о современныхъ вопросахъ.

Но ваши дружескіе упреки требуютъ отвѣта, не въ примѣръ другимъ. Кстати, постараюсь я объяснить и нѣкоторыя изъ прежнихъ недоразумѣній.—Начинаю съ начала.

Въ первой своей статейкѣ, написанной вслѣдствіе слуховъ о скоромъ подписаніи манифеста, я старался выразить радость объ уничтоженіи крѣпостнаго права, противнаго и ненавистнаго мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню.

Статейка оканчивалась предложеніемъ крестьянамъ поставить въ Москвѣ, по обычаю предковъ, церковь во имя Св. Александра Невскаго, въ благодарность за ниспосылаемую милость.

Помните—тогда было очень много страха, не только по селамъ и уѣзднымъ городамъ, но и въ столицахъ, чтобъ не произошло какого-нибудь смятенія и даже кровопролитія. Въ статейкѣ желалось успокоить тѣхъ, которые питали опасенія и вмѣстѣ возбудить мирныя чувствованія въ тѣхъ, къ которымъ относились опасенія.

Необычайной мудрости Русскому народу я не приписывалъ, и вы осуждаете меня за то несправедливо; но я былъ увѣренъ, и теперь твердо на томъ стою, что еслибъ освобожденіе поведено было иначе, поискреннѣе, попростѣе и пояснѣе, то предсказаніе мое исполнилось-бы въ строгомъ смыслѣ, не только на первыхъ, проведенныхъ отлично порахъ, о коихъ у меня собственно и рѣчь была, но и впослѣдствіи.

Статейка моя вышла, когда никто еще не зналъ ничего о содержаніи манифеста. Вскорѣ разнесся слухъ о первой его редакціи, принадлежащей общимъ нашимъ знакомымъ,—

и тутъ-то началось мое разочарованіе. Я сказалъ передававшимъ мнѣ содержаніе манифеста, которое занимало цѣлый часъ времени: помилуйте, если медомъ кормить часъ, то подъ конецъ непремѣнно стошнитъ, а выслушать въ церкви часовое чтеніе,—закружится голова, не только у крестьянъ, но и у помѣщиковъ.

5 марта, въ день обнародованія, пріѣхалъ я изъ Петербурга въ Москву передъ обѣднею, прочелъ дома манифестъ второй редакціи, и нисколько не ободрился; вторая редакція показалась мнѣ несчастнѣе первой: сухо, вяло, мертво—ни въ одномъ словѣ не виднѣлось кровинки, затхлая схоластика господствовала въ цѣломъ, и я горько пожалѣлъ, что такой великолѣпный случай обрадовать народъ *добрымъ словомъ*, возблаговѣстить Всероссійское торжество, пропадаетъ даромъ.

Положенія не возбуждали лучшей надежды. Съ напряженнымъ вниманіемъ читая и перечитывая, ничего въ толкъ не возьмешь: что же могли понять здѣсь крестьяне, для которыхъ нужны правила простыя, ясныя, въ родѣ десяти заповѣдей: не убій, не укради, не прелюбодѣйствуй, чтобъ не было нужно спрашивать объясненія, ни у дьячковъ, ни у писарей, ни у прохожихъ грамотѣевъ.

Выразить вполнѣ своего неудовольствія я не могъ, и сказалъ только, что въ манифестѣ мнѣ понравилось заключеніе: „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ“.

Для внимательныхъ читателей должно-бъ было быть ясно, что все прочее не-нравилось, ибо если бъ нравилось, то не могло-бъ, по правиламъ самаго простого разсудка, быть указано одно заключеніе.

Въ этомъ-же смыслѣ продолжалось у меня тамъ-же: „въ смутномъ расположеніи духа отправился я въ Кремль“. Чѣмъ-бы смущаться, если-бъ я былъ покоенъ и доволенъ?

Далѣе—разсказавъ, какъ я провелъ день между людьми, принимавшими живое участіе въ вопросѣ, я заключилъ: „мы были какъ-будто ошеломлены“.—„Народъ вдругъ не понялъ, не выразумѣлъ, не взялъ въ толкъ, что онъ манифестомъ

получаетъ. Невыразумили еще порядочно и мы грамотные. *Недоумѣніе*—вотъ слово, которое характеризируетъ настоящее положенье въ воскресенье".

Совокупность такихъ выраженій, казалось мнѣ, выражала достаточно мое отрицательное мнѣніе по пословицѣ: sapiente sat.

Съ подобной мыслію, но употребляя другой оборотъ, сказалъ я въ слѣдовавшей статейкѣ: „такъ видно всегда, въ эпохи великихъ событій: люди вблизи радуются наименѣе, и только издали великолѣпная картина является во всемъ своемъ блескѣ. Самъ я, грѣшный человѣкъ, подчасъ думалъ: Да изъ чего-же такъ много было писать и переписывать? На что было трудиться столько во всѣхъ этихъ комитетахъ? Объ чемъ могъ быть споръ въ совѣтахъ? Такъ просто и легко можно-бъ, кажется, было порѣшить все дѣло, обвертя его около пальцевъ. Такъ обвертывалъ я подъ-часъ около пальцевъ, а послѣ приходили мнѣ на память и другіе случаи: легко было открыть Америку, легко было поставить яйцо на столъ, но открылъ Америку и поставилъ яйцо—все-таки Колумбъ, а на счастье побѣждалъ одинъ Суворовъ, и я клалъ палецъ на уста, да и другимъ пока совѣтую то же.

Вскорѣ начали доноситься слухи объ общемъ ропотѣ: что это за свобода съ оброкомъ или барщиной? Надо было непремѣнно ожидать недоразумѣній и столкновеній, и я написалъ двѣ *грамотки*, коихъ цѣлію было возбудить въ крестьянахъ благодарность и внушить терпѣніе, подвигнуть къ послушанію и исполненію остальныхъ обязанностей, пока обойдется дѣло, и новые порядки возъимѣютъ дѣйствіе. Чтобъ сколько нибудь ободрить крестьянъ, обманувшихся въ своихъ ожиданіяхъ, я старался выставить вновь полученныя ими права сравнительно съ злоупотребленіями прежняго крѣпостнаго права, коихъ впредь быть уже не можетъ.

Эту главную мою цѣль помѣщики упустили изъ виду, и разсердились за напоминаніе о старыхъ грѣхахъ, вставленное для сравненія, относившееся впрочемъ отнюдь не къ цѣлому сословію, а только къ нѣкоторымъ исключеніямъ.

Они не хотѣли вспомнить, что во всѣхъ статьяхъ, во всѣхъ рѣчахъ своихъ, я постоянно старался выставлять значеніе ихъ правъ и необходимость вознагражденія имъ, слѣдующаго по всѣмъ законамъ.

Грамотки могли бы принести пользу, въ чемъ *я удостовѣрился по многимъ и многимъ опытамъ*, но путемъ книжной торговли онѣ не могутъ распространяться въ короткое время въ народѣ; помѣщики должны-бъ о томъ позаботиться, а они сами, не понявъ своей пользы, приняли ихъ враждебно. Литераторы наши, большею частью, каждый думаетъ только о себѣ, и въ собственныхъ мысляхъ видитъ источникъ спасенія, въ прочихъ же старается отыскать только слабыя стороны, чтобъ показать свое превосходство. Для кого же писать? Für wenige. И „немногимъ“ легко подать поводъ къ недоразумѣніямъ, бывъ стѣсненъ по рукамъ и ногамъ цензурою; слѣдовательно, пока находимся мы въ настоящихъ обстоятельствахъ, игра почти всегда не стоитъ свѣчъ, и я рѣшился замолчать, ограничиться древнею Русскою Исторіей, осудивъ себя и за прошедшее *дон-кишотство*.

Положеніе наше печально, опасности намъ грозятъ со всѣхъ сторонъ, и мы напрасно щуримъ глаза, чтобъ ихъ какъ-будто не примѣчать. Лучше бы перекреститься прежде чѣмъ грянетъ громъ.

Два года переходнаго состоянія — это самая неудачная мѣра, породившая множество безпорядковъ, споровъ и неудовольствій.

Уставныя грамоты или условія между помѣщиками и крестьянами не обѣщаютъ также никакой пользы, кромѣ хлопотъ, самыхъ непріятныхъ. Онѣ не подписываются, или подписываются съ явнымъ намѣреніемъ ихъ не исполнять, оброка не платить, барщину отлынивать, съ надеждою отбыть вовсе той и другой повинности. Указанный двухлѣтній срокъ сбиваетъ крестьянъ съ толку; чрезъ два года многіе надѣются получить все, чего безразсудно желаютъ.

Мое мнѣніе таково, что надо порѣшить разомъ всѣ преж-

пія отношенія между крестьянами и помѣщиками, разлучить ихъ юридически и экономически. Послѣ, крестьяне и помѣщики естественно войдутъ между собою въ новыя полюбовныя отношенія, потому что всегда будутъ имѣть другъ въ другѣ нужду. Крестьяне ждали свободы,—и объявите имъ свободу такую, какая въ ихъ воображеніи представляется: безъ оброка, безъ барщины, безъ помѣщиковъ.

Порѣшится дѣло съ крестьянами, а какъ порѣшится дѣло съ помѣщиками?

Заплатить имъ сполна за отходящую отъ нихъ къ крестьянамъ землю, за усадьбы, за отстраняемыя личныя права

Но у Правительства нѣтъ наличныхъ денегъ.

Пусть дастъ оно на себя заемныя письма, билеты, облигаціи. Эти облигаціи должны ходить наравнѣ со всѣми государственными кредитными билетами, и выниматься ежегодно по частямъ изъ употребленія на ту сумму, которая причитается за землю съ крестьянъ изъ государственной подати. Нѣтъ никакой причины бояться, что онѣ понизятся, потому что онѣ будутъ обезпечиваться землею, которая и должна за нихъ отвѣчать во всякомъ случаѣ. Крестьянъ слѣдуетъ предупредить, что за землю, имъ отданную, царь взнесъ свои деньги, кои необходимо ему выплачивать: *не исправишь подати,—лишишься земли.* Правительство само будетъ стараться поддерживать свои облигаціи въ цѣнѣ, и на это оно имѣетъ много средствъ.

Не хочетъ Правительство прибѣгнуть къ этой мѣрѣ, предоставь по мѣстамъ помѣщикамъ свои лишнія земли, въ замѣну отходящихъ отъ нихъ къ крестьянамъ; продай нѣкоторыя свои имущества.

Если Политическая Экономія (такъ у насъ процвѣтающая!) имѣетъ или выдумаетъ средства удобнѣе, выгоднѣе, тѣмъ лучше!

Я говорю это, разумѣется, только для примѣра. Французское Правительство нашло средства, во время оно, вы-

платить милліардъ эмигрантамъ, послѣ войны, контрибуціи, экзекуціи, средства,—принесшія ему же барышъ!

Какъ бы то ни было, а развязка рѣшительная и скорая необходима. Оборони Богъ, если дѣло протянется такъ до истеченія двухъ лѣтъ, засѣвшихъ у крестьянъ крѣпко въ головѣ съ нелѣпыми надеждами: недоразумѣнія грозятъ обширнѣе и гибельнѣе прежнихъ.

Нельзя не удивляться нашему общему ослѣпленію, мы всѣ дѣйствуемъ, какъ будто заколдованные. Помѣщики держатъ за полу старыя права, коихъ ничѣмъ уже не воротишь: что съ возу упало, то пропало; а объ томъ не думаютъ, какъ-бы получить за нихъ деньги и возвысить цѣну остальныхъ земель, отыскать новыхъ покупателей, которыхъ въ своемъ кругу теперь находиться не можетъ. Правительство не только не даетъ денегъ, но лишаетъ средствъ закладывать, и взыскиваетъ старые долги; крестьяне, склавши руки, ждутъ новой настоящей свободы, — и дѣла всѣ останавливаются!

Теперь, въ званіи историка, коимъ вы меня какъ-будто упрекаете, замѣчу вамъ слѣдующее:

Мы, вмѣстѣ со многими другими, если не со всѣми прочими, жалуемся на дѣйствія Редакціонныхъ Коммиссій, но вотъ на что не обращаемъ вниманія: Комиссіи дѣйствовали въ очерченномъ кругу, онѣ танцовали съ кандалами на ногахъ. *Положенія*, какъ-бы онѣ ни были неудовлетворительны, взяты Комиссіями съ бою. Противниковъ, даже въ Государственномъ Совѣтѣ, было такъ много, что на сторонѣ у Комиссій оставалось не болѣе шести-семи человѣкъ, съ Государемъ включительно. Комиссіи не могли ничего сдѣлать больше, не могли, можетъ быть, сдѣлать иначе, развѣ отказаться совершенно отъ всякаго дѣланія. По моему, Комиссіи имѣютъ право на благодарность за то, что, не смотря на безчисленныя препятствія, они отбили у большинства сущность дѣла: крестьянскую свободу съ землею, обезпечили возможность дѣлу на практикѣ исправляться и улучшаться.

Въ скобкахъ спрошу здѣсь: а что же бы было, еслибъ большинство одержало верхъ? Настоящія *Положенія* подали, подаютъ и будутъ подавать поводъ ко многимъ прискорбнымъ явленіямъ; а что сказали-бъ крестьяне, получивъ *Положеніе* въ томъ видѣ, въ какомъ силилось имъ дать большинство? Благодаритъ ли Бога большинство, по крайней-мѣрѣ теперь, за то, что ему не удалось провести вполнѣ свои мысли? Увидѣло-ль оно хоть теперь ту пропасть, къ коей, въ данныхъ обстоятельствахъ, вело Россію?

Предложу второе историческое замѣчаніе: какъ же крестьянское дѣло дѣлалось, дѣлается, и, вѣроятно, дѣлаться будетъ?

Такъ же, какъ дѣлается у насъ пока все: какъ-нибудь, согласно со всею Русскою Исторіею, согласно съ духомъ, съ складомъ Русскаго народа:—*криво впрягъ, да проѣхалъ такъ*!

Кому принадлежитъ великое дѣло?

Да кому принадлежитъ избавленіе Москвы отъ Поляковъ, въ 1612-мъ году, уничтоженіе мѣстничества, сочиненіе Уложенія, возведеніе на престолъ Петра I, сожженіе Москвы при Французахъ? Всѣмъ, всему народу и никому исключительно. Точно то же явленіе повторилось и при освобожденіи крестьянъ. Думалъ объ немъ императоръ Александръ I, думали благороднѣйшіе изъ его современниковъ, думалъ и приближался императоръ Николай; настоялъ императоръ Александръ II, и тѣмъ получилъ право на вѣчную память въ Исторіи; поддержали добрые и умные люди въ Правительствѣ, обществѣ и Литературѣ. Началось оно, Богъ знаетъ гдѣ; написана программа, Богъ знаетъ какая; Губернскіе Комитеты пошли на нее строчить, Богъ знаетъ что, въ большинствѣ и меньшинствѣ, представляя въ лицахъ басню Крылова о *механикѣ*. Ростовцовъ счелъ за необходимое разобрать всѣ мнѣнія и свести, провѣрить и разсмотрѣть сводъ. Работа Сизифова, исполненная членами Редакціонныхъ Коммиссій, извлекшими двадцать печатныхъ томовъ изъ двухъсотъ тысячь писанныхъ листовъ, за коею послѣдовали раз-

сужденія Верховнаго Крестьянскаго Совѣта и, наконецъ, Государственнаго Совѣта. Сколько потрачено силъ, сколько употреблено трудовъ, сколько выдержано споровъ и битвъ! Поневолѣ вспомнишь: „чесо ради гибель сія бысть“; но все-таки въ заключеніе воскликнешь: слава въ вышнихъ Богу, на землѣ Русской началась свобода, подай же, Господи, миръ, и водвори *въ человѣцѣхъ благоволеніе*“!

XIII.

Смущенный всѣмъ, нами изложеннымъ въ предъидущей главѣ, Погодинъ написалъ *Два слова о недоразумѣніяхъ нашего времени.* Но статья эта подверглась цензурному запрету, и пролежала въ корректурѣ *до сего дня.* „Не смотря на всѣ ваши письма“,—писалъ Краевскій Погодину,—„статья *Два слова* вся перемарана, а потомъ и окончательно запрещена Бутковымъ“.

Въ этой запретной статьѣ Погодинъ писалъ: „На долю нашему времени, изъ Пандорина ящичка, въ кучѣ добра и недобра, достались, кажется, недоразумѣнія. Вездѣ что-то недосказывается или пересказывается; тамъ догадки не-впопадъ, здѣсь толкованія вкривь. Иное скажешь ясно—нѣтъ, найдется досужими людьми такой смыслъ, о которомъ и въ голову не приходило. Иное поневолѣ скажешь, темно, тогда уже и рукой махни на предположенія. Никто не хочетъ взять въ разсчетъ тѣ затрудненія, которыя встрѣчаетъ писатель, при выраженіи мыслей, на своемъ скользкомъ пути, съ той, другой и третьей стороны. Мало любви, мало довѣренности между всѣми нами, какъ-будто поврежденными или прокаженными. Тяжело, грустно бываетъ говорить, идти на вѣрныя раны съ невѣрными лекарствами, но, взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ! Пустяки околачивать съ штатными, приписными и пригульными фельѣтонистами — стыдно, а молчать грѣшно. Надо говорить о дѣлѣ, и нѣчего опасаться ошибокъ Въ такихъ мудреныхъ обстоятельствахъ, когда сами

семь мудрецовъ Греческихъ стали-бъ въ тупикъ, имѣть кому бы то ни было притязанія на непогрѣшимость, есть верхъ неразумія. Будемъ говорить только искренно, отъ души, прося вниманія и надѣяся на снисхожденіе, готовые сознаваться и исправляться.

Въ заключеніе первой моей напечатанной статейки по крестьянскому вопросу, задолго до обнародованія манифеста, я сказалъ:

„Случатся ошибки, недоразумѣнія, столкновенія; можетъ-быть. даже, они случились уже или случаются; это неизбѣжно: доброй воли, народному толку, христіанской любви, предоставляется отстранять затрудненія, придумывать измѣненія и исправленія, а двери къ добру не заперты теперь на замо̀къ ни для кого“.

И вотъ, послѣ торжественнаго, въ высшей степени примѣчательнаго, принятія народомъ манифеста, послѣ прекрасно-проведенныхъ первыхъ четырехъ или пяти недѣль, послышались извѣстія о безпокойствахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и даже очень прискорбныя.

Причиною, источникомъ безпокойствъ, судя по всѣмъ слухамъ, должно полагать, большею частію недоразумѣнія, кои поставилъ я выше въ заглавіи статейки.

Мы такъ отдалились отъ народа, что разучились говорить съ нимъ, и не умѣемъ подступить къ нему: высшее дворянство,—вслѣдствіе иностраннаго воспитанія; низшее,—вслѣдствіе своихъ предубѣжденій и предразсудковъ, неочищенныхъ образованіемъ; чиновничество,—вслѣдствіе привычки къ бумажному производству; духовенство,—вслѣдствіе педантической надменности. Всѣ мы такъ долго шли разными дорогами, что сдѣлались какъ-будто чуждыми другъ другу. Теперь пришлось стать лицомъ къ лицу съ народомъ. и очутились мы какъ язычникъ и мытарь. Мы говоримъ по-Латыни, а народъ разумѣетъ по-Гречески (Мысль, на которую особенно напиралъ покойный Константинъ Аксаковъ). Разноязычіе-то и произво-

дитъ неудовольствія, ропотъ, взаимныя жалобы, обвиненія и наказанія.

Ни манифеста, ни *Положеній*, народъ, говоря вообще, не выразумѣлъ; онъ знаетъ только, что ему обѣщана свобода, и что въ манифестѣ, въ *Положеніяхъ*, говорится о свободѣ. Но съ свободою онъ соединяетъ совершенно другія понятія и придаетъ ей совершенно другой смыслъ, нежели редакторы *Положеній*. Черта, проведенная редакторами, есть, положимъ, самая прямая, справедливая, вѣрная, согласная съ логикой, исторіей, политической экономіей, естественнымъ, постепеннымъ развитіемъ дѣла, но она не сходится съ логикой народа, которую тотъ себѣ выработалъ изъ своей жизни, помимо всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, независимо отъ движенія законодательства по бумагамъ, съ тою логикой, которой особое существованіе замѣтилъ давно одинъ изъ знатоковъ нашего быта, Даль, въ какой-то старой повѣсти.

Къ сожалѣнію, не достаетъ у насъ людей въ дворянскомъ, духовномъ и чиновномъ сословіяхъ, которые *перевели бы вѣрно логику Положеній на языкъ логики народной*, которые, скрывая весь процессъ разсчета, очень добросовѣстнаго, точнаго, но крестьянину неудобопонятнаго, отводящаго ему глаза, приводящаго въ излишнее смущеніе, производящаго одно замѣшательство, ухитрились бы положить ему въ ротъ окончательные выводы, и дали-бъ почувствовать въ нихъ смакъ. Такихъ людей не достаетъ, а находятся невѣжи, которые, сами не понимая ничего, берутся толковать безъ толку по толкамъ и безъ складу по складамъ; а находятся люди неблагонамѣренные, которымъ хочется въ мутной водѣ рыбы половить, хочется сорвать побольше магарычей съ простодушнаго народа: они сулятъ ему золотыя горы, обманываютъ и приводятъ въ заблужденіе; наконецъ, находятся противные Держиморды, посылаемые у Гоголя для порядка, которые, не имѣя достаточнаго терпѣнія, находчивости и человѣчности, рѣшаются, въ азартѣ, на дикія мѣры и раздражаютъ по мѣстамъ народъ; они способны не гасить искру, а раздувать

ее, съ ревностію не по разуму. Прибавьте еще жестокихъ управляющихъ, особенно изъ иностранцевъ, которые, желая доказать свою преданность, усердіе къ барскимъ выгодамъ, стараются на послѣдяхъ наверстать убыли, поддержать доходы, и возбуждаютъ неудовольствія.

Сидя въ кельѣ, вдали отъ сцены, мудрено придумывать мѣры, но вотъ, напримѣръ, одна, которая могла бы, кажется, во многихъ случаяхъ, принести дѣйствительную пользу: „Вы намъ не вѣрите, братцы,—пусть скажетъ крестьянамъ тотъ или другой призванный слѣдователь, или судья,—не хотите идти на барщину, не хотите исправлять повинности, такъ пошлите отъ себя ходоковъ въ Москву или въ Петербургъ, спросить хоть у самого царя, правду ли мы говоримъ, должнаго ли мы отъ васъ спрашиваемъ. Только смотрите: за всякій прогульный день, за упущеніе, вы заплатите штрафу впятеро, и тяжело вамъ будетъ послѣ раздѣлаться. Тогда, братцы, и корову иной веди со двора: зачѣмъ не слушался. Да и стыдно будетъ воротиться домой изъ Петербурга или Москвы, несолоно похлебавши. А передъ царемъ каково будетъ стоять: вамъ дается много и премного, безъ сравненія съ прежнимъ временемъ; нѣтъ, вамъ вишь все мало, подавай все вдругъ, вы осмѣливаетесь, не раскусивши дѣла, противиться, заводить безпорядокъ,—вы опозоритесь передъ своими братьями, передъ всей Землею, да и накличите на себя бѣду".

Не бей мужика дубьёмъ, бей его рублёмъ, говоритъ пословица: угроза пенями, въ случаяхъ необходимости, при *явныхъ* винахъ, вѣрно будетъ имѣть сильное дѣйствіе.

Намъ нужны теперь миссіонеры, которые, пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ, всякою благопріятною встрѣчею, старались бы объяснять крестьянамъ настоящее положеніе дѣла, предохранять отъ всякихъ злонамѣренныхъ внушеній, и проповѣдывать спокойствіе и терпѣніе. Какое прекрасное призваніе для духовенства! Всѣ порядочные люди, какого бы званія кто ни былъ, должны принять живое, дѣятельное участіе въ общемъ дѣлѣ, толковать всѣмъ, кто встрѣтится, въ

церквахъ, судахъ, на рынкахъ, на станціяхъ, въ лавкахъ, мастеровымъ, домашнимъ, какъ важна, въ настоящее время, тишина и продолженіе сельскихъ работъ по заведеннымъ порядкамъ, съ законными облегченіями. Стерпится—слюбится. Вотъ тема для всякихъ проповѣдей (А помѣщики должны подумать сами о надлежащемъ для нихъ образѣ дѣйствій). Вотъ почему мнѣ очень жаль, что нѣкоторыя газеты, даже казенныя, не перепечатали изъ *Санктпетербургскихъ Вѣдомостей* моихъ двухъ *грамотокъ*, имѣвшихъ въ виду эту необходимую для всѣхъ насъ цѣль, и достигавшихъ ея довольно успѣшно, судя по тѣмъ отзывамъ, кои я, изустно и письменно, со всѣхъ сторонъ получаю".

Сказавъ о недоразумѣніяхъ со стороны крестьянъ, Погодинъ переходитъ къ недоразумѣніямъ и со стороны помѣщиковъ. „Пролагается",—пишетъ онъ,—„полоса желѣзной или мостовой каменной дороги чрезъ мою дачу—нечего тутъ толковать мнѣ о правѣ собственности, о неудобствѣ потерять нужный участокъ, даже о разстройствѣ чрезъ это моего малаго хозяйства. Полоса понадобилась обществу—хоть не радъ да готовъ. Слѣдуетъ уступить ее безпрекословно, и всѣ мои жалобы, протесты, не значатъ ничего. Противъ необходимости слова нѣтъ. Но мнѣ слѣдуетъ вознагражденіе—это есть мое право, и никто не можетъ въ благоустроенномъ обществѣ лишить его меня. Чего стоитъ моя уступка, то и отдайте мнѣ, да еще съ лихвою, за необходимое, но все-таки произвольное нарушеніе моего права. Больше и толковать нечего!

Крѣпостное право гнусно, низко, несправедливо, богопротивно. Оно должно было быть уничтожено, и Александръ II, наитіемъ Святаго Духа, свершивъ великое дѣло освобожденія, снискалъ себѣ безсмертную славу въ лѣтописяхъ Русской Исторіи, въ сердцахъ Русскаго народа.

Противиться, хоть даже отрицательно, мысленно, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, благовиднымъ или безобразнымъ, было бы неразумно, неразсчетливо, непозволительно, дико.

Помѣщикамъ не слѣдовало и заикаться противъ такой святой необходимой мѣры, стирающей мерзкое вѣковое пятно съ жизни Русскаго народа. Такъ они, сознавая свое достоинство, большею частію и поступили; говорю большею частію, потому что и въ семьѣ бываетъ не безъ урода.

Государь выразилъ свою волю. Мы вполнѣ сочувствуемъ ему, и готовы содѣйствовать приведенію ея въ исполненіе. Вотъ былъ общій отзывъ.

Иначе, впрочемъ, и быть не могло: ни крестьянъ, ни земли, находящейся въ ихъ пользованіи, ни власти личной надъ ними, удержать помѣщикамъ никоимъ образомъ было невозможно, лишь только вопросъ былъ поднятъ, пущенъ въ оборотъ, и отдался на общее разсужденіе.

Вторая ошибка—вмѣсто простого, естественнаго, законнаго желанія вознагражденій, составить себѣ понятіе о финансахъ, и, вслѣдствіе этого понятія, разсуждать такъ: намъ нéоткуда получать вознагражденія, такъ по крайней мѣрѣ постараемся уступить поменьше.

Если Правительство сочло нужнымъ у васъ что-либо взять, то вѣрно оно найдетъ, рано или поздно, средства и вознаградить васъ за взятое, въ случаѣ убѣдительныхъ доказательствъ вашей потери. А разсуждать, можетъ ли или не можетъ, какъ можетъ исполнить это Правительство, значитъ— брать лишній трудъ на себя. Помѣщики, по моему мнѣнію, (je ne suis pas orfevre, comme monsieur Josse), имѣютъ право на вознагражденіе и за другія, даже отвлеченныя свои лишенія.

Поговоримъ о томъ, чтò есть и чтò происходитъ. Теорія сама по себѣ, а практика сама по себѣ. Безъ всякихъ толковъ, безполезныхъ и лишнихъ, безъ всякихъ лишнихъ притязаній, сохраняя вполнѣ свое достоинство и, вмѣстѣ, являя доброжелательство, кротость, помѣщикамъ полезно было бы, кажется, разсчитывать, смекать, соображать, что они по обнародованнымъ *Положеніямъ* потерять должны, если должны. Пустъ каждый составляетъ добросовѣстную записку о своемъ

имѣніи: я получалъ де вотъ сколько, изъ такихъ-то источниковъ, а теперь, по *Положеніямъ*, оказывается, что я получать долженъ буду вотъ сколько. Убытокъ ежегодный простирается до такой-то цифры. Разсчетъ долженъ быть сдѣланъ съ точностію, провѣренъ и засвидѣтельствованъ кѣмъ слѣдуетъ. Самимъ мировымъ посредникамъ не мѣшаетъ вести, про себя, въ своихъ записныхъ книжкахъ подобныя отмѣтки. Если убытокъ небольшой, меньше десяти процентовъ, если убытокъ подъ силу, то за нимъ гоняться, ради общей пользы, нечего. Если убытокъ значительный, то его надобно заявить искренно, честно, благоразумно. Правительство, обозрѣвъ въ свое время всѣ заявленія такого рода, вѣрно приметъ соотвѣтственныя мѣры для удовлетворенія теряющихъ, потому что всѣ сословія составляютъ, повторяю, одинаковый предметъ его заботъ и попеченій, и улучшеніе быта одного сословія не можетъ соединиться съ ухудшеніемъ быта другихъ.

Я слышалъ, напримѣръ, что доходы дѣтей нашего незабвеннаго Хомякова, имѣвшаго во владѣніи, кажется, до пяти тысячь душъ, должны уменьшиться вдвое, потому что отецъ предоставлялъ всю свою землю крестьянамъ, вмѣстѣ со многими другими льготами. Точно такъ и многіе другіе благодѣтельные помѣщики получаютъ наказаніе за свое раннее добро, а нехорошіе пользуются преміей. Съ другой стороны, многіе мелкопомѣстные приводятся, говорятъ, въ такое положеніе, что хоть выходи на большую дорогу. Необходимо принять все это въ разсчетъ, и я, въ заключеніе, сдѣлалъ бы еще выписку изъ другой залежавшейся моей статьи, еслибъ могъ, и потому только in extenso скажу, что для законнаго вознагражденія помѣщиковъ, имѣющихъ въ томъ нужду, благоугодно было бы принести свои жертвы всѣмъ сословіямъ, начиная съ царя и царскаго дома — дворянству, купечеству, духовенству, военному и гражданскому чиновничеству; ученые, литераторы и художники, однимъ словомъ, всѣ мы должны удѣлить часть своихъ доходовъ на общее дѣло, чтобъ, при первомъ великомъ преобразованіи въ нѣдрахъ Русскаго обще-

ства, при прекрасномъ обновленіи Русскаго народа, на всеобщемъ Русскомъ пирѣ, никто не остался алчущій, жаждущій и недовольный. Господи, владыко живота! Духъ *праздности*, *унынія*. *любоначалія*, *празднословія*, не даждь намъ. Духъ же *цѣломудрія смиренномудрія*, *терпѣнія и любви*, даруй намъ. Осмѣливаюсь къ этимъ великопостнымъ воззваніямъ св. Ефрема Сирина, разговѣвшись, прибавить молитву о благоразумной *гласности*, которая составляетъ насущную нашу потребность".

XIV.

Писанія Погодина по крестьянскому вопросу не увѣнчались успѣхомъ. „Мужички" его *грамотками* не вразумлялись, а дворяне, по его же собственному свидѣтельству, „на него опрокинулись". Онъ получалъ ругательныя письма съ именами и безъ именъ.

Князь Николай Борисовичъ Голицынъ, отецъ князя Николая Николаевича *), изъ Курской губерніи, писалъ ему: „*Если бы у васъ было тысяча головъ, и тогда вы были бы обезглавлены.* Ужасно что происходитъ во всей Россіи, и можно надивиться величайшей глупости Русскаго народа, вамъ, какъ видно, мало знакомаго. Неужели только пошлую лесть должно писать въ газетахъ царю и народу Русскому, а о правдѣ ни слова? Причина всему безначалію то, что неосторожно пустили по рукамъ мужиковъ *Положеніе*, котораго не только неграмотные, но и нашъ братъ грамотный не вполнѣ понимаетъ. Манифестъ превосходно написанъ и успокоилъ Дворянство, обнадежилъ народъ. Этимъ надобно бы было ограничиться на полгода. А между тѣмъ, приготовить мировыхъ посредниковъ и всѣ нужныя мѣры, чтобы привести въ исполненіе новый порядокъ вещей. Тогда и все обошлось бы безъ столкновеній. Новая власть замѣ-

*) Смотри стр. 31 и 32.

нила бы прежнюю незамѣтнымъ образомъ. А теперь, прежній порядокъ потрясенъ, а новаго водворить невозможно, потому что мировыхъ посредниковъ еще нѣтъ, и Губернскіе Комитеты не приступили еще къ своимъ дѣйствіямъ. Чрезъ это самое мы находимся въ промежуткѣ безначалія, гдѣ никакой власти не существуетъ надъ крестьянами, и они руководствуются только своими нелѣпыми толкованіями. Вы не можете вообразить, до какой степени безразсудности доходитъ мужицкое толкованіе печатнаго слова. Въ одномъ селѣ пригласили священника прочитать *Положеніе.* Слушаютъ, и все ожидаютъ что священникъ будетъ читать о *волѣ.* Но какъ этого слова онъ не произносилъ, то и закричала громада: „Да что же ты про волю-то ничего не читаешь? Чай пропускаешь“? Наконецъ дошло до того, что они начали попа бить, и убили его. Другая и болѣе забавная сторона слѣдующая: когда прислано было *Положеніе*, то крестьяне небольшого имѣнія взяли каждый по листу и приложили къ груди, и тихонько отыскивали чтецовъ; можно вообразить, какой ералашъ произошелъ отъ такого разнообразнаго чтенія. Дѣло въ томъ, что никому не довѣряютъ, и увѣрены, что имъ читаютъ не то, что писано. Только и слышно про экзекуціи военною силою. А какъ теперь время *прогресса*, то являются и баррикады, такъ что кавалеріи трудно бываетъ дѣйствовать. У князя Николая Ивановича Трубецкого поселился гарнизонъ въ его имѣніи и уже человѣкъ пятьдесятъ упрятали въ острогъ. Главное то, что работать не хотятъ, платить также, а помѣщика не ставятъ ни въ грошъ. Теперь всѣ желаютъ какъ бы скорѣе ввести новый порядокъ, но ничего не приготовлено, и надобно ждать у моря погоды. Вотъ вамъ краткій очеркъ теперешняго *переходнаго* времени. Вы не выбьете изъ этихъ дурацкихъ головъ, что присланное къ нимъ *Положеніе* есть то самое, которое получили помѣщики. Вездѣ слышишь: *помѣщикъ многое утаилъ.* И это по всей Россіи такъ. Гдѣ же здравый смыслъ нашего мужика? Онъ ни священнику, ни помѣщику, ни исправнику, ни предводителю не вѣритъ. Уви-

димъ, повѣритъ ли онъ мировому посреднику. А встрѣтитъ онъ на базарѣ какого-нибудь ябедника, тому повѣритъ. Перемѣните вашу роль: примитесь увѣщевать этихъ дураковъ, которые вамъ, надобно думать, повѣрятъ болѣе чѣмъ другому, потому что знаютъ ваше объ нихъ высокое мнѣніе".

Въ другомъ своемъ письмѣ князь Голицынъ, между прочимъ, писалъ: „Вы пишете, что вы *головою вашею* ручаетесь, что безпорядка и возстанія не будетъ, и что крестьяне старыхъ ошибокъ помѣщиковъ не будутъ поминать". Россія такъ обширна, и всѣ губерніи такъ разнородны между собою, что одна на другую не похожа, и потому никто у насъ не знаетъ Руси. Въ иныхъ мѣстахъ—глубочайшее невѣжество, въ иныхъ мѣстахъ—полуобразованность. Самый величайшій порокъ есть тотъ, что клятвенное обѣщаніе—ничто. Мы это видимъ при всѣхъ межевыхъ столкновеніяхъ. За ведро вина понятые покажутъ подъ присягою чтò угодно и такое правило развито наиболѣе между казенными крестьянами. Все дѣло объ эмансипаціи поведено съ самаго начала недобросовѣстно. Нападаютъ на нашего брата, да кто же помогалъ крестьянамъ въ бѣдствіяхъ, въ пожарахъ, въ неурожаяхъ, кто полицію содержалъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ? Теперь никакого порядка нѣтъ, потому всячески старались развить недовѣріе крестьянъ къ помѣщику".—Далѣе, князь Голицынъ пишетъ: Освобожденіе двадцати трехъ милліоновъ при теперешней обстановкѣ, будетъ разореніемъ ихъ, помѣщиковъ и самого Правительства, Все къ этому направлено. Теперь ужъ крестьянинъ говоритъ: Да что это за воля! Онъ разумѣетъ чрезъ волю тунеядство и неплатежъ. Помѣщикъ былъ для Правительства полицемейстеромъ двадцати трехъ милліоновъ подданныхъ, а теперь они никакою властью не замѣнены. Все это *Положеніе* не имѣетъ ничего практическаго, и неудобоисполнимо. Возьмите еще въ соображеніе, что народъ не знаетъ грамоты, а писарь, какой это людъ"! Въ томъ же письмѣ князь Голицынъ заявляетъ: „Я никогда ни одной розги во всю жизнь мою не давалъ, ни на службѣ, ни въ домашнемъ быту, и крестьяне наши работаютъ

вполовину противъ положеннаго закономъ. Слѣдовательно, я вполнѣ и по совѣсти эманципаторъ: оброчные наши крестьяне свободнѣе всѣхъ временно-обязанныхъ крестьянъ. Но теперь имъ несравненно хуже. А упаси Боже! если пожары пойдутъ опустошать деревни, какъ то было въ 1848 и 1860 годахъ. Кто тогда поможетъ бѣднымъ крестьянамъ? И замѣтьте, что Правительство всю тягость складываетъ на помѣщиковъ, а само ни копѣйки не жертвуетъ... До сего времени, мужикъ нашъ не зналъ, что такое присутственное мѣсто, баринъ его защищалъ; а теперь узнàетъ и узнаéтъ, чего это стоитъ. Народъ нигдѣ не праздновалъ еще свободу водкою. Почему? потому что не о чемъ радоваться"...

Въ заключеніе своего письма князь Голицынъ сообщаетъ: Я болѣе двадцати статей въ послѣдніе годы посылалъ, но никто не обратилъ вниманія. Одинъ разъ только покойный Ростовцовъ отвѣчалъ мнѣ, что приноситъ мнѣ душевную признательность за мои замѣчанія; но этимъ все и кончилось. Члены Редакціонной Коммиссіи ничего не понимали, и наварили только кашу.—И вы теперь согласитесь, что дѣло идетъ плохо. Но прошу васъ не винить помѣщиковъ: они отданы на жертву и на посмѣяніе. Теперь спрошу у васъ, насталъ ли дѣйствительно теперь самый удобный моментъ, чтобы затѣять такое огромное преобразованіе? Въ 1812 году, Россія показала себя какъ слѣдуетъ; а теперь, если тяжелыя времена настанутъ, чтò тутъ будетъ? Страшно подумать. Но и потомки наши когда прочтутъ манифестъ и *Положеніе*, не мало удивятся вопіющимъ противурѣчіямъ, которыя выглядываютъ при сличеніи сихъ двухъ документовъ.—Сіе посланіе, по прочтеніи, предлагаю вамъ бросить въ печь" [32]).

Погодину приходилось испытывать непріятности даже въ Англійскомъ Клубѣ. Однажды, сидѣвшій противъ него за обѣдомъ, повелъ жаркую рѣчь о злонамѣренныхъ людяхъ, которые своими статьями стараются производить безпорядки и сѣять раздоръ между помѣщиками и крестьянами; а за по-

мощью обратятся крестьяне все таки къ намъ же, заключалъ онъ, а не къ этимъ названымъ благодѣтелямъ, и пр.

Косо смотрѣло на Погодина также и Правительство и какъ будто оставляя, по Русскимъ законамъ, въ подозрѣніи, награждая время отъ времени замѣчаніями и выговорами III-го Отдѣленія. „Чтоже я такое"—спрашиваетъ Погодинъ, либералъ, плантаторъ, консерваторъ или революціонеръ? Неправда ли, что это очень смѣшно?? Да, точно смѣхъ производятъ во мнѣ подъ часъ всѣ эти противорѣчія, но подъчасъ и тяжело бываетъ отъ нихъ до-нельзя".

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ не безъ самодовольствія писалъ графу Д. А. Толстому, что „въ заграничныхъ газетахъ пишется, что Правительство поддерживается штыками и моими статьями".

Но въ заграничныхъ газетахъ писали и другое. Вотъ, напримѣръ, что писалъ нашъ соотечественникъ и ученикъ Погодина А. И. Герценъ: „Послѣ вѣковыхъ страданій, страданій превзошедшихъ всю мѣру человѣческаго долготѣрпѣнія, занялась заря крестьянской свободы. Путаясь перевязанными ногами, ринулась впередъ, насколько веревка позволяла, наша Литература; нашлись помѣщики, нашлись чиновники, отдавшіеся всѣмъ тѣломъ и духомъ великому дѣлу; тысячи и тысячи людей ожидали съ трепетомъ сердца появленія указа; нашлись люди, которые, какъ М. П. Погодинъ, принесли наибольшую жертву, которую человѣкъ можетъ принести—пожертвовали здравымъ смысломъ и до того обрадовались манифесту, что стали писать дѣтскій бредъ" [33]).

XV.

Вѣсть о Варшавскомъ мятежѣ Императоръ Александръ II-й получилъ предъ самымъ подписаніемъ манифеста 19 февраля 1861 года, объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Эта вѣсть „опечалила Государя, но не смутила его".

18 февраля 1861 года, Никитенко, въ своемъ *Дневникѣ*,

записалъ: „Въ сегодняшней газетѣ пишутъ о покушеніи на бунтъ въ Варшавѣ. Что-то зловѣщее чуется въ атмосферѣ. Дай Богъ, чтобы все прошло благополучно".

Въ мартѣ 1861 года, генералъ Мирославскій, въ своей запискѣ, найденной въ бумагахъ графа Замойскаго, писалъ: „Неизлѣчимымъ демагогамъ нужно открыть клѣтку для полета за Днѣпръ. Пусть тамъ распространяютъ казацкую гайдамачину противъ поповъ, чиновниковъ и бояръ, увѣряя мужиковъ, что они стараются удержать ихъ въ крѣпости. Должно имѣть въ готовности полный запасъ смутъ. Пусть обольщаютъ себя девизомъ, что этотъ радикализмъ послужитъ *для вашей и нашей свободы*: перенесеніе его въ предѣлы Польши будетъ считаться измѣною Отчизнѣ и будетъ наказываться смертью, какъ государственная измѣна".

Не лишено интереса и слѣдующееe: „Надо посылать",— писалъ Мирославскій,—„во всѣ журналы: Нѣмецкіе, Французскіе, Англійскіе и Итальянскіе, извѣстія, хотя бы и выдуманныя, о подземныхъ потрясеніяхъ въ Россіи, въ особенности о жалкомъ состояніи Россіи въ отношеніяхъ финансовомъ, военномъ и административномъ. Съ другой стороны, слѣдуетъ докучать Англійскому и Французскому правительствамъ и посылать имъ изъ Варшавы подложныя жалобы, какія будто бы посылались въ Петербургъ и тамъ не были уважены" [84]).

„Въ отдаленномъ будущемъ времени",—замѣчаетъ П. И. Бартеневъ,—„когда событія этихъ дней выдѣлятся ярче и подвергнутся обсужденію всестороннему, историкъ непремѣнно задумается на удивительномъ совпаденіи Варшавскихъ волненій съ тѣмъ, что̀ происходило тогда въ Россіи: волненія эти начались немедленно вслѣдъ за провозглашеніемъ отмѣны крѣпостнаго состоянія, 19 февраля 1861 года. Опасенія шляхты окончательно лишиться власти надъ простонародіемъ и внушенія, которыя шли въ Польшу изъ Европы, для которой, по сознанію Кавура, свобода Русскихъ крестьянъ, и вообще всякое преуспѣяніе Россіи, несравненно страшнѣе Русскихъ вооруженій. Кто не знаетъ, что Поляки служили для Евро-

пейскихъ державъ орудіемъ братоненавидѣнія, коимъ одержимы они относительно Славянскаго племени. Немногимъ извѣстно, что и возстаніе Поляковъ 1830 года вспыхнуло послѣ и можетъ быть вслѣдствіе того, что Императоръ Николай I началъ готовиться къ упраздненію крѣпостнаго права“ [35]).

19 апрѣля 1861 года, Шевыревъ изъ Флоренціи писалъ Погодину: „Болитъ сердце за Польскія дѣла. О, тебѣ много дѣла! Да когда же пойдутъ на встрѣчу Исторіи? Пора не подчивать ее пиньками, и стоять къ ней лицемъ, а не спиной. Славянскія племена на очереди. Ихъ вести намъ, а не кому другому. Напрасно ты не напечаталъ моихъ *Путевыхъ Впечатлѣній*. Въ нихъ многое предчувствовалось: такого рода статьи освѣщаютъ мысли“.

„Варшавскія вѣсти“,—писалъ митрополитъ Московскій Филаретъ къ Антонію,—„печальны, но домашнія не лучше. Неблагонамѣренные хитры, смѣлы, взаимно соединены: защитники порядка недогадливы, робки, раздѣлены“ [36]).

Бывшій архіепископъ Варшавскій, а тогда митрополитъ Кіевскій Арсеній писалъ епископу Костромскому Платону: „Да, милосердый Господь ко мнѣ много и премного милостивъ, что избавилъ меня отъ Варшавы незадолго предъ тѣмъ временемъ, какъ разразилась надъ нею и надъ всѣмъ Царствомъ Польскимъ буря. Какъ будто и въ самомъ дѣлѣ я увезъ оттуда съ собою благословеніе Божіе. По крайней мѣрѣ такая именно мысль у нѣкоторыхъ образовалась въ Варшавѣ“.

Въ другомъ своемъ письмѣ къ Антонію, митрополитъ Филаретъ писалъ: „Польша мятежная, видимо, связана съ Венгріею; Венгрія—съ Италіею; въ Испаніи недавно вспыхнулъ было мятежъ въ пользу Гарибальди и Мадзини. А какъ далеко простираются подземные корни этихъ вѣтвей, кто видитъ? Европа продолжаетъ свое помѣшательство на словѣ *свобода*, не примѣчая, какъ въ Америкѣ свобода проливаетъ кровь, измѣнничаетъ и варварствуетъ. Прусскій король своимъ коронованіемъ и словами поднялъ мысль о монархіи, и

уже нужнымъ оказалось ему и министрамъ оговариваться и оправдываться въ семъ предъ либеральной партіей. Всѣ заботятся о мирѣ; и всѣ ждутъ войны, и вооружаются болѣе, нежели когда-либо. По-истинѣ это походитъ на приближеніе годины искушенія, хотящія пріити на всю вселенную" [37]).

Подъ 19 февраля 1861 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Въ Варшавѣ смятеніе. Ну что, дождались"! И тотчасъ же написалъ сантиментальное *Посланіе къ Полякамъ.* „Написавъ въ попыхахъ",—пишетъ онъ,—„послѣ, я сталъ думать—во-первыхъ, пускать ли его въ ходъ, чтобъ не оскорбить Поляковъ; во-вторыхъ, какія найдти средства для напечатанія. Вдругъ, получаются изъ Царства извѣстія о новыхъ важнѣйшихъ смятеніяхъ. Посланіе мое, слѣдовательно, опоздало, и продолженіе моего *Донъ-Кишотства* дѣлалось слишкомъ смѣшнымъ: въ такомъ шумѣ, при такомъ возбужденіи страстей, тихій, спокойный голосъ, кто разслышитъ" [38])?

Но тѣмъ не менѣе *Посланіе* свое Погодинъ отправилъ на цензуру Буткова, и послѣдній писалъ ему: „Возвращая вашему превосходительству съ искреннею благодарностію правдивую записку вашу о Польшѣ, я прошу васъ вѣрить чувствамъ глубокаго къ вамъ уваженія".

Но это любезное письмо Буткова не давало права Погодину напечатать свое *Посланіе*, въ чемъ и удостовѣрилъ его Краевскій. „Цензоръ Рахманиновъ",—писалъ онъ Погодину,—„представилъ *Посланіе* предсѣдателю Цензурнаго Комитета Медему и цензору Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Бюлеру. Медемъ отвѣчалъ, что, на основаніи высочайшаго повелѣнія: „не дозволять къ печатанію ничего относящагося къ настоящимъ смутамъ въ Польшѣ, за исключеніемъ статей, обнародываемыхъ самимъ Правительствомъ",—Цензура не имѣетъ никакого права разрѣшить *Посланіе*; даже Главное Управленіе Цензуры не можетъ взять на себя подобнаго разрѣшенія. Бюлеръ написалъ, что „господинъ министръ (Горчаковъ) ничего не зналъ объ этой статьѣ, и что Главное Управленіе Цензуры (Бюлеръ—членъ его) оставляетъ въ своей

силѣ прежнее распоряженіе; а онъ (Бюлеръ), какъ членъ со стороны Министерства Иностранныхъ Дѣлъ имѣетъ то же распоряженіе". Все это сообщено *конфиденціально.* Слѣдственно, не выдайте Редакціи *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей.* Что же? Статья, значитъ, такъ и пропадетъ"?

Между тѣмъ, графиня А. Д. Блудова писала Погодину: „Пишите статьи и пересылайте къ намъ сюда; а о Польскомъ Богъ знаетъ чего хотятъ. Тутъ *командуетъ* князь А. М. Горчаковъ, а у него семь пятницъ на недѣлѣ" [39]).

Какъ бы то ни было, *Посланіе* къ Полякамъ увидѣло свѣтъ только въ 1867 году.

На свое *Посланіе* Погодинъ смотрѣлъ какъ на „свидѣтельство Русскихъ неофиціальныхъ чувствъ и мыслей".

Познакомимся же съ этимъ „неофиціальнымъ" изліяніемъ чувствъ и мыслей.

„Рѣшаюсь обратиться къ вамъ,—писалъ Погодинъ Полякамъ, — съ искреннимъ словомъ, дорогіе Славянскіе братья, и смѣю надѣяться, что вы примите его съ тою же любовію, съ какою оно предлагается, хотя бы въ чемъ и не согласились со мною".

Послѣ сего, такъ сказать, вступленія, Погодинъ продолжаетъ: „Мы, Русскіе, услышали съ горестію о волненіяхъ въ Варшавѣ. Какое время выбрано для этихъ искусственныхъ волненій?.. То время, когда общее намъ Правительство, или, лучше, когда общій нашъ Государь, благодушнѣйшій изъ людей, только что приводилъ къ концу одно изъ величайшихъ преобразованій, которому вся Исторія не представляетъ подобнаго... Какъ же вы не разсудили, что ваша судьба почти столько же близка къ любвеобильному сердцу Государя, какъ и наша!.. Да, вы увлеклись, братья, какъ увлекались часто...

На Западъ, повторю въ десятый разъ, ни вамъ, ни намъ надѣяться нечего. Западъ, т.-е., по выраженію Нестора, Нѣмцы Французскіе, Англійскіе, Нѣмецкіе и прочіе, будутъ

дѣйствовать, смотря потому, какъ найдутъ полезнѣе для себя, а не для насъ, не для Поляковъ, не для Славянъ...

Спорный вопросъ между нами о границахъ. Представимъ себѣ, что Польша есть сильное, самостоятельное государство, владѣетъ и Силезіей, и Познанью, и Помераніею, и Галиціею, и Волынью и Подоліею, вплоть до Кіева и Смоленска, ну, хоть Кіевомъ и Смоленскомъ.

Что же мы, Русскіе, оставили бы за вами всѣ эти ваши завоеванія безпрекословно? Неужели мы покинули бы своихъ братьевъ Русскихъ, съ Русскимъ языкомъ, съ Русскою вѣрою, съ Русскою кровію, стонать подъ чуждымъ игомъ? Нѣтъ,.. я уже почти старикъ, человѣкъ мира, который терпѣть не можетъ никакого оружія и отъ роду не заряжалъ ружья, я отправился бы на войну и повелъ бы своихъ сыновей. И шестьдесятъ милліоновъ, вѣрно, сладили бы съ десятью, и достигли-бъ цѣли... Чужого намъ не надо, а своего ни пяди, ни за что...

Польша и Россія — это сила, необоримая въ Европѣ! Ея-то и боятся всѣ друзья и недруги, ваши и наши!

Когда пришло въ Москву извѣстіе о смятеніи въ Варшавѣ, я думалъ, не принадлежитъ ли оно *инстигаціямъ* Австрійскимъ, съ цѣлію возбудить Россію противъ Польши...

Польша и Россія — неужели это звучитъ хуже, чѣмъ Польша и Саксонія, чѣмъ Польша и Пруссія, даже чѣмъ Польша одна?

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Польша и Россія порознь теряютъ въ десять разъ своей силы, а Польша и Россія вмѣстѣ — сила ихъ удесятеряется. Россія и Польша — вотъ къ чему должны обращаться всѣ усилія порядочныхъ Русскихъ и Польскихъ людей.

Въ эту минуту, для этой цѣли, должны умолкнуть всѣ частныя предубѣжденія, споры, толки. Возьмите, примѣръ, хоть съ самого Мадзини: онъ умолкъ и посылаетъ своихъ приверженцевъ и агентовъ становиться въ ряды Гарибальди и содѣйствовать Виктору-Эммануилу.

Какая же цѣль моего *Посланія?* вопрошаетъ Погодинъ и отвѣчаетъ:

Убѣдить васъ, сколько возможно, милые братья, чтобы вы удержали свои порывы,.. чтобы вы не подавали Европейскимъ государствамъ повода‹ лукаво указывать Россіи на Польшу, чтобы вы перестали связывать Россіи руки въ отношеніяхъ къ Европейскимъ государствамъ и преимущественно къ несчастнымъ Славянскимъ племенамъ; вообще, чтобъ вы не мѣшали начатому ходу,—однимъ словомъ, чтобы вы оказали полную довѣренность доброму сердцу Александра II-го...

Своими неумѣстными усиліями мы можемъ только портить, вредить, мѣшать свободному, спокойному, естественному развитію дѣла...

Не думайте, что спокойное ожиданіе унизительно, что стыдно принимать, а лучше благороднѣе, славнѣе, вырывать изъ рукъ, а какъ не вырвется?

Иногда бездѣйствіе бываетъ лучше дѣйствія, точно такъ, какъ въ молчаніи слышится часто громовое краснорѣчіе".

Посланіе свое Погодинъ заключаетъ такими словами: „Близкій къ Мицкевичу еще въ 1828 году, въ пріятельскихъ ученыхъ отношеніяхъ съ Лелевелемъ съ 1824 года, я прошу васъ принять мое слово съ любовію... Я частный человѣкъ, занимаюсь Исторіею, слѣжу за ходомъ вещей, какъ въ Россіи, такъ и въ Европѣ; многія мои соображенія оправдались событіями и вотъ что придаетъ мнѣ смѣлость... написать это *Посланіе*" [40]).

Сохранилось письмо къ Погодину (1861) подвижника 12-го года, знаменитаго артиллериста, графа Сергѣя Павловича Сумарокова, въ которомъ мы, между прочимъ, читаемъ: „Обращаюсь теперь къ Польскому вопросу. Меня въ особенности поразили дальновидныя ваши сужденія и пророческіе доводы при чтеніи вашихъ писемъ о Польшѣ, изданныхъ во время царствованія въ Бозѣ почивающаго Императора Николая, котораго, вы, милостивый государь, такъ справедливо именуете царемъ прямымъ, честнымъ, благороднымъ

и великодушнымъ. Польша, которую вы называете страною дополнительною, пограничною, но отнюдь не самобытною,—взошла нынѣ въ разрядъ вопросовъ историческихъ,—и вопросъ сей подлежитъ къ разрѣшенію,—не матеріальною, но нравственною силою, при условіяхъ самоуправленія (autonomie) въ предѣлахъ Польскаго языка, т.-е., за исключеніемъ Литвы, Волыни и Подоліи.—Однимъ словомъ, предназначеніе Польши состоитъ въ присоединеніи къ Славянской семьѣ, имѣя Россію во главѣ.

Остается только сожалѣть, что ваши два письма, о коихъ упомянуто выше, не переведены на Польскій языкъ. Поляковъ нужно вразумлять литературными, историческими доводами. Кому какъ не вамъ, милостивый государь, принадлежитъ сей благородный трудъ, противодѣйствуя ложному ученію новой школы Польской Исторіи?

Въ заключеніе, обращаюсь съ покорнѣйшею просьбою, меня извинить, что, не имѣвъ чести васъ лично знать, я увлекся и обратился съ диссертаціями къ лицу, глубоко изучившему науку Исторіи, духъ и потребности народовъ" [41]).

XVI.

Среди разгара Варшавскаго бунта, переселился въ вѣчность преутружденный старецъ намѣстникъ Царства Польскаго.

В. А. Мухановъ, въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 19-мъ мая 1861 года, записалъ: „П. А. Мухановъ рано является съ извѣстіемъ о смерти князя Михаила Дмитріевича Горчакова. Онъ былъ проникнутъ мыслію о долгѣ, но былъ непрактиченъ" [42]).

До Государя это скорбное извѣстіе дошло въ Нескучномъ, 18-го мая, во время торжественнаго обѣда.

Скрывшій себя подъ иниціалами *Е. К.*, писалъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*: „Не біографію покойнаго хочу писать,—нѣтъ, эти немногія слова вырвались изъ груди моей

при первой вѣсти о смерти князя Михаила Дмитріевича Горчакова. Жизнь его, какъ полководца и правителя обширнаго края, принадлежитъ Исторіи; но какъ человѣку, какъ гражданину, — не можемъ не отдать ему дани полной справедливости и глубокаго уваженія къ его личному характеру и высокимъ душевнымъ качествамъ. Самоотверженіе было его отличительною чертою: не руку свою готовъ онъ положить на огонь за Отечество, но самъ кинулся бы въ пламя, если бы зналъ, что это принесетъ какую-либо пользу для Государства... Честность, въ обширномъ смыслѣ слова, и безкорыстіе этого человѣка были безпредѣльны; общество, въ которомъ существуютъ подобныя личности, смѣло можетъ надѣяться на свое нравственное исцѣленіе. Князь Горчаковъ не терпѣлъ лжи, а потому чуждался всякой изысканности, всего, что было неестественно, эффектно, былъ простъ въ обращеніи со всѣми, не приноравливался ни къ обществу, ни къ личности, и многіе ставили ему это въ упрекъ; онъ не искалъ популярности, не заискивалъ въ солдатахъ, поддѣлываясь подъ ихъ рѣчь и манеры, но заботился о нихъ денно и нощно; никогда армія не была такъ хорошо продовольствуема, какъ подъ его начальствомъ, въ трудную пору войны... Солдаты знали, что ему обязаны этимъ и любили его, хотя и не высказывали того минутнаго увлеченія, которое умѣли временно возбудить другіе полководцы восторженною рѣчью или искусственными мѣрами; но зато солдаты видѣли его въ дѣлахъ впереди всѣхъ, знали, что самый храбрый изъ нихъ не могъ сравняться съ своимъ предводителемъ въ томъ холодномъ, презрительномъ пренебреженіи къ смерти, которое онъ выказывалъ въ самыхъ отчаянныхъ битвахъ, и шли за нимъ повсюду. Странное дѣло—этотъ человѣкъ, обыкновенно разсѣянный, говорившій довольно невнятно, въ пылу самаго жаркаго дѣла былъ сосредоточенъ, опредѣлителенъ въ рѣчахъ, чрезвычайно точенъ во всѣхъ дѣйствіяхъ и ясенъ въ смыслѣ“ [48]).

Князь Горчаковъ завѣщалъ похоронить себя въ Севастополѣ, на Братскомъ кладбищѣ.

Все болѣе и болѣе разростающая смута въ Варшавѣ и неумѣренныя притязанія Поляковъ заставили Погодина воскликнуть: *Увы!...* „Видно“,—писалъ онъ,—„на верху написано иначе. Поляки влекутся какою-то необоримою силою... Куда? Богъ одинъ знаетъ! Намъ, друзьямъ Поляковъ, какъ Славянъ, остается только скорбѣть и скорбѣть.

Истинно, нельзя понять, чего хотятъ въ эту минуту Поляки, послѣ торжественныхъ изъявленій воли и намѣреній Государя, какъ они соразмѣряютъ свои средства съ цѣлью, и какая у нихъ цѣль.

Европѣ мудрено теперь вступаться за Поляковъ; у каждаго государства есть много дѣла у себя, и всѣ они готовы, наоборотъ, принести въ жертву Поляковъ въ двадцатый разъ, если только окажутся какія-либо отъ того для нихъ выгоды.

Или—представимъ себѣ Европу безпристрастною и безкорыстною: тогда почему ей вступаться прежде за Польшу, чѣмъ за Сербію, Болгарію, Грецію и проч. и проч.

Положимъ, что Русское войско оставитъ Царство въ эту же минуту и расположится на границахъ Польскаго языка, предоставляя Поляковъ самимъ себѣ. Что начали бъ они дѣлать? Думаютъ ли они, что Нѣмцы Австрійскіе и Прусскіе оставятъ ихъ въ покоѣ? И suffrage universel не упадетъ ли тотчасъ къ ногамъ Александра II-го, съ просьбою принять Царство опять подъ свое покровительство?

Мнѣ кажется, еслибъ даже объявить теперь въ Варшавѣ такое рѣшеніе, то большинство явилось бы на нашей сторонѣ.

Очень жаль, что у насъ не печатаютъ никакихъ частныхъ извѣстій изъ Варшавы, и мы узнаемъ кое-какія подробности изъ иностранныхъ газетъ, а тамъ вездѣ свои виды. Оффиціальныя извѣстія очень недостаточны. Характеръ ихъ—иной. Притомъ встрѣчаются между ними престранныя выраженія, вслѣдствіе плохого знакомства съ Русскимъ языкомъ, напримѣръ, въ послѣдней телеграммѣ сказано: „бой возобновлялся нѣсколько разъ“. Мы знаемъ бой Бородинскій, Лейпцигскій; но уличную схватку, или обмѣнъ нѣсколькихъ выстрѣловъ,

отъ коихъ упало десять человѣкъ, — нельзя назвать боемъ. Земледѣльческое Общество упразднено. Почему упраздненіе послѣдовало именно теперь, а не прежде или послѣ? Кому принадлежитъ первая мысль? Чего именно хотѣла манифестація? По какому поводу раздался первый выстрѣлъ? Войско, говорятъ, имѣло приказаніе оставаться покойно на мѣстахъ. Выходя на службу оно держитъ себя, самымъ скромнымъ образомъ, и подвергается всѣмъ возможнымъ оскорбленіямъ. Какъ же не подумаютъ Поляки, что они могутъ вывести людей самихъ по себѣ изъ терпѣнія, и тогда что будетъ? Или они и имѣютъ это цѣлью? Цѣль, которой не одобритъ никакой благоразумный, истинный другъ Отечества. Я слышалъ, въ одномъ письмѣ пишутъ, что съ верхняго этажа брошенъ былъ на проходившихъ солдатъ огромный камень, коимъ убито двое или трое, и что въ это окно пущенъ былъ выстрѣлъ. Что это за дѣйствіе?

Кромѣ частныхъ извѣстій о новыхъ событіяхъ, мнѣ кажется, вообще полезно было бы разрѣшить печати разсужденіе объ отношеніяхъ Россіи и Польши между собою. Поляки, особенно эмигранты, пишутъ, увлекаясь и предубѣжденіями, и настоящими обстоятельствами, и распространяютъ въ Европѣ пристрастное мнѣніе, мечтаютъ о какихъ-то миѳическихъ границахъ—audiatur et altero pars. Пусть позволятъ намъ писать свободно и искренно. Русины, составляющіе главное народонаселеніе Галиціи, возвышаютъ свой голосъ. Малороссіяне, въ губерніяхъ Волынской, Подольской, Кіевской и проч., должны присоединиться къ ихъ хору. Бѣлоруссы также имѣютъ своихъ представителей. Въ самомъ Царствѣ Польскомъ, въ Августовскомъ и Люблинскомъ воеводствахъ, въ сѣверо-восточныхъ предѣлахъ Венгріи—есть множество нашихъ братьевъ Русскихъ.

Мы будемъ отдавать наши писанія на судъ Чеховъ, Моравовъ, Словаковъ, Сербовъ, Болгаровъ, Кроатовъ, и пусть братья передъ лицомъ всей Европы судятъ насъ съ Поляками, если они не хотятъ жить съ нами любовно, или раз-

8*

статься полюбовно, если они не хотятъ слышать ничего, кромѣ чувствъ, увлекающихъ ихъ Богъ знаетъ куда. Наши писанія не будутъ обязывать Правительство никакимъ образомъ: онѣ будутъ выражать только частныя мнѣнія, которыя и пусть принимаются къ свѣдѣнію Европейцами, Словенами, Поляками и Русскими. Что касается до меня, я все одинъ и тотъ же,—за свободу, но и за правду“ [44]).

XVII.

22 октября 1861 года, изъ Флоренціи, Шевыревъ писалъ Погодину: „У насъ, кромѣ крестьянскаго, два вопроса: университеты и Польша. Поляки изо всѣхъ силъ бьются, чтобы оттереть насъ въ Азію. Мысль о двухъ мірахъ: Славянско-Европейскомъ и Монгольско-Азіатскомъ, они навязываютъ и здѣшнимъ журналамъ. Они стоятъ во главѣ Европейскаго; мы, отатаренные, обречены рабству и деспотизму. Болѣе чѣмъ когда нибудь слѣдуетъ теперь сознавать намъ свое историческое значеніе и поднимать знамя высоко передъ Европою. А у насъ Богъ знаетъ чтò дѣлаютъ. Объ университетахъ слѣдуетъ писать за границею. Плачевно состояніе нашего Просвѣщенія.

П. А. Мухановъ приписывалъ Варшавскія событія Италіанскимъ дѣламъ и „неблагопріятному вліянію нашей Литературы“ [45])!

Въ *Дневникѣ Польскомъ* было напечатано *воззваніе*, прибитое на стѣнахъ Варшавы, приглашавшее къ 10 октября 1861 года на всеобщій съѣздъ въ Городло: „братьевъ Поляковъ, Русиновъ, Литвиновъ“ съ тою цѣлію, чтобъ передъ лицомъ Европы торжественно отпраздновать воспоминаніе уніи Литвы съ Польшею.

Въ Городло собралось до двадцати тысячь человѣкъ въ открытомъ полѣ; военное начальство не воспрепятствовало собранію, давъ Полякамъ высказаться вполнѣ. Вынесли изъ церкви алтарь; отслужили мессу; была сказана проповѣдь,

пропѣты были національные гимны; наконецъ насыпали холмъ, воткнули въ него крестъ и написали протоколъ, который между прочимъ, гласитъ слѣдующее: „Состоялся на чертѣ Городла на Бугѣ, въ воеводствѣ Люблинскомъ, въ округѣ Холмскомъ, 10 октября 1861 года. Сего числа собрались сюда, въ лицѣ своихъ представителей, области, составлявшія Польское Королевство въ эпоху собранія нашихъ предковъ въ городѣ Городло, въ 1413 году. Упомянутое собраніе скрѣпило неразрывною связью три страны: Польшу, Литву и Русь, состоящія изъ слѣдующихъ областей и мѣстностей: воеводство Познанское, Калишское, Краковское, Сандомирское, *Кіевское, Русское, Волынское, Подольское, Черниговское, Виленское, Троцкое, Витебское, Минское, Смоленское. Лифляндское,* княжество *Курляндское, Сѣверское, Галицкое*“ (и пр. и пр). Затѣмъ въ протоколѣ сказано, что собравшіеся въ Городлѣ „возобновляютъ, на граничной чертѣ сего знаменитаго союзомъ трехъ народовъ города, Городлянскій актъ во всемъ его объемѣ и требуютъ возстановленія Польши въ *старыхъ* предѣлахъ“.

Это дало поводъ И. С. Аксакову написать Полякамъ краткое, но сильное посланіе: „*Кіевъ, Волынь, Черниговъ, Смоленскъ*!!!—восклицалъ онъ—Безумные Поляки! Какъ спѣшите вы проиграть ваше дѣло! Какъ торопитесь вы затушить всякую искру сочувствія, которую могла бы зажечь въ единоплеменныхъ вамъ братьяхъ ваша любовь къ родинѣ! Неужели вы такъ глухи, такъ слѣпы, неужели вы думаете, что въ пространной Русской Землѣ, отъ Камчатки до Карпатъ, въ Великой, Малой, Бѣлой. Червонной Руси, найдется хоть одинъ русскій, который бы не загорѣлся весь самымъ жгучимъ огнемъ негодованія при такихъ лживыхъ и наглыхъ вашихъ притязаніяхъ! Который бы не отдалъ жизни въ борьбѣ съ вами, за сохраненіе нашихъ древнихъ Русскихъ областей, нашего трижды святаго, прекраснаго Кіева!... Или тщетны были для васъ всѣ уроки Исторіи, и васъ ничто исправить не можетъ? Вамъ, по прежнему, нипочемъ права чужихъ

народовъ и ихъ народная воля; надменный шляхтичъ, ругавшійся надъ вѣрою нѣсколькихъ милліоновъ Руссовъ, называвшій ее—*холопскою*, и Русскій народъ—*холопами* Польши,—видно, еще живъ въ васъ, и какъ прежде сгубилъ, такъ и теперь, безумный, губитъ дѣло своей родной земли!—Мы оставались чужды доселѣ вашей тяжбѣ съ правительствами, но вы хотите возобновить международную тяжбу и воскресить вражду, которую состраданіе къ вамъ начинало изглаживать въ сердцахъ нашихъ! Несчастные, несчастные, безуміемъ, какъ Божьей карой, пораженные Поляки" [46])!...

„На меня ополчается",—писалъ Аксаковъ графинѣ Блудовой (3 ноября 1861 г.—„цѣлая туча разныхъ ругательствъ и клеветъ. Все это шипѣніе злобы, которое меня не смущаетъ. Мы, славянофилы, птицы обстрѣленныя въ этомъ отношеніи. Я получилъ огромное письмо отъ Костомарова и довольно дерзкое. Онъ сердится на статью Ламанскаго, называетъ ее доносомъ, сердится на мое слово къ Полякамъ, говоря что я бью лежачихъ".

О содержаніи письма Костомарова мы узнаемъ изъ отвѣта на оное Аксакова (30 октября 1861 г.), въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „Вы говорите, что моя газета (*День*) задираетъ двѣ родственныя народности, южно-Русскую и Польскую, и нападаетъ на лежачаго, беззащитнаго. Во 1-хъ, это фактически несправедливо. О Полякахъ не было и рѣчи, покуда они не вздумали задирать насъ, Русскихъ. Они наводнили иностранную Литературу клеветами на Россію... Они громко предъявляютъ притязанія на древнія Русскія области... Во 2-хъ, на Малорусскую народность никто не нападалъ, а если напали, такъ не на народъ и не на народность, а на тенденціи нѣкоторыхъ *патріотовъ*, касающіяся вопроса объ языкѣ. Вообще между мной и вами та существенная разность, что я стою на сторонѣ Исторіи и народа, а вы противъ Исторіи и противъ народа... Вы идете на перекоръ не только народнымъ тенденціямъ вашей Малороссіи, но и тенденціямъ трехъ-милліоннаго народа въ Га-

лиціи. Страданіе, влеченіе, ожиданіе всего этого народа не трогаютъ сердца шляхтича и *патріотовъ* Малорусской Петербургской колоніи.... Я не вызываю международную вражду, а напротивъ предостерегаю отъ нея. Требованіе Кіева и пр. я считаю *безумнымъ*... Вы попрекаете мнѣ, что я съ этимъ словомъ обратился ко всей націи, т.-е., вы хотите сказать, что не всѣ Поляки раздѣляютъ это безумное требованіе. Очень радъ это слышать отъ васъ... Вы не хотѣли замѣтить, что я браню Поляковъ за то, что они портятъ сами свое правое дѣло неумѣренными притязаніями... Упрекать меня въ угодливости власти могутъ только Поляки, которые большею частію прибѣгаютъ ко всякой лжи, клеветѣ и прочимъ подлостямъ... Когда Герценъ, въ 1858 году, кажется, печаталъ въ *Колоколѣ* свои письма къ Полякамъ и отстаивалъ противъ нихъ Кіевъ и другія Русскія области, то *мнѣ самому* Поляки говорили, что онъ подкупленъ Русскимъ Правительствомъ и находится въ тайной перепискѣ съ Императрицею! Если же и ваши Малороссы прибѣгаютъ къ такой уловкѣ относительно меня, то значитъ—они сильно ополячились! Вы угрожаете мнѣ тѣмъ, что Правительство будетъ гладить по головкѣ за статьи противъ Поляковъ... Я не веду оппозицію Правительству по западному: quand même. И если Правительство скажетъ: я признаю Христа,—не стану говорить, что вѣрю въ чорта... Вы считаете неприкосновенность границъ Россіи дѣломъ Правительства,—„тутъ наша хата съ краю". Можетъ быть ваша, но не моя. Какія странныя слова вы высказали! Такъ, вамъ все равно, если Поляки или Австрійцы или Турки отнимутъ у Россіи Кіевъ, Черниговъ, Смоленскъ, Москву, и поставятъ свою границу на Волгѣ? И вы послѣ того станете утверждать, что ваше сердце бьется однимъ чувствомъ съ народомъ! Нѣтъ, вы ему чужды совершенно—съ своею аристократическою привилегіею патріотизма и историческаго пониманія"!

XVIII.

Графинѣ Блудовой Аксаковъ писалъ: „Я отвѣчалъ (Костомарову) умѣренно и воздержно, и имѣю извѣстіе, что письмо мое имѣло успѣхъ, и хохлы, признаютъ себя побѣжденными".

Но изъ отвѣта Костомарова Аксакову не видно, чтобы „хохлы признали себя побѣжденными".

Костомаровъ, начавъ свое письмо извиненіемъ за дерзкія выраженія, и оправдываясь тѣмъ, что онъ имѣлъ дѣло не „съ личностью" Аксакова, а „со школою и съ ученіемъ", между прочимъ, писалъ: „Вы говорите, что готовы предоставить Польшѣ вѣдаться самой себѣ, а въ то же время пишете: *Впрочемъ, разумѣется, кромѣ Царства Польскаго, я бы не далъ имъ ни пяди Русской земли.* Хорошо. Но вѣдь эта Русская земля населена Русскимъ народомъ. Ну, если бы этотъ Русскій народъ оказалъ симпатію къ Польшѣ и пожелалъ бы съ нею соединиться? Какъ же по вашему? Надобно было бы его усмирять штыками, картечами, плетьми и насильно заставить благоденствовать созерцаніемъ *цѣльности*, которую вы лелѣете! Въ такомъ случаѣ, проповѣдуемая вами свобода противорѣчитъ вашимъ дѣламъ... Вы говорите: будьте свободны, но думайте и поступайте, чувствуйте и желайте такъ, какъ мы хотимъ и вамъ приказываемъ. Ваша свобода ни чѣмъ есть лучше свободы исходящей отъ королей и министровъ... А между тѣмъ, рисуетесь дешевымъ свободолюбіемъ... Вы конечно скажете, что разсчитываете на извѣстную вамъ симпатію Южно-Русскаго народа; вы пишете, что знаете его; да, вы знаете край, его внѣшность; это доказываетъ ваше превосходное сочиненіе о ярмаркахъ. Но едва ли вы знаете глубину народной души. Вы не подозрѣваете, что на днѣ ея, у каждаго почти южноросса, спитъ Выговскій, Дорошенко, Мазепа, — и проснется когда наступитъ случай. Душа истаго

южноросса совсѣмъ не такая распашная, какъ Великорусская... Не вѣрьте южноруссу, ибо онъ вамъ не вѣритъ, сколько вы не открывайте ему вашу душу... Что же, спросите вы: неужели же Южнорусскій народъ пойдетъ къ Ляхамъ? Не знаю: быть можетъ пойдетъ къ Ляхамъ, быть можетъ пристанетъ къ вамъ, быть можетъ ни къ вамъ, ни къ нимъ не пристанетъ, а захочетъ самъ собою жить... Вы хотите совмѣстить несовмѣстимое, служить Богу и мамонѣ. Хотите государственной цѣльности и проповѣдуете свободу... Либо поддерживайте Государство и тогда сознайте необходимость цензуры, III-го Отдѣленія, Петропавловской крѣпости и совершеннаго порабощенія индивидуальной мысли и убѣжденія волѣ Правительства; либо рискуйте Государствомъ, будьте готовы на его разложеніе — если хотите свободы. Россійское Государство невозможно безъ самодержавія, а самодержавіе невозможно при свободѣ мысли и слова".

Въ письмѣ своемъ къ графинѣ Блудовой, Аксаковъ писалъ: „Я думаю на счетъ Царства Польскаго, что мы не правы, что мы безчестимъ Русское знамя, удерживая Польшу (чистую Польшу, настоящую) насильно за собою, что намъ должно выдти изъ Польши и стать на границѣ нашихъ Русскихъ областей (въ томъ числѣ и часть Литвы), и если Поляки сунутся къ намъ, поколотить ихъ съ величайшимъ удовольствіемъ. Черезъ три года Поляки будутъ просить сами присоединенія. Нельзя въ одно и то же время сочувствовать движенію Русиновъ противъ Австрійцевъ въ Галиціи, доставшейся ей также законно, или лучше сказать беззаконно, какъ Царство Польское намъ, и въ то же время признавать неправильными стремленія Поляковъ высвободиться изъ подъ нашей зависимости. Я не люблю Поляковъ и выругалъ ихъ за ихъ притязанія на Кіевъ. Но не могу бранить ихъ за ихъ притязанія на Варшаву, Познань и Краковъ".

Противъ изложенныхъ въ этомъ письмѣ мыслей, Костомаровъ въ своемъ письмѣ къ Аксакову возражаетъ: „Вы находите, что Россіи слѣдуетъ вывести войска изъ Польши и

предоставить ее самой себѣ. Что же изъ этого выйдетъ? Развѣ вы этимъ удовлетворите Польшу? Поляки не хотятъ такой Польши, какою вы ихъ жалуете. Поляки хотятъ Польши въ границахъ Сигизмунда III или, по крайней мѣрѣ, Яна Собѣйскаго. Едва только Русскія войска выйдутъ изъ Польши, какъ Поляки ворвутся въ край, составлявшій нѣкогда Великое Княжество Литовское. Все католическое и Польское пристанетъ къ нимъ; примутъ ихъ сторону и толпы православныхъ (бывшіе уніаты). Другіе православные воспротивятся; поднимется безтолковая междоусобная война. Русскіе должны будутъ водворять порядокъ, пойдутъ снова на Варшаву, возьмутъ ее и опять начнутъ держать Польшу въ ежевыхъ рукавицахъ. Какой же результатъ выйдетъ изъ всего? Напрасное кровопролитіе—и больше ничего“ [47]).

Въ *Архивѣ* Калачова была напечатана статья Мордовцева, подъ заглавіемъ: *Крестьяне въ Западной Россіи*. Костомаровъ на эту статью напечаталъ въ *Русскомъ Словѣ* рецензію [48]). Эта рецензія очень возмутила Мордовцева, и онъ жаловался на своего друга Погодину. „Съ Костомаровымъ“,—писалъ онъ, — „мы объясняемся по поводу моей статьи *о крестьянахъ въ Юго-западной Руси XVI в.*. Костомаровъ написалъ на мою статью рецензію, въ которой, вопреки всѣмъ историческимъ даннымъ, высказалъ ту мысль, что Малорусскимъ крестьянамъ было *сносно* подъ владычествомъ Польскихъ пановъ. Я, конечно, возражалъ. Обвинилъ его въ самоотреченіи, потому что въ рецензіи онъ говорилъ противъ всѣхъ своихъ историческихъ трудовъ, гдѣ высказывалось, что крестьянамъ было очень нехорошо подъ Польскимъ владычествомъ. Мнѣ же возражалъ (въ *Основѣ*) нѣкто Пестржецкій, котораго я заподозрилъ въ арендаторскихъ наклонностяхъ и высказалъ это въ отвѣтѣ Костомарову. Костомаровъ отвѣчалъ мнѣ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*. Пестржецкій отвѣчаетъ снова въ *Основѣ*. Очень жаль, что не имѣю оттисковъ этихъ статей, чтобы познакомить васъ съ характеромъ нашей полемики, и главное, чтобы вы видѣли, кто правъ.

Н. И. Костомаровъ и здѣсь увлекся, какъ во время òно — во время великой брани за Жмудь. Онъ неправъ и здѣсь".

Вѣроятно по поводу этой рецензіи, Аксаковъ писалъ Погодину: „Да, каково! И можно ли было подумать, что это Костомаровъ, тотъ самый, который увѣрялъ графиню Блудову, что онъ теперь совершенно измѣнился и даже недоволенъ своимъ *Хмельницкимъ*, потому что въ немъ проглядываетъ полонизмъ" [49])!

Въ своей *Правдѣ Москвичамъ о Руси*, Костомаровъ между прочимъ писалъ: „Въ Москвѣ существуютъ люди, называющіе себя славянофилами, еже сказуется славянолюбцами, но въ сущности они не таковы, каковыми себя выставляютъ; они хотятъ воспитать въ своемъ народѣ непріязнь противъ другого Славянскаго народа, который и малочисленнѣе и слабѣе того народа, къ которому они сами принадлежатъ; а съ этою цѣлью они, сіи такъ называемые славянолюбцы, уродуютъ и искажаютъ преданія старины глубокой, прибавляютъ къ разсказамъ лѣтописцевъ свои выдумки и это дѣлаютъ изъ желанія удовлетворить національному тщеславію. Вотъ, эти славянофилы — добрѣйшіе, честнѣйшіе, умные и свѣдущіе люди, а отъ него не могутъ избавиться. О Москва! какъ въ нынѣшнихъ чадахъ твоихъ зрятся отцы и дѣды ихъ! Вспомнишь по неволѣ Конисскаго, который описывая солдатъ Великорусскихъ, „бывшихъ тогда еще въ сѣрыхъ зипунахъ и въ лаптяхъ, небритыхъ и въ бородахъ, т.-е. во всей мужичьей образинѣ", замѣчаетъ, какъ „они имѣли однако о себѣ непонятное высокомѣріе или какой-то гнусный обычай давать всѣмъ народамъ презрительныя названія, напримѣръ: Полячишки, Нѣмчурки, Татаришки и т. д." [50]).

А между тѣмъ, В. А. Мухановъ, въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 1 декабря 1861 года, вотъ что записалъ: „Вечеромъ, Дима Нарышкинъ, разсказывающій о положеніи Литвы, гдѣ поютъ въ церквахъ патріотическіе гимны и дѣйствуетъ революціонный Комитетъ, а Правительство остается въ бездѣйствіи" [51]).

XIX.

Съ января 1861 года, въ Петербургѣ, стала издаваться *Основа*, Южно-Русскій литературный ученый вѣстникъ, сдѣлавшійся органомъ, такъ называемыхъ, *Петербургскихъ украинофиловъ*.

Познакомившись съ этимъ журналомъ, Погодинъ писалъ къ Максимовичу, на Михайлову Гору: „Что затѣваютъ Малороссійскіе-то *писатели?* Тамъ силятся соединиться Неаполь съ Піемонтомъ, и Венеція съ Римомъ, а мы хотимъ дѣлиться въ Полтавѣ, Курскѣ, Воронежѣ, Кіевѣ! Пусть воздѣлывается языкъ, процвѣтаетъ Литература, развивается жизнь,—а дѣлиться-то для чего? Стараться, чтобы всѣмъ было хорошо, лучше,—о, это дѣло другое! Дай Богъ всѣмъ благополучія— и Великой, и Малой, и Бѣлой, и Червонной Руси! Да что ты не хватишь по лбу ослѣпленныхъ“ [52])!

Въ Современной Лѣтописи, издаваемой въ Москвѣ при *Русскомъ Вѣстникѣ*, Катковъ замѣтилъ: „Языкъ, употребляемый Южно-Русскими писателями въ Галиціи, гораздо ближе къ нашему литературному языку, чѣмъ тò Малороссійское нарѣчіе, какимъ пишутъ наши украинскіе литераторы. Каждый изъ насъ совершенно легко можетъ читать все, что пишется на Южно-Русскомъ нарѣчіи, равно, какъ и Русскіе люди въ Галиціи совершенно свободно и съ особенною охотою читаютъ Русскія книги. Писатели Червонной Руси стараются болѣе о томъ, чтобы сблизить свое нарѣчіе съ литературнымъ, не слѣдуя примѣру нашихъ Украинскихъ литераторовъ, которые передразниваютъ всѣ оттѣнки и тоны народнаго говора“ [53]).

Въ своемъ письмѣ къ Н. И. Костомарову, И. С. Аксаковъ говоритъ: „Я не вѣрю въ возможность образованія Малорусскаго общаго литературнаго языка,—кромѣ чисто-народныхъ художественныхъ произведеній,—не вижу къ этому ни-

какой возможности, не желаю и не могу желать никакихъ искусственныхъ попытокъ нарушить цѣльность Общерусскаго развитія, отклонить Малороссійскихъ художниковъ отъ писанія на Русскомъ языкѣ. Слава Богу, что Гоголь жилъ и дѣйствовалъ раньше, чѣмъ возникли эти требованія: у насъ не было бы *Мертвыхъ Душъ*; вы бы или Кулишъ наложилъ бы на него путы племеннаго эгоизма и съузили бы его горизонтъ кругозоромъ одного племени! И какая, признаться сказать, звучитъ во всемъ этомъ фальшивая нота... Чувствуете ли вы, какъ все это противорѣчитъ жизни и Исторіи! Но, разумѣется, никто изъ насъ никогда не хотѣлъ и не думалъ мѣшать вамъ. Пишите, сколько угодно, переводите Шекспира и Шиллера на Малорусское нарѣчіе, одѣвайте героевъ Гомера и Греческихъ боговъ въ Малороссійскій кожухъ—вольному воля! Но не можетъ же Русская Литература пройти молчаніемъ такое явленіе".

На это Костомаровъ, будучи самъ по отцу великоруссъ, отвѣчалъ: „Вы находите, что стремленіе писать по Малорусски и создавать особую Литературу противно Исторіи и жизни. Да, противъ Исторіи. Но какой? Исторіи войнъ, трактатовъ, министерскихъ распоряженій, кабинетскихъ соображеній, насильственнымъ размежевкомъ краевъ, составленію данныхъ и купчихъ на милліоны человѣческихъ душъ, живущихъ и грядущихъ въ земной жизни. Но оно не противно Исторіи народной мысли, народныхъ чувствованій и побужденій, слѣдовательно не противно и жизни. Коль скоро существуетъ народъ съ собственною физіономіею, съ своеобразными пріемами, съ собственнымъ нарѣчіемъ, то не противно жизни и его своеобразное свободное развитіе. Вы не видите возможности... Будьте логичны и вѣрны себѣ. Откройте намъ принципъ вашъ и дѣйствуйте съ нами сообразно съ нимъ. Либо станьте на точку государственной принудительности и дѣйствуйте за одно съ III-имъ Отдѣленіемъ, либо уважайте право Южно-Русскаго нрода и не приказывайте ему молчать на своемъ языкѣ и говорить на вашемъ. Позвольте ему самому рѣшать

свою судьбу, а не закидывайте ему на шею помочей, чтобы вести его; судите Южно-Русскую Литературу по ея плодамъ, а не отдавайте подъ судъ ея существованія и не осуждайте ея на смерть за то единственно, что она имѣла несчастіе родиться вблизи отъ васъ... Я вовсе не признаю закономъ, чтобъ Малороссы не писали по Великорусски, напротивъ, если они не захотятъ взять въ руки Малороссійскихъ книгъ— я не поставлю имъ этаго въ вину. Значитъ, жизнь того требуетъ. Невиноваты тѣ, которые по убѣжденію хотятъ развитія Малорусскаго языка, невиноваты тѣ, которые не хотятъ читать того, что пишется на этомъ языкѣ. Но пока— Малороссійская письменность растетъ и кругъ читателей увеличивается. Слѣдовательно, есть потребность и несправедливо вооружаться противъ права на свободное существованіе Малорусской Литературы. Говоря, что ея появленіе противно Исторіи и жизни, вы сами себѣ противорѣчите, изъявивъ опасеніе, что Гоголь, если бы живъ былъ теперь, склонился бы на убѣжденіе Кулиша и компаніи и сталъ бы писать по Южно-Русски и вы бы не увидали *Мертвыхъ душъ*. Стало быть вы признаете въ мысли созданія Южно-русской Литературы великую силу, когда предполагаете, что такой талантъ какъ Гоголь, могъ отдаться этой мысли!.. Я самъ думаю, что еслибы Гоголь былъ живъ теперь, то вѣрно свои повѣсти, напечатанныя въ *Вечерахъ*, написалъ бы по Южно-Русски и конечно упрочивъ себя напередъ лучшимъ запасомъ знанія народности. Но это ничуть не помѣшало бы ему писать *Мертвыя души*, которыя и не могутъ быть написаны по Южно-Русски" [54]).

При всемъ своемъ „глубокомъ уваженіи къ благородной Редакціи *Основы*", В. И. Ламанскій высказалъ и свое разногласіе съ нею. „Русской литературный языкъ",—писалъ онъ,—„образованъ не со вчерашняго дня и не Ломоносовымъ, который его только точнѣе опредѣлилъ и усовершенствовалъ. Въ основѣ своей Великорусскій языкъ нашъ принадлежитъ одинаково въ значительной мѣрѣ и Малороссіянамъ. Отказав-

шись отъ него, они бы отказались отъ значительной части своего прошедшаго, своей Исторіи и все таки бы не успѣли образовать на своемъ нарѣчіи такой Литературы, которая бы имъ сдѣлала излишнею Литературу Русскую. Отказавшись отъ Русской образованности, они принуждены бы были примкнуть къ Польской, съ которою тоже Словесность Малорусская не сравняется. Пока же Малоруссы не создадутъ своей образованности, на своемъ нарѣчіи, до тѣхъ поръ должны они учиться и писать или на Русскомъ или на Польскомъ языкѣ. Но выборъ послѣдняго возможенъ для Малороссіи только съ принятіемъ Католицизма, возобновленіемъ Уніи... Иначе всѣ сочувствія Малороссіи всегда будутъ принадлежать Русской образованности и Литературѣ, тѣмъ болѣе, что она не только единовѣрна Малороссіи, но и отнюдь *не исключительно Великорусская*. Общій элементъ нашего литературнаго языка— Церковно-Славянскій, принятый нами вмѣстѣ съ Христіанствомъ, утратилъ у насъ большую часть своихъ Болгарскихъ особенностей, подъ вліяніемъ писателей и писцовъ Южной и Сѣверной Руси, еще до подчиненія первой Литвѣ. И въ настоящее время нарѣчія Малорусское и Великорусское не отличается между собою множествомъ важныхъ и рѣзкихъ особенностей, До конца же XIV вѣка и даже позже онѣ были незначительны, если не совершенно ничтожны (разумѣется не въ лингвистическомъ, а въ практическомъ отношеніи). Такъ было съ живымъ народнымъ языкомъ.

Письменный же языкъ еще подавнѣе былъ общеодинаковъ для Южной и Сѣверной Руси... Съ отдѣленіемъ Руси Южной отъ Сѣверной мало-по-малу обнаружилось у нихъ несогласіе и въ языкѣ письменномъ. Но и въ это время до Ломоносова никогда не происходило между ними полнаго разрыва, ибо у нихъ былъ общій элементъ Церковно-Славянскій. Есть множество Южно-Русскихъ сочиненій XVI, XVII в., писанныхъ тѣмъ же языкомъ, какимъ писали въ то время въ Москвѣ, Новгородѣ, Вологдѣ, Поморскихъ городахъ. Языкъ Московскихъ грамотъ относительно силы, богатства, народ-

ности, конечно не можетъ быть и сравниваемъ съ нечистымъ, безобразнымъ языкомъ Южно-Русской гражданственности, испытавшей сильное вліяніе Польши, что̀ отразилось въ языкѣ, исполненномъ полонизмовъ. Но и Московскія грамоты, эти прекрасные образцы Русскаго письменнаго языка, при всей своей народности, вовсе не чужды элемента Церковно-Славянскаго. Въ нихъ замѣтно сильное вліяніе языка церковныхъ книгъ, лѣтописи, а слѣдовательно прежнихъ писцовъ и писателей Южной Руси. Огромное, непосредственное вліяніе имѣло на языкъ наши Южно-Русскіе ученые и писатели съ конца XVII вѣка до самого Ломоносова. Малоруссы господствовали тогда у насъ въ іерархіи, въ школѣ и образованности. Они, повидимому, имѣли всѣ средства образовать Русскій литературный языкъ на Малорусской основѣ. Исторія рѣшила иначе. Уроженецъ Двинской земли, коренной новгородецъ, Ломоносовъ принялъ нарѣчіе Московское, но въ то же время призналъ всю законность и необходимость общаго элемента Церковно-Славянскаго. Для дальнѣйшаго развитія нашего языка имѣли огромное значеніе многіе даровитые писатели изъ Малороссіянъ и одинъ геніальный — Гоголь. И такъ, нашъ литературный языкъ нынѣшнимъ своимъ видомъ обязанъ общимъ, совокупнымъ усиліямъ Велико-Мало-Руссовъ. Онъ есть плодъ исторической жизни *всего* Русскаго народа. Признаться, мысль о возможности особой Малорусской Литературы (а не мѣстной Словесности) представляется намъ величайшею *нелѣпостью*“ [55])...

XX.

Весьма послѣдовательно, что глава Петербургскихъ украинофиловъ Кулишъ обрушился на Гоголя, какъ на хохла, писавшаго свои безсмертныя творенія на Московскомъ литературномъ нарѣчіи. Въ *Основѣ*, Кулишъ напечаталъ обширную статью, подъ заглавіемъ: *Гоголь, какъ авторъ повѣстей изъ Украинской жизни* [56]).

Противъ Кулиша, въ *оборону* Гоголя, выступилъ другъ его М. А. Максимовичъ, который, по счастливому выраженію М. Н. Лонгинова, былъ „поэтъ въ душѣ, какимъ является онъ и въ историческихъ розысканіяхъ, и въ филологическихъ изслѣдованіяхъ, и въ разсужденіяхъ по естествознанію, и въ описаніяхъ древностей и природы его любезной Малороссіи, словомъ во всемъ, что вышло изъ подъ его увлекательнаго пера" [57]).

Прежде всего Максимовича поразила рѣзкая перемѣна, происшедшая во взглядѣ Кулиша на Украинскія повѣсти Гоголя. Въ 1854 году, въ своемъ опытѣ біографіи Гоголя, Кулишъ писалъ: „Самыя легкія черты старинной Малороссіи,— не говорю уже въ *Тарасѣ Бульбѣ*, но и въ мелкихъ разсказахъ и отрывкахъ,—дышутъ именно такою истиною, какъ-будто онъ залѣзъ въ прадѣдовскую душу и видитъ сквозь нее собственными глазами своего предка, Остапа Гоголя".

Его *Тарасъ Бульба* „высказалъ яснѣе всевозможныхъ томовъ (Исторіи),—какова была старинная жизнь Молороссіи и какъ понималъ ее Гоголь".

Далѣе, Кулишъ замѣчаетъ: „написавъ *Тараса Бульбу*, подъ вліяніемъ восторженнаго сознанія своего успѣха", что такіе судьи, какъ Пушкинъ, Жуковскій, князь Вяземскій и Плетневъ, „не замедлили увѣнчать чело поэта *свѣжими, вполнѣ заслуженными лаврами*". Но прошло два-три года, послѣ опыта біографіи,—и Кулишъ въ своемъ *Эпилогѣ* къ Черной Радѣ, напечатанномъ въ *Русской Бесѣдѣ* 1857 года, уже силится доказать, что Гоголь *не зналъ простонародной Украйны, смотрѣлъ на нее какъ баринъ, видящій въ мужикѣ одно смѣшное, и не понималъ, какъ Молороссійскій народъ смотритъ самъ на себя*. Въ 1861 году, въ статьѣ своей: *Гоголь, какъ авторъ повѣстей изъ Украинской жизни*, Кулишъ ожесточенно уже срываетъ съ Гоголя тѣ *свѣжіе, вполнѣ заслуженные лавры*, которыми не замедлили увѣнчать чело нашего поэта первенствующіе столичные критики! „Если бы Русское читающее общество", — писалъ Ку-

лишъ,—„было воспитано въ духѣ родного ему Славянства до такой степени, чтобы *читать свободно Квитку и Шевченко*, какъ ближайшихъ ему Всеславянскихъ поэтовъ, то въ этихъ *всесовершеннѣйшихъ зеркалахъ* народныхъ чувствъ, народныхъ нравовъ и обычаевъ, оно увидѣло бы *вопіющія погрѣшности* повѣстей Гоголя и пожалѣло бы только, что столько воображенія истрачено на блестящіе призраки изъ несуществующаго въ дѣйствительности міра“.

Наконецъ, Кулишъ, по подобію старыхъ универсаловъ, возглашаетъ: „*Мы*, всѣ тѣ, кто, въ настоящее время, имѣетъ драгоцѣнное право называть себя *украинцемъ*, объявляемъ всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что разобранные и упомянутые *типы* Гоголевыхъ повѣстей — не *наши* народные типы, что хотя въ нихъ кое-что и взято съ натуры и угадано великимъ талантомъ, но въ главнѣйшихъ своихъ чертахъ они чувствуютъ, судятъ и дѣйствуютъ не по Украински, и что по этому, при всемъ уваженіи *нашемъ* къ таланту Гоголя, *мы* признать ихъ земляками не можемъ“.

Максимовичъ, въ своей *Оборонѣ*, замѣтилъ, что такое универсальное отреченіе и объявленіе, отъ лица всѣхъ *Украинцевъ*, должно показаться для нихъ очень страннымъ—уже и потому, что Кулишъ не настоящій украинецъ, а сѣверянинъ, изъ того конца Малороссіи, жители которой издавна зовутся на Украйнѣ, хотя неправильно, Литвинами, Литвою“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Максимовичъ доказалъ, что Гоголь „очень достаточно зналъ Исторію Малороссіи, языкъ и пѣсни своего народа, и всю народную жизнь ея и понималъ ихъ глубже и вѣрнѣе многихъ новѣйшихъ писателей Малороссійскихъ, что̀,—писалъ Максимовичъ,—„извѣстно мнѣ положительно и достовѣрно, какъ по прежнимъ его занятіямъ особенно 1834 и 1835 г., такъ и по его бесѣдамъ со мною 1849 и 1850 г.“.

Въ особенности возмутило Максимовича утвержденіе Кулиша, что будто бы въ столицахъ, въ Квиткино и Шевченково время, знали Малороссійскій языкъ „всего больше по

смѣшнымъ именамъ (Голипупенко, Перерепенко, Свербигузъ и проч.) изъ повѣстей Гоголя“.

„Сущее суесловіе“! — восклицаетъ Максимовичъ и пишетъ: — „Задолго еще до Шевченка, и до Квитки, и до Гоголя, знали въ столицахъ Малороссійскій языкъ по самымъ изящнымъ его выраженіямъ, какихъ не всегда онъ достигалъ и въ новой Малороссійской Словесности, — по *народнымъ Украинскимъ пѣснямъ*! Еще въ прошломъ столѣтіи печаталъ ихъ достопамятный великороссіянинъ Новиковъ, въ своемъ *Собраніи Россійскихъ пѣсенъ*, и позабытый украинецъ Василій Ѳедоровичъ Трушковскій, въ своемъ изданіи Русскихъ пѣсенъ съ *голосами*. Съ тѣхъ поръ наши Украинскія пѣсни были въ постоянному ходу въ столицахъ. Я живой свидѣтель, какъ во все продолженіе *двадцатыхъ* годовъ въ Москвѣ распѣвались онѣ подъ музыку нашего Новгородсѣверскаго земляка, Гаврилы Андреевича Рачинскаго и слышалось на театральной сценѣ прекрасное произношеніе Украинской рѣчи изъ устъ Щепкина. Знали тогда многіе Великороссіяне *Энеиду* Котляревскаго, даже его оду князю Куракину. Знали тогда ученые Великороссіяне Малороссійскій языкъ — и по его *грамматикѣ*, изданной въ Петербургѣ, 1818 года, Алексѣемъ Павловичемъ Павловскимъ, и по драгоцѣнному изданію весьма народныхъ Украинскихъ думъ князя Николая Андреевича Цертелева 1819 года. Въ собственно литературномъ кругу — одинъ уже переводчикъ *Иліады*, Гнѣдичъ, назвучалъ въ слухъ многихъ своею громкопѣвучею декламаціей Украинскаго языка, звуки котораго любилъ онъ сравнивать съ звуками Итальянскими. Баронъ Дельвигъ любилъ наши народныя пѣсни и пробовалъ перелагать ихъ въ Русскіе стихи. Въ 1829 году, когда Пушкинъ воротился въ Москву изъ своего Закавказскаго странствованія, я засталъ его въ одно утро за письменнымъ столомъ; передъ нимъ были развернуты *Малороссійскія пѣсни* моего изданія 1827 года.

„А я это обкрадываю ваши пѣсни“! — сказалъ онъ, — и,

взявъ со стола прерванное моимъ приходомъ письмо, прочелъ изъ него выразительно:

Мынѣ съ жинкой не возиться;
А тютюнъ да люлька
Козаку въ дорози
Знадобиться!

— А я привезъ вамъ только что полученную мною изъ Украйны народную пѣсню о Мазепѣ — сказалъ я. Еще въ дѣтствѣ моемъ я слышалъ эту пѣсню отъ слѣпой старухи, въ хуторѣ Самусевкѣ (Хорольскаго уѣзда); а тутъ довелось мнѣ услышать ее изъ устъ творца *Полтавы*, который прочелъ ее дважды по моему списку, а потомъ повторялъ уже наизусть слѣдующій куплетъ:

У Кіева на Подоли
Порубаны груши;
Погубывъ же песъ Мазепа
Невинныя души...

Въ тѣ поры, еще невѣдомый для свѣта Гоголь работалъ, въ Петербургѣ, надъ *Сарочинскою ярмаркою*...

XXI.

20 ноября 1861 г., Погодинъ изъ Москвы во Флоренцію писалъ Шевыреву: „Въ *Современникѣ* печатаются статьи противъ употребленія Русскаго языка въ Галиціи и предлагаются совѣты жить мирно съ Поляками, которые ихъ угнетаютъ, вопія противъ угнетенія Русскими въ Варшавѣ“.

Дѣйствительно, въ *Современникѣ* 1861 года, была напечатана статья Чернышевскаго, подъ заглавіемъ: *Національная безтактность*.

Въ Галиціи, во Львовѣ, издается газета *Слово*. Кромѣ одной части Галиціи, примыкающей къ Польшѣ, вся остальная заселена тремя милліонами Малороссовъ. Шляхта, аристократія, крупные землевладѣльцы—Поляки. Поляки, требуя отъ Нѣмцевъ и отъ другихъ признанія своей національности,

въ то же время всевозможными способами преслѣдуютъ и гнетутъ Русскую народность въ Галиціи. У Галицкихъ Руссовъ только одно стремленіе,—примкнуть къ общей Русской семьѣ, слиться съ нею въ одно цѣлое, если не политически, такъ духовно; по этому они всячески стараются усвоить себѣ нашъ Русскій литературный языкъ, считаютъ нашу Литературу своею, изучаютъ ее, гордятся Пушкинымъ, какъ своимъ собственнымъ поэтомъ. Чтобы сколько-нибудь ослабить эту естественную связь Галича съ Россіею, Австрійское правительство, по совѣту Поляковъ, до самаго послѣдняго времени запрещало въ Галиціи употребленіе нашей гражданской азбуки и нашей литературной рѣчи. Въ то же время Австрійское правительство, не желая усиленія Поляковъ, настолько поддерживаетъ народность въ Галиціи, насколько это нужно ему для ослабленія Польскаго элемента, но старается въ Галицкихъ Русскихъ возбуждать чувство племенной Малороссійской особности и враждебности къ Великорусской стихіи. Въ 1861 году, Австрія, желая имѣть Галицкихъ Руссовъ на своей сторонѣ въ Державномъ Сеймѣ, даровало имъ разныя льготы и позволило употребленіе нашей гражданской азбуки и нашей литературной рѣчи.

Этимъ дарованнымъ правомъ и воспользовалось Львовское *Слово*.

„Вдругъ“,—свидѣтельствуетъ И. С. Аксаковъ,—„появляется въ *Современникѣ* статья, подъ названіемъ *Національная безтактность*, которая, оскорбляя Галичанъ въ самыхъ задушевныхъ, теплыхъ ихъ стремленіяхъ, осуждаетъ ихъ старанія писать Русскимъ литературнымъ языкомъ, предлагаетъ имъ держаться Малороссійской племенной особности, и не враждовать съ Поляками. Эта статья появилась въ разныхъ газетахъ Австріи на Нѣмецкомъ и Польскомъ языкахъ. Можно себѣ представить удивленіе, негодованіе, огорченіе, весь ужасъ нашихъ братьевъ Русскихъ! Письма, полученныя нами изъ Вѣны, живо изображаютъ душевную скорбь Галичанъ, обруганныхъ и осмѣянныхъ въ Россіи за сочувствіе къ Россіи“ [58])!

„Въ Галиціи я былъ“,—писалъ И. С. Аксаковъ Н. И. Костомарову.—„Нужно имѣть каменное или Польское, но не Малорусское сердце, чтобъ не сочувствовать стремленіямъ народа, который страданіями своими выработался до потребности ограничить свое племенное самолюбіе... А вы его подчуете *особностями*! Вполнѣ, разумѣется, сочувствуя этому стремленію Галицкаго народа, могу ли я быть равнодушенъ къ статьѣ *Современника*, смущающей бѣдный народъ, да еще выдающей себя за голосъ Россіи. Будь эта статья подписана полякомъ, появись она въ Польскомъ журналѣ, появись даже въ *Основѣ*, значеніе ея было бы другое. Но допустить, чтобъ голосъ Польскій самозванно, изподтишка прикидывался Русскимъ и морочилъ опаснымъ мороченьемъ цѣлый народъ, намъ сочувственный, допустить это было бы величайшею низостью для всякаго истиннаго русскаго“ [59]).

Противъ статьи *Современника* выступилъ въ *Днѣ* В. И. Ламанскій.

Онъ писалъ: „Мы считаемъ неприличнымъ и оскорбительнымъ для Редакціи Львовскаго *Слова* опровергать въ частности всѣ обвиненія, взваленныя на нее *Современникомъ*. Политическіе враги Русскихъ пользуются его статьею, какъ доказательствомъ и орудіемъ, обрадовались ей, какъ новому поводу и средству навести лишній ударъ этой несчастной, едва поднимающейся народности. Ссылаясь на нее, говорятъ Русинамъ въ Австріи: „вы ищете сочувствія въ Русскихъ, вы надѣетесь на поддержку Русской Литературы. Напрасно! Вотъ вамъ голосъ изъ Россіи: такъ смотрятъ на васъ всѣ тамошніе публицисты, какъ изъ Малоруссовъ, такъ и изъ Великоруссовъ“. Въ самомъ дѣлѣ, Чернышевскій говоритъ о Львовскомъ *Словѣ* не только за себя, за насъ Великоруссовъ, но и за Малоруссовъ, напримѣръ за Шевченко, который, по увѣвѣренію Чернышевскаго, „*лично его знавшаго*, во Львовскомъ *Словѣ* навѣрное не сталъ бы писать“.

Но, замѣтимъ мы, что Чернышевскій имѣлъ право говорить отъ имени Малоруссовъ; такъ какъ литературный органъ

ихъ *Основа* настаивалъ, согласно съ Чернышевскимъ, чтобы Галичане „бросили свою литературную рѣчь и начали писать языкомъ Основьяненки, Шевченки и Марко-Вовчка“.

„Не знакомый ни съ Исторіею“,—продолжаетъ Ламанскій, ни съ современнымъ положеніемъ Русиновъ, Чернышевскій очевидно не понималъ всей важности Русинскаго вопроса. Онъ отнесся къ нему по-свойски, какъ относятся всѣ наши *свистуны* къ самымъ труднымъ и сложнымъ вопросамъ жизни и науки. Мы всѣ уже привыкли къ самостоятельнымъ взглядамъ всей этой яркой плеяды оригинальныхъ умовъ *Современника*. Никакое новое явленіе въ области свистопляски насъ уже особенно не поражаетъ. Но понятно, что малѣйшая статья каждаго изъ этихъ отечественныхъ мыслителей должна производить сильное впечатлѣніе на людей свѣжихъ и постороннихъ. Но признаемся, мы не могли удержаться отъ смѣха, услыхавъ, что Поляки и Нѣмцы прочли статью Чернышевскаго и заключили: таковъ взглядъ *молодой* Россіи! Впрочемъ, откровенно говоря, этотъ выводъ Поляковъ насъ особенно не поразилъ; ибо знаемъ вѣру Поляковъ въ извѣстное Польское же мнѣніе объ азіатизмѣ нашего народа, Москалей, о дикости нашихъ нравовъ, объ ограниченности нашего ума. Грубость тона статьи Чернышевскаго, оскорбительныя обвиненія, непониманіе дѣла, конечно служили Польскимъ читателямъ его статьи самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ ея національности“ [60])!

Эту статью В. И. Ламанскаго Костомаровъ назвалъ *доносомъ*. „Вы съ вашимъ христіанскимъ православнымъ возрѣніемъ“,—писалъ онъ И. С. Аксакову,—„имѣете изъясняться прямо, смѣло, вразумительно. А Чернышевскій долженъ предъ вами лавировать, увертываться. Для васъ доступно всякое оружіе, для него—нѣтъ! Если же вы начнете развертывать всѣ папильетки, въ которыя завито то, что подается имъ почтеннѣйшей публикѣ, то результатъ выйдетъ тотъ, что Чернышевскаго посадятъ въ крѣпость, либо сошлютъ въ Вятку,

какъ проповѣдника безбожія, соціализма, революціи, а вамъ дадутъ орденъ за разоблаченіе зловреднаго ученія".

На эти оскорбительныя слова Аксаковъ замѣтилъ: „Какъ скоро статья *Національная безтактность* была напечатана по Русски, въ Россіи, въ Русскомъ журналѣ, то стало быть споръ открытъ, и возражать на нее можно. Если же Чернышевскій, печатая свою статью, разсчитывалъ на то, что возражать будетъ неловко, что возражателю можно будетъ зажать ротъ обвиненіемъ въ неблагородствѣ; я не знаю, благороднымъ ли назовете вы этотъ поступокъ? Авторъ швыряетъ изъ-за угла въ насъ камень, и сердится, когда мы вскрикиваемъ отъ боли и крикомъ обличаемъ его продѣлку! Вѣроятно, Чернышевскій хотѣлъ бы, чтобы ему кланялись и улыбались и позволяли себя бить безнаказанно. Недавно одинъ изъ моихъ пріятелей матеріалистовъ приходитъ ко мнѣ и говоритъ, что статья Самарина неблагородна, что Бюхнеръ защищаться не можетъ! Цѣлые журналы проповѣдуютъ матеріализмъ, и проповѣдуютъ съ успѣхомъ, а возражать имъ, безъ обвиненія лицъ — неблагородно".

XXII.

И. С. Аксаковъ, 27 октября 1861 года, писалъ графинѣ А. Д. Блудовой: „Ну ужъ если бы вы знали, какъ разозлились на меня и на Ламанскаго—хохлы и Поляки. У нихъ въ этихъ случаяхъ всегда одна уловка—прикидываться лежачими, беззащитными, говорить, что имъ отвѣчать нельзя, опасно, что мы угождаемъ *силѣ*, и что статья Ламанскаго—*доносъ*, а я—хочу распалить вражду и т. п. Какъ бы не вздумали, въ самомъ дѣлѣ, какъ нибудь ихъ преслѣдовать".

На Аксакова напали не только чужіе, но и *свои*. Къ числу *своихъ* я причисляю и извѣстную писательницу Кохановскую. Она (20 февраля 1862) писала Аксакову изъ своего Харьковскаго хутора Макаровки: „Если *меня День* бѣситъ иногда, говорилъ мнѣ Потебня, занимающій каѳедру Славян-

скихъ древностей въ Университетѣ *) и указывая на то, „какъ же этотъ *День* долженъ бѣсить другихъ“, и не расположенныхъ такъ много къ основамъ и убѣжденіямъ *Дня*, и болѣе горячихъ, чѣмъ кроткій и благородно-скромный Потебня. Мы разговорились о вопросѣ отдѣльной Малорусской Литературы. „Любопытно было бы знать, какъ самъ Аксаковъ смотритъ на этотъ вопросъ? сказалъ онъ. И вполнѣ ли онъ раздѣляетъ мнѣніе Ламанскаго“?—„А вы какъ смотрите“? спросила я.—„А вотъ какъ: литературный Русскій языкъ становится все болѣе и болѣе Великорусскимъ. Это его шагъ въ развитіи; но судите: что, напр., произведенія Островскаго имѣютъ обще-русскаго для малорусса? Ничего... И вотъ, чтобы пополнить этотъ оказывающійся недостатокъ, который впослѣдствіи, вѣроятно, во многомъ окажется, и должна существовать отдѣльная Малорусская Литература, насколько у нея станетъ силъ для отдѣльнаго существованія. Изъ этого не слѣдуетъ ожидать непремѣнно ослабленія общаго народнаго языка Русской Литературы. Можно почти утвердительно сказать, что пройдетъ еще вѣрныхъ сто лѣтъ, въ теченіе которыхъ всякое сколько-нибудь замѣчательное произведеніе въ научномъ отношеніи и вообще сознающее себя развитіемъ общечеловѣческой мысли никакъ не явится на Малорусскомъ, а непремѣнно на Великорусскомъ языкѣ. А что будетъ за предѣлами тѣхъ ста лѣтъ, намъ и думать и гадать нечего. Человѣческимъ выводамъ и заключеніямъ, ни Малорусскимъ, ни Великорусскимъ, не дано заходить въ такую даль. А между тѣмъ, развитіе отдѣльной Малорусской Словесности живѣе и благодѣтельнѣе всего подѣйствуетъ на простой народъ. Оно прямѣе и полнѣе дастъ ему живую родную грамоту, дастъ народу близкое и сподручное первоначальное образованіе. Далѣе этого первоначальнаго образованія отдѣльная Малорусская Литература, по крайней мѣрѣ, долго еще не въ состояніи

*) Потебня занималъ каѳедру Исторіи Русскаго языка и Словесности, въ Харьковскомъ Университетѣ. *Н. Б.*

будетъ вести,—и вотъ столько людей съ врожденнымъ поэтическимъ чувствомъ малорусса, съ его тонкимъ умомъ, поставленные на дорогу Просвѣщенія зачатками своего частнаго образованія, чтобы расширить и пополнить его, обратятся никуда же болѣе какъ къ всенародно-Русской, то есть Великорусской Литературѣ". Это, разумѣется, только тѣнь разговора, который я слышала почти мѣсяцъ тому назадъ, и вы, можетъ быть, скажете, что для васъ здѣсь нѣтъ ничего новаго. Очень можетъ быть, уважаемый Иванъ Сергѣевичъ: нѣтъ новаго въ мысли,—а въ приложеніи къ дѣлу?.. Хомяковъ встрѣтилъ горячимъ привѣтомъ проповѣди Гречулевича на Малорусскомъ языкѣ. *Русская Бесѣда* объявила, что ей дорога всякая народность; вы сами и вашъ *День* думаете быть (и должны быть) пріемниками и распространителями идей *Русской Бесѣды* и высокаго чувства Хомякова. А между тѣмъ, что выходитъ на дѣлѣ? Вы и *День* въ открытой непріязни съ представителями заявляющей себя Малорусской народности; у васъ завязалась перебранка чуть чуть не словами: „бісовъ москаль" и „проклятый хохолъ", и какъ это тяжело, какъ неумѣстенъ въ высшей степени этотъ раздоръ! Конечно, Кулишъ немножко по жидовски, самъ бьетъ и самъ кричитъ; но вы-то, Иванъ Сергѣевичъ—вамъ этого простить нельзя, что вы не уберегли вашего *Дня* отъ криковъ Кулиша! Съ вашей стороны, со стороны братскаго всеславянскаго значенія вашей газеты, это такая недальновидность—такая неполитичность въ вашемъ положеніи ввязаться вамъ въ *Оборону повѣстей Гоголя* и поднять на себя всю *Основу*. Но и *Основа* во многомъ права. Она права именно въ томъ, въ чемъ виновата передъ нею вся наша текущая Литература газетъ и журналовъ. Эта родная Литература, по извѣстному камертону, выводитъ „верхнія нотки" и твердитъ: народность! Всѣ права Итальянской народности! И вотъ на глазахъ родная Славянская народность заявила свое литературное существованіе—и въ какомъ общественномъ органѣ слова встрѣтила она сочувствіе и дружный привѣтъ! Ни даже

въ вашемъ—а напротивъ славянофильскій *День* съ первыхъ же нумеровъ ввязался въ укоры и перекоры, забывая то исключительное обстоятельство, что не всегда бываетъ возможно отдѣлить дѣло отъ лица,—и вотъ, поссорившись съ Кулишомъ, *День* открыто и непріязненно разошелся съ *Основой*. Если бы вы знали, съ какимъ искреннимъ сожалѣніемъ я выставляю на видъ эти ошибки вашего бурнаго *Дня*—именно бурнаго... Ссора съ Поляками, ссора съ Малороссіей, и еще подъ такимъ непріятнымъ угломъ зрѣнія: узкой старой московщины, и это въ славянофильскомъ всеславянскомъ органѣ! Но найти въ этомъ случаѣ вамъ блистательно помогъ панъ Грабовскій, совершенно безцеремонно объявляющій, что здѣсь и искать нечего: хлопы, взбунтовавшіеся противъ благородной шляхты, – вотъ народность Малороссіи"!

Въ другомъ своемъ письмѣ, Кохановская писала Аксакову: „Въ васъ, такомъ логическомъ, какая это непослѣдовательность? Вы хлопочете о пробужденіи, о поддержаніи Литературы въ Галиціи, а литературное пробужденіе Малороссіи не встрѣчаетъ въ васъ никакого привѣта и ни слова участія".

На эти письма Аксаковъ отвѣчалъ: „Я не знаю Потебни и даже вовсе не слыхалъ о немъ; я воображалъ себѣ, что каѳедру Славянскихъ Древностей занимаетъ Лавровскій. По крайней мѣрѣ, въ ученомъ мірѣ имя его еще неизвѣстно. Но не въ томъ дѣло. Я не вижу причинъ, почему *День* можетъ иногда бѣсить его, когда его слова (Потебни) не только не представляютъ ничего новаго, но были неоднократно выражены въ *Днѣ*. Онъ говоритъ о томъ, что развитіе Малорусской Словесности даетъ народу близкое и сподручное первоначальное образованіе. Кто-жъ противъ этого споритъ? Развѣ *Русская Бесѣда* не привѣтствовала прежде и горячѣе всѣхъ—проповѣди Гречулевича? Развѣ въ отвѣтѣ Кулишу (на его статью противъ Максимовича) я не выразилъ ту же самую мысль. Развѣ не то же говоритъ и Ламанскій? Если бы кто издалъ на Мордовскомъ языкѣ проповѣди и т. п., я былъ бы не менѣе радъ. Даже, можетъ быть, болѣе, потому что

мордвинъ вовсе лишенъ возможности понимать, напр., Литургію, тогда какъ для малоросса и для великорусса это возможно въ одинаковой степени. Но внѣ этой области, Литература сельской, для первоначальнаго образованія и т. п., я считаю усилія Малороссовъ создать особую отъ нашей Литературу празднымъ препровожденіемъ времени. Незачѣмъ. Если вы пишете не для простого народа, то вы должны писать языкомъ общества, а общество у насъ одно, Малорусское и Великорусское. Прочтите въ 22 № мою статью объ обществѣ, и вы поймете, что̀ я хочу этимъ сказать. Простой народъ никогда не пойметъ Пушкина, Лермонтова и т. д., т.-е. народъ, стоящій на степени непосредственности, той степени, гдѣ не существуетъ Литературы. Мало того—рязанецъ и новгородецъ не поймутъ, пожалуй, и просто Московской рѣчи. Слѣдуетъ ли изъ этого, что надо создать Литературу для двухъ-трехъ уѣздовъ Рязанской губерніи особую? Вы указываете на Островскаго, что онъ чуждъ малороссу. Совершенно согласенъ, и я первый сдѣлалъ это указаніе въ своемъ введеніи по описанію Украинскихъ ярмарокъ. Но Хома Брутъ, Черевикъ, типы Гоголевыхъ вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки, развѣ они близки великоруссу? Однако жъ Русское общество сочло ихъ себѣ близкими и родными,—потому именно, что наше общество свободнѣе отъ племенной узкости, въ какую непремѣнно хотятъ упрятать себя Кулишъ и К°. У насъ общество должно быть едино. Жалко видѣть, что тупоуміе Кулиша и прочихъ стремится добровольно ограничить развитіе Малороссійской народности, указывая ей тѣсныя племенныя границы, сузить ея горизонтъ, лишить достоянія, лишить доли въ общемъ достояніи Русскаго самосознанія. Если бы школа *Основы* привела къ тому, напр., чтобы лишить Россію Гоголя, она принесла бы зло, а не добро.

Я удивляюсь, что вы порицаете меня за полемику съ Кулишомъ. Неужели вы въ состояніи признать въ нападеніяхъ Кулишовыхъ на Гоголя хоть каплю смысла и правды? Хомяковъ въ рѣчи, произнесенной въ Обществѣ Любителей

Русской Словесности, назвалъ эти нападки Кулиша актерствомъ народности. Кому же, какъ не *Дню* слѣдовало вступиться за Гоголя? Благодарности я заслуживаю за это, а не порицанія. Къ тому же статьи Максимовича написаны такимъ спокойнымъ, умѣреннымъ тономъ, что только чудовищное самолюбіе Кулиша можетъ ими раздражаться. Развы вы не чувствуете всю узкость воззрѣнія, критики и оцѣнки Кулишовой? Вотъ что̀ значитъ упорствовать въ Малороссійскомъ племенномъ партикуляризмѣ!

Для меня малороссъ и великороссъ одно—русскій. И поэтому никакого союза или федераціи и т. п., я тутъ не предполагаю. Семья съ семьей можетъ заключать союзы, Русская семья съ Польской,—но мы одна семья: у насъ одно общество, одинъ общій подвигъ самосознанія. Вы упоминаете про Итальянскую народность, но вѣдь этотъ аргументъ обращается прямо противъ васъ! Италія захотѣла единства, и всѣ племенныя особенности Итальянской народности отреклись отъ своего племеннаго эгоизма, чтобы создать единый цѣлый Итальянскій политическій и духовный организмъ. Принято общее нарѣчіе Тосканское въ Литературѣ, въ обществѣ,—и не существуетъ Литературы Венеціанской. Неаполитанской, Римской, и проч., хотя Римъ и Неаполь и Венеція имѣли разныя историческія судьбы и достигли полноты развитія въ отдѣльности!

Я знаю лично всю колонію Петербургскихъ Малороссійскихъ „патріотовъ". Это именно „патріоты", а не народные люди. Они мечтаютъ о раздѣльности и о федераціи и чувствуютъ влеченіе къ Полякамъ, но эти послѣдніе не умѣютъ пользоваться ихъ расположеніемъ и сдуру не признаютъ Малороссію. Впрочемъ, возникаетъ и въ Польшѣ подобная партія, и намъ приходится бороться противъ обѣихъ. „Патріоты" вопросъ о вѣрѣ—по боку, отметаютъ, потому что съ нимъ трудно достигнуть того союза съ Польшей, о которомъ они мечтаютъ.

А между тѣмъ, я очень люблю *Основу*, какъ чистый, чест-

ный и безкорыстный журналъ въ грязной Петербурской Литературѣ; я уважаю любовь къ народности всякую, какъ поглощающую личный индивидуальный эгоизмъ. Малороссію—ея ласковую природу, ея поэтическій колоритъ—я люблю не менѣе Малороссовъ. И знаете ли, кто больше получаетъ и выписываетъ *Основу*? Великоруссы. *Основа* падаетъ, т.-е. почти лишена возможности продолжаться отъ равнодушія Малороссовъ. Почему же это такъ? Отъ того, что тенденція, выражающаяся въ *Основѣ*, противорѣчитъ историческому инстинкту Малороссовъ, отъ того, что какъ ни не любитъ хохолъ москаля, но чувство единства Русской Земли живетъ въ немъ сильно, но Русскій царь—рѣшительно то же самое для малоросса Изюмскаго уѣзда, что и для мужика Костромскаго уѣзда. То, что вы разсказывали, описывая пріѣздъ Императрицы,—повторяется всюду въ Россіи; вездѣ однѣ и тѣ же рѣчи. Я намѣренъ написать цѣлую статью объ *Основѣ* и выразить ей откровенно свое мнѣніе; я посовѣтую ей воспользоваться Малороссійскою племенною особенностью для того, чтобы въ западныхъ губерніяхъ подъемомъ мѣстнаго элемента противодѣйствовать Польской цивилизаціонной стихіи, точно такъ, какъ въ Бѣлоруссіи надо возбудить въ народѣ чувство Бѣлорусской племенной особенности. Все это, разумѣется, касается простого народа, а отнюдь не общества, которое вооружено всѣми орудіями народнаго Всерусскаго самосознанія. Пусть возникаетъ сельская Литература, если нужно; можетъ быть, дѣло пойдетъ успѣшнѣе, чѣмъ попытки создать литературно-общественный языкъ.—Я назвалъ *Основу* сборникомъ потому, что она сама себя журналомъ не хочетъ называть: на заглавіи стоитъ: „Южно-Русскій Вѣстникъ". Слѣдовало бы сказать вмѣсто Сборника—Вѣстникъ,—это правда.

Что касается до Польскаго вопроса, то возбужденіе его составляетъ едва ли не главную заслугу *Дня*. *День* переводитъ этотъ вопросъ на литературную почву и изъ государственнаго дѣлаетъ его общественнымъ. До сихъ поръ ни одна Русская газета не читалась Поляками, а теперь едва ли не боль-

шинство подписчиковъ—изъ западнаго края; Поляки безпрестанно пишутъ мнѣ статьи, я добылъ дозволеніе печатать Польскія статьи, и за помѣщеніе статьи Грабовскаго получилъ отъ Поляковъ изъявленіе благодарности на Польскомъ языкѣ. На моихъ редакторскихъ вечерахъ теперь стали бывать Поляки—горячіе мои противники,—и въ то же время искренно меня уважающіе за честность отношеній.

Странно, что вы позволяете Костомарову сочинять „басню" о славянофилахъ, нападать ожесточенно и ругаться, и въ то же время запрещаете *Дню* отвѣчать въ тонѣ несравненно болѣе умѣренномъ" [61])!

XXIII.

17 мая 1861 года, въ полдень, Государь, Императрица съ Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ и Великою Княжною Маріею Александровною прибыли въ Москву [62]).

Подъ тѣмъ же числомъ, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Вечеромъ въ Кремлѣ. Не слишкомъ живо".

18-го состоялся торжественный выходъ въ Успенскій соборъ. Передъ вступленіемъ въ соборъ, царскія особы были встрѣчены митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ, съ крестомъ и св. водою, и привѣтствованы отъ него слѣдующею рѣчью:

„Благочестивѣйшій Государь!

Привѣтствуемъ тебя въ седьмое лѣто твоего царствованія. У древняго народу Божія седьмое лѣто было лѣтомъ законнаго отпущенія изъ рабства (*Исх.* XXI, 2). У насъ не было рабства, въ полномъ значеніи сего слова: была однако крѣпкая наслѣдственная зависимость части народа отъ частныхъ владѣльцевъ. Съ наступленіемъ твоего седьмаго лѣта, ты изрекъ отпущеніе. Обыкновеннѣе сильные земли любятъ искать удовольствія и славы въ томъ, чтобы покорить и наложить иго. Твое желаніе и утѣшеніе—облегчить твоему народу древнія бремена, и возвысить мѣру свободы, огражден-

ной закономъ. Сочувствовало тебѣ сословіе благородныхъ владѣльцевъ; и въ добровольную жертву сему сочувствію принесло значительную часть своихъ правъ.

И вотъ, болѣе двадцати милліоновъ душъ обязаны тебѣ благодарностью за новыя права, за новую долю свободы. Молимъ Бога, чтобы добрый даръ былъ разумно употребленъ, чтобы ревность къ общему благу, справедливость и доброжелательство готовы были всюду для разрѣшенія затрудненій, иногда неизбѣжныхъ при новости дѣла; чтобы получившіе новыя права изъ благодарности порадѣли уступившимъ древнія права, чтобы пріятная мысль о трудѣ свободномъ сдѣлала трудъ болѣе прилежнымъ и производительнымъ, къ умноженію частнаго и общаго благоденствія; да будетъ твоя къ твоему народу любовь увѣнчана неувядающею радостію подъ осѣненіемъ Провидѣнія, благодатно простираемымъ, вмѣстѣ съ тобою, надъ совѣнчанною тебѣ твоею супругою и твоими благословенными чадами“ [63]).

Въ тотъ же день, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Въ Кремлѣ. Минута довольно живая, но не болѣе. Полноты нѣтъ“.

Государь во время пребыванія въ Москвѣ, имѣлъ резиденцію въ Нескучномъ [64]).

„Государя Императора срѣтили мы“,—писалъ митрополитъ Филаретъ къ Антонію,—„благополучно. Въ день святителя Алексѣя онъ, съ Государынею Императрицею и съ именинникомъ, слушали литургію въ церкви святителя Алексѣя. Вчера оба изволили сказать мнѣ, что желаютъ посѣтить Лавру“ [65]).

23 мая 1861 года, Государь въ Нескучномъ принималъ хлѣбъ-соль отъ общества крестьянъ графа Д. Н. Шереметева, Юхотской волости, пришедшихъ благодарить Государя за дарованныя имъ права. Поздоровавшись со всѣми крестьянами, Государь бесѣдовалъ съ двумя выборными, Иваномъ Плотовымъ и Александромъ Шашкинымъ, державшими подносимую хлѣбъ-соль, и замѣтилъ, что товарищи ихъ были представлены ему въ Петербургѣ самимъ „хозяиномъ“. Напомнивъ крестья-

намъ всегдашнюю доброту къ нимъ помѣщика, Государь сказалъ: *И впредь его не забывайте!* На что крестьяне отвѣчали: „Рады стараться, Ваше Императорское Величество"! Прощаясь съ Государемъ одинъ изъ выборныхъ, ставъ на колѣни, просилъ Государя „осчастливить ихъ лицезрѣніемъ матушки-царицы". Императрица вышла на балконъ и, раздвинувъ сама цвѣты, заслонявшіе ее отъ зрителей, поздоровалась съ крестьянами [66]).

На другой же день послѣ этого представленія, Погодинъ, подъ 24 мая 1861 г., записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Шереметевскіе крестьяне разсказали о своемъ хлѣбъ-соли".

Въ *Дневникѣ* же Погодина мы читаемъ:

Подъ *4 іюня* 1861 г.: „Царь и Царица въ Дѣвичьемъ монастырѣ. Толпа народа. Картина. Иванъ Аксаковъ въ шляпѣ!

— *5* — —: Вчера, на вечерѣ у Императора, кто-то сказалъ, что встрѣчу на Дѣвичьемъ полѣ устроилъ Погодинъ.

— *9* — —: Мнѣ приписываются всѣ демонстраціи".

5 іюня 1861 года, Государь съ Императрицею и чадами: Великою Княжной Маріей Александровной и Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ, прибыли въ Лавру Преподобнаго Сергія.

Священно-архимандритъ Лавры, митрополитъ Московскій, встрѣтилъ богомольцевъ рѣчью, по замѣчанію Саввы „съ политическимъ оттѣнкомъ":

„Благочестивѣйшій Государь!

Не значительно было бы предъ тобою, если бы мы сказали теперь, что пришествію Вашихъ Императорскихъ Величествъ съ благовѣрными чадами вашими, радуемся мы, чада Преподобнаго Сергія.

Скажемъ лучше, несомнѣнно достойнѣе вашего вниманія, что посѣщенію вашему радуется Преподобный отецъ нашъ Сергій.

Ибо онъ, какъ въ земной жизни, послѣ Бога и Неба, любилъ православную Россію и державныхъ ея, и служилъ благу ихъ молитвою, совѣтомъ, миротворствомъ, такъ и въ

небесной жизни являетъ подобныя расположенія, съ высшею небесною силою.

Дважды сохранилъ онъ сію обитель свою, когда столица была въ рукахъ враговъ. Это не для обители только, но наипаче для Россіи. Такъ, открывалось, что Россія была постигнута праведнымъ прещеніемъ Божіемъ, но не оставлена Богомъ; что вѣра можетъ сохранить царство, когда недостаточны для сего царственныя силы.

Въ мирѣ, благочестивѣйшій Государь, хранишь ты твое царство. Но міръ и въ мирѣ не миренъ. Есть искры подъ пепломъ, которыя онъ или не умѣетъ, или не старается угасить. Онъ говоритъ о мирѣ, и непрестанно усиливаетъ приготовленіе къ брани.

При такихъ обстоятельствахъ, особенно утѣшительно намъ, и, безъ сомнѣнія, пріятно Преподобному Сергію, что ты, притекая къ нему, чрезъ иего и съ нимъ прибѣгаешь къ Богу, чтобы твоей царственной мудрости пріобрѣсти новый свѣтъ отъ премудрости Божіей, чтобы укрѣпить царственную силу силою Божіей.

Вниди въ миръ и въ общеніи со Святымъ, принеси твою царственную молитву Всесвятому Господу: и съ нею воздвигнется молитва твоего народа; и по общей вѣрѣ, да преклонится Всевышній, и благословитъ ненарушимымъ миромъ и возрастающимъ благоденствіемъ тебя и твой домъ и твое царство“ [67]).

„Посѣщеніе царскихъ особъ“, — повѣствуетъ Савва,— „всегда радостное и вожделѣнное для обитателей Лавры Сергіевой, на этотъ разъ было ознаменовано нѣкоторою чрезвычайною особенностію. Державнымъ родителямъ благоугодно было, чтобы ихъ юная единственная дщерь, достигшая восьмилѣтняго возраста, принесла исповѣдь предъ маститымъ настоятелемъ Лавры и затѣмъ сподобилась причаститься Св. Таинъ въ обители угодника Божія Сергія. Съ нею вмѣстѣ причащенъ былъ и ея юнѣйшій (четырехлѣтній) братъ, соименникъ Преподобнаго Сергія, Сергѣй Александровичъ. Ли-

тургію 6-го совершалъ въ Троицкомъ соборѣ самъ владыка; съ нимъ и я удостоился служенія" [68]).

По свидѣтельству другого очевидца, „во время пѣнія причастнаго стиха, Великій Князь Сергій Александровичъ и Великая Княжна Марія Александровна подведены были Государемъ къ св. иконамъ и св. мощамъ Преподобнаго Сергія, къ которымъ прикладывались, предваряя и сопровождая сіе земными поклонами. По отверзтіи царскихъ вратъ, Государь подошелъ къ онымъ съ своими дѣтьми, и по прочтеніи митрополитомъ молитвъ *Вѣрую Господи* и *Вечери Твоея тайные*, которыя Великая Княжна, вмѣстѣ съ митрополитомъ, явственно произносила, она и Великій Князь, на рукахъ Государя, приблизились къ Св. Чашѣ и были причащены Святыхъ Таинъ" [69]).

„Какъ бы въ воздаяніе" — свидѣтельствуетъ Савва,—за совершеніе для царскихъ дѣтей духовной требы, митрополитъ высочайше пожалованъ былъ въ этотъ день наперснымъ крестомъ, украшеннымъ драгоцѣнными камнями,—чего не доставало ему и чего онъ крайне желалъ.

Послѣ Литургіи, митрополитъ и я, съ намѣстникомъ Лавры, удостоены были приглашенія къ царской трапезѣ.

Когда въ назначенный часъ мы вошли въ залу, гдѣ приготовленъ былъ столъ, мы увидѣли тамъ весело рѣзвящихся причастниковъ и когда, по выходѣ Ихъ Величествъ, сѣли за столъ, они во все время обѣда продолжали громко смѣяться, не смотря на строгіе взгляды августѣйшей родительницы. Видно, дѣти всегда дѣти, въ какомъ бы они высокомъ положеніи ни находились" [70]).

Самъ Филаретъ писалъ графу А. П. Толстому слѣдующее: „Благодарю Бога, что даровалъ мнѣ два утѣшительныхъ дня, и что ветхость моя не воспрепятствовала мнѣ исполнить должное и желаемое.

5 дня сего іюня, Государя Императора и Государыню Императрицу и *нашего* Великаго Князя Сергія Александровича и Великую Княжну Марію Александровну встрѣтили мы въ притворѣ Троицкаго соборнаго храма. Дождь не позво-

лилъ встрѣтить во святыхъ вратахъ. Они изволили слушать молебное пѣніе Преподобному Сергію и прикладываться къ святымъ иконамъ и святымъ мощамъ.

По обѣдѣ, они изволили слушать всенощное бдѣніе, и въ глубокую ночь еще разъ входили въ храмъ для уединенной молитвы.

6-го іюня, присутствовали они при Божественной Литургіи, которую совершая, имѣлъ я также утѣшеніе послужить пріобщенію святыхъ Таинъ Великаго Князя и Великой Княжны.

Послѣ Литургіи, Ихъ Императорскіе Величества и Ихъ Высочества посѣтили Геѳсиманскій скитъ, Виѳанію и въ ней келлію митрополита Платона, и наконецъ обозрѣли въ Лаврѣ иконописное Училище.

Ихъ Величества истинно благочестивымъ усердіемъ къ Богу и угоднику Его преподали великое наставленіе православному народу.

Господи, спаси царя! Господи силою Твоею да возвеселится царь и о спасеніи Твоемъ да возрадуется зѣло!

Не въ самохваленіе, а по чувству искренней благодарности, что Ихъ Императорскіе Величества удостоили вниманія мое недостоинство, и даже посѣтили меня въ моей келліи. Государь Императоръ непосредственно своею рукою всемилостивѣйше пожаловалъ мнѣ крестъ.

При посѣщеніи дома, Государь Императоръ обратилъ вниманіе на принесенныя изъ семинарской Библіотеки письма въ Бозѣ почивающаго Императора Павла I-го къ митрополиту Платону, и изволилъ замѣтить, что они лежатъ не въ порядкѣ времени. Я не могъ на сіе ничего отвѣчать Его Величеству, такъ какъ письма были въ его рукахъ. Сейчасъ требовалъ я о семъ объясненія Виѳанскаго ректора и онъ отвѣчалъ, что, въ прошедшемъ маѣ, онъ пересматривалъ сіи письма и они были расположены по порядку времени. Но онъ объясняетъ случай особеннымъ обстоятельствомъ. Прежде письма Императора Павла и Императрицы Маріи были положены

вмѣстѣ по порядку времени: дана имъ общая непрерывная нумерація. Но послѣ за лучшее найдено письма Императрицы Маріи отдѣлить и расположить особо. Отъ чего произошло, что нумерація отдѣльныхъ писемъ Императора, по вынутіи писемъ Императрицы, перестала быть непрерывною. И когда Государь Императоръ видѣлъ, что нѣкоторыхъ числъ въ порядкѣ нумераціи нѣтъ, то заключилъ, что они перемѣшаны" [71]).

XXIV.

8 іюня 1861 года. Государь и Императрица предприняли поѣздку изъ Москвы въ село Бородино [72]), и на другой день посѣтили Саввинъ монастырь.

Объ этомъ посѣщеніи сохранилось подробное описаніе въ письмѣ епископа Дмитровскаго Леонида къ митрополиту Филарету.

„Спѣшу донести вашему преосвященству",—писалъ Леонидъ",—о исполненіи возложеннаго на меня порученія вашего принять августѣйшихъ богомольцевъ въ Саввинѣ монастырѣ. Ихъ Императорскія Величества изволили прибыть въ Саввинъ монастырь въ часъ по полудни и были встрѣчены мною и братіею обители съ хоромъ пѣвчихъ вашего высокопреосвященства, у верхнихъ вратъ монастыря, такъ какъ время было ясное и земля, вскропленная дождемъ изъ малаго облачка, не давала пыли и не мочила ногъ. По входѣ во храмъ, я спросилъ Государя Императора. какой благоугодно слушать молебенъ—краткій, обычный при встрѣчѣ, или полный—Угоднику? И по слову Государя служилъ краткій. У мощей Преподобнаго поднесены были Ихъ Величествамъ его иконы. Имѣя въ рукахъ св. крестъ, я предшествовалъ Ихъ Величествамъ въ чертоги, гдѣ поднесъ имъ просфоры, вынутыя за нынѣшней Литургіей за ихъ здравіе. Едва успѣлъ я, разоблачившись въ церкви, взойти на лѣстницу чертоговъ, какъ Ихъ Величества встрѣтились мнѣ, выходя для обозрѣнія обители. У

меня были въ рукахъ два бархатомъ обложенные экземпляра Описанія Саввина монастыря, съ переводомъ изъ дневника Антіохійскаго діакона въ приложеніи; я вручилъ Ихъ Величествамъ. Имъ угодно было, снова войти въ соборную церковь и выслушать изъ устъ моихъ краткій разсказъ объ осованіи обители, житіи Преподобнаго, строеніи собора и послѣдующихъ судьбахъ обители, до царя Алексѣя Михаиловича и потомъ до нашихъ дней. Имъ понравилась церковь и особенно сходство ея съ лаврскимъ Троицкимъ соборомъ, которому служила она образцомъ; пожелали видѣть мѣсто погребенія Преподобнаго и гробъ (въ малой церкви пр. Саввы), въ которомъ мощи почивали до временъ царя Ѳеодора Алексѣевича и образъ Преподобнаго, писанный, по преданію, игуменомъ Діонисіемъ, въ половинѣ XV-го вѣка. Въ ризницѣ ихъ вниманіе обращено было послѣ ризы пр. Саввы къ дарамъ царя Алексѣя Михайловича, ко вкусу старинныхъ рисунковъ, къ работѣ золотыхъ дѣлъ и искусству вышиванія. Въ Троицкой церкви останавливались недолго, такъ какъ тамъ характера древняго нѣтъ.

Затѣмъ непремѣнно пожелали взойти въ церковь Преподоб. Сергія, у колокольни, и очень сожалѣли, что нельзя было видѣть Преображенскую и бывшую при ней трапезу, по причинѣ передѣлокъ; однако, входили на училищный дворъ и были подъ толстыми сводами нижняго этажа бывшей трапезы; взошли даже въ братскую трапезу, которой старинное крыльцо съ расписанными столпами очень ихъ заняло. Императрица выразила крайнее сожалѣніе, что у всѣхъ почти оконъ отнята древняя облицовка и сандрики, при чемъ я указалъ на востановленную облицовку оконъ чертога. На вопросъ Государя—кто управляетъ монастыремъ въ мое отсутствіе, я назвалъ и представилъ намѣстника моего Галактіона, свидѣтельствуя Его Величеству о его усердной и полезной службѣ обители. Въ 2 часа былъ въ залѣ чертоговъ обѣденныи столъ, на девять персонъ, къ которому были приглашены я и намѣстникъ мой. И со мною и съ нимъ Ихъ Величества

говорили немало, особенно Государыня: она посадила меня подлѣ себя по правую руку и распрашивала о разныхъ предметахъ очень серьезно. Отвѣтствуя постепенно на ея вопросы, я имѣлъ случай объяснять Ея Величеству каноническое значеніе причетнической степени, въ противность мнѣнію тѣхъ, которые хотѣли бы опредѣлять причетниковъ по найму; я, не обинуясь, говорилъ о бѣдности духовенства, о трудности для него воспитывать дѣтей, о привязанности духовныхъ къ службѣ собственно церковной, о чрезвычайной любви его къ Просвѣщенію, о томъ, что дѣти духовныхъ должны пользоваться даровымъ обученіемъ, за службу ихъ отцевъ и въ тѣхъ видахъ, что (какъ государству тѣмъ лучше, чѣмъ большее число приготовленныхъ образованіемъ гражданъ имѣетъ оно) обученные, но не поступившіе въ клиръ, могутъ быть съ пользою, употреблены по другимъ частямъ служенія общественнаго.

Свидѣтельствовалъ я также объ успѣшномъ преподаваніи Закона Божія въ училищахъ, подъ ея покровительствомъ состоящихъ, и въ женской Гимназіи. Она хвалила училища дѣвицъ духовнаго званія и замѣтила, что они ничего не стоютъ Синоду. Ихъ Величества входили въ разговоръ со мною о моей судьбѣ и родныхъ моихъ, такъ какъ графъ В. Ѳ. Адлербергъ дѣлалъ добро родителю моему, а графу В. Д. Ольсуфьеву я былъ довольно извѣстенъ. Меня удивила внимательность и память Ея Величества: вотъ уже вторично (въ 1-й разъ въ 1856 году, когда я представлялся ей въ тронной залѣ на другой день коронаціи), напоминаетъ она мнѣ, какъ въ 1851 году, въ Виѳаніи, читалъ я ей письма царственныхъ особъ къ блаженной памяти митрополиту Платону, и перечисляла, когда и гдѣ въ институтахъ ея Вѣдомства, въ нынѣшнемъ году, былъ я на экзаменахъ. Имѣлъ я также случай благодарить Ея Величество за желаніе, въ нѣкоторыхъ знатныхъ фамиліяхъ появляющееся, посвящать дѣтей служенію церкви, въ качествѣ іереевъ. Слышалъ я также ея сожалѣніе, что не видала она Угрѣши и надежду видѣть эту обитель, кото-

рая очень понравилась ея дѣтямъ и гдѣ особенно нравится ей мысль учрежденія больницы и богадѣльни.

Послѣ стола Государь пригласилъ меня на балконъ, пить кофе; оба они много любовались мѣстностью и сказавъ, что болѣе въ церковь не пойдутъ, а увидятся со мною у пещерки Пр. Саввы, мимо которой имъ лежалъ путь, простились. Я предварилъ Ихъ Величества и встрѣтилъ ихъ у дорожки, которая отъ Воскресенскаго тракта ведетъ къ пещеркѣ. Здѣсь они изволили выдти изъ кареты и, окруженные народомъ, шли со мною, при чемъ Государю опять угодно было распрашивать меня о моей военной службѣ, а Императрица спрашивала, продолжаю ли я говорить по Французски. Я вошелъ въ пещерку, гдѣ предъ иконою теплилась, какъ и всегда, лампада. Ихъ Величества вошли за мной. Я прочиталъ тропарь Преподобному, измѣнивъ канонъ его слѣдующимъ образомъ: за словами—*тѣмъ же и Христосъ, яко пресвѣтла тя свѣтильника чудесы обогати, Савва, отче нашъ, моли Христа Бога,*—сказавъ, вмѣсто словъ—*моли спастися душамъ нашимъ*—„моли о Благочестивѣйшемъ Самодержавнѣйшемъ Великомъ Государѣ нашемъ Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ, о Супругѣ Его Благочестивѣйшей и проч., о Наслѣдникѣ Его и проч. и о всемъ царствующемъ Домѣ Его и о всемъ великомъ царствѣ его“. Здѣсь я поблагодарилъ Государя, какъ за вниманіе его къ обители, такъ и за щедрую милостыню его обители, ибо мнѣ донесли, что, по отбытіи моемъ, онъ призывалъ казначея и вручилъ ему 1000 рублей серебромъ. Обратно подымались не по лѣстницѣ, а по дорожкѣ и заходили въ новостроющійся подъ пещерою храмъ, который имъ полюбился мѣстностію и архитектурою. На вопросъ Государя—долго ли здѣсь я пробуду, я отвѣчалъ, что, проводивъ Ихъ Величества, я отправляюсь въ Москву, ибо въ Троицынъ день долженъ служить въ Успенскомъ соборѣ, а завтра обязанъ донести вашему высокопреосвященству о высочайшемъ посѣщеніи Саввина монастыря. При этомъ я спросилъ,—могу ли донести,, что они ничѣмъ огорчены не

были въ Саввинѣ? Съ обязательною улыбкою Ихъ Величества отвѣтствовали, что очень могу, потому, что имъ было очень пріятно; „напишите это владыкѣ, сказалъ Государь, и скажите, что мы ему кланяемся и просимъ молиться о насъ". При этомъ они изъявляли опасеніе, что слишкомъ утрудили васъ и спрашивали—имѣю ли я извѣстіе о вашемъ здоровьѣ послѣ ихъ отбытія. При этомъ Государыня съ любовію говорила о Скитѣ и когда я передалъ, что братія скитскіе называютъ ее своею хозяйкою, она много и пріятно смѣялась. Было съ Императрицею слово и о томъ, что вы отнынѣ связаны съ августѣйшимъ семействомъ новымъ духовнымъ узломъ, ставъ духовнымъ отцомъ Великой Княжны. Видно было, что Императрица говорила объ этомъ съ особеннымъ чувствомъ, какъ будто мысль эта лила какой то покой въ ея душу. Но и сѣтовали они на васъ за то, что вы себя не бережете. Я не могъ противъ этого обвиненія защитить васъ, святый владыко; а сказалъ: „уполномочьте меня отъ имени Вашихъ Величествъ напоминать его высокопреосвященству о береженіи своихъ силъ".—Да, да! пожалуста! отвѣчали мнѣ оба.—Буду почитать это, сказалъ я тогда, за особенное послушаніе, на меня возложенное Вашими Величествами!—Это были почти послѣднія слова. Они уже подходили къ мѣсту, гдѣ стояли экипажи. Его Величество многократно бралъ меня за руку, и можно было замѣтить, что они оба не были недовольны, требовали благословенія, садясь въ карету и когда сѣли; я, еще разъ благословилъ приснопамятныхъ поклонниковъ Преподобнаго Саввы. Они тронулись въ путь около четырехъ часовъ. Въ монастырьскомъ храмѣ нами отслужено было немедленно молебствіе о благополучномъ ихъ путешествіи.—Не смѣю пройти молчаніемъ и то, что, по отъѣздѣ Ихъ Величествъ, лейбъ-медикъ Енохинъ спрашивалъ меня—достойный ли человѣкъ намѣстникъ, и на мой утвердительный отзывъ, спросилъ, что ему можно дать?—я не понялъ вопроса.—Онъ быстро сказалъ: если ему дать золотой крестъ, одобрите ли вы это?—Признаюсь, ваше высоко-

преосвященство, если бы и ничего отъ васъ не слышалъ я объ этомъ, мнѣ мудрено бы и по совѣсти и по ходу разговора, особенно по чрезвычайной быстротѣ его, отвѣчать иначе, нежели какъ я отвѣчалъ; но какъ я слышалъ отъ васъ, что изволите быть расположены представить его къ наперсному кресту въ слѣдующее представленіе, то я отвѣчалъ такъ же быстро, какъ онъ спрашивалъ: очень, очень!—Слышу сейчасъ еще: чашку съ орломъ, изъ которой Государь кушалъ чай, онъ изволилъ положить за подушку дивана и чашка осталась на память о немъ.

Почитая что все, что мы, Саввинскіе монахи, видѣли сегодня, было по молитвамъ и благословенію Преподобнаго Саввы и вашего высокопреосвященства, милостивѣйшаго архипастыря и благодѣтеля нашего, мы въ благодарныхъ къ Преподобному молитвахъ, во первыхъ принесемъ молитву о мирѣ, здравіи, спасеніи и во всемъ благопоспѣшеніи вашемъ" [73]).

Ѳ. И. Тютчевъ посѣтилъ Нескучное въ то время, когда Государь съ своимъ семействомъ былъ въ Коломенскомъ, и о своемъ посѣщеніи царской резиденціи писалъ въ Петербургъ слѣдующее: „Я былъ въ Нескучномъ, гдѣ не было никого, кромѣ больной Даріи *), не могшей сопровождать императорскій поѣздъ въ одну изъ его поѣздокъ по окрестностямъ Москвы, равняющихся настоящимъ путешествіямъ. Въ тотъ вечеръ отправились въ село Коломенское, принадлежавшее отцу Петра Великаго; въ немъ Петръ и провелъ свое дѣтство. Въ селѣ былъ мѣстный праздникъ и неожиданное или предугаданное присутствіе Императора съ семьей преобразило этотъ скромный праздникъ въ нѣчто чудесное и безмѣрное, въ какое то наводненіе толпящагося, восторженнаго народа. Августѣйшіе посѣтители едва не были потоплены этими толпами, что однако не помѣшало имъ раздать множество пряниковъ, множество маленькихъ подарковъ, наградить приданымъ не одну чету, однимъ словомъ, къ общему удовлетворе-

*) Дочери Ѳ. И. Тютчева. *Н. Б.*

нію выполнить долгъ помѣщика, вернувшагося въ свое имѣніе. Только на этотъ разъ дѣло шло о имѣніи въ семдесять милліоновъ душъ. Чтобы подвести итоги, скажу, что Императоръ вездѣ встрѣтилъ одинъ и тотъ же пріемъ: предупредительный, радушный, сердечный, до докучливости. Что касается до тѣхъ, кто не есть народъ, до *не*удовлетворенныхъ, то сначала съ ихъ стороны была попытка de bouderie, но послѣ обѣда на девяносто приборовъ, на который была приглашена вся городская знать, замѣчается чувствительный поворотъ; на другой день и въ слѣдующіе затѣмъ мнѣ встрѣчались лица, явно находившіяся подъ вліяніемъ неустаннаго умиленія".

Между тѣмъ, В. А. Мухановъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Государь, говорятъ, озабоченъ и задумчивъ въ Москвѣ" [74]).

Ко времени обычнаго Красносельскаго лагернаго сбора, Государь возвратился въ Царское Село [75]).

XXV.

Въ *Православномъ Обозрѣніи* 1861 года, была напечатана краткая статья подъ заглавіемъ: *3 іюля 1861 года въ Московской епархіи*, которая гласитъ:

„3-го іюля 1821 года, вступилъ въ управленіе Московскою епархіею преосвященный Филаретъ, нынѣ митрополитъ Московскій. Служеніе Московскаго архипастыря займетъ не одну замѣчательную страницу въ лѣтописяхъ текущаго столѣтія.

„3 іюля 1861 года, есть день, знаменательный для Московской паствы.

... Исторія Московской епархіи, за послѣднія сорокъ лѣтъ, есть Исторія служенія нашего архипастыря.

Но 3-е іюля текущаго года останется навсегда памятнымъ для духовенства Москвы и цѣлой епархіи въ будущемъ. Въ этотъ день назначена закладка храма на землѣ Чудова монастыря, въ приходѣ св. Харитона Исповѣдника, при вновь строющемся домѣ для Училища дѣвицъ духовнаго званія— обширное учрежденіе, обязанное своимъ возникающимъ суще-

ствованіемъ исключительно просвѣщенной заботливости Московскаго архипастыря" [76]).

Викарій Московской митрополіи, епископъ Дмитровскій Леонидъ, привѣтствовалъ юбилейный день Московскаго владыки письмомъ, на которое владыка отвѣчалъ: „Вашему преосвященству благодать и миръ отъ Господа. Письмо ваше, отъ 3 дня, полученное 4 дня послѣ всенощной, прочиталъ я вчера, по исполненіи праздничныхъ обязанностей. Утомленіе не позволило мнѣ отвѣчать тотчасъ. Вамъ извѣстно, что, получивъ намекъ о намѣреніи нѣкоторыхъ обратить особенное вниманіе на вышеозначенный день въ семъ году, я просилъ васъ, если можно, отмѣнить сіе, такъ какъ по обыкновенному расположенію моего времени, примѣненному къ моимъ обязанностямъ, въ Москвѣ не бываю я въ тотъ день, а въ Лаврѣ. Когда я назначалъ средства для построенія дома Училища бѣдныхъ дѣвицъ духовнаго званія, съ церковію при немъ, я нимало не думалъ о томъ, который это годъ моей службы въ Москвѣ, и когда начнется построеніе. Я спѣшилъ только приспособить къ доброй цѣли средства, пока они въ рукахъ. Такимъ образомъ, какъ съ неба упало на меня то, что̀ произошло 3 дня, что нѣкоторыя достопочтенныя особы столицы посѣтили меня въ сей день въ Лаврѣ, частію письменно, частію лично, что архимандритъ отъ имени собратій представилъ мнѣ Евангеліе въ память сего дня и четырехъ десятилѣтій, назначенное въ каѳедральный монастырь; а каѳедральный протоіерей—крестъ, назначенный въ каѳедральный соборъ; что градскій голова съ соборомъ церковныхъ старостъ принесли мнѣ книгу и архіерейское облаченіе, съ добродушнымъ привѣтомъ; что вы, съ прочіею братіею вашею, помолились о мнѣ соборно, и положили основаніе храма и дома Училища. Что же я на это? Что̀ изволю, не вѣмъ. Если обращаете и обращаютъ взоръ мой на прошедшее: будетъ правда, если обращу оный на милосердные пути Провидѣнія Божія. Пройти сорокалѣтнее поприще—это не мое пріобрѣтеніе, но даръ милосердія Бо-

жія. Пережить, напримѣръ, нѣсколько епидемій, и особенно первую, которая не менѣе затрудняла преувеличеннымъ страхомъ, какъ своею силою,—это также не мое пріобрѣтеніе, а милость Божія, которая въ то время явилась и особеннымъ образомъ. Говорили, что опасны собранія народа въ церквахъ и въ крестныхъ ходахъ и представляли въ примѣръ городъ, въ которомъ церкви были заперты. Я обѣщалъ нѣкоторыя предосторожности: и мнѣ уступили свободу собраній въ церквахъ. А когда, по совершеніи крестныхъ ходовъ, въ срединѣ города и около всѣхъ церквей, на другой день прибылъ Государь Императоръ, и, слѣдуя, конечно, сужденіямъ врачей, спросилъ меня, не опасно ли, что я собираю массы народа и становлю на колѣнопреклонную молитву на сырой землѣ, Провидѣніе дало мнѣ возможность тотчасъ отвѣчать: Ваше величество, Господь оправдалъ церковное дѣйствіе по крайней мѣрѣ противъ сего сомнѣнія; число заболѣвающихъ, послѣ крестныхъ ходовъ, не больше, а нѣсколько меньше, нежели во дни прежде крестныхъ ходовъ. Такъ еще болѣе подтвердилась свобода церковныхъ молитвъ. Не умножу примѣровъ. Не достанетъ ми времени повѣствующу, какъ многократно и многообразно Господь попускалъ на моемъ поприщѣ трудности и милосердо ихъ разрѣшалъ. Ему да будетъ исповѣданіе и слава.

Обращаясь къ возлюбленнымъ во Христѣ братіямъ и сослужителямъ и къ добрымъ чадамъ церкви Московской, знаменательно въ сіе время выразившимъ мнѣ свое благорасположеніе и доброжелательство, пріемлю сіе съ утѣшеніемъ въ томъ отношеніи, что вижу въ семъ не только добродушную мысль, но и усердіе къ святой церкви, безъ котораго не пришелъ бы на мысль счетъ моихъ лѣтъ. Съ утѣшеніемъ вижу, что добродушная мысль свободна. Соединила она въ себѣ многихъ, въ чемъ открывается единеніе въ церковномъ духѣ.

Господь да сохраняетъ возлюбленныхъ во Христѣ освященныхъ служителей церкви Московской и всю ея во Христѣ братію въ искреннемъ общеніи вѣры и любви и съ симъ

да будетъ единеніе въ духѣ церковномъ для отраженія усиливающагося соблазна въ духѣ міра.

За вашъ въ особенности молитвенный трудъ 3-го дня, надѣюсь благодарить васъ лично вскорѣ“ [77]).

Свой юбилейный день митрополитъ проводилъ въ Лаврѣ Преподобнаго Сергія, а на другой день, Савва писалъ А. Б. Нейдгартъ: „Вчера, въ Лаврѣ, было прекрасное и умилительное празднество по случаю совершавшагося четыредесятилѣтія архипастырскаго служенія митрополита. Послѣ Литургіи совершенъ былъ о. намѣстникомъ съ братіею, въ Троицкомъ соборѣ, благодарственный молебенъ. Затѣмъ, въ покояхъ владычныхъ, предстали предъ архипастыря депутаціи отъ Лавры и Академіи, отъ Московскаго духовенства и купечества, съ разными приношеніями. Мы, съ своей стороны, поднесли краткій адресъ. На краткую изустную рѣчь одного изъ представителей купечества, владыка отвѣтствовалъ очень длиннымъ словомъ, въ которомъ подробно изложилъ всѣ главнѣйшія обстоятельства своего архипастырскаго служенія въ Москвѣ. Къ крайнему сожалѣнію, онъ такъ тихо говорилъ, что я не могъ выслушать ни одного почти слова, хотя и не оченъ далеко отъ него стоялъ“ [78]).

„Сорокъ лѣтъ“,—писалъ Филаретъ А. Н. Муравьеву,— „за которые я долженъ благодарить долготерпѣніе Божіе, сосчитали другіе, это для меня было и неожиданно и затруднительно. Затруднялся я дать словесный отвѣтъ, а также и письменный. Благодарю, прошу прощенія“ [79]).

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Филаретъ писалъ къ Антонію и слѣдующее: „До страннаго времени велѣлъ Господь дожить моему недостоинству. Странныя сужденія учащаются въ мірѣ: но, къ удивленію и скорби,—также и въ нашей братіи. Владыка Кіевскій, въ словѣ къ священнослужителямъ, совершенно слѣдуетъ правиламъ нынѣшней обличительной Литературы, рѣзко порицая неисправности въ Богослуженіи и не обращая вниманія на то, что есть и доброе, и выставляетъ преимущество раскольниковъ и молоканъ. Архимандритъ Анто-

нинъ предлагалъ вселенскому патріарху устроить Болгарскую церковь, какъ Греческая у Англичанъ въ Мальтѣ, гдѣ четыре архіерея погодно начальствуютъ надъ іерархіею, чему нѣтъ примѣра, какъ только Каіафа, *архіерей лѣту тому*. Нашъ Парижскій протоіерей Васильевъ предлагалъ Св. Сѵноду написать папѣ увѣщаніе, чтобы онъ отрекся отъ свѣтской власти“ [80]).

Насъ удивили слова Филарета о Кіевскомъ святителѣ Арсеніѣ; ибо въ его *Словѣ священно- и церковно-служителямъ* Кіевской митрополіи, заключается много добраго и полезнаго. Тамъ мы, между прочимъ, читаемъ: „Вы знаете, что чтеніе Божественныхъ писаній совершается въ церквахъ нашихъ столь поспѣшно, что не только слушающіе, но и самъ читающій не въ состояніи понять оное... Въ нашей церкви, первые проповѣдники вѣры суть чтецы, и потому надобно, чтобъ ихъ проповѣдь была слышна, понятна. Что же дѣлаютъ священники?.. Многіе изъ нихъ требуютъ, чтобы чтецы положенное по уставу чтеніе совершали сколько возможно поспѣшнѣе, не заботясь о томъ, понимаютъ ли ихъ слушающіе, или нѣтъ... Раскольники и молоканы вскорѣ замѣтили сію всеобщую погрѣшность нашихъ священнослужителей и какъ нельзя лучше воспользовались ею для своихъ цѣлей. Они учредили въ своихъ Богослужебныхъ собраніяхъ правильное, раздѣльное и внятное чтеніе и сколько они пріобрѣли выгодъ и преимуществъ предъ нами въ самое непродолжительное время!....

Вы знаете, что въ пѣніи лучшіе пѣвцы наши не о томъ стараются, чтобы пропѣть священныя пѣсни съ чувствомъ и выразительностію, но о томъ, чтобы тщеславно выказать свой голосъ и искусство, безразсудно заимствованное изъ чуждаго источника... Самое лучшее пѣніе свѣтское для церкви болѣе соблазнительно нежели назидательно, хотя бы содержаніе онаго было чисто духовное. Въ церковномъ пѣніи всего болѣе нужно благоговѣніе поющаго. Пусть голосъ его будетъ грубъ, пусть въ тонахъ его будутъ погрѣшности противъ гармоніи; но если

ухо мое въ сихъ тонахъ ощущаетъ душу, благоговѣйно изливающуюся предъ Господомъ, слышитъ сердце, потрясаемое чувствомъ сокрушенія: то я забываю поющаго, углубляюсь въ самого себя и пораженный чувствомъ собственнаго недостоинства, падаю во прахъ своего ничтожества предъ безконечнымъ величіемъ Существа верховнаго и умоляю благость Его неизреченную, ниспослать отраду растерзанной моей душѣ. По сему пѣвцамъ церковнымъ всего болѣе должно стараться избѣгать разсѣянности, невниманія, небреженія, кощуннаго смѣха и неблагоприличнаго положенія тѣла...

Вы знаете, наконецъ, что въ самомъ священнодѣйствіи и совершеніи таинствъ великихъ и страшныхъ, нерѣдко встрѣчается холодность и небреженіе, разсѣянность въ духѣ, невнимательность къ словамъ, неблагоприличіе въ голосѣ, жеманство и безобразіе въ тѣлодвиженіяхъ. Присовокупите къ сему шумъ въ нашихъ храмахъ, рѣдко умолкающій, неблаговременное вхожденіе и исхожденіе, неумѣстную свѣтскость обращенія, святотатственно внесенную въ самое святилище, и наконецъ, странность одеждъ и неблагоговѣйное стояніе предъ лицемъ Вседержителя, и противопоставьте все сіе заповѣди Апостола: *Вся благообразно и по чину да бываетъ* (*1 Кор*. XIV, 40)“ [81]).

16 октября того же 1861 года, митрополита Филарета посѣтилъ В. А. Мухановъ и записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Онъ слабъ и очень блѣденъ, потомъ оживляется; но интересная бесѣда прерывается посѣтителемъ, который тяжекъ своею напыщенною восторженностію“.

XXVI.

„Святитель Тихонъ явился“,—извѣщалъ Погодинъ Шевырева (17 іюля 1861),—„хоть бы онъ помогъ своими молитвами“ [82]).

26 декабря 1846 года, архіепископъ Воронежскій и Задонскій Антоній, за шесть часовъ до своей кончины, подпи-

салъ письмо Императору Николаю I, въ которомъ свидѣтельствовался архіерейскою совѣстію, что, по особому внушенію, вмѣняетъ себѣ въ священный долгъ довести до высочайшаго свѣдѣнія о чудесахъ, совершающихся при гробѣ св. Тихона, а также о всеобщемъ, „при трепетномъ желаніи“ многочисленныхъ богомольцевъ, „да явленъ будетъ предъ очи всѣхъ сей великій свѣтильникъ вѣры и добрыхъ дѣлъ, лежащій теперь подъ спудомъ“.

Желаніе архіепископа и народа исполнилось 13 августа 1861 года.

Императоръ Александръ II, открытіе мощей святителя возложилъ на митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго Исидора, совмѣстно съ архіепископомъ Воронежскимъ и Задонскимъ Іосифомъ, съ епископомъ Курскимъ и Бѣлгородскимъ Сергіемъ и Ѳеофаномъ, епископомъ Тамбовскимъ и Шацкимъ [83]).

Архіепископъ Воронежскій Іосифъ, въ своемъ *Описаніи открытія святыхъ мощей святителя Тихона, Задонскаго чудотворца*, повѣствуетъ: „Наканунѣ священнаго торжества, въ субботу, 12 августа, Ѳеофаномъ, епископомъ Тамбовскимъ, совершена Божественная Литургія въ Богородице-Рождественской церкви, гдѣ почиваютъ мощи святителя Тихона.

Послѣ Литургіи, архіереи совершили предъ чудотворною иконою Владимірской Божіей Матери молебенъ съ водоосвященіемъ.

Въ часъ по-полудни, начался благовѣстъ съ перезвономъ, какъ въ монастырѣ, такъ и въ городскомъ соборѣ. Иноки Задонскіе собрались въ соборную монастырскую Богородицкую церковь и облачились для встрѣчи городскаго крестнаго хода.

Въ половинѣ 2-го, начался въ монастырѣ звонъ во всѣ колокола и открылось шествіе крестнаго хода изъ городскаго собора въ монастырь.

Въ 2 часа, крестный ходъ былъ встрѣченъ у святыхъ воротъ архимандритомъ Задонскаго монастыря Димитріемъ, съ братіею. Въ это время архіереи въ мантіяхъ изъ келлій

шествовали въ соборную церковь и облачились въ олтарѣ. Вышедъ изъ олтаря, архіереи стали посреди церкви и раздавали духовенству и народу свѣчи. Затѣмъ, митрополитомъ Исидоромъ съ колѣнопреклоненіемъ была прочитана молитва ко Господу Іисусу о благословеніи къ неосужденному совершенію перенесенія и открытія честныхъ мощей угодника Его святителя Тихона.

По прочтеніи молитвы и пѣнія 50-го псалма: *Помилуй мя, Боже,* начался общій крестный ходъ изъ Богородицкаго собора въ Богородице-Рождественскую церковь, въ коей, съ 1846 года, подъ спудомъ почивали мощи святителя Тихона.

По вшествіи въ церковь, пѣли 33-й псаломъ: *Благословлю Господа на всякое время.* Митрополитъ Исидоръ кадилъ святый престолъ, святыя иконы и святыя мощи, и предстоящихъ. Потомъ всѣ архіереи и священнослужители стали вокругъ раки. Митрополитъ Исидоръ, окропивъ св. водою гробъ, лентіоны и покровы для святыхъ мощей, читалъ съ колѣнопреклоненіемъ молитву ко святителю и чудотворцу Тихону о милости ко всѣмъ, съ вѣрою къ нему прибѣгающимъ.

По прочтеніи молитвы, архіереи и архимандриты подняли деревянную тумбу, въ которой находился гробъ со святыми мощами. Митрополитъ Исидоръ снялъ печать и шнуръ, которымъ опоясывался гробъ.

Прочіе архіереи съ сослужащими вынули гробъ изъ деревянной тумбы и при громогласномъ возглашеніи всего духовенства: *Господи помилуй,* перенесли его на средину церкви и поставили на „одръ подъ балдахиномъ“, послѣ чего возложены были на гробъ покровы и сверхъ оныхъ архіерейская мантія святителя Тихона.

Началось молебное пѣніе новоявленному чудотворцу. По возглашеніи митрополитомъ: *Съ миромъ изыдемъ,* святыя мощи крестнымъ ходомъ перенесены были въ Богородичный соборъ. Въ продолженіе крестнаго хода пѣвчіе пѣли тропарь святителю Тихону: *Отъ юности возлюбилъ еси Христа, блаженне, образъ всѣмъ былъ еси словомъ, житіемъ, любовію, духомъ,*

вѣрою, чистотою и смиренiемъ: тѣмъ же и вселился еси въ небесныя обители, идѣже предстоя престолу Пресвятыя Троицы, моли, святителю Тихоне, спастися душамъ нашимъ.

Когда рака святыхъ мощей принесена была въ Богородичный соборъ и поставлена среди онаго, продолжалось молебное пѣнiе. По окончанiи молебна возглашено было многолѣтiе.

Въ 6 часовъ по-полудни, начался благовѣстъ ко всенощной, которую совершали архiереи съ сослужащими. По пропѣтiи четырехъ стиховъ: *Хвалите имя Господне,* — архiереи съ сослужащими приступили ко гробу, сдѣлали три земныхъ поклона со всѣмъ предстоящимъ народомъ; митрополитъ отперъ гробъ и открылъ св. мощи, которыя находились въ особомъ внутреннемъ гробѣ. Архiереи съ сослужащими вынули внутреннiй гробъ съ святыми мощами и поставили на срединѣ церкви. Архiереи съ сослужащими и со всѣмъ предстоящимъ народомъ, воздавъ новоявленному святителю Тихону хвалу троекратнымъ поклоненiемъ до земли, запѣли: *Величаемъ тя, святителю отче Тихоне, и чтемъ святую память твою, ты бо молиши за насъ Христа Бога нашего!*

По прочтенiи Евангелiя, началось прикладыванiе къ св. мощамъ. По угламъ гробницы стояли архiереи и помазывали народъ освященнымъ елеемъ. Служба продолжалась медленно, и окончилась далеко за полночь" [84]).

XXVII.

13 августа 1861 года, Божественную Литургiю въ Богородицкомъ монастырскомъ соборѣ совершалъ митрополитъ Исидоръ съ тремя архiереями.

На маломъ входѣ св. мощи внесены были въ алтарь и поставлены на горнее мѣсто, лицомъ къ св. Престолу. Архiереи стояли по сторонамъ, какъ сослужащiе.

Въ обычное время высокопреосвященнѣйшiй Исидоръ произнесъ слѣдующее слово на текстъ:

Никтоже свѣтильника вжегъ, покрываетъ его сосудомъ, или подъ одръ подлагаетъ: но на свѣщникъ возлагаетъ, да входящіи видятъ свѣтъ (*Лук.* VIII, 16).

„Горѣлъ и здѣсь свѣтильникъ, поставленный Богомъ, и блистаніе его озаряло всѣхъ животворнымъ свѣтомъ разума и благочестія. Какъ путеводная звѣзда, онъ указывалъ истинный путь жизни и спасенія во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. То былъ великій святитель Воронежскій и Елецкій—достоблаженный Тихонъ.

Не могла не понимать Воронежская паства великой милости Господа, пославшаго ей добраго пастыря *по сердцу Своему* (*Іер.* 3, 15); *видя добрыя дѣла* его, она *прославляла Отца небеснаго* (*Мѳ.* 5, 16). Поистинѣ это былъ *свѣтъ міра* (*Мѳ.* 5, 14), *соль земли* (*Мѳ.* 5, 13). Съ любовію внимали слову его пасомые, когда святитель Божій возсѣдалъ на епископскомъ престолѣ. Съ глубокою скорбію и слезами проводили любвеобильнаго отца, когда онъ, влекомый духомъ, сошелъ съ архіерейской каѳедры и уединился въ скромную Задонскую обитель, чтобы утомленному заботами и трудами духу дать нѣкое успокоеніе и въ безмолвіи посвятить себя сокровеннымъ подвигамъ строгой иноческой жизни.

Но *никтоже свѣтильника вжегъ, покрываетъ его сосудомъ*. Время истиннаго покоя для служителя Христова еще не наступило. Измѣнилось только поприще труда. Какъ *не можетъ градъ укрытися, верху горы стоя* (*Мѳ.* 5, 14), такъ невозможно праведнику, стоящему на высотѣ добродѣтелей, укрыться отъ людей, ищущихъ просвѣщенія и руководства въ жизни по духу. Его найдутъ и *въ пустыняхъ и въ горахъ и въ вертепахъ и въ пропастехъ земныхъ* (*Евр.* 11, 38). Ибо свѣтъ вездѣ свѣтится, куда бы рука Божія ни переставила свѣтильникъ. И слава людей Божіихъ тѣмъ сильнѣе привлекаетъ сердца, чѣмъ болѣе они смиряютъ себя предъ Богомъ и людьми. Какъ благовонная масть, въ какомъ бы ни находилась сосудѣ, распространяетъ вокругъ себя благоуханіе, такъ святость жизни, подъ какимъ бы покровомъ ни скрывалась,

духовно благоухаетъ и услаждаетъ всѣхъ, способныхъ ощущать благодать духа. Смиренный Тихонъ не замѣчалъ,—а благоговѣйные чтители его назирали всѣ стези его, слагали въ сердцѣ и передавали другимъ всѣ слова его, старались узнать даже сокровенныя дѣла и подвиги его, въ назиданіе себѣ и потомкамъ. Ничѣмъ невозмутимая кротость, благодушное терпѣніе всякаго рода лишеній, искушеній, огорченій, строгость къ себѣ и отеческое снисхожденіе къ немощамъ другихъ, живое и сердечное сочувствіе ко всѣмъ нуждающимся и скорбящимъ,—все въ немъ наставляло на стезю заповѣдей Господнихъ. Удивительно ли, что скромная келлія сего земнаго ангела сдѣлалась и училищемъ благочестія, и врачебницею отъ недуговъ душевныхъ, и прибѣжищемъ для всѣхъ, жаждущихъ просвѣщенія, назиданія, утѣшенія, вразумленія и совѣта! Какъ *елень на источники водные* (*Псал.* 41, 2), стремились къ нему не только обитатели мѣстъ ближнихъ, но и отдаленныхъ. Одно лицезрѣніе любимаго пастыря, одно благословеніе избранника Божія вливало въ сердце радость, сугубо вознаграждало трудъ.

Если любовь пасомыхъ такъ заботливо искала добраго своего пастыря и въ уединеніи, то не паче ли любовь самого пастыря, готоваго *положить душу свою за овцы* (*Іоан.* 10, 11), совоздыхала о всѣхъ чадѣхъ его во Христѣ, о всѣхъ требующихъ помощи и молитвеннаго заступленія? Чѣмъ болѣе воспламенялось сердце его любовію къ сладчайшему Искупителю, проліявшему кровь свою за спасеніе человѣковъ, тѣмъ болѣе оно расширялось, чтобы обнять всѣхъ, искупленныхъ дорогою цѣною, чтобы всѣхъ привлечь ко Христу. Господу Богу вѣдомы сокровенные отъ міра подвиги раба Его, теплыя и неусыпныя молитвы, воздыханія и слезы, какія онъ втайнѣ проливалъ о спасеніи всего міра, о взысканіи грѣшниковъ, оставившихъ путь правды.

Отчасти знаете и вы отъ отцевъ вашихъ, какое богатство благости расточала повсюду эта боголюбивая душа. Неоцѣненнымъ счастіемъ для себя почиталъ тотъ, кто удостоивался при-

нять святителя въ домъ свой и насладиться его бесѣдою; ибо *слово* его было всегда во благодати, *солiю растворено* (*Кол.* 4, 6), и давало *благодать слышащимъ* (*Ефес.* 4, 29). Но, чуждаясь славы земной, довольный въ нищетѣ, онъ не любилъ обременять собою славныхъ земли. Сердце всегда влекло его въ *домы плача* (*Еккл.* 7, 5), чтобы съ *плачущими плакать* (*Римл.* 12, 15). Милосердый, онъ отказывалъ себѣ въ необходимомъ, чтобы облегчить участь страждущаго. Состраданiе къ несчастнымъ до такой степени занимало душу его, что, садясь за скудную свою трапезу, обливалъ ее слезами, воображая, что многiе и того не имѣютъ. Старались нѣкоторые своими приношенiями облегчить собственныя нужды святителя; а онъ все приносимое тайно отсылалъ въ Елецъ, къ заключеннымъ въ темницѣ!

Жизнь угодника Божiя была истиннымъ свѣтомъ и благословенiемъ Божiимъ для здѣшней страны.

Приспѣло время,—*подвигомъ добрымъ подвизавшiйся* святитель *теченiе скончалъ* (*2 Тим.* 4, 7). Дѣлателю винограда Христова подобало явиться къ домовладыкѣ, *да воспрiиметъ мзду свою* (*1 Кор.* 3. 8).

Угасъ ли свѣтильникъ? Или вмѣстѣ съ сосудомъ, его носящимъ, окончательно скрытъ подъ тяжкимъ покровомъ могилы? — Нѣтъ. Онъ перенесенъ на свѣщникъ къ престолу *Отца свѣтовъ* (*Iак.* 1, 17), чтобы съ высоты освѣщалъ не одну, а всѣ области отечества земнаго.

Любовь къ почившему доброму пастырю подвигла чадъ его описать всѣ дѣянiя его, собрать и предать письмени всѣ душеспасительныя поученiя сего новаго Златоуста. И духъ великаго Тихона, съ распространившимся повсюду словомъ его, осѣнилъ всю Россiю. Жаждущiе духовной мудрости, знатные и незнатные, образованные и необразованные, почерпаютъ изъ сего обильнаго источника и свѣтъ для ума, и живительную пищу для сердца. Даже иновѣрцы отдаленныхъ земель прелагаютъ на свой языкъ слова Тихона богомудраго. Такъ далеко простерлись лучи свѣтильника, перенесеннаго отъ земли на небо.

Особенною благодатною силою духъ святителя Тихона проявлялъ себя въ сей земной обители, удостоившейся хранить священную плоть его. Со дня блаженной кончины праведника, отовсюду начали притекать ко гробу его страждущіе различными недугами душевными и тѣлесными, прося молитвеннаго ходатайства у престола Божія. И вопль ихъ къ сострадательному отцу и другу несчастныхъ не былъ напрасенъ. Въ теченіе семидесяти лѣтъ, молитвами угодника Божія, столько болящихъ получили исцѣленіе, что слава чудотвореній обтекла все Отечество наше. Не сомнѣваясь въ святости чудотворца, православныя чада церкви вѣрили, что Господь *не далъ и плоти* преподобнаго Своего *видѣти истлѣнія* (*Псал.* 15, 10). Единодушное повсюду слышалось желаніе сподобиться узрѣть цѣльбоносныя мощи великаго ходатая нашего предъ Богомъ.

И молитва вѣры услышана.

Чуднымъ образомъ совершилось откровеніе воли Господней. Когда разобранъ былъ ветхій храмъ, подъ алтаремъ коего почивали мощи святителя, и приступлено было къ сооруженію новаго; оказалось необходимымъ разобрать и надгробіе и могильный склепъ. Это и послужило къ обрѣтенію мощей святителя и къ удостовѣренію въ ихъ нетлѣніи. Неужели это случайность? Нѣтъ. Люди сдѣлали то, чего хотѣлъ Богъ. Подобало въ точности исполниться слову Христову, что возженнаго *свѣтильника не поставляютъ подъ спудомъ, но на свѣщникѣ, да свѣтитъ всѣмъ, иже въ храминѣ суть* (*Мѳ.* 5, 15).

Слѣдуя указаніямъ Промысла Божія, святая церковь тщательно собрала ясныя свидѣтельства о чудотвореніяхъ, благодатію Божіею совершившихся, по молитвамъ святителя Тихона, и несомнѣнно удостовѣрившись въ нетлѣніи многоцѣлебныхъ мощей его, соборнымъ опредѣленіемъ, съ соизволенія благочестивѣйшаго государя императора Александра Николаевича, положила: открыть ихъ для общаго благоговѣйнаго поклоненія во славу Господа, *дивнаго во святыхъ Своихъ*, и въ утвержденіе святыя православныя нашея вѣры.

Слава Тебѣ, Владыко всемилостивый, даровавшему церкви

Своей новое огражденіе и украшеніе, державѣ Россійской покровъ и утвержденіе, всѣмъ православнымъ христіанамъ скораго. помощника и заступника!

Во свѣтѣ свѣтильника Божія *да узрятъ свѣтъ входящіи* въ храмъ сей, и да учатся, *что есть благоугодно Богови* (*Еф.* 5, 10). Лучезарный образъ святителя Тихона покажетъ пастырямъ и учителямъ, *како подобаетъ въ дому Божіи жити* (*1* Тим. 3, 15) и *искусна себе поставити предъ Богомъ, дѣлателя непостыдна, право правяща слово истины* (*2 Тим.* 2, 15). Иноки найдутъ въ немъ правило воздержанія и чистоты, кротости и смиренномудрія, терпѣнія и нестяжанія. Всѣ хотящіе спастися, увидятъ въ немъ назидательный примѣръ, какъ *любяй Бога, любитъ и ближняго своего* (*1 Іоан.* 4, 21), — любитъ до самоотверженія особенно *меньшихъ братій Христовыхъ* (*Мѳ.* 25, 40), алчущихъ и жаждущихъ, нагихъ и безпріютныхъ, стенающихъ *въ скорбехъ, въ бѣдахъ, въ тѣснотахъ, въ ранахъ, въ темницахъ* (*2 Кор.* 6, 4, 5).

Да узрятъ свѣтъ истины и тѣ несчастные братія наши, которые, удаляясь отъ православныя церкви—источника воды живой, искапываютъ себѣ кладенцы сокрушенные (*Іер.* 2, 13), и, несмысленно ревнуя о старинѣ, не разумѣютъ, что не старая или новая буква, а дѣла вѣры и любви поставляютъ насъ предъ Богомъ.

Тако да просвѣтится свѣтъ твой предъ человѣки, святителю отче нашъ Тихоне, *яко да видятъ* святую жизнь и богоугодныя *дѣла твоя*, и *прославятъ Отца нашего, иже на небесѣхъ* (*Мѳ.* 5, 16) Аминь" [85]).

XXVIII.

По окончаніи Литургіи, св. мощи вынесены изъ алтаря и поставлены среди собора.

Послѣ молебнаго пѣнія, св. мощи, крестнымъ ходомъ при колокольномъ звонѣ, обнесены были вокругъ монастыря, и

затѣмъ поставлены на лѣвой сторонѣ собора. Митрополитомъ была прочитана молитва св. Тихону, а по отпускѣ и многолѣтіи, прикладывались къ мощамъ, какъ духовенство, такъ и народъ.

Архіереи выходили изъ собора въ мантіяхъ и съ жезлами, при этомъ митрополитъ благословилъ трапезу для нищихъ и странныхъ.

По свидѣтельству архіепископа Воронежскаго Іосифа, „къ открытію мощей святителя Тихона собралось духовныхъ до трехъ сотъ человѣкъ, дворянъ и простаго народа отъ двухъ сотъ шестидесяти до четырехъ сотъ тысячь. Въ знаменіе особенной благодати Божіей, по молитвенному ходатайству новоявленнаго святителя Тихона, совершилось много чудесъ. Многіе, избѣгая разспросовъ, и по тѣснотѣ народа, уходили, не объявивши о исцѣленіяхъ отъ своихъ недуговъ“ [86]).

„Утѣшительно было сказаніе“, —писалъ Филаретъ къ Антонію,—„владыки Новгородскаго Исидора, объ открытіи мощей святителя Тихона. Когда на всенощной, передъ величаніемъ, открыли раку, въ переполненной народомъ церкви сдѣлалась такая тишина благоговѣнія, что летящую муху можно было слышать. Много было исцѣленій. Да помолится святитель о исцѣленіи Россіи“.

Въ другомъ своемъ письмѣ, Филаретъ писалъ: „Вы желали отъ меня свѣдѣній о Задонскомъ праздникѣ. Съ владыкою Новгородскимъ Исидоромъ мало случилось о семъ говорить: потому что въ одно свиданіе, которое мы имѣли, много нужно было говорить по дѣламъ службы. Онъ сказывалъ, что были получившіе зрѣніе даже слѣпые отъ рожденія, и получавшіе слово. Одного скорченнаго такъ, что ноги приведены были къ затылку, когда приложили ко святымъ мощамъ, онъ распрямился и сталъ на ноги. Во время несенія св. мощей, около монастыря, народъ не былъ близко допускаемъ, чтобы не затруднилъ шествія, но стоялъ кругомъ, и на всѣхъ возвышенностяхъ съ горящими свѣчами въ безмолвіи, и бросалъ на путь св. мощей холсты, платки, деньги и проч. въ та-

комъ множествѣ, что толстый слой вещей на пути затруднялъ ноги несущихъ. Нѣкто, видя другихъ такимъ образомъ приносящихъ святителю свои дары, и не бывъ къ сему приготовленъ, снялъ съ себя кушакъ и бросилъ на путь св. мощей. Это сказалъ мнѣ митрополитъ Исидоръ; а другіе сказали еще, что, по перенесеніи мощей, взялъ сей кушакъ болящій чревомъ, опоясался, и исцѣлѣлъ. Митрополитъ сказывалъ, что одну исцѣленную спрашивалъ онъ самъ; и когда окончилъ разговоръ, и отпускалъ, она спросила: Куда же мнѣ? Въ острогъ что ли?—„Зачѣмъ"?—Говорятъ, всѣхъ спрошенныхъ въ острогъ посылаютъ.—Говорятъ. что это дѣйствіе неблагонамѣренныхъ разглашеній о полиціи: почему многіе исцѣленные спѣшили скрыться и уйти. Такъ врагъ всюду приходитъ съ плевелами на пажить Господню" [87])!

А. Н. Муравьевъ былъ справедливо недоволенъ тѣмъ, что объ открытіи мощей святителя Тихона былъ обнародованъ *указъ*, а не *сунодальная грамота*. Муравьевъ находилъ также неправильнымъ и то, что святителю Тихону пѣлись молебны до открытія мощей его. Это возбудило, такъ сказать, полемику между нимъ и Филаретомъ. „Правда",—писалъ Филаретъ Муравьеву,—„что о святителѣ Тихонѣ лучше было бы читать сунодальную грамоту, нежели указъ. И хорошо было бы, чтобы грамота прочитана была повсюду въ день открытія. Но что послѣ указа, прежде открытія, пѣты молебны, въ чемъ вы можете обвинить и меня, въ томъ вины я не вижу. Мало ли святыхъ, которыхъ мощи совсѣмъ не открыты, и которымъ поютъ молебны. Впрочемъ, Господь утѣшилъ церковь Свою открытіемъ мощей святителя Тихона. Благолѣпіе было велико. Двадцать или тридцать случаевъ благодатныхъ исцѣленій записано"...

Въ другомъ письмѣ Филарета къ тому же лицу читаемъ: „Вы не согласились со мною, что можно было совершать молебны святителю Тихону прежде открытія мощей его. Не соглашаюсь и я съ вами, будто его состояніе до открытія мощей то же, что состояніе нареченнаго во епископа до руко-

положенія. Епископа посвящаетъ рукоположеніе; открытіе мощей не посвящаетъ святаго: онъ уже посвященъ благодатію Божіею прежде, по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ, когда отъ него начали являться знаменія, а это началось прежде открытія мощей, и прежде изслѣдованія. Изслѣдованіе доказало, что есть святый; объявленіе отъ Св. Сѵнода сдѣлало сіе извѣстнымъ церкви, для того, чтобы вѣрующіе безъ сомнѣнія прибѣгали къ молитвамъ святаго; слѣдственно, и пѣли ему молебны, открыты ли между тѣмъ его мощи, или нѣтъ" [88]).

Любопытныя свѣдѣнія объ этомъ благодатномъ событіи мы находимъ также и въ письмѣ Н. И. Субботина къ Саввѣ. „Хотѣлось бы", – повѣствуетъ Субботинъ,— „написать вамъ что-нибудь о торжествахъ, совершавшихся (и совершающихся) на сихъ дняхъ въ обители святителя Тихона, но считаю себя совершенно неспособнымъ описать то, что Богъ сподобилъ меня увидѣть. Вотъ нѣсколько, такъ сказать, оффиціальныхъ свѣдѣній. Служеніе по открытію мощей началось 12-го числа, въ часъ пополудни. Послѣ перезвона, пришелъ крестный ходъ изъ города въ монастырскій соборъ; тогда четыре архіерея (четвертый Тамбовскій, вызванный сюда на случай, еслибы встрѣча Гусударя въ Курскѣ воспрепятствовала преосвященному Сергію явиться въ Задонскъ благовременно) въ мантіяхъ отправились въ соборъ же, и облачившись, послѣ умилительной молитвы о достойномъ совершеніи предстоящаго дѣйствія, съ крестнымъ ходомъ отправились въ церковь, гдѣ почивали мощи святителя; здѣсь снято было металлическое надгробіе надъ мощами, вынутъ гробъ и перенесенъ въ соборную церковь и поставленъ посрединѣ, прочтена молитва новоявленному угоднику Божію и началась малая вечерня. Въ 6 часовъ ударили ко всенощному бдѣнію; во время величанія былъ наконецъ открытъ гробъ и наши недостойныя очи узрѣли нетлѣнное тѣло святителя и чудотворца Тихона! Въ свое время началось прикладываніе къ мощамъ. 13-го числа происходила Литургія, которую, можно сказать, совершалъ самъ святитель Тихонъ. Во время малаго входа, гробъ

внесенъ былъ въ алтарь и поставленъ на горнемъ мѣстѣ, гдѣ и находился до конца Литургіи, а послѣ Литургіи святыя мощи обнесены вокругъ всего монастыря. Это было самое торжественное время,—тогда-то можно было получить понятіе о стеченіи народа. Все огромное пространство въ монастырѣ и за монастыремъ было покрыто народомъ! И стѣны и домы,—по Евангельски были разобраны кровли, чтобы удобнѣе было увидѣть священный гробъ. По словамъ губернатора М. И. Черткова, при заставахъ насчитано сто девять тысячъ— богомольцевъ; но мнѣ кажется, до пятисотъ тысячъ было непремѣнно. Нынѣ совершаетъ Литургію преосвященный Іосифъ, а завтра служитъ самъ митрополитъ съ прочими архіереями и завтра же отсюда уѣзжаетъ.

Прошу васъ, ваше высокопреподобіе, передать мои кратчайшія извѣстія о. протоіерею Александру Васильевичу Горскому, которому усердно кланяюсь. Преосвященный Сергій теперь въ церкви за Литургіею, куда я не рѣшился идти, тѣсноты ради. Сердце обливается кровію при видѣ томъ, какъ войска и полиція обращаются съ простымъ народомъ, который прошелъ сотни верстъ, чтобы только приложиться къ мощамъ святителя, и большею частію пойдетъ отсюда не удовлетворивъ своему благочестивому желанію. А въ этомъ народѣ угодникъ Божій и въ сіи дни сколько явилъ чудесныхъ знаменій! Надобно сказать, впрочемъ, что больныхъ, принесенныхъ сюда въ безчисленномъ множествѣ, пропускаютъ въ церковь“ [89]).

XXIX.

30 августа 1861 года, въ день святаго благовѣрнаго вел. князя Александра Невскаго, въ Парижѣ, на улицѣ Креста, въ виду Монмартрскихъ высотъ, происходило, по благословенію Св. Сѵнода, освященіе нашей православной церкви, во имя святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго.

Въ Москвѣ многіе были увѣрены и громко говорили, что въ Парижѣ, для совершенія торжественнаго обряда освященія храма, вѣроятно, посланъ будетъ Московскій викарій, преосвященный Леонидъ, какъ владѣющій Французскимъ языкомъ.

Съ своей стороны, епископъ Кириллъ, изъ Іерусалима, писалъ въ Харьковъ, къ архіепископу Макарію: „Мысль ваша о прогулкѣ куда нибудь подальше, казалась мнѣ не неосуществимою. Я все думалъ, что вамъ придется прокатиться въ Парижъ, для освященія храма. Не знаю, какъ рѣшили этотъ вопросъ, вертѣвшійся около насъ съ вами... Очень пожалѣю, когда услышу, что выборъ обошелъ васъ"...

Но предположеніе Москвы, а также и преосвященнаго Кирилла не оправдалось, и послѣдній писалъ Макарію: „Сію минуту получилъ письмо изъ Петербурга. Пишутъ, что въ Парижъ отправился преоосвященный Леонтій, хотя, къ чести его, весьма неохотно".

Съ своей стороны, и А. Б. Нейдгардтъ писала къ архимандриту Саввѣ: „Наши предположенія не сбылись: не Московскій, но Петербургскій викарій отправляется въ Парижъ. Владыка нашъ не захотѣлъ отпустить своего викарія, не полагаясь, быть можетъ, на успѣшно достигнутую (!) цѣль посольства. А жаль, что преосвященный Леонидъ не побываетъ въ Парижѣ. Кажется, и вы бы съ радостію поѣхали съ нимъ. Оставайтесь же каждый при служеніи своемъ: вѣдь не къ лучшему ли Богъ все устрояетъ"?

Въ разъясненіе этого вопроса, архимандритъ Савва писалъ Нейдгардтъ: „Почему не преосвященный Леонидъ, а преосвященный Леонтій отправленъ въ Парижъ, — причина этого очень простая. Всѣ наши заграничныя при посольствахъ церкви причислены къ епархіи С.-Петербургской: посему и естественно было отправить для освященія Парижскаго храма викарія Петербургскаго, а не Московскаго, или другой какой либо митрополіи. Иначе можно было возбудить за границей неблагопріятные толки. И такъ, успокойтесь и за преосвященнаго, и за меня. Но преосвященный нашъ, какъ

слышно, въ настоящее время, отправился для освященія храма, вмѣсто Парижа, въ Коломну, а я сижу себѣ преспокойно дома за своими мирными занятіями".

Самъ же митрополитъ Филаретъ вотъ что писалъ А. Н. Муравьеву: „Объ освященіи церкви въ Парижѣ мнѣ случилось говорить, и я не полагалъ нужнымъ посылать епископа. Но когда на сіе соглашались другіе, и протоіерей Васильевъ объяснился, что онъ ищетъ не блеска, но болѣе соборной молитвы, ради благодати освященія: тогда и я не сталъ прекословить. Думали послать Варшавскаго Арсенія, но это было бы посольство отъ Св. Сѵнода и отъ всей церкви, и могло быть принято за усиленное оказательство. Потому положили, чтобы епархіальный архіерей Парижской церкви, митрополитъ Новгородскій Исидоръ, сдѣлалъ епархіальное распоряженіе и назначилъ своего викарія" [90]).

22 августа 1861 года, преосвященный Леонтій, въ сопровожденіи: 1) архимандрита Аввакума, бывшаго начальника Пекинской Духовной Миссіи; 2) настоятеля Петропавловскаго собора протоіерея Василія Полисадова; 3) протодіакона Исаакіевскаго собора Константина Оболенскаго; 4) діакона Митрофаніевскаго кладбища Алексѣя Флерова; 5) иподіакона Новгородскаго митрополита Алексѣя Колумбова и митрополичьихъ пѣвчихъ, подъ управленіемъ Львовскаго, выѣхалъ по Варшавской дорогѣ изъ Петербурга. Утромъ 25 августа, они прибыли въ Берлинъ. Не доѣзжая мили, протоіерей Полисадовъ предварилъ преосвященнаго о приближеніи къ Берлину. „На лицѣ владыки отразились слѣды внутренняго волненія". На станціи ожидалъ преосвященнаго настоятель Посольской Берлинской церкви священникъ Серединскій въ рясѣ и камилавкѣ. Онъ повелъ преосвященнаго и архимандрита Аввакума къ каретѣ. Толпа Нѣмцевъ „вѣжливо разступилась предъ владыкою и съ почтеніемъ очистила ему дорогу до экипажа".

Въ Берлинѣ должны были остаться до вечера, въ ожиданіи курьерскаго поѣзда, идущаго прямо въ Парижъ. Первымъ дѣломъ было посѣщеніе церкви и совершеніе въ ней

молитвъ. „Это была первая православная церковь въ заграничномъ путешествіи“ епископа Леонтія. Послѣ завтрака, владыка, въ сопровожденіи мѣстнаго священника и всѣхъ духовныхъ особъ своей свиты, посѣтилъ Русскую колонію Александровку, близъ Потсдама. Преосвященный подъѣхалъ прямо къ церкви и съ величайшимъ вниманіемъ осматривалъ оную. Священникъ Серединскій и протоіерей В. П. Полисадовъ объясняли его преосвященству Исторію колоніи и образъ „пастырскихъ дѣйствій на ея обитателей“. Обойдя кладбище и благословивъ могилы православныхъ, преосвященный отправился осматривать дворецъ Санъ-Суси. Его принимали вездѣ „съ почтительнѣйшимъ вниманіемъ и предупредительностію. Даже не требовали, чтобы владыка оставлялъ трость свою, при входѣ во дворцы“. Возвратясь въ Берлинъ, преосвященный посѣтилъ о. Серединскаго.

Въ 7 вечера, 25 августа, преосвященный и свита его продолжали свое путешествіе. За темнотою нельзя было ничего видѣть и Вестфаліи они не видали.

Въ 8-мъ утра, 26 августа, прибыли въ Кельнъ, извѣстный своимъ соборомъ, который, по замѣчанію протоіерея Полисадова, „свидѣтельствуютъ о томъ, что усердіе вѣрующихъ къ храму, въ Латинскомъ мірѣ, прошло невозвратно“. Въ Кельнѣ они пересѣли уже во Французскіе вагоны и черезъ часъ поѣхали далѣе.

Подъ самымъ городомъ переѣхали Рейнъ „и“,—замѣчаетъ протоіерей Полисадовъ,—„все перемѣнилось. Ухо наше огласилось Французскими словами. Природа уже чисто южная“.

Въ Аахенѣ они вспомнили, что здѣсь Карлъ Великій настаивалъ, чтобы папа прибавилъ къ символу вѣры: *filioque.*

Вотъ и Вервье,—первый пограничный городъ Бельгійскій. Бельгія представилась нашимъ путешественникамъ „баснословною кузницею вулкана и его циклоновъ“. Зрѣлище сіе навело протоіерея Полисадова на слѣдующее глубокомысленное размышленіе: „Съ ранняго утра до поздняго вечера, люди здѣсь работаютъ у чудовищныхъ печей и наковаленъ.

снѣдаемые нестерпимымъ жаромъ и вдыхая въ себя воздухъ, наполненный сажею и мелкою пылью! Такъ вотъ чего стоитъ разумному существу это матеріальное развитіе, о которомъ начинаютъ вздыхать такъ внятно и у насъ въ Россіи! Силы тѣлесныя, съ каждымъ поколѣніемъ истощаются у людей осужденныхъ на эту Египетскую работу, а что всего горестнѣе, религіозная воспріемлемость грубѣетъ, притупляется и совершенно падаетъ подъ тяжестію матеріальнаго труда! Человѣкъ жертвуетъ всѣми духовными интересами для удобствъ временной жизни. Да и самыя эти удобства не для бѣдняка работника. Обогащается лишь капиталистъ-хозяинъ, чужими руками загребающій жаръ, милліоны. Здѣсь начало всѣмъ теоріямъ и системамъ соціалистическимъ и коммунистическимъ, которыми раздираются промышленныя государства Западной Европы".

Около 3-хъ по-полудни, наши путешественники прибыли на границу Франціи, и, по замѣчанію протоіерея Полисадова, „съ каждымъ шагомъ, уваженіе къ нашему владыкѣ возрастало. Однимъ словомъ, отъ Кельна до Парижа онъ окруженъ былъ всѣми знаками почета и попеченія".

Огромное зарево на горизонтѣ, отъ сотень тысячь газовыхъ свѣтильниковъ, возвѣстило нашимъ путешественникамъ о приближеніи къ „блистательной столицѣ Франціи". Владыка былъ „сосредоточенъ и молчаливъ". Наконецъ, машина засвистала и стала уменьшать ходъ. Владыка и вся его свита „осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ". *Paris, Paris, Paris!* закричали кондукторы и дверцы отворились. На галлереѣ стоялъ настоятель Парижской церкви о. протоіерей Іосифъ Васильевичъ Васильевъ, „со всѣми лицами своего благочинія", т.-е. былъ тутъ Ниццкій священникъ Дмитрій Васильевичъ Васильевъ; здѣсь же находился и Мадритскій священникъ Колоссовскій. „Необозримая толпа Французовъ",—свидѣтельствуетъ протоіерей Полисадовъ,—„окружила преосвященнаго и духовныхъ, благоговѣйно принимавшихъ благословеніе архипастыря". Въ богатой каретѣ преосвященный ѣхалъ по великолѣпной бульварной улицѣ. Вся она горѣла тысячами

газовыхъ огней. Карета поворотила вправо, въ улицу Faubourg St.-Honorè. Минутъ черезъ десять, явились пять куполовъ, свѣтившіеся отраженіемъ на нихъ газоваго освѣщенія. „Сердце", — свидѣтельствуетъ протоіерей Полисадовъ, — „исполнилось неизобразимыхъ чувствъ радости при взглядѣ на новую нашу Парижскую церковь". Карета остановилась у паперти. На улицѣ, у рѣшетки, собралась густая толпа Французовъ. Было 10 вечера, когда архипастырь вступилъ въ новую Парижскую православную церковь...

На другой день, въ часъ по-полудни, преосвященный и всѣ духовные его свиты посѣтили нашего посла, семидесяти-шести-лѣтняго старца графа Павла Дмитріевича Киселева. Онъ вышелъ на встрѣчу владыки до передней залы и, принявъ архипастырское благословеніе, повелъ его въ парадную гостинную, благодарилъ за трудъ столь отдаленнаго путешествія и, обращаясь къ глубоко имъ чтимому протоіерею Васильеву, сказалъ: „Покажите преосвященному все, что въ Парижѣ можетъ быть достойно его вниманія. Если нужны будутъ какіе билеты на входъ въ дворцы и въ музеи, то скажите только мнѣ, и они будутъ доставлены немедленно".

Въ тотъ же день, прибылъ въ Парижъ изъ Висбадена, ко дню освященія церкви, протоіерей Іоаннъ Леонтьевичъ Янышевъ.

XXX.

Молва о благолѣпіи и красотѣ нашей церкви и о близкомъ освященіи ея архіереемъ съ многочисленною свитою и превосходными пѣвцами, распространилась далеко, даже за стѣны Парижа, и улица Креста и ближайшіе къ ней бульвары ежедневно наполнялись толпами зрителей. Между тѣмъ, духовенство наше, собравшееся въ Парижѣ, отъ времени до времени, являлось къ оградѣ церковной, въ своемъ церковномъ одѣяніи, и привлекало новыя толпы любопытныхъ. По временамъ выходилъ и владыка; тогда въ толпѣ зрителей пробѣгалъ сдержанный гулъ: *c'est l'archévêque, c'est l'archévêque*!

„Какъ невѣста",—писалъ протоіерей Полисадовъ,—„украшенная и убранная церковь, ожидала лишь пришествія жениха своего. Скоро, при дверяхъ ея, святитель возгласитъ: *Возмите врата князи ваша и внидетъ Царь Славы, Господь силъ, той есть Царь Славы*".

Давно ожидаемый день наступилъ. Солнце взошло надъ Парижемъ и лучи его заблистали на золотыхъ куполахъ православнаго храма. Воздухъ былъ лѣтній.

Въ 10 утра, все духовенство собралось въ церковь, и въ предшествіи пѣвчихъ, отправилось въ покои владыки и со славою ввело его въ церковь. Появленіе владыки, въ мантіи и съ жезломъ, предшествуемаго пѣвчими и сопровождаемаго освященнымъ соборомъ, поразило иностранцевъ.

Въ то время, какъ облачали владыку, вошелъ въ церковь министръ двора императора Французовъ, маршалъ Вальянъ, посланный императоромъ Наполеономъ III, для присутствованія при освященіи Русской церкви, въ качествѣ его представителя. Почти одновременно съ нимъ, пріѣхалъ посолъ нашъ графъ П. Д. Киселевъ, со всѣми членами посольства, и занялъ мѣсто у правой стороны алтарнаго возвышенія. Подлѣ него помѣстились: графъ Вальянъ и другіе представители императора Наполеона III-го. Въ числѣ другихъ свидѣтелей нашего торжества замѣчено было пять католическихъ священниковъ, въ сутанахъ, и множество въ платьѣ партикулярномъ. Французы сказывали протоіерею Полисадову, что были тутъ даже два католическіе архіерея въ платьѣ партикулярномъ.

По освященіи св. престола, антиминса, жертвенника и внутренней стороны храма, начался крестный ходъ съ св. мощами и иконами вокругъ храма. Графъ Киселевъ шелъ съ правой стороны епископа, сопровождаемый всѣми чинами посольства. Хоругви и иконы несли: графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, И. М. Толстой, А. И. Сабуровъ, В. В. Скрипицынъ и др. Иностранный очевидецъ свидѣтельствовалъ: „Крестный ходъ былъ поразительно величественъ! Народъ

всегда глубоко религіозенъ. Идя за процессіею, я видѣлъ, что, въ ту самую минуту, какъ епископъ, въ предненесеніи хоругвей и креста, появился на паперти, все это множество любопытныхъ сняло шапки".

Духовенство, отъ владыки до церковнаго служителя, облачено было въ одинаковыя, блистательныя облаченія. Ризница эта, по высочайшему повелѣнію, была взята изъ Исаакіевскаго собора. Митра на преосвященномъ Леонтіѣ,—изъ Лаврской ризницы, усыпанная крупнымъ жемчугомъ и горѣвшая блескомъ множества яхонтовъ, изумрудовъ и другихъ драгоцѣнныхъ камней, привлекала особенное вниманіе иностранцевъ.

По окончаніи освященія церкви, возглашено было многолѣтіе. Во время возглашенія многолѣтія императору Наполеону III, графъ Кисилевъ, наклонясь къ маршалу Вальяну, пожелалъ, въ лицѣ его, государю его многихъ лѣтъ.

Божественную Литургію преосвященный Леонтій совершалъ при сослуженіи архимандрита Аввакума и шести протоіереевъ и священниковъ, протодіакона, двухъ діаконовъ и двухъ иподіаконовъ.

По окончаніи Литургіи, преосвященный Леонтій произнесъ слѣдующее слово:

„*Господь на мѣстѣ семъ. Нѣсть сіе, но домъ Божій* (*Быт.* XXVIII, 16—17).

Такъ сказалъ нѣкогда ветхозавѣтный патріархъ Іаковъ, когда, на пути въ Харранъ, вдали отъ своего отечества, на мѣстѣ отдохновенія, въ видѣніи узрѣлъ таинственную лѣстницу, соединяющую небо съ землею. Объятый благоговѣйнымъ страхомъ и вмѣстѣ восторгомъ, онъ поставилъ тамъ столбъ изъ камня, служившаго ему возглавіемъ, возлилъ на камень елей и нарекъ мѣсто домомъ Божіимъ: *нѣсть сіе, но домъ Божій.*

И это мѣсто еще недавно было обыкновенною мірскою собственностію; но, съ тѣхъ поръ, какъ, по благословенію Святѣйшаго Сѵнода, съ молитвою церкви, положенъ первый камень въ основаніе сего храма, оно предосвящено въ мѣсто

селенія Господа силъ. Теперь, по благодати освященія, это уже *домъ Божій*, храмъ святый, мѣсто благодатнаго присутствія Пресвятыя Троицы. Священнодѣйствіе совершено, — и вѣруемъ, — молитвы церкви, произнесенныя нашими недостойными устами, услышаны Богомъ. Всеосвящающая, безкровная жертва здѣсь принесена и отнынѣ будетъ приноситься всегда, во время благопотребно. И нынѣ, молимъ Тя, Господи, *да будутъ очи Твои отверсты на храмъ сей день и нощь:* и услыши молитву (*3 Цар.* 8, 29, 30) всѣхъ, притекающихъ сюда съ вѣрою!

Слава и благодареніе во Святѣй Троицѣ покланяемому Богу, благопоспѣшившему соорудить православный храмъ сей, въ славномъ градѣ семъ! Да благословитъ Господь всяцѣмъ благословеніемъ, благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго, великаго Государя Императора нашего Александра Николаевича, своимъ благимъ изволеніемъ и участіемъ содѣйствовавшаго устроенію сего прекраснаго дома Божія! Да благословитъ Господь своею милостію и тебя, великоименитый представитель монарха нашего, за твое сердечное и благовременное участіе въ семъ святомъ дѣлѣ! Благодареніе обладателю страны сея — императору Французовъ, благосклонно изъявившему христіанскую готовность на созиданіе православнаго храма въ странѣ своей! Благословеніе Божіе, съ благословеніемъ нашего архипастыря и моимъ смиреннымъ, да почіетъ сугубо на тебѣ, почтенный сослужитель нашъ *), съ пастырскою ревностію и любовію, паче всѣхъ потрудившійся въ устроеніи сего храма, во славу православной церкви! Да пріосѣняетъ милость Божія и всѣхъ участвовавшихъ своими приношеніями въ пользу храма!

Привѣтствую васъ, чада православной церкви, съ настоящимъ духовнымъ торжествомъ. Утѣшительно думать, что храмъ сей для всѣхъ васъ составляетъ предметъ истинной радости. Въ возлюбленномъ нашемъ Отечествѣ, великолѣпные храмы,

*) Протоіерей І. В. Васильевъ. *Н. Б.*

не только въ столицахъ, но и въ обыкновенныхъ градахъ и весяхъ, какъ знаете, не рѣдкость; тамъ есть гдѣ сердцу Русскому излить свои благоговѣйныя чувствованія предъ Господомъ, въ тѣхъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, какія, такъ сказать, всосаны нами съ млекомъ матери, въ томъ духѣ, какой вѣетъ въ ученіи, постановленіяхъ и обрядахъ православной церкви. Здѣсь, вдали отъ Отечества, для васъ, братія мои, одинъ православный храмъ. Какъ же не радоваться, что онъ не въ обыкновенномъ уже домѣ, а есть отдѣльный домъ Божій, куда каждый, во всякое время, можетъ притекать съ молитвою, за утѣшеніями вѣры, въ духѣ православія?

Это домъ Божій, во славу Божію, для васъ, чада православной церкви, для вашего назиданія, освященія, спасенія; для васъ, кои, хотя, по обязанностямъ службы, по немощамъ тѣлеснымъ, или по другимъ какимъ-либо обстоятельствамъ, обитаете здѣсь, внѣ Россіи, однакожъ, съ членами ея, составляете одно семейство, по единству крови и вѣры. И такъ, какъ члены единой церкви, пребывайте вѣрными ей въ дому Божіемъ, и въ убѣжденіяхъ и въ дѣлахъ. Умоляю васъ словами Апостола: *Стойте въ вѣрѣ* православной (*1 Кор.* 16, 13), тверди, непоступни бывайте. *Блюдитеся, да никтоже будетъ васъ прельщая философіею и тщетною лестію, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христѣ* (*Колос.* 2, 8). *Въ наученія странна и различна не прилагайтеся* (*Евр.* 13, 9). Пламенѣйте любовію къ матери своей—церкви, къ ея ученію и постановленіямъ, да имя ея прославляется въ васъ и чрезъ васъ въ странѣ сей.

Православные пастыри, здѣ предстоящіе! Соутѣшаясь общею вѣрою, нашею же и моею, обратимся паки къ Господу съ молитвою: *Призри съ небесе, Боже, и виждь, и посѣти виноградъ сей*, люди Твоя, Своею благодатію, и молитвеннымъ предстательствомъ св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, во имя коего освященъ храмъ сей, — утверди ихъ въ вѣрѣ и благочестіи, во славу святой Твоей церкви и во спасеніе ихъ.

Благословеніе Господне да пребудетъ на всѣхъ васъ, Того благодатію и человѣколюбіемъ всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь".

„Иностранцы",—писалъ протоіерей Полисадовъ,—„не понимали, конечно, словъ преосвященнаго, тѣмъ не менѣе ихъ поразилъ образъ произношенія, — простой и безъискусственный. Они поняли сердцами своими, что архипастырь бесѣдуетъ съ вѣрующими, какъ отецъ съ дѣтьми, и вполнѣ одобрили такой тонъ собесѣдованія, вопреки ораторству Французскихъ епископовъ, которые, забывъ и свои лѣта и, что главное, свою апостольскую важность, восходятъ на высокія каѳедры и отселѣ декламируютъ свои искусственныя рѣчи. Еще болѣе поразило иностранцевъ, когда владыка нашъ, почти въ срединѣ своей рѣчи, обратясь къ протоіерею Васильеву, не только словомъ изрекъ, но и рукою преподалъ ему Божіе благословеніе, вмѣстѣ съ благословеніемъ нашего архипастыря и его смиреніемъ. *Вотъ это истинно по апостольски*, говорили послѣ Французы".

Церковныя торжества 30 августа окончились молебствіемъ св. благовѣрному князю Александру Невскому.

Въ 6 часовъ по-полудни, былъ у нашего посла обѣденный столъ, къ которому приглашены были: его преосвященство, всѣ священнослужители, освящавшіе церковь, художники, ее строившіе и украшавшіе, и всѣ Русскіе „de distinction". Послѣ тоста за здоровье владыки, посолъ, вставъ и обратясь къ протоіерею Іосифу Васильеву, говорилъ гостямъ своимъ: Честь всего, что̀ совершилось сегодня, принадлежитъ ему одному (протоіерею Васильеву); онъ задумалъ построить церковь, онъ ее и выстроилъ, онъ и освятилъ ее съ такимъ великимъ торжествомъ. Ему, слѣдовательно, мы обязаны всѣмъ и обязаны ему одному, нашему доброму и прекрасному отцу. Пожелаемъ же ему, отъ души, здоровья и многихъ лѣтъ". О. Іосифъ, со слезами на глазахъ, обратился къ послу съ „исполненною трогательнѣйшаго смиренія рѣчью", въ которой, по замѣчанію протоіерея Полисадова, „дѣло построенія и архіерейскаго освя-

щенія церкви въ Парижѣ онъ приписывалъ всѣмъ, кромѣ себя" [91]).

XXXI.

Графъ де-ла-Фитъ де-Полляпорхъ, присутствовавшій при освященіи Парижской церкви, вотъ что писалъ въ *Православномъ Обозрѣніи*: „До сихъ поръ Франція не обращала должнаго вниманія на православную Русскую церковь. Но обвинять ее въ этомъ невозможно. О Русской церкви она доселѣ имѣла понятія темныя, неточныя и большею частію искаженныя іезуитами, а въ новѣйшія времена ультрамонтанами. Русская церковь къ тому же не входила открыто ни въ какія словопренія съ Западомъ. Съ своей стороны, папизмъ съ презрѣніемъ отзывался о Русской церкви. Онъ зналъ, что невѣжество на счетъ всего, что только касается до Россіи, лучшая для него ограда противъ свѣта истины.

Но вотъ, послѣ нѣсколькихъ вѣковъ затменія, въ Парижѣ отстроенъ и освященъ первый величественный православный храмъ. До сихъ поръ Русскіе имѣли въ Парижѣ небольшую домовую церковь. Это чрезвычайное событіе встревожило всю ультрамонтанскую партію. Іезуиты, смотрѣвшіе съ негодованіемъ на воздвигаемое зданіе, ревниво слѣдили за всѣмъ, что о. Васильевъ, Парижскій протоіерей, молча и безъ шуму, совершалъ къ назиданію сколько Русскихъ, обитающихъ въ Парижѣ, столько и Французскихъ православныхъ. Наконецъ, іезуитамъ пришлось увидѣть, какое необыкновенное впечатлѣніе произвело на Парижское народонаселеніе пребываніе преосвященнаго Леонтія, его священнослуженія, его благородное, достойное и христіански-добродушное обращеніе со всѣми и съ каждымъ, самое торжество освященія Дома Божія, торжественно совершенная по архіерейскому чину Литургія. Съ любопытствомъ, въ первый разъ, съ чувствомъ почтенія и благоговѣнія въ послѣдующіе дни, Парижане прослѣдили за

всѣми дѣйствіями православнаго архипастыря и достойнаго, образованнаго духовенства, окружавшаго его отъ перваго дня его прибытія въ Парижъ до самаго отъѣзда. Благодареніе Богу! Русская церковь нашла доступъ къ сердцу нѣсколькихъ тысячь людей, непринадлежащихъ къ ея нѣдрамъ.

Затемненная въ продолженіе столѣтій истина просіяла и явилась и тѣмъ, которые были далеки отъ нея...

Скажемъ, что на этотъ разъ Парижанъ, въ особенности Англичанъ и Итальянцевъ, поразила необычайнымъ образомъ внѣшняя, обрядовая форма восточнаго Богослуженія, исполненная величія. Храмъ во всѣ три раза, когда священнодѣйствовалъ преосвященный Леонтій, наполненъ былъ множествомъ иностранцевъ. Толпа, каждый разъ состоявшая изъ 1400 до 1800 присутствующихъ, въ которой были перемѣшаны всевозможныя сословія общества, единодушно объявляла, что Богослуженіе Русской церкви поражало ихъ отпечаткомъ древности и апостольскаго характера. При совершеніи Богослуженія были и нѣкоторые высокіе сановники Французскаго духовенства, скрывшіе свой санъ подъ мірскою одеждою, и эти-то сановники, между которыми мы узнали двухъ: епископа Перигесскаго и архіепископа Турскаго, объявляли, что въ обрядахъ православной церкви нѣтъ ничего скуднаго, неумѣстнаго, нѣтъ въ особенности и тѣни новизны. Епископъ Перигесскій, извѣстный въ ученомъ мірѣ археологъ, — и въ этомъ случаѣ его мнѣніе имѣетъ большой вѣсъ, прямо объявилъ своимъ приближеннымъ, что Богослуженіе Русской церкви сохранило въ себѣ въ точности всѣ обряды, установленные въ первые вѣка Христіанства. Самое облаченіе, говорилъ онъ, въ которомъ священнодѣйствовалъ епископъ Леонтій,—тоже, въ какое облачались великіе іерархи, устроившіе весь чинъ церковный. „Такъ облачались“,—заключилъ онъ,— „и святый Василій Великій, и святый Іоаннъ Златоустъ“. О преосвященномъ Леонтіѣ онъ относился съ необыкновеннымъ восторгомъ. „Трудно вообразить себѣ“,—говорилъ епископъ Перигесскій,—„болѣе достоинства, болѣе благоговѣнія въ ис-

нолненіи высокихъ обрядовъ церкви, чѣмъ сколько мы видѣли въ преосвященномъ Леонтіѣ". Полное и величественное пѣніе, не поддерживаемое органами или какими другими музыкальными инструментами, внушало умиленіе пресыщеннымъ и притупленнымъ всякою новизною Парижанамъ. Пріобщеніе дѣтей чрезвычайно всѣхъ удивило и обрадовало. Многіе отзывались, что православная церковь съ истинно материнскою любовію пріобщаетъ Христу и малолѣтнихъ дѣтей. Одна старушка католичка, узнавъ при этомъ, что у насъ причащаются всѣ и Тѣлу и Крови Христовой, сказала: „Господи! хоть бы предъ смертью удостоиться мнѣ пріобщиться Крови Христовой"!

Мы могли бы привести множество подобныхъ случаевъ сочувствія къ церкви православной. Рѣчь, произнесенная преосвященнымъ Леонтіемъ, по освященіи храма, хотя была непонята Французами, присутствовавшими при этомъ торжествѣ, однако тронула ихъ неожиданнымъ случаемъ. Преосвященный, обратившись къ протоіерею Васильеву, призывалъ на него благословеніе Божіе за исполненный имъ подвигъ. О. Васильевъ, и безъ того уже волнуемый и растроганный всѣмъ, что его окружало, не могъ болѣе удержаться, и заплакалъ. Мы стояли среди самой густой толпы въ храмѣ и видѣли, какое глубокое впечатлѣніе произвелъ на нее этотъ случай. Всѣ знали, что о. Васильевъ главный виновникъ этого торжества, и всѣ поняли его душевное волненіе. Всѣ были тронуты; всѣ сознавали, что высшая награда, которой удостоился о. Васильевъ, именно заключалась въ словахъ благословенія и благодаренія, высказанныхъ передъ всѣми присутствующими преосвященнымъ архипастыремъ. Подъ благословеніе къ преосвященному подходили вмѣстѣ съ Русскими и многіе иностранцы.

У Латинъ епископъ обыкновенно даетъ только общее благословеніе. Преосвященный Леонтій благословлялъ каждаго отдѣльно, и благословляя дѣтей, возлагалъ имъ на головы руки по древнему обычаю. Это производило знаменатель-

ное впечатлѣніе. Вотъ уже десять дней, какъ совершилось это событіе, а между тѣмъ, до сихъ поръ, гдѣ мы только ни бываемъ, все еще говорятъ о немъ, и говорятъ съ похвалами, даже съ умиленіемъ. Слава Русской церкви, всѣ соглашаются въ томъ, заключается именно въ сохраненіи всего, что ей было передано отъ первыхъ вѣковъ Христіанства. Приходилось слышать отзывы, что, судя по всему, что удалось увидѣть, православная церковь одна только умѣла различать успѣхи образованія въ человѣчествѣ отъ измѣненія въ христіанскихъ началахъ, въ какомъ нельзя не обвинить Римскую церковь.

Кромѣ преосвященнаго Леонтія, епископа Ревельскаго, викарія Санктпетербургскаго митрополита, въ торжествѣ освященія принимали участіе: архимандритъ Аввакумъ, извѣстный Парижскимъ синологамъ, уважающимъ въ немъ глубокое его знаніе Китайскаго и Японскаго языковъ; о. Полисадовъ, протоіерей собора св. Петра и Павла въ Санктпетербургѣ; о. Базаровъ, Штутгардтскій протоіерей; о. Васильевъ, Парижскій протоіерей; о. Янышевъ, Висбаденскій протоіерей; о. Петровъ, Женевскій протоіерей; о. Серединскій, Берлинскій протоіерей; о. Колосовскій, Мадритскій протоіерей; о. Д. Васильевъ, Ниццскій іерей; о. Прилежаевъ, Парижскій іерей; и о. Оболенскій, протодіаконъ Исаакіевскаго собора. Ихъ пребываніе въ Парижѣ оставило пріятныя впечатлѣнія“ [92]).

XXXII.

Преосвященный Леонтій служилъ въ освященной имъ Парижской церкви еще два раза: 1 и 3 сентября.

Всякій разъ, какъ служилъ его преосвященство, церковь наша была полна народа. Русскихъ въ то время было въ Парижѣ очень немного. Большинство ихъ пило воды въ Германіи, или лѣчилось виноградомъ въ Швейцаріи. Посему огромное большинство посѣтителей нашего храма были иностранцы. Величіе православнаго Богослуженія и его апостоль-

свая древность, священный соборъ священнослужителей, въ богатыхъ облаченіяхъ, наконецъ превосходное пѣніе,— все это производило поразительное впечатлѣніе на иностранцевъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили они за ходомъ Божественной Литургіи и оставались до конца оной. Малый и великій входы поражали Французовъ своимъ величіемъ. Тоже производило на нихъ сильное впечатлѣніе алтарное пѣніе священнослужителей.

„Видя",—пишетъ аббатъ Гэтѐ,—„съ какимъ достоинствомъ и набожностію священнодѣйствовалъ преосвященный Леонтій, совершая тѣ самые обряды, какіе совершалъ Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ, видя его облаченнымъ въ одѣянія, подобныя тѣмъ, которыя носили эти великіе учредители обряда Восточной церкви, мы ощущали глубокое волненіе. Пребываніе преосвященнаго Леонтія въ Парижѣ имѣло превосходные результаты въ религіозномъ отношеніи. Всѣ,—и католики и протестанты,—казались живо тронутыми величіемъ восточнаго обряда, его древнимъ характеромъ, который вселяетъ благоговѣніе. Чувствовалось, что это есть дѣйствительно первовѣковое Богослуженіе, Богослуженіе апостольскихъ мужей и рождалось невольное расположеніе любить и чтить церковь, которая съ такимъ уваженіемъ сохранила оное Богослуженіе. И вотъ, сколько предразсудковъ пало въ умахъ Римскихъ католиковъ, присутствовавшихъ при Богослуженіяхъ Русской церкви! Ихъ пріучили смотрѣть на Восточную церковь, какъ на схизматическую и еретическую. Во Франціи вообще воображали, что восточные не содержатъ ни одного изъ вѣрованій Римской церкви и что только эта послѣдняя церковь обладаетъ истинною вѣрою и подлиннымъ Христіанскимъ Богопочитаніемъ. Каково-жъ было ихъ изумленіе, когда они увидѣли церковь, украшенную иконами Іисуса Христа и Пресвятыя Дѣвы, когда увидѣли таинство Евхаристіи, совершаемое съ такимъ благоговѣніемъ,—увидѣли епископа и достопочтенныхъ священниковъ, священнодѣйствующихъ съ такою вѣрою и достоинствомъ! Мы слышали изъ устъ вели-

каго множества Римскихъ католиковъ вопросъ: почему Римская церковь анаѳематствовала столь хорошихъ христіанъ? И когда имъ отвѣчали, что главная, а можетъ быть, единственная причина сего состояла въ сопротивленіи Восточной церкви злоупотребленіямъ папскаго деспотизма,—они давали отвѣты такіе, изъ которыхъ видно было ихъ совершенное и безусловное одобреніе этого противленія.

Протестанты не показывали такихъ наружныхъ знаковъ почтенія, какъ католики, но не скрывали, однакоже, что они глубоко тронуты всѣмъ, что они видѣли. Подобно католикамъ, они чувствовали, что тутъ есть что-то первовѣковое, простое и вмѣстѣ величественное, какъ и все, что относится къ первымъ вѣкамъ церкви. Когда епископъ исходилъ изъ святилища, для благословенія предстоящихъ крестомъ и свѣтильниками, символами искупленія и свѣта, распространеннаго Евангеліемъ во вселенной,—они преклонялись съ благоговѣніемъ".

Лично о преосвященномъ Леонтіѣ аббатъ Гэте, между прочимъ, пишетъ: „Въ его особѣ счастливымъ образомъ соединены доброта, достоинство и эта апостольская простота, которая возвышаетъ истинную заслугу. Во время пребыванія своего въ Парижѣ, преосвященный Леонтій былъ предметомъ особеннаго почтенія и вниманія".

О другихъ духовныхъ, окружавшихъ преосвященнаго Леонтія, аббатъ Гэте писалъ: „Ихъ обращеніе, полное благородства и достоинства, ихъ умныя лица, подали намъ наилучшую идею о духовенствѣ, къ которому они принадлежатъ. При этомъ мы знаемъ, что я не одинъ изъ Французскаго духовенства, на котораго они произвели это благопріятное впечатлѣніе" [93]).

4 сентября 1861 года, преосвященный Леонтій выѣхалъ изъ Парижа. Протоіерей І. В. Васильевъ съ грустью съ нимъ разстался, и потомъ писалъ ему: „По отбытіи вашемъ, мы почувствовали такую пустоту и грусть: заботы наши съ лихвою вознаграждались радостію и труды утѣшеніемъ.

Это время останется радостнѣйшимъ воспоминаніемъ моей жизни" [94]).

XXXIII.

4 сентября 1861 года, преосвященный Леонтій, со свитою своею, по приглашенію Великой Княгини Ольги Николаевны, отправился въ Штутгардтъ. Здѣсь онъ совершалъ Литургію въ домовой ея церкви. Преосвященный вступилъ въ храмъ *со славою* и облачался не въ алтарѣ, а посреди церкви. Великая Княгиня „со слезами слушала" пѣніе при облаченіи владыки.

Изъ Штутгардта, преосвященный со свитою отправился въ Висбаденъ. Онъ пріѣхалъ туда въ 7-мь вечера изъ Майнца, а въ 8-мъ присутствовалъ уже у всенощной. На слѣдующій день, въ воскресенье, 10 сентября, преосвященный совершалъ Литургію, въ сослуженіи съ протоіереями: В. П. Полисадовымъ, І. Л. Янышевымъ и Петровымъ. Затѣмъ, кромѣ Исаакіевскаго протодіакона Оболенскаго, были здѣсь два діакона. Пѣвчими управлялъ Львовскій.

По окончаніи Литургіи и панихиды о упокоеніи почивающей близъ храма Великой Княгини Елисаветы Михаиловны, преосвященный Леонтій, со свитою, отправился въ домъ протоіерея І. Л. Янышева, у котораго былъ приготовленъ „праздничный" обѣдъ. На другой день, по утру, преосвященный еще разъ былъ въ церкви и заходилъ на кладбище, гдѣ остановился надъ могилою своего ученика Висбаденскаго регента Смирнова. „Можно-ли было тогда думать",—сказалъ преосвященный,—„что онъ умретъ въ Висбаденѣ и что я буду здѣсь молиться на его могилѣ"?..

Съ православнаго кладбища, преосвященный заѣхалъ и на городское. Въ это время тамъ были похороны; при встрѣчѣ съ преосвященнымъ, бывшіе здѣсь иностранцы тотчасъ разступились и сняли шляпы.

Въ тотъ же день, преосвященный со свитою своею пред-

принялъ обратное путешествіе въ С.-Петербургъ. Долго еще могъ онъ видѣть изъ вагона Висбаденскую церковь, „эту осязательную *нагорную проповѣдь* о вселенскомъ православіи на Рейнскихъ берегахъ“ [95]).

По возвращеніи въ Петербургъ, преосвященный Леонтій получилъ слѣдующіе письмо отъ протоіерея Іоанна Леонтіевича Янышева: „Здѣшніе коренные жители, изъ которыхъ было нѣсколько весьма почтенныхъ людей, при вашемъ служеніи, получили объ архіерейскомъ служеніи нашемъ самое благопріятное понятіе; не понимая языка и смысла священнодѣйствій, они, разумѣется, больше всего обратили вниманіе на пѣніе и всѣ, безъ исключенія, были въ восторгѣ отъ него. Однихъ особенно удивляетъ теноръ, другихъ—октавистъ, третьихъ—мальчики; но всѣ безъ изъятія были изумлены свѣжестію, силою, величіемъ, гармоніею и задушевностію церковнаго нашего пѣнія. Нѣкоторые весьма образованные люди безъ слезъ не могли мнѣ передать, какъ неотразимо подѣйствовала на нихъ величавость и торжественность нашего древняго обряда. Въ такомъ духѣ, рѣшительно независимо ни отъ кого изъ Русскихъ или намъ преданныхъ людей, появились, послѣ вашего отъѣзда, два отзыва въ здѣшнихъ газетахъ: рѣдкость замѣчательная въ здѣшнихъ краяхъ. Многіе, въ томъ числѣ здѣшній епископъ протестантскій (Lanbesbichof), выражали сожалѣніе, что не воспользовались случаемъ, такъ рѣдкимъ, присутствовать при служеніи православнаго епископа. Другіе изъ бывшихъ въ церкви, съ другой стороны, сознавали, что имъ очень не доставало хотя самой краткой бесѣды архипастыря во время служенія, на что я замѣчалъ, что цѣлію Богослуженія была единственно молитва по покойной герцогинѣ, а объ этомъ предметѣ всякая рѣчь предъ смѣшанною публикою, при жизни при томъ второй супруги герцога, была бы щекотлива и едва ли, при случайномъ проѣздѣ преосвясвященнаго, умѣстна. Не упоминая о томъ, что вѣроятно вездѣ и всегда, и въ Россіи, и внѣ Россіи, замѣчаютъ умные люди единодушно, что именно ревѣніе дьяконовъ, видимо съ

напряженіемъ и измѣненіемъ даже въ лицѣ, не внушаетъ понятія о томъ, что они сами отъ сердца и благоговѣйно молятся, и меньше всего располагаетъ къ молитвѣ. Легкій и натуральный, вмѣстѣ звучный, способъ произношенія ектеніи, кажется, есть самое трудное и крайне - рѣдкое явленіе въ нашей церкви; а оно необходимо требуется для назиданія молящихся. Не смѣю также повторять того, что также всѣми признается— это достойная вашего сана, спокойная, непринужденная и вмѣстѣ глубоко-благоговѣйная (если позволите употребить не совсѣмъ подходящее иностранное выраженіе) манера лично вашего служенія, которая по самому положенію вашему, какъ главы мѣстной церкви, непремѣнно всѣмъ видима и всѣми примѣчается. Съ своей стороны, я больше всего радуюсь тому, что никто изъ свиты вашего преосвященства не сдѣлалъ въ Висбаденѣ (надѣюсь, и нигдѣ за границею) ни одной непріятности или какой-либо глупости, которая въ маленькомъ городкѣ сейчасъ могла бы сдѣлаться всѣми извѣстною и послужить соблазномъ на цѣлое поколѣніе. Ваше преосвященство оказали бы мнѣ великое одолженіе, еслибы соизволили еще разъ передать мою искреннѣйшую благодарность г. Львовскому, а чрезъ него и пѣвчимъ, которыхъ, къ сожалѣнію, не имѣлъ средствъ я такъ отблагодарить, какъ бы хотѣлось, за ихъ доброе поведеніе и чудное пѣніе. Не могу при этомъ не утруждать васъ также усерднѣйшею просьбою напомнить обо мнѣ достойнѣйшему и высокопреподобнѣйшему отцу архимандриту Аввакуму, съ неистощимымъ терпѣніемъ и любовію пріемлещему вся благая и злая въ пути, какъ и въ жизни, его высокопреподобія“ [96]).

„Въ Парижѣ“—писалъ Филаретъ Муравьеву,—„освященіе храма произошло, по вѣрнымъ свѣдѣніямъ, лучше, нежели вы ожидали. Когда архіерей шелъ около храма со святыми мощами на главѣ, горожане, не только открыли головы, но иные преклонили колѣна. У нашего архіерея брали благословеніе, по нашему обычаю; хуже всѣхъ, говорятъ, велъ себя Русскій женскій полъ: не безгласно стоялъ въ церкви. И такъ,

не гнѣвайтесь на несходное съ вашими мыслями распоряженіе, которое имѣло причины не поверхностныя. Соглашаетесь ли вы съ симъ, или продолжаете спорить, прошу пожаловать сказать мнѣ лично" [97]).

XXXIV.

Въ день Преображенія 1861 года, Императоръ Александръ II, вмѣстѣ съ Императрицею, изъ Царскаго Села, предприняли путешествіе въ Крымъ, чтобы „отдохнуть во вновь пріобрѣтенной Ливадіи [98]). До Москвы ихъ сопровождалъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великій Князь Николай Александровичъ.

Въ Москвѣ, Государь простился съ Наслѣдникомъ, который предпринялъ путь свой на востокъ: въ Нижній Новгородъ и Казань.

Мы послѣдуемъ за Наслѣдникомъ и будемъ слѣдить за его первымъ достопамятнымъ путешествіемъ по Россіи.

На другой день, 8 августа, Наслѣдникъ, въ сопровожденіи графа С. Г. Строгонова и О. Б. Рихтера, отправился по желѣзной дорогѣ во Владиміръ. На дорогѣ получена была телеграмма отъ Покровскаго предводителя Дворянства Протопопова, который, отъ лица всѣхъ сословій города Покрова, просилъ дозволенія поднести, по старинному Русскому обычаю, его высочеству хлѣбъ-соль. На эту просьбу послѣдовало соизволеніе. При огромномъ стеченіи народа, исполненъ былъ завѣтный народный обрядъ.

Около полудня (9 августа), поѣздъ прибылъ во Владиміръ. Все населеніе древняго Владиміра встрѣтило августѣйшаго гостя. У входа въ Успенскій соборъ, Наслѣдника встрѣтилъ скромный археологъ Константинъ Никитичъ Тихонравовъ, который показывалъ и объяснялъ Наслѣднику древности соборовъ Успенскаго и Дмитровскаго и монастырей Рождественскаго и Успенскаго или Княгинина. Въ 5 часовъ, у Наслѣдника, въ гостинницѣ, былъ обѣденный столъ,

къ которому былъ приглашенъ также и Тихонравовъ. Въ 11-ть вечера, Наслѣдникъ, по шоссе, отправился въ Нижній Новгородъ.

Въ 8-мъ утра (10 августа), Наслѣдникъ пріѣхалъ въ Вязники и остановился у тамошняго полотнянаго заводчика Елизарова. Послѣ завтрака, августѣйшій путешественникъ поѣхалъ въ дальнѣйшій путь, и во 2-мъ пополудни, прибылъ въ Нижній Новгородъ. Путь лежалъ черезъ ярмарку, на которой въ это время было болѣе двухъ тысячь народу. Наслѣдникъ, въ первый разъ въ жизни своей, увидѣлъ здѣсь народъ, со всѣхъ концовъ Русской Земли собравшійся въ одно мѣсто, для торговой и промышленной дѣятельности. Густыя толпы сопровождали экипажъ его до самого Кремлевскаго дворца. По прибытіи, Наслѣдникъ тотчасъ же отправился пѣшкомъ въ Спасопреображенскій каѳедральный соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ преосвященнымъ Нектаріемъ съ крестомъ и святою водою. Во дворцѣ, Нижегородскій военный губернаторъ Александръ Николаевичъ Муравьевъ представилъ Наслѣднику рапортъ о состояніи губерніи. Послѣ обѣда, къ которому былъ приглашенъ извѣстный писатель и тогда редакторъ *Сѣверной Пчелы* Павелъ Ивановичъ Мельниковъ, его высочество, въ сопровожденіи графа Строгонова, Рихтера и Мельникова, отправился на ярмарку. Съ этого дня Мельниковъ вступилъ въ свиту его высочества, для того, чтобы быть путеводителемъ во время его путешествія и объяснять предметы, достойные вниманія его высочества. Все дальнѣйшее обозрѣніе ярмарки, Нижняго Новгорода, при-Волжскихъ мѣстъ и Казани совершено было по программѣ, предварительно составленной Мельниковымъ, который для этого заблаговременно отправился изъ Петербурга въ Нижній Новгородъ.

Такимъ образомъ, подъ руководствомъ П. И. Мельникова, Наслѣдникъ подробно ознакомился съ Нижегородскою ярмаркою.

На другой день (11 августа), послѣ обѣда, Наслѣдникъ,

съ графомъ Строгановымъ, Рихтеромъ и Мельниковымъ, пѣшкомъ отправился обозрѣвать Кремлевскіе соборы. Сначала обозрѣлъ онъ соборъ Преображенскій. Здѣсь особенное вниманіе обратилъ онъ на рукописное Евангеліе, писанное въ 1408 году, и самъ прочелъ въ немъ выходъ. Въ усыпальницѣ, Наслѣдникъ обошелъ всѣ гробницы великихъ князей Нижегородскихъ, вспоминая у каждой изъ нихъ замѣчательнѣйшіе случаи изъ жизни древнихъ властителей Нижняго Новгорода и Суздаля. Подойдя къ гробницѣ Минина, Наслѣдникъ сталъ на колѣни и молился, а стоявшій за нимъ преосвященный Нектарій читалъ заупокойную молитву. Изъ собора, среди огромной толпы Нижегородцевъ, его высочество подошелъ къ монументу князя Пожарскаго и Минина и, полюбовавшись съ вѣнца Часовой горы великолѣпнымъ видомъ на нижнюю часть города, ярмарку, обѣ рѣки и Заволжье, пошелъ въ Архангельскій соборъ, основанный въ 1221 году и бывшій дворцовою церковью великихъ князей. Здѣсь его высочество особенное вниманіе обратилъ на древній образъ явленія Михаила Архангела Іисусу Навину, написанный въ XV-мъ столѣтіи. Отсюда Наслѣдникъ пошелъ на Кремлевскую стѣну. Здѣсь ему объяснена была Исторія Нижегородскаго Кремля, который изъ всѣхъ Русскихъ кремлей никогда не былъ взятъ непріятелемъ. Здѣсь сѣли въ экипажъ; черезъ Дмитровскіе ворота выѣхали изъ Кремля и пріѣхали въ Благовѣщенскій соборъ, гдѣ соборный протоіерей Лебедевъ встрѣтилъ его высочество съ крестомъ и святою водою, и показывалъ ему древнюю утварь. Особенное вниманіе Наслѣдникъ обратилъ на древній потиръ съ таинственной надписью, которую, по словамъ протоіерея, никто не могъ разобрать. Изъ Благовѣщенскаго собора отправились въ церковь св. Георгія. Архитектура этой церкви, построенной въ 1700 году, посадскимъ человѣкомъ Пушниковымъ, чрезвычайно понравилась Наслѣднику. Въ этой церкви Наслѣдникъ помолился чудотворной иконѣ Смоленской Богородицы, спасшей Нижній отъ чумы—при царѣ Алексѣѣ Ми-

хайловичѣ. Осмотрѣвъ церковь, Наслѣдникъ отправился въ садъ, любуясь здѣсь на Заволжье и на Печерскій монастырь. Изъ сада его высочество, съ графомъ Строгановымъ, отправился къ преосвященному Нектарію.

12 августа, Наслѣдникъ принималъ Нижегородскихъ купцовъ. „Рѣшительно",—замѣчаетъ очевидецъ,—„съ каждымъ изъ купцовъ его высочество изволилъ разговаривать. Послѣ пріема купечества, губернскимъ предводителемъ Дворянства П. Д. Стремоуховымъ представлены были уѣздные предводители. Въ тотъ же день, Наслѣдникъ продолжалъ обозрѣніе ярмарки. На Ивановскомъ съѣздѣ, въ Кремлѣ, онъ остановился у единовѣрческой церкви Сѵмеона Столпника, былъ встрѣченъ духовенствомъ и, при пѣніи *Спаси Господи люди Твоя*, вошелъ въ церковь. Здѣсь представлены ему были: игуменъ Керженскаго монастыря Тарасій и игуменья Осиновскаго монастыря Минодора. Какъ съ нею, такъ и съ престарѣлымъ протоіереемъ Сѵмеоновскимъ, Наслѣдникъ ласково бесѣдовалъ. Проѣхавъ Ивановскія ворота, Наслѣдникъ остановился у часовни, въ которой находится чудотворный образъ Спасителя, особенно чтимый Нижегородцами. Помолившись предъ иконою, онъ, по мѣстному обычаю, пилъ воду изъ родника. На ярмаркѣ, Наслѣдникъ произвелъ сильное впечатлѣніе. Громкое ура! раздавалось по Волгѣ и Окѣ, когда онъ прощался съ рабочими. *До всего доходитъ! Все самъ знать хочетъ! Любитъ мужика Царевичъ!* раздавалось среди пришедшаго въ восторгъ рабочаго народа. *Вотъ молодецъ, такъ молодецъ!*—говорили по сторонамъ—*Хочетъ съ сѣрымъ мужикомъ ознакомиться. Вотъ ужъ прямой Царевичъ!*

Съ хлѣбной пристани Наслѣдникъ отправился въ мечеть. У входа былъ встрѣченъ магометанскимъ духовенствомъ и введенъ въ молитвенную комнату, гдѣ была пропѣта сура изъ корана, послѣ чего ахунъ прочелъ молитву о здравіи Государя и всего августѣйшаго дома, и, кончивъ рукопись, по которой читалъ, поднесъ его высочеству.

13 августа, въ день открытія въ Задонскѣ св. мощей

Святителя Тихона, Наслѣдникъ обозрѣвалъ церковь Св. Духа, находящуюся въ самомъ дворцѣ. Здѣсь его высочество обратилъ особое вниманіе на древнія Новгородскія иконы, принесенныя строителемъ инокомъ XVI вѣка Перфиломъ изъ Новгорода. Послѣ завтрака, его высочеству представлялось пятнадцать человѣкъ Персіянъ, торгующихъ на Нижегородской ярмаркѣ. Послѣ того Наслѣдникъ посѣтилъ Гимназію, и оттуда отправлялся на ярмарку, которую продолжалъ осматривать во всѣхъ подробностяхъ, останавливая преимущественно свое вниманіе на то, что̀ идетъ для потребленія людей бѣдныхъ и особенно крестьянства.

XXXV.

Послѣ обѣда, 13 августа 1861 года, его высочество, въ сопровожденіи графа Строганова и Мельникова, отправился въ село Подновье, верстъ за восемь отъ города, по Казанскому тракту. При поворотѣ съ большой дороги встрѣтили его высочество крестьяне Подновья и сосѣднихъ деревень, и онъ много разговаривалъ съ ними объ ихъ житьѣ-бытьѣ. Подновье славится своими садами. Лодками доставляютъ отсюда на ярмарку плоды и овощи. Кромѣ того, въ Подновьѣ приготовляется крестьянами болѣе тысячи пудовъ варенья на патокѣ, особенно изъ малины. Наслѣдникъ, пробывъ довольно долгое время въ сараѣ, гдѣ варили варенье, разговаривая съ хозииномъ, хозяйкой и работниками, и потомъ осматривалъ фруктовые сады.

Подновье славится также своими солеными огурцами, особенно тѣми, которые солятся въ тыквахъ (табеки). Огурцы эти предпочитаются Нѣжинскимъ. Князь Потемкинъ-Таврическій присылалъ изъ Яссъ нарочныхъ за этими огурцами. Изъ актовъ XVII столѣтія видно, что и тогда Подновскіе крестьяне отличались умѣньемъ солить огурцы, и принадлежа Печерскому монастырю, платили ему оброкъ и огурцами. Этимъ дѣломъ въ Подновьѣ занимался Курановъ. Посѣтивъ послѣд-

няго, его высочество сошелъ въ его погребъ, чистый, устланный по льду соломой.

На вопросъ Наслѣдника: Правда ли, что у Подновскихъ крестьянъ есть секретъ при соленьѣ огурцовъ? Курановъ отвѣчалъ: „Правда, что у насъ есть секретъ, только мы не таимъ его; секретъ нашъ—чистота и опрятность". При его высочествѣ, въ погребѣ Курановъ, посолилъ маленькіе огурцы въ тыквѣ. Наслѣдникъ помогалъ Куранову, подбиралъ падавшіе мимо на скатерть огурцы и клалъ ихъ въ тыкву. Это произвело сильное впечатлѣніе на народъ. Говорятъ, что на другой же день Куранову предлагали сто рублей за тыкву съ огурцами, посоленными его высочествомъ. Но Курановъ не продалъ ея: „Съѣмъ огурцы самъ съ своей семьей",—говорилъ онъ,—„а тыкву высушу и будетъ она беречься у насъ изъ рода въ родъ, какъ сокровище". Войдя въ избу Куранова, Наслѣдникъ положилъ три поклона предъ святыми иконами и, замѣтивъ въ кіотѣ старинные образа, разговаривалъ о нихъ съ хозяиномъ. На набожныхъ хозяевъ и крестьянъ произвели сильное впечатлѣніе слова его высочества о старинныхъ иконахъ: изъ этихъ словъ они узнали, что онъ хорошо изучилъ Русское иконописаніе и его *пошибы*. „*На Божье-то милосердіе дока какой*"! говорили съ истиннымъ умиленіемъ крестьяне. Но еще болѣе удивило ихъ, когда его высочество, взявъ изъ кіота кожаную лѣстовку (четки), сталъ разспрашивать Куранова о значеніи ея, и самъ говорилъ, „что четыре лопасти у лѣстовки знаменуютъ четырехъ Евангелистовъ, обшивка ихъ—Евангельское ученіе и т. д. Разговаривая съ Курановымъ о числѣ бабочекъ на лѣстовкѣ, по которымъ считаютъ при молитвѣ поклоны и произнесеніе словъ: *Господи помилуй*! Наслѣдникъ спросилъ: „Всегда ли на лѣстовкѣ бываетъ одинаковое число бабочекъ"? и получивъ утвердительный отвѣтъ, вынулъ изъ пальто свою лѣстовку, наканунѣ поднесенную ему игуменьей Минодорой, и сталъ сличать ее съ лѣстовкой Куранова. „Нельзя описать",—пишетъ очевидецъ,—„впечатлѣнія, произведеннаго этимъ на народъ, увидѣвшій,

что Наслѣдникъ престола знаетъ и уважаетъ завѣтные Русскіе обычаи. *Русскій! русскій! Настоящій русскій! Слава Тебѣ, Господи!* говорили крестьяне и крестьянки со слезами на глазахъ, многіе набожно крестились. Почти все населеніе Подновья провожало своего гостя до самой большой дороги. Изъ Подновья отправились въ Печерскій монастырь. Въ это время, въ Вознесенскомъ соборномъ монастырскомъ храмѣ служили всенощную. Наслѣдникъ, встрѣченный намѣстникомъ, вошелъ въ церковь и слушалъ Божественную службу. Уже стемнѣло, когда Наслѣдникъ вышелъ изъ церкви. Народъ покрывалъ дворы монастырскіе. Изъ растворенныхъ дверей храма слышалось громкое, протяжное пѣніе монашествующей братіи. Сопровождаемый двумя монахами съ фонарями и Мельниковымъ, Наслѣдникъ обошелъ церковь, поднялся на колокольню и на высотѣ ея, освѣщенный свѣтомъ фонарей, явился передъ народомъ. Раздался звонъ колокола. Народъ смотрѣлъ на это съ умиленіемъ. Съ колокольни Наслѣдникъ прошелъ въ келіи архіерея, который вмѣстѣ съ тѣмъ и священно-архимандритъ Печерскаго монастыря.

Въ бумагахъ Погодина сохранилась слѣдующая его собственноручная замѣтка: „Разсказы о пребываніи Наслѣдника въ Нижнемъ. Строгановъ возбуждаетъ ненависть. При немъ Наслѣдникъ—другой человѣкъ: молчитъ, чинится, заикается. Безъ него—разспрашиваетъ, толкуетъ и пр. Крестьяне хотѣли поднести ему хлѣбъ-соль. Строгановъ не допустилъ. Одинъ крестьянинъ поцѣловалъ его... Строгановъ такъ оттолкнулъ его, что тотъ почти упалъ. Наслѣдникъ купилъ шапку въ одной лавкѣ: прочіе лавочники накидали ему шапокъ полную коляску. Какая прекрасная черта, и оригинальная—въ Европѣ этого не сдѣлали бы. И съ такимъ-то народомъ не умѣютъ управиться“!

Нижегородскій губернскій предводитель Дворянства П. Д. Стремоуховъ замѣтилъ: „Попечитель его высочества, графъ С. Г. Строгановъ, человѣкъ серьезнаго, нѣсколько холерическаго темперамента, представлялъ собою типъ аристократа

стараго закала, съ присущею ему корректностью, вслѣдствіе чего строгій этикетъ соблюдался при особѣ Цесаревича, молодая экспансивость котораго, кажется, находила себѣ исходъ болѣе всего въ тѣсномъ сближеніи съ состоящимъ при немъ и пользовавшимся его дружбою О. Б. Рихтеромъ".

Въ 4 часа по-полуночи, 15 августа 1861 года, пароходъ отвалилъ отъ Нижняго.

Въ числѣ лицъ, провожавшихъ Наслѣдника изъ Нижняго до границы Казанской губерніи, былъ и губернскій предводитель Дворянства П. Д. Стремоуховъ. „Наканунѣ нашего отъѣзда", — вспоминаетъ послѣдній, — „мы уже съ вечера собрались на пароходѣ, гдѣ назначено было ночевать... Простившись съ нами и пожелавъ всѣмъ покойной ночи, Цесаревичъ ушелъ въ свою каюту; удалился къ себѣ и графъ С. Г. Строгановъ. Мы же остальные, соблазнившись идеей Нижегородскаго полиціймейстера Цейдлера, рѣшили съѣздить на ярмарку и поужинать въ ресторанѣ знаменитаго повара Никиты Егорова. Поужинали мы, что называется, на славу и вернулись на пароходъ, когда уже онъ стоялъ совсѣмъ подъ парами... На другой день, поутру, Цесаревичъ, обратившись къ кому-то, сказалъ:

— Однако, поздненько, господа, вы вернулись съ ярмарки; должно быть, вы тамъ таки порядочно кутнули?

— А вашему высочеству завидно? — спросилъ графъ Строгановъ.

Цесаревичъ ничего не отвѣтилъ, только улыбнулся. Во время завтрака, Цесаревичъ обратился къ Стремоухову и заговорилъ о Дворянствѣ и выразилъ удивленіе по поводу той розни въ средѣ нашего Дворянства, о которой ему приходилось слышать, и прибавилъ: „Остзейскій край въ этомъ отношеніи, кажется, представляетъ совсѣмъ другое явленіе. Когда я былъ въ Ригѣ, на меня произвело пріятное впечатлѣніе дружное согласіе тамошняго Дворянства. Какое у нихъ единодушіе! Какая сплоченность, какой ésprit de corps"!

— Когда ваше высочество будете императоромъ, — замѣтилъ графъ Строгановъ, — будете говорить иначе...

Послѣдовало молчаніе; разговоръ о Дворянствѣ уже не продолжался...

Въ 9-ть утра, пароходъ присталъ къ пристани у села Исадъ, Макарьевскаго уѣзда. Встрѣченный земскимъ исправникомъ Вараввою, его высочество, со свитою, сѣлъ въ экипажъ и отправился въ богатое и обширное село Лысково, знаменитое своею промышленностью, а особенно хлѣбной пристанью. Съ громкими криками ура! народъ сопровождалъ экипажъ Наслѣдника до соборной Спасопреображенской церкви, у которой протоіерей встрѣтилъ его съ крестомъ и святою водою. Послѣ молебствія, совершеннаго духовенствомъ всѣхъ осьми церквей села, Наслѣдникъ ѣздилъ по улицамъ Лыскова и по обширнымъ его базарамъ и пріѣхалъ въ домъ помѣщицы села Лыскова графини Толстой, урожденной княжны Грузинской, супруги оберъ-прокурора Св. Сѵнода графа А. П. Толстого. Здѣсь крестьяне поднесли его высочеству хлѣбъ-соль. Проѣзжая по одной улицѣ, онъ зашелъ въ домъ небогатаго и престарѣлаго крестьянина и въ подробности осматривалъ бытъ, какъ домохозяина, такъ и его постояльцевъ, калашниковъ. На пароходѣ Наслѣдникъ отправился въ дальнѣйшій путь въ Казань.

Желая ознакомиться съ бытомъ Чувашъ, Наслѣдникъ сѣлъ въ лодку, переѣхалъ на берегъ и пѣшкомъ вошелъ въ деревню Чакуры, обитаемую Чувашами. На первый разъ, неузнанный обитателями, онъ вошелъ въ первую съ края избу. Она была черная, неопрятная, какъ почти всѣ Чувашскія избы. Осмотрѣвъ внутренность ея, его высочество осматривалъ въ открытыхъ сѣняхъ разную домашнюю утварь и нарядъ Чувашекъ. Въ другой избѣ, по осмотрѣ внутренняго ея устройства, Наслѣдникъ осматривалъ домашнія службы, телѣги и сани, хмѣльникъ, пчельникъ, сараи и проч. Въ то время, когда его высочество находился во второй избѣ, Чакурскіе Чуваши, узнавъ, кто такой гость ихъ, надѣли чистыя, праздничныя рубахи и собрались всѣ до единаго посмотрѣть на Государя Наслѣдника. Его высочество прошелъ черезъ всю деревню,

одѣляя изъ своихъ рукъ всѣхъ женщинъ и дѣтей серебряными монетами, зашелъ еще въ одну Чувашскую избу и изъявилъ желаніе, чтобы женщины спѣли Чувашскую пѣсню... Долго Чувашки стыдились и не хотѣли пѣть, наконецъ одна за другою стали уходить въ сѣни и тамъ запѣли Чувашскую мелодію безъ словъ. Подъ звуки Чувашскаго пѣнія, Наслѣдникъ возвратился на пароходъ. Вся деревня провожала его. Была удивительная картина, когда, вслѣдъ за Наслѣдникомъ, по узкой дорожкѣ спускалась подъ гору большая толпа мужчинъ и женщинъ, всѣ въ бѣлыхъ нарядахъ. Когда его высочество вошелъ на пароходъ, всѣ женщины стали на колѣни и безпрестанно кланялись въ землю, а за ними стояли мужчины, не кланяясь.

XXXVI.

16-го августа 1861 года, пароходъ присталъ къ Казанской пристани. По прибытіи въ Казанскій Кремль, его высочество прошелъ прямо въ Благовѣщенскій соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ архіепископомъ Казанскимъ Аѳанасіемъ съ крестомъ и святою водою. Въ губернаторскомъ домѣ его высочеству представлены были живущіе въ предѣлахъ Казанской губерніи Татары, Мордва, Чуваши, Черемисы и Вотяки.

Въ Казани, Наслѣдника занимало почти исключительно: утромъ — университетскія и академическія лекціи, а вечеромъ—заводы.

На другой день, послѣ ранняго завтрака, Наслѣдникъ, съ графомъ С. Г. Строгановымъ, О. Б. Рихтеромъ и П. И. Мельниковымъ, отправился въ Университетъ, на лекціи. Здѣсь онъ былъ встрѣченъ попечителемъ Казанскаго Учебнаго Округа княземъ Павломъ Петровичемъ Вяземскимъ. Прошли въ церковь, а оттуда въ аудиторію профессора Физіологіи Овсянникова, гдѣ слушалъ лекцію *о крови*. Послѣ лекціи Физіологіи, его высочество отправился на лекцію Физики, которую читалъ профессоръ Больцини, *о волнахъ*. На лекціяхъ Наслѣд-

никъ садился не на приготовленныя для него кресла, но всегда на студентскія скамейки. Вечеромъ, Наслѣдникъ кушалъ чай съ лицами, состоящими въ его свитѣ и съ попечителемъ Казанскаго Учебнаго Округа княземъ Вяземскимъ. Весь вечеръ разговоръ шелъ объ Университетѣ и о студентахъ, причемъ его высочество не разъ говорилъ, что очень желательно, чтобы въ нашихъ университетахъ было какъ можно болѣе достойныхъ профессоровъ и какъ можно болѣе студентовъ.

18-го августа, послѣ ранняго завтрака, его высочество опять отправился въ Университетъ для слушанія лекцій. Сначала онъ былъ въ аудиторіи профессора Уголовнаго Права Чебышева-Дмитріева, и выслушалъ лекцію *о значеніи уголовнаго наказанія*. Поблагодаривъ профессора и „обласкавъ“ его, Наслѣдникъ перешелъ въ аудиторію профессора Чистой Математики А. Попова, слушалъ у него вступительную лекцію *о варіаціонномъ счисленіи*. Послѣ того, Наслѣдникъ, въ аудиторіи профессора Булича, слушалъ лекцію Эстетики: *О вліяніи христіанства на искусство*. Благодаря Булича, его высочество изволилъ замѣтить, что ему было очень пріятно, слушать то, что онъ говорилъ о Византійской школѣ, и это было тѣмъ болѣе ему пріятно, что напоминало ему профессора Московскаго Университета Буслаева и его лекціи, которыя онъ преподавалъ Наслѣднику. Простившись съ профессорами и студентами, Наслѣдникъ оставилъ Университетъ. Вообще Казанскій Университетъ произвелъ на Наслѣдника самое пріятное впечатлѣніе: и въ Казани, и послѣ отъѣзда изъ этого города онъ часто вспоминалъ о пріятныхъ и „съ тѣмъ вмѣстѣ поучительныхъ часахъ, которые онъ провелъ на студентской скамейкѣ“.

Изъ Университета его высочество отправился въ Духовную Академію, гдѣ выслушалъ двѣ лекціи: профессора Порфирьева — *о началѣ письменности у Славянъ*, и профессора Обличительнаго Богословія, архимандрита Хрисанѳа, *о взглядѣ Евреевъ на Христіанство*. По окончаніи лекцій, его высочество осматривалъ Соловецкую Библіотеку.

Послѣ обѣда, Наслѣдникъ посѣтилъ соборную мечеть, въ которой совершалось вечернее Богослуженіе. Послѣ обычной молитвы, старшій мулла прочиталъ молитву о царствующемъ домѣ и рукопись, по которой читалъ, поднесъ его высочеству. Въ тотъ же день, Наслѣдникъ посѣтилъ Татарскія слободы, съ цѣлью посмотрѣть бытъ бѣдныхъ и богатыхъ Татаръ. Для того, чтобы посмотрѣть на бѣдныхъ, Наслѣдникъ поѣхалъ въ Новую Татарскую Слободу, гдѣ осматривалъ два дома: одинъ ветхій, деревянный, другой — маленькую лачугу, обмазанную глиной, съ прогнившей крышею. Бѣдность бросалась въ глаза, хотя и въ томъ, и другомъ домѣ грѣлись самовары для чаю. Особенное впечатлѣніе на Наслѣдника произвела чистота Татарскихъ жилищъ и опрятность, соблюдаемая даже и бѣдняками. Изъ Новой Татарской слободы отправились въ домъ богатаго татарина, почетнаго гражданина Юнусова. Но домъ этого татарина, кромѣ спальни, былъ убранъ по-Европейски. Оттуда Наслѣдникъ отправился прямо на пароходъ, гдѣ военный губернаторъ Козляниновъ и попечитель Учебнаго Округа князь Вяземскій, пили у Наслѣдника чай и потомъ откланялись его высочеству.

19-го августа, въ 5-ть по-полуночи, пароходъ отвалилъ отъ берега.

По свидѣтельству очевидцевъ, „во все время пребыванія Государя Наслѣдника въ Нижнемъ Новгородѣ и въ Казани, лица всѣхъ сословій и состояній обращались къ нему съ просьбами, подносили свои рукодѣлья, произведенія разныхъ ремеслъ и т. п. Каждый день можно было видѣть во дворцѣ то рыбака съ парою стерлядокъ, то крестьянку съ лукошкомъ малины или съ кускомъ холста, то мѣщанку съ парою чулокъ. Каждый подарокъ Наслѣдникъ принималъ съ любовію, привѣтливо относился къ подносившимъ, благодарилъ ихъ. Само собою разумѣется, что каждый, кто ни подносилъ его высочеству какую-либо вещь, не оставался безъ щедраго вознагражденія [99]).

Прочитавъ въ газетахъ описаніе путешествія Наслѣдника

Цесаревича въ Нижній и Казань, В. А. Мухановъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „У молодаго человѣка жажда къ Наукѣ. Статья о его путешествіи написана въ демократическомъ тонѣ передовымъ изъ передовыхъ Мельниковымъ“ [100]).

Въ полдень, 22-го августа 1861 года, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ возвратился въ Москву. Сюда же прибыли, изъ Петербурга, его братья, великія князья: Александръ Александровичъ и Владиміръ Александровичъ.

Въ день священнаго коронованія, Наслѣдникъ, съ своими братьями, молился въ Успенскомъ соборѣ.

Предъ церковными вратами, онъ былъ встрѣченъ митрополитомъ Филаретомъ и привѣтствованъ владыкою слѣдующею рѣчью:

„Благовѣрный Государь!

Съ радостію пріемлемъ тебя, какъ вожделѣннаго участника въ царственномъ праздникѣ, не забывая въ то же время, что встрѣчаемъ тебя, какъ путешественника.

Ты обозрѣвалъ часть Россіи: взоры и надежды Россіи слѣдовали за тобою.

Разумѣемъ, что предметъ твоего путешествія—не удовольствіе, но трудъ; не удовлетвореніе любопытства разнообразными видами мѣстъ и людей, но изученіе Отечества.

По-истинѣ, надобно довольно знать страну и народъ, чтобы удовлетворительно управлять ими.

По сей истинѣ, ты рано собираешь сѣмена знаній и опытовъ для себя, чтобы они впослѣдствіи принесли плодъ для Россіи.

Господь благими судьбами Своими да ведетъ къ вѣрному исполненію твои благія желанія и благія о тебѣ надежды Отечества.

Теперь же, вниди съ нами въ радость твоихъ боговѣнчанныхъ родителей и въ общеніе Всероссійской молитвы, да продлится благословеніе свыше надъ Царемъ и Царствомъ“.

По входѣ въ соборъ, началась божественная Литургія, которую совершалъ Филаретъ, и потомъ благодарственный мо-

лебенъ. По окончаніи молебствія, митрополитъ благословилъ Наслѣдника иконою.

На другой день, великіе князья Александръ Александровичъ и Владиміръ Александровичъ уѣхали въ С.-Петербургъ.

Въ Александровъ день, Наслѣдникъ слушалъ Божественную Литургію, совершенную Филаретомъ, въ Успенскомъ соборѣ, и обѣдалъ у Московскаго генералъ-губернатора.

Въ Москвѣ Наслѣдникъ предполагалъ, также какъ и въ Казани, посвятить все время на слушаніе лекцій въ Университетѣ; но благому намѣренію его не суждено было исполниться [101]).

По свидѣтельству профессора Московскаго Университета С. В. Ешевскаго, „всѣ знали, что Наслѣдникъ Цесаревичъ намѣренъ слушать лекціи Юридическаго и Историко-Филологическаго Факультетовъ. Онъ былъ на лекціяхъ въ Казанскомъ Университетѣ, благосклонно обходился съ студентами, помогъ деньгами одному изъ нихъ. И жилъ въ Москвѣ, ожидая 1-го сентября, когда должны были начаться лекціи. Конфиденціальнымъ письмомъ ректоръ Университета увѣдомилъ, еще гораздо прежде, профессоровъ о желаніи Наслѣдника слушать лекціи, и Московское высшее общество сильно волновалось, предвидя бѣдственныя послѣдствія отъ сближенія будущаго Государя съ Университетомъ и старалось всѣми силами помѣшать этому. Со 2-го сентября должны были начаться посѣщенія Наслѣдникомъ университетскихъ лекцій, и наканунѣ попечитель увѣдомилъ секретаря и нѣкоторыхъ профессоровъ о намѣреніи Наслѣдника быть у нихъ въ этотъ день, 2-го сентября. Но Наслѣдника, вмѣсто Университета, увезли въ Петербургъ. Московскіе тузы торжествовали, а студенты были оскорблены недовѣріемъ къ нимъ“ [102]).

XXXVII.

Проводивъ Наслѣдника въ Петербургъ, послѣдуемъ за Государемъ на югъ.

Въ день пріѣзда своего въ Москву (7 августа 1861), Государь, со станціи желѣзной дороги, отбылъ изъ Москвы по Тульскому тракту.

Въ 11-ть по-полудни, прибылъ въ Тулу. На другой день (8 августа), Государь молился въ каѳедральномъ соборѣ и былъ привѣтствованъ епископомъ Тульскимъ Алексѣемъ рѣчью, по поводу которой писалъ ему митрополитъ Московскій Филаретъ: „Прочиталъ я ваше слово. Въ немъ есть сила и примѣненіе къ обстоятельствамъ. Но я не сталъ бы просить позволенія говорить, когда уже давно отвыкли слушать. Поучать Государя при народѣ не очень удобно; а народъ поучать можно и въ отсутствіи Государя. Не рѣшился бы я также много говорить въ похвалу Государя въ лицо ему, ибо слушать подобное тяжело... На вашемъ мѣстѣ я говорилъ бы меньше. Иное дѣло, что я говорю Государю въ Москвѣ и вскорѣ потомъ въ Лаврѣ. Здѣсь такъ это утвердилось обычаемъ, что мое молчаніе было бы понято непріятнымъ образомъ“ [103]).

Въ тотъ же день, въ Тулѣ, Государь принималъ предводителей Дворянства, которымъ сказалъ: „Господа! Я изъявилъ благодарность Дворянству въ манифестѣ за то добровольное пожертвованіе, которое оно принесло и которымъ пособило мнѣ, съ Божіею помощью, совершить великое дѣло; теперь снова повторяю эту благодарность. Прежнія отношенія ваши къ вашимъ крестьянамъ прекращены, къ нимъ возвратиться болѣе нельзя; но то положеніе, которое мною установлено взамѣнъ стараго порядка, должно приводиться въ исполненіе добросовѣстно, къ упроченію быта владѣльцевъ и крестьянъ. Я надѣюсь, что вы мнѣ въ этомъ поможете; надѣюсь, что

Дворянство и въ этомъ дѣлѣ выкажетъ себя такимъ же, какимъ оно было всегда, то есть, точнымъ исполнителемъ воли Государя" [104]).

Затѣмъ, Государь продолжалъ свой путь на Орелъ, Курскъ, Харьковъ, и 14 августа прибылъ въ Полтаву. Императрица Марія Александровна пробыла въ Харьковѣ двое сутокъ. „Затишье Харькова",—писалъ профессоръ Харьковскаго Университета П. А. Лавровскій къ профессору Московскаго Университета О. М. Бодянскому, 9 августа 1861 года,—„нарушилось только пріѣздомъ Императрицы. Встрѣча была изумительно восторженная: народъ въ теченіе двухъ сутокъ не сходилъ съ улицъ, и неистово шумное ура не давало покоя ни днемъ, ни поздно иечеромъ, когда Государыня прогуливалась по великолѣпно освѣщенному городу. Едва ли можно объяснить подобный энтузіазмъ народный чѣмъ инымъ, кромѣ всеобщей молвы, что Императрица принимала живое участіе въ дѣлѣ освобожденія. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаетъ народъ" [105]).

Въ Полтавѣ, Государь сдѣлалъ внушеніе волостнымъ старшинамъ, которое было вызвано распространенными среди крестьянскаго населенія толками о земельномъ передѣлѣ. „Ко мнѣ доходятъ слухи",—строго замѣтилъ Государь,—„что вы ожидаете другой воли. Никакой другой воли не будетъ, какъ та, которую я вамъ далъ. Исполняйте чего требуетъ законъ и положеніе! Трудитесь и работайте! Будьте послушны властямъ и помѣщикамъ" [106])!

19 августа 1861 года, Государь и Императрица прибыли въ Одессу, и 22 августа, на пароходѣ *Тигръ*, поплыли въ Севастополь, куда на другой день и прибыли.

Въ путешествіи Императрицу Марію Александровну сопровождала фрейлина А. Ѳ. Тютчева. Погодинъ вручилъ ей свою записку о Крымѣ.

Прочитавъ записку, Тютчева писала Погодину: „Благодарю васъ за записку. Мнѣ очень хотѣлось читать самый дневникъ. Не можете ли вы мнѣ указать какой-нибудь путеводи-

тель или описаніе Крыма, не слишкомъ пространное, но достаточное, съ короткимъ и яснымъ описаніемъ мѣстностей и съ необходимыми свѣдѣніями о историческомъ и географическомъ ихъ значеніи". По поводу самой же записки, Тютчева писала Погодину:—„Я смѣялась, читая вашу записку. Вы ругаете всѣхъ, что они не ѣдутъ въ Крымъ, а насъ всѣ ругаютъ, что мы ѣдемъ въ Крымъ. Говорятъ, что мы окончательно разоримъ страну. Никому не угодишь. Приходится часто думать о баснѣ мельника и сына его съ осломъ. Что не предпринимаешь, все не такъ, и люди все бранятъ! Прощайте, кланяйтесь графинѣ Блудовой; я очень скучаю безъ нея".

Прибывъ въ Севастополь, августѣйшіе посѣтили соборъ, и присутствовали при закладкѣ храма во имя св. Владиміра, на развалинахъ древняго Херсонеса. Потомъ Государь объѣзжалъ верхомъ бывшую оборонительную линію, въ подробности осматривалъ остатки 4-го и 5-го бастіоновъ редутовъ Шварца и Корниловскаго. Послѣ обѣда, на пароходѣ, ихъ величества пріѣхали на Сѣверную сторону, посѣтили кладбище, слушали на ономъ панихиду по погребенномъ тамъ князѣ М. Д. Горчаковѣ и по всѣхъ *за Вѣру, Царя и Отечество, при славной оборонѣ Севастополя, животъ свой положившихъ*. Послѣ сего отправились на ночлегъ въ Бахчисарай, оттуда, на другой день, 24-го, совершили поѣздку въ Успенскій монастырь и въ Чуфутъ-Кале, а къ обѣду возвратились въ Севастополь, гдѣ имѣли почлегъ. По дорогѣ Государь осматривалъ мѣсто Инкерманскаго сраженія [107]).

Изъ Ливадіи, 9 сентября 1861 года, Государь предпринялъ путешествіе на Кавказъ. Передъ отъѣздомъ, онъ получилъ изъ Дрездена письмо отъ князя А. И. Борятинскаго, который писалъ: „По моему разсчету, вы получите это письмо въ то время, когда ступите ногою на Кавказскую землю. Позвольте мнѣ присоединить и мой радостный голосъ къ шумнымъ и горячимъ привѣтствіямъ, несущимся къ вамъ на встрѣчу. У меня сжимается сердце при мысли, что въ эту дорогую для меня торжественную минуту, я далеко отъ васъ, вмѣ-

сто того, чтобы въ избыткѣ счастья выйдти къ вамъ на встрѣчу. Вы легко поймете, какія чувства я теперь переживаю здѣсь, въ Дрезденѣ. Завтра, въ день вашего тезоименитства, я вознесу къ небу мои горячія молитвы. Мнѣ грустно, что въ этотъ великій день я не буду на Кавказѣ, гдѣ я такъ любилъ чествовать его въ кругу своихъ" [108]).

Государь объѣхалъ Кубанскую область, посѣтилъ Сухумъ-Кале, Поти, и затѣмъ, 23 сентября, прибылъ въ Кутаисъ. Здѣсь Государь принималъ съѣхавшихся въ большомъ числѣ Дворянъ Грузіи и Имеретіи, Мингреліи и Гуріи, а также депутатовъ Закавказскихъ мусульманскихъ провинцій; потомъ Государь слушалъ въ соборѣ Литургію, совершенную преосвященнымъ экзархомъ Грузіи. Дурная погода помѣшала приготовленному за городомъ народному празднику.

29 сентября, Государь отправился въ обратный путь по Ріону. Въ Поти имѣлъ ночлегъ, и 26-го, на пароходѣ *Тигръ* поплылъ въ Ливадію [109]).

Князь А. И. Борятинскій, изъ Дрездена, внимательно слѣдилъ за путешествіемъ Государя по Кавказу. „Полученные мною цѣлые томы",—писалъ онъ,—„заключаютъ въ себѣ самое точное описаніе вашего пребыванія на Кавказѣ, и мнѣ извѣстны теперь всѣ его мельчайшія подробности. Позвольте мнѣ сослаться на одну фразу князя Орбеліани, характеризующую произведенное вами на армію впечатлѣніе. „Можно сказать съ увѣренностію",—пишетъ князь Орбеліани, —„что Государь остался на столько же очарованнымъ своимъ путешествіемъ по Кубанской области, на сколько онъ очаровалъ своимъ присутствіемъ и словами Кавказскую армію". Ни у кого нѣтъ этой способности быть до такой степени ласковымъ и такъ умѣть сердечно говорить съ людьми, какъ у васъ... Однимъ словомъ, результатъ путешествія и вашего появленія въ этой сторонѣ, среди доблестнаго войска, положительно неизмѣримъ; тамъ не знаютъ, какъ благословлять небо, пославшее вамъ эту мысль" [110]).

Возвращеніе свое въ столицу Государь ускорилъ, вслѣд-

ствіе полученнаго извѣстія о серьезныхъ безпорядкахъ, произведенныхъ студентами С.-Петербургскаго Университета [111]).

17 октября 1861 года, В. А. Мухановъ, во время пребыванія своего въ Москвѣ, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Визитъ къ князю Н. И. Трубецкому, который показывалъ нѣсколько телеграмъ относительно пріѣзда Государя; по послѣдней, Императоръ будетъ между 6 и 8 часами; требуютъ ужинъ съ кулебякой и поросенкомъ съ кашею" [112]).

На другой день, т.-е., 18 октября 1861 года, Государь прибылъ въ Царское Село [113]).

XXXVIII.

1861 годъ, съ его университетскими смутами, представляетъ мрачную страницу въ Исторіи Русскаго Просвѣщенія. Люди проницательные предвидѣли эти смуты; но ихъ голосъ замиралъ въ пустынѣ и предсказанія ихъ не были приняты во вниманіе.

„Послѣ Севастопольской войны",—повѣствуетъ В. В. Григорьевъ,—„неожиданно разрушившей разные призраки, въ которые вѣровало Русское общество, наступилъ для него періодъ новыхъ заблужденій, еще болѣе обманчивыхъ, нежели прежнія. Одно изъ этихъ заблужденій заключалось въ томъ, что родившійся позже, тѣмъ самымъ умнѣе родившагося ранѣе, что знаніе можно и должно достигать безъ усилій, и что для приложенія его къ жизни не требуется умственной зрѣлости, обусловливаемой опытомъ, а достаточно одной доброй воли. Философія такого рода, проповѣдывавшаяся въ нѣкоторыхъ журналахъ и на торжественныхъ обѣдахъ, дававшихся по разнымъ случаямъ, не могла не приттись по сердцу юнымъ поколѣніямъ и не сбить съ толку наиболѣе пылкихъ и наименѣе разсудительныхъ изъ нихъ. Находились даже такіе *передовые люди*, которые, не довольствуясь зарождавшимися стремленіями учащихся къ невозможной для нихъ самостоятельности, считали добрымъ дѣломъ не только по-

такать этимъ неразумнымъ стремленіямъ, но и вызывать ихъ. Послѣдствіемъ такого отношенія старшихъ поколѣній къ младшимъ, явилось то, что въ гимназіяхъ пріобрѣтеніе положительныхъ свѣдѣній стало, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, замѣняться *развитіемъ*, а въ университетахъ студенты, вмѣсто того, чтобы работать по указаніямъ профессоровъ, принялись разсуждать о преобразованіяхъ и устройствахъ, и затѣвать разныя предпріятія, которыя свидѣтельствовали бы о ихъ совершенной умственной зрѣлости, а потому и гражданской полноправности.

Въ нашемъ (т.-е. Петербургскомъ) Университетѣ такое вовлеченіе студентовъ въ область общественной жизни и дѣятельности началось публичными *музыкальными упражненіями*. Изъ искусствъ преподавалось въ Университетѣ сначала одно рисованіе. Потомъ, послѣ преобразованій по уставу 1835 г., начали обучать казеннокоштныхъ воспитанниковъ, жившихъ въ Университетѣ, какъ танцамъ, такъ и музыкѣ. Любители послѣдней изъ студентовъ, естественно, стали сходиться вмѣстѣ, чтобы разыгрывать сообща тѣ или другія музыкальныя произведенія. Временемъ для этого избрано было воскресенье, послѣ обѣдни. Постепенно, съ увеличеніемъ числа студентовъ въ Университетѣ, сборища эти становились многочисленнѣе и многочисленнѣе. Ихъ стали посѣщать и постороннія лица, интересовавшіяся успѣхами молодыхъ людей, или желавшія принять участіе въ ихъ упражненіяхъ. Въ началѣ 1847 г., устроенъ былъ первый публичный концертъ съ участіемъ постороннихъ артистовъ, съ благотворительною цѣлью: сборъ за расходами пазначался на вспомоществованіе наиболѣе недостаточнымъ изъ студентовъ. Устройствомъ этого и дальнѣйшихъ концертовъ, равно какъ и расходованіемъ сбора, по назначенію, завѣдывалъ до 1859 года инспекторъ студентовъ Фицтумъ-фонъ-Экстедтъ, большой любитель музыки: стараніями его публичные концерты университетскіе сдѣлались одними изъ наиболѣе любимыхъ и наиболѣе посѣщаемыхъ лучшимъ столичнымъ обществомъ.

Далѣе, въ 1856 году, родилась у нашихъ студентовъ

мысль издавать особый *Студентскій Сборникъ*, въ которомъ помѣщались бы ихъ учено-литературные труды. Мысль эта — читаемъ въ предисловіи къ *Сборнику* — явилась вслѣдствіе живо сознаннаго убѣжденія, что пришло время университетскому юношеству *сказать свое слово*. Результатомъ явился, въ 1857 году, первый выпускъ этого *Сборника*, а въ 1860 — второй. Изданіе *Сборника* повело, въ свою очередь, къ устройству, съ конца 1857 года, *Кассы бѣдныхъ студентовъ*. Завѣдывать ею должны были студенты-редакторы *Сборника*, совмѣстно съ депутатами изъ студентовъ же, избиравшимися каждымъ факультетомъ. Источниками же ей должны были служить: 1) взносы со стороны достаточныхъ студентовъ, 2) сборъ, доставляемый студентскими концертами въ университетской залѣ. Вслѣдствіе этого положенія о студентскихъ концертахъ, завѣдываніе ими перешло, съ 1859 года, отъ инспектора къ студентамъ-редакторамъ и депутатамъ. Но какъ оба означенные источника оказывались недостаточными сравнительно съ потребностью въ пособіяхъ, то студенты обратились къ профессорамъ, съ просьбою содѣйствовать ихъ доброму дѣлу чтеніемъ въ Университетѣ *публичныхъ лекцій*, сборъ за которыя долженъ былъ увеличивать средства *Кассы*. Многіе изъ профессоровъ тотчасъ изъявили согласіе. Не было, казалось бы, ничего предосудительнаго въ томъ, что любители музыки изъ студентовъ соединялись по нѣсколько разъ въ годъ, чтобы давать публичные концерты въ пользу недостаточныхъ товарищей своихъ; мысль печатать лучшія изъ студентскихъ работъ, была очень хорошею мыслію, такъ какъ между работами этими встрѣчаются нерѣдко весьма замѣчательныя; добрымъ дѣломъ, повидимому, была и забота студентовъ объ устройствѣ вспомогательной Кассы для наиболѣе нуждающихся изъ нихъ. Но все это дѣлалось, къ сожалѣнію, такъ, что приносило болѣе вреда, чѣмъ пользы. Хлопоты по устройству концертовъ, хлопоты по изданію *Сборника*, хлопоты по дѣламъ *Кассы* велись съ такою тратою времени на совѣщанія по всѣмъ этимъ предметамъ, что отымали возмож-

ность заниматься какъ бы слѣдовало прямымъ ихъ дѣломъ—работою по предметамъ университетскаго преподаванія. Но, мало того, что непроизводительнымъ образомъ тратилось время на всѣ помянутыя затѣи, имѣли онѣ еще и то печальное вліяніе, что пріучали университетскую молодежь смотрѣть на хлопоты по осуществленію ея предпріятій, какъ на нѣчто весьма серьезное, пріучали принимать слова и суетню за дѣло, и такимъ образомъ, мельчили и принижали въ нихъ нравственное и гражданское чувство, раздувая въ то же время мелочное тщеславіе самолюбивыхъ, и какъ бы оправдывая въ нерадивыхъ отвращеніе ихъ отъ настоящей работы. Въ заключеніе, не доказали студенты всѣми означенными предпріятіями и той зрѣлости на дѣло, какую предполагали въ себѣ: всѣ предпріятія эти повели они до того по-юношески, что онѣ пали наконецъ въ ихъ рукахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, студенты, въ силу той же воображаемой зрѣлости своей, стали считать себя въ правѣ выражать въ аудиторіяхъ знаки своего одобренія—рукоплесканіемъ или неодобренія — шиканіемъ, свистомъ и тому подобными демонстраціями.

Въ предупрежденіе столкновеній, которыя стали происходить у студентовъ съ полиціею и вообще мѣстными властями, объявлено было имъ, по высочайшему повелѣнію, что внѣ университетскихъ зданій, студенты пользуются правами наравнѣ съ прочими гражданами, и подчиняются полицейскимъ установленіямъ и надзору полиціи на общемъ основаніи.

Въ гимназіяхъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ уровень преподаванія понизился между тѣмъ до такой степени, что пріемныя, въ 1859 году, испытанія на вступленіе въ Университетъ, признано было нужнымъ произвести со всею возможною строгостью: испытанія эти производились въ Университетѣ тремя особыми для того коммисіями, состоявшими, подъ предсѣдательствомъ профессоровъ, изъ учителей пяти тогдашнихъ Петербургскихъ гимназій.

Безпорядки разнаго рода, продолжавшіе увеличиваться во

всѣхъ университетахъ, вызвали высочайшее повелѣніе 31 мая 1861 года, коимъ, между прочимъ, форменная одежда, обязательная дотолѣ для студентовъ, была отмѣнена, съ воспрещеніемъ притомъ носить какіе-либо знаки отдѣльныхъ народностей или товариществъ и обществъ".

26 февраля 1861 года, митрополитъ Московскій Филаретъ писалъ Антонію: „Слышите ли о самоуправленіи студентовъ Московскаго Университета? Они сказали: хотимъ устроить воскресныя школы. Начальство безусловно повиновалось сему. Но потомъ усмотрѣно, что иные изъ нихъ учатъ недоброму, и положено учредить надзоръ. Студенты сказали: не хотимъ надзора; а если хотятъ надзоръ, мы оставляемъ дѣло. Начальство и противъ сего не оказало неповиновенія".

„Можетъ быть",—писалъ Т. И. Филипповъ Погодину,—„я годился бы въ Университетъ; но не считаю себя и здѣсь (въ Св. Сvнодѣ) не у мѣста, особенно теперь когда работы довольно. Занятія мои вовсе не судебныя; онѣ не далеки отъ литературной или ученой сферы. Я здѣсь узналъ много, чему вовсе не учитъ Университетъ или Литература и что весьма однако необходимо человѣку знать, чтобы не врать вздору. Не хочу сказать, чтобы представители и предстоятели духовенства были въ уровень съ своимъ призваніемъ, но если бы это было такъ, тогда какое вѣдомство или какой родъ службы могъ бы представить такъ много важнаго и любопытнаго: что ни шагъ, то возникаютъ вопросы самые живые и безпредѣльно важные во всѣхъ смыслахъ, такъ что и примѣриться къ нимъ, и то ужъ любопытно. Хоть въ *мечтѣ* съ ними повозиться, и то пріятно. Вѣдь и Университетъ, нынѣшній, я разумѣю, и Московскій,—о другихъ и рѣчи нѣтъ,—будто достоинъ своего призванія? Позвольте спросить, Бабетъ, Ешевскій и еще кто-нибудь имъ подобный, будто это такого рода люди, въ общество которыхъ такъ лестно вступить? Вѣдь отъ того, что они довольно много и довольно бойко пишутъ, и что ихъ за это хвалятъ,—поумнѣе человѣкъ не растеряется и дастъ имъ настоящую

цѣну; такихъ геніевъ въ Европѣ продаютъ на грошъ три. Еще важнѣе безлюдья—университетское направленіе; я не хочу порицать свободомыслія студентовъ, ибо молодой человѣкъ, не бывшій никогда либеральнымъ, есть такая мерзость, хуже которой ничего нельзя и вообразить. Кромѣ того, расширеніе свободы въ Россіи есть такая крайняя необходимость, которой удовлетворять надобно немедленно. Однако, если свободу будутъ подавать съ такой гадкой приправой, то чортъ ли въ ней? Развѣ свобода есть что-либо наглое и безпорядочное? Развѣ съ нею сопрягается непремѣнно отрицаніе вѣры и даже естественной нравственности? Развѣ общая свобода не есть узы каждаго частнаго лица и частной корпораціи? Развѣ эта растрепанная (въ смыслѣ нравственномъ) молодежь, которую мнѣ случалось видѣть въ авдиторіяхъ С.-Петербургскаго Университета, хлопающая каждой пошлой фразѣ... и дерзкая съ другими немодными профессорами, развѣ это дѣти свободы? Свобода есть безпристрастная рѣшимость дѣлать добро и говорить правду, не уступая ни страху власти, ни „народа множеству“ (это одинъ изъ обѣтовъ, содержащихся въ архіерейской присягѣ): *не убойтеся отъ могущихъ тѣло убити.* Свобода предполагаетъ самообладаніе и кротость: никто не бываетъ такъ смѣлъ, какъ смиренный. Нѣтъ! университеты не могутъ назваться убѣжищами той высокой и всякому благородному человѣку дорогой, какъ дыханіе, свободы, которой духъ такъ необходимъ Россіи. Вѣдь тамъ въ чести даже Бѣлинскій; какое униженіе умственнаго уровня! Какое малое знакомство съ тѣмъ, что такое дѣйствительно замѣчательный человѣкъ. Представителямъ мысли въ Россіи надобно бы очень позаботиться о исправленіи университетскаго направленія, дабы не испытать намъ остервенѣлаго и дикаго нападенія враговъ всякаго добра и правды, друзей III Отдѣленія: реакція мнѣ мерещится вдали и сжимаетъ ужасомъ мое сердце. Простите мои exprompta; когда садился за письмо, не думалъ писать объ этомъ; но съ голоду—поговорить не съ кѣмъ—разболтался“.

Другой современникъ, еще болѣе мрачными красками рисуетъ тогдашнее нравственное состояніе университетовъ нашихъ. „Глядя на все происходящее,“ —пишетъ онъ,— „можно ли вообразить хоть на минуту, что наша многочисленная университетская молодежь думаетъ хоть капельку о Наукѣ, объ ученьѣ? Слишкомъ смѣшно было бы сказать да, хотя и слишкомъ, слишкомъ грустно признаваться, что нѣтъ, что не Наука бродитъ въ головѣ молодыхъ людей.

Вопросъ другой: есть ли хоть крошечка нравственной связи между студентами и составомъ профессоровъ? Способны ли студенты смотрѣть на профессора, какъ на профессора, а не какъ на актера, который обязанъ угождать вкусу публики? Опять грустный опытъ отвѣчаетъ: нѣтъ, студенты всего болѣе далеки видѣть въ комъ-либо себѣ руководителя, будетъ ли то въ профессорѣ, въ ректорѣ, въ попечителѣ, или въ министрѣ.

Наконецъ, свѣтится ли хоть откуда нибудь надежда, что обуявшая блажь пройдетъ, что хоть что-нибудь похожее на учебный порядокъ водворится въ университетѣ, что въ молодыхъ людяхъ проснется жажда чистой любознательности, что ученикъ сознаетъ себя тѣмъ, чѣмъ онъ есть, то-есть ученикомъ, несовершеннолѣтнимъ, нуждающимся въ опекѣ и умственномъ руководительствѣ? Не знаю какъ другіе, но я рѣшительно не вижу, на чемъ бы опереть такую надежду.

Нѣтъ, въ этомъ положеніи, честному человѣку съ честными убѣжденіями безчестно принимать каѳедру. Положеніе вещей требуетъ, чтобы профессоръ былъ агитаторомъ, и тогда онъ будетъ имѣть вліяніе на студентовъ, но это гадко. Или онъ долженъ быть кимваломъ бряцающимъ, подобно всѣмъ другимъ, и брать жалованье единственно за упражненіе своихъ легкихъ; но это глупо и также гадко. Если же бы человѣкъ съ честными убѣжденіями не захотѣлъ оставаться кимваломъ бряцающимъ, а сказалъ энергическое слово; захотѣлъ бы провести свое убѣжденіе: исходъ понятенъ—онъ, все равно, чрезъ нѣсколько дней, долженъ будетъ выйти; его

предадутъ, также какъ предадутъ, навѣрно, этихъ благородныхъ молодыхъ людей, которые заявили, что они не хотятъ участвовать въ безпорядкахъ и которые выразили этимъ чистую любовь свою къ Наукѣ и довѣріе къ власти. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно будетъ оставаться въ университетѣ этимъ молодымъ людямъ? Развѣ будетъ имъ житье отъ товарищей, когда и теперь не иначе ихъ зовутъ, какъ рабами?

Нѣтъ, наше Народное Просвѣщеніе прогнило все до костей, и никакая сила не сможетъ поновить его, и всѣ эти полупередѣлки, замазыванья, полууступки ведутъ только къ худшему.

Исходъ одинъ былъ бы возможенъ: дѣйствительно закрыть университеты и возстановить совсѣмъ въ новомъ видѣ, совсѣмъ на новыхъ началахъ, можетъ быть даже въ другихъ мѣстахъ и подъ другими названіями. Но для этого нужно, чтобы уже былъ готовъ такой проектъ новаго образованія, чтобы онъ былъ придуманъ послѣдовательно, чтобы онъ вполнѣ соображенъ былъ съ истинными потребностями народа, съ задачами государства... Но не правда ли, что когда даже говоришь это, такъ становится смѣшно? При настоящемъ положеніи дѣлъ, при современныхъ людяхъ, ждать всесторонняго проекта системы образованія на новыхъ началахъ, логически придуманнаго и соображеннаго съ потребностями народа и съ дѣйствительными задачами государства!...

Знаете ли, въ послѣднія двѣ недѣли я былъ просто боленъ. Мнѣ мучительна была мысль, что я служу, и послѣ всего сказаннаго, вы понимаете почему. Просто мнѣ хотѣлось бѣжать, бѣжать куда-нибудь, закрыться, чтобы не слышать болѣе объ этихъ происшествіяхъ, достойныхъ слезъ, чтобы не чувствовать себя частью такого цѣлаго... Но что̀ распространяться! Былъ разъ только въ жизни, когда приходилось испытывать подобное же, всецѣлое, нервное раздраженіе: это во время Севастопольской осады, послѣ сраженія подъ Инкерманомъ, Черною рѣчкою и т. п. Грустно, грустно" [114])....

XXXIX.

Татьянинъ день прошелъ въ Московскомъ Университетѣ по старинѣ.

Въ этотъ день, Университетъ праздновалъ сто шестую годовщину своего существованія.

Актъ начался молитвой, и за тѣмъ профессоръ П. М. Леонтьевъ прочелъ рѣчь: *О судьбѣ земледѣльческихъ классовъ въ древнемъ Римѣ.* Рѣчь эта тогда, въ полномъ смыслѣ слова, имѣла современное значеніе. Сами Римляне говорили, что они сильны двумя вещами: оружіемъ и полеводствомъ, *armis et arvis.* Оружіемъ они покорили міръ, а оружіе ихъ ковано земледѣліемъ. Богъ Марсъ былъ у нихъ и воитель, и пахарь. Цензоръ Катонъ и Виргилій, представители стараго и новаго обычая, прославляютъ эту связь, каждый по-своему.

Въ залѣ Благороднаго Собранія состоялся обычный обѣдъ. Къ 4-мъ часамъ собралось двѣсти пятьдесятъ человѣкъ. Обѣдъ, по обыкновенію, начался музыкой. Первый тостъ былъ провозглашенъ Погодинымъ [115]), который предпослалъ ему слѣдующую рѣчь:

„На университетскомъ праздникѣ нельзя обойтись безъ слова. Учредители возложили опять на меня обязанность произнести первое. И признаюсь, Мм. Гг., никогда не представлялось оно мнѣ столь затруднительно, какъ теперь. Мы живемъ въ мудреное время. Говорить легко на другой день, а наканунѣ—это совсѣмъ иное дѣло. Мы теперь именно наканунѣ важнѣйшихъ государственныхъ преобразованій и улучшеній: улучшеній крестьянскаго быта, гражданскаго судопроизводства, банковой системы, городскаго управленія, путей сообщенія и проч. и проч. Чтò же можно сказать безъ дерзости о такихъ великихъ предпріятіяхъ до ихъ учрежденія, исполненія, повѣрки опытомъ? Можно только молиться, можно только желать, чтобъ все начатое было совершено

успѣшно, согласно съ требованіями закона, разума, права, времени, къ истинной, прочной пользѣ всѣхъ сословій, всѣхъ Русскихъ людей, въ равной степени; можно только желать, чтобъ Россія,—устроясь, или хоть положивъ твердое основаніе внутри того вожделѣннаго порядка, за которымъ предки наши, тысячу уже лѣтъ назадъ, ѣздили нарочно за море,—заняла мѣсто въ системѣ государствъ, завѣщанное ей Исторіей и назначенное Географіей; можно только желать, чтобы всѣ Европейскія племена, въ случаѣ нужды, родныя и чужія, находили въ ней свою естественную покровительницу и союзницу, безкорыстную и безпристрастную, безъ всякихъ заднихъ мыслей, потому что все есть у насъ свое, даже слишкомъ, и ничего чужого намъ не надо; чтобъ всѣ честныя и благородныя дѣла Европейскія встрѣчали у насъ всегда доброжелательный, согласный, сильный отзывъ!

Начало такому новому порядку вещей положилъ нынѣ царствующій Государь Императоръ въ знаменитомъ рескриптѣ объ улучшеніи быта крестьянъ...

Позвольте мнѣ, Мм. Гг., какъ старому школяру, отдать дань педантизму и заключить мое слово строгимъ силлогизмомъ, составленнымъ изъ аксіомъ, съ подтвержденіемъ, по правиламъ риторики, изъ сочиненій славнаго писателя.

Наука, отъ сотворенія міра, никогда не была, не могла и не хочетъ быть, по естеству своему, за тѣсноту, за рабство.

Университетъ, никакой, никогда, по существу своему, не можетъ измѣнить Наукѣ.

Мы всѣ, сколько насъ здѣсь ни есть, принадлежимъ Университету. Слѣдовательно?

Слѣдовательно, не только по обычаю, по влеченію благодарнаго сердца, но и по логикѣ, мы должны воскликнуть многія лѣта Государю, начинающему улучшеніе быта, освобожденіе.

А вотъ, въ обѣщанное подтвержденіе, и стихи нашего вѣщаго поэта, безсмертнаго Пушкина, пророческіе стихи, которые сорокъ лѣтъ лежали подъ спудомъ, и которые нынѣ,

во очію исполняющіеся, вскрыть торжественно мы имѣемъ полное, сладкое право:

Увижу-ль, о друзья, народъ не угнетенный
И рабство, падшее по манію Царя,
И надъ Отечествомъ, свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря?

Заря восходитъ, Милостивые Государи, не смотря на облака и тучки, пробѣгающія иногда по горизонту, неизбѣжныя нигдѣ во всякое переходное время, какъ свидѣтельствуетъ Исторія. Заря восходитъ... Здоровье Государя Императора Александра Николаевича“ [116])!

Предложенный Погодинымъ тостъ былъ принятъ съ единодушнымъ сочувствіемъ, который былъ тѣмъ оживленнѣе и сильнѣе, что въ немъ не было ничего оффиціальнаго.

Съ тѣмъ же сочувствіемъ принятъ второй тостъ, предложенный предсѣдателемъ Коммерческаго Суда А. В. Назаровымъ.

Еще не успѣли смолкнуть радостные клики, вызванные этими тостами, какъ уже получены были поздравительныя телеграммы изъ Орла, Рязани, Ярославля, Костромы, Калуги. Шумное ура! было отвѣтомъ на эти поздравленія.

Въ своей рѣчи Ѳ. М. Дмитріевъ коснулся о родствѣ Московскаго общества съ Университетомъ. „На нашемъ студенческомъ праздникѣ“,—сказалъ онъ,—„имя Москвы само собою приходитъ на мысль. Между нею и нашимъ Университетомъ, съ давнихъ поръ, тѣсная, кровная связь. Какъ нѣкогда столица древняго государства постепенно вбирала въ себя живыя силы народа, какъ нѣкогда города и волости, одни за другими, начинали тянуть къ Москвѣ, такъ теперь, со всѣхъ концовъ Русской Земли, молодыя поколѣнія сходятся сюда съ благородной жаждой просвѣщенія. Московское общество не оставалось равнодушно къ значенію нашего Университета... Эта связь одного изъ старѣйшихъ городовъ Россіи и ея старѣйшаго Университета, есть одно изъ утѣшительныхъ явленій нашей жизни и никогда, можетъ быть, она не была такъ знаменательна, какъ въ настоящее время... Мы живемъ наканунѣ

коренныхъ преобразованій, которыя должны отозваться въ цѣломъ будущемъ Россіи... Теперь не время ни праздной мысли, ни праздной дѣятельности... Наши университеты не имѣютъ права остаться въ сторонѣ отъ общаго движенія жизни... Смѣю сказать, что до сихъ поръ Московскій Университетъ былъ рѣдко ниже своей задачи... Будемъ же надѣяться, что Московскій Университетъ выйдетъ съ честію изъ этого новаго испытанія... Въ нашемъ Университетѣ живо доброе преданіе, въ немъ есть духъ, никогда ни покидавшій его... Въ честномъ служеніи Наукѣ, въ заботѣ о развитіи ея въ Россіи, въ трудѣ..., мы найдемъ и средства и силы оправдать преданія общества„...

Въ заключеніе своей рѣчи, Дмитріевъ предложилъ тостъ Москвѣ: „Да процвѣтаетъ она все болѣе и болѣе, да совершитъ съ успѣхомъ всѣ свои общественныя и административныя реформы, да укрѣпляется ея связь съ Университетомъ, и да слагается и крѣпнетъ въ ней сила общественнаго мнѣнія,— лучшій залогъ всякаго благосостоянія".

И. К. Бабстъ напомнилъ собранію о другихъ Русскихъ университетахъ, и краткая рѣчь его была принята съ особеннымъ сочувствіемъ [117]).

Въ концѣ обѣда Погодинъ еще разъ обратился къ собранію съ такою рѣчью:

„Здоровье воспитанниковъ Московскаго Университета, присутствующихъ и отсутствующихъ, тѣхъ въ особенности, которые, въ послѣднее время, трудились въ различныхъ комитетахъ и коммиссіяхъ, уѣздныхъ, губернскихъ, столичныхъ, и составляли, по одному счастливому выраженію, большинство меньшинства; здоровье всѣхъ работавшихъ для общаго дѣла отъ *третіяго часа*, и пришедшихъ въ *единонадесятый часъ*; здоровье молодаго поколѣнія, которое приготовляется дѣйствовать, сидя теперь на школьныхъ скамьяхъ. На него должны возлагаться лучшія надежды. Имъ, Мм. Гг., нашимъ дѣтямъ, пожелаемъ и завѣщаемъ въ этотъ священный для насъ день, день основанія Московскаго Университета, — учиться, учиться, учиться, какъ можно болѣе, смиреннѣе и

усерднѣе, ибо никогда ученіе, образованіе, просвѣщеніе, никакому государству не было такъ нужно, какъ нужно оно Россіи теперь... Безъ ученія нельзя нынѣ дѣлать дѣло, идти впередъ! Здоровье студентовъ Московскихъ, Харьковскихъ, Кіевскихъ, Казанскихъ, Петербургскихъ, Варшавскихъ, Гельсингфорскихъ, Дерптскихъ" [118])!

XL.

Въ то время, когда въ Москвѣ такъ мирно прошелъ Татьянинъ день, въ другихъ университетахъ было неспокойно.

Изъ Казани (6 февраля 1861 г.), писали Погодину: „У насъ студенты предприняли рѣшительный крестовый походъ противу Нѣмцевъ, съ легкой руки Берви. Изъ словеснаго факультета выжили двухъ: Шарбе и Струве. Изъ медицинскаго просятъ оставить университетъ Зедерштедта и декана Линдегрена. Послали также вопросъ и его превосходительству, знаменитому хирургу Элачичу, почему онъ не являлся на лекціи уже три мѣсяца, разъѣзжая по частной практикѣ? (А онъ, дѣйствительно, хочетъ, кажется, только числиться). Это все бы ничего, и кромѣ пользы Университету ничего не сдѣлаетъ; но вотъ что̀ неловко: они, послѣ того какъ Струве не слушалъ ихъ просьбъ не читать лекцій и насильно являлся на каѳедру, приговаривая:—„знать-де васъ не хочу",—освистали его и крикомъ „вонъ, вонъ" выпроводили съ лекціи. Это вѣдь уже выходитъ насиліе. Потому завелось сильное дѣло: Сто тридцать человѣкъ студентовъ послали министру бумагу о неспособности Струве и съ изложеніемъ обстоятельствъ за себя; а съ другой стороны,—обвиненія. А такъ какъ студенты, изгоняя Струве, хотѣли на его мѣсто господина Ордынскаго, то нѣкоторая партія (больше Нѣмецкая и Польская) заболтировала недавно Ордынскаго, выбрать котораго была бумага отъ министра. Что̀-то будетъ?! Нѣмцы и Поляки сильно отстаиваютъ права свои владѣть Русскими головами. А нѣкоторые Русскіе профессора—за студентовъ,

напр. Соколовъ, Чебышевъ-Дмитріевъ, Нелидовъ, Аристовъ, Щаповъ и др.; Соколовъ, читающій Римское Право, послалъ даже къ министру бумагу, защищающую студентовъ. Итакъ, у насъ въ Университетѣ такъ же тревожно, какъ въ С.-Петербургскомъ, думаю, по крестьянскому дѣлу" [119]).

Ѳедоровъ день (8 февраля) прошелъ въ Петербургскомъ Университетѣ весьма неблагополучно.

Въ присутствіи высокопреосвященнѣйшаго Исидора, тамъ произошелъ величайшій скандалъ.

На этомъ актѣ Н. И. Костомаровъ долженъ былъ читать свою рѣчь *о значеніи трудовъ Константина Аксакова по Русской Исторіи.* Министръ отмѣнилъ чтеніе этой рѣчи. По окончаніи акта, въ залѣ раздались крики: *Рѣчь, рѣчь Костомарова*! Крики сопровождались топаньемъ, стучаньемъ и скоро превратились въ дикій ревъ. Начальство скрылось. Одинъ инспекторъ Фицтумъ-фонъ-Экстедтъ, „какъ тѣнь, бродилъ по корридору". Къ профессору Никитенко обратилось „нѣсколько благоразумныхъ студентовъ" съ просьбою, чтобы онъ уговорилъ ректора П. А. Плетнева придти и образумить какъ нибудь „расходившуюся толпу". Никитенко пошелъ къ ректору и засталъ его „встревоженнаго", но онъ тотчасъ же согласился идти. Никитенко отправился вслѣдъ за нимъ, видѣлъ, какъ онъ вошелъ въ толпу, но за шумомъ ничего не могъ слышать. Между тѣмъ, Никитенко увидѣлъ жену ректора, „блѣдную, испуганную, въ сопровожденіи двухъ студентовъ." Никитенко „предложилъ ей руку и увелъ ее". Немного спустя, Плетневъ вернулся домой.

„Прескверное дѣло"!—замѣчаетъ Никитенко въ своемъ *Дневникѣ*: „Молодежь теряетъ всякій смыслъ".

Университетскій скандалъ произвелъ на Никитенко сильное впечатлѣніе, и онъ, подъ 15 февраля 1861 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Какъ спасти наши университеты отъ грозящей имъ полной деморализаціи? Вѣдь въ нихъ вся наша сила, всѣ наши надежды на будущее!

Сегодня, въ сборномъ университетскомъ залѣ, были разные

толки о происшествіи на актѣ. Я высказалъ нѣкоторыя истины начальству, но, къ сожалѣнію, оно лишено возможности дѣйствовать съ энергіей и съ достоинствомъ. Да и министръ не лучше въ этомъ отношеніи. Нѣкоторые готовы даже защищать поступки студентовъ. Я сильно сегодня спорилъ. Ахъ, господа! нѣтъ, не любовь къ Наукѣ говоритъ въ васъ, а только стремленіе къ популярности. Вмѣсто того, чтобы читать Науку, вы пускаетесь въ политическое заигрываніе... это нравится неразумной молодежи, которая, наконецъ, начинаетъ не на шутку думать, что она сила, которая можетъ предлагать Правительству запросы и контролировать его дѣйствія... И чего хотите вы, господа красные, если только вы имѣете опредѣленныя цѣли? Вы хотѣли бы уничтожить настоящее Правительство. Но кого же поставите на мѣсто его? Разумѣется, вы не затруднитесь поставить себя. Но другіе могутъ не захотѣть этого. Тогда что: борьба, война? *Конечно, пусть повоюютъ, порѣжутся маленько—это полезно для человѣчества.* Но кто же далъ вамъ право распоряжаться чужими жизнями и человѣческую кровь считать за воду“ [120])...

Самъ Костомаровъ (18 февраля 1861 г.) писалъ Погодину: „Рѣчь моя была предметомъ того, что̀ называется, на *обыденномъ языкѣ*, *исторіей*. Одобренная факультетомъ и Совѣтомъ Университета, она была приготовляема къ произнесенію на актѣ, какъ вдругъ, наканунѣ, — повѣстка отъ министра: не читать ее, ради сокращенія времени на актѣ. По окончаніи чтеній, составляющихъ оффиціальную часть того, что входило въ составъ акта, студенты подняли шумъ и тревоЛненіе, требуя, чтобъ рѣчь непремѣнно читалась. Ректоръ долженъ былъ читать имъ объясненіе и кое-какъ успокоилъ. Начальство было очень недовольно этимъ поступкомъ, но предоставило студентамъ устроить публичное чтеніе рѣчи, какъ имъ угодно. Студенты приписывали отмѣну чтенія интригамъ тѣхъ, которые извѣстны своимъ антиславянофильскимъ направленіемъ и западными идеями, такъ что даже сочинились сами собою несправедливыя обвиненія и подозрѣнія на̀ нѣкоторыхъ изъ

профессоровъ Университета. Рѣчь была прочтена въ $7^1/_2$ часовъ веч., въ четвергъ, 16 февраля. Публики было не меньше, какъ на нашемъ диспутѣ. Рѣчь печатается и будетъ вамъ немедленно по выходѣ въ свѣтъ доставлена. То, что помѣщенѳ въ *Сѣверной Пчелѣ*, на другой день, 17 февраля, вѣрно, хотя въ краткомъ видѣ, но тамъ не совсѣмъ точно сказано, что я въ началѣ говорилъ о разныхъ пониманіяхъ народности. Я говорилъ о двухъ народностяхъ Русскихъ: одна, которой типомъ я считаю *Евгенія Онѣгина*, порождена занятымъ на прокатъ иноземнымъ просвѣщеніемъ; другая, старая Русская народность; къ ней обратиться понуждало дошедшее до извѣстной степени развитія мысленное движеніе въ Россіи, и къ ней-то путь указывалъ Аксаковъ въ сферѣ науки Русской Исторіи. Надѣюсь скоро быть въ Москвѣ и имѣть удовольствіе лично принести вамъ мое глубочайшее уваженіе“ [121]).

Въ Кіевѣ, въ это время, происходили тенденціозные проводы попечителя Пирогова. Едва только была заявлена мысль о гласномъ выраженіи общаго сожалѣнія къ отъѣзжающему, какъ готовность участвовать въ немъ выразилась отовсюду. Лица разныхъ классовъ и вѣдомствъ, военные и штатскіе, спѣшили принять участіе въ грустномъ торжествѣ.

Утромъ, 9 апрѣля 1861 года, въ день прощальнаго обѣда, число участвующихъ возросло до ста сорока и затѣмъ приходилось уже отказывать многимъ, такъ какъ зала не вмѣщала въ себѣ болѣе посѣтителей. Оживленный и пестрый видъ представляло собраніе, когда вошелъ Пироговъ, сопровождаемый депутатами. Здѣсь каждый по-своему спѣшилъ выразить ему свое сочувствіе. Въ тотъ же день студенты, въ зданіи Университета, открыли безплатную ежедневную школу, въ знакъ благодарной памяти о Пироговѣ.

Пироговъ выѣхалъ изъ Кіева 15 апрѣля 1861 года, въ 8 вечера. Съ 3-хъ по-полудни большая толпа студентовъ, гимназистовъ и другихъ лицъ, ожидали у зданія 1-й Гимназіи минуты, чтобы сказать „послѣднее прости искренне любимому и цѣнимому человѣку“. Еще большая толпа заранѣе отпра-

вилась на дачу Санъ-Суси (близъ Кіева), съ тою же цѣлію. Тамъ между собравшимися много было и дамъ, „лишенныхъ доселѣ возможности принять участіе въ выраженіяхъ общаго сочувствія къ Пирогову“.

Въ 8-мъ вечера, Пироговъ вышелъ съ своимъ семействомъ и отовсюду послышались „крики сожалѣнія о разлукѣ. Еще въ воздухѣ раздавались слова: *прощайте, помните насъ*, а уже почтовый экипажъ уносилъ изъ Кіева человѣка, память котораго долго и долго будетъ жить въ немъ“... Остановили экипажи Пирогова, онъ долженъ былъ выйти и сказать нѣсколько прощальныхъ словъ людямъ, захотѣвшимъ почтить и послѣднія минуты пребыванія его въ Кіевѣ. Онъ благодарилъ всѣхъ за участіе, ему выраженное, „напомнилъ о непреходящемъ царствѣ идеи“, простился со всѣми, обнялъ въ лицѣ одного всѣхъ присутствовавшихъ, и „при единодушныхъ крикахъ искренней любви, уваженія и сожалѣнія, отправился далѣе по дорогѣ къ Бердичеву“.

Не одинъ только Кіевъ, но и Одесса, Харьковъ, Москва, Петербургъ, Гельсингфорсъ, Казань приняли участіе въ торжественныхъ проводахъ Пирогова [122]).

Въ своихъ неизданныхъ *Современныхъ Запискахъ*, Погодинъ писалъ: „Разспрашивалъ Кіевскаго студента, хотѣвшаго перейти въ Московскій Университетъ и возвращающагося въ Кіевъ. Нельзя учиться. Поляки кричатъ: „Кіевъ нашъ, Университетъ нашъ. Пироговъ смотритъ на все сквозь пальцы и допускаетъ безпорядки. Никакой особенной любви онъ не имѣетъ, никакихъ особенныхъ распоряженій не дѣлалъ, мѣръ для улучшенія преподаванія не предпринималъ. Демонстрація въ пользу его была искусственная отъ нѣкоторыхъ лицъ, а прочіе пристали по разнымъ причинамъ. Начать съ того, что вывѣшено было объявленіе объ увольненіи Пирогова за потворство, т.-е. за дѣйствительную распущенность студентовъ. Ну да—вопросъ о національностяхъ для него не существовалъ: что Поляки, что Русскіе, для него всѣ равны. А его называютъ ученымъ. Онъ ученъ въ Хирургіи, и ему можно по-

ручить Медико-Хирургическую Академію, Медицинскій Факультетъ въ Москвѣ, но не Университетъ, въ которомъ онъ затѣетъ умничать, какъ всякій самоучка".

„Правленіе Пирогова", — писалъ Погодину Мурзакевичъ, „заключалось въ отступленіи отъ всѣхъ правилъ и формъ, что молодежи сильно понравилось. Стремясь за прогрессомъ, онъ удалялся часто отъ благоразумія, за что теперь и терпитъ поруганія. Какъ администраторъ, Пироговъ человѣкъ плохой и подъ вліяніемъ газетъ и журналовъ.—Крайняя его непрактичность и безграничное стремленіе къ прогрессу вынудило и меня съ нимъ разойтись: вся тягость отвѣтственности пала бы теперь на меня. Дѣла въ Лицеѣ испорчены такъ, что долго ихъ исправлять опытному человѣку, а не такимъ, какъ теперешній кураторъ. Михневичъ теперь при Пироговѣ помощникомъ".

XLI.

„Судьба нашихъ университетовъ,—писалъ Никитенко,—должна бы обратить на себя вниманіе нашихъ мыслящихъ людей и общества, еслибы они способны были заниматься такими бездѣлицами. Университеты наши, очевидно, клонятся къ упадку. Юношество въ нихъ деморализовано; профессора лишены всякаго значенія... Многія каѳедры пусты, другія скоро будутъ пусты и некѣмъ ихъ замѣнить, потому что молодые даровитые люди службѣ Университета предпочитаютъ другія карьеры,—однимъ словомъ, полное оскудѣніе" [123]).

Погодинъ, въ своихъ *Современныхъ Запискахъ*, замѣчаетъ: „Въ молодомъ поколѣніи распространяется невѣріе. Результаты Гегеля, доведенные до крайностей его школою, льстятъ самолюбію молодежи, потворствуютъ ея склонностямъ и развращаютъ поколѣніе. Авторитетъ Герцена, поддерживаемый его талантомъ, играетъ здѣсь большую роль. Студенты не хотятъ теперь слушать профессора, о которомъ знаютъ, что ходитъ къ обѣднѣ, хотя бы онъ въ Астрономіи

15*

хваталъ звѣзды, а въ Физіологіи ловилъ малѣйшія измѣненія въ организмѣ. Полицейскими и административными мѣрами ничего не сдѣлать теперь, а надо на зло нападать въ корень. Надо борьбу перенесть за границу, ибо дома никто ей не повѣритъ".

10 мая 1861 года, В. А. Мухановъ посѣтилъ графа В. Н. Панина, и разговоръ зашелъ о Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. Графъ Панинъ утверждалъ, что „въ высшемъ преподаваніи ускользаютъ изъ вида Православіе и Самодержавіе, два главныя начала, на которыхъ зиждется общество" [124]).

По свидѣтельству Никитенко, Государь призывалъ къ себѣ министра Народнаго Просвѣщенія Е. П. Ковалевскаго и объявилъ ему, что „такіе безпорядки, какіе нынѣ волнуютъ университеты, не могутъ быть долѣе терпимы, и что онъ намѣренъ приступить къ рѣшительной мѣрѣ—закрыть нѣкоторые университеты. Министръ на это представилъ, что такая мѣра произведетъ всеобщее неудовольствіе, и просилъ не прибѣгать къ ней.

— Такъ придумайте же сами что̀ дѣлать,—сказалъ Государь:—но предупреждаю васъ, что долѣе терпѣть такіе безпорядки нельзя, и я рѣшился на строгія мѣры".

Еще въ мартѣ 1861 года, попечитель С.-Петербургскаго Учебнаго Округа, И. Д. Деляновъ, обратился къ профессорамъ, и то не къ цѣлому Совѣту Университета, а написалъ письмо къ профессору К. Д. Кавелину, пользовавшемуся большою популярностію въ Университетѣ, предоставивъ ему составить проектъ правилъ, которыми бы упорядочилась студенческая община. Образовалась маленькая коммиссія изъ четырехъ профессоровъ, пригласившая и восемь выборныхъ депутатовъ отъ студентовъ. „Эта коммиссія",—свидѣтельствуетъ А. Е. Андреевскій,—„добросовѣстно трудилась, создала проектъ правилъ, на основаніи которыхъ можетъ устроиться студенческая корпорація. Депутатамъ эти правила казались чрезмѣрно строгими, но все-таки они съ ними согласились и

надѣялись выполнить. Но этотъ проектъ не пошелъ далѣе попечителя, такъ какъ въ то же время Правительство рѣшило поставить новыя начала".

Между тѣмъ, въ Совѣтѣ Министровъ (15 апрѣля 1861), происходили пренія объ университетахъ. Ковалевскій встрѣтилъ страшные нападки на безпорядки, производимые студентами. Онъ ссылался на духъ времени, но это не помогло. Государь назначилъ графа Строгонова, графа Панина и князя Долгорукова разсмотрѣть записку министра о мѣрахъ, которыя онъ предлагаетъ. Собственно говоря, это значитъ подвергнуть Министерство контролю и ввѣрить попеченіе о дѣлахъ его постороннимъ силамъ"...

На другой день, Никитенку посѣтилъ Погодинъ и жаловался на министра, „распустившаго студентовъ" [125]); а Шевыреву Погодинъ жаловался на графа С. Г. Строгонова. „На Просвѣщеніе",—писалъ онъ,—„страшное гоненіе, опять вслѣдствіе недоразумѣній. Графъ Строгоновъ, говорятъ, неистовствовалъ въ Совѣтѣ противъ распущенности; а кто положилъ ей основаніе? Онъ нападалъ на Ковалевскаго такъ, что тотъ занемогъ, и думали, что подастъ въ отставку. Говорили, что Строгоновъ и назначенъ. Другіе указываютъ на Левшина. Нѣтъ, друзья, какъ вы ни садитесь, а въ музыканты не годитесь. Коммиссія для разсужденія о дѣлахъ Просвѣщенія составлена изъ Строгонова, Панина, Долгорукова. Говорятъ, будто назначается оброкъ на студентовъ по двѣсти р. с., что число ограничится двумя стами казенныхъ и двумя стами своекоштныхъ. Неужели это можетъ быть? Господи, Боже мой" [126])!

23 мая 1861 года, изъ Царскаго Села, преподаватель Философіи Цесаревича Николая Александровича, В. Д. Кудрявцевъ, писалъ А. В. Горскому: „Жалуются на упадокъ научнаго образованія въ университетахъ: вмѣсто Науки студенты занимаются quazi-политическими демонстраціями. Былъ составленъ комитетъ изъ графа Строгонова, Панина и Долгорукаго, съ цѣлію уяснить настоящее положеніе универси-

тетовъ и средствъ улучшить его. Графъ Строгоновъ приписываетъ всѣ недостатки современнаго положенія университетовъ причинѣ, какъ кажется, довольно мелкой,—допущенію въ нихъ вольныхъ слушателей".

Начала, выработанныя этимъ Комитетомъ, удостоились высочайшаго утвержденія 31 мая 1861 года. По утвержденіи этихъ началъ, министръ Народнаго Просвѣщенія Е. П. Ковалевскій оставилъ свой постъ, а за нимъ вышелъ изъ попечителей и Иванъ Давыдовичъ Деляновъ.

„Эти начала 31-го мая",—писалъ Андреевскій,—„провели то положеніе, которое осуществить въ тотъ моментъ было чрезвычайно трудно, а именно, что ни о какой организаціи студенческой корпораціи не можетъ быть рѣчи; форменная одежда студентовъ уничтожена и внѣ зданія университета они подчиняются общей полиціи; всякія сходки воспрещены; освобожденіе отъ платы за слушаніе лекцій должно быть ограничено двумя студентами на каждую изъ губерній, входящихъ въ составъ округа.

Понятно, что эти правила ставились совершенно въ разрѣзъ съ ожиданіями и надеждами студентовъ. Не думая подвергать эти правила критикѣ, можно съ увѣренностью сказать, что выполнить ихъ, и то конечно не безъ затрудненій, могли бы только умѣлыя, опытныя руки. Между тѣмъ, за уходомъ министра и попечителя, явились совершенно новые люди, незнакомые ни съ персоналомъ университетской коллегіи, ни съ положеніемъ студентовъ".

Пасхальную заутреню и обѣдню (23 апрѣля 1861) Никитенко слушалъ въ церкви Министерства Народнаго Просвѣщенія. Послѣ обѣдни министръ пригласилъ его къ себѣ розгавляться, и Никитенко отправился къ нему, вмѣстѣ съ И. А. Гончаровымъ.

„Министръ",—замѣчаетъ Никитенко,—„подалъ въ отставку, но Государь пожелалъ, чтобы онъ остался пока пріищетъ ему преемника". Ковалевскій говорилъ Никитенкѣ, что „оставляетъ свой постъ съ огорченіемъ, но не можетъ не оста-

вить его, такъ какъ отъ него требуютъ, чтобы онъ приводилъ въ исполненіе чужіе планы".

Между тѣмъ, пошли по городу „безчисленные толки" о назначеніи преемника Ковалевскому. Одни говорили, что будетъ баронъ М. А. Корфъ, другіе выкликивали Литке, а третьи указывали на графа С. Г. Строгонова. „Говорятъ",— писалъ Никитенко въ своемъ *Дневникѣ*,—„что Строгоновъ очень силенъ при Дворѣ и что его интрига произвела нынѣшній кризисъ. Сюда пріѣзжалъ Московскій попечитель Исаковъ. Государь далъ ему прочесть предположеніе Ковалевскаго и спросилъ его мнѣнія. Исаковъ отвѣчалъ, что онъ слово отъ слова раздѣляетъ его. *Поѣзжай же, скажи это графу Строгонову*, сказалъ Государь".

Между тѣмъ, независимо отъ Комитета, въ Совѣтѣ Министровъ (11 мая 1861 г.), графъ С. Г. Строгоновъ читалъ свой проектъ. „Въ чемъ именно состоитъ этотъ проектъ",— писалъ Никитенко,—„я въ точности не знаю. Но говорятъ, что клонился къ тому, чтобы сдѣлать университеты доступными только Дворянству и имущимъ классамъ. Ковалевскій, разумѣется, сильно опровергалъ проектъ. Его поддержали рѣшительно всѣ члены Совѣта. Особенно много возражалъ графу Строгонову Чевкинъ. Проектъ съ шумомъ провалился".

На прощаніи съ Е. П. Ковалевскимъ, Никитенко записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Ковалевскаго всѣ восхваляютъ за то, что онъ оставляетъ Министерство съ такимъ блескомъ, поддержавъ въ Совѣтѣ Министровъ принципъ прогресса, и пр. Я не совсѣмъ раздѣляю это мнѣніе. На меня это производитъ впечатлѣніе, какъ будто онъ пожертвовалъ Государемъ за добрую молву, за лестный отзывъ со стороны людей извѣстнаго лагеря. Слѣдовало ли ему въ такую серьезную минуту покидать добраго, честнаго, благонамѣреннаго Государя, вся вина котораго въ томъ, что вокругъ него нѣтъ людей достойныхъ. Но, возражаютъ мнѣ, что же было дѣлать Ковалевскому, если Государь не приглашалъ его остаться и видимо склонялся на сторону противной партіи? Такъ, но

Ковалевскій еще раньше самъ оттолкнулъ его отъ себя. Да и въ университетскомъ вопросѣ онъ дѣйствовалъ по меньшей мѣрѣ нерадиво. Университеты уже года три видимо падали въ экономическомъ, учебномъ и нравственномъ отношеніи. Предпринялъ ли Ковалевскій что-нибудь для ихъ улучшенія? Ковалевскій точно боялся приняться за это дѣло, какъ бы изъ боязни нареканія, что онъ противится либеральному движенію, еслибы ему пришлось прибѣгнуть къ какой-нибудь ограничительной мѣрѣ въ отношеніи студентовъ. Онъ, если можно такъ сказать, поставилъ себя въ положеніе нейтральное, заботясь только о томъ, чтобы въ публикѣ его бездѣйствіе не было приписано его винѣ. Не знаю, но на мой взглядъ онъ въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ не какъ государственный человѣкъ, который долженъ бороться съ трудностями, а какъ человѣкъ, ожидающій благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы дѣлать что-нибудь хорошее. Теперь онъ попалъ въ мученики за правое дѣло. Но что скажетъ объ этомъ будущее" [127])?...

XLII.

10-го мая 1861 года, В. А. Мухановъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Князь А. М. Горчаковъ пріѣхалъ объявить, что предлагаютъ Министерство Народнаго Просвѣщенія графу Путятину, но онъ еще не принимаетъ" [128]).

Положительное свѣдѣніе о новомъ назначеніи мы находимъ въ письмѣ митрополита Московскаго Филарета, къ его Лаврскому намѣстнику Антонію.

15 мая 1861 года, владыка писалъ: „Идетъ къ преподобному Сергію графъ Евѳимій Васильевичъ Путятинъ. Ему предлежитъ вступить въ новое служеніе, которое онъ находитъ труднымъ, что̀ и справедливо. Помолитесь о немъ и въ Скитѣ, чтобы молитвами Преподобнаго Сергія, утвердилъ его рѣшимость принять подвигъ, и чтобы наставилъ и укрѣпилъ въ продолженіи подвига, къ доброму успѣху и къ пользѣ

Отечества“ [129]). А оберъ-прокуроръ Св. Синода графъ А. П. Толстой писалъ о Путятинѣ: „Умный, образованный, положительный, практическій, твердый и въ полномъ значеніи слова христіанинъ. При томъ Путятинъ не будетъ искать внушеній въ Мраморномъ и Михайловскомъ дворцахъ“ [130]).

„Нельзя сказать“,—писалъ В. Д. Кудрявцевъ къ А. В. Горскому,—„чтобы въ свѣтскихъ кругахъ были довольны назначеніемъ графа Путятина; боятся его религіознаго направленія и дружбы съ нашимъ владыкою и графомъ А. П. Толстымъ“.

Въ *Воспоминаніяхъ* Штутгардскаго протоіерея Базарова, мы находимъ важныя біографическія свѣдѣнія о новомъ министрѣ Народнаго Просвѣщенія. „Неодаренный отъ природы“,—писалъ о. Базаровъ,—„блестящими способностями, графъ Путятинъ былъ закаленнымъ слугою долга. Про него, какъ моряка, извѣстно было, что онъ былъ строгъ до жестокости съ своими подчиненными. Помню, какъ извѣстный нашъ синологъ, архимандритъ Аввакумъ, не могъ безъ слезъ разсказывать объ одномъ происшествіи на кораблѣ, случившемся на его глазахъ во время плаванія въ Японскихъ водахъ. Одинъ матросъ провинился чѣмъ-то, и графъ Путятинъ, тогда еще не графъ, послалъ его на верхъ мачты. Бѣдный матросикъ полетѣлъ далеко въ море.

— И что же вы думаете,—прибавилъ со слезами о. Аввакумъ,—нашъ Путятинъ только махнулъ рукой со словами: „Туда и дорога“!

А между тѣмъ, Путятинъ вовсе не былъ жестокимъ по сердцу. Какъ семьянинъ, онъ былъ любящимъ отцомъ, какъ христіанинъ — самый смиренный исполнитель предписаній церкви. Въ послѣднемъ отношеніи онъ проводилъ свою обычную строгость дисциплины до крайнихъ предѣловъ и потому былъ поклонникомъ папской системы, не переставая быть искренно православнымъ. Мнѣ случалось видѣть его въ такомъ раздраженіи, при чемъ у него тряслись губы и на глазахъ выступали слезы, когда рѣчь заходила о деспотизмѣ

въ католической церкви. Тутъ онъ не могъ удержать себя, защищая верховный авторитетъ въ церкви, безъ котораго, по его убѣжденію, не можетъ существовать церковь. А между тѣмъ, онъ былъ смиреннымъ почитателемъ православныхъ обрядовъ и особенно іерархіи. Со многими изъ нашихъ и восточныхъ владыкъ онъ былъ знакомъ лично, и всѣ его уважали и почитали, какъ ревнителя Православія. До назначенія министромъ Народнаго Просвѣщенія, графъ Путятинъ находился въ Лондонѣ, въ качествѣ нашего повѣреннаго по дѣламъ морского вѣдомства. Женатый на англичанкѣ, онъ пользовался тамъ большою симпатіей и, съ своей стороны, сочувствовалъ многому хорошему въ Англійскихъ учрежденіяхъ. Но его симпатіи были направлены не на либеральную сторону этихъ учрежденій, а туда, гдѣ царила строгая и даже суровая дисциплина. Поэтому онъ впослѣдствіи опредѣлилъ своего старшаго сына въ Оксфордскій Университетъ, плѣнившись строгою замкнутостью и почти монастырскою дисциплиною въ этомъ высшемъ палладіумѣ Науки въ Англіи. Подъ этими-то впечатлѣніями онъ хотѣлъ ввести строгую дисциплину и въ Русскіе университеты. Къ несчастію, онъ попалъ на постъ министра въ такую эпоху, когда у насъ, послѣ строгаго режима Николаевскаго царствованія, все стремилось вздохнуть свободно, и Путятинъ съ своею энергіею въ вроведеніи своихъ принциповъ долженъ былъ пасть предъ всеобщею расшатанностью общества тогдашняго времени“ [131]).

На мѣсто И. Д. Делянова попечителемъ С.-Петербургскаго Учебнаго Округа Путятинъ выбралъ стараго своего сослуживца, наказного атамана Черноморскаго казачьяго войска, Григорія Ивановича Филипсона.

Филипсонъ принялъ это назначеніе „въ полной надеждѣ быть полезнымъ учащемуся юношеству“. Знающіе его утверждаютъ, что онъ, „какъ чадолюбивый отецъ большого семейства, старался, по возможности, облегчить участь заблудившихся юношей“ [132]). Бывшій попечитель И. Д. Деляновъ

былъ назначенъ директоромъ Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Подъ 8 сентября 1861 года, Никитенко записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Представлялся новому министру. Онъ не сдѣлалъ на меня пріятнаго впечатлѣнія. Какая-то сухая, холодная сдержанность съ учтивостью тоже холодною, сухою—вотъ все, что я успѣлъ замѣтить въ двѣ, три минуты, что продолжался мой визитъ. Правда и то, что у него передо мною былъ съ докладомъ Кисловскій. Отъ министра я отправился къ Делянову, но не засталъ его дома, а отъ него поѣхалъ къ нашему новому попечителю Филипсону, карточку котораго я нашелъ у себя по пріѣздѣ. Вотъ совсѣмъ другой человѣкъ. Отъ него такъ и вѣетъ добротой и человѣчностью. Два эти визита показались мнѣ похожими на то, какъ еслибы я побывалъ въ темномъ погребѣ и оттуда вышелъ на теплый Божій свѣтъ. Прозябнувъ до костей у Путятина, я отогрѣлся у Филипсона“.

Съ Филипсономъ Никитенко „искренно и откровенно объяснялся объ университетскихъ дѣлахъ и нашелъ въ немъ человѣка, вполнѣ сочувствующаго, благороднаго, разсудительнаго, горячо любящаго, и юношество, и Науку. Особенно много говорили мы о каѳедрѣ Философіи. Онъ вполнѣ вошелъ въ мои мысли и также серьезно смотритъ на это дѣло. На эту каѳедру, болѣе чѣмъ на всякую другую, требуется ученый съ установившимся образомъ мыслей и глубоко, всесторонне изучившій свой предметъ“.

„У министра Путятина“,—писалъ Никитенко,—„бродятъ странныя идеи, напримѣръ: что преподаваніе въ нашихъ училищахъ надо подчинить духовенству; что въ университетахъ слѣдуетъ отдѣлить вольно-слушающихъ отъ студентовъ. Первое показываетъ человѣка, который не знаетъ нашего духовенства; второе—просто нелѣпость. Хуже всего, что онъ щетинится на такихъ людей, какъ Ребиндеръ и Вороновъ, и обнаруживаетъ наклонность къ Кисловскому. Это значитъ, что онъ не понимаетъ своего положенія и думаетъ, что Ми-

нистерство должно опираться не на идеи и разумъ государственный, а на бюрократію. Изъ этого, повидимому, слѣдуетъ, что онъ въ нынѣшнемъ движеніи умовъ видитъ только пошлый либерализмъ, а не видитъ въ немъ настоящихъ потребностей народа и времени, и что онъ хочетъ стать въ упоръ этому движенію. Очень жаль, если это правда, потому что настоящее призваніе министра Народнаго Просвѣщенія, въ нынѣшнее время, именно въ томъ и состоитъ, чтобы отдѣлять плевелы отъ пшеницы и не только не мѣшать расти послѣдней, но всячески воздѣлывать ее—и на этомъ основать систему народнаго образованія. Ковалевскій, послѣднее время, добивался популярности въ кругу либераловъ, не твердо понималъ дѣло отдѣленія плевелъ отъ пшеницы и дѣйствовалъ слабо, боясь, съ одной стороны, нареканія отъ крикуновъ и не стараясь съ другой послѣдовательно и мужественно выдвигать лучшіе элементы развитія—словомъ, онъ былъ слабъ съ обѣихъ сторонъ. Опять повторяю: дѣло въ томъ, чтобы сдерживать крайнихъ разнузданныхъ прогрессистовъ, но стоять во главѣ умѣренныхъ и благоразумно руководить послѣдними, не допуская ихъ до отчаянія и до того, чтобы они, отказавшись отъ дѣла, въ силу обстоятельствъ, не примкнули также къ крайнимъ. Дѣло управленія въ наши дни становится сложнѣе, чѣмъ прежде, когда слѣдовали одной системѣ: руби съ плеча.

Я весь принадлежу принципу нашего политическаго возрожденія, но съ тѣмъ, чтобы оно шло рука объ руку съ нравственнымъ. Первое не бываетъ прочно безъ второго.

Нація не можетъ оставаться въ застоѣ, въ неподвижности. Настоящее движеніе есть движеніе естественное. Его принципъ: развиваться въ нравственномъ, умственномъ и экономическомъ отношеніяхъ, согласно духу и способностямъ національнымъ. Это движеніе началось съ Петра, но настоящій сознательный и опредѣленный характеръ его наступаетъ только теперь. Нынѣшній Государь далъ ему санкцію освобожденіемъ крестьянъ. Естественно, что съ этимъ событіемъ національное движеніе становится и неизбѣжнымъ и вопію-

щею потребностью. Но въ этомъ движеніи надо отличать два элемента или двѣ стороны — искусственную, проистекающую изъ духа подражанія и поверхностнаго образованія, что̀ доселѣ было нашимъ удѣломъ, и истинную — ту, о которой я сказалъ выше. Искусственный элементъ породилъ у насъ стремленіе къ такъ-называемому прогрессу съ девизомъ: Впередъ, очертя и сломя голову. Другой элементъ породилъ то же стремленіе къ прогрессу, но умѣренному, постепенному и по тому самому болѣе прочному и плодовитому благими послѣдствіями. Задача Правительства — отличить одно направленіе отъ другого; одно ограничивать, другому содѣйствовать и направлять его, чтобы оно съ отчаянія тоже не впало въ крайность.

Государственный человѣкъ не долженъ пугаться каждаго симптома, которымъ проявляется искусственный утопическій прогрессъ, и не считать его поводомъ къ принятію репрессивныхъ мѣръ противъ прогресса вообще — противъ прогресса въ лучшемъ и истинномъ смыслѣ" [133]).

XLIII.

Почти одновременно съ назначеніемъ графа Путятина министромъ Народнаго Просвѣщенія, въ должность директора Департамента Полиціи вступилъ графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой, и вотъ, что онъ свидѣтельствуетъ: „Я нашелъ полное разложеніе общества. Съ одной стороны, полнѣйшее бездѣйствіе Полиціи, при крайне маломъ ея числѣ. Съ другой—всесовершенная разнузданность нравовъ: вопреки закона, опредѣляющаго время открытія и закрытія трактировъ, харчевень, кабаковъ и т. п., заведенія эти не запирались по цѣлымъ ночамъ. Извѣстные въ Петербургѣ шпицбалы не только не скрывали своихъ отвратительныхъ оргій, но еще поощрялись Полиціею. Безнравственность администраціи дошла до того, что искали въ этихъ постыдныхъ учрежденіяхъ союзника противъ политическихъ замысловъ людей неблагонадежныхъ. Ослѣпленіе было такъ велико, что спасеніе Оте-

чества видѣли въ его деморализаціи. При такихъ обстоятельствахъ, я вступилъ въ управленіе Департаментомъ Полиціи".

Между тѣмъ, Погодинъ, 27 іюня 1861 года, писалъ Шевыреву: „Настроеніе молодежи несчастное, а указать некому лучшаго пути. Грустно и тяжко: видѣть и ничего не мочь сдѣлать" [134]).

„Академическій 1861—1862 годъ",—свидѣтельствовалъ профессоръ Московскаго Университета С. В. Ешевскій,—„начался рядомъ крайне неловкихъ мѣръ и распоряженій, которыя одни въ состояніи были возбудить неудовольствіе и безпорядки, еслибы причинъ къ этимъ неудовольствіямъ и не существовало прежде" [135]).

Въ теченіе лѣта 1861 года, особая Коммиссія отъ университетскаго Совѣта трудилась надъ составленіемъ правилъ, которыя повелѣно было основать на началахъ 31-го мая. „Опытная и знавшая положеніе дѣлъ Коммиссія",—свидѣтельствуетъ И. Е. Андреевскій,—„предположила въ этихъ правилахъ такія приспособленія, которыя не ставили бы ихъ прямо въ разрѣзъ съ ожиданіями студентовъ, и проектированныя правила изложила въ особой книжкѣ, *матрикулѣ*, которая должна была быть выдана каждому студенту. Но съ этими правилами не согласилось Министерство: потребовало нѣкоторыхъ перемѣнъ. Въ переговорахъ прошло много времени, напечатать ихъ не успѣли къ моменту открытія лекцій, съ чѣмъ вообще запоздали, и, по распоряженію попечителя, лекціи открылись 18-го сентября безъ правилъ. По старымъ порядкамъ студенты стали составлять сходки. Попечитель въ концѣ недѣли распорядился запереть всѣ пустыя аудиторіи, въ которыхъ могли собрать сходку. Въ субботу, найдя всѣ пустыя аудиторіи запертыми, студенты попробовали собраться въ большой залѣ, дверь въ которую, хотя была заперта, но отъ напора легко открылась, при чемъ одно стекло этой двери разбилось. Это моментъ, произведшій всѣ послѣдующія явленія".

Между тѣмъ, студенты, узнавъ о содержаніи матрикулъ собрались 23 сентября 1861 года, въ числѣ около пятисотъ

человѣкъ, въ университетской залѣ, гдѣ одинъ изъ нихъ прочелъ протестъ противъ новыхъ распоряженій. Ни инспекторъ, ни исправляющій должность ректора И. И. Срезневскій не могли уговорить ихъ прекратить сходку" [136]).

На другой день, 24 сентября, было совѣщаніе у министра. Онъ обратился къ профессорамъ „съ маленькою рѣчью, въ которой приглашалъ содѣйствовать ему въ водвореніи порядка". Тутъ же профессорамъ „сдѣлалось извѣстнымъ, что вслѣдствіе безпорядковъ, Университетъ закрывается на нѣкоторое время" [137]).

Но эта мѣра ни къ чему не послужила; ибо 25 сентября, студенты собравшись къ Университету, и прочтя объявленіе о прекращеніи лекцій, отправились толпою, чрезъ Невскій проспектъ, въ Колокольную улицу, въ квартиру попечителя Учебнаго Округа Г. И. Филипсона.

Попечитель убѣждалъ студентовъ разойтись, но видя, что скопленіе уличной толпы вызвало уже появленіе полицейской и жандармской командъ, пригласилъ студентовъ возвратиться въ Университетъ и тамъ объяснить ему, чрезъ депутатовъ, цѣль своего прихода. Исполнивъ это требованіе, студенты, чрезъ троихъ избранныхъ товарищей, просили объяснить имъ, почему закрытъ Университетъ и на какомъ основаніи не допускаютъ ихъ въ студенческую Библіотеку. Получивъ на эти вопросы надлежащее объясненіе. студенты разошлись.

Нѣкоторые же изъ нихъ, еще прежде замѣченные въ подстрекательствѣ къ безпорядкамъ, вынудившимъ закрытіе Университета, были въ тотъ же день арестованы. Это обстоятельство послужило для студентовъ поводомъ къ новой сходкѣ, которая собралась *27-го сентября*, подлѣ Университета, съ цѣлію составить просьбу, объ освобожденіи арестованныхъ товарищей. Не взирая на увѣщанія попечителя, студенты разошлись не прежде, какъ по призваніи нѣсколькихъ ротъ Финляндскаго полка и по прибытіи С.-Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта П. Н. Игнатьева, который лично убѣждалъ студентовъ, разойтись по домамъ.

На другой день, *28-го сентября*, напечатанъ былъ приказъ С.-Петербургскаго оберъ-полицiймейстера, съ подтвержденiемъ запрещенiя всякихъ сходбищъ внѣ Университета.

Не смотря на это, *2-го октября*, утромъ, предъ зданiемъ Университета вновь собралась толпа студентовъ, изъ которыхъ тридцать-три человѣка были арестованы, чѣмъ дальнѣйшее упорство, на этотъ разъ, было прекращено [138]).

„Кажется“,—замѣчаетъ Никитенко,—„не подлежитъ сомнѣнiю, что студенты ягнята, которыхъ направляютъ стороннiя силы — не настоящiе пастухи, а волки въ пастушьемъ платьѣ“ [139]).

Но, тѣмъ не менѣе, все это заставило университетское и полицейское начальства принять рѣшительныя мѣры для предотвращенiя новыхъ безпорядковъ. Послѣдовало объявленiе, по которому студенты, желающiе подчиняться матрикуламъ, обязывались присылать прошенiя по городской почтѣ, съ тѣмъ, что неподавшiе прошенiя будутъ считаться уволенными изъ Университета.

Къ вечеру, *7-го октября*, поступили прошенiя пяти-сотъ пятидесяти двухъ студентовъ и ста одного вольнослушающихъ, о допущенiи ихъ въ Университетъ, къ продолженiю курса [140]).

Вслѣдствiе сего, 11 октября, Университетъ былъ открытъ. Подъ этимъ числомъ, Никитенко записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Сегодня открытъ Университетъ... Караулъ въ швейцарской снятъ. Студентовъ собралось очень немного. У меня на лекцiи было четыре человѣка, у Благовѣщенскаго—два, у Ленца—тоже человѣка три, у Косовича—ни одного. Я прочиталъ лекцiю съ жаромъ и одушевленiемъ, какъ ни въ чемъ ни бывало. Мои немногочисленные слушатели слѣдили за ней съ обыкновеннымъ своимъ вниманiемъ. Я ими былъ совершенно доволенъ, да и они, кажется, мною. Между тѣмъ, небольшiя толпы студентовъ скитались, то у главнаго входа, то у малаго, съ Невы, какъ души грѣшниковъ у порога рая, въ который имъ воспрещенъ входъ. Это, кажется, были тѣ, которые

не подали просьбъ и не приняли матрикулъ. Говорятъ, что они похаживали тутъ съ умысломъ затѣять опять какую-нибудь демонстрацію. И такъ, первый день открытія Университета, котораго такъ боялось начальство наше, прошелъ благополучно. Каковы-то будутъ послѣдующіе" [141])?

Къ сожалѣнію, возстановленный, такимъ образомъ, порядокъ вновь былъ нарушенъ *12 октября.* Съ 10-ти утра, студенты начали стекаться къ Университету. При первомъ извѣстіи объ этомъ скопищѣ, прибылъ полиціймейстеръ и уговаривалъ студентовъ разойтись; но они не слушались и оставались на мѣстѣ, объявивъ, что они намѣрены совѣщаться о своихъ дѣлахъ. Тогда полиціймейстеръ окружилъ студенческую толпу городовыми и донесъ объ этомъ оберъ-полиціймейстеру. По пріѣздѣ оберъ-полиціймейстера, окруженнымъ студентамъ вновь предложено было разойтись, но они не только не послушались, но стали, махая шапками, звать выбывшихъ изъ Университета студентовъ, остававшихся вдали зрителями происшествія. Не видя возможности прекратить безпорядокъ безъ арестованія виновныхъ, оберъ-полиціймейстеръ послалъ за жандармами и за тремя взводами пѣхоты, для составленія конвоя. Студенты, окруженные городовыми и взводомъ жандармовъ, введены были на университетскій дворъ, и здѣсь составленъ имъ списокъ, по коему ихъ оказалось сто восемьдесятъ три человѣка. При выходѣ арестованныхъ на улицу, другая толпа, также состоявшая изъ студентовъ, собравшаяся у воротъ Университета, привѣтствовала ихъ криками, и стала подходить къ солдатамъ, вслѣдствіе чего приказано было жандармамъ отодвинуть толпу. Когда жандармы хотѣли исполнить приказаніе, студенты, имѣя въ рукахъ палки, начали ими отбиваться отъ жандармскихъ лошадей, а нѣкоторые бросились съ палками на солдатъ, при чемъ нѣсколькимъ нижнимъ чинамъ нанесены ушибы. Тогда взводъ Преображенскаго полка двинулся на толпу. При семъ кандидатъ Лебедевъ былъ ушибенъ ножнами жандармской сабли. Толпа студентовъ была

арестована и отправлена въ крѣпость, для дальнѣйшаго разбирательства, которое возложено на особую Коммиссію [142]).

Смущенный этими событіями, министръ Народнаго Просвѣщенія графъ Е. В. Путятинъ, 12-го октября 1861 года, писалъ митрополиту Московскому Филарету: „Со времени отъѣзда Государя Императора изъ С.-Петербурга, здѣсь постепенно становилось неспокойнѣе. Началась разсылка и раздача преступныхъ воззваній къ молодому поколѣнію, солдатамъ и крестьянамъ; затѣмъ открылись студенческія волненія съ возмутительными прокламаціями и протестами профессоровъ противъ правительственныхъ постановленій и распоряженій по Университету, наконецъ стали изготовляться адресы къ Государю Императору, съ значительнымъ числомъ подписей разныхъ лицъ и особенно служащихъ. Эти преступныя дѣйствія стоятъ въ тѣсной связи одно съ другимъ; произведенные аресты и слѣдствія указываютъ на многихъ участниковъ, въ числѣ которыхъ главнѣйше являются литераторы, за ними студенты, весьма подозрительны и нѣкоторые университетскіе профессора. Цѣль преступныхъ дѣйствій направлена къ ниспроверженію существующаго порядка и даже, повидимому, династіи... При такихъ обстоятельствахъ, весьма было бы благодѣтельно, если бы ваше высокопреосвященство нашли возможнымъ, при проѣздѣ Государя Императора чрезъ Москву, или въ особомъ письмѣ, выразить Его Величеству, что настоящее положеніе дѣла крайне опасно для государства и императорской власти и убѣдить, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, нужна большая твердость и сильныя мѣры".

Получивъ письмо Путятина, митрополитъ Филаретъ обратился къ своему Лаврскому намѣстнику Антонію съ слѣдующимъ вопросомъ: „Если человѣкъ, ревнующій о благѣ Царя и Отечества, предлагаетъ другому, чтобы сей, съ такою же цѣлью, рѣшился дѣйствовать внѣ круга своихъ обязанностей и дать совѣты нетребуемые; если сей второй видитъ, что можетъ только указать, что̀ неудовлетворительно, но не находитъ средствъ опредѣлить, что̀ было бы удовлетворительно; если

предвидитъ, что совѣтъ, если какой и было бы можно дать, или не будетъ исполненъ, или для исполненія впадетъ въ такія руки, что неудовлетворительное сдѣлается болѣе неудовлетворительнымъ: справедливо ли поступитъ сей, если ревность его не увлечетъ за предѣлы своихъ обязанностей? Если дѣйствующій въ предѣлахъ своихъ обязанностей увидитъ неудовлетворительность своего дѣла, онъ можетъ успокоивать свою совѣсть тѣмъ, что дѣйствовалъ по обязанности, какъ умѣлъ. Но если послѣдствіемъ дѣйствія внѣ круга обязанностей окажется вредъ, то дѣйствующій понесетъ въ совѣсти двоякій упрекъ, что сдѣлался причиною вреда и что дѣйствовалъ, когда не обязанъ былъ дѣйствовать.

Желалъ бы я слышать ваше о такомъ стеченіи обстоятельствъ разсужденіе. Но слово о семъ только между мною и вами, и не далѣе" [143]).

Въ томъ же духѣ Филаретъ и отвѣчалъ графу Путятину: „Господь да благословитъ вашу ревность о благѣ Царя и Отечества.

Господь да наставляетъ и укрѣпляетъ васъ на поприщѣ, исполненномъ трудностей, которыя приготовлены прежде васъ, но противъ которыхъ вамъ суждено выдерживать борьбу. Ихъ можно было предусматривать: и оказалось возможнымъ устранить, или не допустить, чтобы онѣ открылись такъ сильно.

Вы желаете возбудить мою ревность. Можетъ быть, я имѣю въ семъ нужду. Но для моей ревности есть кругъ, очерченный моимъ призваніемъ. Сей кругъ есть церковь, или, если судить строже, епархія. Если дѣйствованіе мое въ предѣлахъ моихъ обязанностей окажется неудовлетворительнымъ, могу облегчить мою скорбь много тѣмъ, что дѣйствовалъ по необходимому долгу, при посильномъ разумѣніи. Но если произвольно выступлю за предѣлы моихъ обязанностей, и послѣдствія окажутся нежелаемыя, я буду имѣть въ совѣсти сугубый упрекъ, что дѣйствовалъ не къ пользѣ, и что своею произвольною виною открылъ себѣ путь къ неполезному.

Немало думалъ я надъ тѣмъ, что̀ мнѣ сообщено, и много скорбѣлъ, и много недоумѣвалъ.

Чтò теперь требуется? Возбудить вниманіе къ опасности? Возбудить вниманіе къ потребности благоразумныхъ и твердыхъ мѣръ?

Но въ читанныхъ мною печатныхъ и письменныхъ воззваніяхъ, опасность такъ ярко видна, что болятъ глаза; она говоритъ сама о себѣ такимъ громкимъ и угрожающимъ голосомъ, что нельзя представить себѣ, чтобы это не возбуждало вниманія.

Рука не поднимается, чтобы переписать многое изъ того, чтò я прочиталъ. Укажу для примѣра на одно.

Великоруссъ хочетъ отдѣлить отъ Россіи не только Польшу, но и Южную Русь, а по теоріи, на которой сіе основано, конечно, и многое другое. Можно ли не видѣть, что хотятъ разрушить Россію.

Вспомните при семъ, что въ отчетѣ Слѣдственной Коммиссіи, по происшествію 14 декабря, упомянуто было, что тогда хотѣли раздѣлить Россію на семь республикъ. Сіе ведетъ къ заключенію, что *Великоруссъ* высказалъ не мимолетную мечту одной или немногихъ головъ; но что прилежная подземная работа разрушенія выходитъ наружу.

По сему нельзя думать, чтобы не было возбуждено вниманіе и къ потребности благоразумныхъ и твердыхъ мѣръ.

Разсуждать же о сихъ мѣрахъ я не имѣю не только призванія, но и возможности. Сіе не требуетъ доказательства.

Примѣчаю и долгъ имѣю поставлять во вниманіе себѣ, и, кому могу, что мы много согрѣшили передъ Богомъ охлажденіемъ къ православному благочестію, въ чемъ особенно вредные примѣры подаются изъ высшихъ и образованныхъ сословій, ослабленіемъ нравственныхъ началъ въ жизни частной и общественной, въ начальствованіи, въ судѣ, въ области наукъ и словесности, роскоши и даже въ скудости, — пристрастіемъ къ чувственнымъ удовольствіямъ, разслабляющимъ духовныя силы,—подражаніемъ иноземному, большею частію суетному и несродному, чѣмъ повреждается характеръ народа и единство народнаго духа, — преслѣдованіемъ частной и личной

пользы преимущественно передъ общею. Умножившіеся грѣхи привлекаютъ наказаніе, по реченному: *Накажетъ тя отступленіе твое* (*Іер.* II, 19). Средства противъ сего: дѣятельное покаяніе, молитва и исправленіе. Недостатки охранителей обращаются въ оружіе разрушителей.

Добродѣтели охранителей вырываютъ изъ рукъ оружіе у порицателей и возмутителей. Не время недѣятельности, да возбудится ревность; да умолкнутъ раздѣленіе и частные виды; да станутъ всѣ вѣрные и благонамѣренные, въ силѣ единства, въ крѣпкій подвигъ подъ общимъ знаменемъ: *Вѣра, Царь и Россія.* Вотъ что̀ долженъ я говорить и говорю, поколику могу, имѣющимъ уши *слышати*" [144]).

Никитенко, въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 17 октября 1861 г., замѣтилъ: „Говорить дурно о Правительствѣ, обвинять его во всемъ, сдѣлалось нынѣ модою. А я думаю, что если бы Правительство показало, что съ нимъ шутить нельзя, — мода эта быстро прошла бы" [145]).

XLIV.

1 мая 1861 года, профессоръ Московскаго Университета I. М. Бодянскій писалъ Погодину: „Въ Университетѣ нашемъ дивная совершается. Кажется, послѣдняя кончина ему приходитъ. Странныя пророчества ходятъ на счетъ его. Горе ему, если десятая часть сбудется" [146]).

Возвратившійся изъ Москвы, А. А. Краевскій сообщилъ Никитенко, что тамъ студенты „распущены еще хуже, чѣмъ въ Петербургѣ. Они явно требуютъ смѣны такихъ-то лицъ, чтобы начальство не мѣшалось въ ихъ дѣла, а главное, — совершенно не хотятъ ничему учиться. Дворянство въ Москвѣ — все, по словамъ Краевскаго, — сильно негодуетъ на нынѣшнее положеніе вещей. Словомъ, все приходитъ въ разладицу и безобразіе" [147]).

„Архіерейская присяга", — писалъ государю митрополитъ Филаретъ (25 мая 1861 года), — „обязываетъ архіерея, въ

чрезвычайныхъ случаяхъ, писать къ его императорскому величеству. Такой случай нечаянно мнѣ представился. Неизвѣстный, пришедъ ко мнѣ, сказалъ, что намѣренъ открыть мнѣ дѣло, касающееся до безопасности государства, для доведенія до свѣдѣнія вашего императорскаго величества. Не смотря на замѣчаніе мое, что есть другія должностныя лица, къ которымъ правильнѣе онъ можетъ обратиться, онъ, настоявъ на своемъ, прочиталъ мнѣ принесенную имъ записку, въ которой содержится переводъ прокламаціи поляка Мирославскаго, изъ Парижа, отъ 1 дня сего мая. о способахъ приготовленія и начатія возстанія въ Польшѣ и Литвѣ. Кромѣ сего, онъ объявилъ, что въ Московскомъ Университетѣ литографируются и въ большомъ числѣ распространяются антирелигіозныя и вредныя политическія сочиненія, въ доказательство чего представилъ четыре литографированныя брошюры.

Онъ присовокупилъ, что то же дѣлается въ университетахъ: Харьковскомъ, Кіевскомъ и Казанскомъ. Полагаю, что отъ проницательности правительства вашего императорскаго величества не скрыто, сколько истины заключается въ вышеизложенныхъ показаніяхъ; тѣмъ не менѣе, долгомъ вѣрности побуждаюсь не умолчать объ оныхъ предъ вашимъ императорскимъ величествомъ... Богъ правды да разрушитъ ковы враговъ Вѣры и Отечества и да сохранитъ престолъ вашего императорскаго величества въ мирѣ, силѣ и славѣ" [148]).

Въ Московскомъ Университетѣ, до 27 сентября (1861), все было спокойно. Телеграфическое извѣстіе о закрытіи Петербургскаго Университета взволновало студентовъ. Толпа ихъ, оставивъ Университетъ, перешла въ садъ для совѣщанія. Инспекторъ приглашалъ студентовъ разойтись: былъ освистанъ. Короче сказать, „вѣсть о закрытіи Петербургскаго Университета была искрой, которая зажгла горючіе матеріалы, копившіеся давно уже".

Петербургскіе студенты прислали въ Москву воззванія, письма... Отъ нихъ прибыли депутаты, которые 27 сентября

уже были въ Университетѣ и ораторствовали на сходкахъ. Присутствіе ихъ было замѣчено сторожами потому, что они не знали, куда идти и куда повѣсить шинели.

На другой день (28 сентября) волненія продолжались, и сборища были въ саду.

Вслѣдъ за симъ университетское начальство объявило о закрытіи I-го и II-го юридическихъ курсовъ [149]).

„Петербургскій Университетъ", — писалъ Погодинъ Шевыреву, — „закрытъ. Распоряженія одно другого нелѣпѣе. Въ Москвѣ закрыты два курса юридическіе. Попечителя не было, другіе начальники скрылись по угламъ, и несчастные молодые люди оставлены безъ всякаго совѣта и участія. Профессоровъ они ругаютъ безъ мѣры, и за неимѣніемъ авторитетовъ между ними, обратились даже къ прокурору" [150]).

30-го сентября, толпа студентовъ ворвалась въ зданіе Университета, сломала рѣшетку въ главныхъ сѣняхъ. Сдѣлано было предложеніе нести торжественно эту рѣшетку. По свидѣтельству очевидцевъ, „возражать разгоряченной толпѣ было не совсѣмъ безопасно. На одномъ студентѣ изорвали пальто и нанесли ему много оскорбленій. Покончивъ съ рѣшеткой, студенты заставили сторожей отпереть большую математическую залу, кричали, читали воззванія и адресы, требовали къ себѣ инспектора и разошлись, изломавъ нѣсколько мебели".

А. А. Стаховичъ, въ своихъ *Клочкахъ Воспоминаній*, пишетъ: „Произошло движеніе въ Московскомъ Университетѣ; жандармы, полиція оцѣпили студенческія толпы и тѣмъ прекратили движеніе экипажей по Моховой. Остановился длинный рядъ каретъ, остановилась и пролетка, на которой, опершись на палку съ золотымъ набалдашникомъ, сидѣлъ Н. Ф. Павловъ. Подходитъ къ нему салопница и, думая, что рядъ экипажей провожаетъ покойника, спрашиваетъ:

— Кого батюшка, хоронятъ?

— Науку, матушка, Науку, — отвѣчаетъ Павловъ.

— Дай ей Богъ царство небесное,—крестясь и отходя, проговорила старуха.

Въ день Покрова, коноводами назначено было собраться въ Клиникѣ. Студенты были сильно раздражены противъ медиковъ старшихъ курсовъ, остававшихся спокойно на лекціяхъ. Противъ нихъ и назначались сходки въ клиникахъ. Директоръ Хирургической Клиники, профессоръ Басовъ, объявилъ, что наканунѣ сдѣланы имъ важныя и опасныя операціи и что онъ не ручается за жизнь больныхъ въ случаѣ шумнаго сборища. То же самое подтвердилъ директоръ Терапевтической Клиники, профессоръ Оверъ, и Родильнаго Института, профессоръ Кохъ. Рѣшено было отправить директоровъ клиникъ къ помощнику попечителя, В. А. Дашкову, и просить его, чтобы онъ съ генералъ-губернаторомъ принялъ какія-нибудь мѣры для защиты больныхъ. Обращеніе къ генералъ-губернатору было необходимо, потому что еще 28 сентября получена была телеграмма отъ графа Путятина, которою предписывалось университетскому начальству не предпринимать ничего безъ генералъ-губернатора.

Нѣкоторые говорили профессору С. В. Ешевскому, что хорошо было бы профессорамъ обратиться къ студентамъ съ увѣщаніемъ прекратить безпорядки. Къ профессору Ѳ. М. Дмитріеву приходили студенты старшихъ курсовъ Юридическаго Факультета, непринимавшіе участія въ безпорядкахъ. Они говорили „о своемъ безсиліи противодѣйствовать крайностямъ, боялись закрытія Университета, на что и била крайняя партія, и выражали надежду, что вмѣшательство профессоровъ и ихъ убѣжденія могутъ имѣть вліяніе“. Между прочимъ, студенты указывали на Ешевскаго, говоря, что „его голосъ можетъ имѣть значеніе уже потому, что на его лекціяхъ собирается много народа и при томъ со всѣхъ факультетовъ“. Съ предложеніемъ говорить со студентами на лекціи пріѣзжалъ къ Ешевскому и Дмитріевъ, который сказалъ ему, что послѣ лекціи, онъ (Дмитріевъ) говорилъ со студентами вмѣстѣ съ Чичеринымъ. Но Ешевскій считалъ это безполез-

нымъ. „Закрытіе курсовъ“, — говорилъ онъ, — „взломъ рѣшетки и предполагавшійся походъ на Клинику показали, что дѣло уже зашло слишкомъ далеко, и что слова профессоровъ не остановятъ движенія“.

С. В. Ешевскій, въ своемъ *Воспоминаніи о Московскомъ Университетѣ*, передаетъ весьма интересный эпизодъ. „Воскресенье 1-го октября (1861)“,—пишетъ онъ,—„было для меня особенно памятно. По воскресеньямъ, утромъ и вечеромъ, назначенъ у меня пріемный день. Раньше другихъ явился ко мнѣ одинъ полякъ (студентъ). Кажется онъ былъ посланъ ко мнѣ Польскою партіею. Онъ сообщилъ, что получены письма отъ студентовъ Петербургскаго Университета, отъ Петербургской Духовной Академіи, изъ одного Петербургскаго военнаго заведенія, что у нихъ уже собрано пятьсотъ рублей на посылку депутата къ Государю на встрѣчу. Онъ же началъ мнѣ говорить о приготовлявшейся демонстраціи 4-го октября на могилѣ Грановскаго,—демонстраціи, которая должна была имѣть не университетскій характеръ, потому что въ ней должно было принять участіе общество и даже дамы, и онъ тотчасъ же поспѣшилъ присовокупить, что ждутъ, что я приму участіе въ ней. Я поторопился положительно объявить, что участіе ни въ какой демонстраціи на могилѣ Грановскаго я принять не могу и не знаю, какое право имѣютъ предполагать, что я захочу принять въ ней участіе. Полякъ старался убѣдить, что мнѣ нѣтъ причинъ отказываться отъ участія въ демонстраціи. Онъ говорилъ, что имя Грановскаго такое знамя, подъ которымъ можетъ стать каждый либеральный дѣятель. Я старался ему объяснить, что для насъ, въ нашемъ обычномъ собраніи 4-го октября, на могилѣ Грановскаго, онъ не знамя, а человѣкъ, память котораго драгоцѣнна людямъ, имѣвшимъ счастіе знать его близко, что для этихъ людей одна изъ первыхъ обязанностей не допускать, чтобы имя Грановскаго становилось знаменемъ, которымъ могли прикрываться стремленія, которымъ не могъ сочувствовать Грановскій, еслибъ былъ въ живыхъ, а про-

тивъ нѣкоторыхъ онъ высказался бы прямо и положительно. Въ жару спора полякъ проговорился и, узнавъ, что я непремѣнно буду на кладбищѣ 4-го октября, употребилъ въ дѣло послѣдній аргументъ. „На кладбищѣ будутъ жандармы и полиція и сочувствуете ли или нѣтъ демонстраціи, вашего присутствія довольно для того, чтобы отнести васъ къ числу участниковъ демонстраціи". Это меня взбѣсило. Я сказалъ ему, что одинаково не боюсь, ни жандармовъ, ни тѣхъ, кто его послалъ, и что ни полиція, ни демонстрація не помѣшаютъ мнѣ быть на кладбищѣ. Разговоръ оборвался... Пришло нѣсколько Русскихъ студентовъ. Они жаловались на дѣйствія крайней партіи, особенно Поляковъ, которые били прямо на закрытіе Университета" [151]).

13 октября 1861 года, И. С. Аксаковъ писалъ графинѣ А. Д. Блудовой: „У насъ нынче произошло побоище студентовъ, т.-е., ихъ собственно побили. Они пошли толпой къ генералъ-губернатору, просить объ освобожденіи товарищей, и стали на площади противъ дома. Имъ предложили разойтись, они не послушались, тогда явились два эскадрона жандармовъ и солдаты, бывшіе въ засадѣ и наготовѣ, бросились на студентовъ: одни бѣжать, кто драться; нѣсколько студентовъ тяжело ранили, человѣкъ двѣсти захватили и загнали въ часть, за остальными пустились въ погоню. Народъ помогалъ ловить, воображая съ чего-то, что это Дворяне пришли просить, чтобъ закрѣпостили опять крестьянъ. Надобно сказать правду, что Тучковъ до послѣдней минуты не хотѣлъ употреблять силы, но уже двѣ недѣли сряду профессора ругаютъ его за недостатокъ энергіи и упрекаютъ въ слабости, а Исаковъ, пріѣхавши, подъ вліяніемъ профессоровъ, потребовалъ отъ Тучкова употребленіе военной силы... Наканунѣ студенты просили Исакова, поймавъ его въ Университетѣ, принять отъ нихъ прошеніе; онъ отказалъ; они его выругали площаднымъ образомъ ему въ глаза. Хорошо угощеніе приготовили Государю для его возвращенія! Все это

такъ быть должно. Ложь должна совершить свой историческій кругъ" [152]).

Къ этому извѣстію, князь Д. Д. Оболенскій, въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, дѣлаетъ слѣдующее дополненіе: „Подбитые Поляками, толпы студентовъ отправились къ генералъ-губернатору Тучкову подавать просьбу. Тутъ и произошло такъ называемое Дрезденское сраженіе, т.-е., около гостинницы Дрезденъ, на Тверской площади, гдѣ было собрались студенты; разогнали несчастную ихъ толпу, и между ними не оказалось ни единаго изъ Поляковъ, благополучно вернувшихся съ полдороги. А нашихъ добрыхъ Русаковъ избили еще, кромѣ полиціи, разные лавочники, мясники да мужики" [153]).

Когда вѣсть о „Дрезденскомъ сраженіи" достигла Петербурга, Никитенко записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Говорятъ, что во время студенческихъ демонстрацій въ Москвѣ, студенты были побиты чернью, которая сочла ихъ бунтующими противъ начальства. Если это правда, то это фактъ очень знаменательный". Тотъ же Никитенко съ прискорбіемъ замѣчаетъ: „Продлись долго такое направленіе въ нашемъ юношествѣ, наша Наука быстро станетъ увядать, и мы рѣшительными шагами пойдемъ къ варварству" [154]).

„Молитесь о Россіи и о Москвѣ", — писалъ Филаретъ Антонію, — „Московскій Университетъ недавно былъ менѣе безпокоенъ, нежели Петербургскій, а теперь трудно сказать, который далѣе отъ мира".

Въ другомъ письмѣ, владыка писалъ: „О дѣлѣ университетскихъ студентовъ довольно рано говорено было начальству, что на оное надо смотрѣть глубже и искать основанія его въ землѣ. Не знаю, не вѣрили ль сему мнѣнію, или не проникли въ дѣло. Сегодня слышалъ я, что между ними есть изъ нихъ же Комитетъ, который угрозами и насильственными мѣрами держитъ ихъ въ повиновеніи изъ страха. Кажется, должностныя лица не знаютъ, что̀ знаетъ молва. Печально то, что̀ видимъ; и паки печально то, что *видящіе не видятъ. Не предаждь насъ до конца, Отцевъ Боже*" [155])!

XLV.

Къ мятущимся студентамъ, И. С. Аксаковъ написалъ *Посланіе*, которому предпослалъ въ своемъ *Днѣ* слѣдующее, такъ сказать, предисловіе: „Весь этотъ шумъ и гулъ, этотъ безсмысленный крикъ и гамъ намъ противенъ. Мы нисколько не сочувствуемъ всякимъ уличнымъ *демонстраціямъ*. Онѣ не въ нашихъ Русскихъ нравахъ; въ нихъ есть для насъ что-то комедіантское. Русскому человѣку, съ его высокимъ требованіемъ внутренней свободы, противно все условное, формальное, неискреннее, искусственное, натянутое или поставленное на ходули.... Эта черта живетъ не только въ простомъ народѣ, но и въ нашемъ образованномъ обществѣ. Что это значитъ, напримѣръ, это быстрое опошленіе словъ: *гласность*, *либерализмъ*, *гуманность*, *прогрессъ*, *красный* и т. п. Что значитъ, что намъ самимъ смѣшны всякіе юбилеи, процессіи (кромѣ, разумѣется, религіозныхъ), обѣды со спичами, всѣ эти условныя торжественныя позы, изученные пріемы, затверженныя фразы и проч., и проч.? Отчего никто изъ насъ, участвующихъ въ юбилеяхъ и процессіяхъ, не можетъ отнестись къ нимъ вполнѣ серьезно, не въ силахъ сохранить подобающую важность физіономіи? Все это отъ того, между прочимъ, что всѣ эти явленія лишены у насъ внутренняго жизненнаго содержанія, — а потому и легковѣсны; не имѣютъ корня въ нашемъ быту и въ сочувствіи нашего пятидесяти-милліоннаго Русскаго народа, да и совершаются большею частію изъ подражанія, по *справкѣ* съ западными обыкновеніями. Отправляется, напримѣръ, процессія на могилу съ вѣнками и лентами. Зачѣмъ тутъ вѣнки? Это дѣлаютъ католики на своихъ кладбищахъ; тамъ это и законно; но у насъ это безъ смысла. Почему ленты“?...

Далѣе, Аксаковъ спрашиваетъ: „Что такое, напримѣръ, наше молодое, учащееся племя? Вѣдь это наши братья и

сыновья, это Русское молодое поколѣніе, выросшее на нашей же почвѣ, при воздѣйствіи извѣстныхъ историческихъ и соціальныхъ условій; это выводъ изъ нашей же исторической и общественной жизни, это плоды посѣянныхъ нами же и нашими отцами сѣмянъ!..

Въ сентябрьской книжкѣ журнала *Свѣточъ* напечатана статья, строго обвиняющая *студентовъ*. Между прочими обвиненіями сказано, что *студенты* не уважаютъ Науку. Справедливо. Но кто же въ этомъ виноватъ? Развѣ въ Русскомъ обществѣ Наука и умъ, до послѣдняго времени были въ чести?.. Развѣ ваша Наука не была у насъ жалкимъ пересаженнымъ растеніемъ... *Студенты заражены всякими западными теоріями*... Да кто же, какъ не мы всѣ научили ихъ обезьяничать Европѣ, раболѣпствовать предъ послѣднимъ словомъ западной мысли, и т. п.“?

Высказавъ это, Аксаковъ приступаетъ къ своему Посланію, но съ оговоркою: *Не послушаетъ насъ молодежь, а все-таки скажемъ ей наше слово*:

„Бросьте всѣ ваши безполезные толки, волненія безъ содержанія и безъ цѣли, безъ опредѣленнаго смысла! Сами вы знаете, нигдѣ, ни въ какомъ государствѣ подобныя явленія не могутъ быть терпимы, какъ ненормальныя, безпорядочныя отправленія общественнаго организма. На крестьянскія сходки не допускаются крестьяне, которые еще не несутъ тягла. Вы также, вы еще не имѣете полныхъ правъ гражданскихъ, а слѣдовательно и голоса въ дѣлахъ общественныхъ. Съ какою цѣлію поступаете вы въ Университетъ? Съ единственною цѣлью учиться; другой цѣли, другой заботы, другой дѣятельности у васъ и быть не можетъ и быть не должно! Подумайте о тѣхъ горестныхъ послѣдствіяхъ, которыя могутъ навлечь на всѣхъ ваши поступки! Вы—молодое поколѣніе Россіи, вы ея цвѣтъ, ея надежда, вы—будущіе граждане, будущіе дѣятели на всѣхъ ея поприщахъ! — Вы должны запасаться силами и всякимъ духовныхъ оружіемъ для борьбы съ жизнью; вы должны пріобрѣтать знаніе и развивать мышле-

ніе, чтобы вести Россію по дальнѣйшему пути *истиннаго* прогресса. Вы должны изучать Россію и Русскую народность, чтобы наполнить бездну, еще отдѣляющую насъ отъ народа, чтобы возстановить цѣльность всего общественнаго организма, чтобы дѣйствовать согласно съ духомъ народа! Посудите сами: какого же добра можетъ ожидать Россія отъ недозрѣлыхъ, недоученыхъ, недоношенныхъ въ умственномъ отношеніи сыновей своихъ? Только пустоцвѣтовъ и пустозвоновъ! Любите ли вы Россію, любите ли вы народъ свой? Понимаете ли вы свое призваніе? Если любите, если понимаете, такъ займитесь дѣломъ, отнеситесь къ жизни посерьезнѣе, отрезвите себя крѣпкимъ умственнымъ трудомъ, воспитайте въ себѣ силу терпѣнья и могущество воли, развивайте мысль, возбуждайте дѣятельность сознанія, будьте безукоризненно честны и непоколебимо тверды въ своихъ нравственныхъ правилахъ, и вы дадите Россіи мужей, нужныхъ ей,—нужныхъ въ предстоящія ей трудныя времена испытанія. Не отнимайте же у себя силъ и способовъ для будущей дѣятельности!

Наши слова внушены вамъ искреннею скорбью о васъ, тревожной заботой о Россіи, и горячимъ сочувствіемъ ко всему, что въ вашей юности есть живаго и благороднаго" [156])...

По видимому, самъ Аксаковъ остался очень доволенъ своимъ *Посланіемъ*. По крайней мѣрѣ, вотъ что писалъ онъ графинѣ А. Д. Блудовой: „Московскіе студенты приняли статью мою хорошо. Многіе изъ нихъ, незнакомые, были у меня съ выраженіемъ сочувствія. Многіе очень рады этой опорѣ противъ матеріализма, для себя самихъ. Вліяніе Поляковъ для нихъ значительно поколеблено, и за это-то Поляки сердятся. Но боюсь, что пылкіе либералы, въ родѣ сумасбродной Саліасъ, собьютъ опять многихъ съ толку".

Н. И. Субботинъ, въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, пишетъ: „Помню, что графиня Е. В. Саліасъ горячо говорила о тогдашнихъ университетскихъ волненіяхъ, къ которымъ соприкосновенъ былъ ея сынъ, о своемъ очень рѣзкомъ письмѣ къ И. С. Аксакову, напечатавшему сильную порицательную статью

по поводу этихъ безпорядковъ, и прочла полученный отъ него весьма сильный, прекрасно написанный отвѣтъ, которому тутъ же, съ свойственною ей искренностью и прямотой, отдала полную справедливость".

„Кто-то въ Харьковѣ,—писала Кохановская Аксакову,— „собравъ къ себѣ студентовъ, кого зналъ, и не изъ тихихъ, прочиталъ имъ это Посланіе ваше, также ваше обращеніе къ студентамъ. Дѣйствіе вышло поразительное. Молодежь какъ скипѣла—затуманилась и тихо разошлась. Насладитесь, Иванъ Сергѣевичъ, этимъ дѣйствіемъ вашего слова благодушнаго, мужественнаго, прямого".

Но Аксаковъ, въ противорѣчіе письму своему графинѣ Блудовой, отвѣчалъ Кохановской: „Вы хвалите меня за статью о студентахъ! А студенты Московскаго Университета, прочитавъ эту статью, обидѣлись и отослали мнѣ назадъ газету, разумѣется, не всѣ, а часть ихъ. И они же потомъ выбрали меня для храненія суммъ, жертвуемыхъ въ пользу одного студенческаго предпріятія"!

Посланіе Аксакова къ студентамъ возбудило негодованіе Костомарова, и онъ писалъ ему: „Мнѣ кажется, что вы несправедливы къ студентамъ. Вы соглашаетесь со *Свѣточемъ*, что они не уважаютъ Науки. Нѣтъ, они уважаютъ Науку, уважаютъ ее даже и тѣ, которые въ ней слабы по недостатку способностей или прилежанія. Разумѣется, въ семьѣ не безъ урода, но о всей массѣ такъ отзываться несправедливо. Аудиторіи наши постоянно были наполнены—чему приписать это какъ не уваженію къ Наукѣ и участію въ ней? Вѣдь лекціи скучно слушать; для забавы не пойдутъ—особенно двадцать, сорокъ разъ. Весной мнѣ пришлось экзаменовать окончившихъ курсъ въ Историко-Филологическомъ Факультетѣ: изъ сорока двухъ я одному только сдѣлалъ снисхожденіе, потому что онъ былъ недавно боленъ тифомъ. Прочіе получили полные балы по достоинству. Волненія ихъ не безъ цѣли, у нихъ была цѣль, также показывающая уваженіе къ Наукѣ. Ихъ возмутило преграждение пути бѣднымъ къ образованію. Ко-

нечно, становясь на государственно-полицейскую точку, я не скажу, чтобы Правительство, по своимъ видамъ дѣйствуя, было не право, заключивши ихъ въ крѣпость (хотя по моему крайнему разумѣнію, не для чего было ихъ бить прикладами по головамъ, когда можно было безъ этого погнать въ крѣпость, куда они сами хотѣли); но suum cuique... Нельзя же не отдать должнаго одобренія этимъ благороднымъ юношамъ, которые въ этомъ дѣлѣ держали себя чрезвычайно прилично съ уваженіемъ къ общественному порядку, и пошли въ тюрьму бодро, сознательно, благородно. Если бы они и заблуждались, то побужденія ихъ были честны. Вы находите, что такія явленія — плодъ подражанія Западу, и что Русскому человѣку противно все *условное*, *формальное*, *какъ-то обѣды со спичами*, *условныя торжественныя позы*, *изученные пріемы*, *затверженныя фразы* и т. п. Помилуйте! Да не держался ли весь обиходъ старыхъ Великорусскихъ царей на такихъ условныхъ пріемахъ, не состоялъ ли весь изъ обрядностей? Обѣды со спичами! А помните ли какъ поступали, когда угощали посланниковъ? Поминте ли спичи съ царскими титулами, заздравные возгласы, помните ли торжественныя тронныя встрѣчи дѣтей боярскихъ, гостей и всякаго народа толпы, нарочно одѣтыя въ цвѣтное платье, помните ли ребяческіе споры съ чужеземными послами о томъ, кому первому ступить, кому перкому заговорить? Помните ли, что изъ-за описокъ въ титулѣ воевали съ Поляками? Наконецъ, вся Русская домашняя жизнь заткана въ условные пріемы и сѣтью обрядовъ опутана. Свадьба, похороны, именины... вездѣ обрядъ, вездѣ *условныя позы*, *изученные пріемы*, *затверженныя фразы* и проч. и проч. Странно, вы приписуете Западу то, что существовало издавна у насъ, какъ наша особенность. Я никакъ не поклонникъ обезьяничества Западу: оно мнѣ приторно и гнусно; но для чего же взваливать на Западъ то, что само собой и безъ Запада необходимо является, какъ общечеловѣческое качество? Я рѣшительно не понимаю *высшаго требованія внутренней свободы* и не знаю, когда Русскій человѣкъ заявлялъ его. Чего нѣтъ

внѣ, того и внутри нѣтъ: иначе внутреннее высказалось бы внѣшнимъ. Не думаю, чтобы Русскій человѣкъ чуждался лжи и неправды, а напротивъ, и въ Исторіи, и въ настоящей жизни только и вижу, что ложь и неправду и вполнѣ раздѣляю геніальное изреченіе князя Хворостинина: *Русская Земля дретъ все рожью, а живетъ все ложью*" [157]).

Что касается до *уваженія студентовъ къ Наукѣ* и даже къ тому предмету, который съ успѣхомъ преподавалъ самъ Н. И. Костомаровъ, въ Петербургскомъ Университетѣ, приведемъ свидѣтельство академика и профессора А. В. Никитенко. Подъ 12 апрѣля 1861 года, въ *Дневникѣ* его записано: „Экзаменъ въ Университетѣ изъ Русской Исторіи. Надо отдать справедливость этимъ юношамъ: они прескверно экзаменовались. Они совсѣмъ не знаютъ—и чего не знаютъ?— Исторіи своего Отечества. Въ какое время?—когда толкуютъ и умствуютъ о разныхъ государственныхъ реформахъ. У какого профессора не знаютъ?—у наиболѣе популярнаго и котораго они награждаютъ одобрительными криками и апплодисментами. Кто не знаетъ?—историко-филологи, у которыхъ Наука считается все-таки въ наибольшемъ почетѣ и которые слывутъ лучшими студентами, не знаю, впрочемъ, почему. Невѣжество ихъ, вялость, отсутствіе логики въ ихъ рѣчахъ, неясность изложенія превзошли мои худшія ожиданія" [158]).

Да и самому Н. И. Костомарову вскорѣ пришлось на собственной спинѣ испытать это *уваженіе студентовъ къ Наукѣ*, когда они, весною 1862 года, въ залѣ Городской Думы, куда перенесено было университетское преподаваніе, его освистали и заставили прекратить чтеніе лекцій.

XLVI.

Въ самый разгаръ страстей политическихъ, 28 октября 1861 года, Б. Н. Чичеринъ, вступая на каѳедру Московскаго Университета, имѣлъ мужество и благородство сказать предъ воспламененными студентами, въ своей вступительной

лекціи по Государственному Праву: „Въ настоящее время, преподаваніе Государственнаго Права въ нашемъ Университетѣ важнѣе, нежели когда либо. Мы живемъ въ эпоху великихъ преобразованій въ Русскомъ государствѣ. На нашихъ глазахъ совершается одинъ изъ тѣхъ переворотовъ въ народной жизни, которые составляютъ эпоху въ Исторіи. Я разумѣю освобожденіе крестьянъ... Новый гражданскій порядокъ требуетъ цѣлой новой администраціи... Тамъ, гдѣ прежде достаточно было одного помѣщика, теперь нужна полиція, нуженъ судъ. Положеніемъ о крестьянахъ учреждена небывалая еще у насъ должность—мировые посредники, которые получили весьма важное значеніе въ администраціи. Съ этимъ въ связи находится предполагаемое преобразованіе уѣздныхъ и губернскихъ учрежденій... Но и самый судъ настоятельно требуетъ преобразованія... А между тѣмъ, у насъ нѣтъ еще самыхъ существенныхъ условій правильнаго суда. У насъ нѣтъ магистратуры, нѣтъ адвокатовъ, нѣтъ юриспруденціи... Наконецъ, все наше финансовое управленіе получаетъ новую организацію и проч.... Всякій безпристрастный человѣкъ долженъ сознаться, что, вообще говоря, преобразованія совершаются обдуманно, съ соблюденіемъ истинныхъ интересовъ государства. Освобожденіе крестьянъ не только великая мысль, но какъ исполненіе, оно дѣлаетъ честь Россіи... и даетъ намъ почетное мѣсто въ ряду Европейскихъ народовъ. По этому, настоящее время, въ виду совершающихся перемѣнъ, которыя охватываютъ жизнь до самого корня, одно непростительное легкомысліе можетъ ограничиваться критикой частныхъ стѣснительныхъ мѣръ или вѣковыхъ злоупотребленій... Истинный патріотизмъ возвышается надъ этими мелкими побужденіями и обращаетъ свои взоры на то, что составляетъ существенную пользу Отечества... Но государственной дѣятельности мало. Истинное плодотворное развитіе требуетъ содѣйствія всѣхъ гражданъ... Общественное мнѣніе начинаетъ предъявлять у насъ свои требованія“.

Но, говорилъ Чичеринъ, „общественное мнѣніе тогда

только можетъ быть полезнымъ... когда оно въ себѣ самомъ носитъ начала общественнаго благоустройства и сознаетъ потребности государственнаго порядка... Общественное мнѣніе шаткое, страстное, безразсудное вызываетъ только реакцію и бросаетъ тѣнь подозрѣнія на свободу. Между тѣмъ, у насъ слышится только нестройный говоръ... Стоитъ прислушаться къ хаосу разнорѣчащихъ возгласовъ, которые раздаются кругомъ насъ, стоитъ вникнуть въ эту полную анархію умовъ, шатающихся изъ стороны въ сторону и хватающихся за самыя крайнія мнѣнія... Весь этотъ буйный разгулъ мысли, все это умственное и литературное казачество составляютъ, къ несчастію, проявленіе одной изъ историческихъ стихій Русской жизни. Но ей всегда противодѣйствовали разумныя общественныя силы, которыя поставляли себѣ задачею развитіе гражданственности и порядка.... Государственные люди и общественные дѣятели вырабатываются не канцелярскою рутиной, не чтеніемъ газетныхъ статеекъ и не шумными рѣчами на площади, а серьезнымъ и усидчивымъ трудомъ. Мы надѣемся, что, не смотря на временное увлеченіе, наши университеты не уклонятся отъ существенной своей задачи—готовить полезныхъ дѣятелей для Русской Земли... Не думайте, чтобы предстоящій вамъ трудъ былъ маловаженъ. Государственные вопросы разрѣшаются нелегко. Тутъ недостаточно однихъ добрыхъ намѣреній... Менѣе всего достаточенъ тотъ дешевый либерализмъ, который, являясь нынѣ на всѣхъ перекресткахъ и пренебрегая Наукою и трудомъ, питается журнальными крохами"...

Засимъ Чичеринъ представляетъ своимъ слушателямъ „общій очеркъ Науки", о которой ему придется „бесѣдовать" съ ними... Тутъ, говоря о народахъ государственныхъ и негосударственныхъ, Чичеринъ сказалъ: „Государственный народъ тотъ, который способенъ установить надъ собою высшій порядокъ, разумно и единодушно подчиниться верховной власти. Государственные народы одни имѣютъ высшее сознаніе и силу, одни призваны играть роль въ Исторіи. Государственные на-

роды—вѣнецъ человѣчества. Оттого, господа, мы, Русскіе, не остались на степени Болгаръ или Хорватъ. Государственный смыслъ Русскаго народа раскинулъ Россію на то необъятное пространство, которое составляетъ для насъ Отечество и далъ ему возможность играть историческую роль, которою можетъ гордиться Русскій человѣкъ. Поэтому у насъ тотъ только можетъ сознательно кидать камень въ государство, въ комъ исчезло пламя любви къ Отечеству... Нѣтъ, государство—живое единство народа... Государство есть самъ народъ, какъ единое цѣлое, какъ живой организмъ, какъ нравственное лицо, какъ историческій дѣятель... Потому, когда Исторію народа противополагаютъ Исторіи государства, какъ будто государство есть что то внѣшнее и чуждое народу, мы можемъ видѣть въ этомъ только смѣшеніе понятій"...

Затѣмъ Чичеринъ замѣчаетъ: „Юриспруденція есть логика правъ и обязанностей. Коренное ея начало—правда; выраженіе ея—законъ, имѣющій обязательную силу для всѣхъ. Законъ связываетъ въ единое тѣло разрозненныя лица, подчиняя ихъ единой государственной власти. Повиновеніе закону!—вотъ первое требованіе правды, первый признакъ гражданственности, первое условіе свободы. Свобода анархическая—преддверіе деспотизма. Свобода, подчиняющаяся закону, одна можетъ установить прочный порядокъ. Не думайте притомъ, чтобы повиновеніе закону ограничивалось однимъ хорошимъ закономъ. Еслибы всякій сталъ исполнять только тѣ законы, которые онъ считаетъ хорошимъ, то было бы полное господство анархіи"...

Вступительную лекцію свою Чичеринъ заключилъ такъ: „Въ стѣны этаго зданія, посвященнаго Наукѣ, не долженъ проникать шумъ страстей, волнующихъ внѣшнее общество. Здѣсь мы должны, углубляясь въ себя, въ тишинѣ готовиться на жизненное дѣло или на полезное поученіе. Для васъ время дѣятельности, борьбы, страстнаго участія въ общественныхъ вопросахъ, придетъ своимъ чередомъ. На долгой, предстоящей вамъ жизненной дорогѣ, вы успѣете утомиться жи-

тейскими заботами и тогда вы съ сожалѣніемъ вспомните о той порѣ, когда вамъ дана была возможность съ несокрушенными силами, съ непоблеклыми надеждами посвящать себя спокойному и безкорыстному труду. Призванный къ жизни и дѣятельности человѣкъ долженъ дорожить тѣми рѣдкими минутами, когда онъ можетъ собираться внутри себя и устремлять свои взоры на близкій душѣ его идеалъ. Идеалъ этотъ для насъ Наука, во имя которой мы собраны здѣсь... И здѣсь, какъ примѣръ и поученіе, возникаютъ передъ нами образы нашихъ предшественниковъ въ Московскомъ Университетѣ,— людей посвящавшихъ свою жизнь святому дѣлу образованія. Объ одномъ я не могу не вспомнить въ настоящую минуту съ сокрушеніемъ сердечнымъ. Я имѣлъ счастіе слушать его, знать и любить. Я говорю о Грановскомъ... Тайна силы Грановскаго заключалась не въ пошломъ исканіи мимолетной популярности, не въ лести юношескимъ страстямъ, не въ громкомъ провозглашеніи новыхъ идей, плѣнительныхъ для молодого воображенія, а въ самомъ благородствѣ природы человѣка... въ томъ возвышенномъ настроеніи духа, которое побуждало его съ вершины Науки, съ высоты человѣческихъ идей, сочувствовать всему человѣческому и мягко и любовно относиться ко всѣмъ явленіямъ жизни, въ которыхъ выражалось искреннее чувство или благородная мысль. Онъ былъ олицетворенная поэзія, воплощеніе всѣхъ лучшихъ стремленій человѣка. Онъ былъ и остается красою Университета, и мы, его преемники, можемъ обращаться къ его памяти для поддержки и возбужденія на предстоящемъ намъ пути. И кажется мнѣ, что дорогая тѣнь блуждаетъ еще по этимъ аудиторіямъ; мнѣ кажется, что она невидимо присутствуетъ между нами, благословляя и поучающихъ и слушателей на общее служеніе Отечеству въ дѣлѣ образованія. Но эта драгоцѣнная для насъ память, господа, не должна служить для насъ предлогомъ для шумныхъ манифестацій. Мы не должны призывать ее въ свидѣтели своихъ страстныхъ увлеченій; но, какъ душевное сокровище, мы должны беречь ее для освященія

того мирнаго и плодотворнаго труда, который составляетъ жизненное дѣло Университета... Въ этомъ состоитъ завѣщанное намъ преданіе, которое мы обязаны свято хранить, преданіе, которое передаваясь непрерывною цѣпью отъ поколѣнія къ поколѣнію, дѣлаетъ изъ Университета учрежденіе незыблемое, краеугольный камень Русскаго Просвѣщенія и надежду Русской Земли" [159]).

XLVII.

„Не тѣ виноваты",—писалъ Никитенко,—„у которыхъ едва начинаетъ пробиваться пухъ на верхней губѣ, а тѣ, у которыхъ уже начинаетъ сѣдѣть щетина на бородѣ" [160]).

Противъ исполненной гражданскаго мужества лекціи Чичерина возстали и Западники и Славянофилы.

Въ *Отечественныхъ Запискахъ*, появилась статья К. Н. Бестужева-Рюмина, подъ заглавіемъ: *Историческое и политическое доктринерство въ его практическомъ положеніи*. Статью свою авторъ начинаетъ такъ: „Кому изъ Русскихъ читателей неизвѣстна та тѣсная, сердечная связь, которая соединяетъ всѣхъ бывшихъ воспитанниковъ Московскаго Университета съ ихъ alma mater... Московскій Университетъ долго считалъ въ числѣ своихъ членовъ такихъ людей, вся жизнь которыхъ была проникнута сознаніемъ высокаго долга профессора... Люди эти внушали къ себѣ не только любовь, но какое-то фанатическое обожаніе... Могучее слово ихъ вносило успокоеніе въ колеблющіеся умы... Долго ихъ именами, ихъ нравственнымъ вліяніемъ поддерживалось довѣріе къ ихъ бывшимъ товарищамъ, къ ихъ любимымъ ученикамъ; но это довѣріе день-ото-дня подрывается все болѣе и болѣе. Отчего же? Отвѣтъ на этотъ грустный вопросъ мы находимъ во вступительной лекціи Чичерина.

Чичеринъ любитъ обращаться къ памяти Грановскаго: къ его тѣни взываетъ онъ въ концѣ своей вступительной лекціи; но въ этомъ случаѣ лучше бы было не взывать; имя Гра-

новскаго служитъ здѣсь только для прикрытія профессорамъ Московскаго Университета: въ доказательствахъ уваженія къ памяти умершаго послышалось недовѣріе къ живымъ (sic). Вотъ источникъ сентиментальныхъ воззваній къ тѣни... Намъ странно, что Чичеринъ прибѣгаетъ къ подобнымъ уловкамъ: онъ только-что является въ Университетъ, онъ ничѣмъ, кромѣ благодарныхъ воспоминаній, оставленныхъ блистательнымъ прошлымъ, не связанъ съ нимъ; къ чему же неприличная манифестація на каѳедрѣ? Къ чему же солидарность съ тѣми, кто не умѣлъ поддержать себя на той высотѣ, на которую Грановскій поставилъ университетскую каѳедру? Не лучше ли бы было постараться самому возвыситься до этого идеала? Или легче прятаться за составленное уже имя и высказывать отъ его лица требованія, которыя онъ, можетъ быть, и не одобрилъ бы? Почему вы знаете, что Грановскій былъ бы въ настоящую минуту съ вами? Припомните, что не всѣ друзья Грановскаго, занимающіе подобный вамъ въ общественной дѣятельности постъ, раздѣляютъ ваши требованія и взгляды".

Обращаясь отъ „поучительной" къ „ученой части" лекціи Чичерина, Бестужевъ замѣчаетъ: „Быть можетъ въ послѣдней найдемъ объясненіе первой".

„Какой же теоріи",—спрашиваетъ Бестужевъ,—„приноситъ въ жертву Чичеринъ все многостороннее богатство умственнаго развитія? Какой алкоранъ принесъ онъ съ собой на каѳедру Московскаго Университета"?

„Теорія его",—отвѣчаетъ Бестужевъ,—„знакома читателямъ: она высказалась еще въ *Областныхъ Учрежденіяхъ* и во всѣхъ статьяхъ Чичерина. Теорія эта—теорія Государственной Централизаціи... Не разъ и въ теоріи, и на практикѣ, государство хотѣло быть всѣмъ, и что же выходило въ результатѣ? Подобныя примѣры встрѣчаются не только въ восточныхъ ѳеократіяхъ и деспотіяхъ, гдѣ правительство завѣдуетъ и частными отношеніями отдѣльныхъ лицъ, но и въ государствахъ новой Евпропы: государство было все при Фи-

липпѣ II, и Испанія обѣднѣла; при Лудовикѣ XIV, и кто не знаетъ, чѣмъ кончилось это блистательное царствованіе?... Чичеринъ хочетъ образовать механиковъ, которые будутъ со временемъ приставлены къ государственной машинѣ... Съ грустнымъ чувствомъ свернули мы листокъ *Московскихъ Вѣдомостей*, въ которомъ напечатана лекція Чичерина. Гордая, непреклонная доктрина его осталась въ томъ же видѣ, въ которомъ она была два года назадъ; она даже сдѣлала шагъ впередъ... Ученіе это составляетъ у Чичерина догматъ, которымъ объясняется все въ мірѣ и которому все должно подчиниться... Странно, что въ то время, какъ въ трудахъ западныхъ ученыхъ сфера Государства все болѣе и болѣе съуживается, у насъ является теорія, стремящаяся ее расширить, что, конечно, роскошь въ нашей жизни" [161]).

На эту статью Чичеринъ отвѣчалъ *Замѣткою*, въ которой, между прочимъ, читаемъ: „Я совершенно равнодушенъ къ тому, что Бестужевъ приписываетъ мнѣ теоріи и взгляды, въ которыхъ я ничѣмъ не повиненъ... Заводить пренія по поводу вступительной лекціи я считаю неумѣстнымъ... Но въ статьѣ Бестужева есть намеки, которые не должны остаться безъ отвѣта.

Вступая въ первый разъ на каѳедру, я въ силу понятнаго чувства, обратился къ драгоцѣнной для меня и для всего Университета памяти Грановскаго. А говоря о Грановскомъ и объ его значеніи для Университета, я естественно не могъ не упомянуть о томъ, что недавно память его призывалась при разгарѣ страстей во время волненій. Друзья и почитатели Грановскаго ежегодно, и даже нѣсколько разъ въ годъ, служатъ панихиду на кладбищѣ, гдѣ онъ погребенъ; но до сихъ поръ это совершалось не въ видѣ демонстраціи, не съ политическою или общественною цѣлью; имя Грановскаго не служило знаменемъ при раздорахъ и лозунгомъ для партій; приходившіе къ его могилѣ, въ тишинѣ и благоговѣніи вызывали въ себѣ образъ человѣка, о которомъ воспоминаніе способно возвысить душу. Нынѣш-

ній годъ было не то. Мнѣ было больно это видѣть. Съ чьей бы стороны, по какому бы поводу ни произошла на могилѣ Грановскаго манифестація, которая бы возбуждала страсти и вызывала вмѣшательство полицейской силы, я бы одинаково нашелъ ее достойною сожалѣнія, и объ этомъ я счелъ нужнымъ сказать въ своей вступительной лекціи" [162]).

Вступительная лекція Чичерина также весьма не понравилась и И. С. Аксакову, этому славянофилу „по наслѣдству", и онъ выступилъ противъ этой лекціи въ своемъ *Днѣ*. Но предварительно онъ писалъ графинѣ Блудовой слѣдующее: „Въ 5-мъ №-рѣ передовая статья будетъ отчасти направлена на первую лекцію Чичерина, имѣвшую большой успѣхъ въ обществѣ и въ которой воздается поклоненіе государственности, власти, формальному закону, и проч.,—и вообще на нашихъ профессоровъ, обвиняющихъ Тучкова въ слабости, въ томъ, что онъ не далъ имъ тотчасъ полицейской команды, какъ они о томъ просили и проч" [163]).

Наконецъ, въ своей передовой статьѣ, въ этомъ оглашеніи всему міру, Аксаковъ вѣщалъ: „Съ холодныхъ высотъ ученыхъ каѳедръ раздается отрицаніе самой жизни, ея смысла, значенія и правъ! Наука... возвѣщаетъ намъ, что въ мірѣ нѣтъ ничего кромѣ мертваго государственнаго организма, что все совершается и должно совершаться отъ власти и посредствомъ власти,—въ какой бы формѣ она ни проявилась, лишь бы носила она на себѣ печать внѣшней законности... Съ точки зрѣнія такой несчастной доктрины, нѣтъ мѣста, внѣ порядка государственности, никакому свободному творчеству народнаго духа... Начало правды формальной и условной ставится выше началъ внутренней свободы, правды и совѣсти... Эта доктрина, мѣшая и путая всѣ понятія, сама въ себѣ носитъ, по нашему мнѣнію, признаки безплодія и смерти.. Государство, конечно, необходимо, но не слѣдуетъ вѣрить въ него, какъ въ единственную цѣль и полнѣйшую норму человѣчества ...То, что является какъ несовершенство, какъ неизбѣжное зло ...*Наука*

съ каѳедры выдаетъ намъ за высшую степень человѣческаго развитія, возводитъ въ апоѳеозъ вѣчной безусловной истины!... Намъ говорятъ, что для юриста повиновеніе закону (безразлично хорошему и дурному) есть такая же аксіома, какъ дважды два четыре для математика... Законъ не есть непреложная истина, не есть какое-то непогрѣшимое изреченіе оракула, неподверженное измѣненіямъ: онъ имѣетъ значеніе ограниченное и временное, и безсмысленъ законъ, носящій въ себѣ притязаніе уловить въ свои тѣсныя рамки свободную силу постоянно творящей и разрушающей жизни"!

Въ заключеніе, Аксаковъ, между прочимъ, писалъ: „Эта печальная доктрина выросла не на нашей почвѣ, она заемная; но тѣмъ не менѣе, достойны сожалѣнія тѣ, которые приняли ее въ душу и принесли ей въ жертву свое трудолюбіе и таланты" [104]).

XLVIII.

Вступительная лекція Б. Н. Чичерина была прослушана и многими прочитана съ полнымъ вниманіемъ и сочувствіемъ. О „большомъ же успѣхѣ" ея „въ обществѣ" свидѣтельствовалъ самъ И. С. Аксаковъ; а потому передовая статья послѣдняго въ *Днѣ*, направленная весьма рѣзко противъ лекціи Б. Н. Чичерина, произвела на многихъ и даже на людей, близкихъ къ Аксакову, весьма непріятное впечатлѣніе, о чемъ свидѣтельствуетъ опять таки самъ Аксаковъ, въ своемъ замѣчательномъ письмѣ къ графинѣ А. Д. Блудовой, отъ 20 ноября 1861 года.

„Какъ мнѣ ни жаль это",—писалъ Аксаковъ,—„но вѣдь мы съ вами не во всемъ согласны, и такъ какъ я провожу свой, а не вашъ взглядъ, то мнѣ еще не одинъ разъ придется огорчить васъ статьями, которыя вамъ не по сердцу. Подумайте сами: развѣ не противоестественъ, не чудовищенъ воображаемый вами мой союзъ съ Петербургскимъ Правительствомъ, съ Дворомъ и т. д. Я иду своей дорогой: если вамъ

и вашимъ приходится пройти со мною un bout de chemin по одной дорогѣ, я очень радъ, но я знаю и помню хорошо то, что вы не пойдете, не отважитесь идти туда, куда ведетъ меня моя дорога.—Вашъ путь идетъ въ сторону, а я съ своей дороги не сворачиваю и не сворочу. Позвольте мнѣ считать себя лучшимъ судьею въ томъ: вѣренъ или невѣренъ я славянофильскимъ принципамъ. Я вамъ всегда говорилъ, когда вы ручались за меня en haut lieu, что вы берете на себя слишкомъ большую отвѣтственность, что я не отступлю отъ своихъ убѣжденій ради деликатности; извольте меня знать и разумѣть, какимъ я есть, а сдѣлать изъ меня Hofpoët'a или Hofpublicist'a вамъ не удастся. Я пишу вовсе не для того, чтобы имъ нравилось,—а нравится имъ, что я пишу, тѣмъ лучше для нихъ. Что Евграфу Петровичу *) не нравится моя статья, это въ порядкѣ вещей, такъ и быть должно; а развѣ мнѣ его управленіе Министерствомъ и все, сочиненное имъ для университетовъ, нравится? Нисколько.—Это меня ни малѣйшимъ образомъ не смущаетъ.—Что не нравится вашему батюшкѣ—это мнѣ искренно прискорбно, но это я приписываю неясности статьи или какому-нибудь недоразумѣнію: онъ читалъ или, вѣрнѣе, слушалъ статью уже предубѣжденный. Что Ѳедору Ивановичу **) не нравится—это меня просто удивляетъ: для него не должно было-бы быть даже и недоразумѣнія! Онъ можетъ называть статью неосторожной, не дипломатической, наконецъ неловко выраженной, но я никакъ не предполагалъ (впрочемъ, я его мало знаю), чтобъ онъ былъ противъ идеи самой статьи.—Что Делянову не нравится? Въ порядкѣ вещей! Что Княжевичу не нравится? Въ порядкѣ вещей! Что Урусову не нравится? Я бы усомнился въ правдѣ своей статьи, еслибы она ему понравилась Что Долгорукову не нравится? Слава Богу! Что вамъ не нравится—это меня искренно огорчаетъ и доказываетъ, что вы просто-напросто не поняли моей

---

*) Ковалевскому. *Н. Б.*
**) Тютчеву. *Н. Б.*

статьи. Вы очень мило начинаете мнѣ толковать о значеніи и необходимости законовъ и т. д. Но кто же вамъ говоритъ противное? Развѣ я что нибудь подобное проповѣдую. Я проповѣдую самому закону: Знай сверчокъ свой шестокъ, не суйся въ ту область, гдѣ тебѣ не мѣсто, и не считай себя непреложной истиной и полнѣйшимъ выраженіемъ правды. Чичеринъ сказалъ, что для юриста (помните это для юриста, а не просто для гражданина: какъ это у васъ въ Петербургѣ читать не умѣютъ!) повиновеніе закону и проч. есть такая же аксіома, какъ дважды два четыре для математика. Зная полицейскій элементъ всѣхъ доктринъ Чичеринскихъ, я замѣтилъ ему, что эта житейская аксіома не входитъ въ кругъ соображеній юриста; что профессоръ не есть квартальный, и что напротивъ, для юриста важно отношеніе жизни къ закону. Все это совершеннѣйшая истина; можно и должно повиноваться всякому, даже гнусному закону, коли совѣсть позволяетъ, но не слѣдуетъ благоговѣть передъ закономъ, какъ передъ абсолютной истиной; дважды два четыре есть вѣчная, непреложная, неизмѣнная, безусловная истина: съ нею-то сравнилъ Чичеринъ всякій законъ, который, какъ ни будь онъ хорошъ, подлежитъ условіямъ времени, мѣста, зависитъ отъ случайныхъ, нерѣдко и самыхъ неразумныхъ причинъ. — Императоръ Павелъ хотѣлъ объявить себя главою церкви и служить обѣдню. Какъ по вашему: слѣдуетъ благоговѣть предъ этимъ закономъ? Вы скажите: да ужъ этотъ законъ касается вѣры и проч. А, такъ вы все же полагаете ему предѣлы. Законъ предписывалъ женѣ доносить на мужа въ политическихъ преступленіяхъ; чтожъ, это такая же истина, какъ дважды два четыре? Вы скажете: да, но это область нравственности! Опять вы уже ограничиваете дѣйствіе закона.—Но я вовсе и не проповѣдываю гражданамъ неисполненіе закона: это дѣло ихъ собственной совѣсти и жизни. Но юристъ, т.-е. ученый, изслѣдующій теорію законовъ и науку Права, долженъ насквозь проникнуться тою истиною, которую я проповѣдываю; долженъ знать предѣлы закона, чтобы не писать законовъ для той

области, куда ему соваться не слѣдуетъ; долженъ понимать всю условность и ограниченность законодательной формулы, долженъ помнить, что есть законъ нравственный и правда, которая выше всякаго скрѣпленнаго и подписаннаго человѣческаго закона, долженъ думать, наконецъ, не о томъ, чтобы карать неисполненіе закона, а о томъ, почему такой законъ не исполняется.—Законы наши уголовные несовершенны, но знаете ли, что бы вышло, еслибъ принять въ душу вашу и Чичеринскую бездушную теорію. Передъ вами преступникъ, обвиняемый, напр., въ томъ, что проѣхалъ по чужой подорожной. По нашимъ законамъ—за это Сибирь, или въ этомъ родѣ. Между тѣмъ, это сплошь да рядомъ дѣлается, это дѣлалъ и я, поспѣшая куда-то за сто верстъ, и не имѣвъ времени взять подорожной. Положимъ, этого дѣлать не слѣдуетъ, но видите-ли—я могъ быть и былъ потомъ хорошимъ чиновникомъ и вообще полезнымъ слугою Отечества. Хорошо ли бы сдѣлалъ судья, если бы, на основаніи закона, не принимающаго у насъ въ Россіи въ разсчетъ никакихъ circonstances atténuantes, или принимающій въ весьма слабой степени,—онъ сослалъ бы меня въ Сибирь. Чичеринское и ваше сердце, благоговѣющія передъ буквою закона, радовались бы тому, что законъ такъ ловко и несомнѣнно подошелъ къ преступленію и что законъ исполняется.—А я, я, который былъ и оберъ-секретаремъ, и предсѣдательствующимъ въ Уголовной Палатѣ, я счелъ бы себя виновнымъ, если бы исполнилъ такой гнусный законъ. Въ Англіи и во Франціи есть судъ присяжныхъ, вносящій въ дѣло суда элементъ нравственный; въ Россіи же уголовный судъ есть мертвый механической процессъ, хотя предметъ суда: человѣкъ, жизнь и страсти человѣка. Эхъ, Антонина Димитріевна, куда это вы пришли, защищая Чичерина! Я, кажется, вамъ говорилъ, что хотѣлъ писать фантастическую піэсу: *Честная губернія*, гдѣ люди à la Чичеринъ вздумали исполнять и примѣнять весь Сводъ Россійской Имперіи, и какъ все народонаселеніе бѣжитъ оттуда, какъ все глохнетъ и блекнетъ, и трава вянетъ,

и цвѣты сохнутъ! Развѣ вы не знаете, что Англія сильна non par ses lois, mais malgré ses lois.

Вотъ эту-то силу бытовую, которая дѣлаетъ Англію сильною, я и защищаю противъ Чичерина. — Нехорошо, Антонина Димитріевна, право нехорошо. Вы взглянули на дѣло по Петербургски. На Чичерина напалъ я потому, что его вступительная лекція есть отголосокъ того ученія, котораго онъ главный здѣсь представитель и съ которымъ всегда ратовали славянофилы. Его ученіе вяжется съ поклоненіемъ Французской централизаціи и механическому государственному порядку, съ ненавистью къ Англіи, или, вѣрнѣе сказать, къ тому, чтò въ ней есть живого и плодотворнаго. Отсюда — ненависть къ Русской общинѣ, къ древней Руси, къ славянофильству, къ началу бытовому и т. д. Понимаете ли? Все такъ, говорите вы, но не слѣдуетъ нападать на него, потому что онъ стоитъ за порядокъ. Да и III Отдѣленіе и тайная полиція стоятъ за порядокъ; такъ неужели поэтому и не возставать противъ нихъ? Развѣ вы не видите, что III Отдѣленіе и есть родоначальникъ всякаго безпорядка, что это есть безнравственное явленіе, есть зло, которое порождаетъ только зло, и есть само величайшій нравственный безпорядокъ. Наконецъ: то, чтò я говорю о государствѣ, о законѣ, о легальности, о регламентаціи, то тысячу разъ говорили и говорятъ въ своихъ отчасти изданныхъ, отчасти неизданныхъ статьяхъ Хомяковъ и мой братъ. Помните ли вы статью Хомякова о юридическихъ вопросахъ? Когда выйдутъ въ свѣтъ сочиненія брата и Хомякова, вы найдете тамъ почти тѣ же выраженія, какія и у меня.

Вы или кто-то другой обвиняете меня въ томъ, что этой статьей я хотѣлъ снискать благосклонность Петербургской Журналистики. Чьей? Чернышевскаго что-ли, котораго въ этомъ же № хлещу статьей Лавровскаго и въ этой же статьѣ потчую на каждомъ шагу словомъ: *духовное*, отъ котораго ему такъ же тошно, какъ чорту отъ креста. Костомарова? Но Костомарову достается отъ меня въ каждомъ №. Молодого

поколѣнія? Но развѣ я отрекся хоть отъ одного слова, ему мною сказаннаго? Эта статья есть продолженіе моей статьи въ 3 №. Тамъ я обратилъ слово къ студентамъ, а здѣсь обратилъ слово къ профессорамъ, которыхъ считаю болѣе виновными, чѣмъ студентовъ. Неужели вы думаете, что бездушная Чичеринская гражданственность, которой вы объявляете себя поклонницей, можетъ благотворно подѣйствовать на молодыя головы и сердца? Нѣтъ, она-то и возбуждаетъ реакцію, и реакцію, всегда опасную по своимъ крайностямъ.— Моя газета нападаетъ на матеріализмъ, но она же, при первомъ удобномъ случаѣ, нападаетъ и на Св. Синодъ съ графомъ Толстымъ, съ княземъ Урусовымъ, съ Аскоченскими, Барковыми и т. д.—Они хуже, они болѣе принесли зла, чѣмъ матеріалисты; матеріализмъ есть совершенно законное противодѣйствіе холопству и офиціальности, внесенной въ область вѣры, и т. д. . . Нѣтъ, я ничьей благосклонности и сочувствія не заискивалъ, и думать о томъ кому либо, меня знающему — стыдно; но, признаюсь вамъ, меня, напротивъ того, тяготятъ благосклонность и сочувствіе лицъ, которымъ не слѣдуетъ мнѣ сочувствовать. Если бы Тимашевъ выразилъ мнѣ свое сочувствіе, оставаясь Тимашевымъ, я могъ бы приписать это только недоразумѣнію и постарался бы вывести его изъ этого недоразумѣнія, хотя бы это было для меня и невыгодно. Если Чичеринъ, и жандармы, и весь Петербургскій генералитетъ выразили мнѣ сочувствіе за статью въ 3 №—это было только потому, что не могъ же я въ одной статьѣ выразить полноты моего взгляда. Очень радъ, что отдѣлался отъ ихъ сочувствія,— буду идти своей дорогой и отдѣлаюсь и отъ сочувствія (котораго, впрочемъ, нѣтъ нигдѣ) Петербургской Журналистики.

Поймите и помните, графиня, что если славянофильство имѣло и имѣетъ такую нравственную силу, это потому, что оно неуклонно шло своей дорогой, не дѣлая уступокъ ни обществу, ни Правительству—не увлекаясь ни вашими дружескими зазывами, ни требованіями публики.

Я думаю, напротивъ того, что въ словѣ моемъ теперь

слышна воздержанность и зрѣлость, добытыя не легко, какъ сами вы знаете.

Что касается до литературнаго достоинства, то вы можете сказать только, что вамъ статья не нравится, не по вкусу; вы можете быть правы, но на счетъ правильности и плавности языка я считаю себя судьей не менѣе компетентнымъ, чѣмъ вы.

Довольно, добрая, милая и любезная графиня. Ваше участіе, ваше опасеніе за газету заставило васъ многое преувеличить себѣ самой неумышленно, а отчасти и умышленно, для вящшаго предостереженія. Благодарю васъ искренно за это, но счелъ нужнымъ однако же поставить васъ и на мою точку зрѣнія" [165]).

XLIX.

Между тѣмъ, положеніе министра Народнаго Просвѣщенія было по-истинѣ трагическое.

„Здѣсь все вниманіе",—писалъ В. А. Мухановъ,—„обращено на студентовъ и ихъ демонстраціи. Еще не знаютъ, когда опять откроютъ Университетъ. О графѣ Путятинѣ отзываются не совсѣмъ благосклонно" [166]).

Никитенко, въ своемъ Дневникѣ, записалъ: „Утромъ у Филипсона. Разговоръ о министрѣ, то есть, о трудностяхъ вести съ нимъ дѣло. Потомъ у графини Блудовой. Тамъ былъ, между прочимъ, бывшій губернаторъ Самарскій, а нынѣ директоръ Департамента Податей и Сборовъ К. К. Гротъ. Умный и благомыслящій человѣкъ. Продолжительный разговоръ объ университетахъ. Общія мысли о неспособности Путятина. Графъ Строгановъ вмѣшивается во все. Онъ же вытѣснилъ изъ головы Путятина мысль о созваніи профессоровъ изъ всѣхъ университетовъ, для разсужденія объ устройствѣ послѣднихъ. Толкуютъ о назначеніи В. П. Титова на его мѣсто" [167]).

„А просвѣщеніе-то наше"!—писалъ Погодинъ Максимовичу.—„О горе намъ, горе! Путятина нашли на днѣ моря,

да безъ премудрости, и успѣлъ напакостить много. Предлагали Министерство Корфу, Титову, Тучкову,—отказались, *Атаманъ*—попечителемъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ—начальникъ штаба. О несчастные“ [168])!

Но „атаманъ“—попечитель С.-Петербургскаго Учебнаго Округа, 7 ноября 1861 года, написалъ министру Народнаго Просвѣщенія слѣдующее письмо: „Когда ваше сіятельство пригласили меня къ занятію должности попечителя, я имѣлъ честь доложить вамъ, что, не готовившись къ этимъ обязанностямъ, я не увѣренъ, что могу ихъ удовлетворительно выполнить. Ваше сіятельство обѣщало мнѣ ходатайствовать объ увольненіи меня отъ должности попечителя, если я впослѣдствіи получу убѣжденіе, что, дѣйствительно, не могу быть на этомъ мѣстѣ полезнымъ. Съ того времени въ С.-Петербургскомъ Университетѣ произошли событія, для которыхъ элементы издавна были приготовлены въ Университетѣ и въ обществѣ. Ваше сіятельство, конечно, засвидѣтельствуете, что во всѣхъ этихъ прискорбныхъ обстоятельствахъ, я дѣйствовалъ по совѣсти и имѣя въ виду единственно общую пользу. Легко можетъ быть, однакоже, что другой на моемъ мѣстѣ распорядился бы гораздо лучше. Теперь дѣла пришли въ такое положеніе, что С.-Петербургскій Университетъ, очевидно, не можетъ долѣе оставаться въ настоящемъ видѣ. Его удовлетворительное и сообразное съ современными потребностями устройство должно имѣть благотворное вліяніе на весь ходъ образованія въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ Округа. Наконецъ, слѣдуетъ имѣть въ виду фактъ, сдѣлавшійся, къ сожалѣнію, очевиднымъ въ послѣднее время: примѣръ С.-Петербургскаго Университета немедленно отзовется на всѣхъ остальныхъ университетахъ Имперіи. При такихъ важныхъ обстоятельствахъ, званіе попечителя Округа должно быть возложено на лицо, обладающее, сверхъ другихъ достоинствъ, спеціальною опытностію, которой я не имѣю. Проведя въ военной службѣ тридцать девять лѣтъ, я совершенно чуждъ новому для меня поприщу, а сверхъ того здоровье мое, въ послѣднее время, сдѣлалось ненадежнымъ,

вѣроятно вслѣдствіе двадцати шести лѣтъ, проведенныхъ въ тревогахъ Кавказской боевой службы. Поэтому обращаюсь къ вашему сіятельству съ убѣдительнѣйшею просьбою: исходатайствовать всемилостивѣйшее увольненіе меня отъ должности попечителя Округа“ [169]).

Въ то же время, по непріятности съ министромъ, вышелъ въ отставку и директоръ Департамента Народнаго Просвѣщенія И. Д. Деляновъ, а его мѣсто занялъ графъ Д. А. Толстой.

Въ *Дневникѣ* В. А. Муханова, мы находимъ слѣдующую запись: „Тютчевъ сравниваетъ графа Путятина съ смерчемъ (une trombe). Лазаревъ находилъ у него всегда червячокъ. Il paraît que depuis, говоритъ Тютчевъ, le vermisseau a grandi. Обѣдаютъ: графъ Віельгорскій и князь Вяземскій; первый очень признателенъ за обѣдъ и находитъ его прекраснымъ, а другой—молчаливъ. Вечеромъ пріѣзжаетъ сынъ князя Вяземскаго, попечитель Казанскаго Учебнаго Округа. Онъ очень хвалитъ Казанскихъ профессоровъ и говоритъ, что они содѣйствовали прекращенію безпорядковъ. Молодой Вяземскій очень пріятный и умный человѣкъ“ [170]).

„Мнѣ случилось,“—пишетъ протоіерей Базаровъ,—„въ это самое время познакомиться лично съ графомъ Е. В. Путятинымъ. Я явился къ министру въ моментъ его упорной борьбы съ профессорами за придуманную имъ мѣру, поведшую къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ. Я засталъ его съ воспаленными отъ слезъ глазами, съ дрожавшими губами и руками. Это первое впечатлѣніе личности министра, а болѣе извѣстнаго моряка и даже дипломата, было мнѣ крайне загадочно и даже непріятно. Видѣть лицо, столь высоко поставленное, и при томъ въ такую трудную минуту, совсѣмъ какъ будто растерявшимся,—было крайне, и жалко, и досадно“ [171]).

Желая подкрѣпить свои упадшія силы свиданіемъ съ митрополитомъ Филаретомъ, графъ Путятинъ предпринялъ поѣздку въ Москву. В. А. Мухановъ, въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 26 ноября 1861 года, записалъ: „Графъ Путятинъ

отправился въ Москву, никто не знаетъ зачѣмъ“ [172]). Но митрополитъ Филаретъ писалъ своему Лаврскому намѣстнику: „Здѣсь былъ на сихъ дняхъ графъ-министръ Просвѣщенія. Трудно ему. Государь къ нему внимателенъ. Но противоборствующихъ много; а самодѣйствующихъ мало. Помолитесь о немъ“ [173]).

По возвращеніи изъ Москвы, графъ Путятинъ пригласилъ къ себѣ А. В. Никитенко. Въ *Дневникѣ* послѣдняго, подъ 1 декабря 1861 года, записано: „Министръ просилъ меня доставить ему программу потребностей университетскихъ, о чемъ онъ уже и прежде просилъ. Между прочимъ, онъ много говорилъ о печальномъ состояніи университетовъ. Говорилъ, что одною изъ главныхъ причинъ неустройства онъ считаетъ соглашеніе нѣсколькихъ профессоровъ, чтобы поставить Правительство въ затрудненіе. Они препятствуютъ даже новымъ лицамъ поступать въ Юридическій Факультетъ, въ примѣръ чему приводилъ Рѣдкина, который сначала вызвался быть у министра, назначилъ день и часъ, и не явился, объявивъ, что онъ никакого дѣла не хочетъ имѣть... Это самъ графъ Путятинъ мнѣ и пересказалъ“.

Подъ 4 декабря, Никитенко записалъ: „Отдалъ министру записку объ университетахъ. Я радъ, что спустилъ съ рукъ эту безплодную работу. Между тѣмъ, мнѣ хотѣлось сдѣлать дѣло, полезное для Гончарова. Я предложилъ министру назначить его членомъ Главнаго Управленія Цензурою, на мѣсто Тройницкаго, который сдѣланъ товарищемъ министра Внутреннихъ Дѣлъ и потому выбылъ изъ Управленія. Конечно, лучшаго выбора сдѣлать невозможно. Но что же отвѣчалъ мнѣ министръ, который самъ хорошо знаетъ Гончарова.

— Я уже назначилъ,—сказалъ онъ.

— Кого же?—спросилъ я.

— Кисловскаго.

Кисловскій способенъ судить о литературныхъ дѣлахъ— этотъ человѣкъ, никогда не выходившій изъ канцелярской

рутины! Министръ вытѣснилъ Делянова и Воронова, и даетъ ходъ Кисловскому“ [174])!

L.

По возвращеніи изъ Крыма, Государь „остался крайне недоволенъ дѣйствіями Петербургскихъ властей“.

Для успокоенія взволновавшагося общества, 4 ноября 1861 года, данъ былъ высочайшій указъ о назначеніи князя Александра Аркадіевича Суворова Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ. 7-го ноября, князь Суворовъ вступилъ въ должность и въ тотъ же день, по свидѣтельству И. Е. Андреевскаго, „ѣздилъ въ крѣпость, чтобы увидѣть заключенныхъ студентовъ; тамъ онъ обратился къ нимъ съ такимъ оригинальнымъ и вмѣстѣ теплымъ словомъ (благодаря ихъ, между прочимъ, что они нашумѣли и тѣмъ самымъ содѣйствовали его переводу въ Петербургъ и что онъ понимаетъ энергію молодости и уважаетъ горячія молодыя головки),—что тотчасъ почувствовался коренной переломъ въ пріемахъ администраціи, повѣяло другимъ воздухомъ, вдругъ стало легче, спокойнѣе“.

Князь Суворовъ, по замѣчанію Андреевскаго, „явился въ Петербургъ съ репутаціею опытнаго администратора, о которомъ стояло однако два, рѣзко противоположныхъ, отзыва. Одни восхваляли его за отличный образъ дѣятельности въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Другіе, напротивъ, ставили ему въ укоръ, почти въ политическое преступленіе, его несправедливую роль защитника и покровителя богатыхъ землевладѣльцевъ — Нѣмцевъ и утѣснителя небогатаго крестьянскаго населенія—Латышей и Эстовъ. Я—продолжаетъ Андреевскій,—склонялся болѣе къ воззрѣніямъ послѣднихъ... Но я вовсе не берусь судить о дѣятельности Суворова въ Прибалтійскихъ губерніяхъ... Я въ правѣ приводить только данныя о его дѣлахъ, какъ генералъ-губернатора Петербурга... Я плѣнился имъ, какъ человѣкомъ, и сталъ уважать его, какъ правителя“.

За недостаткомъ мѣста въ Петропавловской крѣпости, часть бунтовавшихъ студентовъ была отправлена въ Кронштадтъ, гдѣ и заключена въ Николаевскомъ госпиталѣ. По распоряженію министра Внутреннихъ Дѣлъ, назначены были двѣ слѣдственныя коммиссіи: одна, для разслѣдованія проступковъ студентовъ, заключенныхъ въ крѣпости, другая—по отношенію къ заключеннымъ въ Кронштадтѣ. Профессоръ И. Е. Андреевскій былъ назначенъ въ Кронштадтскую коммиссію, депутатомъ отъ Университета. Это назначеніе и привело Андреевскаго, 7 декабря 1861 года, къ князю Суворову. „Студенты",—писалъ Андреевскій,—„заключенные въ Кронштадтѣ, были освобождены 6-го декабря, и при освобожденіи были обязаны подпискою такого рода: что не могутъ пребывать въ Петербургѣ долѣе 24-хъ часовъ, если не представятъ за себя поручителей, и если не надѣнутъ платья, которое бы не отличало ихъ отъ другухъ гражданъ. Большинство освобожденныхъ, не имѣя въ Петербургѣ, ни родителей, ни родственниковъ, которые могли бы ихъ взять на поруки, не имѣя и денегъ, чтобы обзавестись платьемъ (большинство было въ высокихъ сапогахъ и простыхъ тулупахъ), всѣ, въ числѣ болѣе 200, пришли ко мнѣ, 7-го декабря, около 12 часовъ утра. Понявъ затруднительность ихъ положенія, я предложилъ имъ отправиться вмѣстѣ со мною къ новому генералъ-губернатору, котораго, хотя я не зналъ, но отъ котораго, по слухамъ, можно ожидать справедливости. Я предполагалъ просить прежде всего отсрочки, по крайней мѣрѣ на недѣлю, для выполненія этой подписки. Я предложилъ раздѣлиться на нѣсколько партій, чтобы не идти гурьбою по улицѣ, и составивъ предварительно имянной списокъ, уговорился быть въ Канцеляріи генералъ-губернатора въ 2 часа. Я явился ровно къ двумъ часамъ, вмѣстѣ со всѣми студентами; объяснилъ адъютанту въ чемъ дѣло, и просилъ доложить его свѣтлости. Не прошло и двухъ минутъ, какъ вышелъ князь Суворовъ въ полномъ блестящемъ мундирѣ. Я представился ему и сталъ объяснять въ чемъ дѣло. Онъ былъ

весьма удивленъ, что отъ студентовъ взяли такую подписку, что онъ этого вовсе не зналъ, но если подписка ими дана, то ее нужно выполнить. Обратился къ студентамъ съ весьма теплымъ словомъ, въ которомъ хотѣлъ разъяснить, что вся ихъ каша заварена безъ него, что ему нужно расхлебывать, что онъ постарается это сдѣлать, потому, что онъ любитъ молодежь, и вѣритъ ей. Впечатлѣніе произвелъ на студентовъ самое выгодное. Затѣмъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: „Приказывайте, а я буду исполнять". Я изложилъ ему, что въ 24 часа студентамъ нельзя найти поручителей, что у нихъ знакомыхъ теперь не только мало, но у нѣкоторыхъ и совсѣмъ нѣтъ.

„Ну, это не такъ трудно, какъ вы думаете. Г. прокуроръ",—обратился онъ къ находившемуся тутъ губернскому прокурору, теперь уже умершему, Ю. Г. Богуславскому,—„какая отвѣтственность возлагается по закону на поручителей"?

Прокуроръ ему отвѣтилъ, что отъ меня онъ точнѣе это можетъ узнать. Когда я ему сообщилъ, что теперь, по закону, поручитель, въ подобныхъ случаяхъ, никакой юридической отвѣтственности не подлежитъ, Суворовъ спросилъ, есть ли у меня списокъ всѣхъ этихъ студентовъ; и получивъ отъ меня списокъ, сталъ по списку тотчасъ отчеркивать: первыхъ тридцать предложилъ мнѣ взять на поруки, пятьдесятъ взялъ самъ, двадцать пять записалъ на прокурора, столько же на своего правителя Канцеляріи. Однимъ словомъ, въ полчаса времени поручители были устроены. Далѣе, онъ самъ пошелъ на встрѣчу моимъ вопросамъ и ходатайствамъ. „Хорошо",—говорилъ онъ,—„поручители теперь имѣются, но какъ они будутъ знать, гдѣ найти своихъ друзей-студентовъ. Нельзя ли, чтобъ они выбрали своихъ старостъ или депутатовъ, съ которыми можно было бы сноситься"? Я въ шутку замѣтилъ, что за это желаніе имѣть своихъ депутатовъ, т.-е., корпорацію, они и попали въ крѣпость, но что дѣйствительно безъ депутатовъ и поручителямъ будетъ очень трудно. Суворовъ объ этомъ дѣлѣ сталъ говорить съ студентами, и они ему

объяснили, что у нихъ уже имѣются выборные старосты или депутаты, безъ которыхъ и въ тюрьмѣ имъ нельзя было обойтись, и теперь тѣ же самые могутъ остаться депутатами. Онъ тотчасъ же ихъ всѣхъ утвердилъ депутатами, прося, чтобы они собирались у меня, и что онъ съ ними будетъ сноситься чрезъ мое посредство. Относительно другаго пункта подписки, Суворовъ попросилъ, чтобъ я вечеромъ ему представилъ записку, какъ относительно ихъ одежды, такъ и относительно другихъ вопросовъ, которые окажутся неотложными. Такихъ вопросовъ, дѣйствительно, явилось немало. Прежде всего, у большинства студентовъ, потерявшихъ, вслѣдствіе заарестованія, всѣ связи и средства къ жизни, уроки, корректуры и пр., не было возможности пріобрѣсти платье, которое требовалось данною ими подпиской. Въ тотъ же вечеръ я представилъ князю Суворову мои предположенія, какъ обезпечить такую массу выбитыхъ изъ обычной колеи молодыхъ людей. На другой день, онъ нашелъ нужнымъ устроить особое совѣщаніе изъ нѣкоторыхъ чиновъ своей Канцеляріи, въ которое, кромѣ меня, пригласилъ и профессора К. Д. Кавелина. Послѣдній имѣлъ съ нимъ отдѣльную бѣсѣду и многое разъяснилъ изъ существенныхъ потребностей. Оказалось, что многіе изъ студентовъ пожелали отправиться на родину, нѣкоторые думали поступить въ другіе университеты, такъ какъ Петербургскій, 20-го декабря, былъ закрытъ. Потребовались и значительныя денежныя средства и самое теплое отношеніе администраціи по этому дѣлу. Князь Суворовъ исходатайствовалъ (посредствомъ отпуска изъ III-го Отдѣленія) значительную сумму, которая распредѣлялась такимъ образомъ: избранный имъ чиновникъ его Канцеляріи выдавалъ пособіе, размѣръ котораго я долженъ былъ выставить въ особомъ свидѣтельствѣ, на основаніи тѣхъ справокъ и того рѣшенія, которыя сообщали мнѣ депутаты, избранные студентами.

Хлопотъ по этому дѣлу было немало. Мнѣ всякій день приходилось видѣться съ князь Суворовымъ, и я не могу не

засвидѣтельствовать, что относиться постоянно такъ радушно къ интересамъ молодого поколѣнія могъ только сановникъ, дѣйствительно любящій родину" [175]).

LI.

26-го декабря 1861 года, А. О. Россетъ писалъ своей сестрѣ: „Къ сожалѣнію, Путятинъ всѣхъ безъ разбору заподозрилъ въ революціонерствѣ, всѣхъ оттолкнулъ отъ себя; теперь видятъ, но поздно. Въ засѣданіи Совѣта, князь Горчаковъ, прямо сказалъ, что при настоящей власти Министерства Народнаго Просвѣщенія, нельзя ожидать прекращенія безпорядковъ; Путятинъ тотчасъ поѣхалъ во Дворецъ и выпросилъ увольненіе. Осининъ говоритъ, что онъ (Путятинъ) со всѣмъ упалъ духомъ, возстановивъ противъ себя всѣхъ и въ Россіи, и даже въ Европѣ. Одинъ лордъ Непиръ здѣсь за него горой".

Въ томъ же письмѣ Россетъ писалъ: „По словамъ Павла Вяземскаго, Исакова, Бабста и другихъ лицъ, вызванныхъ въ здѣшнюю Коммиссію, во всѣхъ университетахъ есть сильная партія консервативныхъ и умѣренныхъ профессоровъ и даже студентовъ, признающихъ необходимость принятія дѣйствительныхъ мѣръ, чтобы покончить съ неурядицами. Въ одномъ Петербургѣ эта партія слабѣе, и этимъ подтверждается вредное вліяніе среды и Петербургскаго общества, гдѣ молодежь только и слышитъ критику и нападки на Правительство" [176]).

По удаленіи изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, графъ Путятинъ поселился въ Штутгардтѣ.

Протоіерей Базаровъ, въ *Воспоминаніяхъ* своихъ, писалъ: „Мнѣ докладываютъ, что какой-то бѣдный человѣкъ желаетъ меня видѣть. Привыкнувъ къ подобнымъ явленіямъ, я даже не поспѣшилъ выйти къ обычному для меня просителю. Наконецъ, выхожу и вижу: въ корридорѣ стоитъ, прижавшись къ двери, человѣкъ въ поношенномъ пальто съ шерстянымъ шарфомъ на шеѣ и съ непокрытою головою. Обратившись къ нему съ вопросомъ по-Нѣмецки, я, къ своему

изумленію, узналъ передъ собою того самого графа Путятина, у котораго я недавно былъ въ Петербургѣ просителемъ, въ его министерской квартирѣ. Такъ много было смиренія и самоуничиженія у этого замѣчательнаго человѣка, изъ простыхъ мелкихъ Дворянъ достигшаго своими трудами и самоотверженіемъ на службѣ до графскаго достоинства и министерскаго портфеля. Помогши графу найти для него квартиру, я разстался съ нимъ, въ надеждѣ увидѣться и познакомиться съ его семействомъ черезъ нѣсколько недѣль, когда нанятая квартира будетъ устроена на зиму, въ ожиданіи чего графъ Путятинъ отправился въ Гейдельбергъ. Но не прошло и трехъ дней, какъ онъ является ко мнѣ снова, блѣдный, разстроенный, съ трясущимися губами. Что случилось? Въ Гейдельбергѣ въ это время собралось множество Русскихъ студентовъ, особенно изъ участниковъ послѣднихъ безпорядковъ. Вотъ эти-то господа, узнавъ о прибытіи Путятина въ Гейдельбергъ, вздумали устроить ему тамъ Katzenmusik. Подговоривъ, конечно, для этого и сочувствовавшихъ имъ изъ иностранцевъ, они собрались большою толпою передъ гостинницею, въ которой остановились Путятины и начали бросать въ окна гнилыя яблоки и картофель съ неистовыми криками pereat, сопровождаемыми завываніями по-кошачьи и по-собачьи. Конечно, скандалъ этотъ былъ прекращенъ мѣстною полиціею, но графъ Путятинъ былъ такъ напуганъ этимъ, что онъ пріѣхалъ спросить у меня совѣта, не опасно ли ему будетъ поселиться въ Канштатѣ, въ такой близости отъ Гейдельберга? Я, конечно, его успокоилъ, объяснивъ, что это была только демонстрація буйной молодежи противъ его оффиціальнаго положенія, а не покушеніе на его личность, и что студенты Германскіе не имѣютъ привычки дѣлать подобныя демонстраціи внѣ университетскихъ городовъ. Послушавшись моего совѣта, онъ не возвращался болѣе въ Гейдельбергъ, а выписалъ скоро оттуда свое семейство. Обласканные великою княгинею Ольгою Николаевною и принятые любезно, какъ посольствомъ, такъ и Русскими, проживавшими въ Штутгардтѣ и Канштатѣ, Путятины скоро вздохнули спо-

койно на новомъ мѣстѣ жительства и остались въ немъ надолго“.

Въ самый день Рождества Христова 1861 года, новымъ министромъ Народнаго Просвѣщенія назначенъ Александръ Васильевичъ Головнинъ; а подъ 23-мъ декабря того же года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Движеніе, въ родѣ зависти, по поводу извѣстія о назначеніи Головнина“.

Въ *Дневникѣ* же В. А. Муханова, мы находимъ слѣдующую запись: „Графъ Д. А. Толстой внѣ себя отъ назначенія Головнина: что называется рветъ и мечетъ. Онъ такъ сильно говорилъ противъ него и такъ невоздержанъ былъ въ выраженіяхъ, что при этихъ преувеличеніяхъ, я невольно подумалъ: Qui dit tout, ne dit rien“. Съ своей же стороны, по поводу этого назначенія, В. А. Мухановъ замѣтилъ: „Многіе ожидаютъ отъ Головнина недобраго, другіе радуются“.

„Можешь себѣ представить“,—писалъ Россетъ своей сестрѣ,—„какого шуму надѣлало назначеніе Головнина. Изъ морской воды прямо въ полымя! Находятъ въ высшей степени непослѣдовательнымъ. Увидимъ, какъ поведетъ дѣло. Большая разница дѣйствовать за кулисами критикою и совѣтами, или принять на себя отвѣтственность и быть поставленнымъ въ необходимость обрисовать себя окончательно“.

„Что за *Головня* такая,—писалъ Максимовичъ Погодину,—пала на костеръ Просвѣщенія?.. Курится ли“ [177])?..

Между тѣмъ, митрополитъ Кіевскій Арсеній привѣтствовалъ новаго министра слѣдующимъ письмомъ, отъ 16 января 1862 года: „За извѣщеніе о новомъ назначеніи вашего превосходительства усердно благодарю и душевно привѣтствую васъ съ симъ, и молитвенно призывая на васъ и на ваше новое служеніе престолу, Церкви и Отечеству благословеніе Божіе, споспѣшествующее и охраняющее, посылаю при семъ вашему превосходительству святую икону,—копію съ чудотворнаго образа Успенія Пресвятыя Богородицы, хранящагося въ Кіево-Печерской Лаврѣ. Примите сію святыню, какъ знаменіе и залогъ благословенія на васъ Божія“.

Это письмо очень тронуло Головнина, и онъ на подлинномъ письмѣ собственноручно написалъ карандашомъ: *Благодарить самымъ искреннимъ образомъ.*

„Относительно новаго министра“—писалъ Куникъ Погодину—„голоса раздѣляются. У новаго министра хорошія намѣренія, но онъ не такъ доступенъ, какъ его предшественникъ. Онъ непремѣнно хочетъ отдѣлаться отъ Цензуры“.

Въ другомъ письмѣ Куникъ писалъ: „Здѣсь очень довольны выборомъ новаго министра, который, вмѣстѣ съ Блудовымъ, работаетъ надъ тѣмъ, чтобы Университетъ былъ вскорѣ вновь открытъ“.

Въ послѣдній день приснопамятнаго 1861 года, митрополитъ Московскій Филаретъ писалъ къ Антонію: „Въ отношеніи генералъ-губернатора (за № 666) присланъ былъ мнѣ вопросъ: справедливъ ли слухъ, что въ Московскихъ церквахъ читается недавно составленная молитва о избавленіи отъ непріятныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ *будто бы* находится Россія. *Будто бы*—то ли онъ думалъ, что написалъ. Я написалъ, что молитва не новая, и не особая молитва, а одно молитвенное прошеніе, взятое изъ воскресной и праздничной литіи; а что нужно прилежно молиться, то потому, что сильно распространяются мнѣнія и ученія противорелигіозныя и противоправительственныя, и многихъ заражаютъ“.

По свидѣтельству А. Н. Муравьева, „митрополитъ Филаретъ пожелалъ, чтобы въ Московскихъ церквахъ, за каждой службой употреблялась молитва, которая обыкновенно читается на праздничныхъ литіяхъ, и гдѣ просятъ Господа, чтобы онъ *отвратилъ отъ насъ всякій гнѣвъ свой, праведно на насъ движимый* и пр. Это произвело странные толки въ Петербургѣ, какъ будто митрополитъ предсказываетъ какую-то предстоящую намъ бѣду; такъ что онъ долженъ былъ даже по сему случаю прислать свое объясненіе“.

„Не молитву,—писалъ самъ Филаретъ Муравьеву,—а извѣстное молитвенное прошеніе, не по предписанію, а по примѣру, чаще обыкновеннаго стали употреблять въ Москвѣ, по-

тому что умножились грѣхи наши, и наипаче требуютъ покаянной и умиленной молитвы. Кажется, это ясно для благонамѣренныхъ: а если надобно объясненіе, то скажу между прочимъ, что Литература цензурная и безцензурная, широко распространяетъ мысли и ученія противорелигіозныя, противоправительственныя, и многіе сильно заражаются" [178]).

„Въ нашей богоспасаемой Костромѣ"—писалъ митрополитъ Кіевскій Арсеній къ епископу Костромскому Платону,—„когда-то хорошо было житье-бытье не только архіерею, но и всѣмъ должностнымъ лицамъ: народъ былъ смирный и послушный, и духовенство благочестивое и доброе, хоть и съ грѣшками обычными. А теперь не знаю уже, уцѣлѣло ли что-нибудь отъ стараго быта. Теперь вездѣ и видъ, и характеръ вещей и людей удивительно какъ быстро измѣнился, не на лучшее, а, къ сожалѣнію, на худшее. Въ Петербургѣ также все что-то не то и не такъ, какъ было прежде: и смутно, и грустно, и опасно, и страшно. Тамошній владыка Исидоръ недавно писалъ ко мнѣ и выразилъ свою скорбь и жалобы.. Москва нынѣ тоже сама на себя непохожа: маститый іерархъ ея также скорбитъ и болѣзнуетъ, и въ одной молитвѣ ищетъ и, безъ сомнѣнія, находитъ утѣшеніе; но и это мірской и административной мудрости зѣло не понравилось, и она поспѣшила обратиться къ нему съ запросомъ: какъ, почему и для чего, съ чьего дозволенія? Отвѣтъ приличный данъ, но дѣло оттого не улучшилось. О, всѣмъ намъ, возлюбленный, нужно крѣпко и неослабно молиться, да призритъ Господь окомъ благоутробія своего на святую нашу Церковь и любезное Отечество наше" [179]).

LII.

Состояніе нашихъ университетовъ заняло всѣ умы, и въ Литературѣ нашей дѣло это возбудило жаркую полемику.

„Объ университетахъ",—писалъ Погодинъ Шевыреву—„напечатано уже статей двадцать; но никто не сказалъ еще, что

университетамъ нужнѣе всего хорошія лекціи, а такъ какъ ихъ мало бываетъ, да и плохія то пропускаются, то надежды на успѣхъ мало".

Не считая себя обязаннымъ излагать эту полемику по университетскому вопросу, во всей ея подробности, укажемъ только на полемику С.-Петербурга, въ лицѣ профессора Н. И. Костомарова, съ Москвою, въ лицѣ профессора Б. Н. Чичерина.

21 октября 1861 года, въ засѣданіи у бывшаго министра графа Е. В. Путятина, было совѣщаніе о преобразованіи университетовъ, на основаніи проекта барона М. А. Корфа.

По свидѣтельству А. В. Никитенко, „Корфъ предлагалъ сдѣлать университеты совершенно открытыми для всѣхъ и каждаго, черезъ что уничтожится самое имя студентовъ и, такимъ образомъ, прекращается ихъ корпоративное значеніе. Не будетъ переводныхъ экзаменовъ и курсовъ — словомъ, университеты лишаются своего школьнаго характера. Я подалъ голосъ въ пользу этого проекта, полагая, что, въ настоящее время, это чуть-ли не единственное средство борьбы съ корпоративнымъ духомъ молодыхъ людей въ университетахъ. Духъ этотъ, въ своемъ настоящемъ видѣ, такое глубокое и опасное зло, что я не считаю излишними никакія жертвы для его ослабленія. Плетневъ говорилъ въ такомъ же духѣ, а больше и сильнѣе всѣхъ Савичъ. Министръ возражалъ, что онъ сомнѣвается въ дѣйствительности этихъ средствъ, и защищалъ переводные экзамены. Но всѣ остальные были рѣшительно въ пользу проекта, предложеннаго барономъ Корфомъ. Деляновъ тоже сильно поддерживалъ насъ. Министру, видимо, не хотѣлось согласиться съ Корфомъ" [180]).

„Сердце болитъ за Россію, за наше Просвѣщеніе, за университеты, за студентовъ",—восклицалъ старый профессоръ Московскаго Университета Шевыревъ.—„Довели до того, что усомнились въ необходимости существованія университетовъ. Въ самомъ дѣлѣ, такъ идти не можетъ Наука. Погибаютъ цѣлыя поколѣнія въ тревогахъ и смятеніяхъ, и ученья нѣтъ.

Еще на столѣтіе отстанетъ Россія отъ другихъ народовъ. Что это? Что это"?

Почти одновременно съ засѣданіемъ у министра Народнаго Просвѣщенія, въ Московской газетѣ *День* была напечатана статья А. С. Хомякова, *объ общественномъ воспитаніи въ Россіи*. Въ этой статьѣ, между прочимъ, высказано: „Все воспитаніе и всѣ училища должны быть соображены съ условіями семейной жизни. Любовь въ семьѣ не внушается отвлеченными теоріями изъ-за каѳедры... Хорошо разсчитанныя мѣстности для школъ и хорошо распредѣленныя вакаціи должны доставлять ученикамъ возможность возвращаться нерѣдко въ кругъ семейный... Семьѣ, въ лицѣ ея старшихъ членовъ, долженъ быть открытъ доступъ въ самыя нѣдра училищъ, ибо ни деканскій присмотръ, ни инспекторское подслушиваніе, ни ректорская повѣрка не могутъ замѣнить бдительнаго надзора семейнаго общества; наконецъ, чисто семейному воспитанію должны быть возвращены права, которыхъ оно теперь лишено. Ставить замкнутыя и привилегированныя школы вдали отъ центровъ Русскаго народонаселенія—есть ошибка; обращать воспитаніе юношей въ какую то тайну для семей—есть дѣло неразумное. ...Опасна не свобода наукъ: она необходима столько же для ихъ успѣха, сколько для достоинства Вѣры; а опасно Нѣмецкое суевѣріе въ непреложность наукъ на каждомъ шагу ихъ развитія. Это суевѣріе должно быть устранено изъ всякаго преподаванія... ... Входъ на лекціи, въ университетъ, долженъ быть открытъ *всѣмъ* безъ исключенія. Этого требуетъ польза Науки и образованія общественнаго; этого требуетъ нравственная справедливость, не дозволяющая, чтобы ученіе дѣтей было тайною для родителей; этого требуютъ выгоды самого Правительства, пріобрѣтающаго въ надзорѣ общества вѣрнѣйшую поруку въ дѣльности и безвредности самого преподаванія. Точно такъ же должно давать и экзаменамъ на высшія степени или по крайней мѣрѣ диспутамъ величайшую общественность: входъ долженъ быть свободенъ, возраженіе свободно" [181]).

Эта статья Хомякова приковала къ себѣ вниманіе Косто-

марова, и онъ, по поводу ея, напечаталъ свои *замѣчанія о нашихъ университетахъ* [187]).

Противъ этихъ *Замѣчаній* С.-Петербургскаго профессора, возсталъ Московскій профессоръ Б. Н. Чичеринъ.

„Для Русскаго Просвѣщенія",—писалъ Чичеринъ,—„не можетъ быть бо̀льшаго удара, какъ исполненіе мысли Костомарова. Это ни болѣе, ни менѣе, какъ уничтоженіе высшаго преподаванія, и обращеніе нашихъ университетовъ въ дѣло общественнаго развлеченія".

Костомаровъ, въ своихъ *Замѣчаніяхъ*, различаетъ воспитаніе и образованіе. Это различіе проводится имъ въ рядѣ самыхъ „блистательныхъ антитезовъ". Онъ пишетъ: „Воспитаніе есть приготовленіе къ жизни, образованіе есть душа жизни. Воспитаніе принадлежитъ дѣтскимъ и отроческимъ лѣтамъ и оканчивается со вступленіемъ въ зрѣлый возрастъ; образованіе есть достояніе всякихъ возрастовъ и не прекращается до старости".

„Безподобно"!—восклицаетъ Чичеринъ.—„Одного только мы здѣсь напрасно станемъ искать, именно: что нужно для молодыхъ людей, вышедшихъ изъ отрочества и не вступившихъ еще въ зрѣлый возрастъ... Однимъ словомъ, что нужно для юношей: воспитаніе или образованіе? А въ этомъ состоитъ все дѣло... Забыть юношество было не совсѣмъ легко. Оно постоянно было на глазахъ у Костомарова; онъ читалъ для него лекціи въ Петербургскомъ Университетѣ. Но вниманіе Костомарова было обращено не на студентовъ, а на массу публики, на людей всѣхъ половъ, возрастовъ и званій ... Для публики онъ приберегъ все свое сочувствіе. О юношествѣ нѣтъ и помину. И вотъ, изъ этого опущенія возникаетъ цѣлый великолѣпный планъ для будущности нашихъ университетовъ. Тутъ есть все, что можетъ плѣнить современнаго Русскаго либерала: и радикальное преобразованіе, и современныя потребности, и открытыя настежь двери, и контроль общественнаго мнѣнія. Нѣтъ только студентовъ и университетовъ: одни преданы забвенію, другіе преданы погибели. О,

преобразовательная мудрость нашихъ передовыхъ людей, вожатаевъ молодого поколѣнія! Бѣдная Россія!

Но, вопреки Костомарову, юность существуетъ. „Молодой человѣкъ", —пишетъ Чичеринъ,—„кончившій курсъ въ гимназіи, долженъ пройти черезъ высшую школу, которая служитъ ему окончательнымъ приготовленіемъ для жизни. Въ эту пору университетъ принимаетъ его въ свои нѣдра. Здѣсь онъ находитъ умственную атмосферу, преданія Науки, необходимость труда, товарищество... Университеты естественно вытекаютъ изъ потребностей юношескаго возраста... Нравственная сила университета... заключается въ его удаленіи отъ общественной среды, въ той особенной атмосферѣ, которая образуется въ немъ вслѣдствіе живого общенія преподавателей и учащихся, занятыхъ однимъ дѣломъ, имѣющихъ одну цѣль—Науку. Чѣмъ болѣе примѣшивается въ него посторонних и чуждыхъ стихій, чѣмъ живѣе въ немъ возбуждаются общественные вопросы и общественныя страсти, тѣмъ болѣе онъ уклоняется отъ своей цѣли, тѣмъ онъ становится безсильнѣе и безплоднѣе. Тѣ прискорбныя явленія, которыя были у насъ на глазахъ, слѣдуетъ приписать именно этому наплыву постороннихъ стихій. Университеты не съумѣли противостоять вторженію въ нихъ общественнаго безразсудства... Университетъ всегда растворялъ свои двери и постороннимъ слушателямъ... Но они были въ немъ гости, а не хозяева. Аудиторія состояла изъ массы студентовъ, исключительно посвящающихъ себя систематическому труду, подъ руководствомъ профессора, а не изъ пестрой толпы лицъ разныхъ половъ, возрастовъ и званій... Забывъ о существованіи юношества, Костомаровъ естественно не могъ обратить вниманіе на это простое различіе студентовъ отъ публики. Для студентовъ ученіе составляетъ жизненное занятіе... Уничтожьте это различіе... погрузите студентовъ въ массу публики, и они непремѣнно примутъ ея характеръ... Для поддержанія студента на пути труда, ему необходимы и особенность университетской жизни, въ которой онъ чувствуетъ себя дома, и ближайшее нравственное

отношеніе къ преподавателямъ, и удаленіе отъ общественныхъ развлеченій, и предстоящій экзаменъ, и наконецъ кругъ товарищей, которые всѣ заняты однимъ дѣломъ, которые всѣ имѣютъ одну цѣль и одни интересы".

Въ своихъ *Замѣчаніяхъ*, Костомаровъ, согласно проекту барона М. А. Корфа, возстаетъ на корпоративное устройство студентовъ. Чичеринъ на это замѣчаетъ: „Всегда и вездѣ молодые люди, которые учатся въ одномъ заведеніи, считаютъ себя товарищами, и всякому извѣстно, что эта связь вовсе не та, которая существуетъ между сочленами одного гражданскаго общества. Учащіеся говорятъ о себѣ: *мы*, въ отличіе отъ постороннихъ, и естественно составляютъ родъ братства, хотя имъ ненужно ни защищать себя отъ враговъ, ни отстаивать общія привилегія. Вмѣстѣ съ тѣмъ университетъ имѣетъ и корпоративное устройство, но оно обнимаетъ не однихъ студентовъ, а весь университетъ, составляетъ корпорацію учащихъ и учащихся... Товарищество—это жизнь студенчества... Это—лучшая школа для юношей, это—соревнованіе въ успѣхахъ, общеніе мыслей и интересовъ въ благороднѣйшей изъ цѣлей—въ общемъ дѣлѣ образованія; наконецъ, главное, это—привязанность къ мѣсту ученія, одно изъ лучшихъ чувствъ человѣка, но о которомъ Костомаровъ, повидимому, никогда и не помышлялъ. Превратите университеты въ публичныя мѣста, и все это разлетится въ прахъ. Лучшая пора жизни человѣка будетъ втоптана въ общую житейскую пошлость".

За симъ, Чичеринъ спрашиваетъ: „Что̀ же сдѣлается съ преподаваніемъ? Какой характеръ приметъ оно съ превращеніемъ университетовъ въ публичныя каѳедры? „Аудиторія",— пишетъ онъ, — „образуетъ профессора. Когда преподаватель имѣетъ передъ собою студентовъ, въ немъ естественно пробуждается сознаніе той священной обязанности, которая на немъ лежитъ, обязанности—готовить на жизненное поприще молодыхъ людей, ввѣренныхъ его руководству. Тутъ совѣстно сказать легкомысленное слово... Еще недостойнѣе обращать свое

высокое призваніе въ средство для забавы или въ орудіе тщеславія. Тутъ есть нравственная связь между профессоромъ и аудиторіей... Но когда, вмѣсто того, передъ нимъ пестрая толпа людей всѣхъ половъ, возрастовъ и званій,—людей, для которыхъ изученіе Науки не составляетъ серьезнаго дѣла жизни, но которые стеклись сюда, иные отъ скуки, другіе для празднаго удовольствія, третьи изъ моды или изъ тщеславія, и самая малая, можетъ быть, часть—изъ чистой жажды просвѣщенія; когда обязанность профессора популяризировать Науку, превращать ее въ обиходную статью, размѣнивать ее на мелкую монету для обращенія на площади, тогда положеніе измѣняется; тогда поневолѣ закрадывается въ душу и желаніе играть общественную роль, и поползновеніе къ эффектамъ, которые получатъ громкую огласку, и стремленіе превратить Науку въ орудіе для обсужденія живыхъ современныхъ вопросовъ, въ особенности же лесть публикѣ, которая составляетъ одно изъ отличительныхъ свойствъ современнаго нашего либерализма, которая такъ и пышетъ изъ каждой строки тѣхъ мимолетныхъ произведеній, которыми украшается текущая наша Литература,—лесть общественному мнѣнію, лесть извѣстному кружку или извѣстному направленію, но прежде всего лесть невѣжественной толпѣ, которая съ жадностью хватается за каждое слово, ниспадающее изъ устъ передового человѣка".

Въ заключеніе Чичеринъ, между прочимъ, говоритъ: „Мы въ Россіи находимся въ странномъ положеніи. Вездѣ кругомъ раздаются голоса: преобразованія! преобразованія!... Въ этомъ движеніи все созданное вѣками, все, что̀ утвердилось на историческомъ преданіи, кажется ветхимъ хламомъ, рубищемъ, которое надо съ себя сбросить. Намъ нужно новаго, небывалаго, нигдѣ неизвѣстнаго. Чужой опытъ намъ не урокъ; собственный опытъ мы презираемъ... Наконецъ, на самыя лучшія учрежденія налагается святотатственная рука: скорѣй, скорѣй долой! Одно изъ такихъ почтенныхъ, временемъ освященныхъ учрежденій, одно изъ лучшихъ созданій новой Россіи, это— наши университеты... Въ нихъ живетъ крѣпкое и серьезное

преданіе... и которое одно въ состояніи возвратить разбредшіеся умы къ строгости и спокойствію труда. Университетъ— одно изъ тѣхъ учрежденій, которыя надо трогать осторожно, потому что они слишкомъ дороги сердцу Русскаго человѣка. На нихъ смотрятъ съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ, какъ на старцевъ... Съ ними соединены имена людей, которыми мы гордимся. Къ нимъ многія поколѣнія обращаются, какъ къ святилищамъ, изъ которыхъ они вынесли лучшія надежды жизни и самыя завѣтныя воспоминанія молодости. Порвите эту нить, превратите университеты въ публичныя мѣста, въ общественныя каѳедры, тогда исчезнетъ послѣдній отпоръ тому нравственному безначалію, той страсти къ мечтательнымъ нововведеніямъ, по которымъ безъ паруса и кормила носится Русская мысль. Мы рѣшаемся сказать прямо и явно: наши университеты не нуждаются въ радикальномъ преобразованіи. Имъ нуженъ пересмотръ уставовъ, но скорѣе для того, чтобъ возвратить имъ должное значеніе, чтобы утвердить ихъ на установленномъ преданіемъ пути, нежели для перестройки ихъ на новый ладъ... Создаваемое сегодня можетъ уноситься завтра. Но того, что̀ пустило въ жизни глубокіе корни... слѣдуетъ касаться не легкою рукою журнальнаго борзописца, а со страхомъ и трепетомъ“ [183])...

Подъ 26 ноября 1861 года, В. А. Мухановъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Читаю дѣльную статью объ университетахъ профессора Чичерина противъ профессора Костомарова, который хочетъ, чтобы всѣ имѣли входъ въ университетъ“.

Вскорѣ до Муханова дошелъ слухъ, вѣроятно распространяемый людьми недоброжелательными къ Чичерину, что будто бы „противъ благонамѣреннаго профессора Чичерина запрещено писать, по крайней мѣрѣ, печатать статьи. Неловко“ [184]).

LIII.

За три дня до объявленія манифеста объ освобожденіи крестьянъ, 2-го марта 1861 года, Императорская Академія Наукъ праздновала пятидесятилѣтіе писательской дѣятельности князя Петра Андреевича Вяземскаго.

Въ октябрѣ 1808 года, князь Вяземскій выступилъ на благородное поприще Русской Литературы, и въ *Вѣстникѣ Европы* того времени было впервые напечатано стихотвореніе его, подъ заглавіемъ: *Посланіе къ *** въ деревню.*

Въ копіи съ этого стихотворенія, принадлежащей П. И. Бартеневу, стихотвореніе озаглавлено *Жуковскому.*

> ... Безпечность твой удѣлъ! стократъ она милѣй:
> И пышности владыкъ и блеска богачей!
> Не тотъ по мнѣ счастливъ, кто многимъ обладаетъ,
> Воспитанъ въ роскоши, въ звѣздахъ златихъ сіяетъ
> (Ни злато, ни чины ко счастью не ведутъ);
> Но тотъ, чьи ясны дни въ невинности текутъ,
> Кто сердцемъ не смущенъ, кто славы не желая,
> Но искренно, въ душѣ, свой рокъ благословляя,
> Доволенъ тѣмъ, что есть, и лучшаго не ждетъ —
> И небо на него лучъ благости ліетъ [168]).

Такимъ образомъ, пятидесятилѣтній юбилей князя Вяземскаго исполнился еще въ октябрѣ 1858 года, т.-е. въ тотъ самый годъ, когда онъ оставилъ постъ товарища министра Народнаго Просвѣщенія. Но Академія Наукъ не могла въ то время приступить къ „торжественному выраженію полнаго сочувствія своего и уваженія къ сознаваемымъ всѣми заслугамъ своего сочлена, потому что разстроенное здоровье, въ это время, удерживало его за границею. Подобнымъ образомъ, и слѣдовавшіе за тѣмъ два года не оказались вполнѣ удобными для празднованія юбилея, по нѣкоторымъ семейнымъ обстоятельствамъ академика“.

Наконецъ, Академіи удалось привести въ исполненіе давнишнее желаніе свое, по слову поэта:

Въ славный годъ, когда свобода
Броситъ первый блескъ лучей,
Въ годъ великій для народа
Твой свершился юбилей...

Ты изъ всѣхъ пѣвцовъ судьбою
Вознесенъ изъ рода въ родъ
Знай—мы празднуемъ съ тобою
Русской жизни новый годъ...

5 января 1861 года, президентъ Академіи Наукъ графъ Д. Н. Блудовъ писалъ министру Народнаго Просвѣщенія: „Ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, тайный совѣтникъ князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, уже болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ вступившій на литературное поприще, въ теченіе полустолѣтія былъ любимымъ Русскимъ поэтомъ и заслужилъ себѣ своими сочиненіями, какъ званіе академика, такъ и всеобщее уваженіе въ многочисленномъ кругѣ почитателей его литературнаго таланта. Многіе изъ сочленовъ его по Академіи, а также и изъ друзей нашего поэта, желали бы выразить свое сочувствіе къ нему и уваженіе къ его заслугамъ на поприщѣ Отечественной Словесности и отпраздновать его пятидесятилѣтній юбилей приличнымъ торжествомъ и для сего устроить въ честь его обѣдъ, на предстоящей сырной недѣлѣ.

Соглашаясь вполнѣ съ членаміи Академіи въ чувствахъ уваженія къ нашему поэту, я вмѣняю себѣ въ пріятнѣйшую обязанность покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство объ исходатайствованіи, по бывшимъ подобнымъ примѣрамъ, соизволенія Его Императорскаго Величества на празднованіе сказаннаго юбилея князя Вяземскаго“.

На этомъ письмѣ, Е. П. Ковалевскій написалъ: „Государь Императоръ соизволилъ изъявить согласіе на предположенный обѣдъ князю Вяземскому и при этомъ высочайше повелѣлъ снестись съ министромъ Государственныхъ Имуществъ объ увеличеніи ему аренды до трехъ тысячь рублей. 16 февраля 1861 года“.

Приготовляя торжественное собраніе для выраженія чувствъ

любви и почтенія одному изъ товарищей своихъ, академики предугадывали, что, для полнаго оживленія праздника, недостаточно ихъ исключительнаго присутствія, „болѣе или менѣе, всегда оффиціальнаго“. Это соображеніе побудило Академію сообщить нѣсколькимъ лицамъ изъ родственнаго круга князя Вяземскаго о предположенномъ праздникѣ и просить ихъ составить списокъ тѣхъ особъ, которыя, принадлежа къ числу его родныхъ или друзей, или находясь въ близкихъ съ нимъ сношеніяхъ, „неожиданнымъ присутствіемъ своимъ въ собраніи Академіи могли бы доставить ему тѣмъ живѣйшее удовольствіе“. Такимъ образомъ, найдено было средство „снять съ академическаго собранія всю формальность нѣсколько холодныхъ засѣданій, удержать въ немъ прелесть дружескаго общества и окружить чествуемаго академика привѣтствіями, столько же для его заслугъ утѣшительными, сколько и для сердца его драгоцѣнными“.

Распоряженія по устройству праздника приняли на себя: Н. А. Мухановъ, А. В. Веневитиновъ и князь В. Ѳ. Одоевскій.

Сохранилось циркулярное обращеніе къ академикамъ, писанное рукою П. А. Плетнева, слѣдующаго содержанія: „Съ высочайшаго его императорскаго величества соизволенія, почитатели таланта академика *князя Петра Андреевича Вяземскаго* предполагаютъ *2-го марта* (въ четвергъ на сырной недѣлѣ) праздновать пятидесятилѣтній юбилей литературной дѣятельности поэта, устроивъ отъ себя дружеской обѣдъ, а потому имѣютъ честь довести о семъ до свѣдѣнія всѣхъ товарищей почтеннаго юбиляра, въ предположеніи, не благоугодно ли будетъ кому либо изъ гг. академиковъ, принявъ участіе въ предполагаемомъ празднествѣ, содѣйствовать къ его осуществленію добровольною подпискою по *десяти* рублей сер.“

Подъ этимъ циркуляромъ, желающіе подписали свои имена: Графъ Блудовъ, К. Веселовскій, Б. Якоби, Купферъ, Фрицше, Д. Перевощиковъ, Н. Кокшаровъ, П. Чебышевъ, П. Дубров-

скій, Остроградскій, Желѣзновъ, Норовъ, Востоковъ, Срезневскій, Гротъ, Билярскій, Вельяминовъ-Зерновъ, Броссе, Куникъ, Н. Устряловъ, Никитенко, князь Давыдовъ, Буняковскій, Плетневъ.

Къ Погодину Плетневъ писалъ: „Спѣшу увѣдомить васъ, милый и дорогой мой Михаилъ Петровичъ, что на масляницѣ въ четвергъ, 2-го марта, данъ будетъ, съ высочайшаго разрѣшенія, Академіею Наукъ торжественный обѣдъ, въ честь академика князя П. А. Вяземскаго, по случаю совершившагося пятидесятилѣтія литературной дѣятельности его. Какъ предсѣдательствующій Отдѣленія, въ которомъ вы и князь—товарищи, а болѣе еще, какъ на сквозь видящій благородное сердце ваше, воспламеняющееся отъ всего прекраснаго, я жду и увѣренъ, что вы пріѣдете раздѣлить общую радость нашу и наэлектризовать сердца присутствующихъ тѣмъ задушевнымъ словомъ, которое только вамъ, въ подобныхъ случаяхъ, посылается свыше. Всѣ будутъ въ черныхъ фракахъ“.

По полученіи этого письма, Погодинъ тотчасъ же отправился въ Петербургъ. Передъ отъѣздомъ, онъ получилъ слѣдующее письмо отъ М. Н. Лонгинова: „Покорнѣйше прошу васъ отвезти прилагаемое письмо князю Вяземскому. Я его нарочно не запечатываю: можетъ быть, вы сочтете удобнымъ сами ему прочесть его передъ врученіемъ“.

На приглашеніе Плетнева принять участіе въ юбилеѣ, И. И. Давыдовъ отвѣчалъ: „Письмо вашего превосходительства, отъ 21-го текущаго февраля, получилъ я лишь 26-го, какъ будто въ насмѣшку желѣзной дорогѣ. Но дорога не виновата, а оно пролежало пять дней у моего тезки, здѣшняго вице-губернатора, съ которымъ у меня нерѣдко бываетъ обмѣнъ писемъ. Вотъ почему я отвѣчаю вамъ на ваше письмо нѣсколько поздно. Извѣстіе о предположеніи Академіи Наукъ, съ высочайшаго соизволенія, праздновать юбилей достойнѣйшаго академика нашего, князя П. А. Вяземскаго, должно быть утѣшительно и отрадно для каждаго русскаго, уважаю-

щаго отечественные таланты и заслуги ученыя и литературныя. Тогда, говоритъ Тацитъ, рождаются доблести, когда онѣ уважаются. Въ настоящемъ случаѣ, не знаешь, чему болѣе радоваться, достопочтеннѣйшему ли юбиляру, заслужившему всеобщее вниманіе къ своему таланту и гражданскимъ заслугамъ, или благородному сознанію его достоинствъ учеными и литераторами. Мнѣ же, привыкшему съ юныхъ лѣтъ почитать поэта, которому готовится справедливое празднованіе, остается только сожалѣть, что, по служебнымъ обстоятельствамъ, я не могу участвовать въ юбилеѣ. По крайней мѣрѣ, предъ вами, представителями отъ Русскаго языка и Словесности, позвольте изъявить мое теплое сочувствіе этому знаменательному торжеству“.

Съ своей стороны, и распорядители по устройству праздника разослали къ разнымъ лицамъ повѣстки слѣдующаго содержанія: „По случаю совершившагося пятидесятилѣтія литературной дѣятельности академика князя Петра Андреевича Вяземскаго, президентъ и члены Императорской Академіи Наукъ, съ высочайшаго соизволенія, предположили, при добровольномъ участіи ихъ, устроить, на сырной недѣлѣ, въ четвергъ, 2-го марта, праздничный обѣдъ въ честь достойно уважаемаго всѣми поэта, и такимъ образомъ торжественно выразить полное сочувствіе свое къ его прекрасному дарованію. Для доставленія же князю Петру Андреевичу живѣйшаго при этомъ случаѣ удовольствія, они за долгъ поставили сообщить о своемъ предположеніи родственникамъ его и друзьямъ, почему имѣютъ честь довести о семъ до свѣдѣнія вашего, покорнѣйше прося увѣдомить, угодно ли вамъ также участвовать въ учрежденіи юбилея“.

Но къ этой повѣсткѣ писарскою рукою была сдѣлана приписка, столь возмутившая, какъ увидимъ, щепетильныхъ литераторовъ. Эта приписка гласила: „Участвующіе на юбилеѣ приглашаются быть въ черныхъ фракахъ, бѣлыхъ галстукахъ, при звѣздахъ, но безъ лентъ. Обѣдъ имѣетъ быть въ зданіи Академіи Наукъ, въ $5^1/_2$ часовъ по полудни“.

Получившіе приглашеніе, выразили „сердечное удовольствіе" участвовать въ юбилейномъ праздникѣ „столь высоко чтимаго ими поэта и человѣка".

Вотъ имена участниковъ: принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ, графъ Карлъ Васильевичъ Нессельроде, князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ, графъ Матвѣй Юрьевичъ Віельгорскій, князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ, князь Дмитрій Сергѣевичъ Горчаковъ, Сергѣй Степановичъ Ланской, князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ, Өедоръ Петровичъ Лубяновскій, Александръ Максимовичъ Княжевичъ, Евграфъ Петровичъ Ковалевскій, графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ, Алексѣй Иларіоновичъ Философовъ, Дмитрій Васильевичъ Путята, Николай Ивановичъ Бахтинъ, графъ Александръ Алексѣевичъ Бобринскій, князь Александръ Васильевичъ Мещерскій, Алексѣй Ивановичъ Войцеховичъ, Помпей Николаевичъ Батюшковъ, графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, Левъ Евгеніевичъ Баратынскій, графъ Владиміръ Петровичъ Орловъ-Давыдовъ, графъ Анатолій Владиміровичъ Орловъ-Давыдовъ, графъ Владиміръ Владиміровичъ Орловъ-Давыдовъ, Алексѣй Владиміровичъ Веневитиновъ, князь Владиміръ Өедоровичъ Одоевскій, Иванъ Давыдовичъ Деляновъ, Аркадій Осиповичъ Россетъ, Өедоръ Ивановичъ Тютчевъ, Петръ Александровичъ Валуевъ, Константинъ Степановичъ Сербиновичъ, графъ Владиміръ Александровичъ Сологубъ, Николай Михайловичъ Смирновъ, князь Григорій Алексѣевичъ Щербатовъ, князь Дмитрій Александровичъ Оболенскій, баронъ Александръ Любимовичъ Штиглицъ, князь Николай Ивановичъ Салтыковъ, Николай Алексѣевичъ Мухановъ, Владиміръ Алексѣевичъ Мухановъ, князь Григорій Григорьевичъ Гагаринъ, Эммануилъ Дмитріевичъ Нарышкинъ, Дмитрій Ивановичъ Нарышкинъ, графъ Андрей Өедоровичъ Ростопчинъ, графъ Болеславъ Станиславовичъ Потоцкій, Иванъ Сергѣевичъ Мальцевъ, Борисъ Карловичъ Данзасъ, Михаилъ Михайловичъ Устиновъ, графъ Николай Матвѣевичъ Ламздорфъ, графъ Александръ Петровичъ

Толстой, Михаилъ Ивановичъ Туманскій, графъ Михаилъ Иринеевичъ Хребтовичъ, Егоръ Петровичъ Ковалевскій, князь Петръ Ивановичъ Мещерскій, князь Николай Петровичъ Мещерскій, князь Александръ Петровичъ Мещерскій, князь Владиміръ Петровичъ Мещерскій, Сергѣй Дмитріевичъ Полторацкій, Владиміръ Николаевичъ Карамзинъ, князь Александръ Егоровичъ Вяземскій, графъ Павелъ Дмитріевичъ Толстой, графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, Владиславъ Максимовичъ Княжевичъ, Өеофилъ Матвѣевичъ Толстой, Дмитрій Христофоровичъ Гумаликъ, Николай Ивановичъ Гречъ, Иванъ Александровичъ Гончаровъ, Аполлонъ Николаевичъ Майковъ, Яковъ Петровичъ Полонскій, Алексѣй Өеофилактовичъ Писемскій, Николай Өедоровичъ Щербина, Владиміръ Григорьевичъ Бенедиктовъ, Өедоръ Антоновичъ Бруни, Николай Ивановичъ Уткинъ, Иванъ Константиновичъ Айвазовскій.

LIV.

Наступило 2 марта, день праздника юбилейнаго.

Рано утромъ, явились къ юбиляру его внуки, Вяземскіе, и привѣтствовали своего дѣда стихами, сочиненными для нихъ княземъ Д. А. Оболенскимъ.

Въ то же время, князь Вяземскій прочелъ слѣдующее привѣтствіе графини А. Д. Блудовой: „Хочу изъ первыхъ поздравить васъ, любезный князь, съ вашей нестарѣющею старостью и пятидесятилѣтнимъ сочетаніемъ съ Музою; въ *то время* ее еще такъ звали, хотя нынче прозваніе ей иное, и по правдѣ сказать, не знаю какое, дарованіе ли, вдохновеніе или талантъ! Но подъ какимъ бы ни было именемъ, вы продолжаете насъ радовать или утѣшать ея милыми фантазіями, и желала бъ я для нашихъ потомковъ, чтобъ вы ею радовали и ихъ еще полвѣка“.

За симъ, въ квартиру князя Вяземскаго прибыли непремѣнный секретарь Академіи К. С. Веселовскій и предсѣ-

дательствующій въ Отдѣленіи Русскаго языка и Словесности П. А. Плетневъ, съ приглашеніемъ на праздникъ. Выслушавъ ихъ привѣтствіе, князь Вяземскій выразилъ представителямъ Академіи признательность за оказываемую ему честь, неиначе ее принимая, какъ видимый знакъ столь пріятныхъ для него дружескихъ отношеній между товарищами по Академіи.

Около 5-ти часовъ, сборная зала Академіи наполнилась гостями. Виновникъ торжества, при появленіи своемъ, „радостно" окруженъ былъ собраніемъ, во главѣ котораго находились: Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, министръ Народнаго Просвѣщенія Е. П. Ковалевскій и президентъ Академіи графъ Д. Н. Блудовъ.

При появленіи гостей въ столовую, она мгновенно освѣтилась, и музыка заиграла. Передъ бюстомъ Петра Великаго, на среднемъ мѣстѣ за столомъ, попросили сѣсть князя П. А. Вяземскаго, между министромъ Народнаго Просвѣщенія и президентомъ Академіи Наукъ.

Сохранился и меню этого обѣда:

Menu du 2 mars.

Hors-d'oeuvre.
Potage.
La purée à la Reine et Julienne à la Royale.
Les Rastigails et petite patée.
La Culotte de boeuf et côtelettes jardinières, s-ce madère.
Le Soudac, sauce hollandaioe.
Les jeunes poulets truffés perigueux.
Punch glacé au Kirch.
Ros.
Faisans et Gibier.
Salade de Laitus et agourtcis nouveaux.
Haricots verts à l'anglaise.
Ravaroise à la Parisienne.
Dessert.

Когда наступило время провозглашенія тостовъ, прези-

дентъ Академіи графъ Д Н. Блудовъ сказалъ, обращаясь къ собранію: „Я почитаю себя особенно счастливымъ, что могу сообщить вамъ, милостивые государи, и въ то же время соединившему васъ здѣсь на праздникѣ поэту, о новой монаршей къ нему милости. Государь императоръ, въ ознаменованіе высокаго благоволенія своего къ литературнымъ трудамъ академика князя П. А. Вяземскаго, всемилостивѣйше изволилъ, въ день празднованія его юбилея, пожаловать его въ гофмейстеры Двора Его Величества, а по желанію государыни императрицы, онъ назначается состоять при особѣ ея величества".

Затѣмъ, графъ Блудовъ продолжалъ: „Милостивые государи. Первый тостъ, или, говоря Русскими словами незабвеннаго нашего Жуковскаго, въ *Посланіи къ Императору Александру Павловичу*, „чаша первая", не только по приличіямъ и порядку, но и по чувству всеобщему, да будетъ, какъ всегда, за здравіе, благоденствіе и славу государя императора. Не прибавляемъ *отца отечества* — это каждый изъ насъ уже сказалъ въ сердцѣ своемъ; но по мѣсту, гдѣ мы теперь, *я* прибавлю *и покровителя* наукъ, обогащающихъ, питающихъ умъ нашъ, и изящной Словесности, которую можно назвать выраженіемъ души народа"...

Здѣсь рѣчь президента прервана громкимъ, единодушнымъ восклицаніемъ: ура!

Президентъ продолжалъ: „Сія заздравная чаша да будетъ и за августѣйшій его величества домъ, коего всѣ члены, такъ же, какъ онъ самъ, сочувствуютъ успѣхамъ Просвѣщенія, успѣхамъ всѣхъ полезныхъ знаній и украшающихъ жизнь изящныхъ искусствъ. Еще разъ, мм. гг.: да здравствуетъ и да благоденствуетъ нашъ государь, вмѣстѣ съ окружающимъ его цвѣтущимъ семействомъ, вмѣстѣ съ другою, не менѣе любезною ему дочерью, Россіею".

Тутъ снова раздались и долго не умолкали восклицанія: ура!

Послѣ сихъ торжественныхъ *тостовъ* и пѣнія національнаго гимна: *Боже Царя храни*, президентъ обратился

къ сосѣду своему, коего юбилей былъ празднуемъ, „съ дружескимъ, нѣжнымъ“ привѣтствіемъ, говоря: „Мы, хотя въ Академіи, но не въ засѣданіи, и потому я не буду, какъ то обыкновенно водится, исчислять и по возможности оцѣнять произведенія вашихъ литературныхъ трудовъ. Дозволю себѣ сказать только, что пора бы, и давно пора собрать эти *разсѣянные перлы*, какъ ихъ назвалъ покойный Стурдза, *и составить изъ нихъ полное драгоцѣнное ожерелье, къ украшенію Русской Словесности.* Не согласитесь ли вы, любезнѣйшій князь, поручить это нашему обществу, давъ ему и средства въ точности исполнить ваше порученіе? Такой трудъ, если можно назвать его трудомъ, и легкій, и пріятный, доставилъ бы намъ, особливо мнѣ, еще удовольствіе особаго рода: пройти снова, вмѣстѣ съ вами, черезъ минувшую нашу жизнь, черезъ улетѣвшую отъ насъ молодость, которой часть, по крайней мѣрѣ, мы провели вмѣстѣ.

L'homme, сказалъ гдѣ-то Французскій поэтъ Делиль,
quelquefois rejetant ses regards en arrière,
Se plait à distinguer dans le cercle des jours,
Ce peu d'instants helas! et si chers et si courts,
Ces fleurs dans un désert, ces temps où le ramène
Le regret du plaisir et même de la peine.

Такъ и мы, обращаясь къ прошедшему, вспоминая все *былое*, хорошее и худое, и близкія наши, оживлявшія и образовавшія нашъ вкусъ къ Словесности сношенія другъ съ другомъ и съ нашими учителями вкуса, Карамзинымъ, Дмитріевымъ и съ общимъ неизмѣннымъ нашимъ товарищемъ Жуковскимъ, который ввѣрялъ намъ всѣ свои мысли, чувства, планы своихъ сочиненій, и тѣмъ какъ будто приглашалъ дѣлиться съ нимъ наслажденіями его творческаго ума, вспомнимъ не безъ улыбки, и объ нашихъ—сказать ли? *литературныхъ шалостяхъ*, потому, между прочимъ, что въ нихъ нерѣдко бывало много живости и ума“.

Князь Вяземскій отвѣчалъ слѣдующею рѣчью: „Первымъ чувствомъ и первымъ словомъ моимъ да будетъ глубочайшая

моя благодарность Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ, за высочайшую милость, которою ихъ величества меня осчастливили.

Искренняя признательность моя и вамъ, милостивые государи, за благосклонное вниманіе, которымъ вы меня удостоили. Теперь позвольте мнѣ объяснить вамъ, какъ я сознаю и понимаю это вниманіе.

Къ сожалѣнію, литературные юбилеи совершаются у насъ рѣдко. Смерть перебѣгаетъ имъ дорогу, и часто, еще далеко до цѣли, захватываетъ избранныхъ, которыхъ долгоденствіе было бы народной радостью и обогащеніемъ народной славы. Особенное тому исключеніе, встрѣченное вами съ лестнымъ вниманіемъ, пало на меня, на меня, который менѣе многихъ другихъ заслуживалъ бы сей почести. Нынѣшнее собраніе и радушное привѣтствіе, которыми вы меня удостоиваете, служатъ доказательствомъ, во-первыхъ, моей живучести, за которую обязанъ я благодарить Провидѣніе, дозволившее мнѣ дожить до настоящаго праздничнаго дня; во-вторыхъ, доказательствомъ вашей памяти, не сухой, строго подводящей всему итоги, но драгоцѣнной памяти сочувствія и благоволенія. За нее не умѣлъ бы я вполнѣ и достаточно выразить мою глубочайшую благодарность. Тѣмъ болѣе тронутъ я находчивостью вашей памяти, что я, съ своей стороны, ничего не сдѣлалъ, чтобы облегчить ее и указать ей путеводительные слѣды. Я даже не кончилъ тѣмъ, чѣмъ многіе спѣшатъ начать, а именно, собраніемъ и напечатаніемъ полныхъ своихъ произведеній. И донынѣ еще не собраны грамоты моего авторскаго мѣстничества, моя метрика, мой литературный послужной списокъ,— все у меня находится въ большомъ безпорядкѣ. Предстою предъ вами безъ документовъ на-лицо, безъ полновѣсныхъ книгъ и книжекъ, получившихъ осѣдлость и право гражданства въ библіотекахъ и книжныхъ лавкахъ. Самъ почтеннѣйшій президентъ Академіи, котораго ученая, разнообразная и богатая память можетъ замѣнить полнѣйшую энциклопедію и подробнѣйшій каталогъ; самъ управляющій

Публичною Библіотекою, который привелъ наше народное книгохранилище въ такой удовлетворительный и блестящій порядокъ — и они затруднились бы возстановить вполнѣ и въ хронологической послѣдовательности родословное древо моего авторскаго достоинства, если могла бы здѣсь рѣчь идти о какомъ-нибудь достоинствѣ. Это древо, въ теченіе многихъ пропущенныхъ десятилѣтнихъ давностей, разбросано по широкому полю отдѣльными вѣтками и листьями. Кто дастъ себѣ трудъ собрать въ *дѣлахъ давно минувшихъ лѣтъ*, подъ полувѣковою пылью забытыхъ журналовъ и сборниковъ, эти затерянные зародыши, попытки и матеріалы, изъ коихъ многіе уже успѣли сдѣлаться развалинами? Впрочемъ, такой подвигъ, послѣ оказываемаго мнѣ вами, мм. гг., снисхожденія, мнѣ и не нуженъ. Вы довѣряете, такъ сказать, на слово; вы, по собственному побужденію вашего просвѣщеннаго и дружелюбнаго сочувствія, мимо всѣхъ формальностей и законныхъ видовъ, вы меня удостоиваете лучшаго отличія. Высоко цѣню эту честь, не обольстительно возвышая себя предъ собою, но сердечно умаляясь предъ высотою награды вашей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, понимаю и вѣрное ея значеніе. Здѣсь придется мнѣ повторить себя: со стариками это часто бываетъ. Нѣсколько лѣтъ тому, было мнѣ оказано въ Москвѣ вниманіе въ родѣ нынѣшняго, и тогда выразилъ я свое убѣжденіе. Съ тѣхъ поръ, я въ глазахъ своихъ не выросъ; я только состарѣлся. Но съ тою же живою признательностью, съ тѣмъ же самосознаніемъ, какъ и тогда, скажу, мм. гг., и вамъ: вы во мнѣ радушно привѣтствуете и ласково провожаете живое и не чуждое сочувствіямъ вашимъ преданіе. Вы въ моемъ лицѣ празднуете умилительную тризну славнымъ покойникамъ, которыхъ нѣкогда былъ я питомцемъ, современникомъ и товарищемъ. Не мои дѣла, не мои труды, не мои побѣды празднуете вы. Вы заявляете сердечное слово, вы подаете ласковую руку простому рядовому, который уцѣлѣлъ изъ побоища смерти и пережилъ многихъ знаменитыхъ сослуживцевъ. На поприщѣ гражданина имѣлъ я также одинъ поэтическій и достопамятный день, который означаетъ осо-

бенною отмѣткой обыкновенную жизнь человѣка. Много ли насчитается нынѣ на-лицо изъ тѣхъ, которые были хотя и незамѣтными, но присутствующими участниками въ великой, эпической Бородинской битвѣ? Не ищите имени моего въ лѣтописи этой битвы; но я подъ ядрами находился въ сей день при *Милорадовичѣ*. Въ ушахъ моихъ еще звучитъ повелительный голосъ его; предъ глазами моими еще рисуется его спокойное и мужественное лицо. На литературномъ поприщѣ равно я живое воспоминаніе великой эпохи. Я напоминаю вамъ, милостивые государи, имена ея, имена *Карамзина*, *Жуковскаго*, *Пушкина* и нѣкоторыхъ другихъ знаменитыхъ ея дѣятелей, сихъ воиновъ мирнаго, но побѣдительнаго слова Я пережилъ ихъ, какъ пережилъ и многихъ изъ своихъ Бородинскихъ товарищей. Это не заслуга, но это право на сочувственное вниманіе ваше. Вы вмѣняете мнѣ въ заслугу счастіе, которое сблизило и сроднило меня съ именами, вамъ любезными и съ блескомъ записанными на скрижаляхъ памяти народной. Вы любите настоящее: вы горячо живете его жизнію, его заботами, успѣхами и надеждами. Но вы не отрекаетесь отъ минувшаго и не остаетесь равнодушными къ тому и къ тѣмъ, которые честно отживаютъ. Вы сочувствуете и радуетесь новымъ дарованіямъ, новымъ труженикамъ Науки, слова и искусства, которые нынѣ обогащаютъ Литературу нашу. Но вы того мнѣнія, что все новое хорошее, изящное, честное, не должно насильственно замѣщать и уничтожать изящное и честное старое, а служить ему развитіемъ и пополненіемъ. Любовь, во всѣхъ возвышенныхъ и духовныхъ примѣненіяхъ къ явленіямъ жизни и дѣйствительности, есть чувство безсмертное и слѣдовательно всеобъемлющее. Ограничивать любовь одновременнымъ пристрастіемъ къ тому, что есть, къ тому что на глазахъ и подъ рукою, значитъ унижать ее. Нѣтъ, любовь къ Просвѣщенію, любовь къ добру, къ человѣчеству, объемлетъ и то, что есть, и то, что было, а безсмертнымъ предчувствіемъ и то, что будетъ. Все прекрасное, все доброе, совмѣщается для нея въ одно разум-

ное и стройное цѣлое, которое имѣетъ корни въ минувшемъ и незримые и таинственные зародыши, и побѣги въ будущемъ. Любви не чужды ни колыбели потомковъ, ни могилы предковъ. Она, заботясь объ обязанностяхъ дня сего, привѣтствуетъ упованіе завтрашняго, но вмѣстѣ съ тѣмъ свято дорожитъ памятью и вчерашняго дня. Если не ошибаюсь, таковы значеніе и сокровенное чувство избраннаго и разнообразнаго общества, которое здѣсь собралось и удостоиваетъ меня честію, далеко превосходящею мои литературныя заслуги. Во мнѣ, пока еще живомъ, спѣшите вы, милостивые государи, заплатить долгъ любви и признательности нашимъ общимъ наставникамъ и друзьямъ, уже отжившимъ. За себя и за тѣхъ, которыхъ вы во мнѣ почтили, благодарю васъ отъ полноты умиленной и сладостно взволнованной души. Благодарю васъ и за настоящее поколѣніе, которое съ юными силами и мужественнымъ одушевленіемъ служитъ благородному дѣлу слова, искусства и истины. Оно также, въ свою очередь, уступитъ мѣсто молодому племени, которое, по слѣдамъ его, будетъ продолжать и довершать святую задачу Просвѣщенія. Пускай, изъ моего примѣра и нынѣшняго собранія почерпаетъ оно отрадное убѣжденіе, что общество, увлекаемое потокомъ настоящаго, умѣетъ съ благодарностію поминать и прошедшее".

По свидѣтельству очевидцевъ, „впечатлѣніе, произведенное этой рѣчью на слушателей, было самое пріятное. Общее сочувствіе ко всему, такъ скромно и благородно высказанному поэтомъ, общее согласіе съ каждою изъ прекрасныхъ мыслей его, наконецъ общее сознаніе тѣхъ началъ высокаго искусства, которыми онъ умѣлъ слить всѣ эпохи Литературы въ одну непрерывную народную жизнь,—все вмѣстѣ разлило по собранію особенное оживленіе".

Выслушавъ рѣчь князя Вяземскаго, министръ Народнаго Просвѣщенія предложилъ тостъ за процвѣтаніе Академіи, за здоровье президента ея, а съ тѣмъ вмѣстѣ и принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, почтившаго присутствіемъ сво-

имъ праздникъ Академіи, равно какъ и за здоровье прочихъ гостей. Тостъ былъ принятъ съ восторгомъ.

LV.

Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Русскаго языка и Словесности П. А. Плетневъ, выразивъ отъ лица товарищей господину министру Народнаго Просвѣщенія полную признательность за постоянное его содѣйствіе къ поддержанію благосостоянія и чести Академіи, обратился къ *князю П. А. Вяземскому* и произнесъ:

„Собраніе, окружающее здѣсь васъ въ нынѣшній день, приноситъ вамъ, *князь Петръ Андреевичъ*, двойственную дань—дань уваженія и любви.

Товарищи ваши, академики, радостно поспѣшили воспользоваться совершившимся пятидесятилѣтіемъ вашей литературной дѣятельности, чтобы торжественно высказать вамъ, какъ высоко цѣнятъ они свѣтлый умъ вашъ и ваше самобытное, прекрасное дарованіе.

Но Академія, въ этотъ праздникъ свой, лишила бы себя и васъ самыхъ нѣжныхъ, самыхъ пріятныхъ ощущеній, если бы не пріобщила къ своему кругу другихъ товарищей вашихъ, болѣе близкихъ вашему сердцу, вашихъ родныхъ и друзей. Ихъ присутствіе дало нашему академическому собранію видъ домашняго круга вашего, и наши голоса, наши рѣчи, обращенныя къ заслугамъ академика, получаютъ звуки и выраженія тѣхъ задушевныхъ словъ, въ которыхъ вы привыкли слышать одно выраженіе давней, неизмѣнной любви, этой общей дани вашему прекрасному сердцу.

Между нами, въ настоящую эпоху, положеніе ваше исключительное и конечно самое завидное. Въ числѣ академиковъ, вы одни являетесь здѣсь съ благодатью надъ челомъ, со звѣздою Поэзіи. По смыслу этого слова, ваши идеи, вашъ языкъ получаютъ для насъ значеніе творчества. Вы общимъ академическимъ трудамъ нашимъ доставляете вдругъ обога-

щеніе и законность. Еще въ классической древности опредѣлили, что можно сдѣлаться ученымъ, а поэтомъ надобно родиться. Отъ того-то истинныя красоты Поэзіи для всѣхъ временъ и для всѣхъ народовъ равно неувядаемы.

Какъ художникъ по призванію, вы проходите поприще свое независимо и твердо. Въ произведеніяхъ вашихъ все носитъ только вамъ принадлежащій характеръ. Блестящій умъ вашъ умѣетъ сводить самые разнородные предметы въ такія картины и образы, которыхъ неожиданность, вѣрность и живость неизгладимо напечатлѣваются на воображеніи. Созданный вами языкъ, болѣе нежели чей нибудь изъ нашихъ писателей, доходитъ до сердца каждаго Русскаго, и трогательно отзывается въ немъ, какъ тѣ родные, такъ любимые нами, звуки и выраженія, которые въ неизмѣнномъ языкѣ народа нашего, на всемъ протяженіи тысячелѣтней Исторіи его, переходятъ отъ одного поколѣнія къ другому, всегда равно всѣмъ внятны, усладительны и незамѣнимы.

Шестнадцати лѣтъ посвятились вы въ поэты. Изъ рукъ образователя и законодателя языка нашего, когда самъ онъ приступилъ къ безсмерному труду *Исторіи Государства Россійскаго*, приняли васъ въ дружеское сообщество свое *Жуковскій* и *Батюшковъ*. Скоро присоединился къ вамъ и тотъ чудный отрокъ, который въ это время еще беззаботно игралъ въ Царскосельскихъ садахъ, но уже отмѣченъ былъ рукою генія. Какое время! какія воспоминанія! Говоря объ этихъ людяхъ, кто можетъ не сочувствовать имъ? Но, раздѣляя съ ними все, и мысли ихъ, и вкусъ, и высокія убѣжденія, вы прекрасно сохранили за собою тотъ избранный дарованіемъ вашимъ удѣлъ, въ которомъ остались независимымъ и безспорнымъ владѣльцемъ.

Не молодость, не суетность, не примѣръ и не первый даже успѣхъ вызвали и удержали васъ на служеніи строгому Искусству. Если бы, глубоко, въ сокровенномъ храмѣ вашего сердца, сама природа не зажгла этого священнаго огня, трудно вамъ было бы цѣлое полстолѣтіе поддерживать и охранять его

отъ всѣхъ искушеній жизни, отъ всѣхъ оборотовъ счастія. Проникая въ тайныя помышленія души вашей, какъ и вы, мы благодаримъ Бога за все, ниспосланное вамъ. Но въ то же время не можемъ не благодарить и прямо васъ за назидательный примѣръ, какой даете вы намъ своею покорностію волѣ Провидѣнія, своею любовію къ Поэзіи, очищающей душу и возвышающей мысли, наконецъ своею неизмѣнностію въ сохраненіи того истиннаго достоинства, которое заключено, по счастливѣйшему выраженію Жуковскаго, въ одномъ словѣ *человѣкъ*.

Много эпохъ пережили вы, князь Петръ Андреевичъ, и въ политическомъ мірѣ, и въ литературномъ. Много видѣли вы колебаній въ томъ и другомъ. Людскія славы передъ вами восходили и заходили. Вы на все смотрѣли какъ мудрецъ, поучающійся въ дѣлахъ Божьяго міра. Много намъ передали вы своихъ завѣтныхъ думъ. Конечно, еще болѣе вы храните ихъ въ назиданіе тѣмъ, которые, какъ вы, нѣкогда полюбятъ размышленіе и истину. Но вы и нынѣ благодушно встрѣчаете все, все, что съ любовію и надеждой на добро несетъ вѣрующій въ свое время человѣкъ. За это христіанское чувство примите наше общее привѣтствіе. Для насъ было елеемъ ваше *слово примиренія*, и пусть останутся на вѣкъ девизомъ нашимъ золотые въ немъ стихи:

Да плодъ воздастъ благое сѣмя,
Чья не посѣй его рука!
Богъ въ помощь вамъ, младое племя,
И вамъ, грядущіе вѣка!

Примите же, князь, единодушное, сердечное желаніе наше, чтобы долго, долго слышенъ былъ между нами вашъ голосъ, и долго находили бы мы то сочувствіе въ васъ, которое, какъ высоко-поднятое знамя, однимъ присутствіемъ своимъ радуетъ и одушевляетъ“.

По окончаніи привѣтствія, П. А. Плетневъ попросилъ позволенія прочитать стихи Ѳ. И. Тютчева. Вотъ они:

У Музы есть различныя пристрастья.
Дары ея даются неравно.
Стократъ она божественнѣе счастья,
Но своенравна какъ оно.

Иныхъ она лишь на зарѣ лелѣетъ,
Цѣлуетъ шелкъ ихъ кудрей молодыхъ;
Но вѣтерокъ чуть жарче лишь повѣетъ —
И съ первымъ сномъ она бѣжитъ отъ нихъ.

Тѣмъ у ручья на луговинѣ тайной,
Нежданная, является порой,
Порадуетъ улыбкою случайной,
Но послѣ первой встрѣчи нѣтъ вгорой.

Не то отъ ней присуждено вамъ было.
Васъ юношей застигнувъ въ добрый часъ,
Она въ душѣ васъ крѣпко полюбила
И долго всматривалась въ васъ.

Досужая, она, не мимоходомъ
Пеклась о васъ—ласкала, берегла,
Растила вашъ талантъ—и съ каждымъ годомъ
Любовь ея нѣжнѣе все была.

И какъ съ годами крѣпнетъ, пламенѣя,
Сокъ благородный виноградныхъ лозъ —
И въ кубокъ вашъ все жарче и свѣжѣе
Такъ вдохновеніе лилось.

И никогда такимъ виномъ, какъ нынѣ,
Вашъ славный кубокъ вѣнчанъ не бывалъ.
Давайте жъ, князь, подымемъ въ честь богинѣ
Вашъ полный, пѣнистый фіалъ.

Богинѣ въ честь, хранящей благородно
Залогъ всего, что свято для души —
Родную рѣчь... Расти она свободно
И подвигъ свой начатый доверши!

Потомъ, мы всѣ въ молитвенномъ молчаньи
Священныя поминки сотворимъ —
Мы сотворимъ тройное возліянье
Тремъ незабвенно-дорогимъ.

Нѣтъ отклика на голосъ, ихъ зовущій;
Но въ свѣтлый праздникъ вашихъ именинъ
Кому жъ они не близки, не присущи:
Жуковскій, Пушкинъ, Карамзинъ?...

Такъ: вѣримъ мы—незримыми гостями
Теперь они, покинувъ горній міръ,
Сочувственно витаютъ между нами
И освящаютъ этотъ пиръ.

За ними, князь, во имя Музы вашей,
Подносимъ вамъ заздравное вино,
И долго, долго, въ этой свѣтлой чашѣ
Пускай кипитъ и искрится оно.

По свидѣтельству очевидца, „привѣтствія обращенныя къ поэту, постепенно становились оживленнѣе и начали привлекать гостей къ тому мѣсту, гдѣ было средоточіе празднества. По замѣченному приготовленію оркестра къ исполненію какой-то особенной пьесы, еще болѣе собралось туда слушателей. Графъ В. А. Сологубъ попросилъ позволенія пропѣть куплеты, написанные имъ на этотъ праздникъ. Едва оркестръ началъ исполненіе, гости услышали столь многимъ изъ нихъ памятную музыку, которую покойный *графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій*, такъ очаровывавшій всѣхъ сокровищами знаній, блескомъ талантовъ, юношескою до конца жизни душой, и на все доброе, на все прекрасное готовымъ сердцемъ, сочинилъ, за двадцать три года передъ симъ, на стихи *князя П. А. Вяземскаго*, которые были написаны и пѣты тоже по случаю пятидесятилѣтняго юбилея *И. А. Крылова*, и начинаются такъ:

На радость полувѣковую
Скликаетъ насъ веселый зовъ:
Здѣсь съ Музой свадьбу золотую
Сегодня празднуетъ Крыловъ.

Графъ В. А. Сологубъ запѣлъ:

1.

Сегодня праздникъ юбилейный,
Скрѣпляя прошлаго итогъ,
Зоветъ тебя на пиръ семейный
Въ душевно-родственный кружокъ.
И былъ бы пиръ у насъ на-диво.
Когда бъ, въ привычный намъ урокъ,
Своимъ стихомъ шутя игриво,
Ты самъ себя воспѣть бы могъ.

2.

Полвѣка ты свои стремленья
И весь огонь душевныхъ силъ
Святому дѣлу Просвѣщенья
Не колебавшись посвятилъ;
За то Россія ужъ полвѣка,
Твою правдивость полюбя,
Въ тебѣ почтила человѣка —
И все бы слушала тебя.

3.

Любимый незабвеннымъ кругомъ,
Ты въ золотыя времена
Былъ Пушкина ближайшимъ другомъ,
Ты братомъ былъ Карамзина.
Ты съ ними пѣлъ и Музъ и Феба,
И въ наши скудные года
Ты отуманеннаго неба
Теперь послѣдняя звѣзда.

4.

Ты воплощенное преданье;
Но ключъ Поэзіи родной
Все бьетъ въ тебѣ, намъ въ назиданье,
Какой-то юной стариной.
Ты старымъ юношамъ улика —
И кто средь праздной суеты,
У насъ отъ мала до велика
Моложе чувствуетъ, чѣмъ ты?

5.

И отъ того въ нашъ вѣкъ печальный
Сберегъ ты сердца теплоту,
Что тканью рѣчи идеальной
Скрывалъ ты правды наготу;
Не увлекаясь на свободѣ
И даже въ жизненной борьбѣ,
Ты чтилъ поэзію въ природѣ,
Ты чтилъ поэзію въ себѣ...

6.

Свѣти жъ звѣзда полвѣковая,
И ярче все, и все свѣтлѣй,
Для гордости роднаго края,
Для радости твоихъ друзей;
И пусть отъ яркаго свѣтила,
Хоть въ память нынѣшняго дня,
Заискрится и пылъ и сила
Тобой зажженнаго огня.

LVI.

Пріѣхавшій нарочно изъ Москвы М. П. Погодинъ, „съ истиннымъ одушевленіемъ“ произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Рѣдко случается ораторамъ находиться въ такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, какъ нынѣ, на праздникѣ въ честь пятидесятилѣтней литературной дѣятельности *князя Вяземскаго*. Заботиться о содержаніи привѣтствій не нужно, потому что предметъ самъ по себѣ доставляетъ богатое и разнообразное, и въ то же время, можно быть заранѣе увѣрену въ общемъ единодушномъ сочувствіи, какъ бы слово ни высказалось безыскусственно и даже неудачно. Сочиненія *князя Вяземскаго*—но кому же они неизвѣстны? При одномъ его имени, вѣрно уже встали въ вашемъ воображеніи тѣ сладкіе звуки, которые, въ разныя эпохи жизни, начиная отъ ранней молодости, доставляли вамъ столько чистаго удовольствія, возбуждали въ васъ такія пріятныя чувства: порой наводили тихую грусть, порою производили живую веселость—и теперь представляютъ вамъ дорогія для васъ воспоминанія.

Новая наша критика, или рецензія возстаетъ противъ искусства для искусства, и на этомъ основаніи осуждаетъ *князя Вяземскаго*. Мнѣ кажется, она стѣсняетъ слишкомъ границы положенія: искусство для искусства. Искусство для искусства есть вмѣстѣ и для души, для духа; а духъ, душа, составляя сущность человѣка, полезны, нужны, пригодны на все, вездѣ, всегда. Возвышается духъ, образуется душа, разогрѣвается сердце—и въ этомъ возвышеніи, въ этомъ образованіи, въ этомъ умиленіи заключается самая дѣятельная, самая *полезная* польза, самое вѣрное средство для достиженія какихъ угодно цѣлей...

Князь Вяземскій не искалъ, правда, своего вдохновенія въ протоколахъ Управы Благочинія, не рылся для предметовъ своихъ сочиненій въ архивахъ Уголовной Палаты, не зано-

силъ въ свои стихотворенія сенатскихъ опредѣленій, и между его риѳмами, какъ онѣ ни бываютъ смѣлы, новы и неожиданны, не встрѣчаются цифры, играющія нынѣ вездѣ главную роль; но неужели-жъ, мм. гг., только такими буднишними предметами долженъ по преимуществу ограничиваться горизонтъ поэта? Бѣдная Поэзія!

Мы, старое поколѣніе, мы готовы отдавать полную справедливость всякому благородному негодованію, мы рады сочувствовать всякому честному гнѣву, и дѣлить ощущенія искренней скорби при видѣ разныхъ злоупотребленій, — особенно, если всѣ эти чувства берутся не напрокатъ, а вытекаютъ изъ глубины души, и выражаются умно, живо, доброжелательно, согласно съ правилами здраваго смысла, изящнаго вкуса и вѣрной Науки; но пусть же позволятъ и намъ подышать подчасъ чистымъ воздухомъ, полюбоваться зеленью полей и луговъ, погрѣться на солнышкѣ, и изъ анатомическихъ театровъ поспѣшить иногда, выражаясь классически, на лоно природы, dahin, dahin, успокоиться мысленно на вѣчныхъ идеалахъ добра и красоты.

Тяжело было бы жить на свѣтѣ, еслибъ въ насъ безпрестанно поднималась и вскипала желчь, и нельзя не согласиться, что желтуха есть болѣзнь весьма непріятная, безобразная и антипоэтическая.

Съ одними отрицательными чувствами ничего путнаго не выйдетъ изъ жизни.

Всякое время имѣетъ свои заботы и свои задачи, и всякій талантъ имѣетъ свой характеръ и свой образъ дѣйствія; отличіе истинной свободы—право каждаго быть собою.

Наше время есть переходное, это очевидно: общее расположеніе, общее настроеніе, вызванное обстоятельствами и насущными потребностями, имѣющее, положимъ, законное основаніе, приносящее временную пользу, пройдетъ, и пройдетъ скоро; истинная, вѣковѣчная поэзія засвѣтится опять предъ людьми свѣтозарной звѣздой на темномъ нынѣ горизонтѣ, и

искусства изящныя, въ строгомъ смыслѣ, воспріимутъ права свои, въ услажденіе, назиданіе и утѣшеніе человѣка.

Честь и слава писателю, который всегда былъ вѣренъ этимъ убѣжденіямъ, не увлекался временными стремленіями, шелъ своей дорогой, служилъ искусству для искусства, не для денегъ и другихъ корыстныхъ цѣлей, не для чиновъ и отличій, который, въ нашемъ суровомъ климатѣ, съ замерзаніемъ ртути, климатѣ, подверженномъ дѣйствію всѣхъ вѣтровъ, нордвестовъ и зюйдостовъ, извѣстныхъ кругосвѣтнымъ мореплавателямъ, съ присоединеніемъ особенныхъ, никому неизвѣстныхъ по именамъ, сберегъ въ своей душѣ священный огонь. Честь и слава писателю, который сохранялъ всегда искреннюю, горячую любовь къ Русской Словесности, принималъ живое участіе во всѣхъ ея судьбахъ, ободрялъ всегда молодые таланты, оказывалъ нуждающимся помощь и покровительство.

Не случалось ли ошибаться князю Вяземскому, проходя столь длинное поприще? Безъ сомнѣнія, случалось, иначе и быть не могло. Тотъ только не проговорится, не обмолвится, кто молчитъ; тотъ не оступится, не споткнется, кто стоитъ неподвижно на мѣстѣ; и тотъ только не ошибается, кто ничего не дѣлаетъ. Errare—humanum est, гласитъ старая академическая пословица.

Счастливъ, кто можетъ, положа руку на сердце, сказать, что намѣренія его были всегда благородны, что побужденія его были всегда чисты, что цѣль его всегда была возвышенна, что дѣйствія его никогда не были несогласны съ его убѣжденіями.

Князь Вяземскій можетъ сказать это смѣло, и мы всѣ должны подтвердить и засвидѣтельствовать торжественно его слова; мы обязаны прибавить еще, что онъ былъ готовъ всегда сознаваться въ своихъ ошибкахъ, и самъ указывалъ на свои недостатки.

Примите же, князь, въ этотъ знаменательный для васъ день, выраженіе общаго къ вамъ почтенія, выраженіе искренней, глубокой признательности къ вашимъ заслугамъ на пользу

Отечественной Словесности, и наконецъ выраженіе горячихъ желаній, чтобъ вы долго, долго еще служили украшеніемъ Академіи и всей нашей общественной жизни, чтобъ вы долго еще, старѣясь, молодѣли между нами, и напоминали новымъ поколѣніямъ, вмѣстѣ съ досточтимымъ нашимъ президентомъ, тотъ блистательный, поучительный для всѣхъ вѣкъ Русской Словесности, когда дѣйствовали: *Карамзинъ*, *Дмитріевъ*, *Крыловъ*, *Озеровъ*, *Гнѣдичъ*, *Мерзляковъ*, *Жуковскій*, *Пушкинъ*, *Грибоѣдовъ*, *Баратынскій*, *Дельвигъ*, ваши друзья, наставники, товарищи, воспитанники!

Да здравствуетъ заслуженный академикъ, знаменитый писатель, благородный гражданинъ, да здравствуетъ добрый человѣкъ, *князь Петръ Андреевичъ Вяземскій*"!

Изъ окружавшихъ Московскаго гостя слушателей, поэтъ В. Г. Бенедиктовъ обратился, послѣ него, къ князю П. А. Вяземскому съ своимъ поздравленіемъ и произнесъ, между прочимъ, слѣдующее:

...Вы *съ Музой свадьбу золотую*
Сегодня празднуете князь.

Когда напоромъ исполинскимъ
Врагъ угрожалъ стѣнамъ Москвы—
Съ войсками, къ лаврамъ Бородинскимъ
Назадъ полвѣка, мчались вы...

...Душа, богатая любовью,
Стихъ—чадо бойкаго пера,
Добрѣйшій взглядъ, подъ строгой бровью,
Съ улыбкой, вѣстницей добра...

...Но не шутя по жизни полю
...Шли вы...
И скорбь давалась вамъ на долю
И тернъ вплетался въ вашъ вѣнецъ.

...Вашъ стихъ, что прежде такъ смѣялся
. . . .
Потомъ глубоко отозвался
Бесѣдой съ таинствомъ могилъ.

..Упрековъ нѣтъ... Иль есть—одинъ,
Что князя Вяземскаго дѣти

От брака съ Музою его—
Въ разбродъ гуляютъ въ бѣломъ свѣтѣ,
Не зная дома своего...

...Пусть онъ къ нимъ нѣжную приложитъ
Заботу, вкупѣ ихъ сберетъ,
И ихъ сторицею умножитъ
И всѣхъ семейно въ міръ введетъ!

И міръ при кликахъ громогласныхъ
Принявъ ихъ за одно съ отцомъ,
Покроетъ чадъ его прекрасныхъ
Академическимъ вѣнцомъ.

Графъ Владиміръ Петровичъ Орловъ-Давыдовъ, обращаясь къ президенту Академіи и испросивъ позволеніе предложить тостъ, произнесъ слѣдующія слова: „Ваше сіятельство, вѣрно помните, какъ двадцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ, былъ данъ обѣдъ въ честь литературной знаменитости, также дорогой для всей Россіи, и какъ вы, графъ, прочитали стихи, сочиненные однимъ изъ распорядителей того обѣда—виновникомъ нынѣшняго торжества. Въ числѣ многихъ слушателей, я не смѣлъ тогда выразить, но глубоко чувствовалъ желаніе, чтобы поэтъ, такъ счастливо уподобившій *Крылова* Орфею, могъ также дожить до своего юбилея и быть также окруженъ въ тотъ день пріятелями, любившими горячо его самого, и также влюбленными въ Музу, съ которою его лира насъ сблизила. Это желаніе сбылось: члены Академіи Наукъ выразили, при общемъ сочувствіи всѣхъ насъ, свое мнѣніе о *поэтѣ*. Позвольте мнѣ, не члену Академіи, выразить въ немногихъ словахъ мое мнѣніе о вліяніи, какое произвели поэзія и языкъ *князя Вяземскаго* на все общество. Вамъ извѣстно, что его стихи пользуются такою народностью, что многіе изъ нихъ превратились въ народныя поговорки. Но *князь Вяземскій* самъ, обращаясь въ свѣтскихъ собраніяхъ, всегда занятый на раутахъ разговоромъ, то съ однимъ, то съ другимъ внимательнымъ слушателемъ, производитъ своими словами какую-то особенную устную Литературу. Эти слова, какъ Вольтеріана, Джонсоніана, Вальполіана, переходятъ отъ одного

къ другому и врѣзываются въ память по своей колкости, или по своему чувству, по своей шутливости, или по своей правдѣ.

Какъ Горацій, уважаемый цесаремъ, любимый народомъ, онъ однако никогда не чувствовалъ нужды въ меценатахъ. Замѣтьте, господа, что онъ прославлялъ всегда своими стихами однихъ тѣхъ мужей, въ которыхъ онъ признавалъ литературное, или военное, или гражданское, словомъ — нравственное достоинство. Такимъ образомъ, его разговоръ доставлялъ не только удовольствіе, но пользу, а его посланіе — должное награжденіе и честь.

Господа! Во всѣхъ радостныхъ случаяхъ, почести, намъ оказанныя, всегда дороже, когда могутъ быть свидѣтелями этихъ почестей лица, ближайшія нашему сердцу. Кому можетъ слава отца быть такъ дорога, какъ не сыну? Къ сожалѣнію, сына князя Вяземскаго нѣтъ между нами. Онъ отозванъ въ дальнее мѣсто, по обязанностямъ службы, на томъ благородномъ поприщѣ, которому онъ, по примѣру отца, посвятилъ себя.

Выпьемъ въ этотъ радостный день, господа, за здоровье *князя Павла Петровича Вяземскаго*".

Этотъ тостъ вызвалъ у гостей единодушныя рукоплесканія.

„Дружеская веселость",—свидѣтельствуетъ очевидецъ,— „тѣснѣе и тѣснѣе сдвигала ряды передъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ принималъ заслуженныя привѣтствія всѣми любимый поэтъ. Удачно протѣснившись къ нему", Н. И. Гречь произнесъ собранію слѣдующее: „Милостивые государи! Всѣ мы съ удовольствіемъ выслушали высказанныя прозой и стихами поздравленія князю Петру Андреевичу. Позвольте мнѣ на этомъ веселомъ праздникѣ прочитать его собственные стихи, написанные имъ въ началѣ поэтическаго его поприща. Они всѣмъ намъ дороги, не только по блестящему таланту, но и по славнымъ воспоминаніямъ, которыми Россія никогда не перестанетъ гордиться. Кто не знаетъ надписи его къ портрету императора Александра I?

Мужъ, твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель.
Какой вѣнецъ ему? какой ему алтарь?
Вселенная! пади предъ нимъ: онъ твой спаситель;
Россія! имъ гордись: онъ сынъ твой, онъ твой царь".

LVII.

Въ продолженіе обѣда, во множествѣ получаемы были и прочитываемы привѣтствія отсутствующихъ лицъ, спѣшившихъ заявить князю П. А. Вяземскому ихъ поздравленія.

„Предоставляя другимъ",—писалъ П. А. Плетневу, Бородинскій товарищъ князя Вяземскаго Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ,—„дѣлать оцѣнку литературную дарованія князя Вяземскаго, я почитаю себя въ правѣ судить о немъ, какъ о человѣкѣ и какъ о гражданинѣ. Я имѣю честь знать князя Вяземскаго около полувѣка. Въ Бородинскомъ сраженіи, мы были вмѣстѣ при генералѣ Милорадовичѣ; когда убили подъ нимъ лошадь, я отдалъ ему свою запасную. Съ тѣхъ поръ, дружескія отношенія мои съ нимъ не прекращались, и были многіе случаи въ моей частной жизни, гдѣ я могъ видѣть близко все благородство его характера. Наконецъ, будучи директоромъ Департамента Внѣшней Торговли, я служилъ съ княземъ Вяземскимъ, и здѣсь, какъ и всегда и вездѣ, находилъ въ немъ человѣка, сильно сочувствовавшаго выгодамъ Отечества, глубоко сознававшаго оныя, и исполненнаго самыхъ пламенныхъ чувствъ на пользу общую.

Изъ этого бѣглого очерка моихъ отношеній къ князю Вяземскому, ваше превосходительство, можете судить, какъ мнѣ пріятно и лестно участвовать въ юбилеѣ человѣка, котораго я любилъ и уважалъ въ продолженіе всей моей жизни. Мнѣ остается только сожалѣть, что недуги не дозволяютъ мнѣ видѣть столь заслуженнаго выраженія всеобщаго сочувствія и уваженія къ этой благородной и возвышенной личности".

Другой Бородинскій товарищъ князя Вяземскаго, Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ, писалъ: „Давнему другу, благородному товарищу на поприщѣ служебномъ — теплый привѣтъ въ

свѣтлый день достойнаго чествованія неукоризненной и, не смотря на ея пятидесятилѣтіе, юной, восторженной отечественной Музы его.

Скованный скорбію, навсегда оторванный ею отъ радостей міра—не менѣе того, я пламенно раздѣляю чувство любви тѣхъ, которые въ эту минуту окружаютъ князя Петра Андреевича".

Товарищъ дѣтства князя Вяземскаго, нашъ посолъ при Мюнхенскомъ Дворѣ Дмитрій Петровичъ Северинъ, привѣтствовалъ его слѣдующею телеграммою: „Coeur et verre pleins au jubilé du jour". На эту телеграмму князь Вяземскій откликнулся *Посланіемъ къ Д. П. Северину*.

М. Н. Лонгиновъ написалъ князю Вяземскому письмо, которое на юбилейномъ праздникѣ прочелъ Погодинъ. Лонгиновъ писалъ: „При полученіи извѣстія о томъ, что Академія Наукъ будетъ праздновать пятидесятилѣтній юбилей вашей литературной дѣятельности, я не могу отказать себѣ въ удовольствіи присоединить и мой скромный голосъ къ огромному числу тѣхъ, которые принесутъ вамъ свои искреннія поздравленія въ знаменательный для васъ день 2-го марта. Прошу васъ принять выраженія чувствъ моего уваженія и любви къ вамъ, вмѣстѣ съ изъявленіемъ радости о томъ, что Наука и Литература воздаютъ должный почетъ заслугамъ славнаго писателя.

М. П. Погодинъ, предсѣдатель Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ Университетѣ, взялъ на себя трудъ передать вамъ настоящее поздравленіе секретаря этого Общества, въ спискахъ котораго вы числитесь старшимъ членомъ, нося это званіе съ 26-го февраля 1816 года. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что члены нашего Общества будутъ искренно сожалѣть, что краткость времени до дня вашего юбилея не позволила имъ оффиціальнымъ образомъ принести вамъ свои поздравленія съ наступающимъ торжествомъ. Радуюсь отъ души, что достойный нашъ предсѣдатель будетъ въ немъ участникомъ.

Къ поздравленію моему позвольте присовокупить возобновленіе старинной просьбы моей объ изданіи собранія вашихъ сочиненій, котораго такъ давно ждутъ всѣ любящіе родное слово. Усердно желаю, чтобы день, посвященный воздаянію почета тому, кто полвѣка украшалъ ими Литературу, рѣшилъ и исполненіе этого предпріятія, которому я съ такою радостію готовъ всегда содѣйствовать.

Желая вамъ отъ всего сердца много лѣтъ служить Литературѣ съ прежнею славою, прошу васъ принять увѣреніе въ истинномъ моемъ уваженіи и совершенной преданности".

Во время обѣда прочтено было и слѣдующее привѣтствіе Петербургскихъ *дамъ*: „Гордиться вами и намъ дозволено, князь, ибо всему тому, что доступно уму и сердцу, не могутъ не сочувствовать Русскія женщины. Примите же и нашъ радушный поклонъ и сердечное привѣтствіе. Мысленно соединяемся съ тѣми, которые имѣютъ передъ нами неоцѣненное преимущество окружать васъ въ эту минуту и изъявлять вамъ лично то, что мы, изъ глубины Русской души, посвящаемъ нашему Русскому поэту". Это привѣтствіе подписали: графиня Разумовская, графиня Марія Апраксина, графиня Анна Толстая, графиня Протасова, княжна Софія Шаховская, княжна Александра Долгорукая, графиня Анна Сиверсъ, Елизавета Эйлеръ, княгиня Дарья Оболенская, Анна Тютчева, баронесса С. Раденъ, княгиня Марья Мещерская, графиня Антонина Блудова, Аполлина Веневитинова, графиня Александра Толстая, Александра Козлова, Лидія Шевичъ, Вѣра Бартенева, графиня Софья Сологубъ, Софья Батюшкова, княгиня Елизавета Салтыкова, княгиня Люція Долгорукова, princesse P. Soutzo, графиня Анна Комаровская, М. Пашкова, графиня Елена Орлова-Денисова, Екатерина Александровна Тимашева, Елена Павловна Захаржевская, Анна Баратынская, княгиня Ольга Одоевская, графиня Софья Борхъ, княгиня Олимпіада Барятинская, Екатерина Кривцова, Анастасія Мальцева, Эрнестина Тютчева, Александра Воейкова, графиня Елизавета Толстая, Наталья Ланская, Александра Ка-

рамзина, княжна Екатерина Львова, Hélène de Staal, графиня Тизенгаузенъ, княгиня Софія Гагарина, Вѣра Опочинина, княгиня Трубецкая, Марія Тютчева, княжна Трубецкая, княгиня Екатерина Голицына, Анна Валуева, графиня Ольга Ростопчина, графиня Лидія Ростопчина.

Въ заключеніе обѣда принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій провозгласилъ тостъ за здоровье *княгини Вѣры Ѳедоровны Вяземской.*

По свидѣтельству очевидца, „собраніе отозвалось восклицаніями радости, и мгновенно гости отъ столовъ двинулись съ полными бокалами къ князю Вяземскому“.

LVIII.

По окончаніи обѣда, гости изъ большой конференцъ-залы перешли въ малую. Здѣсь, по свидѣтельству очевидца, „виновникъ праздника, по прежнему, оставался предметомъ общаго вниманія и участія. Со всею искренностію каждому хотѣлось еще разъ заявить ему свое уваженіе и выразить задушевную мысль“. Яковъ Карловичъ Гротъ, въ это время, обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: „Князь Петръ Андреевичъ! Полвѣка есть значительный періодъ не только въ жизни человѣка, но и въ Исторіи народа. Уже пятьдесятъ лѣтъ ваше имя принадлежитъ Русской Литературѣ, и во все это время вы не безучастно слѣдили за ея движеніемъ. Позвольте мнѣ сблизить двѣ крайнія его точки, какъ два рубежа поприща, доселѣ вами пройденнаго. Желаю сдѣлать это не для сравненія, ибо я, вмѣстѣ съ поэтомъ, *два вѣка ссорить не хочу*, но для того, чтобы легче измѣрить разстояніе между настоящимъ и исходнымъ пунктомъ вашей дѣятельности.

Заря новой Русской Поэзіи только что занималась, когда вы, еще совершенно молодой человѣкъ, примкнули къ кругу преобразователей Литературы. Въ *Вѣстникѣ Европы*, когда его издавалъ Жуковскій, начали появляться ваши стихотворенія. Слава Жуковскаго только что возникла. Карамзинъ

21

пользовался уже громкимъ именемъ, но еще и первые томы его *Исторіи* не были напечатаны. Рядомъ съ нимъ, въ общемъ мнѣніи, стоялъ *Дмитріевъ.* Высоко цѣнили *Озерова* и *Крылова.* Молодой *Батюшковъ* уже обращалъ на себя вниманіе. Но имя *Александра Пушкина* было еще неизвѣстно: онъ только готовился поступить въ Лицей. Русскихъ писателей было тогда очень мало. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ издавалось небольшое число журналовъ. Для близкаго родственника *Карамзина* и друга *Жуковскаго* нетруденъ былъ выборъ между этими изданіями для участія въ одномъ изъ нихъ.

Сдѣлавшись писателемъ, вы не пошли по пробитой колеѣ. Правда, что, высказываясь всего чаще посланіями и сатирами, вы избрали двѣ любимыя въ то время формы Поэзіи; но вы избрали ихъ не изъ подражанія, а потому, что онѣ болѣе другихъ соотвѣтствовали характеру вашего ума и роду вашего таланта, который въ нихъ явился вполнѣ самостоятельнымъ. Всѣ поражены были вѣрностію вашихъ наблюденій, оригинальнымъ оборотомъ вашихъ мыслей и новостью мѣткаго ихъ выраженія. Но вы не ограничились стихами: скоро и въ прозѣ вашей узнали мыслителя тонкаго, остроумнаго и начитаннаго, умѣющаго облекать истину въ образы яркіе, живые и свѣжіе.

Подробная характеристика вашей литературной дѣятельности и исчисленіе трудовъ вашихъ были бы, въ настоящемъ случаѣ, излишни: наше собраніе служитъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что они признаны и по справедливости оцѣнены. Но эта оцѣнка не ограничивается однимъ собравшимся здѣсв кругомъ. Ваши литературныя заслуги признаются и всѣмъ Русскимъ обществомъ. Юбилей вашъ совпадаетъ съ однимъ изъ самыхъ многозначительныхъ моментовъ въ жизни этого общества. Мы наканунѣ разрѣшенія великой задачи, хоторая нѣсколько лѣтъ занимала въ немъ всѣ умы. Въ этомъ настоящая эпоха нѣсколько сходна съ тою, которую вы пережили въ началѣ своего поприща. Другого рода великій вопросъ, вопросъ о сохраненіи политиче-

свой свободы Россіи въ борьбѣ съ Наполеономъ, волновалъ всю націю. И тогда, какъ теперь, литературные интересы отодвинулись на задній планъ. Во второй половинѣ 1812 года и въ 1813-мъ, въ журналахъ нашихъ почти вовсе не появлялось литературныхъ статей. Говоря относительно, большое оживленіе отличало нашу Литературу въ послѣдніе годы. Время было для нея неблагопріятно только съ одной стороны, по преобладанію практическихъ интересовъ надъ художественными и научными; но за то, съ другой стороны, какъ благотворны были для нея ограниченія дѣйствія Цензуры и разширенія права обсужденія въ печати общественныхъ и правительственныхъ вопросовъ! Правда, это самое придало Литературѣ нашей нѣсколько односторонній характеръ! Но едва ли справедливо было бы опасаться, что она долго будетъ страдать этимъ недостаткомъ.

Писатель, совершившій большую часть своего поприща въ другомъ періодѣ, посреди другихъ дѣятелей и интересовъ, не можетъ иногда не испытывать нѣкоторой одинокости въ новомъ поколѣніи. Онъ чувствуетъ отсутствіе многихъ изъ тѣхъ, съ которыми началъ свой путь и, можетъ быть, долго шелъ объ руку; онъ скорбитъ о тѣхъ, отчасти сверстникахъ своихъ, которыхъ пережилъ; его не всѣ понимаютъ, не всѣ одинаково цѣнятъ... Но за то сколько и утѣшеній дѣятель прошлаго можетъ найти въ настоящемъ, особливо, если онъ, какъ вы, князь Петръ Андреевичъ, сохраняетъ всю теплоту юности, если его сердце не зачерствѣло, если онъ попрежнему сочувствуетъ всякому развитію и успѣху. Посмотрите, какъ неимовѣрно увеличилась у насъ литературная дѣятельность: число пишущихъ такъ возрасло, что вопросъ *Карамзина*, „отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ“? уже былъ бы неумѣстенъ въ наше время. Между нами, можетъ быть, менѣе писателей, которые сохранятъ свое личное значеніе для потомства; но за то Русскіе писатели въ совокупности пріобрѣли большее значеніе для современнаго общества. Литературный трудъ уже вознаграждается и въ матеріальномъ от-

ношеніи—можетъ даже служить источникомъ обогащенія. Посмотрите, какъ усилилась у насъ періодическая Литература и въ числѣ и въ объемѣ своихъ органовъ; какое множество книгъ почти по всѣмъ отраслямъ вѣдѣнія стало появляться; какъ заботятся у насъ о распространеніи грамотности и знанія въ народѣ! Скажутъ, что во всемъ этомъ являются увлеченія, крайности, заблужденія; но когда же родъ человѣческій шелъ впередъ безъ частныхъ уклоненій въ сторону? Будемъ твердо вѣрить въ успѣхи нашего общества. Съ развитіемъ Русскаго слова, мы въ томъ не сомнѣваемся, ваши труды, князь, нисколько не утратятъ своей цѣны! Но для облегченія средствъ къ распространенію ихъ въ читающей публикѣ на васъ самихъ лежитъ обязанность, которой исполненія давно ожидаютъ отъ васъ всѣ любители Русской Литературы: разумѣю, изданіе вашихъ сочиненій. Пусть отъ него не удержитъ васъ и ваша продолжающаяся поэтическая дѣятельность, которой плоды, можетъ быть, скоро обрадуютъ почитателей вашего таланта. Вотъ желаніе, которое конечно раздѣляютъ со мной не только всѣ здѣсь присутствующіе, но и безчисленное множество отсутствующихъ.

Позволю себѣ въ заключеніе выразить еще другое желаніе, которое хотя относится не къ вамъ лично, но не будетъ неумѣстно на вашемъ праздникѣ: чтобъ обстоятельства болѣе и болѣе благопріятствовали разумному движенію нашей Литературы, чтобы наше время въ этомъ отношеніи было дальнѣйшимъ развитіемъ той, къ сожалѣнію, непродолжительной эпохи, въ которую вы начали писать“.

Вслѣдъ за этою рѣчью Николай Ѳедоровичъ Щербина прочиталъ свое стихотвореніе:

Въ славный годъ, когда свобода
Броситъ первый блескъ лучей,
Въ годъ великій для народа
Твой свершился юбилей..

Ты изъ всѣхъ пѣвцовъ судьбою
Вознесенъ изъ рода въ родъ:

Знай—мы празднуемъ съ тобою
Русской жизни новый годъ;

А за нимъ, своей чредою,
Новой мыслію горя,
Разольется надъ землею
Всеславянская заря.

„Время“,—писалъ Плетневъ,—„которое предполагалось провести на праздничномъ обѣдѣ, давно кончилось, и начиналась пора вечернихъ собраній. Многіе изъ гостей, бывшихъ въ Академіи, а въ числѣ ихъ и князь П. А. Вяземскій, должны были въ этотъ день явиться на вечернемъ собраніи у великой княгини Елены Павловны. За ужиномъ у великой княгини, Государь поднялъ бокалъ за здоровье Русскаго поэта.

Изъ отдаленной Флоренціи, Шевыревъ писалъ князю Вяземскому: „Хотя поздно, но примите мое душевное поздравленіе съ пятидесятилѣтіемъ вашего литературнаго поприща. Конечно, послѣдній я вамъ приношу его, но никому не уступлю въ уваженіи къ вашимъ литературнымъ заслугамъ и къ почетному мѣсту, которое вы всегда занимали у насъ, какъ средоточіе многихъ литературныхъ поколѣній, какъ свѣтлый нашъ историческій перекрестокъ, гдѣ преданія выходили до фонъ-Визина, вами такъ славно, такъ классически изображеннаго, и гдѣ всякое истинное дарованіе, къ какому бы поколѣнію оно ни принадлежало, встрѣчало живой сердечный отголосокъ. Грустно мнѣ, что я не могъ быть на вашемъ праздникѣ, что не зналъ о немъ заранѣе и что могъ узнать только изъ иностранной газеты, и то въ недостаточной подробности. Рѣшились ли вы наконецъ собрать во едино всѣ ваши произведенія и представить ихъ Отечеству вмѣстѣ? Мысль юбилея должна бы была окончательно васъ побудить къ тому. Другое, о чемъ давно уже я мечтаю, ваши литературныя воспоминанія, ваши записки. Если бы вы положили, по порядку времени, продиктовать каждый день одну, двѣ, три странички,—вѣдь въ годъ составилось бы сокровище. Вы такъ всегда любили этотъ родъ Литера-

туры на Западѣ и сами ощущали его недостатокъ у насъ. Кому же, какъ не вамъ, пополнить литературные наши пробѣлы въ этомъ отношеніи? Напримѣръ, одно Арзамасское Общество вамъ дало бы столько живыхъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ. Сожалѣю, что судьбѣ не было угодно свести насъ хоть на нѣсколько мѣсяцевъ въ одномъ городѣ. Я бы охотно превратился на все это время въ ваше перо, чтобы передать потомству все то, что хранитъ ваша память завѣтнаго объ нашей прежней Литературѣ". [186]).

Присутствовавшій на юбилейномъ праздникѣ А. В. Никитенко записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Обѣдъ, данный Академіею, нѣкоторыми литераторами и знакомыми князю П. А. Вяземскому, который пріобрѣлъ литературную извѣстность и всеобщую любовь и уваженіе. Я охотно согласился принять участіе въ этой оваціи и даже приготовилъ маленькую рѣчь, но не сказалъ ея, потому что и безъ нея было много рѣчей и стиховъ. Лучшее изъ всего читаннаго здѣсь были стихи Бенедиктова. Но еще лучше было благодарственное слово самого князя, проникнутое чувствомъ и искрящимся остроуміемъ. Стиховъ Тютчева я не разслышалъ, но ихъ многіе хвалили. Праздникъ вообще былъ довольно оживленъ. Я встрѣтилъ много знакомыхъ. На эстрадѣ, огороженной великолѣпными растеніями и цвѣтами, зрительницами сидѣли дамы" [187]).

Другой участникъ юбилейнаго торжества В. А. Мухановъ замѣтилъ: „Изъ рѣчей знаменательны самого князя Вяземскаго, Плетнева и Погодина; потомъ графъ Сологубъ пропѣлъ прекрасные стихи, и были читаны еще лучшіе стихи Тютчева. Дамы тоже прислали адресъ" [188]).

Графъ В. А. Сологубъ, приступая къ описанію юбилея, обратился къ князю Вяземскому за матеріалами, и послѣдній, между прочимъ, писалъ ему: „Сердечно благодарю за радушное участіе въ моемъ празднествѣ, за прелестные стихи, и за то, что вы еще приняли на себя *послѣ ужина горчицу*, т.-е., трудъ пережевать все, что было скушано, слушано и проч.".

Вслѣдъ за симъ, въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*

появилась статья графа Соллогуба объ юбилеѣ, и въ ней, между прочимъ, читаемъ: „Значеніе князя Вяземскаго въ нашей Литературѣ—миротворящее и соединяющее. Онъ живое звено между прошедшимъ и настоящимъ. Онъ живой признанный образецъ молодому поколѣнію рѣдкаго дарованія, утонченнаго вкуса, подъ часъ игриваго, добродушнаго остроумія, подъ часъ теплаго вдохновенія. Его перо задѣвало многихъ, и никого не уязвило. Его стихи повторяются по цѣлой Россіи — и, кромѣ его самого, всѣ ихъ помнятъ наизусть. Напрасно онъ, въ нелицемѣрномъ смиреніи, оспариваетъ свое литературное достоинство. Это достоинство уже перешло въ народное наше достояніе. Счастливою случайностью личность человѣка всегда держалась наравнѣ съ дарованіемъ художника. Имя князя Вяземскаго представляетъ то рѣдкое исключеніе, что оно *не вызываетъ ничьей злобы, не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній*. Самое жестокое обвиненіе противъ него состоитъ въ томъ, что его называютъ въ иныхъ журналахъ, литературнымъ аристократомъ. Но и это обвиненіе безусловная похвала. Въ мірѣ письменномъ нѣтъ, и не можетъ быть, другой аристократіи, кромѣ аристократіи таланта. Эта истина признана съ самаго появленія нашего перваго аристократа литературнаго Ломоносова. Такимъ образомъ, понятно, что при первой вѣсти о предстоящемъ юбилеѣ, имѣвшемъ пригласить только друзей князя Вяземскаго, всѣ грамотные жители Петербурга оказались его друзьями... Цѣлая площадь едва ли бы вмѣстила всѣхъ, желавшихъ участвовать на юбилеѣ. Но Академія праздновала праздникъ, такъ сказать, частный, семейный“ [189]).

LIX.

Къ сожалѣнію, слова графа Соллогуба, что *имя князя Вяземскаго представляетъ то рѣдкое исключеніе, что оно не вызываетъ ничьей злобы, не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній*, не оправдались касательно Петербургской Журналистики.

Въ Петербургской Журналистикѣ того времени сіе любезное имя *вызвало злобу, возбудило сомнѣніе.*

10-го марта 1861 года, Плетневъ писалъ Погодину: „Умоляю васъ, милый Михаилъ Петровичъ, приказать, какъ можно исправнѣе и *четче*, переписать рѣчь вашу, которая такъ оживила нашъ академическій юбилей. Какіе слухи и сужденія о немъ въ Москвѣ? Здѣсь, до нынѣшняго дня, все шло прекрасно. Кромѣ единодушныхъ похвалъ я ни отъ кого ничего не слыхалъ. Сегодня вдругъ являются въ *Сѣверной Пчелѣ* двѣ статьи. Гречева еще бы ничего. Но Теофилъ Толстой изъ рукъ вонъ. Онъ и лжетъ, и клевещетъ. Вѣроятно, ему не удалось вслушаться въ содержаніе рѣчи Вяземскаго. Иначе, откуда вывелъ онъ, что этотъ праздникъ устроенъ былъ, чтобы усилить разрывъ между старою Литературой и новой? Видѣлись ли вы съ И. И. Давыдовымъ? Что онъ думаетъ обо всемъ этомъ? Пора бы и за его юбилей приняться. Я увѣренъ, что ученой службы его прошло пятьдесятъ лѣтъ. Пожалуйста, поклонитесь отъ меня Москвѣ и всѣмъ, кто въ ней еще вспомянетъ обо мнѣ“ [190]).

Отношенія Петербургской Журналистики къ князю Вяземскому совершенно оправдали замѣчаніе Ѳ. М. Толстаго, что праздникъ въ честь его устроенный, послужилъ къ *усиленію разрыва между старою и новою Литературою.*

Старѣйшій изъ Петербургскихъ журналовъ *Отечественныя Записки*, издаваемый Краевскимъ отнесся къ князю Вяземскому враждебно. „Мы не будемъ“,—писали тамъ,—„говорить объ юбилеѣ князя Вяземскаго, о которомъ сказали два слова въ свое время. Мы полагаемъ, что больше говорить о немъ не стоитъ. Теперь рѣчь идетъ не объ юбилеѣ, а о томъ, что думала наша Литература по этому случаю... *Молодое поколѣніе не уважаетъ прежнихъ дѣятелей*, вотъ тема, на которую *Русскій Вѣстникъ* написалъ статью. Подводя итоги подъ все сказанное, по поводу князя Вяземскаго, *Русскій Вѣстникъ*, предаетъ чуть не анаѳемѣ всю Литературу, зачѣмъ она знаетъ

только то, что̀ дѣлалось вчера и совсѣмъ забыла писателей въ родѣ князя Вяземскаго. Это первый пунктъ обвиненія.

На этотъ пунктъ мы отвѣтимъ вопросомъ: Пусть намъ укажутъ положительные слѣды вліянія князя Вяземскаго на нашу Литературу...

Любимый незабвеннымъ кругомъ,
Ты въ золотыя времена
Былъ Пушкина ближайшимъ другомъ,
Ты братомъ былъ Карамзина
Ты съ ними пѣлъ и Музъ и Феба,
И въ наши скудные года
Ты отуманеннаго неба
Теперь послѣдняя звѣзда.

Такъ пѣлъ графъ Сологубъ. Но ему не повѣрилъ даже Лонгиновъ. Затѣмъ ошибся Погодинъ, назвавъ стихи князя Вяземскаго поэзіей... Въ поэзіи князь Вяземскій безгрѣшенъ... Говорившіе противъ князя Вяземскаго, кажутся олицетворенною справедливостію въ сравненіе съ тѣми, которые говорили за князя Вяземскаго... Дѣятельность князя Вяземскаго, никогда не была дѣятельностію литератора, посвятившаго всю свою жизнь любимому дѣлу, какъ то дѣлали Карамзинъ, Жуковскій, Пушкинъ, Гоголь, съ которыми такъ много сравнивали князя Вяземскаго на юбилеѣ... На всѣ переходы направленій Русской Литературы, на всѣ ея треволненія онъ отзывался стихотвореніями, написанными въ часы досуга. Стихотворенія эти ничего не рѣшали, ни для кого не были поучительны, и вообще были какимъ-то анахронизмомъ... Ни въ одномъ журналѣ не принималъ князь Вяземскій такого участія, которое могло бы его *низвести* до степени сотрудника, или другими словами, которое дало бы значеніе общественнаго дѣятеля. Онъ все продолжалъ поучать публику своими дидактическими стихами... Къ дѣятельности журнальной онъ оставался постоянно враждебенъ... Когда князь Вяземскій дилетантомъ проживалъ въ Русской Литературѣ, въ ней вырабатывалось нѣчто совершенно особенное... Словомъ, дѣятельность литературная прежде случайная, альманашная, все

болѣе и болѣе обращалась въ постоянную общественную силу... Забудьте же теперь, что дѣло идетъ о князѣ Вяземскомъ; пусть это будетъ нѣкто Ивановъ или Петровъ, который такъ дѣйствовалъ въ нашей Литературѣ какъ князь Вяземскій, и столько сдѣлалъ какъ князь Вяземскій—какъ бы праздновали юбилей подобнаго писателя наша Литература, наше общество и наша Академія? Наша Литература пожелала бы справить прежде главную тризну по Бѣлинскомъ, или поставить на могилѣ Кольцова памятникъ; или общество сказало бы, что оно этого Петрова или Иванова не знаетъ и не помнитъ, а наша Академія, если бы онъ былъ ея членомъ, собралась бы на актъ, прочла бы на Нѣмецкомъ и Латинскомъ языкахъ, двѣ очень хорошія рѣчи, которыхъ бы никто не понялъ и тѣмъ бы дѣло кончилось. Но съ княземъ Вяземскимъ случилось не то. Его поэтическій талантъ превозносили дамы, которыя вѣроятно никогда не говорили по-Русски, а ужъ не читаютъ и подавно; его дѣянія хвалили ораторы.... Весь юбилей описанъ и напечатанъ и, слѣдовательно, въ брошюркѣ хотѣли уже видѣть общественное мнѣніе Россіи? Какъ же Литературѣ не вступиться за свои права?... И Литература поставила дѣло на свое мѣсто, съ котораго оно было поднято на незаслуженную высоту“ [191]).

Современникъ, воспріявшій нѣкогда свое начало отъ Пушкина и его друзей, а въ числѣ ихъ и князя Вяземскаго, и попавшій потомъ въ руки Некрасова и Панаева, отнесся къ князю Вяземскому враждебно. „Литературныя заслуги князя Вяземскаго“, писали тамъ, „не имѣли большого значенія. Во всякомъ случаѣ, онѣ не шли далѣе внѣшней оболочки мысли, что, впрочемъ, должно сказать и о большей части его современниковъ... Но князь такъ *скроменъ, имѣетъ столько такта, что не претендуетъ даже и на это значеніе*.... Юбилей князя Вяземскаго не былъ юбилеемъ литературнымъ. Изъ новыхъ литераторовъ, на этомъ юбилеѣ присутствовало только нѣсколько человѣкъ, и то изъ служащихъ... Какая же была причина, что молодая Литература сочла

нужнымъ блистать своимъ отсутствіемъ на праздникѣ заслуженнаго ветерана Литературы? Графъ Сологубъ хочетъ объяснить это очень просто. Онъ говоритъ, что причиной отсутствія многихъ на юбилеѣ была тѣснота академической залы. На это *Сѣверная Пчела* отвѣчала графу Сологубу, что „если бы не только объявили въ газетахъ (приглашеніе на юбилей), но если бы встали изъ давно закрытыхъ могилъ древніе бирючи и кликнули кличъ на всю Россію, то и тогда въ залѣ Академіи было бы не тѣснѣе, т.-е., отъ литераторовъ. И мы совершенно съ этимъ согласны. Замѣтимъ при этомъ, что какъ бы ни была тѣсна зала, но на юбилеѣ литературномъ молодому поколѣнію, подвизающемуся на литературномъ поприщѣ, приличнѣе было бы быть болѣе, чѣмъ кому-нибудь. Да, справедливо говоря, присутствіе его только и могло сдѣлать юбилей литературнымъ.... Юбилейный праздникъ князя Вяземскаго могъ обойтись и безъ новыхъ литературныхъ дѣятелей, какъ онъ дѣйствительно и обошелся. Но онъ могъ бы обойтись тихо, мирно; и такъ, дѣйствительно, оно бы и было, если бы графъ Сологубъ не вздумалъ употребить этотъ праздникъ какъ средство для выраженія своихъ личныхъ антипатій къ современной Литературѣ".

Впрочемъ, *Современникъ* сознается, что „литературные труды князя Вяземскаго разбросаны по разнымъ изданіямъ, доселѣ не собраны и не оцѣнены." [192]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Погодинъ писалъ Плетневу: „Гадостей *Пчелы* я не читалъ, но говорятъ—есть еще хуже въ *Искрѣ*".

Въ очень популярной *Искрѣ* появилась пародія на стихотвореніе графа Сологуба, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *На будущій юбилей пятидесятилѣтней Русско-Французско-водевильной и фельетонной дѣятельности* Тараха Толерансова. Стансы *самимъ юбиляромъ сочиненные.*

Друзья, въ мой праздникъ юбилейный,
Съ погребщикомъ сведя итогъ,
Я васъ позвалъ на пиръ семейный—
На рюмку водки и пирогъ.

Но чтобъ нашъ пиръ былъ пиръ на диво.
На всю Россійскую семью,
Стихами сладкими, игриво,
Я оду самъ себѣ спою.

Безъ вдохновеннаго волненья,
Безъ жажды правды и добра.
Полвѣка я стихотворенья
На землю лилъ, какъ изъ ведра,
За то Россія ужъ полвѣка—
Съ большой Морской до Шемахи –
Во мнѣ признала человѣка...
Производящаго стихи.

Литературнымъ принятъ кругомъ
За муки авторскихъ потугъ,
И я бы Пушкина былъ другомъ
Когда бы Пушкинъ былъ мнѣ другъ.
Но въ этотъ вѣкъ гуманныхъ бредней
На эту гласность, на прогрессъ
Смотрю я тучею послѣдней
Средь прояснившихся небесъ

Я—воплощенное преданье,
Піита выслужившій срокъ.
Поэтамъ юнымъ—назиданье.
Поэтамъ—въ старчествѣ—упрекъ.
Я протащилъ свой вѣкъ печальный,
Какъ сонъ, какъ глупую мечту,
За то, что тканью идеальной
Порочилъ правды красоту.

За то что путь я выбралъ узкій
И убоясь народныхъ узъ,
Писалъ какъ русскій по-Французски,
Писалъ по-Русски, какъ французъ;
Не зналъ поэзіи въ свободѣ,
Не понималъ ее въ борьбѣ,
Притворно чтилъ ее въ природѣ,
И страшно чтилъ въ самомъ себѣ.

За то что въ дикомъ заблужденьи.
За идеалъ принявъ застой.
Все современное движенье
Я назвалъ праздной суетой.
За то что думалъ, что поэты
Суть выше остальныхъ людей,
Слагая праздные куплеты
Для услажденія друзей.

О, старички! Любимцы Феба!
Увы! Разсѣялся туманъ,
Которымъ вы покрыли небо!
Стряхнемъ же съ лицъ позоръ румянъ,
Языкъ боговъ на вѣкъ забудемъ,
И въ словѣ истину цѣня,
Сойдемъ съ небесъ на землю, къ людямъ,
Хоть въ память нынѣшняго дня.

Въ примѣчаніи, между прочимъ, сказано: „Стансы самому себѣ я написалъ, увлеченный слѣдующими строками графа Сологуба:

И былъ бы пиръ у насъ на диво,
Когда бъ, въ привычный намъ урокъ,
Своимъ стихомъ шутя, игриво,
Ты самъ себя воспѣть бы могъ.

Отчего, подумалъ я, прочитавъ эти строки, не *воспѣть* самого себя, особенно *своимъ стихомъ*. О подробностяхъ моего юбилея будетъ объявлено своевременно. Такъ, по моимъ соображеніямъ, желающихъ участвовать въ моемъ торжествѣ будетъ такъ много, что врядъ ли вмѣститъ ихъ Адмиралтейская площадь, то почитатели моего таланта могутъ теперь же записываться и вносить за обѣдъ деньги. Обращаться въ книжный магазинъ Печаткина. Букеты, лавровые вѣнки, вазы, принимаются мною и теперь до юбилея... Музыку къ моимъ стансамъ прошу написать геніальнаго Лазарева“ и пр. въ этомъ родѣ [193]).

LX.

Въ *Сѣверной Пчелѣ*, издаваемой въ то время уже не Булгаринымъ и Гречемъ, а самимъ знаменитымъ писателемъ Павломъ Ивановичемъ Мельниковымъ (Андрей Печерскій), были напечатаны именно тѣ „гадости“, о которыхъ упоминаетъ Погодинъ въ письмѣ своемъ Плетневу. Тамъ, скрывшій свое имя критикъ, напечаталъ разсужденіе, въ которомъ читаемъ: „Краснорѣчивѣйшій панегиристъ князя Вяземскаго, графъ Сологубъ, пытается увѣрить читателя, будто

бы „цѣлая площадь едва ли бы вмѣстила всѣхъ желавшихъ участвовать въ юбилеѣ, и что въ цѣломъ городѣ слышались вопросы: зачѣмъ не вызвали всѣхъ, желающихъ принять участіе въ публичномъ выраженіи преданности и признательности Русскому писателю? Зачѣмъ такой-то тамъ? Зачѣмъ меня тамъ не будетъ? Такіе упреки составляютъ цѣлую біографію".

Блаженной памяти Риторика назвала бы сіи тропы гиперболой. Графъ Сологубъ издавна отличается ревностнымъ служеніемъ гиперболѣ: онъ всегда былъ мастеръ сдѣлать изъ мухи слона... Далеко не въ цѣломъ городѣ слышались приводимые графомъ Сологубомъ вопросы; если они и слышались дѣйствительно, такъ развѣ только въ избранномъ, великосвѣтскомъ кругу, да въ Академіи Наукъ, къ которымъ принадлежитъ почтеннѣйшій юбиляръ. Литераторы, т.-е., настоящіе литераторы, современные дѣятели Русской мысли и слова заботились о юбилеѣ столько же, сколько и о шестирублевомъ спектаклѣ, устроенномъ того же 2-го марта тѣмъ же графомъ Сологубомъ и г. Леви, въ домѣ княгини Бѣлосельской-Бѣлозерской. Повѣрьте, графъ, если бы не только объявили въ газетахъ, но если бы встали изъ давно зарытыхъ могилъ древніе бирючи и кликнули кличъ, то, повѣрьте, въ залѣ не было бы тѣснѣе. Но не будемъ распространяться объ этомъ, а то—чего добраго! — графъ Сологубъ подумаетъ, пожалуй, что мы говоримъ это съ досады оттого, что не имѣли чести быть приглашены на юбилейный обѣдъ. Поговоримъ лучше о значеніи князя Вяземскаго въ Русской Литературѣ.

Князь П. А. Вяземскій, по рожденію своему, принадлежитъ къ аристократическому кругу. Онъ происходитъ по прямой линіи отъ Рюрика, въ 25-мъ колѣнѣ. Предки его были владѣтельными князьями Смоленска, а потомъ Вязьмы: одинъ изъ его предковъ былъ наперсникомъ Іоанна Грознаго; отецъ и дѣдъ князя Петра Андреевича были дѣйствительными тайными совѣтниками и Александровскими кавалерами; правнучатный дядя его былъ генералъ-прокуроромъ при Екатеринѣ II; мать изъ аристократической Ирландской

фамиліи O'Reilly. Гербъ князя Вяземскаго есть гербъ великаго княжества Смоленскаго; его родъ записанъ въ *Бархатной книгѣ*. Самъ князь Петръ Андреевичъ, въ продолженіе долговременной, отлично-усердной и ревностной службы. достигъ чина тайнаго совѣтника и званій сенатора и гофмейстера; занималъ важныя государственныя должности; смолоду вращался въ родственномъ ему аристократическомъ кругу; его друзья-сановники и аристократы; всѣ его симпатіи — въ великосвѣтскомъ кругу. Князь Петръ Андреевичъ отличается благородствомъ души, живымъ умомъ, изящными великосвѣтскими манерами, и онъ, какъ говорятъ,— чрезвычайно пріятный собесѣдникъ. Не имѣя чести принадлежать къ тому кругу, къ которому принадлежитъ *вѣнчанный лаврами поэтъ*, мы говоримъ это по слухамъ, но убѣждены вполнѣ, что эти слухи совершенно справедливы.

Съ такой высоты родового и личнаго своего значенія князь Петръ Андреевичъ, въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, удостоивалъ Русскую Литературу своимъ участіемъ. Пятьдесятъ лѣтъ онъ сочинялъ стихи, за что и удостоенъ былъ отъ Россійской Академіи (нынѣ II Отдѣленіе Академіи Наукъ) званіемъ члена, а отъ великосвѣтскихъ друзей своихъ и отъ той же Академіи—юбилеемъ 2-го марта 1861 года. Онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ Карамзинымъ, Жуковскимъ, Дмитріевымъ, Пушкинымъ. Въ ту эпоху Русской Литературы, которая началась Карамзинымъ и завершилась Пушкинымъ, князь Вяземскій принадлежалъ къ числу знаменитостей. Раскройте любой альманахъ того времени—вы непремѣнно увидите, что онъ украшенъ стихотвореніемъ князя Вяземскаго.

Было время, лѣтъ сто и побольше тому назадъ, Русскіе литераторы не пользовались особеннымъ уваженіемъ отъ людей великосвѣтскихъ. Послѣдніе смотрѣли на нихъ, какъ на людей, пригодныхъ лишь для того, чтобы въ день тезоименитства или въ другой какой торжественный день, написать оду, за что давали піитѣ поцѣловать благородную свою руку

и жаловали табакеркой, глазетовымъ кафтаномъ или деньгами. Вспомните піиту Титыча въ *Старыхъ годахъ* Андрея Печерскаго (т.-е., П. И. Мельникова). Вспомните историческія оплеухи и батоги, полученные Тредьяковскимъ отъ Волынскаго; обиды, которыя терпѣлъ Ломоносовъ; обращеніе „великолѣпнаго князя Тавриды" съ піитами, и многое множество другихъ примѣровъ, показывающихъ, въ какихъ отношеніяхъ находилось великосвѣтское общество XVIII столѣтія къ тогдашнимъ Русскимъ литераторамъ. Высшее общество того времени смотрѣло на нихъ ни больше, ни меньше, какъ на гаеровъ, какъ на людей, созданныхъ для увеселенія вельможнаго круга. Бѣдные литераторы, неимѣвшіе ни малѣйшей самостоятельности, пресмыкались передъ своими патронами и—пили съ горя. Чтожъ дѣлать? Вѣдь далеко не всѣ вельможи того времени были Панины да Шуваловы, которые и въ современныхъ имъ литераторахъ уважали человѣческое дестоинство. Въ то время Русскіе литераторы всѣми возможными средствами старались попасть въ раззолоченныя палаты милостивцевъ. И ихъ снисходительно допускали, за обѣдомъ сажали за задній столъ, къ музыкантамъ, или потѣшались, стравливая ихъ, какъ бульдоговъ, ради своей потѣхи. И не однихъ малочиновныхъ стихотворцевъ стравливали такимъ образомъ: стравливали Тредьяковскаго съ Сумароковымъ, который носилъ черезъ плечо Аннинскую ленту, стравливали и Сумарокова съ Ломоносовымъ, котораго графъ Сологубъ удостоиваетъ званія *аристократа*, хотя онъ и былъ сынъ рыбака. Потѣшались милостивцы, забавлялись Россійскіе меценаты!

Вдругъ, неважный чиновникъ при князѣ Вяземскомъ (не юбилярѣ, а Екатерининскомъ генералъ-прокурорѣ) какой-то бѣдный Казанскій дворянинъ, Державинъ, за стихи получаетъ подарокъ отъ Екатерины, къ крайнему изумленію своего начальника, и покровительствуемый императрицей идетъ дальше, дальше, дѣлается губернаторомъ, сенаторомъ и наконецъ министромъ юстиціи. А! Россійская Литаратура, стало-

быть, вещь пригодная! Если упражняться въ *оной*, то при родственныхъ и другихъ связяхъ можно далеко уйти! Но вотъ затрудненіе, и затрудненіе немаловажное, нешуточное: какъ взяться за авторское перо? Вѣдь это ремесло неприличное, занятіе плебейское. Чтобы какъ нибудь не унизить себя, чтобы не унизить своего рода! Конечно, писалъ стихи князь Кантемиръ, но Кантемиръ особаго рода дѣло: Кантемиръ молдованецъ, ему можно, но мы, какъ же намъ?... Но вдругъ, являются въ печати комедіи: *О время! Имянины Ворчалкиной* и *Вѣстникова съ семьею.* Перо женщины! Но не въ томъ сила: это то самое перо, которое подписываетъ манифесты и ратификаціи, грамоты на Андреевскія и Александровскія ленты, перо, которое на докладахъ Сената пишетъ: *Быть по сему.* Великосвѣтскіе люди XVIII столѣтія, видя, что сама императрица занимается Русской Литературой, единогласно рѣшили, что это занятіе благородно и что авторство не только не можетъ унизить блистательнаго имени, но еще болѣе возвышаетъ его, еще болѣе придаетъ ему блеска. Къ тому же и во Франціи многіе маркизы, графы и виконты пишутъ буриме, рондо, логогрифы и иныя стихотворенія, нисходятъ даже до прозы... И вотъ, наши великосвѣтскіе люди XVIII вѣка ударились въ Россійскую Литературу. Вы не знаете ихъ произведеній, читатель? Да кто же ихъ теперь и знаетъ? Такимъ образомъ, люди, вчера дававшіе цѣловать піитамъ свою руку, сами взяли въ эту руку авторское перо. Но не подъ силу оно имъ было. Замѣчательно, что почти всѣ великосвѣтскіе писатели XVIII вѣка упражнялись преимущественно въ драматическомъ родѣ, писали комедіи, драмы, оперы. Отчего это? Что за причина такого страннаго на первый взглядъ явленія? Вѣдь не бываетъ же ничего безъ причинъ. Графъ Сологубъ, при разрѣшеніи этого вопроса, вѣроятно бы вознесся бы горѣ и нашелъ бы причину или въ духѣ времени, или въ нравахъ XVIII столѣтія, или въ иномъ чемъ... А ларчикъ просто открывался. Екатерина II писала комедіи, драмы и оперы.

Поэтому и они писали комедіи, драмы и оперы. Знаменитое изреченіе Дружинина *искусство для искусства*, ужъ ни въ какомъ случаѣ непримѣнимо къ великосвѣтской Литературѣ XVIII столѣтія: здѣсь *искусство не для искусства, а для Эрмитажа.*

Время шло, петиметры XVIII столѣтія старѣлись, и какъ ни скрывали сѣдины свои подъ пудрой, а морщины подъ бѣлилами и румянами, неумолимая старость брала свое. И одного за другимъ отвозили парадно въ Александровскую лавру. Мраморные геніи и гранитные саркофаги ставились надъ глубокими сырыми могилами великосвѣтскихъ литераторовъ Екатерининскаго вѣка. Новые люди заступили ихъ мѣсто на Парнасѣ.

Настало новое литературное поколѣніе, начавшееся Карамзинымъ и закончившееся Пушкинымъ. Въ это *золотое*, по выраженію пѣвца графа Сологуба, пѣвца въ полномъ смыслѣ слова, ибо онъ не читалъ, а *пѣлъ* свои стихи на юбилеѣ,— въ это *золотое время* и князь Вяземскій

... пѣлъ и музъ и Феба
... чтилъ поэзію *въ себѣ.*

Въ это *золотое* время Русскіе литераторы стремились въ раззолоченныя палаты великосвѣтскихъ людей. Времена и нравы перемѣнились: въ этихъ палатахъ ихъ не потчивали оплеухами, какъ Тредьяковскаго, не стравливали для потѣхи, какъ Сумарокова и Ломоносова, не сажали на задній столъ съ музыкантами, какъ Кострова; напротивъ, имъ, литераторамъ, угождали, лелѣяли ихъ и жадно добивались чести, чтобы знаменитый поэтъ написалъ къ нимъ посланіе и тѣмъ обезсмертилъ въ потомствѣ ихъ имя. Литераторы охотно и не безъ затаенной гордости шли въ роскошныя палаты богачей и съ наслажденіемъ вдыхали ѳиміамъ, куримый ихъ дарованіямъ. Передовые литераторы—всѣ изъ небогатыхъ, незнатныхъ, нечиновныхъ дворянъ — удостоиваются даже высокой чести: Карамзинъ принятъ въ Твери, у великой княгини Екатерины Павловны, а потомъ и въ Царскомъ Селѣ; Дмитріевъ

дѣлается министромъ Юстиціи; Жуковскій—при Дворѣ, Шишковъ—министромъ Просвѣщенія... Но изъ родовыхъ аристократовъ едва ли не одинъ графъ Хвостовъ занимался Литературой, *какъ дѣломъ.*

Не забудемъ, что самъ Пушкинъ, нашъ великій Пушкинъ, весь вѣкъ свой стремился въ салоны, и, вступая въ нихъ, всячески старался избѣгать должныхъ ему похвалъ, достойно и праведно подобающихъ ему, какъ Русскому народному поэту; онъ конфузился и даже обижался, когда съ нимъ заговаривали объ его литературной дѣятельности, и всегда говорилъ по-Французски. Онъ считалъ неприличнымъ для великосвѣтскаго человѣка писать стихи, и свою дѣятельность, за которую теперь воздвигаютъ ему памятникъ, старался оправдать въ глазахъ блестящихъ друзей своихъ несчастьемъ, разстроенными дѣлами. „Я пишу для денегъ", съ желчью и досадой говаривалъ онъ.

Въ то время, которое графъ Сологубъ называетъ *золотымъ*, Литература была забавой, потѣхой, отдыхомъ, невиннымъ занятіемъ въ часы досуга, но отнюдь не дѣломъ. Ей не предстояло борьбы; ее не волновали общественные интересы, она безучастно относилась къ народу, не сочувствовала ему, думала по-Французски и не знала Русскаго языка; она пѣла свысока свои Французскія пѣсенки, а говорить попросту, по-Русски, считала чуть не преступленіемъ. Какъ можно! Въ салонахъ скажутъ: Фи! Когда Гоголь заговорилъ по-Русски, его объявили *сальнымъ* писателемъ, и только Пушкинъ, одинъ Пушкинъ, украдкой отъ своихъ великосвѣтскихъ друзей, тихонько, опасаясь молвы, которая могла бы скомпрометировать его въ свѣтѣ, благословлялъ его писать *Мертвыя Души.*

Одинъ только, одинъ изъ литературныхъ дѣятелей *золотого*, по выраженію графа Сологуба, времени, былъ вполнѣ Русскій человѣкъ. Это былъ—дѣдушка Крыловъ. Великосвѣтскіе салоны и блескъ Двора не имѣли вліянія на простую, Русскую натуру сына Тверского виннаго пристава. Онъ до

смерти остался вѣрнымъ Русскому духу, Русскому чувству, Русскому человѣку, и за то юбилей „дѣдушки" былъ, дѣйствительно, праздникомъ Русской Литературы. Это былъ *первый* у насъ литературный юбилей; *втораго*, Богъ знаетъ, дождемся ли мы" [194])!

Здѣсь мы на время прервемъ повѣствованіе скрывшаго свое имя автора, напечатанное П. И. Мельниковымъ, въ *Сѣверной Пчелѣ*, чтобы, съ своей стороны, представить слѣдующую, такъ сказать, *историческую справку*:

Въ 1830 году, князь П. А. Вяземскій писалъ М. А. Максимовичу: „Охота вамъ держаться терминологіи вралей и въ слѣдъ за ними твердить о *литературной аристократіи*? Хорошо полицейскимъ и кабацкимъ литераторамъ горланить противъ *аристократіи*, ибо они чувствують, что людямъ благовоспитаннымъ и порядочнымъ нельзя знаться съ ними; но вамъ съ какой стати приставать къ ихъ шайкѣ? Брать ли слово *аристократія* въ смыслѣ дворянства, то кто же изъ насъ не дворянинъ, и почему Пушкинъ чиновнѣе Греча или Свиньина? Брать ли его въ смыслѣ *недворянства*, а *благородства* духа, вѣжливости, образованности, то какъ же рѣшить отъ него отстраняться и употреблять его въ видѣ браннаго слова? Брать ли его въ смыслѣ *аристократіи талантовъ*, т.-е., аристократіи природной, то смѣшно же вымещать Богу за то, что онъ далъ Пушкину голову, а Полевому лобъ и Булгарину языкъ. Мнѣ жаль видѣть, что и вы тянете туда же... Оставьте это *Сѣверной Пчелѣ* и *Телеграфу*, но непринадлежащему шайкѣ ихъ, неприлично марать себѣ ротъ ихъ грязными поговорками" [195]).

Критикъ *Сѣверной Пчелы* утверждаетъ, что въ то время, которое графъ Соллогубъ называетъ *золотымъ*, „Литература... думала по-Французски и не знала Русскаго языка и говорить по-Русски считала чуть не приступленіемъ. Какъ можно! Въ салонахъ скажутъ: Фи! Когда Гоголь заговорилъ по-Русски, его объявили *сальнымъ* писателемъ".

Но кто же, спрашивается, объявилъ Гоголя *сальнымъ*

писателемъ? Тѣ же, отвѣтимъ, критики *Сѣверной Пчелы* и ей подобныхъ газетъ и журналовъ. И противъ этихъ же критиковъ, въ 1836 году, выступилъ князь Вяземскій, когда они обвиняли автора „Ревизора" въ *дурномъ тонѣ*. „Критики наши",— писалъ князь Вяземскій, „добровольно подвизаясь на защиту хорошаго общества, о ненарушимости законовъ его, попадаютъ въ такія смѣшные промахи, когда говорятъ, что такое-то слово неприлично, такое-то выраженіе невѣжливо. Охота имъ мѣшаться не въ свои дѣла! Пускай говорятъ они о томъ, что знаютъ... Можно быть очень добрымъ и разсудительнымъ человѣкомъ, но не имѣть доступа въ высшее общество. Смѣшно хвастаться тѣмъ, что судьба, что рожденіе приписало васъ къ этой области: но не менѣе смѣшно, если не смѣшнѣе, не уроженцу, или не получившему права гражданства въ ней, толковать о правахъ, обычаяхъ и условіяхъ ея. Что вамъ за нее рыцарствовать? У васъ уши вянутъ отъ языка *Ревизора*, а лучшее общество сидитъ въ ложахъ и креслахъ, когда его играютъ; брошюрка *Ревизора* лежитъ на модныхъ столикахъ изъ мастерской Гамбса" [196]).

Любопытно, что на одного изъ издателей *Современника*, извѣстный сатирикъ Н. Ѳ. Щербина, написалъ сатиру, въ которой между прочимъ читаемъ:

Свѣтъ журнала не читаетъ,
Гдѣ какой-то господинъ,
О *bon ton'ѣ* разсуждаетъ,
Какъ въ дворянствѣ мѣщанинъ.

Изъ передней всѣ салоны
Господинъ тотъ изучалъ:
Другъ—швейцаръ ему законы,
Тайны свѣта сообщилъ...

Съ той поры чернилъ излишекъ
Онъ для правды росточалъ,
Каленкоровыхъ манишекъ
Безпощадный Ювеналъ.

Другъ Ивана Хлестакова
И Тряпичкинъ нашихъ дней,
Пишетъ гимны въ честь портного
Брань на мыслящихъ людей...

. . . .
. . . .

И на цѣлую Россію,
Вдругъ печатно протрубилъ,

Что онъ запросто бываетъ
Съ княземъ Сержемъ у Дюссо
И по Невскому гуляетъ
Возлѣ львовъ. . . . .

(Князь, всему извѣстно міру,
Зналъ приличія всегда,—
Не пускалъ къ себѣ въ квартиру
Пьяныхъ франтовъ никогда).

Съ той поры онъ въ фельетонѣ
Ежемѣсячно твердилъ—
Что онъ ѣздитъ въ фаэтонѣ,
Рысаковъ себѣ купилъ,

Что его (до мелкой пряжки)
Славный Шармеръ одѣвалъ,
Что Голландскія рубашки
Утро каждое мѣнялъ

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

И притомъ ему бѣдняжкѣ
Диво, рѣдкость, новизна
Въ свой кружокъ придти въ рубашкѣ
Дорогого полотна.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Но журнальную букашку
Не замѣтилъ модный свѣтъ
Какъ въ Голландскую рубашку
Ни рядился нашъ поэтъ [197]).

LXI.

Представивъ *историческую справку*, возобновимъ прерванное ею разсужденіе критика *Сѣверной Пчелы*.

„Со времени Гоголя",—продолжаетъ повѣствователь, —„Русская Литература измѣнила свой характеръ. Она трезво взглянула на Русь, взглянула на нее прямо и увидѣла, что на Руси нѣтъ ни идеализированныхъ пейзановъ, ни пастушекъ въ соломенныхъ шляпахъ, воспѣвающихъ блаженство дней своихъ; она увидѣла, что на Руси слыхомъ не слыхать ни о Фебѣ, ни объ Аполлонѣ, ни о Парнасѣ, ни о Кастальскихъ водахъ; она выразила свое сочувствіе къ мужику, не отвернулась отъ него потому только, что отъ его кафтана не амброй пахнетъ, а подъ его дырявой пестрядинной рубахой нашла грудь, въ которой бьется прекрасное сердце; она предалась всѣми силами своей родинѣ, своему народу, своимъ бѣднымъ, огрубѣвшимъ, но въ основѣ своей честнымъ, добрымъ братьямъ, носящимъ вонючіе кафтаны, живущимъ въ курной избѣ, мерзнущимъ зимою, палимымъ лѣтомъ на пашнѣ знойными лучами солнца, незнаюшимъ вѣкъ свой мясной пищи и запивающимъ горе свое въ шумныхъ кабакахъ зеленымъ виномъ. Сорвавъ Французскую перчатку, наша Литература протянула свою Русскую, братскую руку закорузлой отъ честнаго труда рукѣ мужика-лапотника, и присматриваясь съ любовію къ Русскому деревенскому міру, съ изумленіемъ и радостью нашла невѣдомый дотолѣ міръ. Онъ былъ такъ новъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ близокъ къ намъ! Вступая въ этотъ незнаемый старому, прежнему, пожалуй, *золотому*, времени міръ, Русская Литература почувствовала, что она *дома*, что она *въ родной семьѣ*, что она твердой стопой становится на *родную почву*... И какъ жалки показались тогда ей прежнія ея Французскія увлеченія! А еще жалче тѣ неудачныя попытки говорить по-народному, на

которыя поднимались-было во время оно и графъ Сологубъ, въ своемъ *Тарантасѣ*, и князь Вяземскій, слѣдующими стихами воспѣвавшій на чужой сторонѣ Русскую зиму и Русскую масляницу, во время которой:

И бѣлѣе и румянѣй,
Дѣва блещетъ красотой,
Какъ алѣетъ на полянѣ
Снѣгъ подъ утренней зарей.

Мчатся вихремъ безъ помѣхи
По полямъ и по рѣкамъ,
Звонко щелкаютъ орѣхи
На веселіе зубкамъ.

Пряникъ, мой однофамилецъ,
Также тутъ не позабытъ:
А нашъ пѣнникъ, нашъ кормилецъ *),
Сердце любо веселитъ.

Это то самое стихотвореніе почтеннаго юбиляра, въ которомъ у него

....Бѣшенныя тройки
Снѣгъ *топочутъ* (!!!?) у крыльца,

и чувство ложно понимаемаго патріотизма заставляетъ автора воскликнуть:

Нѣмецъ такъ глубокомысленъ,
Что провалишься въ него.

Ставъ на народную почву, Русская Литература стала смотрѣть на свое назначеніе серьезнѣе прежняго. Русскіе литераторы сознали, что Литература есть *дѣло, а не потѣха*, что въ ихъ произведеніяхъ должны быть мысли, а не фразы, что въ стихахъ должны быть чувство и мысль, а не однѣ

*) Кормить виномъ нельзя, и пословица говоритъ: „Съ вина сытъ не будешь"; а придавать пѣннику титло народнаго кормильца, могъ бы развѣ другой Русскій и Французскій литераторъ, В. А. Кокоревъ, но князю Вяземскому неловко бы, кажется, было воспѣвать, въ назиданіе народу, пѣнникъ. Впрочемъ, народъ не знаетъ и не узнаетъ сего поэта. (Примѣчаніе автора статьи *Сѣверной Пчелы*).

риѳмы и блестящія выраженія. Отправивъ на задній дворъ Хлой, Бавіевъ, Ѳирсовъ, всю эту ненужную челядь, съ которой забавлялись поэты стараго, *золотого* времени, они взглянули прямо въ глаза современному обществу и, честно дѣлая свое дѣло, не могли кривить душой, не могли воскурять ѳиміамъ тамъ, гдѣ потребенъ былъ бичъ сатиры. И вотъ, Литература смѣлою рукой кинула въ лицо обществу свое жестокое, суровое, но правдивое слово. Литераторовъ упрекнули въ дурномъ воспитаніи, но они не смутились отъ такихъ упрековъ великосвѣтскихъ людей и начали обличать и себя, и свое время, а съ тѣмъ вмѣстѣ и прошедшее время и прошедшихъ дѣятелей. Они подвергнули строгому анализу былое, и одинъ за другимъ стали—не падать, не разрушаться, а таять, какъ весенній снѣгъ передъ солнцемъ, высокіе литературные пьедесталы. Людямъ, отжившимъ свою литературную пору, людямъ, чуждымъ живому, современному, это не могло быть пріятно. Какъ же это въ самомъ дѣлѣ? Мы были уже заслуженными литераторами, мы были уже почтены и превознесены, когда эти дерзкіе мальчишки, теперь литераторы, азбукѣ еще не учились, съ обручемъ по садамъ бѣгали. И они осмѣливаются теперь говорить о насъ не благоговѣя передъ каждымъ нашимъ словомъ!... И собрались тогда въ тѣсный кружокъ уцѣлѣвшіе отъ побоища смерти; къ нимъ примкнули и тѣ, отъ кого отвернулись честные дѣятели современной Литературы....

Но вотъ чѣмъ больше всего обидѣлись наши старцы. Въ первыя сорокъ лѣтъ нынѣшняго столѣтія, литераторы видѣли идеалы всего прекраснаго въ салонахъ. Даже самъ основатель новой школы, Гоголь, не совсѣмъ былъ чуждъ стремленія въ салоны... Но вотъ, является бѣднякъ, перебивающійся съ копѣйки на копѣйку, честный труженикъ, *Бѣлинскій*!... Въ каждомъ словѣ его кипитъ здоровая мысль, каждая страница его полна всепросвѣтляющаго анализа...

За Бѣлинскимъ пошли всѣ. И въ салонахъ Русскіе литераторы заблистали своимъ отсутствіемъ. Они перестали кла-

няться, перестали у великихъ міра сего искать покровительства, перестали служеніе Русской мысли и Русскому слову считать лѣстницею для достиженія почетныхъ должностей и отличій, перестали искать похвалъ и одобреній отъ людей великосвѣтскихъ, не признавая ихъ компетентными судьями, и стали искать популярности въ своемъ кругу и въ кругу массы читателей.

Напрасно г. Ѳ. Толстой увѣряетъ, что съ каждымъ днемъ вліяніе на Литературу высшаго круга слабѣетъ, уменьшается. Неправда! Этого вліянія лѣтъ двадцать уже вовсе не существуетъ. А какіе громадные успѣхи наша Литература сдѣлала въ эти двадцать лѣтъ! Вѣдь съ этимъ нельзя не согласиться. Но что правда, то правда: Ѳ. Толстой совершенно справедливо говоритъ, что „строй новыхъ дѣятелей увеличивается новобранцами изъ другихъ слоевъ общества; великосвѣтскіе писатели замолкаютъ одинъ за другимъ или передаются душой и тѣломъ подъ знамена реакціи". Проще сказать, великосвѣтскихъ писателей теперь нѣтъ.

Впрочемъ, наше, безспорно умное, безспорно образованное (только не совсѣмъ по-Русски) и безспорно изящное высшее общество чувствуетъ потребность сближенія съ литераторами, но такъ какъ Русскіе писатели не являются болѣе въ гостепріимные салоны, то, нечего дѣлать, пришлось пробавляться имъ или людьми прежняго времени, уцѣлѣвшими отъ побоища смерти, или иностранными литераторами. Съ послѣдними знакомятся на водахъ и въ Парижѣ. А когда какой-нибудь Александръ Дюма или Теофиль Готье удостоитъ Россію своимъ посѣщеніемъ, ихъ на рукахъ носитъ наше великосвѣтское общество.

Современные дѣятели Русской Литературы отдѣлились какъ отъ уцѣлѣвшихъ отъ побоища смерти великосвѣтскихъ, скроенныхъ по Французской выкройкѣ, литераторовъ, такъ и вообще отъ великосвѣтскаго общества. Современные литераторы, будучи проникнуты духомъ народности, стремятся къ духовному единенію съ свѣжимъ, бодрымъ, юнымъ роднымъ

своимъ народомъ. Имъ смѣшны Французскія идеи въ Русскихъ головахъ, имъ противна Французская рѣчь на Русскихъ устахъ, неумѣющихъ хорошо говорить на родномъ языкѣ.

Вотъ почему на *литературномъ* юбилеѣ князя Вяземскаго было:

Настоящихъ литераторовъ, непринадлежащихъ къ Академіи, устроившей юбилей.	1
Современныхъ литераторовъ, принадлежащихъ къ Академіи и служащихъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія	6
Литераторовъ прежняго времени.	4
Сановниковъ и великосвѣтскихъ друзей князя Вяземскаго	99
Итого	110

Какъ хотите назовите этотъ праздникъ, но только это не *литературный* юбилей.

Руководители юбилеемъ, кажется, напередъ знали, что на этомъ *литературномъ* юбилеѣ будутъ всѣ, кромѣ *литераторовъ*. Они выставили внизу залы объявленіе, гласившее, что *за обѣдомъ слѣдуетъ быть въ черныхъ фракахъ, бѣлыхъ галстухахъ, со звѣздами, но безъ лентъ.*

И зачѣмъ бы пошли туда современные литераторы? Развѣ для того, чтобы слушать пѣніе графа Сологуба, которое, кажется, нарочно пѣто было въ пику тѣмъ литераторамъ, которые его исключили изъ среды своей:

И въ наши *скудные* годы
Ты *отуманеннаго неба*
Теперь *послѣдняя* звѣзда.

Говоря о юбилеѣ князя Вяземскаго, мы хотѣли-было сказать мнѣніе свое о стихотвореніяхъ почтеннаго юбиляра и вообще о значеніи литературной его дѣятельности, но, къ сожалѣнію, полнаго собранія его сочиненій нѣтъ; то, что когда-то мы читали, сейчасъ же забывалось, ибо не пора-

жало насъ ни глубиною мысли, ни глубиною чувства, ни даже бойкою фразой. Какъ же тутъ быть? Перебирать старые журналы—игра не стоитъ свѣчъ. Нечего дѣлать, приходится обратиться къ Галахову, сему Россійскому Ноэлю и Шапсалю.

Познакомясь съ произведеніями князя Вяземскаго по *Христоматіи* Галахова, и, остановясь на стихотвореніи *Смерть жатву жизни коситъ*, критикъ *Сѣверной Пчелы* заключаетъ: „Не всѣ же въ глазахъ нашихъ, т.-е. современнаго поколѣнія литераторовъ, дѣятели Карамзинско-Пушкинской эпохи чужды намъ. Намъ не чужды Крыловъ, Карамзинъ, Грибоѣдовъ и Пушкинъ; намъ не чужды Батюшковъ и Лермонтовъ, тоже Пушкинской эпохи писатель; намъ не чуждъ и Жуковскій. Всѣ остальные чужды; мы не ихъ преемники. И вотъ отчего юбилей князя Вяземскаго не имѣлъ ничего похожаго на юбилей Крылова, на которомъ, вокругъ своего дѣдушки, соединились всѣ бывшіе тогда въ Петербургѣ литераторы. Юбилей князя Вяземскаго былъ скорѣе юбилеемъ пятидесятилѣтней службы, а не литературной дѣятельности. Такой юбилей въ нынѣшнемъ году уже третій: въ январѣ былъ А. М. Княжевича, въ февралѣ барона М. А. Корфа, въ мартѣ князя П. А. Вяземскаго“ [198]).

LXII.

„Послушайте,—писалъ Погодинъ Плетневу,—непремѣнно надо вооружиться, соединясь порядочнымъ людямъ. Этого требуетъ честь Русской Словесности, этого требуютъ наши святые покойники“.

Статью *Сѣверной Пчелы* Погодинъ прочелъ въ Петербургѣ, и по прочтеніи, писалъ князю П. А. Вяземскому: „Сію минуту видѣлъ *Пчелу* и взбѣсился. Эти дураки ничего не знаютъ и не понимаютъ. Прошу васъ прислать мнѣ ваше предисловіе къ Дмитріеву или Озерову. Я очень помню, что вы именно тридцать лѣтъ назадъ выразились тоже о большомъ свѣтѣ, что они теперь (за исключеніемъ таланта) про-

возглашаютъ. Я уткну имъ это въ носъ и заставлю напечатать у себя. Должны тоже сдѣлать и другіе, если они порядочные люди: Майковъ, Гончаровъ и проч. Пришлите мнѣ поскорѣе предисловіе ваше (мнѣ недавно еще показывалъ его Лонгиновъ). Я напишу нынѣ же ночью, чтобъ статья могла явиться послѣ завтра" [199]).

Не получивъ просимаго предисловія отъ князя Вяземскаго, Погодинъ обратился съ тою же просьбою къ Краевскому и получилъ отъ него слѣдующій любопытный отвѣтъ: „Не грѣхъ ли вамъ отрываться отъ крестьянскихъ статей, чтобъ тратить время на защиту незащитимаго? Что̀ бы вы ни сказали противъ статьи *Пчелы*, вы ея не опровергнете. Вяземскій умный, благородный, весьма образованный человѣкъ, но для Литературы ничего не сдѣлалъ, и она уже забыла о немъ и никогда не вспомнитъ. Сто̀итъ ли теперь отдавать хоть полчаса своего времени на толкованіе о вопросахъ, на которые давно уже отвѣтило время и общественное (литературное) сознаніе? Посылаю вамъ однако-жъ Дмитріева, изданіе 1823 года. Стихотвореній же Вяземскаго у меня нѣтъ и не было. Что мнѣ въ нихъ" [200]).

Само собою разумѣется, Погодинъ не послушался Краевскаго, и, получивъ корректуру своей статьи, писалъ князю Вяземскому: „Статьи прочелъ сейчасъ коррректуру. *Сѣверная Пчела* благодаритъ за свѣдѣнія, коихъ не знала" [201]).

„Среди громадныхъ вопросовъ",—писалъ Погодинъ,—„которые безпрестанно поднимаются между нами, передъ нами и за нами, странно входить въ литературные споры, и смѣшно поднимать старыя дрязги, но встрѣчаются случаи, кои больно, даже непозволительно, оставить безъ опроверженія.

Авторъ статьи, помѣщенной въ *Сѣверной Пчелѣ*, вооружается преимущественно противъ великосвѣтскаго общества, къ которому принадлежитъ князь Вяземскій.

Смѣю думать, что если въ чемъ, то уже по крайней мѣрѣ не въ преданности большому свѣту и его условіямъ, могу я быть заподозрѣнъ, и потому считаю себя въ правѣ

отстранить обвиненіе неизвѣстнаго автора, какъ совершенно неосновательное и несправедливое. Князь Вяземскій тѣмъ именно и дорогъ и любезенъ въ Исторіи Русской Словесности, въ Исторіи Русской общественной жизни, что для него Словесность, въ самыя тяжелыя эпохи ея, оставалась всегда на первомъ планѣ, и онъ служилъ искусству прежде всего. Званіе писателя всегда было для него званіе самое почетное и самое любезное. Онъ принималъ живѣйшее участіе во всѣхъ нашихъ невзгодахъ, всегда открыто, гласно становился на нашу сторону, подавалъ голосъ въ литературныхъ спорахъ, наравнѣ со всѣми записными литераторами, охотно бралъ подъ свое покровительство всѣ ученыя и литературныя предпріятія, всѣхъ дѣятелей молодыхъ и старыхъ, не обращая рѣшительно вниманія, къ какому свѣту и къ какому званію принадлежали всѣ тѣ, кои имѣли въ немъ нужду.

Начну съ себя.

Въ 1825 году, задумавъ издать альманахъ, явился я, молодой человѣкъ, съ просьбою прослушать двѣ мои повѣсти, и подать мнѣ свой благой совѣтъ. Въ одной изъ этихъ повѣстей (*Нищій*), выставлено было злоупотребленіе крѣпостного права, повѣсть оканчивалась грозными снами.

Князь Вяземскій одобрилъ повѣсть и ободрилъ меня, далъ мнѣ нѣсколько своихъ стихотвореній и написалъ просьбу о томъ же къ Пушкину, въ его заточеніе, который прислалъ тотчасъ пять стихотвореній.

Не помню черезъ сколько времени послѣ того, перевелъ я съ Шевыревымъ, по обѣту, въ продолженіи двухъ недѣль, Славянскую Грамматику Добровскаго, съ Латинскаго (за что поплатились мы двумя обмороками). Печатать Грамматику никто однако-жъ не брался—ни графъ Румянцовъ, ни Академія, ни Университетъ, ни ученыя Московскія общества. Тяжело было намъ смотрѣть на эту кипу исписанной бумаги. Мнѣ пришла мысль обратиться съ просьбою къ князю Вяземскому; онъ тотчасъ написалъ къ товарищу министра На-

роднаго Просвѣщенія, графу Д. Н. Блудову,—и Грамматика была напечатана на казенный счетъ.

Можно указать на десять, на двадцать человѣкъ, которые получили отъ князя Вяземскаго подобную помощь.

Перехожу къ литературнымъ событіямъ стараго времени, и къ участію въ нихъ князя Вяземскаго.

Вышла *Исторія* Карамзина. Каченовскій, знаменитый тогда своею ученостью, началъ придираться къ ней, разбранилъ предисловіе и проч. Князь Вяземскій напечаталъ посланіе, произведшее много шуму:

Передъ судомъ ума, сколь Каченовскій жалокъ!
Талантовъ низкій врагъ, завистливый Зоилъ,
Какъ оный вѣчный огнь на олтарѣ Весталокъ, и проч. *).

Пушкинъ издалъ *Бахчисарайскій Фонтанъ*, съ предисловіемъ князя Вяземскаго, и начался жесточайшій споръ у него о классицизмѣ и романтизмѣ съ М. А. Дмитріевымъ, въ которомъ я склонялся больше на сторону послѣдняго.

Съ М. А. Дмитріевымъ и А. И. Писаревымъ, завязался также у князя Вяземскаго другой споръ о *Горѣ отъ Ума* Грибоѣдова,—споръ, въ которомъ побѣда склонялась болѣе въ его пользу.

Сколько эпиграммъ сыпалось изъ обоихъ становъ, исполненныхъ остроты, соли, желчи!

Дошла очередь и до меня: въ 1828 году, я напечаталъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* замѣчанія Арцыбышева на *Исторію* Карамзина, замѣчанія, правду сказать, грубыя и мелочныя, но мнѣ казалось, что такой труженикъ, какъ Арцыбышевъ, имѣетъ полное право говорить тономъ, какимъ ему угодно, о предметѣ своихъ тридцатилѣтнихъ занятій. Страшное гоненіе воздвиглось на меня. Князь Вяземскій написалъ

---

*) Аксаковъ (авторъ *Семейной Хроники*), увидя здѣсь оскорбленіе личности, написалъ посланіе къ Вяземскому, которое начиналось такъ:

„Передъ судомъ ума, сколь Вяземскій (не помню далѣе). Но Каченовскій не посмѣлъ или не захотѣлъ напечатать имени Вяземскаго, и напечаталъ: Ульминскій—Птелинскій. *Примѣчаніе М. П. Погодина.*

въ *Телеграфѣ* стихи, къ которымъ приложилъ бранное примѣчаніе. Я отвѣчалъ ему браннымъ письмомъ, но сколько ни увѣрялъ я всѣхъ въ своей искренней преданности, моемъ благоговѣніи къ Карамзину, никто не хотѣлъ мнѣ вѣрить, и только Пушкинъ утѣшалъ меня: потерпите, все перемелется и будетъ мука. Уже въ 1845 году окончательно разсѣялась тѣнь подозрѣнія, на мнѣ лежавшая, *Похвальнымъ словомъ Карамзину*, написаннымъ по порученію Симбирскаго Дворянства.

Во всѣхъ этихъ спорахъ, главный предметъ составляли убѣжденія, мысли, мнѣнія, и не было ни малѣйшаго отношенія къ великосвѣтскому обществу; напротивъ, когда Каченовскій и другіе упрекали Полевого водочнымъ его заводомъ, князь Вяземскій принималъ дѣятельное участіе въ *Телеграфѣ*, который и обязанъ былъ ему основаніемъ своего успѣха и своей силы.

Авторъ статьи, напечатанной въ *Сѣверной Пчелѣ*, видно ничего этого не знаетъ, потому-то и досадно, что не спросясь броду, онъ сунулся въ воду. Онъ не читалъ вѣрно и старой статьи князя Вяземскаго, но вѣдь виноватъ въ томъ онъ, а не князь Вяземскій.

Турки ведутъ свое лѣтосчисленіе отъ бѣгства Магомета изъ Мекки въ Медину; многіе изъ молодыхъ нашихъ рецензентовъ черпаютъ всю свою премудрость о Русской Словесности изъ *Христоматіи* Галахова и критикъ Бѣлинскаго. Что есть у Галахова, то они только знаютъ; что сказалъ Бѣлинскій, тому только они вѣрятъ на слово. Ipse-dixit. Положимъ, что точно они обязаны много одному относительно Исторіи, другому относительно теоріи.

Я очень понимаю, что этими и слѣдующими словами я возбужу противъ себя ужасную бурю, но вѣдь для меня это не въ первый и вѣроятно не въ послѣдній разъ: я человѣкъ окуренный и обстрѣленный, и если не боюсь говорить открыто своего мнѣнія о важныхъ государственныхъ предметахъ, не смотря ни на какія партіи, то неужели въ литера-

турномъ вопросѣ испугаюсь какой-нибудь безъименной когорты, испугаюсь какого-нибудь свистка, хоть бы онъ даже зашипѣлъ по змѣиному.

Да, Бѣлинскій принесъ пользу тѣмъ, кто не имѣлъ никакихъ другихъ учителей, кромѣ него, принесъ можетъ быть пользу своему времени, но останавливаться теперь на Бѣлинскомъ и

Не смѣть
свое сужденіе имѣть,

есть знакъ ограниченности, бездарности, и, смѣю сказать, невѣжества. Слишкомъ далеко ушло сознаніе послѣ его несчастнаго времени. Притомъ, для Бѣлинскаго существовали прежде всего имена, а послѣ сочиненія, и онъ не по уму, а по имени встрѣчалъ и провожалъ, во многихъ случаяхъ ругалъ или превозносилъ на заданную для себя тему.

Бѣлинскому не понравились, сколько мнѣ помнится, нѣкоторыя мѣста изъ сочиненія князя Вяземскаго о Фонъ-Визинѣ, и онъ началъ ругать его, а покорные ученики не смѣютъ выступить изъ заповѣднаго круга учителева: самъ сказалъ.

Такъ точно эти несчастные ругали и ругаютъ Хомякова, по указу, данному Бѣлинскимъ, которому были противны тѣ или другія убѣжденія Хомякова. Но вотъ теперь вышли стихотворенія Хомякова. И новые приверженцы и старые противники могутъ читать ихъ сполна, не прибѣгая къ *Христоматіи* Галахова. Извольте сказать ваше мнѣніе, и потомъ сравните, что говорилъ о Хомяковѣ Бѣлинскій.

Точно также, и по такимъ же причинамъ, ругалъ онъ Языкова, Глинку и проч.

На Марлинскаго, на Бенедиктова нападалъ онъ, положимъ, по литературнымъ причинамъ, и видѣлъ нѣкоторые ихъ недостатки, но онъ не видѣлъ ихъ достоинствъ, весьма замѣчательныхъ и важныхъ, и я не знаю, найдется ли кто-нибудь изъ Русскихъ грамотныхъ людей, который не встрѣ-

тилъ съ полнымъ сочувствіемъ прекрасныхъ послѣднихъ стихотвореній Бенедиктова.

Въ своемъ азартѣ Бѣлинскій не щадилъ и иностранныхъ авторитетовъ: досталось вѣдь отъ него и Данту (хотя вся Италія называетъ Данта своимъ altissimo poeto), и Мильтону, и Виргилію.

Не одни писатели, имѣвшіе несчастіе произвести въ немъ непріятное впечатлѣніе, въ желчныя минуты, но цѣлые народы должны были трепетать его приговоровъ. До сихъ поръ не могу я безъ негодованія вспомнить, какъ онъ, ненавидя насъ, друзей Славянскихъ, воскликнулъ, что сила составляетъ право, и если Славяне находятся теперь подъ властью Турокъ, то значитъ, что Турки имѣютъ право.

А что толковалъ онъ о Нѣмецкой Философіи, о которой слыхалъ изъ третьихъ устъ, да и то весьма несвѣдующихъ.

Я нарочно распространился здѣсь о Бѣлинскомъ, потому что большая часть нынѣшнихъ критикъ есть только слабый отголосокъ его мнѣній, убѣжденій и вѣрованій, за исключеніемъ его таланта. Всю свою премудрость почерпаютъ молодые рецензенты изъ этой могилы, но тамъ уже тлѣніе! Жизнь расцвѣтаетъ новая. Наши поколѣнія повреждены болѣе или менѣе отъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, и намъ надо позаботиться о поколѣніяхъ слѣдующихъ, предохранить ихъ отъ несчастнаго, отсталаго, низкаго фетишизма, коимъ задерживается развитіе.

Лучшіе передовые люди партіи то чувствуютъ и указываютъ на другую дорогу. Честь имъ за то, слава и благодарность!

Отдадимъ справедливость Бѣлинскому за пользу имъ принесенную, но почтимъ своимъ уваженіемъ, своею признательностью, и всѣхъ прочихъ дѣятелей на полѣ отечественнаго образованія. Suum cuique.

А вотъ вамъ доказательства, какъ мало заботился князь Вяземскій и о своей славѣ. Сочиненія его составятъ, по крайней мѣрѣ, десять томовъ; сколько друзья его и почита-

тели ни приставали къ нему, чтобъ онъ помогъ имъ собрать все имъ написанное, Плетневъ, Шевыревъ, Полторацкій, Лонгиновъ, Зеленецкій, до сихъ поръ онъ не принимался за собраніе. Точно тоже должно сказать объ его литературныхъ воспоминаніяхъ. Не чета были бы онѣ той пустоши, которою угощаетъ насъ молодая Литература. Карамзинъ, Дмитріевъ, Озеровъ, Жуковскій, Дашковъ, Блудовъ, Тургеневъ, Крыловъ, Пушкинъ, Баратынскій, Грибоѣдовъ, Булгаковъ,—вотъ о комъ могъ бы онъ, и только онъ,—сохранить поучительныя, драгоцѣнныя подробности, кои остались бы завѣтнымъ сокровищемъ въ наслѣдство и назиданіе потомкамъ. Кто любитъ отъ души Русскую Словесность, тотъ на колѣняхъ долженъ бы былъ просить его, чтобъ онъ взялся за перо, а не огорчать, не оскорблять почтеннаго дѣятеля въ концѣ достойно пройденнаго имъ поприща. Рѣчь князя Вязямскаго, въ отвѣтъ на сказанныя ему привѣтствія, есть образецъ благородной скромности, коею отличается истинное достоинство. Нѣтъ, господа, воля ваша, а сердца у васъ нѣтъ, есть только умъ, да и тотъ очень относительный, условный, залитый не желчью (желчь я уважалъ и въ Бѣлинскомъ), а какою-то ѣдкою лимфой, нѣтъ — и не ѣдкою, а чѣмъ-то послабѣе, для чего не приберу теперь я слова.

Въ юбилейномъ торжествѣ участвовали изъ литераторовъ: Плетневъ, князь Одоевскій, Срезневскій, Гротъ, Тютчевъ, Щербина, Гончаровъ, Писемскій, Полонскій, графъ Соллогубъ, Бенедиктовъ. Пусть они скажутъ, правду ли говорилъ я здѣсь или нѣтъ. Въ Аѳинской республикѣ, Солонъ постановилъ закономъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ граждане обязываются объявлять непремѣнно свое мнѣніе, и становиться на ту или другую сторону. Мнѣ кажется, что для нашего еще шаткаго общественнаго мнѣнія, подобныя заявленія имѣли бы свою пользу“ [202]).

По напечатаніи этой статьи, Погодинъ писалъ Шевыреву: „О юбилеѣ князя Вяземскаго ты знаешь; я ѣздилъ туда и говорилъ рѣчь. На Вяземскаго посыпались ругательства. Я

почелъ долгомъ вступиться и написалъ статью въ *Сѣверной Пчелѣ*, гдѣ сказалъ свое мнѣніе о Бѣлинскомъ, разумѣется, по-своему. Теперь поднимутся ругательства на меня и, говорятъ, уже поднялись“ [203]).

LXIII.

Вслѣдъ за Погодинымъ, Московская Журналистика дала сильный отпоръ Журналистикѣ Петербургской.

Графиня Сальясъ, въ своей *Русской Рѣчи*, писала: „Прочитавши статью *Сѣверной Пчелы*, можно, подумать, что Литература наша показала и имѣла будто бы даже право показать столько равнодушія къ празднику въ честь князя Вяземскаго на томъ только основаніи, что онъ душою и тѣломъ принадлежитъ къ такъ называемому „великосвѣтскому обществу“. Если бы не принадлежалъ онъ къ этому обществу, то можно подумать, по словамъ *Сѣверной Пчелы*, что и отношенія къ нему литературнаго нашего міра измѣнились бы совершенно. Ненадо было большихъ усилій, чтобы показать всю неосновательность подобнаго образа мыслей и трудъ этотъ принялъ на себя М. Н. Лонгиновъ, въ апрѣльской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* (1861). Совершенно справедливо указалъ онъ, что князь Вяземскій, не только человѣкъ „съ великосвѣтскими манерами“, но и одинъ изъ талантливыхъ писателей, о дѣятельности котораго нельзя отзываться иначе, какъ съ чувствомъ неподдѣльнаго уваженія. Онъ упомянулъ о томъ, что князь Вяземскій обнаруживалъ симпатію не къ „великосвѣтскому“ только кругу, что талантомъ своимъ поддержалъ онъ *Московскій Телеграфъ*, что онъ не задумался явиться защитникомъ Гоголя, когда не одни только люди изъ высшаго круга нападали на его направленіе. Въ заключеніе Лонгиновъ привелъ много стихотвореній князя Вяземскаго, обнаруживающихъ несомнѣнное поэтическое чувство и сильный талантъ. Неужели все это не важныя заслуги въ Литературѣ? Неужели

за все это не стоитъ почтить писателя добрымъ словомъ по истеченіи его полувѣковой дѣятельности" [204])?

Съ особенною силою и краснорѣчіемъ за князя Вяземскаго выступилъ Н. Ф. Павловъ. „Князь Вяземскій,—писалъ онъ,—былъ изъ числа тѣхъ немногихъ, которые, въ царствованіе императора Александра I-го, рѣшились повергнуть на высочайшее благоусмотрѣніе ихъ просьбу объ освобожденіи крестьянъ...

Къ нему обращались часто писатели, начинавшіе свое поприще... Ихъ встрѣчалъ не меценатъ, не покровитель, который ищетъ популярности, суетливо жметъ вашу руку... и отвратительно поддѣлывается подъ равнаго вамъ, когда въ душѣ считаетъ васъ за букашку... Князь Вяземскій не дѣлалъ усилій, чтобъ уничтожить разстояніе, но видно было, что онъ не признаетъ его, оно уничтожалось просвѣщеннымъ настроеніемъ ума, теплотою сердца и благовоспитанностью привычекъ. Естественность вниманія, простота радушія и строгость къ себѣ въ исполненіи обѣщаній собрату по Литературѣ, внушали всегда къ князю Вяземскому много сочувствія... Эти благородныя свойства, вмѣстѣ съ поэтическимъ талантомъ и блестящимъ умомъ, снискали ему въ жизни горячихъ друзей...

Между тѣмъ, юбилей его возбудилъ въ разныхъ журналахъ непріязненные, враждебные толки и намеки.

Русскій Вѣстникъ, въ статьѣ М. Н. Лонгинова, возразилъ на нихъ и, насколько возможно было безъ полнаго изданія сочиненій князя Вяземскаго, опредѣлилъ, какъ его литературныя заслуги, такъ и его значеніе....

Тѣ ошибутся очень, которые въ юбилеѣ князя Вяземскаго не увидятъ ничего, кромѣ одного юбилея. Тутъ поднимается такая туча вопросовъ, что за разрѣшеніемъ ихъ просидятъ, можетъ быть, наши внуки и правнуки... Намъ, напримѣръ, показалось, что въ глазахъ нѣкоторыхъ, вина князя Вяземскаго заключается особенно въ томъ, что онъ князь и принадлежитъ къ великосвѣтскому кругу... Но развѣ, говоря

по совѣсти, откупщики, фабриканты, торговцы не пользуются разными преимуществами, которыя тяжело ложатся на шею народа. Притомъ же, у насъ съ словомъ *князь* не соединяется никакого уничтожающаго понятія. Рюриковичи бывали засѣдателями земскихъ судовъ; не оченъ давно въ Прѣсненской части одинъ князь былъ квартальнымъ надзирателемъ... Слѣдовательно, чѣмъ же можетъ оскорбиться благородное чувство равенства, когда вы встрѣчаете князя или графа?.. Вотъ откупщикъ, монополистъ,—этотъ хоть будь въ зипунѣ и остриженъ въ кружокъ,—тутъ не придумаешь себѣ утѣшенія... Кто болѣе Нѣмцевъ возставалъ противъ титуловъ на бумагѣ и въ то же время по чьимъ жиламъ пробѣгала дрожь умиленія при видѣ барона?... Но онъ принадлежитъ къ великосвѣтскому кругу. О, это дѣло другое, великосвѣтскій кругъ! Извѣстно, онъ не долженъ быть терпимъ. Мы готовы произнести на него опалу тѣмъ болѣе, что это чрезвычайно легко... У насъ въ Литературѣ найдутся уже готовыя выраженія, заученные пріемы, общія мѣста, съ которыми и можно выступить на битву. Кто не слыхалъ, что въ великосвѣтскомъ кругѣ господствуетъ пустота, тщеславіе, суетность, онъ... заслоняетъ другіе круги, гдѣ производится тяжкая работа мысли, гдѣ ничто не дѣлается на показъ, гдѣ нисколько не заботятся о внѣшности... Чѣмъ болѣе мы погружаемся въ предметъ, тѣмъ болѣе чувствуемъ въ себѣ желчи и готовы разразиться негодованіемъ на этотъ кругъ, хотя къ нему принадлежали и Гумбольдтъ, и Байронъ, и Пушкинъ, и тьма людей, которыхъ имена такъ твердо заучила наизусть бестолковая Исторія. Одно насъ останавливаетъ: во имя какого же круга мы начнемъ посылать проклятія кругу великосвѣтскому?..

Что, не рѣшитесь ли вы назвать намъ кругъ крестьянъ? Но согласитесь, что и они не ангелы во плоти... Что вы насъ рядите въ Французскихъ маркизъ XVIII-го столѣтія, воображавшихъ въ самомъ дѣлѣ или только твердившихъ заученную тему, что подъ соломенной крышей, въ какой-то

камчадальской юртѣ таятся тихія добродѣтели, святыня честнаго труда, голубиныя побужденія?..

Но пойдемъ далѣе, поднимемся выше. Не пожелаете ли вы воспользоваться нашей непріязнію къ великосвѣтскому кругу и помѣстить насъ въ кругъ мѣщанъ? Но вѣдь это не тѣ мѣщане, которые въ Средніе вѣка дѣлали крѣпости изъ своихъ домовъ, чтобы защищаться отъ бароновъ, не тѣ, которые предъявляли Французской аристократіи права человѣка. У нашихъ мѣщанъ нечему научиться, нечего перенять, они находятся въ такомъ положеніи, что ихъ грѣхъ поклепать и честнымъ трудомъ, и развитіемъ патріархальныхъ добродѣтелей...

Теперь по порядку слѣдуетъ купеческій кругъ... Наша Литература разрисовала купцовъ такими красками, что, конечно, по чувству современной филантропіи, вы не обречете насъ на круговращеніе въ купеческомъ обществѣ...

Не благословите ли насъ на путешествіе въ провинцію, на процвѣтаніе въ кругу помѣщиковъ, но перо наше дрожитъ, изображая на бумагѣ это опальное слово... Если великосвѣтскій кругъ дуренъ, то вѣдь и о помѣщичьемъ вы сами отзывались не съ похвалой. Его Литература наша рисовала не плѣнительными красками....

Куда же преклонить намъ голову?.. Ужъ не къ чиновникамъ ли? Но тутъ остановитъ васъ единодушный вопль нашихъ первокласныхъ писателей и журналистовъ... Вы сами почти отлучили его отъ человѣческаго общества...

Остается, правда, еще одинъ кругъ, и это послѣдній... литературный кругъ... Тутъ происходитъ работа мысли, тутъ пожинаются плоды честнаго труда, кипятъ идеи, разработываются вопросы, тутъ говорятъ на родномъ языкѣ, сочувствуютъ всему прекрасному и великому, не живутъ чужимъ умомъ, все черпаютъ изъ своей пламенной груди, изъ своего пытливаго и оригинальнаго ума, всѣ заняты общимъ дѣломъ, внѣшность попирается ногами, тщеславію нѣтъ мѣста, никто ни за какія блага не надѣнетъ бѣлыхъ перчатокъ, ни за что въ мірѣ не сядетъ въ карету, никого не залучишь

обѣдать къ Диссо или Шотанъ, гдѣ легко встрѣтятся великосвѣтскіе люди... Въ этомъ благословенномъ мірѣ сердце каждаго только и бьется, что по меньшой братіи, всѣ страдаютъ муками человѣчества... Безподобный кругъ, не правда ли? Передъ нимъ великосвѣтскій не устоялъ бы ни подъ какимъ видомъ. Но на бѣду подвернулся недавно удивительный живописецъ этого круга, И. И. Панаевъ. Онъ, въ своихъ *Литературныхъ Воспоминаніяхъ*, вынесъ столько сору изъ избы, что одному, конечно, близорукому, великосвѣтская комната не покажется гораздо чище и что многіе теперь не примутъ, пожалуй, на вѣру искренности нашихъ восторговъ и правдивости нашихъ показаній. Притомъ же, если уже подражать откровенности И. И. Панаева, то надо признаться, что собственно литературнаго круга, какъ напримѣръ, купеческаго, не существуетъ. Есть кое какіе оазисы, есть небольшія группы личностей, непримиримо враждующія между собою, по примѣру древнихъ республикъ Италіи. Но эти группы до того проникнуты участіемъ къ судьбѣ другой непріязненной группы, что любятъ болѣе всего вести бесѣду о ней и переносятъ васъ изъ прекрасной столицы въ пустыню уѣзднаго города, гдѣ исправничиха находится въ ссорѣ съ городничихой... Мы не смѣемъ допустить тутъ мысли о сплетняхъ,—онѣ невозможны у людей, которые съ такимъ ожесточеніемъ нападаютъ на провинціализмъ нравовъ,—назовемъ это скорѣе привычкой къ творчеству, смѣло парящему надъ дѣйствительностью. Стало быть, по отзывамъ горячихъ противниковъ такъ называемаго свѣта, по отзывамъ самой Литературы, по показаніямъ достовѣрныхъ свидѣтелей, какъ напримѣръ И. И. Панаева, выходитъ, что великосвѣтскій кругъ еще сравнительно менѣе невыносимъ, чѣмъ другіе. На какомъ же основаніи, въ виду какихъ усладительныхъ круговъ... можно запретить входъ въ большой свѣтъ мыслящему существу, когда оно по свойству своей природы ищетъ лучшаго"?

Въ заключеніи, Павловъ, между прочимъ, заявляетъ: „*Современникъ* гналъ съ такимъ праведнымъ негодованіемъ *ко-*

ленкоровыя манишки, что это было, какъ не насиліе надъ меньшей братіей въ угоду великосвѣтскихъ людей, какъ нежеланіе заставить всѣхъ и каждаго передразнивать привычки большаго свѣта? Бѣдный человѣкъ прикрываетъ манишкой грубую рубашку, потому что хорошая рубашка дорога. Можно бы войдти въ его положеніе, такъ нѣтъ, тутъ не достало братской любви, единственно отъ того, что идеалъ свѣтскаго человѣка заполонилъ всю душу писателя. *Литераторы перестали посѣщать салоны, отдѣлились отъ великосвѣтскихъ литераторовъ и вообще отъ великосвѣтскаго общества.* Это не совершенно справедливо. Иные не отдѣлялись, какъ напримѣръ, Тургеневъ... Да и зачѣмъ ставить на видъ, посѣщаютъ литераторы салоны или нѣтъ? Что за событіе, достойное всенароднаго вниманія? Вѣдь они точно также не посѣщаютъ и курныхъ избъ, и мѣщанскихъ жилищъ, отъ чего же эта черта не заслуживаетъ торжественной гласности?..

Бесѣдуя о свѣтскомъ кругѣ, должно также не выпускать изъ виду того благоразумія, которое мы осмѣливаемся рекомендовать при разсмотрѣніи титуловъ. Легко можетъ показаться, что подъ грозной маской негодованія скрывается другое выраженіе лица и что духъ независимости, духъ свободы, духъ гордаго сознанія своей личности, имѣетъ способность благоговѣйно съеживаться при мысли о самыхъ обыкновенныхъ явленіяхъ жизни“ [205]).

„Спасибо добрымъ людямъ“,—писалъ князь П. А. Вяземскій Погодину,—„которые ратуютъ за меня, опальнаго. Спасибо и вамъ, Агамемнону или Дмитрію Донскому, сей великодушной рати. Очень желалъ бы прочесть, чтб обо мнѣ было писано. Тутъ замѣшана не моя личная суетность, а мое убѣжденіе. Стрѣляютъ не столько въ меня, сколько въ мое знамя, т.-е., въ наше знамя, освященное и прославленное нашими предшественниками, честными и чистыми литераторами. Не намъ, не намъ, а именамъ ихъ. Впрочемъ, тутъ не имена а исповѣданіе, тутъ дѣло и слово одно и то же. Напримѣръ, Карамзинъ, Жуковскій, эти имена вносятся не въ одну *Хри-*

стоматію Галахова, а и въ народную лѣтопись, въ лѣтопись человѣчества".

Самъ князь П. А. Вяземскій, въ своемъ *Посланіи къ Д. П. Северину*, дѣлаетъ себѣ такую оцѣнку:

Мой путь не глубоко изрытъ волной событій.
Въ невѣдомыхъ странахъ не дѣлалъ я открытій;
Но тихо день за днемъ старался я идти
Въ слѣдъ общимъ истинамъ, по общему пути:
Не выдвигалъ впередъ самодовольной груди;
Но, видя, кто шагалъ въ передовые люди,
Я, съежившись въ толпѣ, готовъ былъ пасть ничкомъ,
Чтобъ только не прослыть передовымъ лицемъ;
Ни въ ходъ я не пускалъ, ни на показъ не ставилъ
Ребяческихъ затѣй въ замѣну вѣчныхъ правилъ;
Не думалъ я, что свѣтъ, какъ, впрочемъ, онъ ни есть,
На новый должно мнѣ фундаментъ перенесть,
И что въ перѣ моемъ, на подвигъ и побѣду,
Таится тотъ рычагъ, что снился Архимеду.
Была скромнѣе цѣль посильнаго пера:
Цвѣтокъ, иль ленту снесть на жертвенникъ добра;
Воспитывать въ сердцахъ прекрасному служенье;
Тамъ, гдѣ вражда страстей, повѣдать примиренье;
Кому сказать: впередъ! кого предостеречь;
Почуешь ли въ груди духъ творчества—облечь
Сочувственную мысль въ сочувственное слово;
Ни гнать все старое предъ тѣмъ, что только ново;
Все новое не гнать, держась изъ рода въ родъ
Того, что отцвѣло и принесло свой плодъ;
Подъ блескомъ скорлупы гнилую сердцевину,
Подъ блескомъ словъ, открыть ихъ темную причину,
И съ обличителей самихъ личину снять,
Чтобъ людямъ гаера въ Катонѣ показать;
Безъ злобы пристыдить людъ пошлый и упрямый,
Который лезетъ самъ подъ розгу эпиграммы,
Который, не учась, всѣхъ учитъ наповалъ,
И, на подмостокъ свой взобравшись, сочеталъ,
Въ тупой враждѣ своей къ средѣ великосвѣтской,
Съ холопской наглостью разсудокъ полудѣтской.
Вотъ подвиги пера и вотъ его грѣхи.
На судъ вашъ отдаю и прозу и стихи,
Которыми успѣлъ я, грѣшный и убогій,
Обвесть межу своей проселочной дороги [206].

LXIV.

11 апрѣля 1861 года, въ Москвѣ, скончался Алексѣй Петровичъ Ермоловъ.

„Имя Ермолова",—писалъ М. Н. Лонгиновъ,—„разнесли по лицу Русской Земли эти храбрецы, которыхъ имена остались неизвѣстными, но которые проливали кровь свою для спасенія Отечества. Возвратясь на родину, они разсказывали тамъ не объ однѣхъ побѣдахъ, одержанныхъ ими подъ начальствомъ Ермолова, но и о томъ, какъ одушевляло ихъ въ битвахъ присутствіе генерала, который пекся о нихъ, какъ о дѣтяхъ, любилъ ихъ, какъ товарищей, уважалъ ихъ, какъ защитниковъ Отечества, умѣлъ внушить имъ неограниченное довѣріе къ своимъ распоряженіямъ. Вотъ достойныя подражанія качества Ермолова, дѣлающія его памяти не менѣе чести, чѣмъ его таланты и дѣянія... Народилось, выросло и возмужало новое поколѣніе и все-таки узнало по преданію *Алексѣя Петровича* болѣе, чѣмъ многія новѣйшія репутаціи, составленныя по капризу непостояннаго и слѣпаго счастія. Старость Ермолова представляла зрѣлище рѣдкое и завидное, и она какъ будто была ниспослана ему въ вознагражденіе за жизненныя невзгоды, не смотря на которыя общій почетъ окружалъ славнаго старца"...

Кому неизвѣстно знаменитое стихотвореніе Лермонтова:

„Не хвались еще заранѣ"!
    Молвилъ старый Шатъ:
„Вотъ на сѣверѣ въ туманѣ
    Что-то видно, братъ"!
Тайно былъ Казбекъ огромный
    Вѣстью той смущенъ;
И, смутясь, на сѣверъ темный
    Взоры кинулъ онъ;
И туда въ недоумѣньѣ
    Смотритъ, полный думъ:
Видитъ странное движенье,
    Слышитъ звонъ и шумъ.

От Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая
Движутся полки;
Вѣютъ бѣлые султаны,
Какъ степной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальоны
Тѣсно въ рядъ идутъ,
Впереди несутъ знамены,
Въ барабаны бьютъ;
Батареи мѣднымъ строемъ
Скачутъ и гремятъ,
И, дымясь, какъ передъ боемъ,
Фитиля горятъ,
И испытанный трудами
Бури боевой,
Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генералъ сѣдой.
Идутъ всѣ полки могучи,
Шумны какъ потокъ,
Страшно медленно, какъ тучи,
Прямо на Востокъ.
И, томясь зловѣщей думой,
Полный черныхъ сновъ,
Сталъ считать Казбекъ угрюмый,
И не счелъ враговъ.
Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ
Племя горъ своихъ,
Шапку на брови надвинулъ
И на вѣкъ затихъ.

Люди всѣхъ званій и возрастовъ шли толпами поклониться тѣлу Ермолова. Приходившіе видѣли его лежащимъ въ простомъ солдатскомъ гробу, въ скромномъ артиллерійскомъ сюртукѣ, въ петлицѣ котораго былъ надѣтъ орденъ Георгія 4-й степени, полученный имъ при Прагѣ отъ Суворова.

Отпѣваніе Ермолова происходило 13 апрѣля 1861 года, въ Спасо-Божедомской церкви. Священникъ Лебедевъ, въ надгробномъ словѣ, „призвалъ благословеніе Божіе не столько на лавры, сколько на терніи его земнаго вѣнца“ [207]).

По завѣщанію, тѣло Ермолова было перевезено въ Орелъ и положено рядомъ съ отцомъ его, на Троицкомъ кладбищѣ.

„Мнѣ“, — писалъ Погодинъ, — „не случилось, къ сожалѣнію, быть во время кончины Ермолова въ Москвѣ, и я не могъ отдать ему послѣдняго долга, присутствовать при его погребеніи“ [208]).

Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, были напечатаны краткія біографическія свѣдѣнія о Ермоловѣ. Къ этимъ свѣдѣніямъ редакторъ *Вѣдомостей*, В. Ѳ. Коршъ, сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: „Мнѣнія о военныхъ и государственныхъ талантахъ А. П. Ермолова весьма различны. Одни ставятъ эти таланты очень высоко; другіе, напротивъ, не могутъ дать себѣ отчета въ томъ, на сколько таланты Ермолова отвѣчаютъ его полувѣковой славѣ“ [209]).

Н. Ф. Павловъ посвятилъ памяти Ермолова статью, въ которой читаемъ: „Ермоловъ былъ начальникомъ Главнаго Штаба дѣйствующей арміи, въ кампанію 12-го года; главнокомандующимъ на Кавказѣ; его Дворянство Московское и нѣкоторыхъ другихъ губерній избрало главою Ополченія во время Крымской войны. При этомъ случаѣ мы были свидѣтелями необыкновеннаго энтузіазма. Дамы покрывали хоры Благороднаго Собранія, махали платками, жизнь Московскаго общества выступала изъ своей завѣтной колеи. А. П. Ермолову приписывались геніальные военные таланты, въ немъ видѣли великаго администратора, на него возлагались нѣкогда таинственныя надежды, въ разныя эпохи ходили по рукамъ его письма, гдѣ масса восторженныхъ предъявляла очевидныя доказательства независимости его характера; въ глазахъ огромнаго большинства это былъ человѣкъ, не искавшій уклончивостью исходатайствовать оправданіе истинѣ своихъ убѣжденій, святости своихъ дѣйствій и правамъ своего генія. Его львиный образъ рисовался воображенію въ постоянной борьбѣ съ клеветой, непониманіемъ, съ силой внѣшнихъ обстоятельствъ, не дававшихъ ему возможности употребить въ дѣло неимовѣрные дары, которыми надѣлила его природа.

Общественный говоръ признавалъ въ немъ не только важнаго государственнаго дѣятеля, но и вполнѣ просвѣщеннаго

человѣка, который много читалъ, не переставалъ учиться, любилъ страстно Литературу и сохранялъ жажду любознательности до преклонныхъ лѣтъ. Онъ былъ предметомъ самыхъ разнообразныхъ сочувствій. На немъ сходились люди противоположныхъ эпохъ, непримиримыхъ поколѣній, старые и молодые, мужчины и женщины, образованные и невѣжды. Не однѣ заслуги и достоинства, присвоенныя А. П. Ермолову мнѣніемъ большинства, привлекали къ нему сердца общественной толпы: въ его свѣтскомъ обращеніи много скрывалось чарующей прелести. Кто не видалъ, какъ онъ былъ привѣтливъ съ первымъ встрѣчнымъ, съ какой снисходительной любезностью и задушевнымъ радушіемъ жалъ руку тѣмъ, съ которыми, повидимому, не могъ имѣть ничего общаго. Онъ уничтожалъ разстоянія и не терпѣлъ исключительности. Эти краткія слова не могутъ, конечно, служить изображеніемъ жизни замѣчательнаго человѣка, мы набрасываемъ только нѣкоторыя черты общественнаго настроенія, обусловленнаго его дѣятельностью, его именемъ, или, лучше, тѣми мыслями и чувствами, которыя возбуждалъ онъ въ данное время и въ данной средѣ. Не должно, конечно, отыскивать полной гармоніи, совершеннаго единодушія въ этомъ обаяніи, которое окружало его и проявлялось довольно знаменательно. Не въ тѣхъ только сферахъ, гдѣ имѣлось вліяніе на дѣятельность А. П. Ермолова, но и въ иныхъ, болѣе скромныхъ, находились люди, не сочувствовавшіе нисколько общему увлеченію въ пользу его. Мы не позволимъ себѣ высказать опредѣлительно нашего личнаго мнѣнія: оно непремѣнно отзовется пристрастіемъ въ ту или другую сторону. Современникъ—худой судья историческаго лица. Какъ ни сладко, во имя предполагаемой правды, идти въ разрѣзъ съ убѣжденіями массы и надрываться въ покушеніяхъ противъ сильнаго потока, нагоняемаго капризнымъ вѣтромъ,—мы не признаемъ, въ настоящую минуту, ни за кѣмъ ни права, ни возможности сказать серьезное слово объ умершемъ генералѣ. Пусть прахъ его покоится въ мирѣ до тѣхъ поръ, пока возьметъ перо въ

руки писатель, который не услышитъ около себя голоса знакомыхъ, друзей, поклонниковъ и противниковъ исторической личности.

Онъ поневолѣ обратится сперва не къ тому, чтȯ говорили современники А. П. Ермолова, чтȯ думали, во чтȯ вѣрили и не вѣрили, а къ тому, чтȯ онъ именно сдѣлалъ, въ чемъ показалъ свои чрезвычайныя способности, чѣмъ на самомъ дѣлѣ былъ полезенъ судьбамъ своего Отечества. Мысль будущаго историка не затемнится ни безотчетной болтовней гостинныхъ, ни порывами неопредѣленнаго чувства. Если намъ нельзя отгадать заранѣе приговоръ потомства, то, по крайней мѣрѣ, въ государственной дѣятельности и общественномъ значеніи А. П. Ермолова, мы почти съ полной увѣренностью можемъ предвидѣть вопросы, которые неминуемо будутъ подлежать разрѣшенію. Былъ ли это человѣкъ такого характера, такихъ свойствъ, такихъ цѣлей, какими восторгалось большинство общества или онъ не что иное, какъ историческій случай, дававшій современникамъ возможность выразить яснѣе свои инстинкты, свои пристрастія и свое негодованье. Въ немъ ли самомъ таился лучъ истиннаго свѣта или другіе, чувствуя потребность въ отрадномъ явленіи, озарили его ликъ всѣми искрами своего воображенія? Въ пріемахъ его подвиговъ не оказывается ли та же самая стихія, которая ставилась въ вину его противникамъ?

Начальникъ Главнаго Штаба арміи въ 12-мъ году, представитель такъ называемой Русской партіи, изъ любви ли къ Отечеству или изъ ничтожнаго предразсудка возставалъ на Нѣмцевъ, на главнокомандующаго Барклая и тайно писалъ о немъ письма въ Петербургъ? Чувствительность къ народному говору, слабость передъ этой силой, нетерпимость, особыя соображенія или недостатокъ проницательности заставляли его дѣйствовать противъ человѣка, который теперь такъ высоко поставленъ строгимъ судомъ Исторіи?

Правъ ли былъ поэтъ, посвятившій одно изъ своихъ луч-

шихъ произведеній памяти Барклая и сдѣлавшій намекъ, важный для историка, въ слѣдующихъ стихахъ:

И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ?

Чѣмъ именно въ 12-мъ и послѣдующихъ годахъ отличился отъ многихъ храбрыхъ А. П. Ермоловъ, какіе подвиги выводятъ его впередъ изъ густой толпы Русскихъ генераловъ? Что сдѣлалъ онъ, чего не умѣли дѣлать другіе? Наконецъ, будущій историкъ дастъ отвѣтъ и на этотъ вопросъ: система устрашенія, которую прилагалъ на Кавказѣ А. П. Ермоловъ, была ли точно прямой дорогой къ цѣли и точно ли нужно, точно ли полезно государству, занимающему важное мѣсто между просвѣщенными народами, заботиться о внушеніи ужаса своимъ сосѣдямъ, хотя бы это были и дикіе и варвары? Успѣхъ въ этомъ случаѣ не бываетъ ли причиной страшныхъ заблужденій, не даетъ ли повода употреблять удачное средство при другихъ разнообразныхъ явленіяхъ и не отражается ли печально на внутренней жизни народовъ? Не способствовала ли эта система тому раздраженію, не питала ли той глухой злобы, которая наконецъ разразилась въ неслыханномъ фанатизмѣ и потокахъ крови?

Все это объяснится, скажется громко, подкрѣпится доказательствами.

Мы, съ своей стороны, считаемъ обязанностью почтить память человѣка, который былъ на поляхъ Бородина и Кульма, а потомъ посреди насъ отживалъ свой вѣкъ въ бездѣйствіи. Мы рады бросить и лишніе лавры на его могилу, хотя грустно подумать, что судъ потомства можетъ не принять въ соображеніе теплоты нашего чувства" [210]).

Написанное объ Ермоловѣ, какъ В. Ѳ. Коршемъ, такъ и Н. Ф. Павловымъ возмутило Погодина и онъ писалъ къ Шевыреву: „В. Коршъ и Н. Ф. Павловъ написали статью объ Ермоловѣ и замѣчанія. Просто хочется плюнуть въ рожу" [211]).

О томъ же писалъ Погодинъ и князю П. А. Вяземскому:

„Разсердилъ меня еще Павловъ своими чопорными выходками объ Ермоловѣ, а *Московскія Вѣдомости* есть просто какая-то отвратительная тля, моль, и слѣпое начальство допускаетъ подобное безобразіе въ университетской газетѣ“ [212])!

Князь Вяземскій отвѣчалъ Погодину: „Я также очень не одобряю статьи Павлова о Ермоловѣ. Мы привыкли видѣть, что наши журналисты, съ журнальной скамейки своей, регентируютъ весь міръ и свысока мѣрятъ историческія лица и авторитеты на свой вершокъ, потому что въ нихъ и у нихъ даже и аршина нѣтъ. Но я не ожидалъ этого отъ Павлова. На нашемъ безлюдіи, какъ не дорожить Ермоловымъ!.. Пожалуй, были у него свои недостатки и немощи. Но на нихъ ли слѣдуетъ прежде всего бросаться и выставлять ихъ на показъ народу, чтобы утѣшить посредственность? Тутъ даже недостатокъ такта. Ермоловъ, какъ строго ни суди его, все долженъ для насъ, современниковъ, быть лицемъ прежде всего возбуждающимъ сочувствіе и уваженіе. А критика и судъ придутъ послѣ. Павловъ же началъ съ того, что въ свѣжую могилу его швырнулъ нѣсколько закрашенныхъ катышковъ. Во имя какого мнѣнія, какого принципа? Скажу болѣе: по какому праву? Онъ не военный человѣкъ, онъ не государственный человѣкъ. Онъ Ермолова зналъ, какъ и мы всѣ, со стороны, по газетамъ, по сплетнямъ. Жизнь нашихъ правительственныхъ лицъ не довольно публична, чтобы постороннему человѣку можно было составить о ней приблизительно ясное понятіе.

Неужели одинъ Бѣлинскій у насъ лицо неприкосновенное? А въ другія лица можно смѣло и безнаказанно кидать свои подозрѣнія и нареканія. Статья о Ермоловѣ очень меня огорчила, разумѣется, не за него, а за Павлова. Можете сообщить ему мое впечатлѣніе и мой отзывъ.

Посылаю вамъ изданный Академіею мой юбилей. Продается онъ въ пользу кассы нуждающихся литераторовъ. Если хотите гдѣ-нибудь перепечатать рѣчь и посланіе мои, передаю ихъ въ ваше распоряженіе.

Въ концѣ мая, можетъ быть, увидимся въ Москвѣ. Потрудитесь узнать отъ молодого Хомякова, получилъ ли онъ мое письмо. При семъ экземпляръ Павлову, другой Лонгинову".

Въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 27 ноября 1861 года, Погодинъ записалъ: „Переписалъ и устроилъ статью объ Ермоловѣ. Послалъ къ Аксакову и получилъ назадъ, какъ непринадлежащую по предмету къ современной газетѣ. Честь была предложена, а отъ убытка Богъ избавилъ. Но нѣтъ ли какого запрета моему имени? Богъ съ ними".

Аксаковъ возвратилъ Погодину его статью, при слѣдующемъ письмѣ: „У меня всего одинъ разсыльный, котораго я посылалъ всѣ эти дни, то въ Типографію, то за Москву-рѣку къ цензору, и котораго посылать на Дѣвичье Поле было невозможно. Вамъ, какъ живущему на краю свѣта, необходимо имѣть лишняго человѣка въ домѣ, собственно для разсылокъ и для исполненія вашихъ коммисій. А пробавляться оказіями невозможно, при спѣшности и *срочности* дѣла. Относительно статьи объ Ермоловѣ у меня былъ заготовленъ къ вамъ отвѣтъ такого содержанія: Никакого запрета нѣтъ, равно никакихъ секретныхъ распоряженій и дѣйствій. Лонгиновъ и ко мнѣ вовсе не ѣздитъ, и я послѣ послѣдняго засѣданія его и не видалъ. Вѣрно онъ чѣмъ-нибудь занятъ или озабоченъ. Я убѣжденъ, что вамъ теперь надо выступить въ публику съ какимъ-нибудь серьезнымъ трудомъ, съ дѣльной статьей, а не съ легкими, по памяти записанными воспоминаніями объ Ермоловѣ, котораго половина Московской публики знала ближе и короче, чѣмъ вы. Если бъ это еще была та книга, о которой вы упоминаете и которая затеряна, это было бы другое дѣло. Въ настоящую минуту, такъ много важныхъ общественныхъ вопросовъ, что отвлекаться отъ нихъ, ради Ермолова, не станутъ. Газета же посвящена этимъ вопросамъ преимущественно... Вы, говоря объ Ермоловѣ, вступаете на очень скользкій путь, на которомъ никакъ не удержитесь, непремѣнно задѣнете того или другого: объ Ермоловѣ тогда можно будетъ

писать, и тогда это писаніе будетъ интересно, когда можно будетъ разсказать всю исторію его съ Николаемъ Павловичемъ. Если мнѣ придется вычеркнуть что-либо, ради цензурныхъ или редакторскихъ соображеній, такъ вы станете сердиться. А вѣдь это бываетъ иногда нужно, Михаилъ Петровичъ. И такъ, повторяю: статью объ Ермоловѣ я нахожу теперь несвоевременною и неинтересною для публики, а пряности, которыми бы можно было ее приправить, опасны подъ вашимъ перомъ, имѣющимъ возбудительное свойство. Затѣмъ, всякой серьезной вашей статьѣ я буду очень радъ. Вотъ вамъ мое откровенное объясненіе" [213]).

LXV.

23 декабря 1860 года, В. М. Ундольскій писалъ А. Н. Попову: „Вчера въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности, на мѣсто покойнаго А. С. Хомякова, избранъ г. Погодинъ. Да здравствуетъ Русская Словесность! Оставя новую, обращусь къ старой. Правда ли, что Румянцовскій Музей переведутъ къ намъ, въ Москву" [214])?

Вскорѣ послѣ кончины предсѣдателя Общество Любителей Россійской Словестности А. С. Хомякова, Погодинъ написалъ В. И. Ламанскому письмо, въ которомъ выразилъ сочувствіе къ мысли его о торжественномъ отпраздкованіи столѣтняго юбилея Ломоносова.

Ламанскій отвѣчалъ: „Вы пишете мнѣ: *Пришлите предложеніе въ Общество Любителей Россійской Словесности, а мы пустимъ его въ ходъ.* Вашъ совѣтъ, Михаилъ Петровичъ, я непремѣнно исполню, но едва ли раньше декабря, когда я надѣюсь быть въ Москвѣ. Теперь я приготовляю къ изданію сборникъ имѣющихся у меня матеріаловъ о Ломоносовѣ, которые я намѣренъ былъ доставить А. И. Кошелеву для нынѣшней книжки *Бесѣды*. Мнѣ совѣстно, что не успѣлъ еще оправдаться передъ нимъ. Намѣренія своего отдать *Бесѣдѣ* мои матеріалы я не перемѣнилъ, но работа моя съ ними еще

доселѣ не кончена, ибо понынѣ нахожу еще довольно интересныя вещи. Съ будущей недѣли я начну готовиться къ публичнымъ лекціямъ о Ломоносовѣ, которыя намѣренъ прочесть въ ноябрѣ въ пользу воскресныхъ школъ. На послѣдней лекціи я изложу свою мысль о необходимости приготовить, къ апрѣлю 1865 г., полное собраніе сочиненій Ломоносова съ біографіею и открыть ему памятникъ по народной подпискѣ на Васильевскомъ острову, между Академіею и Университетомъ. Эти лекціи, нѣсколько видоизмѣненныя и распространенныя, вмѣстѣ съ сборникомъ матеріаловъ, я предложу *Бесѣдѣ*; не захочетъ, отдамъ въ другой журналъ. То, что вы мнѣ пишете, Михаилъ Петровичъ, объ академическомъ изданіи Ломоносова, мнѣ предлагали въ разговорѣ и нѣкоторые изъ членовъ Второго Отдѣленія. Я вамъ признаюсь откровенно, что считаю своимъ гражданскимъ долгомъ напасть на Академію такъ открыто, какъ только позволитъ Цензура. Рядомъ съ работою надъ Ломоносовымъ, я занимался и Исторіею Академіи вообще, и смѣло могу сказать, что мой сборникъ оффиціальныхъ ея документовъ изъ Аннинскаго, Елисаветинскаго и Екатерининскаго времени едва ли имѣетъ себѣ равнаго. Я намѣренъ его издать отдѣльно въ будущемъ году. Прошу васъ пробѣжать мою статью объ Академіи въ первомъ томѣ Энциклопедическаго Словаря. Приступить къ изданію этого сборника теперь мнѣ мѣшаетъ приготовляемый мною въ свѣтъ II томъ *Записокъ Археологическаго Общества*; тамъ будутъ любопытныя вещи изъ Государственнаго Архива, гдѣ богатства страшныя. Еще недавно сыскалъ я, неожиданно, отличное подметное письмо царя Алексѣя Михайловича, къ сожалѣнію, безъ года. Читали ли вы, Михаилъ Петровичъ, въ *Чтеніяхъ* Бодянскаго № 2, сообщенныя мною (впрочемъ, по секрету) подметное письмо и доношеніе одного дьяка. Вообще теперь рѣдкій день не узнаешь чего-нибудь особенно интереснаго изъ Русской Исторіи XVIII в. Въ лекціяхъ и статьяхъ о Ломоносовѣ я воспользуюсь моими матеріалами, напр., для характеристики Бироновскаго времени. У насъ еще не-

давно повторили дикое замѣчаніе Щербатова о томъ, что время Анны было легче для народа, чѣмъ Елисаветинское. Я ставлю въ заслугу покойному Хомякову и то, между прочимъ, что онъ чуть не первый указалъ на значеніе царствованія Елисаветы, которую во многомъ напрасно оболгала Екатерина. Эта барыня для Россіи совершенный Людовикъ XIV... Елисавета... вообще была добрая, искренно любившая Россію, уважавшая человѣческое достоинство изъ простоты души своей гораздо больше Екатерины, которая была только деликатнѣе въ обращеніи... Сердитесь на меня, пожалуй, Михаилъ Петровичъ, но Шлецеръ представленъ мною, какъ человѣкъ, дряннымъ пролазою — проходимцемъ, нахаломъ. Я умѣю цѣнить его заслуги, хотя нахожу, что въ отношеніи къ Русской Исторіи онѣ не въ мѣру преувеличены. Впрочемъ, Шафарикъ (кажется, умершій для науки и Славянства), уже высказалъ вѣрное о немъ замѣчаніе. О характерѣ Шлецера я составилъ себѣ такое заключеніе изъ изученія и снесенія неопровержимыхъ данныхъ, которыя приведутъ къ тому же взгляду каждаго безпристрастнаго человѣка. Я говорю о немъ, какъ онъ дѣйствовалъ въ Россіи. Для меня то и любопытно, что въ Германіи онъ былъ смѣлымъ гражданиномъ. Не думайте, ради Бога, что я поддаюсь руссопетству. Я покажу достоинства другихъ Нѣмцевъ, у насъ не оцѣненныхъ и заслуживающихъ нашего уваженія. Въ декабрѣ, я надѣюсь непремѣнно быть въ Москвѣ. Хочется нѣсколько порыться въ вашихъ архивахъ и столковаться съ Московскими учеными и литераторами всѣхъ партій безъ исключенія, относительно Ломоносова и также дружной атаки сообща на Петербургскую Академію. Тогда же я представлю вамъ, Михаилъ Петровичъ, мою записку для Общества. Одобрите ее, и я передамъ ее въ полное ваше распоряженіе. Нѣтъ ли у васъ, Михаилъ Петровичъ, Штелина біографіи Ломоносова. Въ ней или при ней находятся стихи (Нѣмецкіе) на Ломоносова, которые въ *Москвитянинѣ* не были напечатаны цѣликомъ. Мнѣ особенно хочется познакомиться съ

Любимовымъ и потолковать съ нимъ о Ломоносовѣ, я имѣю сообщить ему много интереснаго. Это, кажется, человѣкъ талантливый".

Я. К. Гротъ представляетъ Погодину, такъ сказать, отчетъ о своемъ классическомъ изданіи твореній Державина.

Гротъ писалъ: „Искренно благодарю васъ и за участіе, съ которымъ вы прочли такъ скоро мои матеріалы къ біографіи Державина, и за доброжелательный вашъ отзывъ объ этомъ трудѣ. Всѣ замѣчанія ваши нахожу справедливыми и воспользуюсь ими. Вполнѣ согласенъ также съ вашимъ общимъ взглядомъ на мою работу; чувствую, что въ такомъ видѣ она не годится для большой публики, и потому-то я самъ въ маленькомъ вступленіи оговорился и замѣтилъ, что для тѣхъ, которыхъ не интересуютъ всѣ частности дѣла, изложу эту эпоху гораздо короче.

Я уже и занялся теперь совершенною передѣлкою ея, нашедши много новыхъ матеріаловъ въ здѣшнихъ архивахъ. Планъ моего труда надъ біографіей поэта состоитъ въ томъ, что я каждый періодъ ея обработываю сначала въ видѣ сырыхъ матеріаловъ и потомъ, дополнивъ ихъ по возможности новыми, даю изложенію болѣе самостоятельную и отдѣланную форму. При обиліи матеріаловъ, считаю такой двойной трудъ неизбѣжнымъ.

Что касается до плана Сочиненій Державина, то думаю раздѣлить его на слѣдующіе отдѣлы:

I. Стихи:

а) Отдѣльныя стихотворенія лирическія и др. въ хронологическомъ порядкѣ.

б) Эпиграммы, надписи и т. п. и басни (время сочиненія не обо всѣхъ извѣстно).

в) Драматическія сочиненія (какъ вы думаете, всѣ ли неизданныя сочиненія по этимъ тремъ отдѣламъ печатать? О юношескихъ уже рѣшено: они пойдутъ въ приложенія къ біографіи).

II. Проза.

1) Отдѣльныя мелкія статьи.

2) Дѣловыя бумаги.

3) Записки.

4) Объясненія.

5) Письма.

6) Біографія.

7) Библіографическіе и другіе указатели.

Я могъ бы уже начать печатать, но дѣло остановилось за рисунками, которые еще не всѣ готовы (найденные въ рукописяхъ; они дѣлаются на деревѣ).

Если имѣете какія-нибудь замѣчанія на этотъ планъ изданія, не поскучайте сообщить мнѣ и ихъ. Я очень дорожу вашимъ мнѣніемъ и каждое замѣчаніе приму съ благодарностью".

LXVI.

Вступая въ должность предсѣдателя Общества Любителей Россійской Словесности, Погодинъ пожелалъ, чтобы отслужена была панихида по А. С. Хомяковѣ, К. С. Аксаковѣ и В. В. Ганкѣ; но секретарь Общества М. Н. Лонгиновъ ему писалъ: „Разрѣшеніе попечителя и согласіе Сергіевскаго *) есть ли послѣзавтра появится публикація въ *Вѣдомостяхъ*. Она (т.-е. панихида) будетъ заключать въ себѣ одно имя Константина Аксакова, а именъ Хомякова и Ганки не будетъ. Вотъ причины тому. Называть всѣхъ трехъ вмѣстѣ можно было бы не иначе, какъ въ приглашеніи прямо отъ имени Общества. Но это обязало бы насъ служить постоянно панихиды по всѣмъ умирающимъ членамъ, изъ которыхъ одинъ, напр., и теперь налицо (Нечаевъ). Притомъ же Ганка—католикъ и заранѣе публиковать его имя значитъ навлечь исторію со стороны Филарета и пр., а для Хомякова трудно

*) Протоіерей Николай Александровичъ. *Н. Б.*

мотивировать панихиду по немъ, ибо она уже была и сдѣлать это можно было бы только, если бы извѣщеніе было прямо отъ Общества, что̀ по вышеизложеннымъ причинамъ неудобно. Обо всемъ этомъ Сергіевскій увѣдомленъ съ просьбою поминать съ Константиномъ и Алексѣя, а если онъ не найдетъ препятствій, то и Вячеслава. И такъ, вотъ какъ рѣшено дѣло по совѣщаніи съ И. С. Аксаковымъ. Заупокойная обѣдня и панихида будутъ въ воскресенье, въ 10 часовъ утра" [215]).

4 февраля 1861 г., состоялось въ первый разъ засѣданіе Общества Россійской Словесности подъ предсѣдательствомъ М. П. Погодина. На этомъ засѣданіи присутствовали: С. А. Масловъ, Д. П. Ознобишинъ, А. М. Кубаревъ, А. Ф. Томашевскій, А. З. Зиновьевъ, И. С. Аксаковъ, П. А. Безсоновъ, В. М. Ундольскій, П. И. Бартеневъ, Г. Н. Геннади, А. М. Жемчужниковъ, В. А. Елагинъ и секретарь М. Н. Лонгиновъ. Предсѣдатель выразилъ Обществу признательность свою за избраніе.

Въ томъ же засѣданіи А. М. Кубаревъ прочелъ вторую часть сочиненія своего, о публичныхъ чтеніяхъ у древнихъ Римлянъ, подъ заглавіемъ: *Почему въ республиканскомъ Римѣ не существовало публичныхъ чтеній, и какой родъ Литературы въ немъ господствовалъ.*

26 февраля 1861 г., происходило, подъ предсѣдательствомъ Погодина, публичное засѣданіе Общества, на которомъ присутствовали: С. А. Масловъ, А. З. Зиновьевъ, И. С. Аксаковъ, Ѳ. Б. Миллеръ, Ю. Ѳ. Самаринъ, П. А. Безсоновъ, В. М. Ундольскій, П. И. Бартеневъ, Г. Н. Геннади, А. М. Жемчужниковъ, князь В. А. Черкасскій, А. Н. Плещеевъ, А. А. Майковъ, Н. А. Елагинъ, Б. И. Ордынскій, М. П. Полуденскій, М. Н. Лонгиновъ и многочисленные посѣтители и посѣтительницы [216]).

Засѣданіе открылъ Погодинъ слѣдующею рѣчью о дѣятельности, предстоящей Обществу Любителей Россійской Словесности:

„Принимая на себя обязанность предсѣдателя Общества Любителей Россійской Словесности, которую членамъ угодно было возложить на меня, сознаюсь откровенно въ своихъ опасеніяхъ—смогу ли я, не говорю уже замѣнить незамѣнимаго, незабвеннаго, любезнаго нашего Алексѣя Степановича Хомякова, но даже и приблизиться сколько-нибудь къ оставленному имъ образцу; предметъ занятій, которымъ посвящена была вся моя жизнь, есть Исторія,—а Словесность, собственно такъ называемая, относится къ ней только, какъ необходимое средство и дополненіе.

Но мы живемъ въ такое время, что ни одинъ порядочный человѣкъ Русскій не долженъ отказываться ни отъ какого мѣста, куда броситъ его судьба или обстоятельства: на всякомъ мѣстѣ, съ доброю волей, можно, кажется, нынѣ приносить пользу, можно двигаться впередъ, расширяя законно кругъ своей дѣятельности.

Правда, мы заняты теперь важнѣйшими политическими и гражданскими вопросами, которые охватываютъ весь нашъ бытъ и касаются коренныхъ его основаній. — Словесность, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, отошла на второй планъ, и на воздѣланіе искусства для искусства курсъ, по употребительному выраженію текущаго времени, упалъ очень низко,— но такое настроеніе продлится вѣдь недолго. Проповѣдники его скоро убѣдятся сами, что они недостаточно выразумѣли положеніе: искусство для искусства. Занимаясь искусствомъ для искусства, занимаются вмѣстѣ для души, для духа; а душа и духъ, смѣю думать, пригодны на все, прилагаются ко всему, на достиженіе какихъ вамъ угодно частныхъ цѣлей, правительственныхъ и общественныхъ, ученыхъ и нравственныхъ. Образуется душа, возвысится духъ, умягчится сердце, изощрятся умы—и вы можете смѣло приступить къ дѣйствію на какомъ вамъ угодно поприщѣ, и можете быть увѣрены въ успѣхѣ. Вотъ задача Словесности, задача искусствъ, которыя на выразительномъ языкѣ древности названы Huma-

піога, какъ содѣйствующія преимущественно къ развитію въ людяхъ человѣчности.

Если гдѣ, то у насъ въ Россіи должно въ особенности стараться о распространеніи этихъ мыслей о Словесности, объ ея достоинствѣ, положительной пользѣ искусства для искусства. Что-бъ мы ни говорили, и какъ бы мы ни хвалились, а Словесность не вошла еще въ нашу жизнь, потребность въ наслажденіяхъ слова, языка, не сдѣлалась нашею насущною потребностью, и искусство пользуется еще не полнымъ правомъ гражданства въ нашемъ обществѣ. Въ нѣкорыхъ сферахъ писатель считается существомъ весьма двумысленнымъ, подозрительнымъ, неопредѣленнымъ, или, по крайней мѣрѣ, неспособнымъ къ положительной дѣятельности. Много-много, если къ нему имѣютъ снисхожденіе, терпятъ, какъ неизбѣжное зло, щадятъ, или въ высшей мѣрѣ удостоиваютъ иногда ободрительной улыбки. Чиновники, занимающіеся Словесностью, хотя для собственной забавы, вмѣсто картежной игры, попадаютъ часто на дурное замѣчаніе начальства. Въ чинѣ, сколько-нибудь высокомъ, считается уже унизительнымъ принимать даже участіе въ дѣлахъ ученыхъ, а подписать подъ статьей своей имя — о, на это нужно много храбрости. „Что за удовольствіе водиться съ этимъ народомъ. Охота ему пускаться въ эту толкотню! Тамъ вѣдь только замараться можно. Что изъ этого выйдетъ“! Вотъ какія сужденія о себѣ приходится слышать такимъ смѣльчакамъ.

Эти судьи наши не знаютъ и какъ будто знать не хотятъ, что въ самую минуту произнесенія ими такихъ грозныхъ приговоровъ, въ Англіи, министръ Финансовъ Гладстонъ издаетъ изслѣдованіе въ нѣсколькихъ томахъ о Гомерѣ и его времени; министръ Иностранныхъ Дѣлъ, лордъ Россель, напечаталъ сочиненіе друга своего Мура съ своимъ предисловіемъ; министръ Юстиціи Брумъ готовитъ полное собраніе своихъ сочиненій, томовъ въ двадцать, чуть ли не по всѣмъ отраслямъ наукъ; а министръ Колоній Бульверъ даритъ пуб-

икѣ всякій годъ по роману въ двухъ или трехъ частяхъ. Не говорю уже о безпрерывныхъ рѣчахъ семидесятипятилѣтняго лорда Пальмерстона, то въ обществѣ ремесленномъ, то въ обществѣ фермеровъ, то въ обществѣ избирателей,—рѣчахъ, для которыхъ нужно и образованіе литературное и историческое, справки и ораторскіе пріемы.

Эти почтенныя занятія нисколько не уменьшаютъ блеска ихъ гербовъ, неуступающихъ, разумѣется, въ древности нашимъ, нисколько не мѣшаютъ успѣху ихъ государственныхъ занятій.

Это въ Англіи, а во Франціи, кромѣ Гизо и Вильмена, работавшихъ въ одно время и въ парламентѣ и на каѳедрѣ, и въ Литературѣ, укажу на Тьера, который предсѣдательствовалъ въ Совѣтѣ министерствъ, писалъ вмѣстѣ Исторію Революціи, Консульства и Имперіи, въ тридцати томахъ; на Баранта, который занималъ должность посла при Россійскомъ Дворѣ и написалъ Исторію Бургундскихъ герцоговъ и Исторію Конвента; на Шатобріана, который въ одно время былъ главою литераторовъ и главой управленія; на Токвиля, похищеннаго недавно смертью у Науки, столько же славнаго въ области политики, какъ и въ Литературѣ.

Въ Германіи истинные государственные люди были вмѣстѣ и образованными людьми своего времени—укажу на Штейна, Гумбольдта, Бунсена и многихъ другихъ.

Словесность, во всѣхъ Европейскихъ государствахъ, доставляетъ право на уваженіе и вмѣстѣ составляетъ необходимую принадлежность образованія, безъ коей нельзя появиться въ общество. Что же это за исключительная страна Россія, гдѣ возможно, не стыдно, гдѣ позволительно было (а можетъ быть, оборони Боже, и есть), для нѣкоторыхъ высокихъ сановниковъ не только не имѣть понятія о Словесности, но даже не знать Грамматики, не различать ѣ и е, и въ выраженіи *въ середу*, спрашивать иногда, какъ писать предлогъ *въ*: чрезъ ѳ или ф? Разбирая свои бумаги, я недавно нашелъ письмо къ Пушкину одного сильнаго, во время

оно, лица; я могу даже назвать его по имени, ибо письму прошло больше тридцати лѣтъ, т.-е., больше трехъ гражданскихъ давностей,—графа Бенкендорфа, письмо, гдѣ онъ сообщаетъ приговоръ нѣкоторымъ стихотвореніямъ Пушкина, и подписывается съ грубѣйшими грамматическими ошибками. Пушкинъ получилъ это письмо при мнѣ, и подарилъ его мнѣ на память, какъ знаменитую pièce justificative къ нашему времени. Можно себѣ представить, каково было поэту слышать себѣ судъ изъ устъ подобнаго знатока.

Преслѣдовать такое невѣжество, подвергать его стыду, осуждать дерзкое, наглое пренебреженіе къ отечественному языку—и вмѣстѣ возбуждать подобающее почтеніе къ Словесности и ея представителямъ, есть всеобщая потребность для нашего времени. Частными усиліями нельзя достигнуть цѣли. Общество, подобное Обществу Любителей Россійской Словесности ири Московскомъ Университетѣ, Общество, подобное Отдѣленію Русскаго языка при Академіи Наукъ, должны выступить на сцену, и, среди прочихъ обличеній, возгремѣть во всеуслышаніе, что нельзя, непозволительно, въ такомъ государствѣ, какъ Россія, имѣющая семдесятъ милліоновъ жителей, и занимающая пространство болѣе всей Европы, нельзя браться ни за какое важное дѣло, не зная Русской грамоты. Если же кому изъ высокихъ дѣятелей не случилось достичь до этой премудрости, то, по крайней мѣрѣ, они должны смиренно сознавать свое невѣжество, обливать его горькими слезами покаянія и смотрѣть съ достодолжнымъ почтеніемъ на людей, обрекшихъ себя на воздѣланіе высшей человѣческой способности, которою человѣкъ отличается отъ животныхъ, т.-е., слова, на людей, которые будутъ учить ихъ дѣтей сдѣлаться Европейскими, въ полномъ смыслѣ этого слова, гражданами, а не оставаться Азіатскими дикарями въ модныхъ фракахъ.

Такова первая, настоятельная, по моему мнѣнію, обязанность Общества Любителей Россійской Словесности. Мы постараемся достигать этой благородной цѣли публичными засѣда-

ніями, по крайней мѣрѣ, по разу въ мѣсяцъ; здѣсь будемъ выбирать, для чтенія, произведенія въ стихахъ и прозѣ, преимущественно способныя возбуждать любознательность, образовать вкусъ, познать уваженіе къ Наукѣ и Искусству, какъ лучшимъ, высшимъ, благороднѣйшимъ занятіямъ, доставляющимъ наслажденіе, выше всѣхъ баловъ, раутовъ, dejeuners dansant и folles journées.

Въ частныхъ нашихъ собраніяхъ намъ нужно, я думаю, заботиться объ опытахъ критики, основательной, безпристрастной, утвержденной на вѣковыхъ правилахъ здраваго смысла и вкуса, а не на прихоти критиковъ, или такъ называемыхъ рецензентовъ, критики, въ которой особенно ощущается у насъ недостатокъ, вслѣдствіе раздѣленія дѣйствующихъ нынѣ лицъ на поприщѣ Отечественной Словесности по приходамъ и кружкамъ. Всѣ они стараются, одни передъ другими, поднимать своихъ фетишей, теряющихъ впрочемъ, увы, съ каждымъ годомъ, напускное обаяніе, условный свой лажъ.

Общество наше, долженъ я заявить теперь предъ публикой, вмѣнило себѣ въ обязанность собирать свѣдѣнія біографическія и библіографическія о нашихъ прежнихъ классическихъ писателяхъ, и тѣмъ возобновить нить преданія, идущую отъ основателя и отца нашей Словесности, Ломоносова, нить прерванную въ послѣднее, или, вѣрнѣе сказать, въ предпослѣднее время, опрометчивыми и легкомысленными наѣздниками, и удалыми, но не удалыми молодцами Русской Словесности.

Съ этою цѣлью, одинъ изъ нашихъ членовъ, В. И. Ламанскій, занимается собраніемъ матеріаловъ для изданія полнаго собранія сочиненій Ломоносова, вмѣстѣ съ подробнымъ описаніемъ его жизни, подобно тому, какъ Я. К. Гротъ предпринялъ это въ отношеніи къ Державину. П. И Бартеневъ готовитъ полное жизнеописаніе Пушкина. М. Н. Лонгиновъ занимается собраніемъ матеріаловъ для изданія сочиненій Баратынскаго, къ коему введеніе вы сейчасъ услышите. С. Д. Полторацкій, Г. Н. Геннади, Лонгиновъ приготовляютъ матеріалы для изданія сочиненій князя Вяземскаго.

Наконецъ на насъ лежитъ священная обязанность—издать, какъ можно скорѣе, сочиненія нашихъ знаменитыхъ покойниковъ, коихъ потерю оплакиваетъ Словесность и Отечество: Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова, творца *Семейной Хроники*, *Записокъ ружейнаго охотника*, *Дѣтскихъ годовъ Багрова*;—Ивана Васильевича Кирѣевскаго, начинавшаго новый періодъ въ Исторіи Русскаго мышленія;—Алексѣя Степановича Хомякова, оставившаго большое историческое сочиненіе, множество разсужденій богословскаго и философскаго содержанія,—и сочиненія Константина Сергѣевича Аксакова, котораго грамматическія изслѣдованія возбудили такое участіе во всѣхъ друзьяхъ нашего образованія.

Работы, пріуготовленныя по всѣмъ симъ изданіямъ, начаты, а нѣкоторыя приближаются къ концу.

Могу еще нынѣ довести до свѣдѣнія публики, что монументальный, многолѣтній Словарь живого Русскаго языка, собранный Владиміромъ Ивановичемъ Далемъ, печатается, благодаря пожертвованію почтеннаго нашего сочлена А. И. Кошелева, хотя не такъ быстро, вслѣдствіе затрудненій типографскихъ. Первый выпускъ, состоящій изъ пятнадцати листовъ, выйдетъ, кажется, великимъ постомъ. Пословицы этого же неутомимаго дѣятеля, числомъ до тридцати тысячь, печатаются въ Чтеніяхъ Историческаго Общества.

Другой монументальный трудъ—это есть собраніе пѣсенъ Петра Васильевича Кирѣевскаго: второй выпускъ вышелъ въ свѣтъ, третій печатается. Мы приложимъ всевозможныя старанія ускорить, по возможности, изданіе четвертаго, и въ этомъ отношеніи надѣемся на неутомимую дѣятельность нашего почтеннаго сочлена П. А. Безсонова, принявшаго на себя трудъ изданія.

Замѣтимъ, что наше изданіе нашло послѣдователей: въ Петербургѣ вышелъ сборникъ народныхъ стиховъ; еще полнѣйшій и богатѣйшій готовится самимъ Безсоновымъ. Печатается сборникъ историческихъ пѣсень, независимо отъ сбор-

ника Кирѣевскаго, присланный Рыбниковымъ, изъ Олонца, покойному А. С. Хомякову.

Изъ прочихъ трудовъ могу довести до свѣдѣнія публики о переводѣ Мильтонова *Потеряннаго рая*, преднринятаго А. З. Зиновьевымъ, и изслѣдованіи по источникамъ о публичной Литературѣ въ Римѣ, А. М. Кубарева.

Вотъ, милостивые государи, краткое очертаніе нашихъ занятій, предположенныхъ нами въ нынѣшнемъ году.

Мнѣ остается сказать въ заключеніе, что я почту себя счастливымъ, если могу какъ-нибудь содѣйствовать ихъ успѣшному исполненію" [217]).

Въ Русской Рѣчи писали: „Лица, съѣхавшіяся утромъ 26 февраля, въ засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности, не могутъ, конечно, никакимъ образомъ сказать, что они убили время даромъ. Мы затрудняемся указать на какое-либо изъ прежнихъ засѣданій Общества, которое могло сравниться съ нимъ по занимательности и разнообразію. Засѣданіе открыто было рѣчью новаго президента М. П. Погодина. Не страшась прибѣгнуть къ казенной фразѣ, можемъ сказать, что рѣчь эта была прослушена съ удовольствіемъ именно потому, что почтенный академикъ успѣлъ избѣгнуть въ ней тѣхъ странныхъ выходокъ, безъ которыхъ рѣдко можетъ обойтись его краснорѣчіе" [218]).

LXVII.

27 апрѣля 1861 года, въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности, бывшемъ подъ предсѣдательствомъ М. П. Погодина, было прочитано: „Въ уваженіе заслугъ и дарованія стариннаго своего члена князя П. А. Вяземскаго, и желая выразить свое сочувствіе къ недавно отпразднованному въ Академіи Наукъ юбилею пятидесятилѣтней литературной его дѣятельности, положено: статью М. Н. Лонгинова, о заслугахъ князя П. А. Вяземскаго, прочесть въ публичномъ засѣданіи" [219]).

Самъ Погодинъ писалъ князю Вяземскому: „Написана статья большая, подробная и сильная противъ Петербургскихъ мародеровъ, съ обозрѣніемъ всей вашей литературной дѣятельности. Въ четвергъ я увижу ее. Мы сдѣлаемъ публичное засѣданіе въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности и прочтемъ ее торжественно, если она окажется удовлетворительною. Надѣюсь, что нѣкоторые изъ молодыхъ литераторовъ почестнѣе подадутъ свой голосъ“.

Въ другомъ письмѣ своемъ къ князю Вяземскому, Погодинъ писалъ: „Статья оказалась не столь значительною, какъ предполагалось сначала. Ее написалъ Лонгиновъ. Впрочемъ, хорошая и полезная. Начало ее журнальное и напечатается въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, а вторая половина, обозрѣніе вашихъ сочиненій, прочтемъ въ воскресенье, въ публичномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности“ [220]).

Наконецъ, 7-го мая 1861 года, состоялось, подъ предсѣдательствомъ М. П. Погодина, публичное засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности, въ которомъ присутствовали: С. А. Масловъ, А. Ф. Томашевскій, А. З. Зиновьевъ, И. С. Аксаковъ, П. А. Безсоновъ, Ѳ. Б. Миллеръ. В. М. Ундольскій, П. И. Бартеневъ, И. С. Тургеневъ, Г. Н. Геннади, Ѳ. В. Чижовъ и многочисленные посѣтители и посѣтительницы“.

Въ этомъ засѣданіи, М. Н. Лонгиновъ прочелъ о заслугахъ князя П. А. Вяземскаго. Кромѣ того, Погодинъ прочелъ *О кончинѣ Димитрія царевича*; а И. С. Аксаковъ—стихотвореніе Шевырева *Откликъ* [221]).

На другой день послѣ этого засѣданія, Погодинъ писалъ князю Вяземскому: „Прекрасно! Вмѣсто первой половины статьи, Лонгиновъ прочелъ краткое вступленіе, которое вышло очень хорошо: и рѣзко, и эффектно! Было выслушано съ большимъ сочувствіемъ, а стихи ваши, приведенные во второй половинѣ, всѣ были покрыты рукоплесканіями: *Первый снѣгъ*, *Волга*, *Палестина* и *Посланіе къ Северину*. Въ послѣднемъ, я боялся, чтобы упоминовеніе о Бѣлинскомъ не

вызвало знаковъ неудовольствія отъ молодежи-студентовъ, которыхъ было въ засѣданіи до пятидесяти, но нѣтъ; *Посланіе* все сполна было принято отлично. Статья кончена была стихами Тютчева: противъ фельетонной оцѣнки представили оцѣнку поэта поэтомъ, и финалъ нашъ удался какъ нельзя лучше. Хочется теперь вступленіе пропустить чрезъ *Московскія Вѣдомости*, но трудно: онѣ въ компаніи съ издателями Бѣлинскаго. Если не удастся, то пришлемъ въ *Петербургскія Вѣдомости*. Я очень радъ. Что ни говорятъ, а въ Москвѣ все-таки любятъ Словесность чище, чѣмъ въ Петербургѣ. Въ *Посланіи* я желалъ бы, чтобъ двусмысленности о Гарибальди было меньше. Собраніе было у насъ многолюдное. За билетами не было отбою" [222]).

Вотъ стихи въ *Посланіи* князя Вяземскаго *къ Д. П. Северину*, за которые боялся Погодинъ:

... Въ сей вѣкъ, свободы вѣкъ, терпимость не терпима.
Ты *Гарибальди* чти, а папу вонъ изъ Рима!..
Писатель я, иль нѣтъ? о томъ идетъ вопросъ;
Съ другими прочими, на дняхъ, и онъ возросъ.
По слѣдственнымъ дѣламъ журнальнаго судища,
И тѣнь *Бѣлинскаго* призвавъ изъ-за кладбища,
Диктаторъ всѣхъ живыхъ, всѣхъ мертвыхъ судія,
Едва-ль не порѣшитъ, что самозванецъ я [223].

Мы видѣли, что Погодинъ, въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности, посвященномъ князю П. А. Вяземскому, прочелъ свое изслѣдованіе *о кончинѣ Димитрія Царевича*. Желая знать о впечатлѣніи, производимомъ на слушателей его чтеніемъ, писалъ къ нѣкоему (*А. В.*): „Прошу васъ черкнуть два слова о впечатлѣніи статей, прочтенныхъ мною въ Обществѣ. Мнѣ интересно знать, для моихъ соображеній, поддерживается ли вниманіе и въ какой степени. Прошу объ искренности—потому что мнѣ нужны не похвалы, а вѣрныя замѣчанія".

А. В. со всею искренностію отвѣчалъ Погодину: „По требованію вашему быть съ вами откровеннымъ, скажу вамъ, что читанная вами въ послѣдній разъ статья произвела впе-

чатлѣніе не совсѣмъ хорошее: безконечные разговоры народа и прибаутки утомили публику и результатъ статьи не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ, гдѣ надѣялись, что вы назовете убійцу царевича Димитрія. Простите мою откровенность".

Заправилой по канцелярской части въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности во время предсѣдательства Погодина, былъ, кажется, И. С. Аксаковъ, что̀ можно заключить изъ слѣдующаго собственноручнаго письма его къ Погодину: „Посылаю вамъ листочка три оффиціальной бумаги. Впрочемъ, предупреждаю васъ: на такой бумагѣ не годится писать собственной рукой, — а рукой писаря. Теряется важность и, такъ сказать, ея отвлеченность (При этомъ замѣчаніи Погодинъ отмѣтилъ: *вѣрно*, *тонко*). Бумага становится чѣмъ то живымъ и менѣе формально-обязательнымъ. Подписавши письма къ Бенардаки и къ Шиповымъ, пришлите ихъ мнѣ. Да послали ли вы письмо къ Блудову? Если измѣненія ваши не ослабятъ смысла писемъ и не отдалятъ достиженіе цѣли, то я буду имъ очень радъ; если же ослабятъ, или же наложатъ слишкомъ *личный* вашъ собственно характеръ, то это не годится. Самое лучшее, измѣнивъ, пришлите все мнѣ, для переписки, или прикажите ихъ переписать Голубеву, но мнѣ пришлите во всякомъ случаѣ для отправки. Будьте послушнымъ предсѣдателемъ—и довѣрьтесь моему практическому такту".

Въ это время одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ Общества Любителей Россійской Словесности, П. А. Безсоновъ, печаталъ свой многолѣтній трудъ собраніе духовныхъ стиховъ *Калѣкъ Перехожихъ*.

Печатаніе этого монументальнаго изданія Безсоновъ производилъ на свои скудныя средства.

Посылая Погодину (21 августа 1861) третій выпускъ, издатель, писалъ ему: „Прошу вашей помощи, т.-е. мудрыхъ совѣтовъ. Изданіе трехъ выпусковъ обошлось мнѣ около тысячи пятьсотъ руб. сер., частію занятыхъ, частію вынутыхъ изъ обихода... Больше тратить не могу; при послѣднемъ

выпускѣ не хватило даже на отпечатку готовыхъ нотъ. Продано на пятьсотъ руб. сер. Вообще книга идетъ довольно хорошо и *въ теченіе года* каждый выпускъ можетъ окупиться. Но пускаться на четвертый выпускъ, какъ сказано, при моихъ средствахъ уже нельзя. А между тѣмъ, прочтите предисловіе къ третьему выпуску: матеріалу пропасть, еще на *пять* выпусковъ, притомъ все новаго, неизвѣстнаго. Матеріалъ хорошій и цѣнный, добытый пятнадцатью лѣтъ собиранія, важный въ настоящее время вымиранія старины и возникновенія простого народа къ жизни новой.—Цензура, которая духовныхъ стиховъ прежде не пропускала, теперь пропускаетъ.— Силъ, умѣнья издать, ревности — у меня теперь довольно. Жаль бросить это дѣло... На все изданіе никто не пожертвуетъ. Если бы мнѣ достать еще *на два выпуска*, то-есть *до тысячи р. сер.*, тогда бы отъ продажи пяти выпусковъ хватило и на выпуски остальные. Здѣсь и посовѣтуйте: къ кому изъ лицъ или обществъ обратиться? Демидовская и Уваровская преміи существуютъ для изданнаго, конченнаго, а не издаваемаго, не половиннаго, не будущаго; при томъ тамъ не принимается изданіе матеріаловъ, а изслѣдованія; я же изслѣдованіе могъ бы дать только вчернѣ и отрывкахъ. Да *годъ* нужно ждать рѣшенія. Посовѣтуете ли попытаться? Вы, можетъ статься, знаете, нельзя ли просить Академію Наукъ о подобномъ вспомоществованіи? Въ Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ боюсь обратиться: оно сердито на Любителей Россійской Словесности, которому посвящено мое изданіе и въ отказѣ котораго я участвовалъ (касательно устройства чтеній со сборомъ). Или и тутъ попытаться? Къ частнымъ лицамъ: но существуютъ ли нынѣ такія при всеобщемъ безденежьѣ. Солдатенкова спрашивалъ я года два назадъ: онъ отстранился, уклонился. Еще замѣтить: Воспоможеніе я разумѣю заимообразное, съ тѣмъ, чтобы данныя деньги возвратить по первой распродажѣ экземпляровъ изъ половинной суммы, или если бы помогло учрежденіе казенное, то могло бы взять экземплярами съ уступкою продажныхъ процен-

товъ. Пособите здѣсь: гдѣ можно, замолвите словечкомъ; гдѣ нужно, научите или посовѣтуйте; а будете писать кому во главѣ учрежденій и обществъ, то потрудитесь спросить, можно ли мнѣ рискнуть съ просьбою, чтобъ не получить афронта? Извините, что безпокою васъ: дѣло не лишено общественнаго интереса. У меня естественное чувство страха: при медленности, когда отложишь изданіе, не повторилось бы съ моимъ собраніемъ въ маломъ видѣ то же, что со Сборникомъ П. В. Кирѣевскаго en grand".

Наконецъ, Безсоновъ рѣшился обратиться за помощью къ Академіи Наукъ, и вмѣсто помощи, получилъ изъ Академіи отношеніе, отъ 4-го ноября за № 63, за подписью П. А. Плетнева, съ увѣдомленіемъ объ отказѣ во вспоможеніи.

Академія Наукъ основывала свой отказъ помочь Безсонову, по изданію его *Каликъ Перехожихъ*, на мнѣніи академиковъ Срезневскаго и Билярскаго, которое заключается въ слѣдующемъ: 1) Отдѣленіе не нашло возможности отдѣлить часть своихъ суммъ на предпріятіе *стороннее*.

Безсоновъ замѣчаетъ: *Изданіе драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ народнаго творчества,—стороннее для Отдѣленія Русскаго языка и Словесности въ Академіи Наукъ.*

2) „И притомъ не вполнѣ согласное съ планомъ и методою, которыхъ Отдѣленіе считало бы необходимымъ держаться въ подобномъ трудѣ".

Безсоновъ замѣчаетъ: *Этого плана и этой методы до сихъ поръ ни кто не видалъ въ изданіяхъ Отдѣленія; оно стиховъ не издавало. И прочія всѣ изданія онаго Отдѣленія, ограничивались доселѣ безпорядкомъ, расположеньемъ въ видѣ кучи одного стиха за другимъ. Въ первый разъ планъ и метода, какіе бы ни были, приложены къ изданію Безсонова. По крайности любопытно бы знать различія во взглядѣ Отдѣленія. Со времени своего существованія, оно напечатало народныхъ памятниковъ во сто разъ менѣе, чѣмъ Безсоновъ въ одинъ годъ послѣдній.*

На совѣты Академіи представить изданіе на Демидов-

скій конкурсъ, Безсоновъ замѣчаетъ: „Сдѣлать это могъ Безсоновъ и безъ совѣтовъ, по собственному праву. Ждать преміи—годъ: а прошеніе было для того, чтобы не прерывать начатаго“.

Но и для конкурса Отдѣленіе постановило Безсонову неодолимыя преграды: 1) „Переслать въ Отдѣленіе рукопись второй части его изданія“.

Безсоновъ замѣчаетъ: „Кто не знаетъ, что устные народные памятники записываются на клочкахъ и тетрадкахъ, спѣшно за поющимъ и большею частію карандашемъ? Переписать ихъ въ рукопись въ одну для Отдѣленія, стоило бы гораздо болѣе, чѣмъ можетъ ссудить оно въ премію. А послать всѣ клочки и тетрадки да рукописи древнія, — это сокровище, едва ли можно бы подвергать опасности, хоть бы ради всего Отдѣленія. Эти вещи не пересылаются заочно въ чужія руки“.

2) „Переслать тотъ отдѣлъ его изслѣдованія, который касается стиховъ первой уже изданной части“.

Безсоновъ замѣчаетъ: „Изслѣдованіе, касающееся стиховъ, также точно состоитъ въ курсѣ выписокъ и замѣтокъ. Начало его переписано, но оно вовсе не касается стиховъ, а лицъ *Каликъ Перехожихъ*, о чемъ ясно и подробно объяснено было въ прошеніи Безсонова. Явно хотѣли только выставить затрудненія. И кто же повѣритъ рукописное изслѣдованіе въ тѣ руки, которыя заявляли уже несогласное съ планомъ и методою, какъ препятствіе къ вспоможенію“?

Безсоновъ, получивъ отъ Академіи Наукъ отказъ, 21 ноября 1861 года, писалъ Погодину: „Отказъ обрываетъ всѣ мои занятія по изданію и изслѣдованію памятниковъ народной Словесности, а нравственно дѣйствуетъ на меня разрушительно. Не воруя по службѣ и содержа семейство изъ одиннадцати человѣкъ (съ постоянною надбавкою пріѣзжихъ Славянъ), я дополнялъ прежде свое жалованье, скудное сравнительно съ нынѣшней дороговизной, уроками или статьями. Полтора года тому назадъ, напалъ я на предметъ, искони для меня любимѣйшій: полтора года я отдалъ народнымъ

памятникамъ, Пѣснямъ П. В. Кирѣевскаго и Рыбникова, сдѣлалъ здѣсь не меньше всей Академіи II-го Отдѣленія и сдѣлалъ безкорыстно. Избытки противу жалованья, нужные на содержаніе, я надѣялся получить не изъ этихъ изданій, а отъ *Каликъ*. И получилъ бы: но это изданіе прервано. Прежде, чѣмъ отъ продажи трехъ выпусковъ, по нынѣшней плохой торговлѣ, получу я барыши, нужно будетъ еще заплатить нѣкоторые долги по изданію. А впереди—продажа неоконченной книги, со всѣмъ не та, что полной. И такъ, зачатые труды я вынужденъ бросить. Кончивъ четвертый выпускъ Пѣсень Кирѣевскаго, при которомъ намѣренно указываю теперь весь планъ и всѣ пріемы подобнаго изданія, я откажусь отъ продолженія. Второй томъ Пѣсень Рыбникова, совсѣмъ отдѣланный къ печати и частію отданный уже въ наборъ, остановленъ мной: извѣщаю о томъ Рыбникова. За симъ, по прежнему, даю уроки и пишу журнальныя статьи, чтобы выручить скорѣйшую плату. Это переломъ нравственный, который не могъ не отозваться во мнѣ. Хотя отказа Академіи я легко могъ ожидать, но, когда онъ послѣдовалъ, это все-таки данныя, освѣщающія положеніе дѣла: чего можно ожидать съ продолженіемъ моихъ занятій такого рода. Двѣнадцать лѣтъ собиралъ я стихи: собраніе мое конечно первое и лучшее въ Россіи. Такъ же давно ожидалъ я и цензурной возможности: она настала, изданіе начато лучше бывшихъ доселѣ,—и вотъ послѣдствія. Не шутя и безъ увеличенія, я готовъ бы, передавши куда либо старыя рукописи стиховъ, собраніе устныхъ уничтожить: такъ грустно мнѣ глядѣть на нихъ и видѣть ихъ все въ томъ же сундукѣ, и чувствовать матеріальное безсиліе справиться — при силахъ духовныхъ. Нужно бы выжидать, нужно бы выискивать новыя средства: но есть вѣдь раздѣленіе труда; я собиралъ, записывалъ, отыскивалъ, перетратилъ пропасть силъ, времени и денегъ; воспиталъ и образовалъ достаточныя силы для изданія, показалъ опыты; я не виноватъ, если при этомъ Богъ еще не далъ мнѣ способности отыскивать деньги на изданіе; я и

не знаю такихъ людей и обществъ, не бываю въ свѣтѣ, работаю, работаю въ комнатѣ. Въ васъ всегда я знаю довольно горячности, чтобы принять подобныя дѣла къ сердцу. Вамъ они *несторонтя*; вы опытны, знаете много людей, имѣете много связей. Не забудьте же моего, а вмѣстѣ вашего и народнаго дѣла: если откроется возможность, вспомните о какомъ человѣкѣ или обществѣ, откуда могло бы быть пособіе, встрѣтитесь, услышите или разговоритесь, — прошу васъ всѣми силами души, утрите поту. Если дѣло благоугодно Русскому Богу, онъ поможетъ".

Участіе въ судьбѣ трудовъ Безсонова принялъ И. С. Аксаковъ, и 26 января 1862 года, писалъ къ графинѣ Блудовой: „Я къ вамъ съ просьбою отъ Безсонова. Онъ, бѣдный человѣкъ, издаетъ, какъ вы знаете, драгоцѣннѣйшіе памятники: духовные стихи (*Калики Перехожіе*). Онъ желалъ помощи нѣкоторой (рублей пятьсотъ) отъ Академіи Наукъ, но Академія отвѣчала, что такое дѣло ей чужое. Разумѣется, графъ Дмитрій Николаевичъ и не знаетъ о такомъ рѣшеніи. Теперь онъ обратился съ письмомъ къ Головнину: въ случаѣ отказа онъ броситъ изданіе. Сдѣлайте милость, скажите Головнину, что Безсоновъ (чего онъ вѣрно не знаетъ) человѣкъ весьма извѣстный и съ авторитетомъ въ ученомъ мірѣ, и пріятель Самарина, Черкасскаго и пр. Только. Я надѣюсь, что Головнинъ, которому надо возстановить свою репутацію, послѣ слишкомъ усердныхъ распоряженій по Цензурѣ, воспользуется этимъ случаемъ".

Посмотримъ теперь какъ относилась Академія Наукъ къ другимъ капитальнымъ изданіямъ Общества Любителей Россійской Словесности.

Въ одномъ письмѣ своемъ къ Погодину, академикъ Срезневскій писалъ: „Въ свободныя минуты разсматриваю *Словарь* Даля. Кое-что не такъ, какъ бы хотѣлось видѣть; но за то сколько и прекраснаго. Особенно дороги народныя выраженія и синонимы. Авось либо хоть въ этотъ *Словарь* станутъ заглядывать наши писатели".

А когда Погодинъ предложилъ Далю представить свой *Словарь* на Демидовскую премію, то Даль отвѣчалъ: „На Демидовскую награду, *Словаря* не пошлю, 1-е) потому что за недоконченную вещь ничего не дадутъ; 2-е) что *мнѣ* въ особенности ничего не дадутъ; вы видѣли по предисловію къ пословицамъ, какъ Академія ко мнѣ расположена. Впрочемъ, каждому академику, если не ошибаюсь, предоставлено обращать вниманіе Академіи на сочиненія, не представленныя, но стоющія наградъ; стало быть, если захотятъ, то дадутъ и безъ моихъ поклоновъ; но этого не будетъ. А потому удовольствуйтесь тѣмъ, что вы первый виновникъ появленія *Словаря* въ печати; безъ вашихъ настояній—неизвѣстно и весьма сомнительно, чтò бы было“ [224]).

Послѣ лѣтнихъ каникулъ, Погодинъ открылъ засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности слѣдующею рѣчью:

„Открывая засѣданія Общества Любителей Россійской Словесности въ новомъ академическомъ году, я считаю долгомъ обратить вниманіе членовъ на мысль о критикѣ, предложенную мною еще въ первомъ нашемъ собраніи. Никогда, можетъ быть, не настояло такой нужды въ основательной, безпристрастной, чуждой всякихъ постороннихъ цѣлей, критикѣ, какъ теперь, когда Литература наша столь рѣзко дѣлится на разные приходы, которые поютъ и вопіютъ каждый по своимъ нотамъ, читаютъ каждый по своимъ книгамъ, и молятся только тельцамъ доморощеннымъ, знать не хотятъ ни о какихъ каноническихъ святцахъ. Дѣдушка Крыловъ разсказалъ намъ исторію двухъ добрыхъ людей, слушавшихъ проповѣдника:

Когда изъ Божьяго міряне вышли дому,
„Какой пріятный даръ“!
Изъ слушателей тутъ сказалъ одинъ другому:
„Какая сладость, жаръ!
Какъ сильно онъ влечетъ къ добру сердца народа!
А у тебя, сосѣдъ, знать черствая природа,
Что на тебѣ слезинки не видать?
Иль ты не понималъ“? — „Ну, какъ не понимать!
Да плакать мнѣ какая стать:
Вѣдь я не здѣшняго прихода“.

Новые наши прихожане оставили за собою далеко басню. Равнодушіе, безучастіе, можно бы еще перенести: нѣтъ, они безъ зазрѣнія совѣсти принимаются ругать и поносить чужую проповѣдь, какими бы достоинствами она ни отличалась. Каждый журналъ спрашиваетъ у насъ прежде всего объ имени сочинителя и его формулярномъ спискѣ: какого онъ вѣроисповѣданія, куда приписанъ, чтò онъ говорилъ тогда-то, и чтò онъ думаетъ о томъ нынче. Нашъ онъ есть Исакій— тогда мы поднимемъ его до небесъ: онъ философъ, эстетикъ, публицистъ. И морочится публика, и приводится въ заблужденіе поколѣніе, и останавливается Наука въ своемъ развитіи!

Кромѣ пристрастныхъ разборовъ, вы встрѣчаете общія мѣста, изложенія, извлеченія. Мы можемъ указать нѣсколько примѣчательныхъ сочиненій, вышедшихъ въ послѣднее время,— а критики ни одной. Одна партія, завладѣвшая сценою, шумитъ о Бѣлинскомъ, но гдѣ же статья, которая показала-бъ его значеніе, объяснила бы его достоинства и недостатки, растолковала-бъ, что имъ пущено въ ходъ, что остановлено, чему дана жизнь. Слѣдовательно, о своемъ Магометѣ эти господа не умѣютъ сказать ничего дѣльнаго, а о прочихъ и пôготову!

При самомъ основаніи нашего Общества, я настаивалъ на необходимости критики. Повторяю то же и теперь. Мы до сихъ поръ исполнили преимущественно одну часть нашей задачи — публичныя засѣданія, которыя такъ благосклонно приняты Московскою публикою: мы не успѣвали наготовить билетовъ, изъ-за которыхъ происходили ссоры. Ни одного пустого мѣста не оставалось никогда въ нашей обширной залѣ. Чтенія происходили всегда среди тишины, смѣю сказать, благоговѣйной, и выраженія благодарности раздавались неумолчно послѣ всякаго собранія. Все это происходило предъ лицемъ всей, такъ сказать, Москвы, и между тѣмъ нашлись вѣстовщики, которые, не обинуясь, разглашали все навыворотъ. Привожу этотъ разительный примѣръ въ дока-

зательство вышесказанныхъ словъ моихъ о приходахъ и междоусобной ненависти.

Критика спокойная, ученая, благородная, не отъ одного лица, а отъ лица Общества, принесла-бъ несомнѣнную пользу, содѣйствовала-бъ къ исправленію общественнаго мнѣнія, къ водворенію вкуса, къ возстановленію здравыхъ понятій о Наукѣ. Вмѣстѣ—она представляла-бъ много случаевъ поднимать какіе угодно новые вопросы.

По моему мнѣнію, Общество, въ частныхъ своихъ засѣданіяхъ, разсуждая о новыхъ примѣчательныхъ явленіяхъ Словесности, должно большинствомъ голосовъ препоручать ихъ разборы тѣмъ изъ своихъ членовъ, кто преимущественно занимался предметами, къ нимъ относящимися, и по литературнымъ отношеніямъ можетъ разсуждать о нихъ свободнѣе, безпристрастнѣе.

Въ нынѣшнее засѣданіе, мы получили первый выпускъ *Толковаго Словаря* Даля, и я имѣю честь предложить—просить нашихъ членовъ, профессоровъ Русской и Славянской Словесности: Шевырева, Буслаева, Срезневскаго, Бодянскаго и прочихъ, чтобъ они сказали свое мнѣніе. Имѣю честь еще указать на одного воспитанника Московскаго Университета, бывшаго учителя Гимназіи, Лавдовскаго, который много занимался по этой части.

Примѣчательнѣйшимъ изданіемъ прошлаго года должно почесть *Очерки* и *Христоматію* Буслаева. Въ *Библіотекѣ для Чтенія* помѣщенъ дѣльный разборъ Т. И. Филиппова, но это такой трудъ, о которомъ многіе могутъ еще найти сказать много.

Девятый томъ *Исторіи* Соловьева любопытенъ по обнародованію новыхъ документовъ, запертыхъ доселѣ, о патріархѣ Никонѣ. Знатоки необходимо должны разсмотрѣть, въ какой степени авторъ ими воспользовался для объясненія этой важной личности, тѣмъ болѣе, что вторая часть *Записокъ Археологическаго Общества* представляетъ еще новыя важныя дополненія.

Наше время неблагопріятно для Словесности, собственно такъ называемой. Вниманіе публики обращено совершенно въ другую сторону, и ее занимаютъ совсѣмъ иные вопросы. Словесность отходитъ на задній планъ. Обязанные однако же по уставу продолжать свои занятія, мы постараемся выбрать средину и представить вамъ такія статьи, которыя болѣе или менѣе имѣютъ отношеніе къ современнымъ обстоятельствамъ. Я, съ своей стороны, беру предметомъ разбора сочиненіе барона Корфа о *жизни Сперанскаго*, и въ настоящемъ случаѣ представлю его критическій разборъ" [225]).

LXVIII.

Еще въ 1856 году, Погодинъ писалъ барону Корфу: „Послушайте меня, затворника, который давно уже смотритъ на міръ изъ глубины своей уединенной кельи и проводитъ жизнь въ размышленіяхъ о судьбѣ царствъ, народовъ и людей (мнѣ уже 56 лѣтъ). Есть двѣ Россіи: одна внѣшняя, оффиціальная, назовемъ ее хоть Петербургскою. Другая—внутренняя. Онѣ идутъ, кажется, порознь, своими дорогами... Та и другая имѣетъ своихъ дѣятелей. Вамъ выпалъ жребій дѣйствовать въ обѣихъ. Внутренняя Россія ожидаетъ, требуетъ отъ васъ біографіи Сперанскаго".

Это ожиданіе исполнилось и требованіе удовлетворилось.

Въ 1861 году, въ С.-Петербургѣ, съ высочайшаго соизволенія, баронъ М. А. Корфъ выпустилъ въ свѣтъ многолѣтнее сочиненіе свое *Жизнь графа Сперанскаго*.

Въ предисловіи къ этой книгѣ, мы, между прочимъ, читаемъ: „Лѣтъ за пятнадцать или болѣе, тому назадъ, мы задумали одинъ большой трудъ (впослѣдствіи неосуществившійся), для котораго собрали, между прочимъ, и матеріалы къ жизнеописанію Сперанскаго... Характеръ простого повѣствователя мы старались сохранить въ продолженіе всего нашего труда, и если, за всѣмъ тѣмъ, въ немъ высказались, невольно, нѣкоторыя наши личныя впечатлѣнія и мнѣнія, то

никогда мы не думали предрѣшать ими будущій судъ Исторіи... Ей, а не намъ, — близкимъ современникамъ, слѣдовательно судьямъ не безстрастнымъ, — принадлежать будетъ опредѣленіе истиннаго мѣста, которое долженъ занять Сперанскій въ лѣтописяхъ Русской государственной жизни, его вліяніе на нашъ общественный организмъ и степень его участія въ развитіи нашихъ политическихъ идей. Бывъ свидѣтелемъ и нерѣдко участникомъ событій того времени, собиратель и редакторъ настоящихъ матеріаловъ нѣкогда служилъ подъ начальствомъ Сперанскаго, многіе годы работалъ подъ его руководствомъ, потомъ оставался частнымъ его собесѣдникомъ и, до самой смерти, къ нему близкимъ. Эти благопріятныя условія дали возможность узнать разныя драгоцѣнныя подробности, которыя, при другихъ обстоятельствахъ, могли бы остаться неизвѣстными" [226]).

До печати баронъ Корфъ счелъ долгомъ представлять свое сочиненіе въ тетрадяхъ на разсмотрѣніе ученика Сперанскаго, императора Александра II-го.

26 іюня 1861 года, Корфъ писалъ А. Ѳ. Бычкову: „Государь, уѣзжая вчера изъ Царскаго Село въ Петергофъ, изволилъ мнѣ сказать, что никакъ не успѣлъ еще удосужиться прочесть мои тетради, но надѣется сдѣлать это на наступившей недѣлѣ".

Вскорѣ послѣ того, баронъ Корфъ сообщилъ Бычкову, что Государь „пишетъ, что прочелъ все съ любопытствомъ и не встрѣчаетъ никакого препятствія къ напечатанію, кромѣ двухъ небольшихъ выносокъ въ статьѣ объ Аракчеевѣ, которыя приказываетъ исключить. Эти двѣ выноски суть первыя во всей статьѣ: одна—письмо Карамзина къ его брату; другая — о сарказмѣ *бѣсъ* вмѣсто *безъ*".

Вотъ эти выноски: 1) „Говорятъ",—писалъ Карамзинъ,— „что у насъ теперь только *одинъ* вельможа: графъ Аракчеевъ. Богъ съ нимъ и со всѣми! Не будетъ ничего безъ воли Провидѣнія". 2) Девизъ, который былъ пожалованъ въ гербъ Аракчееву, еще въ его молодости, императоромъ Павломъ

(*безъ лести преданъ*), Русскій безпощадный сарказмъ уже тогда, перемѣною двухъ буквъ (вмѣсто *безъ—бѣсъ*) далъ другой смыслъ этому девизу, никогда не оправданному дѣйствіями хитраго честолюбца".

Государь противъ этихъ выносокъ отмѣтилъ (въ Петергофѣ, 29 іюня 1861 года): *Два эти примѣчанія совершенно излишнія и ихъ печатать не слѣдуетъ.*

2 іюля 1861 года, баронъ Корфъ писалъ Бычкову: „Отсылая къ его величеству послѣднюю мою главу, я взялъ осторожность написать докладную записку, и вамъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичь, вѣрно пріятно будетъ увидѣть, съ какими подписями она возвратилась". Императоръ Александръ II написалъ (въ Петергофѣ, 1 іюля 1861 г.) слѣдующее: *Характеристику Сперанскаго нахожу весьма безпристрастною и справедливою*" [227]).

Среди печатанія своего сочиненія, 28 іюля 1861 года, баронъ Корфъ на нѣсколько дней отправился въ Москву. Тамошніе почитатели барона Корфа задумали устроить въ честь его обѣдъ, а Погодинъ приготовилъ слѣдующую рѣчь:

„Царства созидаются и падаютъ, конституціи пишутся и стираются, права и преимущества пріобрѣтаются и утрачиваются. Сколько крови, сколько слезъ пролито при разыгрываніи драмъ историческихъ! А по биржамъ, на какія хитрости поднимаются алчные банкиры, чтобъ натаскать къ себѣ въ подвалы побольше золота, и провести олуховъ, особенно сѣверныхъ! На поприщѣ службы, чего ни готовъ бываетъ сдѣлать иной честолюбецъ, чтобъ украситься лентою покрасивѣе, поголубѣе, или надѣть себѣ на шею гоголевскаго Владиміра 3-й степени. Какіе труды, заботы, суеты и хлопоты. Богъ съ ними! Что намъ до этихъ вольныхъ мучениковъ и страдальцевъ — любителей. То ли дѣло наша дѣятельность, наши удовольствія, наслажденія, радости, и даже наши горести. Найдется послѣ многолѣтнихъ, усиленныхъ, настойчивыхъ трудовъ, неизвѣстная библіографамъ первопечатная книга, incunabula, чистая, полистая, съ выходнымъ листомъ, предисловіемъ и послѣсло-

віемъ—кто возьмется описать чувства охотника! А харатейная рукопись XII, а можетъ быть и XI вѣка, въ которой подъ Кирилловскими начертаніями мелькаютъ слѣды Глаголиты, столько вздорожавшей, благодаря безкорыстнымъ трудамъ Ѱ-на S. Да одинъ юсъ—какой сладостный трепетъ произведетъ въ сердцѣ, юсъ, замѣняющій собою я, е, ю, и выражающій носовые звуки: анъ, енъ, онъ, достигшій славы чуть не іероглифа, съ непосредственными отношеніями къ Санскриту, съ которымъ на бѣду такъ коротко познакомились наши филологи.

Сколько же такихъ сокровищъ, рѣдкостей и единственныхъ образчиковъ, собраны барономъ М. А. Корфомъ, въ продолженіи своего управленія, на радость и утѣшеніе охотниковъ и знатоковъ! Какъ устроена его Библіотека — вы сами знаете. Ни одно Европейское заведеніе въ этомъ родѣ не можетъ состязаться съ нею. Книги сами скачутъ съ полокъ въ руки читателей, да еще съ коврижками; листовъ переворачивать вамъ не надо; чернила, бумага, перья самопишущія, къ вашимъ услугамъ; стулья, съ мягкими подушками, двигаются около столовъ, и самъ князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій долженъ отказаться отъ мысли прибавить что-либо къ здѣшнимъ удобствамъ. Остается только придумать машину для содѣйствія читателямъ къ уразумѣнію того, что они читаютъ,—машину, о которой уже думаютъ. Ну, какъ выдумаетъ и ее благопромыслительное начальство!

Да продлятся же дни такого безпримѣрнаго управленія въ безконечность. Да найдетъ баронъ Корфъ обѣ Краковскія *Тріоди* съ первымъ листомъ, Венеціанскій *Часословъ* 1493 года, напечатанный Андреемъ de-Thoresanis, и Цетинскій *Молитвенникъ* вмѣстѣ съ Московскимъ *Евангеліемъ* Ивана Ѳедорова, Гастунскаго діакона. Да дополнится имъ мое Венеціанское собраніе, поступившее вмѣстѣ съ прочими въ Петербургскую Библіотеку, до назначеннаго Шафарикомъ числа 44, и даже перейдетъ эти столбы Геркулесовы.

Горько, тяжело мнѣ было разстаться, скажу здѣсь кстати, съ моимъ Древлехранилищемъ, которое собиралъ я лѣтъ трид-

цать,—и только мысль, что оно поступаетъ въ такія руки, подъ такое просвѣщенное и зоркое наблюденіе, избавляясь отъ опасности деревяннаго дома, гдѣ помѣщалось прежде, меня утѣшала и останавливала мои горячія слезы.

Да здравствуетъ другъ книжнаго дѣла, баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ! Провозглашая его здравицу, я приношу въ даръ Библіотеки древній драгоцѣнный замокъ, съ означеніемъ 1643 года, пріобрѣтенный мною недавно, благодаря усердію моего дѣятельнаго коммиссіонера, Дементія Васильева Пискарева.

Вотъ онъ, мм. гг., полюбуйтесь имъ! Я надѣюсь, что никакая крѣпость, Бобруйская, Динабургская, Брестская, не имѣетъ права на него болѣе той горницы, гдѣ, по мысли барона Корфа, на цѣпяхъ содержатся Европейскіе зачатки типографскаго искусства.

Пусть этотъ замокъ послужитъ символомъ и вмѣстѣ залогомъ, охраною, той цѣлости,—которая вмѣстѣ съ искусствомъ умножать и дополнять—составляетъ главное достоинство библіотечнаго управленія.

Мм. гг. Многія лѣта знаменитому библіофилу, библіоману и библіотекарю, барону Модесту Андреевичу Корфу" [228])!

По возвращеніи изъ Москвы, утромъ, 22 апрѣля 1861 года, баронъ Корфъ посѣтилъ В. А. Муханова и послѣдній записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Баронъ М. А. Корфъ возвратился изъ Москвы не съ благопріятными впечатлѣніями. Онъ находитъ, что тамъ на каждомъ шагу несообразности: Арбатскія и Тверскія ворота, а воротъ нѣтъ; Кузнецкій мостъ, а моста нѣтъ. Властей также не оказывается: генералъ-губернаторъ, гражданскій губернаторъ, оберъ-полиціймейстеръ—не люди, а какія-то тѣни. Плохія мостовыя, на которыхъ экипажъ изъ одной ямы падаетъ въ другую; духовенство, кромѣ небольшого числа священниковъ, пользующихся уваженіемъ и заслуженною репутаціею, ниже посредственности. Посѣщеніе самого митрополита не удовлетворило барона Корфа. Кажется, оба они не хотѣли высказываться, оставались другъ

противъ друга на стражѣ и разговоръ такимъ образомъ между ними не имѣлъ ничего значительнаго. И митрополиту отъ пріѣзжаго пришлось узнать, что въ Кіевѣ отпускъ при окончаніи Богослуженія происходитъ при закрытыхъ царскихъ вратахъ, и что на митрахъ въ томъ же городѣ изображенъ крестъ."

LXIX.

По свидѣтельству А. Ѳ. Бычкова, въ срединѣ сентября 1861 года, печатаніе книги *Жизнь графа Сперанскаго* было окончено.

„Не знаю,—писалъ баронъ М. А. Корфъ А. Ѳ. Бычкову,—какая участь ожидаетъ мою книгу и со стороны будущихъ ея читателей, если такіе найдутся, и со стороны критики, особенно при нынѣшнемъ ея направленіи и тонѣ; точно также недоумѣваю о томъ, что ожидаетъ автора, сколько онъ ни старался оградить себя всевозможными гарантіями, но по крайней мѣрѣ въ собственныхъ моихъ глазахъ, написавъ и издавъ эту книгу, я прожилъ на свѣтѣ не совсѣмъ безполезно и, думаю, совершилъ вмѣстѣ и подвигъ гражданскаго мужества, ибо легко себѣ представить, какъ возопіетъ камарилла и длинный ея хвостъ. *Каменіемъ побіютъ*—какъ говаривалъ Сперанскій. А передовая партія все-таки тоже будетъ недовольна—за умолчанія и за выставку на показъ императора Николая" [229])...

„Я объѣлся Сперанскимъ",—писалъ Лонгиновъ Погодину [230]).

Никитенко, въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 15 октября 1861 г., отмѣтилъ: „Корфъ написалъ книгу *Жизнь Сперанскаго.* Сегодня я слышалъ отъ одного умнаго человѣка такое о ней сужденіе: Подлая, скверная книга.—Отчего,—спросилъ я,—такое немилостивое сужденіе? Строгій судія рѣшительно ни одного слова дѣльнаго не сказалъ о ея недостаткахъ, а только общія мѣста, что книга не полна, что Сперанскій былъ ве-

личайшій человѣкъ и пр. Книга, конечно,—сказалъ я,—имѣетъ и даже значительные недостатки. Но чтобы назвать ее подлою и скверною, надо прочесть ее съ предвзятымъ намѣреніемъ найти ее такою" [231]).

Познакомившись съ книгою Корфа, А. О. Россети писалъ своей сестрѣ А. О. Смирновой: „Я вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что говоришь о книгѣ Корфа, но общее мнѣніе противъ Сперанскаго. Корфъ умѣлъ и надолго очернить память Сперанскаго. По моему книга дурна, а поступокъ еще хуже".

Въ бытность свою въ Москвѣ, В. А. Мухановъ, при свиданіи съ митрополитомъ Филаретомъ бесѣдовалъ съ нимъ о книгѣ барона Корфа. Владыко говорилъ, что „не одна зависть служила поводомъ, что подозрѣвали Сперанскаго, и въ примѣръ приводилъ князя А. Н. Голицына".

По возвращеніи въ Петеркургъ, В. А. Муханова посѣтилъ графъ Д. А. Толстой и тоже бесѣдовалъ съ нимъ о книгѣ Корфа. Сперанскаго графъ Толстой „сильно подозрѣваетъ въ измѣнѣ".

Погодинъ писалъ Шевыреву: „Въ Литературѣ новостей примѣчательныхъ: Жизнь Сперанскаго, Корфа. Прочелъ.— Исполненная всякихъ интересовъ книга; увлекся и пишу о ней статью, но не для печати, отъ которой отказался. Прочее—вздоръ. Журналы и газеты пусты. *Русскій Вѣстникъ*— опустился до нельзя да и *Современная Лѣтопись* очень скучна" [232]).

М. А. Максимовичу Погодинъ писалъ: „А въ Литературѣ-то какая дребедень! Только и услышишь порядочное слово, что отъ стариковъ. А вы, новые и молодые, ну-тка!.. Жизнь Сперанскаго гальванизировала меня въ послѣднее время, а то я совсѣмъ было съ досады осовѣлъ! Теперь опять принялся за работу, и за ушами пищитъ! А ты, братъ, лѣнивъ— воля твоя. Ну, что же ты не пишешь своихъ воспоминаній! Вѣдь сколько любопытнаго и поучительнаго ты успѣлъ бы сказать тутъ. Засучи-ка рукава! Мнѣ надо порѣшить съ Древней Русской Исторіей, а то и я примусь" [233]).

Кокоревъ, узнавъ, что Погодинъ восхищается книгою барона Корфа, писалъ ему: „Что вы такое нашли въ жизни Сперанскаго? Что это васъ тамъ вдохновило? И неужели какой-нибудь баронъ, а тѣмъ болѣе Корфъ, можетъ вдохновить! Я не читалъ книги и потому пишу эти строки, говоря коротко, безъ разума“ [234]).

О ходѣ работъ Погодина надъ книгою Корфа свидѣтельствуетъ его *Дневникъ*:

Подъ *7 октября 1861*: „Прочелъ первую часть Сперанскаго и проглотилъ. Взрѣлись мысли“.

— *8* — —: „Письмо къ Корфу. Прочелъ второй томъ Сперанскаго и думалъ“.

— *9* — —: „Весь день писалъ о Сперанскимъ въ волненіи, и радъ былъ ему“.

— *10* — —: „Перебралъ вторую часть Сперанскаго и думалъ и мечталъ“.

— *11* — —: „Перебиралъ первую часть и выписывалъ. Думалъ о жизни и жизняхъ“.

— *13* — —: „Писалъ о Сперанскомъ и пишется. Устанавливается отлично“.

— *14* — —: „Обѣдалъ у Давыдова. О Сперанскомъ. Драгоцѣннѣйшія извѣстія. Поутру писалъ о Сперанскомъ. Мечталъ“.

— *15* — —: „Надъ Сперанскимъ, но меньше. Мысль писать разборъ для Демидовской преміи. Мечталъ“.

— *16* — —: „Работалъ надъ Сперанскимъ“.

— *17* — —: „Работалъ довольно хорошо о Сперанскомъ и довелъ до свиданія“.

— *18* — —: „Надъ Сперанскимъ“.

— *20* — —: „Хоть утро прошло такъ, но все-таки ввечеру дѣло наладилось и я обработалъ очеркъ, и приводилъ окончаніе“.

— *22* — —: „Пишется, но вяло“.

— *23* — —: „Пишется, но туго“.

— *24* — — : „Писалъ Сперанскаго. Письмо къ Де-Санглену“.

— *25* — — : „Надъ Сперанскимъ“.

— *26* — — : „ Къ Мамонтову и рѣшился остаться. Игралъ съ Мамонтовымъ. Выѣхалъ со страхомъ уже въ 12 часу. Заждались меня дома и было совѣстно“.

— *27* — — : „Кончилъ очеркъ Сперанскаго. Всталъ поздно и въ непріятномъ расположеніи духа послѣ празднаго дня“.

— *28* — — : „Обѣдалъ въ Клубѣ. Не помню что. Къ Де-Санглену, и разспрашивалъ его о Сперанскомъ“.

— *24 ноября 1861 г.* „Обработалъ обвиненія Сперанскаго“.

— *25* — — : „Писалъ о Сперанскомъ“.

— *26* — — : „Писалъ о Сперанскомъ“.

— *27* — — : „Писалъ еще о Сперанскомъ“.

— *28* — — : „Написалъ и устроилъ. Пермь и Великополье“.

— *1 декабря* — : „Кончилъ Пензу съ затрудненіемъ и отхваталъ Сибирь“.

— *5* — — : „Обработалъ Сперанскаго“.

Но статья Погодина о Сперанскомъ, написанная въ 1861 году, появилась въ свѣтъ только черезъ десять лѣтъ, и для огражденія статьи своей отъ цензуры того времени, Погодинъ написалъ къ ней слѣдующее вступленіе: „Можно ли говорить свободно о такой книгѣ, гдѣ главную роль играетъ императоръ Александръ I, и гдѣ главный предметъ составляютъ высшіе государственные вопросы? Можемъ ли мы судить о времени императора Александра I-го, и произносить свой приговоръ дѣйствіямъ его министра, слѣдственно и его собственнымъ дѣйствіямъ?

Еслибъ предложить такой вопросъ за границею, въ Англіи, Германіи, Франціи, всѣ слушатели разразились бы громкимъ хохотомъ: какое сомнѣніе можетъ быть въ правѣ разсуждать о лицѣ, подобномъ императору Александру, принадлежащемъ

Исторіи? Какое сомнѣніе можетъ быть въ правѣ говорить объ Европейскихъ событіяхъ, которымъ минуло слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ?

А если Англичане, Нѣмцы, Французы, могутъ говорить и писать объ императорѣ Александрѣ I и его министрахъ, то Русскіе кольми паче; потому что только Русскіе имѣютъ средства оцѣнить всѣ обстоятельства; только Русскіе видятъ всѣ послѣдствія, испытывая на себѣ ихъ вліяніе; только они знаютъ почву событій, ощущаютъ воздухъ, могутъ догадываться, откуда дулъ вѣтеръ, могутъ поймать неуловимые для другихъ оттѣнки. Русскіе только могутъ доставить иностранцамъ матеріалы для ихъ соображеній и умозаключеній, для Науки.

Безъ Русскихъ въ этомъ случаѣ иностранцы шагу ступить не могутъ, обреченные на вранье, которое мы безпрестанно и слышимъ, когда рѣчь зайдетъ о Россіи и ея отношеніяхъ.

Чѣмъ же мы можемъ остановить ихъ вранье?

Доставленіемъ имъ вѣрныхъ свѣдѣній. А если мы будемъ молчать, такъ откуда-жъ имъ взять истины, и чѣмъ они будутъ виноваты? Виноваты будемъ мы передъ лицемъ Науки, Исторіи, передъ лицемъ Европы, передъ лицемъ человѣческаго образованія, развитія, если будемъ продолжать молчать, въ виду мнимыхъ опасностей, то есть, вѣтренныхъ мельницъ, на другой сторонѣ, чѣмъ Донкихотовы, построенныхъ.

Достоинства и заслуги императора Александра въ Русской, и еще болѣе въ Европейской Исторіи, такъ велики и обширны, что ему и его почитателямъ нечего опасаться за его славу, а горячіе слѣды свидѣтельства очевидцевъ, разсужденія современниковъ, ничѣмъ замѣнены быть не могутъ и наоборотъ, невѣрныя показанія ихъ изъ вѣка въ вѣкъ сдѣлаются источникомъ ошибокъ.

Слѣдовательно, не только мы имѣемъ право, но имѣемъ священную обязанность говорить и судить объ императорѣ Александрѣ I, и наше робкое сомнѣніе есть логическій поп-

sens, повторяемый нами безъ всякаго основанія, по привычкѣ; есть самый жестокій приговоръ прежней системѣ, оставившей такія болѣзненныя впечатлѣнія; есть наконецъ нравственная гражданская проказа, отъ которой мы должны всѣми средствами, хоть подъ исходъ тысячелѣтія, исцѣляться.

Графъ Аракчеевъ завѣщалъ сумму, которая должна возрасти до милліона рублей къ назначенному сроку, за сочиненіе лучшей Исторіи императора Александра I.

Онъ думалъ тѣмъ отблагодарить своего несравненнаго благодѣтеля за полученныя благодѣянія, воздвигнуть ему прочный монументъ, засвидѣтельствовать предъ лицемъ свѣта свое неограниченное къ нему благоговѣніе. Публика Русская и иностранная удивилась такой безпримѣрной наградѣ.

Еслибы графъ Аракчеевъ, вмѣсто этого милліона, оставилъ простыя записки о своей жизни, и искренній древникъ, вѣрный отчетъ о своихъ разговорахъ съ императоромъ Александромъ, безъ всякихъ украшеній, безъ всякихъ притязаній на искусство, то Исторія была бы ему гораздо благодарнѣе, а потомство готово было бы заплатить ему за нихъ лучше свой собственный милліонъ заднимъ числомъ, чѣмъ получить отъ него. Что будетъ дѣлать Исторія съ Аракчеевскимъ милліономъ, если ей останется почерпать для своихъ показаній только изъ современныхъ газетъ и реляцій, въ которыхъ до правды добраться трудно?

Такую или подобную услугу, могли-бъ оказать Александру и другія лица, къ нему близкія: Волконскій, Голицынъ, Кочубей, Новосильцовъ; но никому изъ нихъ, кажется, и не приходило того въ голову, за недостаткомъ политическаго гражданскаго развитія, хоть и толковали они много о своей привязанности, и клялись часто о своей преданности!

Есть еще люди теперь, которые могли бы, если не восполнить, то, по крайней мѣрѣ, сколько-нибудь замѣнить этотъ недостатокъ: Нессельродъ, Меншиковъ, Закревскій.

О, еслибъ эти строки могли побудить кого-нибудь изъ

нихъ взяться за перо, или передать свои свѣдѣнія довѣреннымъ лицамъ!

Повторяю, мы не только имѣемъ право, но имѣемъ обязанность писать и судить объ императорѣ Александрѣ. Молчаніе есть преступленіе предъ Исторіею и грѣхъ предъ его памятью.

На этихъ основаніяхъ, приступаю къ разбору важнаго историческаго сочиненія, обогатившаго нашу скудную въ этомъ родѣ Литературу. Долженъ прибавить, что разборъ этотъ для меня пріятенъ въ особенномъ отношеніи. Въ Исторіи Русской и Всеобщей, есть много важныхъ вопросовъ, въ коихъ, по недостатку свѣдѣній, должно прибѣгать къ догадкамъ и предположеніямъ, а провѣрить ихъ нечѣмъ. Баронъ Корфъ, безъ сомнѣнія, знаетъ гораздо больше, нежели сколько написалъ. По особеннымъ, вѣроятно уважительнымъ причинамъ, онъ не досказалъ многаго; онъ долженъ былъ умалчивать, а критикъ имѣетъ полное право догадываться, предполагать, и слѣдовательно, критикъ занимаетъ въ этомъ отношеніи положеніе гораздо выгоднѣе автора. Критикъ не отвѣчаетъ за вѣрность своего предположенія или объясненія, всегда почти условнаго, между тѣмъ, какъ авторъ долженъ говорить положительно, чего по времени, обстоятельствамъ, по мѣсту, ему можетъ быть нельзя. Я буду имѣть честь предложить свои соображенія на судъ автора, съ просьбою произнести имъ приговоръ, такъ или иначе, на основаніи извѣстныхъ ему данныхъ. Въ дѣлѣ исторической критики узнать причину своей ошибки бываетъ пріятно, а угадать еще пріятнѣе".

Главнымъ источникомъ для критической статьи Погодина послужили свѣдѣнія, полученныя имъ отъ Якова Ивановича Де-Санглена, которому Погодинъ посылалъ свою статью тетрадями, какъ хорошо знакомому со всѣми обстоятельствами десятыхъ годовъ прошлаго XIX-го столѣтія и просилъ его дѣлать свои замѣчанія.

По свидѣтельству Погодина, Яковъ Ивановичъ Де-Сан-

гленъ „служилъ начальникомъ Тайной Полиціи при министрѣ Балашовѣ, былъ нѣсколько времени очень близокъ къ императору Александру, имѣлъ отъ него важныя порученія, опечатывалъ вмѣстѣ съ Балашовымъ бумаги Сперанскаго въ день его ссылки".

О своихъ личныхъ отношеніяхъ къ Де-Санглену Погодинъ пишетъ: „Восьмидесятишестилѣтній старецъ, разбитый параличемъ, не смотря на свои лѣта и болѣзни, сохранилъ до конца жизни свѣжую память, теплое сердце, и принималъ живое участіе въ политикѣ, какъ внѣшней, такъ и внутренней.

Я познакомился съ нимъ передъ тридцатыми годами, въ домѣ Московскаго попечителя А. А. Писарева; онъ полюбилъ меня и сохранилъ ко мнѣ съ тѣхъ поръ неизмѣнно доброе расположеніе, принимая участіе во всѣхъ моихъ изданіяхъ, начиная съ *Ураніи* 1826 года,—въ *Московскомъ Вѣстникѣ* и *Москвитянинѣ*.

Яковъ Ивановичъ де-Сангленъ казался мнѣ человѣкомъ честнымъ и благороднымъ, сколько я могъ замѣтить въ продолженіи сорокалѣтняго знакомства, не имѣя съ нимъ впрочемъ никакихъ дѣлъ, кромѣ бесѣдъ и литературныхъ сношеній. Безкорыстіе его доказывается тѣмъ, что онъ кончилъ жизнь почти въ бѣдности, пользуясь только какою-то ничтожной пенсіей. Жилъ онъ лѣтъ десять одинъ-одинешенекъ въ двухъ-трехъ низенькихъ комнатахъ, на дачѣ, въ Красномъ Селѣ (Московскомъ), питаясь въ день чашкою кофе и тарелкою супа съ кускомъ жаркаго. Туда заѣзжалъ я къ нему раза по два въ годъ, по пути на желѣзную дорогу и въ Сокольники, и заставалъ всегда съ кучею газетъ, присылаемыхъ къ нему его пріятелемъ, Московскимъ губернаторомъ И. В. Капнистомъ".

Просьбу Погодина де-Сангленъ исполнилъ и присылалъ ему при письмахъ замѣчанія на всякую тетрадь, прося усильно, чтобъ Погодинъ содержалъ все втайнѣ и не оглашалъ его имени, которое, говорилъ онъ, можно узнать по тѣмъ или другимъ признакамъ. „Начальникъ нѣкогда Тайной Полиціи",—

пишетъ Погодинъ,—„онъ никакъ не могъ освободиться отъ того страха, который прежде наводилъ на другихъ, и боялся, чтобъ не попасть въ бѣду, хотя въ замѣчаніяхъ его, говоря вообще, не было вовсе ничего опаснаго. Я, разумѣется, далъ ему слово, и свято сохранялъ при его жизни. Теперь смерть его сняла съ меня слово, и я печатаю его замѣчанія, кромѣ нѣкоторыхъ личныхъ мнѣній, не имѣющихъ важности для публики. Чтобъ судить о его замѣчаніяхъ, я долженъ прибавить, что де-Сангленъ былъ нѣсколько любочестивъ, и потому былъ очень недоволенъ книгою барона Корфа, можетъ быть и потому, что баронъ Корфъ о немъ почти не упоминаетъ. Ему казалось, что одинъ онъ знаетъ дѣло лучше всѣхъ, между тѣмъ память въ нѣкоторыхъ случаяхъ явно ему измѣняла, или онъ не хотѣлъ открыться вполнѣ. Онъ думалъ, что баронъ Корфъ хочетъ во чтобы ни стало прославить Сперанскаго, и это несправедливо. Онъ думалъ, что подозрѣніе въ доносѣ на Сперанскаго падало и было обращаемо умышленно на него, чего никакъ въ книгѣ барона Корфа непримѣтно, развѣ для него одного, и ему хотѣлось доказать противное. По духу прежней своей службы продолжалъ онъ видѣть интриги тамъ, гдѣ ихъ не было, и проч. Все это должно имѣть въ виду при разсужденіи о нѣкоторыхъ его замѣчаніяхъ, которыя, во всякомъ случаѣ, полезно обнародовать, чтобъ вызвать новыя соображенія и разсужденія, коими объяснилось бы сколько-нибудь темное до сихъ поръ дѣло".

По полученіи отъ Погодина тетрадей, де-Сенгленъ, 13 февраля 1862 года, писалъ ему: „Я получилъ неожиданно письмо ваше, и при письмѣ три тетради. Удивляюсь вашей торопливости и заботливости воспѣть благодарность, по словамъ вашимъ, богатому сочиненію барона Корфа, или, какъ вы въ другомъ мѣстѣ сказали, почтенному историческому сочиненію.

Что вы хотите произвесть своими тетрадями? Печатать ихъ? Рано, рано! Руссо правъ: le temps est indispensable pour le triomphe de la vérité.

Да и осторожность нужна. Баронъ Корфъ писалъ подъ эгидою правительства. Такъ тому и быть. Мы не въ Англіи, гдѣ Герцену позволяется говорить, что̀ ему въ голову придется.

Надо выжидать и держать въ портфеляхъ, пока наступитъ время.

Мѣра Аракчеева о сочиненіи Исторіи императора Александра I чрезъ сто лѣтъ—благоразумная. Страсти утихнутъ, злоба, зависть скроются въ ущелья свои, и правда восторжествуетъ.

Истина святая проложитъ себѣ путь къ правдѣ.

Нѣтъ тайны, которая не была бы явна.

Le temps donne à tout le mouvement et l'être. Попытайтесь сравнить Александра I съ Людовикомъ XV, съ которымъ первый въ характерѣ имѣетъ большое сходство, et vous verrez ce qu'il en sera. Эти тайны обнаруживаетъ время, которое не всегда готово насъ удовлетворять.

Вы думаете, что нѣтъ Записокъ? Ошибаетесь.

23 ноября 1861 г., *въ Journal de St. Pètersbourg*, напечатано объявленіе о сочиненіи барона Корфа. Журналъ этотъ оффиціальный: на него опираются всѣ наши Русскіе журналы. Вотъ что тамъ сказано: „On remarque bien quelques lacunes dans certaines parties de l'ouvrage, mais il ne faut pas oublier, que Speransky a vecu à une époque peu eloignée de nous, et par consequent, des considérations, qu'il n'était pas permis à l'auteur de méconnaitre ont du le forcer de glisser sur différents détails. Cette objection se rapporte principalement à l'époque de la disgrace et l'éxil“.

Отличное avis au lecteur, и откровенное сознаніе въ недостаткахъ творенія барона Корфа. Зачѣмъ вводить общество въ заблужденіе? Изъ всего этого вывожу я заключеніе—молчать, молчать и молчать! Рано! Идетъ ли направленіе снизу или сверху, все равно молчать, молчать“ [235])!

LXX *).

Служеніе Николая Васильевича Исакова въ должности попечителя Московскаго Учебнаго Округа ознаменовалось учрежденіемъ въ Москвѣ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ.

Къ осуществленію этого предпріятія послужило печальное состояніе находившагося въ Петербургѣ Румянцовскаго Музеума.

29 апрѣля 1860 года, директоръ Публичной Библіотеки баронъ М. А. Корфъ писалъ министру Императорскаго Двора: „Помощникъ мой, завѣдывающій Румянцовскимъ Музеумомъ, гофмейстеръ князь Одоевскій, имѣя въ виду, что вашимъ сіятельствомъ требуются нынѣ же соображенія по смѣтамъ расходовъ, представилъ мнѣ конфиденціальную записку о состояніи зданій Румянцовскаго Музуема, о поддержаніи и охраненіи которыхъ онъ ходатайствовалъ еще съ 1847 года,— каковое ходатайство осталось тщетнымъ, по обстоятельствамъ отъ Управленія Императорской Публичной Библіотеки не зависѣвшимъ. Очевидно, что въ теченіи тринадцати лѣтъ, не смотря на всѣ старанія князя Одоевскаго поддержать и охранить сіи зданія посредствомъ столь скудныхъ средствъ Музеума, всѣ коренные недостатки зданія не могли не усилиться въ значительной степени. Раздѣляя вполнѣ опасенія князя Одоевскаго, изложенныя въ его конфиденціальной запискѣ, при семъ прилагаемой, я имѣю честь соображенія его о способахъ вывести наконецъ Музеумъ изъ его затруднительнаго положенія, представить на благоусмотрѣніе вашего сіятельства".

Въ запискѣ своей князь В. Ѳ. Одоевскій яркими красками

---

*) Эта и слѣдующая главы просмотрѣны и дополнены Хранителемъ Рукописей Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ Семеномъ Осиповичемъ Долговымъ. *Н. Б.*

рисуетъ намъ мрачную картину разрушенія храмины, посвященной *Благому Просвѣщенію.*

„Въ 1847 году,“—писалъ онъ,—„вскорѣ по вступленіи моемъ въ должность завѣдывающаго Румянцовскимъ Музеумомъ, я по внимательномъ осмотрѣ его зданій, и понимая всю важность неоцѣнимыхъ сокровищъ, въ Музеумѣ хранящихся, счелъ долгомъ представить начальству о горестномъ и опасномъ положеніи всего музеумскаго строенія, съ первыхъ поръ построеннаго небрежно, въ продолженіи двадцати лѣтъ основательно не ремонтированнаго, и тогда уже, въ 1847 году, во всѣхъ частяхъ обветшавшаго.

Въ то же время я ходатайствовалъ о средствахъ, коими можно было бы достигнуть, между прочимъ, слѣдующихъ цѣлей:

1) Обезопасить Музеумъ отъ опасности пожара, коей онъ по своему устройству ежедневно подверженъ.

2) Уменьшить потребленіе дровъ лучшею системою отопленія.

3) Отдаваемыя въ немъ квартиры улучшить такъ, чтобы онѣ приносили высшій доходъ.

Такое мое представленіе обратило на себя особое вниманіе тогдашняго министра Народнаго Просвѣщенія, а впослѣдствіи и князя П. М. Волконскаго, министра Императорскаго Двора. Въ концѣ 1849 года, былъ образованъ особый Комитетъ изъ архитекторовъ, который, осмотрѣвъ всѣ зданія Музеума въ подробности, не только подтвердилъ всѣ сдѣланныя мною замѣчанія, но присоединилъ многія другія, столь же важныя и указалъ, какія именно исправленія оказывались неизбѣжными и настоятельными.

Въ видахъ образованія средствъ для такихъ исправленій, я указалъ на возможность продать одинъ изъ домовъ Музеума, носящій названіе *малаго дома.*

Всѣ обстоятельства сего дѣла изложены подробно въ представленіи директора Библіотеки г. министру Императорскаго Двора, отъ 3 марта 1850 года, за № 83.

Продажа *малаго дома*, по предложенной низкой цѣнѣ, не состоялась.

Между тѣмъ, сіе дѣло восходило и до высочайшаго свѣдѣнія; въ Бозѣ почивающій государь императоръ Николай Павловичъ самъ удостоилъ меня разговоромъ о семъ предметѣ, и, шутя, изволилъ мнѣ сказать: „Ты денегъ просишь; проси чего хочешь, а денегъ у меня нѣтъ".

За симъ, я не смѣлъ уже болѣе настаивать о пособіи со стороны казны, а старался охранить Музеумъ, сколько то было возможно человѣческой предусмотрительности, посредствомъ деннаго и ночного надзора, а между тѣмъ усиливать доходы Музеума посредствомъ устройства новыхъ наемныхъ квартиръ, распространеніемъ прежнихъ и возвышеніемъ наемной платы.

Мнѣ посчастливилось постепенно возвысить доходъ Музеума отъ прежняго въ 4622 р. 56 к. до 5422 р., что съ получаемыми изъ Государственнаго Казначейства 2227 р.—44 к., образуетъ 7649 р.—44 к., вмѣсто прежнихъ 6850 руб. Посредствомъ сего небольшаго усиленія, были производимы мало-по-малу неизбѣжныя поправки, преимущественно по части печей, внѣшняго благообразія и улучшенія наемныхъ квартиръ для удобнѣйшаго ихъ сбыта.

О другихъ существенныхъ исправленіяхъ нельзя было и помыслить.

Въ теченіи тринадцати лѣтъ дѣйствіе коренныхъ недостатковъ зданія обозначилось въ крайней степени; ветшаетъ все: кровля, потолки, полы, стѣны, печи. Возвышающаяся дороговизна на всѣ предметы, въ особенности на дрова, истощаютъ въ конецъ всѣ небольшія сбереженія Музеума до того, что въ нынѣшнее лѣто, я даже недоумѣваю, какимъ образомъ, безъ особаго счастливаго случая, я произведу заготовку дровъ.— Между тѣмъ, надъ начальствомъ Музеума виситъ постоянно, какъ Дамоклесовъ мечъ, помѣщеніе залъ коллекцій между жилыми квартирами (сверху и снизу), обветшавшія печи внутри самихъ залъ, пространство въ полтора аршина между

потолкомъ залъ и поломъ верхнихъ жилыхъ квартиръ, гдѣ возможную трещину въ дымовыхъ трубахъ никакая человѣческая прозорливость предвидѣть не можетъ.

Если донынѣ охранились коллекціи Музеума отъ пожара, то это должно отнести къ особой Божіей милости, всѣ старанія человѣка здѣсь тщетны.

Очевидно, что и при еще большемъ возвышеніи дохода съ наемныхъ квартиръ Музеума, всякое коренное исправленіе было бы невозможно; но, къ сожалѣнію, при нынѣшнемъ положеніи Музеума, нельзя ожидать и сколько нибудь значительнаго возвышенія сего дохода, ибо для сего надлежало бы перестроить всѣ наемныя квартиры и поставить ихъ въ уровень съ квартирами другихъ сосѣднихъ домовъ, но для сего также нужна затрата капитала, коего Музеумъ не имѣетъ!

Невыносимо тяжко мнѣ видѣть ввѣренное мнѣ учрежденіе, находящееся въ столь безвыходномъ состояніи; еще прискорбнѣе бы мнѣ было обезсмертить свое имя тѣмъ, что въ мое управленіе сгорѣли неоцѣнимыя, нигдѣ болѣе ненаходимыя сокровища для Отечественной Исторіи, а это можетъ случиться каждый день, и потому рѣшаюсь еще разъ представить на благоусмотрѣніе начальства нѣкоторыя предположенія, посредствомъ коихъ Музеумъ могъ бы быть выведенъ изъ его настоящаго состоянія, а именно:

1) Всѣ зданія Музеума продать, на вырученную сумму пріобрѣсти домъ въ Москвѣ (если нельзя будетъ получить казеннаго) и изъ коллекцій Музеума образовать первое основаніе для „Московской Императорской Публичной Библіотеки“. Должно сознаться, что сіи предположенія будутъ неблаговидны, по крайней мѣрѣ для публики, по отношенію къ волѣ завѣщателя.

2) Передать зданія и коллекціи, словомъ весь Музеумъ, въ полномъ его составѣ, и съ сохраненіемъ его и названія и надписи на фронтонѣ,—одному изъ Ученыхъ Обществъ, какъ, напр., Географическому или Археологическому, если они изъявятъ на то свое согласіе, или наконецъ,

3) ассигновать *заимообразно* нужную сумму съ обязанностію для Музеума уплатить ее въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Это предположеніе основано на огромномъ пространствѣ Музеумской земли, составляющей нынѣ въ значительной части своей, мертвый капиталъ, на мѣстности зданій Музеума, выходящихъ на три параллельныя улицы, на возможности устроить въ сихъ зданіяхъ (отдѣливъ для коллекцій единственно часть дома, выходящую на Англійскую набережную) множество небольшихъ наемныхъ квартиръ, съ надлежащими удобствами. Въ отдачѣ съ найма, какъ во всякомъ коммерческомъ дѣлѣ, нельзя принять на себя опредѣлительной отвѣтственности, но я имѣю полное убѣжденіе, что при хорошо разсчитанномъ устройствѣ наемныхъ квартиръ, Музеумъ, въ теченіи 15 лѣтъ и менѣе, возвратитъ стотысячный капиталъ.

Всѣ сіи предположенія, для удобнѣйшаго обозрѣнія, представлены въ ихъ общемъ видѣ, но еслибы высшему начальству благоугодно было одобрить одно изъ нихъ, хотя условно, то тогда могъ бы быть образованъ особый Комитетъ для произведенія всѣхъ предварительныхъ разсчетовъ и числовыхъ указаній, для окончательнаго заключенія по сему вопросу, нужныхъ".

LXXI.

Основываясь на изложенныхъ въ запискѣ князя В. Ѳ. Одоевскаго данныхъ, Н. В. Исаковъ, 7 декабря 1860 года, представилъ министру Народнаго Просвѣщенія записку объ устройствѣ въ Москвѣ Публичной Библіотеки и Музея.

Представляя эту записку, Н. В. Исаковъ, между прочимъ, писалъ министру Народнаго Просвѣщенія: „Смѣло передаю записку въ ваши руки... для исполненія вами же задуманной мысли и вполнѣ надѣюсь, что вы не откажете въ усиленномъ ходатайствѣ, необходимомъ для ея осуществленія... Теперь представляется такой случай, которымъ не воспользоваться было бы грѣшно и стыдно. Что касается меня, то я не от-

стану отъ нея до тѣхъ поръ, пока не получу убѣжденія, что лица, отъ коихъ наиболѣе зависитъ исполненіе, систематически этому противодѣйствуютъ. Такую же записку я представлю графу В. Ѳ. Адлербергу. Извлеченіе изъ этой записки я препроводилъ государынѣ императрицѣ, которой я имѣлъ счастіе лично объяснять всю важность и справедливость этого дѣла. Ковать только можно горячее желѣзо".

Въ самой же запискѣ мы, между прочимъ, читаемъ: „Положеніе Музея покойнаго графа Н. П. Румянцова въ С.-Петербургѣ невольно приводитъ къ мысли о возможности осуществить давно уже всѣми сознанную необходимость учрежденія Публичнаго Музея и Библіотеки въ Москвѣ.

Въ Москвѣ до сихъ поръ нѣтъ публичнаго учрежденія, подобнаго Императорской Библіотекѣ и что въ Москвѣ есть Университетъ, четыре гимназіи и множество другихъ учебныхъ заведеній...

Въ Москвѣ классъ людей, занимающихся Наукою, не будучи развлеченъ никакою административною дѣятельностію, возрастаетъ съ каждымъ годомъ... Нельзя ни на минуту усомниться, что въ Москвѣ всякое учрежденіе, развивающее наклонность и любовь къ Наукѣ и искусствамъ, совмѣщаетъ въ себѣ вполнѣ и виды Правительства и потребность общества. А потому если бы устройство Публичной Библіотеки и Музея въ Москвѣ требовало отъ Правительства серьезныхъ пожертвованій, то и тогда, по самымъ простымъ политическимъ соображеніямъ, нельзя было бы останавливаться предъ ними, но если удовлетвореніе одной изъ самыхъ главныхъ потребностей столицы возможно безъ всякихъ, можетъ быть, издержекъ для Правительства, то лишать ея долѣе этого благодѣтельнаго учрежденія, было бы совершенно несправедливо...

Вотъ почему, если взять все вышесказанное въ соображеніе и присоединить предстоящую возможность положить всему этому основаніе въ Москвѣ, перенесеніемъ учрежденія никому болѣе въ Петербургѣ не нужнаго и безполезнаго, то самыя слова графа Н. П. Румянцова *на благое Просвѣщеніе* не могутъ

не отвергнуть мысли, чтобы пользованіе его даромъ было заключено въ тѣсную раму одного города... Чья предсмертная мысль не была бы утѣшена, предвидя, что основаніе, заложенное имъ на берегахъ Невы, разрастется со временемъ въ храмы Просвѣщенія по отдаленнымъ мѣстамъ Отечества...

Москва имѣетъ средства достойно принять такое собраніе, какъ Румянцовскій Музей, сохраняя непреложено желаніе завѣщателя о его нераздѣльности и имени жертвователя, Москва легко можетъ сдѣлать изъ него бассейнъ, въ который потекутъ съ разныхъ сторонъ приношенія.

При первой мысли объ устройствѣ Публичной Библіотеки въ Москвѣ, когда имѣлось въ виду управленію ея дать форму Комитета, то членами его вызывались быть люди, могущіе внести значительныя пожертвованія: 1) С. А. Соболевскій изъявилъ желаніе помѣстить свою Библіотеку въ общемъ зданіи на общее пользованіе подъ своимъ именемъ; 2) А. И. Кошелевъ заявилъ тогда же желаніе пожертвовать пятьдесятъ тысячъ рублей или свой собственный домъ; 3) можно сказать болѣе чѣмъ навѣрно, что всѣ редакторы Московскихъ журналовъ, давно вызывая такое близкое ихъ дѣлу учрежденіе, не отказались бы прибавить на каждаго подписчика 3 или 4 процента. Можно указать также на графа Строгонова, изъявившаго желаніе при устройствѣ Публичной Библіотеки въ Москвѣ, дать до шести тысячъ томовъ изъ своихъ книгъ.

Если во главѣ всѣхъ могущихъ сбыться предположеній, поставить надежду, что Государю благоугодно будетъ, по чувствамъ своего неуклоннаго попеченія о пользахъ общества, отдѣлить отъ Эрмитажей Библіотеки и отъ библіотекъ загородныхъ дворцовъ части, то таковыя средства могутъ достаточно убѣдить, что безъ пожертвованій со стороны Правительства, устройство такого прекраснаго всѣми съ нетерпѣніемъ ожидаемаго учрежденія, не только справедливо, но совершенно возможно.

Но при всѣхъ данныхъ существующихъ уже для начала, можно сказать даже роскошнаго устройства Публичной Библіо-

теки и Музея, они не будутъ полны, если не присоединить къ нимъ коллекціи по одной изъ главнѣйшихъ отраслей образованія, именно *коллекціи предметовъ Изящныхъ Искусствъ.*

Извѣстный художникъ Бруни, при жизни покойнаго императора Николая I, подавалъ мысль основать въ Москвѣ небольшую Картинную Галлерею изъ картинъ древнихъ школъ, не вошедшихъ въ составъ галлерей Эрмитажа. Покойный государь принялъ благосклонно эту мысль Бруни. Для такого составленія есть отдѣленныя изъ Эрмитажа картины, хранящіяся въ кладовыхъ Таврическаго Дворца. Подобное пріобрѣтеніе положило бы драгоцѣнное основаніе Московской Галлереи... Около положеннаго такимъ образомъ основанія, тотчасъ сгруппируются картины, принадлежащія частнымъ лицамъ въ Москвѣ...

Всевозможныя усилія для осуществленія такого плана будутъ справедливы въ отношеніи столицы, до сихъ поръ лишенной одного изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ своихъ украшеній, котораго не лишены многіе второстепенные города Запада... Эти усилія своевременны теперь, въ виду приближенія празднованія тысящелѣтія Россіи, древнѣйшая столица которой, ради однихъ только своихъ воспоминаній уже имѣетъ право не отставать отъ нихъ въ образованіи".

Записка Н. В. Исакова была разсмотрѣна въ Комитетѣ Министровъ, и Комитетъ, „выслушавъ и сообразивъ во всѣхъ подробностяхъ обстоятельства настоящаго дѣла, усматривалъ, что разрѣшенію его подлежатъ три вопроса: 1) содержатъ ли въ себѣ акты, относящіеся до учрежденія Румянцовскаго Музеума, непремѣнную волю завѣщателя о всегдашнемъ оставленіи этого учрежденія въ С.-Петербургѣ, и можетъ ли быть допущено перенесеніе онаго въ другое мѣсто; 2) можетъ ли быть признано удобоисполнимымъ и согласнымъ съ цѣлію учредителей Румянцовскаго Музеума, выраженное въ запискѣ попечителя Московскаго Учебнаго Округа свиты его императорскаго величества генералъ-маіора Исакова предположеніе о переводѣ сего Музеума въ

Москву, въ домъ тамошней 4-й Гимназіи, въ совокупности съ другимъ предположеніемъ, объ учрежденіи въ Москвѣ, въ томъ же домѣ, Публичной Библіотеки и Музеума; 3) на сколько денежныя средства, коихъ пріобрѣтеніе имѣется въ виду посредствомъ продажи зданій Музеума, или ожидается изъ другихъ источниковъ, могутъ быть признаны обезпечивающими исполненіе означенныхъ предположеній, безъ ущерба въ основномъ фондѣ Музеума, исключительно предназначенномъ, волею учредителей, на его содержаніе и дальнѣйшее умноженіе его коллекцій?

Относительно *перваго пункта*, внимательное разсмотрѣніе актовъ, сопровождавшихъ учрежденіе Румянцовскаго Музеума, а именно: всеподданнѣйшаго письма, отъ 3 ноября 1827 г., графа Сергѣя Петровича Румянцова, исполнявшаго волю учредителя Музеума, брата своего покойнаго государственнаго канцлера графа Николая Петровича Румянцова; высочайшаго рескрипта на имя его, отъ 3 января 1828 г., и именнаго указа Правительствующему Сенату по сему предмету, отъ 22 марта того же года,—привело Комитетъ къ единогласному заключенію, что по буквальному смыслу этихъ актовъ, въ нихъ не видно непремѣннаго условія, чтобы принадлежащія Музеуму коллекціи были неразрывно связаны съ самыми зданіями онаго, равно о всегдашнемъ оставленіи того Музеума въ С. Петербургѣ, а потому и переводъ онаго въ другое мѣсто, можетъ быть признанъ, по мнѣнію Комитета, не противорѣчащимъ волѣ учредителей Музеума.

Что касается до *второго вопроса*, то изъ обстоятельствъ дѣла обнаруживается, что дальнѣйшее оставленіе Музеума въ занимаемомъ имъ зданіи безъ капитальныхъ исправленій, на которыя Музеумъ не имѣетъ, ни запаснаго капитала, ни другихъ средствъ, представляется невозможнымъ.

Вмѣстѣ съ симъ, переводъ Румянцовскаго Музеума въ Москву, въ домъ 4-й Гимназіи, на основаніяхъ, изложенныхъ въ запискѣ свиты его императорскаго величества генералъ-маіора Исакова, и одобренныхъ министромъ Народнаго

Просвѣщенія, въ совокупности съ предположеніемъ объ учрежденіи въ томъ же домѣ Публичной Библіотеки и Музеума, въ которыхъ ощущается въ Москвѣ столь настоятельная надобность, представляется дѣломъ удобнымъ и вполнѣ соотвѣтствующимъ цѣли завѣщателя, выраженной въ сдѣлавшейся историческою, фронтонной надписи: *На благое Просвѣщеніе.*

По симъ уваженіямъ, Комитетъ также единогласно полагалъ, по окончаніи, на основаніи высочайшаго его императорскаго величества повелѣнія, Строительною Конторою Министерства Императорскаго Двора оцѣнки, какъ домовъ Музеума, такъ и принадлежащей онымъ земли, произвесть торги и означенныя зданія продать, обративъ затѣмъ вырученную сумму въ распоряженіе Министерства Народнаго Просвѣщенія.

По отношенію къ *3-му пункту*, Комитетъ за исходную точку своихъ соображеній принималъ слова именнаго высочайшаго указа Правительствующему Сенату, отъ 22 марта 1828 года, въ которомъ, при передачѣ предназначенныхъ волею завѣщателя для Музеума двухъ домовъ въ собственность Министерства Народнаго Просвѣщенія, выражено условіе, чтобы: *Сіи дома и принадлежащія къ нимъ мѣста, а равно и всѣ доходы съ оныхъ были всегда употребляемы ни на что иное, какъ на содержаніе или умноженіе коллекцій Румянцовскаго Мезеума.*

Руководствуясь точнымъ смысломъ сихъ словъ, Комитетъ, согласно съ заключеніемъ министра Народнаго Просвѣщенія, находилъ, что вырученный отъ продажи домовъ Музеума капиталъ долженъ составлять неотъемлемую собственность сего учрежденія и, съ переводомъ онаго въ Москву, слѣдовать за нимъ въ полномъ количествѣ. Затѣмъ часть этого капитала, въ вознагражденіе за уступаемое 4-ю Гимназіею помѣщеніе, можетъ быть употреблена для покупки для оной дома съ необходимыми, если встрѣтится надобность, передѣлками и приспособленіями, равно на покрытіе расходовъ при перевозкѣ Музеума въ Москву и устройство его въ новомъ помѣщеніи.

Остальная затѣмъ часть капитала должна служить источникомъ для содержанія Музеума и умноженія его коллекцій.

Настоящее положеніе Комитета удостоено высочайшаго его императорскаго величества утвержденія *21 мая 1861 года*".

LXXII.

31 мая 1861 года, министръ Народнаго Просвѣщенія довелъ до свѣдѣнія попечителя Московскаго Учебнаго Округа, что управляющій дѣлами Комитета Министровъ сообщилъ ему о воспослѣдовавшемъ высочайшемъ его императорскаго величества утвержденіи положенія Комитета, какъ о переводѣ Румянцовскаго Музеума въ Москву, въ домъ тамошней 4-й Гимназіи, на основаніяхъ, изложенныхъ въ запискѣ Н. В. Исакова, такъ и объ учрежденіи въ томъ же домѣ Публичной Библіотеки и Музеума".

„Радуюсь",—писалъ Погодинъ Шевыреву,— „Публичной Библіотекѣ въ Москвѣ и перенесенію Румянцовскаго Музея".

Съ своей стороны и Н. В. Исаковъ, 13 іюня 1861 года, писалъ Погодину: „Весьма сожалѣю, что нездоровье жены моей лишило меня удовольствія васъ видѣть прошедшій разъ.—Я получилъ оставленное вами письмо и приношу за все въ немъ высказанное искреннюю мою благодарность, хотя не вполнѣ сознаю за собою на то право. Ибо это общее дѣло, и каждый кладетъ свою лепту, а благодарить слѣдуетъ за то общество, которое ею воспользуется.—Дѣло начато, какъ начинаютъ строить церковь, т.-е., безъ средствъ.—Если бы дожидаться ихъ, то не дождались бы начала. Я предпочелъ первое и не раскаиваюсь и не буду раскаяваться. Какъ бы тихо и медленно оно ни подвигалось впередъ, найдутся люди, которыхъ увлечетъ вашъ добрый примѣръ и разумное слово; другимъ подскажетъ сердце. Покорнѣйше прошу васъ сообщить мнѣ, какъ я могу войти въ сношенія съ Кубаревымъ, на счетъ его Библіотеки, и не будете ли вы такъ добры, чтобы предварительно выяснить

его настоящія намѣренія.—Вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣтъ ли у васъ какого нибудь списка книгамъ Кокорева? Есть много забытыхъ и запыленныхъ коллекцій, къ которымъ владѣльцы совершенно охладѣли и которыя бы нужно было вызвать къ новой жизни. Позвольте мнѣ думать, что вы, милостивый государь, не откажетесь пособить общему, давно вами самими вызываемому учрежденію—привлечь къ себѣ таковыя библіотеки и собранія или, по крайней мѣрѣ, указать на нихъ и на средства, какими ихъ пріобрѣсть".

Въ это самое время, извѣстный собиратель Русскихъ Древностей Сорокинъ завелъ съ Погодинымъ переписку о своей коллекціи древнихъ иконъ.

14 января 1861 года, Сорокинъ писалъ: „Осмѣливаюсь еще всеубѣдительнѣйше просить васъ моею всеуниженнѣйшею просьбою. Сдѣлайте милость для меня и для моего малолѣтняго, но большого семейства,—примите ваше доброе участіе въ пристроеніи къ мѣсту моего собранія древнихъ иконъ и рукописей. Ваше участіе въ этомъ дѣлѣ много сдѣлаетъ успѣха потому, что ваше слово имѣетъ вездѣ большой вѣсъ, а мои всѣ хлопоты и старанія не восходятъ выше нуля. Сдѣлайте милость, не возможно ли чрезъ господина Есипова предложить о моемъ собраніи, сверхъ того, какъ было предположено вами, великой княгинѣ Марьѣ Николаевнѣ,—еще великому князю Константину Николаевичу, а вамъ потрудиться написать объ этомъ письмецо въ Парижъ, въ Русское посольство, графу Алексѣю Сергѣевичу Уварову; авось, не выйдетъ ли откуда нибудь, изъ этихъ трехъ видовъ, согласія на пріобрѣтеніе моего собранія. Относительно денегъ, я согласенъ половину ихъ получить, а половину сколько нибудь подождать. Теперь, когда собраніе въ рукахъ у меня, неизвѣстнаго бѣдняка, то говорятъ объ немъ немногіе, да и то въ тихомолку для того, чтобы не прославить его по достоинству, а купи кто-нибудь это мое собраніе, тогда вѣщаніе объ немъ изыдетъ во вся концы земли. Мнѣ очень жалко раздроблять свое собраніе. При Академіи Художествъ, завели

Древне-Христіанскій Музеумъ, почему бы и въ Москвѣ не подумать объ этомъ предметѣ"?

Въ другомъ письмѣ (6 марта 1861.), Сорокинъ писалъ: „Въ былое время, долго шла рѣчь о уступкѣ моего собранія древнихъ книгъ и образовъ вамъ, но дѣло такъ и осталось безъ желаннаго для меня окончанія. Послѣ этого, я свое собраніе древней иконописи увеличилъ и оно теперь много улучшилось въ полномъ его объемѣ; а между тѣмъ, я свой домъ продалъ и ищу мѣста пріютить свое собраніе въ однѣ руки безъ раздробленія. Какъ бы я радъ былъ, если бы вы согласились теперь пріобрѣсти мое собраніе древней иконописи себѣ и тогда бы у васъ было полное собраніе художества и религіознаго и гражданскаго портретнаго, и древности и новины, и иконописи, и живописи. Я для васъ готовъ уступить и въ цѣнѣ противъ другихъ пріобрѣтателей. Я зналъ бы тогда, для кого сдѣлана уступка. А когда мое собраніе попадетъ въ ваши руки, тогда слава о немъ изыдетъ во вся концы земли, и принесетъ вамъ сторичный плодъ, за исключеніемъ всѣхъ народныхъ восклицаній удивленія достоинству собранія. Въ моихъ рукахъ это собраніе не что иное, какъ безгласная буква. Попали мои нѣкоторые образа въ Гуслицкій монастырь, и слава объ нихъ прошла всю Москву и всѣ ея окрестности, и явились покупатели съ предложеніемъ за рубль, десять рублей. А у меня они лежали подъ спудомъ. Я не смѣя тревожить васъ лично, нетерпѣливо буду ждать на это мое предложеніе вашего снисходительнаго отвѣта по городской почтѣ".

Въ то же время, сынъ историка Малороссіи, А. Н. Маркевичъ, писалъ къ Погодину: „Я получилъ изъ Малороссіи извѣстіе, что тамъ распространился слухъ объ основаніи въ г. Кіевѣ Публичной Библіотеки, чему особенно ревнуетъ Кокоревъ, купившій будто бы уже съ этой цѣлью домъ. Не имѣя чести знать лично Кокорева, я рѣшился обратиться къ вамъ, милостивый государь, съ покорнѣйшею просьбою, извѣстить Кокорева, буде вы найдете это возможнымъ, что

послѣ отца моего, историка Малороссіи Н. А. Маркевича, осталась прекрасная и систематически составленная Библіотека, заключающая въ себѣ около 8/т. томовъ, которую мы рѣшаемся продать. Намъ было бы чрезвычайно пріятно, если бы Библіотека, стоившая отцу моему много трудовъ въ продолженіи всей его жизни, досталась любимой имъ Малороссіи и родному его городу Кіеву. Эта Библіотека находится теперь въ родовомъ нашемъ селѣ Туровкѣ, Полтавской губерніи, Прилуцкаго уѣзда, въ девяноста верстахъ отъ Кіева, и весьма легко могла бы быть перевезена къ мѣсту своего назначенія, вмѣстѣ съ принадлежащими къ ней шкапами, въ которыхъ сберегается; кстати прибавить, что, за исключеніемъ весьма небольшого количества, всѣ книги изящно переплетены, что̀ дозволило бы немедленное публичное пользованіе ими. Если бы вы извѣстили меня о намѣреніяхъ Кокорева, то я бы, по вашему или его требованію, немедленно переслалъ, находящійся у меня здѣсь, подробный каталогъ Библіотеки; цѣна же ея до такой степени умѣренна, что покупка ея, со стороны общества или частнаго лица, можетъ вполнѣ назваться выгоднымъ пріобрѣтеніемъ".

LXXIII.

Одновременно съ Публичнымъ и Румянцовскимъ Музеями, Москва украсилась Чертковскою Библіотекою, нѣкогда процвѣтшею подъ управленіемъ Петра Ивановича Бартенева, съ издаваемымъ при ней *Русскимъ Архивомъ*.

Въ Русской Литературѣ давно уже пользовалась извѣстностью Библіотека покойнаго предсѣдателя Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, Александра Дмитріевича Черткова. До преобразованія Петербургской Императорской Публичной Библіотеки, обогатившейся подъ управленіемъ барона М. А. Корфа отдѣломъ книгъ, такъ называемымъ, *Rossica*. Чертковское книгохранилище было единственнымъ въ своемъ родѣ собраніемъ сочиненій,

посвященныхъ познанію Россіи и Славянства, въ историческомъ, археологическомъ, литературномъ и другихъ отношеніяхъ. Собиратель, въ продолженіе многихъ лѣтъ жизни (1789—1858), тщательно отыскивалъ по преимуществу рѣдкія и замѣчательныя книги по этой части, какъ въ Россіи, такъ и въ чужихъ краяхъ. Мало-по-малу это собраніе возросло до такого количества, что Чертковъ нашелъ полезнымъ составить ему подробное описаніе, которое и появилось въ печати, подъ заглавіемъ: *Всеобщая Библіотека о Россіи или Каталогъ книгъ для изученія нашего Отечества во всѣхъ отношеніяхъ и подробностяхъ* (М. 1838 г.). Тутъ же (на стр. 529—631) приложено было и Первое Прибавленіе къ Каталогу, заключавшее въ себѣ описаніе книгъ вновь пріобрѣтенныхъ. Чрезъ семь лѣтъ появилось Второе Прибавленіе, съ большими примѣчаніями, съ точными и подробными указателями и росписями (Москва 1845 г.). Эти два большихъ тома описанія книгъ и до сихъ поръ могутъ служить превосходнымъ справочнымъ руководствомъ для всякаго, кто бы захотѣлъ заняться изученіемъ Россіи, но, къ сожалѣнію, они были изданы въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, какъ первая попытка и какъ пробные листы, которые собиратель раздавалъ своимъ друзьямъ и коммисіонерамъ для пополненія и новыхъ указаній. Нынѣ каталогъ этотъ сдѣлался рѣдкостью, и не безъ труда отыскивается любителями отечественной старины. Въ немъ описано 4701 сочиненіе.

Но покойный А. Д. Чертковъ не былъ только страстнымъ книголюбцемъ и собирателемъ древностей. Онъ самъ много трудился въ дѣлѣ Русско-Славянскаго Просвѣщенія. Одни печатныя сочиненія его служатъ тому доказательствомъ. Назовемъ: *Описаніе войны Святослава противъ Болгаръ и Грековъ*; изслѣдованіе о переводѣ *Манассеиной Лѣтописи*; *Описаніе древнихъ Русскихъ монетъ*, удостоенное Академіею Наукъ Демидовской преміи, и обширныя розысканія объ обще-Славянскихъ древностяхъ (Ѳракійскія племена, о языкѣ Пелазговъ, о переселеніи Ѳракійскихъ племенъ за Дунай и проч.). Собираніе книгъ не было для него только пріятнымъ занятіемъ

досужаго человѣка со средствами. Одаренный рѣдкимъ талантомъ постоянства въ работѣ, онъ до конца жизни не покидалъ ученыхъ занятій и продолжалъ обогащать свою Библіотеку новыми пріобрѣтеніями. Смерть застала его, можно сказать, съ перомъ въ рукахъ надъ фоліантами, монетами и рукописями. Онъ не успѣлъ довершить многихъ ученыхъ предположеній и начинаній своихъ; но когда онъ скончался, памятникомъ его любви къ родной старинѣ и неутомимаго трудолюбія — осталась отборная Библіотека, заключавшая въ себѣ слишкомъ 9500 сочиненій (17.300 частей), которыя всѣ служатъ въ сущности одной мысли — познанію Россіи.

Смерть собирателей часто влечетъ за собою, и особливо у насъ, послѣдствія гибельныя для ихъ собраній. Обыкновенно, тотчасъ же начинаются расхищенія и растраты. Къ счастію, Чертковская Библіотека ни на минуту не подвергалась подобной опасности. Она была бережно уложена въ ящики и до времени отвезена въ подмосковное село Семеновское, и вслѣдъ затѣмъ приступлено было къ сооруженію особаго для нея помѣщенія при домѣ Черткова, на Мясницкой улицѣ. Завѣдываніе Библіотекой поручено было П. И. Бартеневу. Пока зданіе отстраивалось, печатный каталогъ, обнимавшій собою лишь меньшую половину всего собранія, дополнился описаніемъ остальныхъ книгъ, переводомъ на карточки и въ новый общій азбучный перечень. Съ марта мѣсяца 1862 года, въ новоотстроенномъ помѣщеніи, началась установка книгъ. Къ концу 1862 года, Библіотека уже была П. И. Бартеневымъ описана, и размѣщена по способу, принятому въ Библіотекѣ Британскаго Музея.

Подобныя собранія, оставаясь даже и частною собственностію, не должны и не могутъ укрываться отъ общаго вниманія и любознательности. Сознавая это, сынъ собирателя Григорій Александровичъ Чертковъ, съ 1863 г., сдѣлалъ свою Библіотеку публичною [236]).

LXXIV.

Погодинъ до такой степени сроднился съ журнальною дѣятельностію, что до конца своей жизни не могъ отъ нея отрѣшиться.

Въ день своего отъѣзда на Кавказъ (27 апрѣля 1860 года), онъ писалъ князю П. А. Вяземскому: „Воротясь, думаю опять приняться за живое дѣло. Надо возвысить голосъ нашему поколѣнію и возстановить связь, прерванную сорванцами, забіяками и всякою сволочью, съ чистой струей Русской Словесности, порѣшить съ анархіей“ [237]).

Хотя *Москвитянинъ* и прекратилъ свое существованіе, но нѣкоторые, и въ особенности А. А. Григорьевъ, сочувствуя идеѣ этого журнала, никакъ не могли примириться съ его прекращеніемъ и всячески подбивали Погодина возобновить существованіе журнала. Къ Григорьеву въ этомъ стремленіи присоединился извѣстный педагогъ Плаксинъ, который (11 янв. 1860 года) писалъ Погодину: „Давно мнѣ хотѣлось съ вашимъ превосходительствомъ о многомъ и очень о многомъ поговорить, побесѣдовать, поспорить и *даже побраниться*, *да, даже побраниться;* вѣдь въ эти пять лѣтъ много накипѣло на душѣ и хорошаго и дурного, и сладкаго и горькаго! Давно мнѣ хотѣлось спросить, напримѣръ, ваше превосходительство, о вашемъ тяжкомъ грѣхѣ, котораго вамъ самъ папа не могъ бы отпустить,—зачѣмъ вы похоронили несвоевременно *Москвитянинъ* въ такое время, когда намъ были развязаны руки, хотя временно, когда, даже теперь, при новыхъ невзгодахъ къ старымъ журналамъ, наша кастратическая Цензура имѣетъ большое снисхожденіе и значительную долю терпимости; такъ положа руку на сердце, скажите, сколько бы вы пользы принесли съ вашимъ *Москвитяниномъ*“!

А. А. Григорьевъ, разставшись, по несогласію въ убѣжденіяхъ, съ *Русскимъ Словомъ*, снова обращается къ Погодину

и убѣждаетъ его воскресить *Москвитянинъ*. „Въ послѣдній разъ хочу я говорить съ вами",—писалъ онъ,—„прямо, какъ передъ Богомъ. Вы должны меня выслушать во имя нашихъ прежнихъ отношеній—и во имя того, что, кажется, показалось вамъ Донкихотствомъ (исторія съ *Русскимъ Словомъ*), но что было въ сущности только служеніемъ старому принципу.

Въ васъ до сихъ поръ столько энергіи, что вы вотъ скачете изъ Москвы биться за своихъ Норманновъ, а не хотите понять того простого факта, что человѣкъ можетъ Богъ знаетъ какъ безобразничать въ своей личной жизни.. но предпочитаетъ безвыходность, вѣчные долги, Долговое Отдѣленіе—потерѣ самостоятельности и чистоты своего взгляда, измѣнѣ старымъ привязанностямъ и вѣрованіямъ... Что вы этого не хотите понять, я прямо умозаключаю изъ того, что вы не посылаете за мной. Мнѣ къ вамъ идти безъ позыва тяжело... Черкните мнѣ, что вы хотите меня видѣть не для того, чтобъ разсуждать о моей погибшей личности, а о дѣлѣ, нѣкогда намъ съ вами общемъ, и я приду.

Я вѣдь столько еще наивенъ, что, по старому, вѣрю, 1) въ силу и торжество этого дѣла, 2) въ то, что въ концѣ концовъ— ни вамъ, ни мнѣ не сойтись вполнѣ съ другими *дѣлами*, потому что эти дѣла или 1) *Тушинскій станъ* (*Современникъ*) или 2) *Владиславъ* (*Русскій Вѣстникъ*) или 3) *Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ* съ товарищи (*Атеней*, *Наше Время*) или 4) ужъ наконецъ просто атаманъ Хлопка или Стенька Разинъ... *Вамъ* конечно открыты теперь настежь двери всякаго Петербургскаго или Московскаго журнала, да *какъ* открыты? Совсѣмъ ли и надолго ли? Да вѣдь и мнѣ онѣ не закрыты— но ни съ однимъ я долго ужиться не могу.

1) *Москвитянинъ побѣдилъ* во многомъ, почти во всемъ (новые таланты, идея народности, имѣющая и здѣсь изъ молодого поколѣнія жаркихъ поборниковъ), но надъ *Москвитяниномъ*, втихомолку признавая его положенія, постоянно издѣваются. Это васъ не бѣситъ?

2) Вамъ не ясно, что побѣду-то вырвали у насъ *безмолв-*

нымъ заговоромъ, разъединяя насъ, отвлекая то того, то другого—то лестію, то фальшивымъ примиреніемъ? Вѣдь у меня есть факты на это.

3) Самъ я, глубоко вѣря въ истину и *единственную* правоту нашего направленія, совершенно убѣжденъ, что *никто* кромѣ меня не вѣритъ въ его практическую возможность. Въ началѣ осени я задумывалъ дѣло безъ всякихъ средствъ— и опять обратился къ вашему другу, но предполагалъ *умолчать* о затѣваемомъ дѣлѣ, и просилъ его прямо помочь моей личности. Хоть это и смѣшно, но всетаки въ глазахъ такого практическаго человѣка, какъ В. А. Кокоревъ, менѣе забавно чѣмъ просить на наше осмѣянное, оплеванное дѣло.

4) У меня земля всюду уходила изъ подъ ногъ. Вы, говорятъ, бранили меня, что ввелъ Хмѣльницкаго къ Кушелеву *). Не Хмѣльницкій, такъ кто бы нибудь другой—цѣлая шайка? Схватился я за *Русскій Міръ*, успѣлъ снять съ него фигуру Петра, написалъ статью, отъ которой приходили въ восторгъ люди порядочные, статью которою *ясно* вызывалъ на отвѣтъ Тушинцевъ. Мнѣ никто *не отвѣчалъ*. Сталъ-было въ шутовской формѣ фёльетоновъ *Сына Отечества*—катать разныя современныя безобразія мысли. Послѣ второго же фельетона Старчевскій возопилъ въ ужасѣ: „Не надо, не надо"!.. Вотъ что̀ такое—направленіе *Москвитянина*.

5) А между тѣмъ, я вѣрю только въ него и какъ съумасшедшій убѣжденъ, что, начиная опять изданіе, которое бы прямо и смѣло заявило, что оно будетъ продолжать дѣло *Москвитянина* (исчисливши въ программѣ, все прежнимъ изданіемъ сдѣланное), оно бы, поборовшись энергически съ годъ, восторжествовало, т.-е., вступило бы въ колею существующаго, необходимаго. Мало того, что я вѣрю фанатически, у меня есть силы для этого дѣла,—силы, готовыя работать съ яростью, работать безкорыстно, въ ожиданіи будущихъ

---

*) Князь Григорій Александровичъ Кушелевъ-Безбородко, издатель *Русскаго Слова*. *Н. Б.*

благъ—силы, 1) для борьбы за идею народности въ жизни, искусствѣ, наукѣ—(А. С. Гіероглифовъ, В. Крестовскій); 2) для борьбы противъ философскаго матеріализма во имя идеализма и Православія, какъ идеи (Н. Н. Страховъ); 3) для смѣлой борьбы за свободу противъ деспотизма, съ одной стороны, и противъ Тушинскаго фурьеризма съ другой (профессоръ Шилль) и т. д. Все это—силы свѣжія, молодыя, благородныя, убѣжденныя. Всѣхъ ихъ я могъ бы вамъ представить. Не говорю о *нашихъ* коренныхъ: Евгеніѣ Эдельсонѣ, Алмазовѣ, Меѣ, Колошинѣ (съ держаніемъ сего послѣдняго въ рукахъ), которые всѣ проснутся, подымутъ голоса и головы, какъ только дѣло станетъ на ноги—но не прежде, одни по ихъ подлому *мѣщанству*, другіе по безвыходности ихъ положенія.

По какимъ же нибудь предначертаніямъ воли Божьей, я служу всегда, со всѣмъ моимъ безобразіемъ, со всею безвыходностью положенія—центромъ для разныхъ однородныхъ силъ. По какимъ же нибудь тайнымъ законамъ, я храню упорно вѣру въ наше старое дѣло...

Но, за что же побѣда-то вырвана у насъ изъ рукъ? Подумайте объ этомъ!

Прошу у васъ бесѣды не лично до меня, а до дѣла касающейся.

Что до моей личности, то прилагаемыя у сего тетради могутъ, если вы когда нибудь ихъ пробѣжите, удостовѣрить васъ, что я считалъ святымъ долгомъ быть съ вами откровеннымъ, какъ съ Богомъ".

Мысль о возобновленіи *Москвитянина*, по видимому, пришлась по душѣ Погодину, и онъ даже выразилъ Григорьеву желаніе привлечь къ участію въ немъ Гилярова-Платонова и Ордынскаго.

Но Григорьевъ возсталъ противъ этого выбора Погодина, и написалъ ему по этому поводу другое письмо: „Покойный Хомяковъ",—писалъ онъ,—„говорилъ разъ, что безъ надежды на побѣду, не бываетъ да и не можетъ быть борьбы—и онъ былъ правъ.

Я вѣрю въ возможность побѣды нашего направленія, вѣрю глубоко и вѣрѣ этой отдавалъ и готовъ отдать все, что только могу отдать. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я вѣрю, по многимъ жизненнымъ и душевнымъ опытамъ, въ противодѣйствіе злой силы того господина, который въ наше время, чтобъ удобнѣе дѣйствовать, притворился, что его нѣтъ и часто вижу во очію его поганый хвостъ. Всякій разъ, когда я его увижу, я вамъ—сердитесь вы на меня или нѣтъ—буду указывать, а изъ указаній моихъ дѣлайте, что хотите.

Сила вовсе не въ томъ, что мы съ Борисомъ (Алмазовымъ) люди непрактическіе и даже *гулящіе* (впрочемъ *гульба* собственно дѣлу у насъ съ нимъ не вредила)—сила не въ томъ, что въ глазахъ нѣсколькихъ *вполнѣ* и даже съ избыткомъ обезпеченныхъ господъ я буду подлецомъ на нѣсколько времени—все вѣдь это, сами вы знаете—вздоръ!—Сила въ томъ, что со всѣми другими вы рано или поздно—но въ чемъ нибудь да разойдетесь—и только съ нами (изъ молодого, подразумѣвается, поколѣнія) можете дѣлать дѣло вполнѣ общее. Это не самохвальство во мнѣ говоритъ, а вѣра и убѣжденіе—добытыя геѳимански-выстраданныя въ моей скитальческой жизни. Говоритъ еще тутъ личная страстная привязанность къ вамъ, въ которой вы ни поводовъ, ни правъ сомнѣваться не имѣете.

Не вѣрю я, ни въ вашего Гиларова, купно съ его пятью тысячами поповъ, ни въ вашего Ордынскаго. Въ поповъ, какъ въ дѣятелей, я вообще мало вѣрю—а въ Гилярова вѣрить вы меня ничѣмъ не заставите (относительно нашего дѣла). Ордынскій же—*ученый* и съ меня этого довольно. Онъ просто сердитъ на тѣхъ и раздраженъ, а убѣжденій нашихъ не имѣетъ—да и неоткуда было ихъ ему взять!

Все это не значитъ, чтобы мы не подчинились хоть Гилярову, хоть Ордынскому. Намъ дорога наша завѣтная мысль. Но я для васъ говорю и для дѣла. Повѣрьте въ насъ, какъ мы въ васъ вѣримъ. Положимъ, что мы чада погребковъ, какъ вы нѣкогда насъ звали—да что же съ этимъ дѣлать, что

только намъ, чадамъ погребковъ, Богъ послалъ несокрушимую вѣру?

Вы знаете сами, что безъ насъ, т.-е., *пока* безъ меня и Бориса (Алмазова), не изъ-за чего и не съ кѣмъ, начинать дѣло. Направленіе *Русской Бесѣды*—пало и не возстанетъ,—направленіе пяти тысячь поповъ и безъ васъ имѣетъ средства и органы. Направленіе же *Москвитянина* было не Кошелевъ, не Гиляровъ, не пять тысячь, а вы и мы.

Все это вы знаете—и не хотите видѣть, что при самомъ началѣ дѣла извѣстный господинъ распускаетъ уже свой хвостъ.

Михайло Петровичъ, отецъ мой по духу—подумайте, что блудный, но всегда горячій къ добру сынъ вашъ, говоритъ вамъ все это не изъ мелочного самолюбьица, не изъ разсчетовъ. Вѣдь мы на великое дѣло, на дѣло порядка и правды сбираемся: вѣдь у меня отъ всякаго видѣннаго мною въ жизни консервативнаго ли, либеральнаго ли, безобразія душа наболѣла! Весело ли мнѣ думать, что дьяволъ и тутъ можетъ распустить свой хвостъ.

Въ 1853, 1854 и отчасти 1855 году, я просилъ у васъ *диктатуры*—конечно не потому, что „у Добчинскаго зубъ со свистомъ". Вы мнѣ ее не дали тогда. Въ 1860 году, воля судьбы приводитъ опять къ тому же—а вы намъ суете Ордынскаго и пять тысячь. Не спорю, что и отъ Ордынскаго и отъ пяти тысячь выйдетъ дѣло, да оба эти дѣла будутъ не ваше и не наше дѣло. Кажется, все это ясно, какъ алгебраическія уравненія 1-й степени.

И въ заключеніе—*Москвитянинъ*, засмѣянный, оклеветанный—а не что либо другое. Намъ вѣдь нечего стыдиться этой фирмы: она была знаменемъ *честнаго* дѣла,—дѣла, у котораго чорту разъ удалось вырвать изъ рукъ побѣду! — и неужели удастся еще?

Вотъ вамъ вмѣсто статьи, которую не труднѣе написать, нежели нѣсколько писемъ къ вамъ. Что вы сомнѣваетесь въ статьяхъ? Вспомните 1851 годъ. Когда мы крѣпко вѣрили,

мы и крѣпко и много работали. А вѣра въ насъ та же — да и силы, слава, Богу въ насъ тѣ же, благодаря тому, что мы *жили* и вѣрили въ *жизнь*, а не въ книжки"!

Наконецъ, Погодинъ склонился на убѣжденія Григорьева и рѣшился даже подать въ Цензуру просьбу о возобновленіи *Москвитянина.* Но ходатайство это не имѣло успѣха. 16 ноября 1860 года, князь П. А. Вяземскій писалъ Погодину: „Я сдѣлалъ все, что умѣлъ и могъ, чтобы вамъ угодить, но, къ сожалѣнію, я ничего не могъ сдѣлать. Впрочемъ, сколько мнѣ извѣстно и то, разумѣется, остается *между нами*, не *Москвитянинъ* встрѣтилъ сопротивленіе, а предполагаемый редакторъ (Григорьевъ). Слѣдовательно, спустя нѣсколько времени, дѣло, по моему мнѣнію, можетъ быть возобновлено подъ другою фирмою".

Сохранился автографическій листокъ Погодина, въ которомъ читаемъ: „Какъ бы вы думали, объ чемъ я хочу написать статейку? О *Москвитянинѣ*. Неправдали, что это очень странно, но я сейчасъ объясню вамъ причину, и вы согласитесь, что стоило употребить на нее часъ времени.

Изданіе *Москвитянина*, равно какъ и прежде *Московскаго Вѣстника*, участіе въ *Телескопѣ* и *Наблюдателѣ*, было для меня всегда дѣломъ придаточнымъ, а главное, какъ прежде, такъ и теперь, — Русская Исторія, которой посвящено мое время или лучше сказать жизнь.

Переставая издавать я забывалъ уже почти совершенно объ изданномъ, занятый исключительно любимымъ своимъ предметомъ: текущими вопросами или случаями.

О *Москвитянинѣ*, въ другихъ изданіяхъ, всегда попадались однѣ сужденія самыя неблагопріятныя, воспоминанія почти бранныя, и мало по малу, составилось у меня самого понятіе: видно, я не умѣлъ, не могъ или не хотѣлъ сдѣлать его занимательнѣе и пріятнѣе для публики.

Недавно понадобилась мнѣ справка, и я долженъ былъ перебрать весь 1853 годъ: что же я нашелъ. Такое множество статей отличныхъ, какихъ не представляетъ въ совокупности ни одно современное изданіе. Этого мало: *Москвитя-*

нина можно противопоставить одного двумъ - тремъ журналамъ. Достоинство ихъ доказывать мнѣ ненужно, а довольно ихъ назвать, потому что авторы этихъ статей восхваляются наперерывъ во всѣхъ журналахъ, и вездѣ занимаютъ первое мѣсто. Кстати—моихъ статей въ этомъ году попалось всего менѣе и слѣдовательно, я могу говорить о прочихъ тѣмъ безпристрастнѣе. Касательно же Иностранной Словесности честь выбора статей принадлежала преимущественно П. П. Сумарокову. Я въ это время печаталъ 6-й томъ *Изслѣдованій*, съ послужными списками удѣльныхъ князей, и мѣсяца четыре былъ за границею".

Приведя затѣмъ обзоръ статей, напечатанныхъ въ *Москвитянинѣ* 1853 года, Погодинъ замѣчаетъ: „Читатели, прочтя этотъ обзоръ, скажутъ: Habent sua fata libelli, а рецензентамъ я совѣтовалъ бы повиниться. Положимъ, что литературная вражда мѣшала въ свое время видѣть вещи ясно, но теперь, когда все это перешло въ область Исторіи Словесности, не только смѣшно, но и вредно стоять на своемъ и приводитъ въ заблужденіе новыхъ читателей, которые могли бъ извлечь много пользы изъ стараго журнала. Съ своей стороны, я провелъ вечеръ съ большимъ удовольствіемъ, вновь удостовѣрясь, что дѣло ведено было мной порядочно, не смотря на то, что подписчиковъ было не больше восьмисотъ, и журналъ былъ хорошъ. Я такъ разохотился, что рѣшился посвятить первый свободный вечеръ еще какому нибудь году, и о результатѣ сообщить также публикѣ".

LXXV.

Приступая, въ 1860 году, къ изданію *Народныхъ Бесѣдъ*, Д. В. Григоровичъ писалъ Погодину: „Я конечно отрываю васъ на минуту отъ вашихъ занятій, но что же дѣлать! Во 1-хъ, вы сами избаловали меня вашимъ постояннымъ добрымъ во мнѣ расположеніемъ и, такимъ образомъ, дали мнѣ право иногда васъ безпокоить; во 2-хъ, дѣло такого рода, что безъ

вашего совѣта и помощи, я сижу на мели съ моимъ томомъ: *Доблестныя черты изъ жизни Русскихъ людей*. Жаль вѣдь, если при такомъ заглавіи, выйдетъ самый тоненькій томъ изо всей коллекціи. Пересмотрѣлъ за семь лѣтъ *Современникъ*, *Отечественныя Записки*, *Москвитянинъ*, *Библіотеку для Чтенія*, и ни одной доблестной черты,—хоть повѣсься! Неужели у насъ ихъ въ самомъ дѣлѣ такъ мало? Все что было о Севастопольскихъ герояхъ — очень мнѣ послужило. Но мнѣ хотѣлось бы больше великолѣпныхъ поступковъ изъ частной, семейной жизни. Въ этомъ вся задача,—ибо тутъ только и еще въ граждансвой жизни, — видѣнъ истинный характеръ народа. Поступокъ Марина *),—гражданская черта и я ее выставлю. Нѣтъ ли другихъ или гдѣ найти? Укажите, ради самого неба и чести Русскаго народа. Постройки храма,—на мои глаза также не доблесть; не выстроилъ ли кто нибудь на свой счетъ каменнаго моста хоть черезъ Самотеку?—Сейчасъ бы помѣстилъ такого человѣка. Ради Бога, дайте отвѣтъ или пришлите что нибудь старенькое. Буду благодарить по гробъ жизни и при случаѣ употреблю все стараніе, чтобы послужить вамъ. Прощайте, дай Богъ вамъ всякаго успѣха, будьте здоровы и не забывайте душевно-преданнаго" [238]).

Въ тоже время и самъ Погодинъ издалъ въ Москвѣ, въ 1860 г., *Мірозданіе, чтеніе для всѣхъ*. Выпускъ 1-й. Переводъ съ Нѣмецкаго. Еще въ 1859 году, онъ писалъ: „Я рѣшился издать книжечку, которою начались въ Германіи такъ называемые *Еженедѣльные листы во благо духовное и вещественное, для Нѣмецкаго народа*, переведенные съ Англійскаго *Die Schöpfung in ihrer Herrlichkeit* (Мірозданіе во всемъ его величіи). Она заключаетъ вкратцѣ общія понятія обо всѣхъ Естественныхъ наукахъ... Извѣстіе, что подлинника разошлось вдругъ двѣсти тысячь экземпляровъ, меня соблазнило... *Книжка Мірозданіе* выйдетъ на дняхъ, и будетъ продаваться, вѣроятно, по двадцати коп. за экземпляръ".

---

*) *Жизнь и Труды М. П. Погодина*. Спб. 1898 г. XII, 449—464.

Но ни *Бесѣды* Григоровича, ни *Міроздание* Погодина не увѣнчались успѣхомъ. „Что за несчастная доля“,—замѣчаетъ критикъ *Московскаго Вѣстника*, Судьбинскій, — „выпала нашему народу. Тамъ Погодинъ поучаетъ его Естествовѣдѣнію, тутъ Григоровичъ бесѣдуетъ съ нимъ о Географіи, — того и жди, что Степанъ Петровичъ Шевыревъ выступитъ съ курсомъ Чистой Математики! Но Григоровичъ страшитъ насъ больше: онъ еще десять выпусковъ приготовляетъ къ печати“ [239]).

Въ Воронежѣ издавна процвѣтала литературная дѣятельность. Она не изсякла и въ 1860 году.

Два почтенные преподавателя Русской Словесности въ Михайловскомъ-Воронежскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, Михаилъ Ѳедоровичъ Де-Пуле и Петръ Васильевичъ Малыгинъ, задумали издать, каждый особо, *Воронежскій Сборникъ*, и оба они обратились за содѣйствіемъ къ Погодину.

„Съ одной стороны“, — писалъ Де-Пуле, — „уваженіе мое къ вашему ученому имени, а съ другой, любовь ваша къ Русской Наукѣ, даютъ мнѣ, не имѣющему чести быть знакомымъ съ вами, право безпокоить васъ чтеніемъ этого письма. Здѣшній книгопродавецъ Гарденинъ задумалъ издать *Сборникъ* литературно - учено - этнографическаго содержанія; редакторомъ этого изданія онъ пригласилъ меня. Къ несчастію, *Воронежскій Сборникъ* никакъ не можетъ стать на одну доску, въ этнографическомъ отношеніи, съ *Пермскимъ*: наши мѣстные литераторы вовсе незнакомы съ губерніей; слѣдовательно, статьи литературныя и ученыя для него необходимы. Издатель, конечно, бьетъ на барышъ; но самое изданіе никогда не будетъ бить по карману публики. Чтобы *Сборникъ* былъ, по крайней мѣрѣ, нелишнимъ въ Литературѣ—вотъ въ чемъ моя задача. А что это такъ—ручательствомъ вамъ отчасти можетъ служить мое, правда, заочное знакомство съ Аксаковымъ и близкое, личное, съ П. И. Бартеневымъ. Позвольте покорнѣйше просить, ваше превосходительство, принять участіе въ редактируемомъ мною изданіи, на обще-

журнальныхъ, или на какихъ вамъ угодно условіяхъ. Все, что вамъ угодно будетъ дать мнѣ, будетъ истиннымъ украшеніемъ *Сборника* — будетъ ли то оригинальная статья или матеріалы по Исторіи, Этнографіи и Литературѣ. Мѣстные историческіе матеріалы, добытые мною изъ стариннаго здѣшняго Архива, разработкою котораго я занимаюсь, войдутъ также въ *Воронежскій Сборникъ*. Жаль, что разработка эта должна потянуться въ безконечность; жаль, что отъ времени невѣжества или чего другаго, почти нигдѣ не сохранились провинціальные архивы: только они могли бы пополнить вѣчную пустоту нашей Исторіи — процессъ заселенія степныхъ украинъ, и во что обошлась Русскому человѣку эта колонизація. Я просилъ гг. ученыхъ доставлять статьи въ сентябрѣ или октябрѣ. Во всякомъ случаѣ, позвольте надѣяться, что вы не замедлите почтить меня увѣдомленіемъ".

Съ своей стороны, и Малыгинъ писалъ Погодину: „Предпринимая изданіе *Воронежскаго Сборника*, мы желали бы украсить его статьею вашего сочиненія. Смѣемъ безпокоить васъ покорнѣйшею просьбою, удѣлить намъ что-нибудь изъ вашихъ литературныхъ произведеній. Мы знаемъ, что ваше превосходительство имѣете богатый запасъ историческихъ изысканій, относящихся къ разнымъ мѣстностямъ Россіи, а потому надѣемся, что для нашей губерніи у васъ найдется что-нибудь любопытное. Впрочемъ, если за неимѣніемъ такой статьи, вамъ угодно будетъ пожаловать что-либо другое, мы примемъ съ большою благодарностью. Что касается до вознагражденія за трудъ вашъ, то мы предлагаемъ вамъ ту же плату, которую вы получаете отъ другихъ издателей. Можетъ быть, вы уже обѣщали свою статью г. Де-Пуле, который также намѣренъ издавать *Воронежскій Сборникъ*, то покорнѣйше просимъ, ваше превосходительство, не отказать въ этомъ и намъ, и въ случаѣ согласія вашего, просимъ почтить насъ скорымъ увѣдомленіемъ".

Въ это время въ Москвѣ учредились два журнала: *Православное Обозрѣніе*, подъ редакціею профессора Богословія

въ Московскомъ Университетѣ протоіерея Николая Александровича Сергіевскаго, и *Душеполезное Чтеніе*, подъ редакціею священника Казанской, что у Калужскихъ воротъ, церкви Алексѣя Осиповича Ключарева *).

Цѣль учрежденія этихъ журналовъ раскрыта въ письмѣ К. Н. Невоструева къ преосвященному Діонисію. „Надъ нашимъ сословіемъ“,—писалъ Невоструевъ,—„и церковью сбирается туча. Въ обществахъ, въ газетахъ и журналахъ Московскихъ, особенно же С.-Петербургскихъ, безпрестанно слышатся на насъ, духовныхъ, на церковь и религію, клеветы, насмѣшки, ругательства. Мы невѣжды, грубы, безнравственны, не можемъ и рта разинуть. Долой касту духовную, долой монашество, долой несовременное ученіе и обряды нашей церкви. Всѣ убѣжденія (по нашему, вѣроисповѣданія) и католика, и лютеранина, и татарина, и еврея, и язычника, даже чистаго атеиста должны стоять на одной съ нашимъ степени. Театръ—училище нравственности, т.-е. чувственности; ученіе отцовъ церкви не должно имѣть дли насъ никакой силы обязательной, а служить только историческимъ памятникомъ, что такъ нѣкогда нѣкои учили по своему вѣку и разумѣнію, но нынѣ другія времена, другіе должны быть взгляды, потребности. Слава Богу, что еще простой и средній классъ мало читаетъ этихъ сатанинскихъ порожденій, а ищетъ болѣе или менѣе для него понятное, простое и назидательное чтеніе въ книгахъ церковныхъ, житіяхъ святыхъ, поученіяхъ отеческихъ и т. п. Для поддержки этого духа благочестія, нѣсколько здѣшнихъ ученыхъ священниковъ, Алексѣй Осиповичъ Ключаревъ, Василій Ивановичъ Лебедевъ, предприняли издавать въ слѣдующемъ году *Душеполезное Чтеніе*... Владыка собственнымъ словомъ обезпечилъ изданіе въ разсужденіи издержекъ. Между сотрудниками считаюсь и я, обязавшись поставлять годные матеріалы, впрочемъ, не сырьемъ, изъ Сѵнодальной Библіотеки. Тогда какъ *Душеполезное Чтеніе* будетъ изда-

*) Впослѣдствіи архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій Амвросій. *Н. Б.*

ваться собственно для поддержки благочестія въ среднемъ и низшемъ классѣ, противъ современнаго вольнодумства, идей и разныхъ на нашъ счетъ выходокъ, предположено и также утверждено владыкою изданіе другого ученаго журнала, подъ редакціей законоучителя Московскаго Университета, священника Сергіевскаго съ товарищи. Этотъ журналъ потребуетъ немалыхъ свѣдѣній и книгъ. Тутъ будутъ помѣщаться статьи ученыя по всѣмъ предметамъ духовнаго образованія, обозрѣнія вновь выходящихъ книгъ и замѣтки о современныхъ идеяхъ; въ приложеніяхъ имѣютъ переводиться апокрифы Ветхаго и Новаго Завѣта и акты мучениковъ христіанскихъ. Иванъ Ивановичъ Побѣдинскій—одинъ изъ первыхъ двигателей сего журнала. Если бы не стѣсняли, а еще поощряли сколько-нибудь здѣшнее ученое духовенство къ ученымъ трудамъ, то много было бы плода, и, можетъ быть, заградились бы разверзшіяся на насъ уста клеветниковъ"...

Другъ Невоструева, А. В. Горскій, 15 апрѣля 1861 года, писалъ своему товарищу философу В. Д. Кудрявцеву: „Не знаю, слѣдите ли вы нынѣ за свѣтской Литературой, какъ прежде; а мнѣ кажется—ожесточеніе противъ всего духовнаго, церковнаго, съ усиленіемъ матеріалистическаго направленія, съ расширеніемъ либеральныхъ стремленій, съ каждымъ мѣсяцемъ становится сильнѣе. Нельзя появиться никакой серьезной книгѣ духовнаго писателя, которой бы не разругали... Насмѣшка, усиліе представить все отсталымъ, схоластическимъ, ни къ чему въ настоящее время не годнымъ, ясно показываетъ желаніе все смѣшать съ грязью... И такъ, въ то время, какъ мы беремся устроить чужія дѣла, у насъ крыша падаетъ".

На это, В. Д. Кудрявцевъ, 23-го мая 1861 года, изъ Царскаго Села, отвѣчалъ: „Журнальныя статьи, конечно не имѣли бы вліянія, если бы въ самомъ обществѣ не было предрасположенія подчиняться ихъ вліянію. Противъ идей должно сражаться идеями, а не внѣшнимъ оружіемъ силы... Кажется и вы въ этомъ согласны. Но дѣло въ томъ, что эта

борьба должна быть дѣломъ свободнымъ и что въ стремленіи къ какому-то идеальному совершенству не должно останавливать хотя и слабыхъ, но благонамѣренныхъ попытокъ противодѣйствовать одностороннимъ мнѣніямъ. А примѣръ, хотя бы о. Θеодора, показываетъ противное. Нельзя ожидать успѣха, когда не будетъ средины между направленіемъ Аскоченскаго и *Современника*".

Съ своей стороны, редакторъ *Душеполезнаго Чтенія*, о. Ключаревъ, писалъ протоіерею Базарову: „Моя главная задача, мое искреннѣйшее желаніе при началѣ изданія было— послужить нашему простому, въ собственномъ смыслѣ, народу и вообще всѣмъ сословіямъ, невѣжественнымъ въ дѣлѣ вѣры, общепонятнымъ и сердечнымъ изложеніемъ христіанскаго, душеполезнаго ученія во всѣхъ его видахъ. Это было наше знамя, вы такъ его поняли. Но мы, говорите вы, невѣрны своему знамени, какъ и другіе наши духовные журналы. Совершенная правда. Отчего это? — Не говоря о другихъ духовныхъ изданіяхъ и ихъ издателяхъ, я скажу вамъ о своемъ и о себѣ, насколько я самъ понимаю дѣло.

Съ перваго года нашего изданія опытъ показалъ намъ, что мы съ своимъ знаменемъ очутились на той несчастной роковой чертѣ, которая отдѣляетъ нашъ простой народъ отъ полуобразованнаго общества. Люди изъ простого народа, до которыхъ достигали наши книжки, принимали ихъ съ любовью, полуобразованные оглянулись на нихъ съ улыбкою. Что это, говорили они, насъ хотятъ грамотѣ учить? Это несовременно. Но такъ какъ простой народъ нашъ доселѣ почти никакихъ книгъ (кромѣ чисто церковныхъ) еще не покупаетъ, а о журналахъ и понятія еще не имѣетъ, то мы рисковали остаться безъ подписчиковъ. Сельское духовенство, по предписаніямъ нѣкоторыхъ архіеревъ, стало было порядочнымъ проводникомъ нашего журнала въ народъ, если не для Науки, то по крайней мѣрѣ для чтенія; но, безъ повторенія консисторскихъ указовъ о выпискѣ журнала на церковный счетъ, и эти проводники начали намъ измѣнять. Что оставалось дѣлать? На-

добно было съ измѣной своей задачѣ прилаживаться къ понятіямъ людей съ претензіями на образованность и на современность. И мы, съ своей точки зрѣнія, стали касаться вопросовъ современныхъ, которые могли интересовать свѣтское общество и самое духовенство. И я отъ души жалѣю объ этой измѣнѣ нашей первоначальной мысли. Оказалось труднымъ и излагать одно ученіе. Простой народъ скоро устаетъ на чтеніи учительныхъ статей, потому что не привыкъ къ размышленію о предметахъ отвлеченныхъ, свѣтскіе люди ими скучаютъ, потому что у нихъ испорченъ вкусъ легкимъ журнальнымъ чтеніемъ. Таковы-то плоды нашего Просвѣщенія. Вотъ почему мы помѣщаемъ охотно разсказы и анекдоты.

Прибавьте къ этому второе, весьма важное обстоятельство. Передовые изъ нашего духовенства (молодежь, какъ вы говорите) какъ сначала взглянули, такъ и теперь продолжаютъ смотрѣть на наше дѣло съ совершеннымъ презрѣніемъ. Такой трудъ для нихъ кажется мелочью, дѣломъ ребячьимъ. Ихъ интересуютъ великіе вопросы литературнаго кружка; милліоны православнаго народа для нихъ не стоятъ вниманія. Вы, можетъ быть, думаете, что мы завалены статьями, что намъ остается только выбирать и что дурной вкусъ нашъ причиною дурнаго выбора статей. Увы! Лучшіе наши таланты смотрятъ по верхамъ, большинство нашего магистерства спитъ непробуднымъ сномъ лѣни, и въ статьяхъ, отъ него получаемыхъ, царствуетъ школьная формальность, отвлеченность и сухость. Даровитыхъ охотниковъ потрудиться надъ тѣмъ, чтобы высвободить догматическое ученіе и даже нравственное изъ школьныхъ формъ и научнаго языка, въ который у насъ его запутали, приблизить его къ пониманію народа, выработать для него новую, живую и ясную рѣчь — пока еще нѣтъ. Самое лучшее для насъ было бы, въ настоящее время,—это разсказы изъ библейской и церковной Исторіи, одушевленные и пересыпанные слегка догматическимъ и нравственнымъ ученіемъ. Вотъ почему я просилъ васъ объ нихъ. А пока — до времени, намъ остается успокоиться на той

мысли, что какъ бы Христосъ ни проповѣдывался, только бы проповѣдывался.

Видите, я совершенно согласенъ съ вами. Въ вашихъ замѣчаніяхъ я нашелъ то, о чемъ самъ думаю постоянно, но, какъ видите, внѣшнія причины мѣшаютъ нашему журналу быть тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть. Помогите намъ въ этомъ. Сказавши, что невѣріе проникаетъ въ наше общество, вы выразились слабо; оно систематически въ немъ распространяется и при томъ такими дѣятелями, которые забираютъ въ руки власть. Сильнаго противодѣйствія ему не видится; народъ съ своею любимою святою вѣрою остается беззащитнымъ. Въ него врываются просвѣтители и учители съ ожесточеннымъ невѣріемъ, и нѣтъ пастуха, который бы отогналъ этихъ зубастыхъ волковъ отъ брошеннаго стада. Время критическое. Въ народѣ открывается многое множество школъ, а читать ему нечего. По мѣрѣ распространенія въ немъ грамотности, книжные промышленники не замедлятъ снабдить его всякою литературною мерзостью, а мы все будемъ думать, что это вопросъ несовременный. Вы далеко отъ Отечества, многаго не видите, что мы видимъ и отчего намъ плакать хочется“.

Сочувствуя направленію и цѣли *Душеполезнаго Чтенія*, Погодинъ отправилъ туда, для напечатанія, свои статьи; но получилъ отъ о. Ключарева слѣдующее письмо: „Простите меня въ томъ, что послѣ того любезнаго пріема, которымъ вы удостоили меня, къ величайшему моему сожалѣнію, я долженъ дать отрицательный отвѣтъ на ваше, весьма обязательное для насъ, предложеніе — напечатать въ *Душеполезномъ Чтеніи* двѣ статейки ваши. Владыка нашъ боленъ и съ трудомъ принялъ меня нынѣ послѣ обѣда. Онъ выразилъ удовольствіе, услышавъ отъ меня, что вы хотите принять участіе въ дѣлѣ нашемъ. Но вотъ его мнѣніе о вашихъ статьяхъ. Въ первой — *Два слова къ старообрядцамъ*, онъ признаетъ не полезнымъ для раскольниковъ, доселѣ спорящихъ только за разности въ Славянскомъ текстѣ нашихъ церковныхъ

книгъ, раскрывать имъ, что *и подлинный текстъ священныхъ книгъ, принятый нашею церковію еще подъ сомнѣніемъ и требуетъ пересмотра.* Синайская рукопись, какъ документъ еще не осмотрѣнный, не довольно сильна для того, чтобы по случаю ея открытія, бросать тѣнь на то, въ чемъ раскольники не сомнѣвались и о чемъ не спорили. Во второй статьѣ, мысли признаны очень хорошими, но тонъ—рѣзкимъ, несоотвѣтствующимъ направленію нашего степеннаго изданія. Думаю, что любовь ваша къ дѣлу Вѣры и Православной Церкви не дастъ вашему сердцу оскорбиться тѣмъ, что такъ неловко, на первый разъ, мы съ вами встрѣчаемся. Мы робки, какъ новички. Что-жъ прикажете дѣлать? Послѣднее говорю, разумѣется, о себѣ и своихъ сотрудникахъ и только потому, что сознаю церемонность въ нашемъ изложеніи, которая такъ далека отъ вашей размашистой свободы. Покорнѣйше прошу васъ не оставить меня вашимъ добрымъ расположеніемъ... Не считаю нужнымъ предупреждать васъ, чтобы это осталось между нами; но считаю нужнымъ покорнѣйше просить, не *пропечатывать наше имя, яко зло*, за наше отреченіе отъ статей вашихъ. Намъ повредить, насъ раздавить весьма легко, но я увѣренъ, что всѣхъ менѣе можетъ желать этого М. П. Погодинъ" [240]).

LXXVI.

На пути изъ Москвы во Флоренцію (7 октября 1860 года), Шевыревъ писалъ Погодину: „Много думалъ я о газетѣ— послѣдней мысли и послѣднемъ словѣ, на которыхъ мы разстались. Слѣдовало бы назвать ее *Будильникомъ*, но испугаются, пожалуй. Хорошо бы также имя *Московскаго Хронометра* или *Часомѣра*, но покажется изысканнымъ, а мысль газеты оно бы хорошо выражало. Намъ надобно не столько гоняться за временемъ, сколько повѣрять время, и указывать на него вѣрнѣйшимъ образомъ" [241]).

Мысль о газетѣ пришлась по душѣ Погодину, и онъ опять сталъ разсчитывать на сотрудничество А. А. Григорьева.

Вскорѣ по отъѣздѣ Шевырева изъ Москвы, 28 октября 1860 года, А. А. Григорьевъ писалъ Погодину: „Вамъ и мнѣ нужна *дѣятельность*. Мнѣ нужна она такъ, что либо въ петлю, либо въ Лондонъ, либо *что нибудь* дѣлать... Что газету вамъ не разрѣшатъ, это—почти вѣрно. Мой проектъ вотъ какой: 1) Или взять *Московскій Вѣстникъ*, который, кажется, провалится... Если можно, втянуть въ наше изданіе кого либо изъ музыкальныхъ торговцевъ и давать музыкальныя приложенія. 2) Или начать маленькое изданіе въ форматѣ *Домашней Бесѣды* Асноченскаго (но не во вкусѣ ея). Я съ Асноченскимъ говаривалъ о его изданіи: онъ мнѣ говорилъ, что изданіе стоитъ ему до шести тысячъ. Типографіи у Каткова и Леонтьева избѣгнуть бы лучше, ибо взявши Типографію у нихъ, мы не можемъ уже взять Сергѣя Калошина— а онъ *сила*. Я еще и не видѣлся съ нимъ и не увижусь, пока съ вами не столкуюсь. Выгоды и убытки на основаніи *акцій*".

Между тѣмъ, о поведеніи Григорьева, до Погодина доходили весьма неблагопріятные слухи. Григорьевъ принужденъ былъ оправдываться. „Я *самолично*",—писалъ онъ,— „нахожусь въ наилучшемъ нравственномъ и физическомъ здоровьи, полонъ бодрости, ярости на враговъ, но въ состояніи, которое одинъ, очень умный человѣкъ называлъ absence momentanée, mais totale de capitaux, — такъ что въ сухую и *холодную* погоду не могъ являться на Дѣвичье Поле, за отсутствіемъ зимняго туалета; въ болѣе же теплую и влажную, за отсутствіемъ калошъ,—да и потому еще, чтобы не впасть въ гнусное искушеніе (какое, вы вѣрятно догадываетесь)... Какъ будто зналъ я, что у меня столько пріятелей, которые пускаютъ про меня, буквально сидящаго въ берлогѣ, нехорошіе слухи?... Какіе? 1) Въ ротъ я не беру хмѣльнаго— и если ужъ не беру, то совсѣмъ. 2) Съ женой я не могу жить подъ одной крышей... Еще что-же? Т.-е., что *такого*,

о чемъ бы я заранѣе васъ не предувѣдомилъ, даже письменно? Да и какимъ образомъ, мои *семейныя* дѣла или мои отношенія съ женщинами вообще относятся къ нашему *дѣлу*... Развѣ изъ друзей кто не пустилъ ли *юмора* ради слухъ, что я загулялъ. Ради Бога, не будьте такъ вспыльчивы, добрѣйшій Михаилъ Петровичъ—а главное еще: положите конецъ гнуснымъ сплетнямъ. Вы вѣдь одно знаете, что я слишкомъ гордъ для того, чтобы скрывать въ себѣ даже *мерзости*, а особенно отъ васъ“!

Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ обратился и къ А. И. Кошелеву съ просьбою о содѣйствіи на изданіе газеты. Кошелевъ отвѣчалъ: „Вполнѣ сознаю необходимость въ газетѣ и готовъ ее всячески поддерживать; но изъ-за триста верстъ отъ Москвы переговаривать съ Гиляровымъ—нѣтъ возможности. Кромѣ Гилярова, я никого не имѣю въ виду, хлопочите, гоните, ругайте, просите, требуйте и пр. Только не вздумайте пожаловать въ редакторы Аполлона Григорьева или иного нелѣпаго человѣка. Я готовъ газету поддерживать, вмѣстѣ съ прочими; но высовываться въ первые не намѣренъ... Въ началѣ и на словахъ всѣ готовы работать, даже денегъ не хотятъ брать; а на дѣлѣ оказывается совершенно противное“.

Но несчастнаго Аполлона Григорьева до такой степени скрутили обстоятельства, что онъ, въ Петербургѣ, попалъ въ Долговое Отдѣленіе, и изъ этой юдоли плача, 13 февраля 1861 года, писалъ Погодину: „Я пишу къ вамъ изъ Долговаго Отдѣленія—но, прежде всего, не за тѣмъ, чтобы о чемъ либо васъ просить, не за тѣмъ, чтобы вамъ что либо предлагать, не затѣмъ даже, чтобы себя самого оправдывать... Судьба моя рѣшена. По выпускѣ изъ *благотворительнаго* заведенія—ибо находятся еще добрые люди, которые меня выкупаютъ—я, уѣду, кажется, на службу въ Оренбургскій Кадетскій Корпусъ, что дастъ мнѣ возможность: 1) имѣть опредѣленное содержаніе и стало быть обезпеченіе въ городѣ, гдѣ жизнь дешевле Петербуга и Москвы; 2) воспитать двухъ дѣтей, носящихъ мое прозвище.—Цѣли, какъ видите, законныя, такъ—

на три года, а тамъ что Богъ дастъ. Но подъ конецъ всего позвольте мнѣ досказать вамъ старую пѣсню. Опять въ рукахъ вашихъ и моихъ было наше дѣло и опять оно ускользнуло изъ рукъ—вѣроятно, уже навсегда. Извините, что я говорю съ такою самоувѣренностью. Вы сами знаете, что кромѣ меня и Бориса (Алмазова), вамъ взяться не за кого. На Гильфердингахъ вы далеко не уѣдете; другихъ пока не предвидится—или эти другіе—уже дѣти иного поколѣнія, которые нашего стараго дѣла дѣлать вполнѣ не могутъ. Въ настоящую минуту, мнѣ стоило бы сдѣлать шагъ въ Тушинскій лагерь—и я поднялся бы очень, съ матеріальной стороны. Какъ я матеріально ни упалъ—чуть что не до метеорскаго званія—моими статьями, сколько я могъ убѣдиться, дорожатъ. Стоитъ, слѣдственно, только сдѣлать нѣкоторыя, по видимому, незначительныя уступки—и могу васъ увѣрить, что Тушинскій станъ прикроетъ меня своимъ всемогущимъ авторитетомъ. Тушинскій станъ тѣмъ и хорошъ, что во первыхъ—единодушенъ и *своихъ* не выдастъ; во вторыхъ, все прикрываетъ. Въ немъ не станутъ слушать сплетенъ или даже правдивыхъ разсказовъ о томъ, что человѣкъ *нужный* для извѣстныхъ цѣлей, иногда запиваетъ, что онъ должаетъ или живетъ блудно... Тамъ вообще *нравственностію* не измѣряется способность человѣка къ дѣлу. Отъ того-то тамъ и дѣлалось и дѣлается дѣло,—ибо никакое дѣло немыслимо въ мірѣ безъ единодушія и крѣпкаго стоянія одного за всѣхъ и всѣхъ за одного, стоянія даже вопреки условной справедливости и условной нравственности. Начать съ того впрочемъ, что я ото всѣхъ васъ и справедливости-то, даже условной, не видалъ въ послѣднее время... Прямая обязанность всѣхъ васъ была, слѣдовательно, если я годенъ на дѣло (и кто же, позвольте еще разъ спросить, и годенъ то на него, кромѣ Бориса Алмазова и меня?) — принять фактъ какъ фактъ и даже взять этотъ фактъ подъ *возможное* покровительство. Вмѣсто этого, я встрѣтилъ въ ближайшихъ мнѣ людяхъ или слабость и двоедушіе, какъ въ

отцѣ, или прямыя воззванія къ *нравственности* со стороны Эдельсона,—или наконецъ со стороны вашей, старчески наставительный тонъ, который между прочимъ къ вамъ вовсе и не шелъ. На сколько все это мнѣ было и горько, и съ позволенія сказать, гадко—можете судить по моей привязанности къ вамъ, по моей бывалой дружбѣ къ Эдельсону, по моей бывалой же вѣрѣ въ наше дѣло... Знаю, что могъ бы сказать мнѣ, хоть напримѣръ, Эдельсонъ, съ его „мѣщански-нравственной" точки зрѣнія. Ты, дескать хочешь, чтобы въ сношеніяхъ кружка забывались личныя понятія о справедливости, личныя нравственныя требованія? Конечно! отвѣчу я, нисколько не колеблясь, ибо безъ этого никакое дѣло на свѣтѣ не дѣлалось, не дѣлается, да вѣроятно и дѣлаться не будетъ. Я, съ своей стороны, скажу прямо—что, въ ту пору, когда я пламенно вѣрилъ и въ наше дѣло, и въ нашу братскую связь—если бы Эдельсонъ разорвался съ своей вполнѣ честной, благородной и достойной женой,—я бы не позволилъ себѣ даже съ ней видаться, ибо *нужнымъ* звеномъ считалъ бы я его, а не ее. И мнѣ кажется, что я былъ бы правѣе Эдельсона. Повторю въ заключеніе—что я пишу къ вамъ, не прося васъ ни очемъ, не предлагая болѣе вамъ ничего. Просить у васъ могу я теперь только развѣ благословенія на скромный и честный уголокъ дѣятельности въ Оренбургѣ да на уединенную дѣятельность, по временамъ, въ Литературѣ. Такого благословенія я дѣйствительно и прошу у васъ, потому что мнѣ не у кого его больше просить. Въ васъ я не разочаровался. Вы для меня тоже, что и были, т.-е, со всѣми вашими недостатками,—единственно вѣрный въ общественномъ служеніи руководитель—и человѣкъ, широко способный понимать другого человѣка".

LXXVII.

Добрые люди извлекли несчастнаго А. А. Григорьева изъ Долговаго Отдѣленія и доставили ему мѣсто преподавателя въ Оренбургскомъ Кадетскомъ Корпусѣ.

Изъ отдаленнаго Оренбурга, 16 сентября 1861 года, онъ писалъ Погодину: „Принимаюсь отвѣчать на письмо ваше, мой *всетаки* единственный (quand meme) и всегда одинаково глубокочтимый вождь и отецъ—*спокойно* и *спокойный*.

1) Изъ писемъ вашихъ, адресованныхъ въ редакцію *Времени*, получилъ я *одно*, когда сидѣлъ въ Долговомъ. Отвѣчать на него я не *хотѣлъ*, потому что въ немъ, что ни слово—то несправедливость, непониманіе вещей и нежеланіе понять вещи. Такъ и хотѣлъ я молчать до встрѣчи въ томъ мірѣ, въ которомъ каждый *познаетъ, яко же познанъ бѣ*... въ которомъ извѣстный *хвостъ* извѣстнаго мошенника перестанетъ вилять между людьми.

2) Но вы опять во мнѣ пишете—и, такъ сказать, вызываете къ отвѣту. Будь по вашему! Должно быть Богъ строитъ къ лучшему.—Слушайте же меня такъ, какъ бы я говорилъ въ смертный часъ мой, передъ Страшнымъ Судомъ Того, у Кого *нѣсть на лица зрѣнія*...

Прежде всего о моихъ семейныхъ дѣлахъ, если ужъ вы въ нихъ впутаны.

Отца моего я не могъ никогда (съ тѣхъ поръ, какъ только пробудилось во мнѣ сознаніе, а оно пробудилось очень рано) уважать, ибо, къ собственному ужасу, видѣлъ въ немъ постоянный грубый эгоизмъ и полнѣйшее отсутствіе сердца—подъ внѣшнею *добротою*, т.-е., слабостью и *миролюбіемъ*, т.-е., гнусною ложью для соблюденія худаго мира. Сначала—деспотъ до звѣрства, — потомъ игрушка своихъ людей, — рабъ перваго встрѣчнаго,—онъ былъ бы постоянно моимъ рабомъ, еслибы мнѣ постоянно везло счастье. Не говорите, что взглядъ

мой жестокъ—а поразговоритеся-ка лучше съ Фетомъ о временахъ нашего съ нимъ студенчества, имѣя только въ виду, что все дѣйствовавшее на Фета, какъ на посторонняго человѣка, комически, на меня дѣйствовало *иначе*. Въ эпоху лучшей поры моей жизни, эпоху зеленаго и сѣраго *Москвитянина, я насильственно по идеѣ* способенъ былъ увѣрять себя въ томъ, что онъ человѣкъ дѣйствительно добрый — а въ сущности доброта его заключалась въ томъ, что, видя во мнѣ какую ни на есть поддержку,—онъ подчинился мнѣ, моему образу жизни, моимъ друзьямъ и моимъ вкусамъ. Подчиненіе это простиралось до *гадости* въ *блистательную* эпоху первыхъ семи мѣсяцевъ, по возвращеніи изъ-за границы. Будь у меня постоянно деньги, я могъ бы дѣлать все, что угодно съ полнѣйшимъ одобреніемъ и ободреніемъ...

Вотъ то, что я думаю въ холодно-желчныя минуты и думаю *вѣрно*, а сколько еще у меня въ душѣ моей боли по этомъ старикѣ, который тѣмъ и жалче, что вѣрилъ всю жизнь въ одинъ маммонъ, и что теперь жизнь его, дѣйствительно, незавидна—про это знаю я самъ да мои сѣдые волосы.

Объ отношеніяхъ къ женѣ, едва ли и вы даже станете говорить серьезно. Во всякой другой странѣ, церковь и государство давно бы освободили меня отъ этой барыни—да даже и въ нашемъ Отечествѣ, если только на меня, съ ея стороны, будетъ подана жалоба,—то мы еще увидимъ *послѣдствіе. Мнѣ терять нечего*. По множеству причинъ, я такъ уже искренне и просто разочарованъ въ благахъ міра сего—что покаяніе ли въ монастырѣ, ссылку ли на поселеніе—приму я весьма равнодушно—но такъ ли приметъ она?..

Ваша несправедливость въ письмѣ, которое я получилъ въ *Долговомъ*, простерлась до того, что вы упрекнули меня даже размолвкой съ Кушелевымъ *), т.-е., что я ни съ кѣмъ не уживаюсь. А я вотъ что вамъ скажу. *Время* очень дорожило и дорожитъ моими статьями — а я чуть было и съ

---

*) Княземъ Григоріемъ Александровичемъ, издателемъ *Русскаго Слова*. *Н. Б.*

Временемъ не разссорился — и опять изъ-за *того же*. Я не позволю себѣ, позволяя себѣ спорить съ Погодинымъ, Шевыревымъ, съ Хомяковымъ въ частностяхъ—написать: *г*. Погодинъ, *г*. Шевыревъ, *г*. Хомяковъ. Не позволю себѣ слегка отозваться о дорогихъ мнѣ личностяхъ — не потому только, что бы *личности* были мнѣ дороги, а потому, что я честный рабъ идей, которыхъ личности служатъ представителями. Я не позволю себѣ даже о *принципахъ* (т.-е., православно-христіанскихъ) Бурачка отозваться слегка,—не щадя мрачныхъ послѣдствій, имъ выводимыхъ изъ святыхъ принциповъ. Такъ, 1) могу ли я съ кѣмъ либо изъ журналистовъ ужиться, 2) могу ли я *постоянно* получать деньги?.. Или вы не видите — въ какой-то странной слѣпотѣ,—что *наше* дѣло есть *Сынъ Человѣческій, иже не имать гдѣ главу приклонити?*.. Сдѣлайте милость—пошлите какую либо вашу, *вполнѣ искреннюю* статью въ *Время*! Убѣдитесь.

Вы хоть бы то только подумали, что 1) въ *шести* книжкахъ *Русскаго Слова*—моихъ около пятнадцати листовъ. 2) въ *пяти* книжкахъ *Времени*—до осмнадцати. Могу же я писать — а коли не пишу, такъ значитъ причина лежитъ не во мнѣ.

Нѣтъ! за то, что я не *уживаюсь*, что предпочитаю занимать безъ отдачи, быть подлецомъ въ глазахъ большинства — за то что не продалъ я, среди униженій, лишеній, мукъ душевныхъ, превосходившихъ временами всякую мѣру,—*слова*, съ которымъ „надобно обращаться честно",—за то что слово для меня не „слова, слова, слова". Господь Истины еще и поддерживалъ и спасалъ меня Своей, по-истинѣ всепрощающей Десницей.

И тяготѣніе на себѣ этой Десницы и помощь Ея таинственную и чудесную я испыталъ.

Время идетъ хорошо, платитъ хорошо; *Время* мной дорожило и дорожитъ. Но *Время* имѣетъ наклонность очевидную къ Чернышевскому съ компаніей—и я не остался въ Петербургѣ.

Тамъ я большею частію ненужный человѣкъ. Здѣсь, въ Оренбургѣ, уча Русскому языку, честно и ревностно стараясь будить любовь къ народности, къ преданію, къ церкви, къ изящному,—я, по крайней мѣрѣ, небезполезный рабочій...

Съ В. В. Григорьевымъ мы стали искреннѣйшими пріятелями, съ перваго же дня моего пріѣзда въ Оренбургъ. Теперь онъ въ степь уѣхалъ и воротится къ 15 октября.

Васъ лично остается мнѣ просить: 1) о томъ, чтобы вы были ко мнѣ такой же, какъ всегда, 2) о томъ, чтобы вы какъ нибудь—не *уладили*, а *замазали* Московскія дѣла. Изъ пятидесяти семи жалованья въ мѣсяцъ, немного сдѣлаешь, особенно въ Оренбургѣ, градѣ вовсе не дешевомъ. Къ январю у меня будутъ еще уроки въ Киргизской школѣ — рублей на двадцать пять да напишу что нибудь. А теперь и писать некогда, да еще и не пора, хотя Достоевскіе пристаютъ (имъ я, слава Богу, не долженъ). Пусть ихъ прочахнутъ и протрезвѣютъ немного отъ симпатій *Современника*. *Тамъ* у меня есть вѣрный глазъ, молодой философъ — идеалистъ Николай Николаевичь *Страховъ*.—А пока—прощайте! Если вы будете отвѣчать мнѣ на это посланіе, то получите раппортъ о городѣ Оренбургѣ и о моей въ ономъ дѣятельности. Вспомнивъ, что за одно ужъ платить двойную цѣну за письмо, я хочу вкратцѣ донести вамъ о моемъ настоящемъ положеніи. Служба здѣсь вещь менѣе пакостная, чѣмъ гдѣ либо. Здѣсь еще дорожатъ людьми, свое дѣло знающими—да и начальство (директоръ и инспекторъ) честные, хоть, конечно, и мало свѣдующіе люди. Безобразіе, коли хотите—общее всѣмъ военно-учебнымъ заведеніямъ. Есть еще безобразіе спеціальное, *сочиненное* Катенинымъ: раздѣленіе Корпуса на два эскадрона: *дворянскій* и *недворянскій* (!!!) Но безобразіе умѣряется отсутствіемъ строгости формализма и *страхомъ* (ей Богу!) *гласности*. Вотъ то-то и дѣло! Надъ мелочностью нашей *кабацкой* гласности нельзя не смѣяться, но въ нашемъ жалкомъ быту и она полезна.

Норманскій періодъ *) я прочелъ по его выходѣ. Скажу вамъ то, что всегда говорилъ: Только съ вашихъ основъ можно идти къ чему нибудь. Въ другія, вы знаете, я плохо вѣрую. Я-то васъ читаю, а вы-то меня читали ли, т.-е. читали ли мои статьи во *Времени*? Въ особенности статьи о Бѣлинскомъ? Вѣдь я тутъ подрывалъ *централизацію* въ ученіи самаго даровитаго изъ ея пророковъ"!

LXXVIII.

Съ удаленіемъ А. А. Григорьева въ Оренбургъ, Погодинъ всетаки не покидалъ мысли объ изданіи журнала. По этому предмету онъ вступилъ въ переговоры съ Б. И. Ордынскимъ, бывшимъ нѣсколько лѣтъ адъюнктомъ по каѳедрѣ Греческой Словесности въ Казанскомъ Университетѣ, а въ то время назначенный экстраординарнымъ профессоромъ по этой же каѳедрѣ въ Харьковскій Университетъ, но по болѣзни застрявшій въ Москвѣ.

Послѣ личныхъ переговоровъ съ Погодинымъ, 1 февраля 1861 года, Ордынскій писалъ ему: „На словахъ, въ разговорѣ, нелегко высказаться опредѣлительно и окончательно; потому, чтобы не было послѣ недоразумѣній, я рѣшился къ вамъ, многоуважаемый Михаилъ Петровичъ, написать, какъ я смотрю на затѣваемый вами журналъ и на личныя мои къ нему отношенія. Я спеціалистъ, какихъ немного у насъ. Говорю это не въ похвальбу; напротивъ, мнѣ не разъ приходилось сокрушаться о моей неизмѣнной любви къ классической Греціи. Наши ученыя „корпораціи" не хотѣли до сихъ поръ дать мнѣ ходъ, дать возможность заняться Наукой такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось. Чтобы поддерживать свое существованіе, я вынужденъ былъ обратиться къ литературнымъ занятіямъ. А они были для меня нелегки: много требовалось труда, чтобы

*) Сочиненіе Погодина. *Н. Б.*

извлечь изъ моей Науки то, что приходилось бы по зубамъ нашей публикѣ; внѣ же предѣловъ Греціи, я для статей моихъ почти не бралъ до сихъ поръ предметовъ, хотя бы и могъ. Съ другой стороны, съ дѣтства присматривался я къ окружающей насъ средѣ, принималъ живое участіе въ разныхъ житейскихъ дѣлахъ. Это участіе восполняло недостатокъ ученыхъ пособій; оно не отвлекало меня отъ главнаго дѣла, напротивъ — освѣщало классическую древность современнымъ свѣтомъ... Умѣньемъ сходиться съ самыми разнородными людьми и любовію къ чтенію, обязанъ я моимъ благопріятелямъ,— собратамъ по Наукѣ; они не давали мнѣ возможности заняться Наукою исключительно, а нужда заставляла сходиться съ людьми. Тѣ же причины обратили меня на болѣе доступную и сподручную мнѣ нашу Литературу и Журналистику. Особенно много приходилось читать въ Казани: тамъ больше нечего было дѣлать. Но я только читалъ; прямого участія въ литературныхъ спорахъ никогда не принималъ: былъ только свидѣтелемъ; за то, какъ свидѣтель, привыкъ безпристрастно обсуживать разныя литературныя явленія.

Ваша мысль объ изданіи журнала, подъ моей редакціей, сперва меня озадачила, и я долго не могъ переварить этой мысли. Наконецъ, пришелъ къ тому заключенію: Я имѣлъ много случаевъ увѣриться въ моемъ умѣньи сходиться съ людьми; знаю порядочно Русскую Литературу, знаю Журналистику за послѣднія двадцать лѣтъ, не принадлежу ни къ какимъ партіямъ; съ этими свойствами могу быть полезнымъ журналу, не бросая своей специальности, особенно если журналъ будетъ подходить къ тому идеалу, который представлялся мнѣ лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда мы съ однимъ лучшимъ моимъ товарищемъ и пріятелемъ, теперь покойнымъ, толковали объ этомъ предметѣ. Мы съ нимъ мечтали завести журналъ вполнѣ безпристрастный, причемъ конечно не упускали изъ виду, что мало высказать безпристрастную истину: нужно, чтобы человѣкъ, высказывающій ее, былъ честенъ, прямодушенъ; нечистыя уста оскверняютъ самую чистую истину.

Искреннюю ошибку читатели простятъ, а отъ лукаваго человѣка и святую истину принимаютъ недовѣрчиво. Это особенно примѣняется къ нашимъ читателямъ, т.-е., къ большинству нашихъ читателей; а это большинство составляетъ *молодежь*. Ее то, а не разное развратное старье, должна имѣть въ виду наша Литература. Я никогда не вѣрилъ и не вѣрю (имѣю теперь на это право, какъ отецъ) поповскимъ разглагольствіямъ, что *человѣкъ родится въ грѣхахъ* и т. п. Грѣхи въ родѣ пыли, моха, грязи, нарастаютъ на человѣкѣ въ той мѣрѣ, какъ онъ живетъ. И наша молодежь, даже Назимовская *), современная, не смотря на всѣ ея недостатки, честна бываетъ, пока не загрязнятъ ее чины, почести, удобства. Этимъ объясняется уваженіе и благоговѣніе ея даже къ Бѣлинскому, котораго (мимоходомъ) я никогда не уважалъ и не цѣнилъ за его *литературную* дѣятельность. Соглашаюсь вполнѣ съ вами, что нужно открыть молодежи глаза на Бѣлинскаго; но нужно сдѣлать это осторожно, а главное,—не Алмазову, не Аполлону Григорьеву, а И. С. Аксакову; ему только повѣрятъ.

Хотя затѣваемый вами подъ моей редакціей журналъ не будетъ отъ меня зависить, но я, на вышеприведенныхъ основаніяхъ, полагаю, что могу быть ему полезенъ. Польза эта, впрочемъ, можетъ быть только отрицательная: я могу, по крайнему разумѣнію, указывать, что̀ по вкусу и на пользу Русскимъ читателямъ. Прежде всего мнѣ не хотѣлось бы, чтобъ журналъ нашъ въ общемъ характерѣ походилъ на *Москвитянинъ*. Позвольте поговорить о *Москвитянинѣ*. Какъ *Русская Бесѣда* отличается единствомъ и честной прямотою направленія, такъ *Москвитянинъ*—пестротою и направленія, и редакціи. Вамъ самимъ завѣдовать *Москвитяниномъ* было некогда; а лица, заправлявшія имъ, безпрестанно мѣнялись. Отсюда, рядомъ съ прекрасными литературными произведе-

*) Владиміръ Ивановичъ Назимовъ былъ попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа. *Н. Б.*

ніями, съ любопытными историческими матеріалами,—бывало много хламу. Хламу, въ то время, когда издавался *Москвитянинъ*, въ другихъ журналахъ бывало еще больше; но бѣда въ томъ, что въ *Москвитянинѣ* печатались статьи, какихъ другіе журналы обѣгали и какія очень не по вкусу Русской молодежи, а она-то и составляетъ большинство живыхъ читателей. И *Русская Бесѣда*, объявивъ въ своей программѣ, что будетъ проводить Православіе, встрѣтила несочувствіе, хотя Православіе ея не имѣетъ ничего общаго съ Православіемъ, нынѣ у насъ благоденствующимъ и высказаннымъ въ *Катихизисѣ* высокопреосвященнаго Филарета. А въ *Москвитянинѣ*, „Православіе, Самодержавіе и Народность“ часто высказывались устами Стурдзы, Пановскаго и другихъ. Благодаря такимъ проповѣдникамъ, не только Православіе и Самодержавіе, но и Народность пришлись не по вкусу Русскому человѣку... Тѣмъ же направленіемъ возстановилъ всѣхъ противъ себя и С. П. Шевыревъ... Немало вредили *Москвитянину* и Московскіе естетики (Алмазовъ, Едельсонъ, Аполлонъ Григорьевъ и пр.),—эти планеты, кружащіяся вокругъ своего солнца — Островскаго. Если онъ головы ихъ отуманилъ и сдѣлалъ неспособными ко всякому живому пониманію, то и они ему жестоко отомстили: своими восхваленіями сбили съ толку этого, едва ли не самаго даровитаго изъ Русскихъ художниковъ. Аполлонъ Григорьевъ возбуждаетъ во мнѣ просто суевѣрный страхъ: изданіе, котораго коснется онъ, гибнетъ, какъ отъ чумы. Наконецъ, разныхъ журналовъ и газетъ теперь чуть ли не больше, чѣмъ писателей, и только немногія изданія пользуются успѣхомъ. Причинъ неуспѣха двѣ: 1) немногія изданія пользуются довѣріемъ публики; 2) еще меньше такихъ журналовъ и газетъ, которые не боялись бы расходовъ и убытковъ; а расходы и убытки, при настоящемъ множествѣ разныхъ періодическихъ изданій, неизбѣжны для всякаго новаго изданія. Большинство же пишущей братіи—люди нуждающіеся; привязать ихъ можно только хорошей и исправной платой. Всякія недоразумѣнія по этому предмету должны быть

устранены: довольно и другихъ затрудненій—отъ нашей общей неуладицы вообще и отъ Цензуры въ особенности“.

Но, вскорѣ послѣ этого письма, Ордынскій занемогъ и попалъ въ больницу. Выписавшись изъ больницы, Ордынскій, 18 мая 1861 года, писалъ Погодину: „Со второй недѣли, сталъ меня болѣе и болѣе тѣснить и давить больничный воздухъ, неограничивающійся тѣмъ, что отъ каждой больничной вещи чѣмъ-то пахнетъ; мало-по-малу чувствовалъ я, что что-то деспотическое меня втягивало и, такъ сказать, сковывало незамѣтными цѣпями. Кромѣ того, предо мной образовался какой-то до крайности лукавый міръ, который путалъ меня и днемъ и ночью; рядомъ съ знакомыми, друзьями и пріятелями моими онъ вводилъ тѣхъ же моихъ знакомыхъ и друзей съ лукавыми и обольстительными. 17-го мая (это былъ первый порядочный день), я схватилъ извощика, и, посовѣтовавшись съ тѣмъ докторомъ, который спасъ меня въ первый разъ, упросилъ его продолжать меня лѣчить. И что же вы думаете? Какъ только пахнуло на меня лѣтнимъ воздухомъ, весь этотъ глупый міръ бреда и фантазіи исчезъ, я почувствовалъ нѣкоторую бодрость, почувствовалъ себя человѣкомъ, особенно, отворяя, въ тихую и совершенно сухую погоду, окошко; а главное, я теперь имѣю вѣру въ моего доктора, который и прежде спасъ меня. Харьковское дѣло, послѣ переписки съ Министерствомъ и проч. и прочаго, рѣшено въ мою пользу. Въ тѣ дни, какъ я оправился, послѣ первыхъ припадковъ, голова моя сильно работала и я много написалъ съ любовію, по поводу пѣсень изданія Безсонова, и много другихъ статей, за которыя и долженъ въ скорости получить деньги, но, въ настоящее время, рѣшительно не къ кому обратиться, потому что мои знакомые всѣ разъѣхались по деревнямъ, потому обращаюсь къ вамъ, Михаилъ Петровичъ. Съ подательницей этой записки—не можете ли прислать рублей двадцать пять серебромъ, которые возвращу вамъ недѣли черезъ двѣ или три (это не слова)... Пожалуйста, Михаилъ Петровичъ, выручите и теперь, какъ прежде не одинъ разъ въ подобныхъ обстоятельствахъ выручали“.

Не получая отъ Погодина просимаго, Ордынскій продолжалъ взывать о помощи. „За неимѣніемъ никого другаго“,—писалъ онъ Погодину,—я посылалъ записку къ вамъ, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, съ однимъ гимназистомъ; въ этой запискѣ я подробно изложилъ исторію моихъ Лазаревыхъ страданій, съ марта мѣсяца, и просилъ васъ ссудить мнѣ недѣли на двѣ на три двадцать пять рублей. Гимназистъ принесъ отвѣтъ на словахъ, что вы сами побываете, однако, не дождавшись васъ, я немало встревоженъ. Сообщите хоть на словахъ подателю сей записки, Виктору Никандровичу Пасхалову, какъ было дѣло, и если вы съ гимназистомъ денегъ не посылали, то пришлите теперь съ Викторомъ Никандровичемъ, человѣкомъ извѣстнымъ мнѣ уже давно и надежнымъ. Мнѣ не на что за лѣкарствомъ послать; не на что перевезти мои вещи, очень необходимыя; напримѣръ, все бѣлье мое тамъ. Вся надежда на васъ“ [242]).

Это уже были послѣднія строки несчастнаго Ордынскаго.

Въ дневникѣ Погодина, мы встрѣчаемъ слѣдующія записи:

Подъ *18 мая 1861 года:* „Навѣстилъ умирающаго Студитскаго. Бѣдность и грязь“!

— *21* — — : „Навѣстилъ умирающаго Ордынскаго. Угодилъ совѣтомъ пріобщиться. Подумалъ, а послѣ пріобщился“.

— *23* — — : „Похоронилъ Студитскаго“.

— *30* — — : „Соборованіе Ордынскаго. Пѣшкомъ домой. Мысль просить Тютчеву объ Ордынскомъ и Студитскомъ“.

1 іюня — : „Ордынскій умеръ. Написалъ письма къ Тютчевой и Вяземскому о немъ и Студитскомъ“.

— *2* — — : „Похороны. Собралась сумма. Есть еще много добрыхъ людей. Проводилъ на кладбище. Помянули. Отвѣтъ сверху благопріятный объ Ордынскомъ и Студитскомъ“.

27 Іюня 1861 года, Погодинъ писалъ Шевыреву: „Ордынскій умеръ. Студитскій умеръ. Обоихъ погубила несчастная страсть“ [243]).

Шевыревъ отвѣчалъ: „Миръ праху Шафарика! Жаль Ордынскаго и Студитскаго“.

Ордынскій и старинный сотрудникъ *Москвитянина* Студитскій оставили семейства свои безъ куска хлѣба.

Погодинъ, пользуясь пребываніемъ въ Москвѣ фрейлины Анны Θедоровны Тютчевой, съ царскою фамиліею, черезъ нее облегчилъ тяжкую участь обоихъ осиротѣлыхъ семействъ.

„Императрица мнѣ сказала",—писала А. Θ. Тютчева къ Погодину,—„что она дала приказаніе опредѣлить Студитскихъ, но что дѣло тянется, вѣроятно, отъ того, что они мальчики и что мальчиковъ труднѣе опредѣлять. На всякій случай, пришлите мнѣ еще записку о ихъ дѣлѣ, сколько ихъ, какихъ они лѣтъ и въ которомъ заведеніи ихъ желаютъ опредѣлить. Это ускоритъ дѣло, можетъ быть".

Щедроты императрицы Маріи Александровны дали Погодину поводъ написать ея величеству слѣдущее письмо:

„Всемилостивѣйшая Государыня! Божественный Промыслъ бодрствуетъ надъ судьбами человѣческими, и волосъ съ головы нашей, учитъ Евангеліе, не падаетъ безъ высшей воли. Счастливъ, кто вѣритъ въ эту благодатную истину. Есть люди, которые имѣютъ счастіе быть въ томъ осязательно убѣжденными. Таковъ былъ или такимъ представлялся, изъ нашихъ извѣстностей, покойный отецъ Матвѣй, Ржевскій священникъ, другъ и совѣтникъ Гоголя. Для внимательныхъ представляются впрочемъ нерѣдко случаи, способные убѣждать въ этой спасительной истинѣ.

Въ Москвѣ, на одной почти недѣлѣ, умерли двое ученыхъ, которые трудились всю жизнь, и, отчасти по своей винѣ, отчасти по противнымъ обстоятельствамъ, ни въ чемъ не имѣли удачи. Послѣ того и другого остались многочисленныя семейства, въ отчаянномъ положеніи. Схорониться было нечѣмъ. Куска хлѣба не оставалось на день.

Надо же было случиться, чтобъ на эту пору пріѣхала въ Москву царская фамилія; надо же было случиться, чтобъ въ свитѣ находилась добрая фрейлина, готовая пособлять всякому горю; надо же было случиться, чтобъ одному знакомому покойниковъ пришло въ голову написать для нихъ докладную

записку,—и вотъ, на другой же день, присланы деньги на похороны, отъ коихъ осталось и на ближайшее прокормленіе; на третій день всѣмъ сиротамъ указаны мѣста воспитанія на казенный счетъ, какихъ не могли-бъ онѣ надѣяться даже и при жизни отцевъ.

Царямъ много тяжелыхъ минутъ предопредѣлено отъ Бога, особенно въ нынѣшнее мудреное время, но есть для нихъ и минуты сладкія, съ коими ничто сравниться не можетъ.

Всемилостивѣйшая Государыня! Еслибъ я могъ передать вашему императорскому величеству, сколько радости, и какой радости, было написано на лицѣ у старухи Ордынской, когда она прибѣжала сказать мнѣ, что всѣ ея внуки приняты въ Училище Воспитательнаго Дома! Еслибъ я могъ передать вамъ, сколько радости сіяло въ глазахъ и звучало въ голосѣ вдовы Студитской, когда она принесла ко мнѣ извѣстіе, что сынъ и дочь ея помѣщены.

Чѣмъ можемъ мы возблагодарить нашу добрую государыню—спрашивали онѣ у меня, обливаясь слезами,—за устройство нашихъ дѣтей?—Молитесь объ ея дѣтяхъ, отвѣчалъ я имъ.

Мнѣ пришлось быть орудіемъ вашихъ милостей, Всемилостивѣйшая Государыня—примите дань и моей глубочайшей признательности“ [244]).

LXXIX.

Поселившись во Флоренціи, Шевыревъ жилъ духомъ въ Москвѣ. По утрамъ, онъ уходилъ въ садъ или за городъ, и тамъ, прогуливаясь, обдумывалъ свои лекціи по Исторіи Русской Словесности. Въ февралѣ и мартѣ 1861 года, онъ прочелъ Русскимъ, живущимъ во Флоренціи, двѣнадцать лекцій по этому предмету.

13 апрѣля 1861 года, онъ писалъ изъ Флоренціи на Михайлову Гору, М. А. Максимовичу: „Какъ сладка была для меня здѣсь вѣсточка о тебѣ, съ твоей дорогой Украйны! По-

лучилъ я обѣ, и осеннюю и зимнюю. Мы здѣсь вотъ уже шестой мѣсяцъ. Благословляемъ небо Италіи... Мои любезные Италіанцы приняли меня какъ нельзя радушнѣе; языкъ скоро соединилъ меня съ ними. Пріятно видѣть вблизи возрожденіе Италіи. Личности отходятъ, а которыя сильны, тѣ только и сильны народомъ: такова личность Гарибальди, который, судя по портретамъ, очень похожъ на Костю Аксакова. Покойный Костя былъ бы и у насъ Гарибальди, если бы не сгубилъ его Гегель и поняла бы Россія... Да, надобно по временамъ выѣзжать изъ Россіи, чтобы издали яснѣе ее видѣть. Мнѣ многое и въ Словесности нашей стало яснѣе съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь занимаюсь ею. Безъ своего не могу обойтись и въ Италіи... Одному профессору Вилари, который издалъ замѣчательную книгу объ Іеронимѣ Саванаролѣ, я сообщилъ выписку изъ Максима Грека, который зналъ Іеронима лично, слушалъ его проповѣди и говоритъ объ немъ съ большимъ сочувствіемъ, какъ объ святомъ. Онъ напечаталъ эту выписку съ моимъ именемъ въ прибавленіяхъ къ своей книгѣ. Сближеніе удивительное,—Максимъ Грекъ и Іеронимъ Саванорола, въ концѣ XV-го вѣка, во Флоренціи!... А изъ Россіи сколько было печальныхъ вѣстей!... Сколько потерь! Нѣтъ Хомякова, Кости Аксакова, нѣтъ Шевченка!... Когда-то увидимся! Авось, Богъ милостивъ. На что-нибудь да бережетъ же насъ Богъ, когда безбожники гонятъ людей съ лица земли. А сколько ихъ развелось и какъ они гуляютъ изъ Россіи по Западу, подъ эгидою Герцена! Вотъ полчище, съ которымъ еще надобно будетъ перевѣдаться Русскому народу! Задача велика! Обнимаю тебя, милый другъ. Говорю тебѣ и семьѣ твоей: Христосъ Воскресе! Твой душою" [245]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, во Флоренціи, Шевыревъ мечталъ объ изданіи въ Москвѣ, вмѣстѣ съ Погодинымъ, газеты. „Грустно, тяжело подумать", — писалъ онъ Погодину, — „что мы въ такую минуту, безъ голоса, безъ газеты. Сколько мыслей пропадаетъ". Но вмѣстѣ съ тѣмъ Шевыревъ писалъ: „Зачѣмъ возобновлять *Москвитянинъ*? Отчего не новый жур-

налъ? Раздѣли свою дѣятельность журнальную на три періода: 1) *Московскій Вѣстникъ*, 2) *Москвитянинъ*, 3) начни новымъ журналомъ. Пожертвуй самолюбіемъ пользѣ общей и дѣлу. Трудно воскресить умершее. Трудно возбудить довѣріе къ тому, что его потеряло".

Между тѣмъ, Шевыревъ отправилъ Погодину свои *Путевыя впечатлѣнія отъ Москвы до Флоренціи*, съ просьбою ихъ напечатать въ Русскихъ газетахъ [246]). По полученіи этой статьи, Погодинъ писалъ Шевыреву: „Опасаясь, чтобы статья твоя не потеряла свѣжести, предложилъ ее Павлову, съ условіемъ вручить деньги, но денегъ у него не было. Предложилъ Мельникову—въ *Сѣверную Пчелу*, которая пошла теперь хорошо. Жду отвѣта" [247]).

Но отвѣтъ Мельникова былъ неблагопріятный для Шевырева: „Спѣшу отвѣчать на вашу записочку",—писалъ Мельниковъ,—„которая, по особаго рода случайности, только вчера дошла до моихъ рукъ. Относительно корреспонденцій изъ Италіи мы очень рады, но дѣло вотъ въ чемъ. Вѣдь наши мнѣнія и наши убѣжденія, сколько вы можете ихъ видѣть изъ нашей газеты съ 1860 года, діаметрально противоположны мнѣніямъ и убѣжденіямъ Шевырева. О *Divina Comedia*, о Рафаелѣ, о Тассѣ, печатать намъ не стать, а какъ Степанъ Петровичъ почнетъ костить Гарибальди и курить ѳиміамъ Франческу или пожалуй хоть Кавуристамъ... Вотъ этого я и боюсь и боится вся наша Редакція. Впрочемъ, пришлите обѣщанное—посмотримъ, и тогда, если угодно, я скажу вамъ окончательное и откровенное по этому дѣлу мнѣніе. Въ томъ же письмѣ (25 января 1861 г.), Мельниковъ писалъ: „А вотъ если бы вы намъ услужили другими корреспондентами, такъ стали бы мы за васъ Бога молить. Затѣвается на Западѣ великое дѣло, Славянское. Богъ знаетъ, что намъ покажетъ весна. Иностранныя газеты о Славянщинѣ врутъ и смотрятъ съ своей точки зрѣнія, а наши газеты ничего не говорятъ о Славянствѣ; по смерти *Паруса* и полусмерти *Русской Бесѣды*, ничего не знаешь о тѣхъ краяхъ. Научите-ка уму-

разуму. Подумайте, что теперь у насъ вовсе нѣтъ печатнаго органа, который бы разработывалъ Славянскій вопросъ. Конечно, нѣкоторые изъ вашихъ друзей скажутъ, не подобаетъ осквернять святую Славянщину, печатая объ ней въ поганомъ Петербургѣ, что лучше пусть нигдѣ объ ней не печатаютъ, если нельзя печатать въ первопрестольной, златоглавой, бѣлокаменной матушкѣ (какой бишь еще то по вашему? По моему, въ большой Татарской деревнѣ). Но не сердитесь, вы знаете, что я и Питеръ столько же не люблю за его Нѣмечину, т.-е., бюрократизмъ, сколько Москву, за ея Сарае-Византійщину. Подумайте-ка нельзя ли въ Петербургѣ устроить Славянскій отдѣлъ: укажите на корреспондентовъ, порекомендуйте имъ насъ".

А. А. Краевскій отнесся къ Шевыреву болѣе благосклонно. Когда Погодинъ сообщилъ ему о статьѣ Шевырева, то Краевскій писалъ: „А что такое письмо Шевырева? Въ какомъ духѣ? Куда тянетъ? За что стоитъ? Если подходящее, отчего жъ не напечатать? Мало ли что прежде говорилось и дѣлалось? Да вѣдь и условія нашего быта и, кажется, самый воздухъ, съ 1855 года, перемѣнились, и ничего страннаго не будетъ, если имя Шевырева явится въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, или мое имя въ его журналѣ".

Въ другомъ письмѣ Краевскаго читаемъ: „Мельгуновъ писалъ мнѣ, что статья Шевырева не статья, а только образчикъ, какъ бы не назначаемый для печати. Я и возвратилъ этотъ образчикъ, изъ котораго не видно еще, какъ онъ будетъ относиться къ нынѣшнему положенію Италіи. Да и самой Италіи еще нѣтъ. Есть только клочекъ Венеціи. Если онъ намѣренъ продолжать отдавать отчетъ въ Итальянскомъ движеніи и пр., я всегда готовъ буду печатать его письма. Такъ потрудитесь и извѣстить его".

Посредничествомъ Погодина съ Русскими журналистами Шевыревъ остался очень недоволенъ. „Пріѣхавъ во Флоренцію",—писалъ онъ,—„написалъ свои *Впечатлѣнія* и послалъ ихъ къ тебѣ. Шесть мѣсяцевъ я терпѣлъ и довѣрялъ,

долго не зная даже, получилъ ли ты ихъ или нѣтъ, и наконецъ узнаю, что ты, послѣ многихъ мытарствъ, вручилъ ихъ моему злѣйшему врагу, который не переставалъ никогда ругать меня: Краевскому. И я же нетерпѣливъ и недовѣрчивъ".

Болѣе удачнымъ посредникомъ между Шевыревымъ и Русскими журналистами сталъ Н. А. Мельгуновъ.

„Христосъ Воскресе"!—привѣтствовалъ Мельгуновъ Погодина.—„Мысленно обнимаю и лобызаю тебя трижды, Михайло Петровичь, по Русскому обычаю. Вчера, послѣ встрѣчи съ тобою, былъ я у Каткова съ письмомъ Степана Петровича. Дѣло-то, кажется, уладится: Катковъ весьма готовъ сдѣлать Шевырева своимъ Итальянскимъ корреспондентомъ и согласенъ на всѣ его условія; но, разумѣется, желалъ бы напередъ имѣть хоть какой-нибудь образчикъ. Тогда я ему сказалъ про корреспонденцію, которая должна еще быть у тебя, и онъ пожелалъ ее прочесть. Какъ знать, можетъ, онъ и ее помѣстить, если она не очень устарѣла. Степанъ Петровичъ просилъ меня уладить это дѣло *какъ можно скорѣе*. За мной дѣло не станетъ; только—ради свѣтлаго праздника! Отыщи эту корреспонденцію и *доставь ко мнѣ немедленно*. Куй желѣзо, пока горячо, а Катковымъ пренебрегать нельзя: онъ хорошій и исправный плательщикъ. Пожалуйста, будь немножко нѣмецъ и не замедли присылкой. По просухѣ пріѣду къ тебѣ".

Въ другомъ своемъ письмѣ къ Погодину Мельгуновъ писалъ: „Я тебя предупреждалъ о своемъ намѣреніи отдать письмо Шевырева Каткову; а теперь ты сожалѣешь объ этомъ! Катковъ, по моему, надежнѣе; онъ хочетъ войти съ Шевыревымъ въ постоянныя сношенія, да и *ко мнѣ* ближе. Наконецъ, онъ печатно не воевалъ съ Шевыревымъ такъ, какъ Краевскій".

Самъ же Шевыревъ, очевидно, не будучи знакомъ съ направленіемъ *Русскаго Слова*, писалъ Погодину: „Косовичъ обѣщается пристроить мою статью въ *Русскомъ Словѣ*. Я бы тебѣ не докучалъ ею, если бы не нужды семейныя. Притомъ

же такая холодность къ труду моему, поневолѣ охолодила меня къ продолженію. Не прими этого за упрекъ. Я знаю, что тебѣ некогда, особливо теперь, при скопленіи такихъ важныхъ вопросовъ. Но мнѣ хочется вести свой трудъ далѣе и не даромъ, потому что дѣти хлѣба просятъ и воспитанія".

„Одно время",—писалъ сынъ Шевырева Погодину,—„батюшкѣ угрожало совершенное безденежье. Благодаря Шиповымъ, онъ былъ спасенъ... Батюшка вступилъ въ сношенія съ Катковымъ и статья его помѣщается въ *Современной Лѣтописи*".

Лѣтніе мѣсяцы 1861 года Шевыревъ, съ своимъ семействомъ, провелъ въ Специи. „Я ѣздилъ туда",—писалъ онъ, 12 мая 1861 г. къ Погодину,—„это рай земной. Третій разъ я вижу Италію, но не воображалъ никогда ничего подобнаго, какъ дорога отъ Piotra—Santa до Специи и самая Специя, которую Наполеонъ признавалъ первою гаванью Италіи. Новости ты изъ газетъ знаешь. Южная Италія очень неспокойна. Плохо клеится ея единство. Партія реакціонистовъ и партія республиканцевъ дѣйствуютъ заодно. Здѣсь гостятъ Неаполитанцы — воины. Ихъ угощаютъ безпрерывно гвардейцы Флоренціи. А между тѣмъ, Неаполь бурлитъ—и въ немъ два Везувія: физическій и политическій. Много препятствій Кавуру и Гарибальди устроить великое дѣло".

Въ это время Специю посѣтила Ольга Ѳедоровна Кошелева. Ей, какъ пишетъ Погодинъ, „судьба предназначила усладить нѣсколько часовъ въ жизни нашего страдальца". Сохранились письма ея къ Погодину, въ которыхъ находимъ любопытныя свѣдѣнія о Шевыревыхъ.

8 августа 1861 года, изъ Специи, Кошелева писала: „Благодарю васъ за память вашу 11-го іюля, любезный Михаилъ Петровичъ. Получила вашу страничку передъ выѣздомъ изъ Емса. Ѣхали сюда десять дней. Какія мы мѣста проѣзжали— просто прелесть. Сен-Готардъ переѣхали. Озеро Maggiore (извините, Русское имя забыла). На Сен-Готардѣ есть мѣста очень страшныя, впрочемъ, для другихъ; а то дорога прекрасно сдѣлана и не узкая. Но вообразите себѣ, съ одной стороны, скала

а съ другой—бездна, въ которой бушуетъ Reuss (опять, какъ на срамъ, не знаю какъ назвать). Поднимешься долиной Reuss, а спускаешься длиной Tessin, и оба озера не далеки другъ отъ друга. На вершинѣ Сен-Готарда, въ мѣстечкѣ Hospenthal, прежній словутый монастырь, съ собаками St-Bernard, уступилъ цивилизаціи, населившей эти горы и скалы, сдѣлавшей великолѣпную дорогу. Но все же мѣстами дикости очень много и кучеръ намъ много разсказывалъ о несчастныхъ случаяхъ, происшедшихъ отъ лавины. До сихъ поръ, всякую зиму, осень и весну, лавины портятъ дорогу, перебрасываютъ камни и деревья и поглощаютъ жизни проѣзжающихъ. Но строеніе hospice очень умалился и теперь монаховъ тутъ болѣе нѣтъ, а это пріютъ нѣсколькимъ бѣднымъ—богадѣльня. Съ озера Maggiore, Италія мнѣ предстала во всемъ своемъ великолѣпіи.— Но съ Ароны до Генуи, по желѣзной дорогѣ, страна безъ характера: ни Италія, ни Германія, ни Россія. Такъ, Богъ вѣсть что̀: земля да дома, и растительности мало и она даже такъ себѣ. Но за то съ Генуи до сихъ поръ ѣхали мы два дни и безпрестанно въ восторгѣ, и все новый видъ, потому что безпрестанно огибали горы, такъ что иногда часа на два уѣзжали отъ моря.—Что за картины, что за растительность, что за сады: каштаны, оливы, кедры, кипарисъ, виноградъ; аллеи въ садахъ изъ олеандровъ—заборы изъ алоевъ, ну просто очарованіе. У меня нервы разстраивались до зѣвоты, до боли въ спинѣ, словно въ картинной галлереѣ. Каковъ человѣкъ, и наслаждаться не можетъ долго. Я восторгалась до того, что желала равнину безсмысленную, только отдохнуть бы. Здѣсь также очень красиво. Но уже нѣсколько привыкли и нѣтъ болѣе того порыва удивленія, который утомляетъ. При томъ полъ-дня сидѣли мы съ запертыми ставнями и въ одной рубашкѣ. Жаръ нестерпимый. Съ декабря мѣсяца не было хорошихъ дождей! Восемь мѣсяцевъ! У насъ отъ восьми недѣль все бы сгорѣло, а здѣсь нисколько. Намъ, гуляющимъ, и не замѣтно, но жители очень страдаютъ; уже всѣ рѣки повысохли, систерни тоже, оливки не налились, огороды поли-

ваютъ, виноградъ сохнетъ, но для насъ онъ чудный и мы съ Дашенькой всякій день покупаемъ десять фунтовъ и платимъ два франка. Не стану вамъ описывать Специю. Шевыревъ вѣрно уже давно вамъ ее описалъ и литературно!!! А я вамъ лучше опишу самого Шевырева. Онъ еще сталъ пѣвучѣе, мнѣ кажется, и въ такомъ усладѣ отъ Италіи и что̀ въ Италіи, что будто и помину нѣтъ о его возвращеніи; но онъ все же намѣревается.—А Софья Борисовна уступитъ лишь необходимости и при каждомъ изъявленіи, какъ любитъ Москву, сейчасъ является: но, надо признаться... И похвалъ Италіи нѣтъ конца.—Но доброта Степана Петровича еще развилась здѣсь; онъ такъ мягокъ и нѣженъ, что какъ еще немного постарѣетъ, совсѣмъ распустится ватой. Но, ради Бога, никому не сообщайте, потому что какъ разъ до него дойдетъ — а онъ еще обидчивѣе сталъ.—А вѣдь со мной, онъ такъ былъ и есть добръ и внимателенъ, что я ему чрезвычайно признательна и вѣдь люблю его искренно, но не могу же не судить.—И странна его мягкость и нѣжность.—Вотъ Максимовичъ: нѣженъ и добръ, но вы чувствуете въ немъ запасъ любви, а въ Шевыревѣ вы не чувствуете этого запаса; онъ просто мягокъ — вата, и любитъ лишь себя. А Софья Борисовна все такая же, безпрестанно недовольна и, вмѣсто того чтобы мирить мужа съ людьми, поддерживать его бодрость, веселость, она его подстрекаетъ къ обидчивости; онъ кого бранитъ, а она вдесятеро, и все хнычетъ—такъ что тоску наводитъ.—И его сильно въ руки забрала. Я съ ними въ прекрасныхъ отношеніяхъ, потому что хочу такъ быть. Но не симпатизирую особенно къ Софьѣ Борисовнѣ. Четыре спора у насъ было, о Нѣмцахъ, о крестьянскомъ вопросѣ, о Герценѣ и о языкахъ Русскомъ и Италіанскомъ (я нахожу, что въ Русскомъ, кромѣ мягкости, слышна сила), и испугалась: я думала, что съ Степаномъ Петровичемъ будетъ ударъ; а Софья Борисовна такъ несдержана въ словахъ (называетъ Герцена мерзавцемъ! мысль о языкѣ: необразованный, о крестьянахъ: скверность лишать Дворянъ ихъ имущества и пр.)—что положила себѣ

болѣе съ ними не спорить, а молчать.—Вотъ все, что могу сказать. Но, ради Бога, Михаилъ Петровичъ, будьте осторожны и, кромѣ Ивана Сергѣевича Аксакова, которому даже попрошу показывать мои письма, не читайте никому что́ о Шевыревѣ. Я вамъ такъ, по откровенности говорю. Что дѣлать, лавировать буду, но все же мы другъ другу очень рады—и все же мы свои съ Степаномъ Петровичемъ. Они оба очень постарѣли.—Вотъ уже мы здѣсь съ недѣлю. Купанье великолѣпное. Взяла учителя Италіанскаго языка и всякій день три часа занимаемся: два часа—съ нимъ и часъ—приготовленіе. Степанъ Петровичь было хотѣлъ насъ учить, но я съ перваго урока испугалась и будто не поняла.—У меня нервы слабы и я бы не выдержала такое щекотанье восторга передъ буквой *c*, *l*, *o* и пр. Я думаю, отъ того его восторгъ смѣшонъ, что онъ не происходитъ отъ жизненной энергіи, а просто себя щекотитъ—не восторгъ — вата.—Въ женщинѣ распущенный духъ противенъ, а въ мужчинѣ просто нестерпимъ.—А я все же искренно люблю Шевырева. Право люблю. Всякій вечеръ, передъ сномъ, мы ходимъ вмѣстѣ всѣ въ Caffé, мороженое ѣсть. И вчера были тутъ пѣсни и мимика. — Пѣсни политическія: побѣды Гарибальди, бѣгство Франциска, гимнъ Гарибальди поется очень часто, но я еще плохо понимаю. Народъ здѣсь крикливый, и такъ не женируется въ одеждѣ, что полунагіе ходятъ и съ нами купается лодочникъ потому, что отъѣзжаешь далеко отъ берега въ лодкѣ и намъ страшно быть однимъ въ морѣ. Но, однако, прощайте. Такъ жарко, что мочи нѣтъ".

Не взирая, однако, на мнѣніе Софьи Борисовны Шевыревой о крестьянскомъ вопросѣ, мужъ ея въ это время написалъ стихотвореніе *Откликъ*, которое было прочитано И. С. Аксаковымъ на публичномъ собраніи Общества Любителей Россійской Словесности, 7-го мая 1861 года:

Благая вѣсть! Исчезла крѣпость,
И цѣпи разомъ порваны;

Смолкаетъ гулъ ихъ, какъ нелѣпость
Давно отжившей старины.
Вольнѣе дышется—пріятно!
Отраднѣй смотришь на людей,
И вѣетъ воздухъ благодатный
Съ далекихъ родины полей.

О сколько дружныхъ ликованій
Несется къ намъ съ ея концовъ!
Какъ веселъ звукъ такихъ лобзаній
Возвышенъ смыслъ такихъ пировъ!
Намъ данъ изъ царственныхъ объятій
Залогъ основный, въ добрый часъ,
Въ свободѣ меньшихъ нашихъ братій
Свобода каждаго изъ насъ.

Духъ Божій носится надъ нами:
Какъ древле грѣлъ онъ бездну водъ,
Горя небесными огнями
Народы къ жизни онъ зоветъ.
Цари! вашъ первый другъ свобода:
Вамъ нѣтъ союзниковъ вѣрнѣй
Свободы вашего народа
И просвѣщеніе людей [248]).

LXXX.

Въ то время, когда Погодинъ и Шевыревъ только мечтали объ изданіи газеты, въ Москвѣ, въ 1861 году, уже издавались три новыя газеты: *Русская Рѣчь* — Евгеніи Туръ, *Современная Лѣтопись*—Каткова и Леонтьева и *Московскій Курьеръ*, перорожденный изъ *Оберточнаго Листка*.

Русская Рѣчь, въ это же время присоединила къ себѣ и *Московскій Вѣстникъ*.

11 мая 1861 года, было объявлено: „Изданіе *Русской Рѣчи* подвергается отнынѣ нѣкоторымъ измѣненіямъ. Она соединяется съ *Московскимъ Вѣстникомъ* въ одно общее изданіе, которое будетъ называться *Русская Рѣчь* и *Московскій Вѣстникъ*. Существенная перемѣна отъ такого соединенія состояла въ томъ, что *Русская Рѣчь* стала пользоваться отнынѣ отдѣломъ *Политическаго Обозрѣнія*, и Евге-

нія Туръ отстранилась отъ отвѣтственности за изданіе. Общая Редакція перешла отъ нея въ руки одного изъ сотрудниковъ *Русской Рѣчи*—Е. М. Θеоктистова. Въ числѣ постоянныхъ сотрудниковъ этого журнала, былъ также и нынѣшній издатель *Новаго Времени*—Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ. Онъ, въ то время, жилъ въ Воронежѣ и писалъ статьи, подъ псевдонимомъ *В. Марковъ*. Но псевдонимъ сей совпалъ съ дѣйствительно существовавшимъ и жившимъ также въ Воронежѣ В. Марковымъ; такъ что Редакція *Русской Рѣчи* вынуждена была сдѣлать слѣдующее заявленіе: „Редакція *Русской Рѣчи*, вмѣстѣ съ письмомъ нашего Воронежскаго корреспондента, подписывавшагося до сихъ поръ псевдонимомъ *В. Марковъ*, получила изъ Воронежа письмо не отъ псевдонима, а отъ настоящаго *В. Маркова*, капитана и Комиссаріатской Комиссіи чиновника. Капитанъ Марковъ просилъ Редакцію объявить, что онъ не имѣетъ ничего общаго съ ихъ корреспондентомъ, что онъ — ветеранъ, и потому Литературою никогда не занимался, — что онъ смотритъ на все, съ *точки зрѣнія убѣжденія*, совершенно противной корреспонденту *Русской Рѣчи*, и долгомъ считаетъ повиниться въ этомъ предъ Воронежскою публикою".

Вслѣдъ за симъ, Редакція получила отъ своего Воронежскаго корреспондента письмо, съ просьбою выставлять, вмѣсто псевдонима, настоящее его имя: *А. Суворинъ*. „Не знаемъ",—замѣчаетъ Редакція, — „какія причины побудили его поднять забрало, но съ удовольствіемъ исполнимъ его желаніе" [249]).

Редакторъ *Московскаго Курьера*, М. Захаровъ, въ 1-мъ номерѣ своей газеты, заявилъ: „Объявляя объ изданіи *Московскаго Курьера*, мы ограничились обѣщаніемъ — обратить особенное вниманіе на всѣ крупные и мелкіе современные вопросы и, какъ можно быстрѣе сообщать всѣ разнообразныя извѣстія, имѣющія общественный интересъ. Въ этихъ немногихъ словахъ мы опредѣлили свой взглядъ на то дѣло, за которое беремся; мы нисколько не претендуемъ, ни на

такъ называемое *особенное направленіе*, ни на особенный духъ, ни на проведеніе какихъ-нибудь новыхъ идей... Но мы твердо знаемъ, что какъ безъ удобныхъ проселочныхъ дорогъ не можетъ процвѣтать внутренняя торговля, такъ точно и общественное мнѣніе не можетъ развиваться безъ газетъ и журналовъ. Невѣдѣніе внутреннихъ событій и происшествій, есть точно такое же зло, какъ и бездорожье... И потому наша *газета новостей* не будетъ лишняя и принесетъ свою значительную долю пользы, хотя мы отнюдь не думаемъ быть руководителями общественнаго мнѣнія; но мы будемъ доставлять ему пищу — и тѣмъ способствовать его дальнѣйшему развитію".

Наконецъ, въ глубокую осень, 15 октября 1861 года, когда „мелкій дождь моросилъ, не переставая; было сыро, мокро; сѣрый туманъ, какъ войлокъ, облегалъ небо",—на развалинахъ *Московскихъ Сборниковъ*, *Русской Бесѣды*, засвѣтился *День*. При свѣтѣ его вышелъ *на дѣло свое и на дѣланіе свое до вечера* славянофилъ „по наслѣдству", Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ.

Послѣ ряда похоронъ близкихъ по крови и духу людей, И. С. Аксаковъ осиротѣлъ. Похоронивъ брата, онъ писалъ Вѣнскому протоіерею М. Ѳ. Раевскому: „Намѣреваюсь издавать газету и, однимъ словомъ, посильно продолжать *завѣщанное* намъ нашими дорогими умершими дѣло".

Въ другомъ письмѣ своемъ къ протоіерею Раевскому, И. С. Аксаковъ писалъ: „Страшно, тяжело, чувствовать себя до такой степени одинокимъ! Я уже и потому взялся за изданіе журнала, чтобы создать хотя внѣшній центръ, связующій остальныхъ. Все же, пока живъ, и сколько разумѣю, останусь вѣрнымъ своему знамени и буду блюсти его чистоту. Этимъ самымъ я буду служить памяти дорогихъ мнѣ лицъ. Впрочемъ, смерть Хомякова и брата произвели сильное впечатлѣніе, хотя и не эффектное, въ Россіи. Славянофильствованіе начинаетъ даже входить въ моду,—но примыкающіе къ

нему внѣшнимъ образомъ, несутъ гиль страшную, не понимая, что это дѣло духа, началъ".

„Вы спрашиваете",—писалъ Аксаковъ къ графинѣ А. Д. Блудовой,—„какъ устроилась наша жизнь? Внѣшнимъ образомъ она устроилась еще кое-какъ, т.-е., домъ, въ которомъ мы живемъ, удобенъ, просторенъ и теплый; наши, въ томъ числѣ и маменька, здоровы, т.-е., не больны; но маменька очень измѣнилась и видимо слабѣетъ. Говорить ли о томъ, что она молится и горько плачетъ по цѣлымъ ночамъ?... Нравственное мое одиночество даетъ себя знать на каждомъ шагу... Я пришелъ къ убѣжденію, однако, что намъ, оставшимся, разъединяться не слѣдуетъ; что необходимъ центръ внѣшній, насъ связующій центръ, къ которому могли бы примыкать всѣ тѣ *будущіе*, *чаемые* цѣнители и послѣдователи Хомякова... всѣ честные таланты, которымъ недостаетъ органа... Я вполнѣ вѣрю, что мысль Хомякова и брата есть мысль жизненная и плодотворная; и она-то именно заставляетъ меня вновь пуститься на журнальное поприще".

Въ письмѣ своемъ къ протоіерею Раевскому, Аксаковъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о своихъ сношеніяхъ съ Цензурою, по поводу изданія газеты.

„Съ моей газетой",—писалъ онъ,—„прекурьезная исторія. По предварительномъ сношеніи съ министромъ Ковалевскимъ, я послалъ къ нему прямо просьбу о газетѣ, написавъ программу самую невинную (даже не прошу политическаго обозрѣнія, ибо это встрѣтило бы затрудненіе). Министръ доложилъ мою просьбу государю. Государь повелѣлъ: Запрещеніе *Паруса* не считать препятствіемъ къ дозволенію мнѣ газеты, а программу разсмотрѣть въ Главномъ Управленіи. Но въ Главномъ Управленіи, Н. А. Мухановъ, Адлербергъ Александръ, Тимашевъ (это было за недѣлю до его увольненія), Берте,—возстали противъ Ковалевскаго, какъ онъ смѣлъ мимо ихъ испрашивать высочайшее повелѣніе. Они нашли высочайшее повелѣніе неяснымъ и потребовали новаго доклада государю, съ поясненіемъ ихъ возраженій. Дѣ-

лать нечего, опять доложилъ Ковалевскій государю, и нашелъ его уже предувѣдомленнымъ. Государь объявилъ, что Ковалевскій его не понялъ и велѣлъ обсуждать дѣло во всѣхъ отношеніяхъ. Новое засѣданіе Главнаго Управленія. Вопросъ былъ уже не о программѣ, а объ лицѣ, о томъ исправился ли я послѣ *Паруса* или нѣтъ. Тимашевъ доказывалъ, что я неисправимъ, что онъ меня знаетъ лично и проч. Однимъ словомъ, пять человѣкъ и министръ были за меня, вышепоименованные четыре господина противъ меня.

За разногласіемъ, журналъ долженъ былъ докладываться опять государю. Онъ продержалъ его сутки и возвратилъ съ повелѣніемъ, внести это дѣло въ Совѣтъ Министровъ, подъ его предсѣдательствомъ!

Чтò рѣшитъ неизвѣстно; но, судя по тому, какъ дѣло шло до сихъ поръ, мало шансовъ въ мою пользу" [250]).

Подъ 7-мъ апрѣля 1861 года, Никитенко, въ своемъ *Дневникѣ*, записалъ: „Министръ сильно промахнулся. Онъ прямо отъ себя, помимо Главнаго Управленія Цензуры и помимо III-го Отдѣленія, исходатайствовалъ у государя дозволеніе Аксакову издавать журналъ. Объ этомъ намъ было объявлено въ прошломъ засѣданіи, съ указаніемъ того, какимъ образомъ было испрошено согласіе государя. Это сильно оскорбило Тимашева, а слѣдовательно и князя Долгорукова: они успѣли переубѣдить государя. Когда Ковалевскій сегодня явился къ нему съ докладомъ, между прочимъ, и по дѣлу Аксакова, государь уже другимъ тономъ началъ о немъ говорить и велѣлъ, чтобы оно—это дѣло—было разсмотрѣно въ Главномъ Управленіи Цензуры, на законномъ основаніи. Министръ говорилъ мнѣ объ этомъ съ прискорбіемъ. Но дѣло все-таки, кажется, не проиграно: большинство голосовъ было за Аксакова" [251]).

Дѣло рѣшилось въ пользу Аксакова, и онъ, 13-го мая 1861 года, писалъ графинѣ А. Д. Блудовой: „Я только что получилъ ваше благословеніе, несказанно добрая Антонина Дмитріевна, и спѣшу благодарить васъ отъ всей души. Дай

Богъ, мнѣ явиться достойнымъ этого дара! Онъ властительно устремляетъ мысли къ высшей, серьезной дѣятельности; онъ обязываетъ меня относиться къ дѣлу важно и вдумчиво... Я очень радъ разрѣшенію газеты. Полагаю, что вы, изъ скромности или изъ уваженія къ „канцелярской тайнѣ", не хотите прямо сказать, что газета разрѣшена. Я начну не раньше сентября"...

Въ другомъ письмѣ, Аксаковъ сообщаетъ графинѣ Блудовой: „Получилъ премилое письмецо отъ самого Евграфа Петровича Ковалевскаго. Нынче же получено письмо изъ дома Княжевича къ сестрамъ, съ увѣдомленіемъ о газетѣ. Но ваше извѣщеніе пришло раньше всѣхъ" [252]).

Наконецъ, 3 сентября 1861 года, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, было напечатано объявленіе объ изданіи газеты *День*. Въ этомъ объявленіи заявлено, что „издатель уже не въ первый разъ выступаетъ на журнальное поприще. Русская читающая публика, кажется, довольно хорошо знакома съ внутреннею жизнію нашего тѣснаго литературнаго міра и съ общественнымъ характеромъ каждаго литературнаго дѣятеля, а потому издатель и редакторъ газеты *День* смѣетъ думать, что имя его уже само по себѣ указываетъ на характеръ и направленіе его новаго литературнаго предпріятія, и избавляетъ его отъ необходимости пускаться въ пространныя объясненія. Онъ даже позволяетъ себѣ надѣяться, что читатели оцѣнятъ по справедливости его воздержность и увидятъ въ ней доказательство его твердаго намѣренія, упрочить въ извѣстномъ смыслѣ существованіе начинающейся газеты".

„Аксаковъ издаетъ *День*", — писалъ Погодинъ Шевыреву,—„и долго ли ему дневать и не скоро ли долженъ стать на ночлегъ,—неизвѣстно" [253]).

Шевыревъ отвѣчалъ: „Добрый день *Дню* Аксакова. Безъ тучь, конечно, не обойдется".

„Изданіе газеты",— писалъ Аксаковъ графинѣ Блудовой,— „оживило нѣсколько жизнь маменьки и сестеръ. Онѣ, разу-

мѣется, принимаютъ въ ней живое участіе: множество газетъ, журналовъ и писемъ развлекаетъ ихъ:—Слава Богу" [254]).

Еще до выхода въ свѣтъ 1-го номера *Дня*, Аксаковъ писалъ Погодину: „Разумѣется, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, вы не могли думать, что я помѣщу статью А. П. Глинки, весьма похожую на „упражненія" въ гимназическихъ классахъ и исполненную общихъ мѣстъ. Тутъ есть только одно интересное свѣдѣніе о постройкѣ слободы за Тверцею, что я себѣ и выписалъ. А что же письмо св. Тихона? Я бы хотѣлъ взглянуть на него и на дняхъ явлюсь къ вамъ. Мы уже переѣхали на новую квартиру: на Спиридоньевкѣ, въ домѣ Вячеслова, третій домъ отъ дома Николая Тимоѳеевича Аксакова *), ближе къ Садовой" [255]).

15 октября 1861 года, въ Москвѣ, вышелъ № 1 *Дня*.

22 ноября того же 1861 года, Погодинъ писалъ Шевыреву: „*День*, газета Аксакова, выходитъ по субботамъ. Всякій нумеръ берется съ бою. Разумѣется, такую борьбу можетъ выдержать только молодой человѣкъ. Очень много хорошаго, дѣльнаго, благороднаго. Но увлеченія и крайности продолжаются прежнія. Онъ самъ сдѣлался какимъ-то душеприказчикомъ: не смѣетъ проронить ни крошки изъ ввѣреннаго наслѣдства. *Все ложь, сто пятьдесятъ лѣтъ только ошибки и заблужденія*, *надо соединиться съ народомъ и слушаться только его. Петръ осужденъ уже какъ самый страшный преступникъ. Онъ заварилъ кашу, которую теперь мы должны расхлебывать*. По крайней мѣрѣ, есть что хлебать, говорю я имъ, а вѣдь съ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ, при нашествіи Карла XII, вы положили бы зубы на полку. Чѣмъ отличаются крестьяне Аксаковскіе, Хомяковскіе отъ Свербеевскихъ? *Мірская сходка хороша*, да вѣдь не напишешь на сходкѣ Мадонны, не сыграешь Моцартовой увертюры. До какихъ идеаловъ дошли раскольники безъ Петра и Петров-

---

*) Этотъ домъ, воспѣтый княземъ П. А. Вяземскимъ, принадлежалъ нѣкогда И. И. Дмитріеву, а нынѣ, совершенно передѣланный, принадлежитъ Саввѣ Тимоѳеевичу Морозову. *Н. Б.*

скаго. Скучно, братъ, никого нѣтъ изъ близкихъ, и я падаю духомъ, и думаю отойти съ толкучаго рынка въ какое-нибудь уединеніе и погрузиться въ размышленіе... Да и пора уже! шестьдесятъ второй годъ. Помаялся, порывался, поработалъ! Насильно милъ не будешь. Вспомянете можетъ быть лучше, когда буду лежать въ землѣ. Хочется теперь только собрать сочиненія и оставить въ наслѣдство на память. Павловъ получилъ разрѣшеніе на ежедневную газету съ объявленіями, былъ у меня и просилъ имени, но я отвѣчалъ, что сошелъ съ поприща пока. У *Дня* подписчиковъ за тысячу, но нужно слишкомъ двѣ. Прочія газеты слабы".

Въ *Дневникѣ* же своемъ, подъ 23-е октября 1861 года, Погодинъ записалъ: „Думалъ о *Днѣ:* вездѣ ложь, гдѣ же правда? Чѣмъ отличается Аксаковъ отъ Свербеева"?

А самъ И. С. Аксаковъ съ самодовольствіемъ писалъ протоіерею Раевскому: „На меня страшно злы Поляки да и Русская Журналистика чрезвычайно завидуетъ успѣху *Дня* и его значенію. Дѣйствительно, его всѣ читаютъ, и Славянскій вопросъ возбуждаетъ общее сочувствіе".

Въ томъ же духѣ Аксаковъ писалъ и графинѣ Блудовой: „Вотъ вы меня все браните, и никогда не похвалите, за то мужество, ту энергію, ту настойчивость, которыя необходимы, чтобы издавать газету при такихъ обстоятельствахъ, сдѣлать ее не пошлою, доставить ей значеніе и проч.. Слѣдовало бы сто разъ бросить дѣло! Одно то, что приходится по пяти часовъ слушать пошлости цензоровъ и говорить пошлости въ защиту своихъ статей... Одного этого достаточно, чтобы разболѣться душою... Если бы вы знали, что за составъ у насъ Цензуры: одинъ другого гаже и пошлѣе. Безъ Гилярова они хуже тупоголовыхъ барановъ... И Русская Литература, произведенія ума, таланта, вдохновеній и усиленныхъ трудовъ, въ рукахъ невѣждъ и пошляковъ, невообразимыхъ трусовъ-наемниковъ! Что можетъ быть развратнѣе этого!.. Мало рѣзкой правды говорится Зимнему Дворцу. Государь огорчается зломъ, но никто изъ васъ не рѣшается указать источникъ зла".

Въ другомъ письмѣ своемъ къ графинѣ А. Д. Блудовой, Аксаковъ писалъ: „Трубите, кричите, твердите, разглашайте, говорите утромъ и вечеромъ и середь дня, всякому встрѣчному и поперечному, о настоятельной необходимости немедленнаго уничтоженія Цензуры, этого корня всему злу, этой покровительницы лжи, этой преграды и помѣхи честному слову! Ну какая тутъ Цензура, когда въ каждомъ кадетскомъ корпусѣ можно имѣть литографированнаго Бюхнера за десять коп., когда я знаю женскіе пансіоны, гдѣ всякая дѣвица его только и читаетъ... Ложь вотъ къ какимъ средствамъ прибѣгаетъ... А честный человѣкъ къ этимъ средствамъ не прибѣгаетъ и идетъ себѣ дуракомъ по прямой дорогѣ и попадается въ руки цензоровъ, приставленныхъ собственно для того, чтобы ловить воровъ и мошенниковъ"!..

Въ письмѣ къ Кохановской Аксаковъ писалъ: „Невольно возникаетъ вопросъ: отчего на мою газету такое преслѣдованіе, которому не подвергается ни одинъ журналъ или газета, какую бы они либеральную или атеистическую теорію ни проповѣдывали? Отъ того, что принципъ Русской народности (не казенно-государственнаго изготовленія) всего противнѣе Петербургскому Правительству... Чернышевскій и Петербургское Правительство одного поля ягоды, какъ бы они ни ссорились. Они выросли на одной почвѣ, состоятъ въ равномъ отдаленіи отъ Русской народности, отъ ея духовныхъ началъ. Затѣмъ—ненавистнѣе всего Правительству внутренняя независимость духа. Нужды нѣтъ, что вы признаете самодержавіе, а не конституцію, государственною нормой для Русскаго народа, но вы относитесь къ этому свободно, самобытно, безъ подлости,—и Государство мститъ вамъ за честность и независимость, какъ за личное оскорбленіе! Но этотъ предметъ такъ обширенъ, что о немъ наскоро, на почтовомъ листкѣ писать неудобно" [256]).

„Московскіе журналисты и литераторы",—писалъ, въ это время, Погодинъ къ Шевыреву,—„собирались, чтобы толковать о Цензурѣ и просить облегченія. Какъ посмотрѣлъ я на этотъ

соборъ: что за посредственности и бездарности, а какія глубокомысленныя лица, какія прически великолѣпныя, осанки надменныя! Нѣтъ, братцы, плоха на васъ надежда и недалеко вы уйдете“ [257]).

LXXXI.

Въ концѣ 1861 года, въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ было положено основаніе новой газеты, подъ заглавіемъ *Сѣверная Почта*. Редакторомъ этой газеты назначенъ академикъ А. В. Никитенко.

28 октября 1861 года, Никитенко посѣтилъ министра Внутреннихъ Дѣлъ П. А. Валуева, и онъ предложилъ ему быть редакторомъ газеты. Никитенко высказалъ министру свое мнѣніе, что газета „должна, прежде всего имѣть свой опредѣленный характеръ, должна выражать какое-нибудь направленіе. А направленіе это не можетъ быть иное, какъ умѣренно-либеральное“. При этомъ Никитенко спросилъ министра: „Если я возьму на себя редакцію газеты, буду ли я въ состояніи поддерживать это направленіе въ видахъ самого Правительства? Министръ отвѣчалъ, что „тутъ надо будетъ дѣйствовать осторожно. Вы знаете, что само Правительство не уяснило себѣ своихъ видовъ“.

Послѣ „довольно продолжительнаго разговора“, министръ далъ Никитенкѣ „на размышленіе сорокъ восемь часовъ“.

30 октября 1861 года, Никитенко представилъ Валуеву записку, заключающую въ себѣ рядъ условій, на основаніи которыхъ можетъ быть предпринято изданіе газеты. Министръ согласился на всѣ условія. „И такъ“,—пишетъ Никитенко,—„жребій брошенъ. Я буду редакторомъ газеты и наконецъ попытаюсь осуществить мою завѣтную мысль о проведеніи въ общество примирительныхъ началъ“.

3 ноября того же 1861 года, Валуевъ докладывалъ государю о назначеніи Никитенко главнымъ редакторомъ *Сѣвер-*

ной Почты, и государь „съ особеннымъ удовольствіемъ на это согласился“.

Получивъ извѣстіе о своемъ назначеніи, Никитенко,—какъ онъ отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ*,—собирался сказать Валуеву: „Мы стоимъ на пути широкомъ, на пути чести и опасностей. Предстоитъ пріобрѣсти общественное довѣріе— но пріобрѣсти его можно только правдивостію“.

Между тѣмъ, митрополитъ Филаретъ писалъ Антонію: „Если хотя за одинъ годъ взять все худое изъ свѣтскихъ журналовъ и соединить: то будетъ такой смрадъ, противъ котораго трудно найти довольно ладона, чтобы заглушить оный. Надобно по частямъ взять нездравое, и предлагать врачество. Говорю о семъ собратіямъ: но языкъ нововводителей скорѣе движется, нежели языкъ охранителей“ [258]).

Тогда въ нашемъ журнальномъ мірѣ царили два Петербургскіе журнала: *Современникъ* и *Русское Слово*. О направленіи этихъ журналовъ сохранилась записка А. В. Никитенко (11 ноября 1861 года). Въ этой запискѣ мы, между прочимъ, читаемъ: „Два журнала въ періодической нашей Литературѣ: *Современникъ* и *Русское Слово* должны обратить на себя особенное вниманіе Правительства. *Русское Слово* идетъ по стопамъ *Современника*. Это его идеалъ, образецъ; а главный изъ сотрудниковъ послѣдняго, Чернышевскій, для него есть величайшій, единственный умъ не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, который одинъ понимаетъ всѣ современныя и даже будущія потребности человѣчества и Россіи, и одинъ въ состояніи удовлетворить этимъ потребностямъ въ истинно-соціальномъ духѣ. *Русское Слово*, впрочемъ, заботилось не столько о томъ, чтобы построить человѣческія общества по новой системѣ, сколько о томъ, чтобы разрушить всѣ нынѣ существующія системы. Разрушеніе есть его спеціальность. Оно разрушаетъ всѣ авторитеты власти, нравственности, вѣрованій, науки; да и самые принципы власти, нравственности, вѣрованій, науки для него не существуютъ: матеріализмъ— его главная, единственная доктрина“...

Положительный вредъ этого направленія заключается въ томъ, что оно пріобрѣло вѣсъ и значеніе „между юношами въ учебныхъ заведеніяхъ, въ университетахъ, въ старшихъ классахъ гимназій и даже въ военныхъ корпусахъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что настоящее молодое поколѣніе большею частію воспитывается на идеяхъ *Колокола*, *Современника* и довершаетъ свое воспитаніе на идеяхъ *Русскаго Слова*... Юношество съ увлеченіемъ, со всѣмъ жаромъ своего возраста, предается легкой и соблазнительной игрѣ въ мечты, фантастическими грезами наэлектризованнаго воображенія, общественными утопическими теоріями, къ которымъ и безъ того наклонны умы вѣка, которыя приходятъ къ намъ извнѣ готовыя, не заставляютъ ни трудиться, ни разсуждать и которыя, кромѣ того, что сами по себѣ пріятны, обѣщаютъ еще своимъ адептамъ титло геніальныхъ людей, популярность, славу. Соблазнъ становится, наконецъ, полнымъ, когда, съ предложеніемъ такой раздражающей умственной пищи, юношамъ толкуется о безграничной свободѣ человѣка вообще и юношества въ особенности, о преимуществахъ чувственныхъ удовольствій и интересовъ передъ всѣми нравственными, что не Наука должна занимать учащихся въ школѣ, а такъ называемые *современные вопросы*; что всѣ люди, старшіе ихъ возрастомъ, саномъ или опытностію и знаніемъ, суть люди отсталые, неспособные ни къ какому прогрессу, чуть не идіоты и, слѣдовательно, не способны и не достойны не только руководить юношами, но и дѣйствовать вообще на какомъ бы то ни было умственномъ поприщѣ, литературномъ, ученомъ, государственномъ, и что за симъ единственная сила, опора и надежда общества—это они, юноши, предъ которыми, слѣдовательно, все должно умолкнуть и смириться“ [259]).

Въ *Дневникѣ* же своемъ 1861 года, Никитенко записалъ: „Въ *Русскомъ Словѣ* появился новый пророкъ въ модномъ направленіи—Писаревъ. Онъ въ прошедшемъ году кончилъ курсъ въ нашемъ Университетѣ, и теперь помѣстилъ въ *Русскомъ Словѣ* статью: *Схоластика XIX вѣка и процессы*

жизни. Прочитавъ ее, признаюсь, я даже раздражился и въ этомъ расположеніи духа говорилъ слишкомъ горячо, дѣлая мой докладъ. Правда, уже болѣе двухъ недѣль, какъ я принужденъ бороться съ пошлымъ и грубымъ стремленіемъ, которое, какъ мутныя волны, все больше и больше насъ охватываетъ со всѣхъ сторонъ и которое угрожаетъ намъ въ будущемъ потопомъ. Немудрено въ такомъ положеніи вещей придти въ нехорошее расположеніе духа. Я не могу не бороться съ этимъ духомъ разрушенія и, сложа руки, сидѣть и только смотрѣть на этотъ бурный потокъ".

Далѣе, въ *Дневникѣ* Никитенко читаемъ: „Вы говорите, что надо разрушать все старое, все, все, чтобы потомъ создалось новое. Но развѣ это возможно? Старое въ человѣчествѣ: и Наука, и Искусство, и всякіе опыты и открытія вѣковъ. Старое все то, откуда, изъ чего вытекаетъ новое. Разрушить все старое, значитъ уничтожить Исторію, образованіе, начать съ Адама и Евы, съ звѣриной шкуры, съ дубины дикаря, съ грубой физической силы. Отнимите у человѣка религію, нравственность, идеалы и оставляя за нимъ только эгоизмъ съ расчетливостью бобра, да натуральныя влеченія къ матеріальнымъ благамъ, вы низводите его рѣшительно до скота. Но если по-вашему это истина, хотя и прискорбная, то почему-же не истина то отрадное чувство, которое человѣкъ почерпаетъ въ высшихъ вѣрованіяхъ и стремленіяхъ? Вы требуете вездѣ фактовъ, но развѣ не фактъ это чувство, съ его благими послѣдствіями? Ваши ученія развѣ дѣлаютъ возможнымъ довѣріе къ какой-нибудь изъ вашихъ истинъ? Ежели по-вашему существенно одно тѣло, то какже вы хотите, чтобы я призналъ въ чему-нибудь годнымъ хоть одно понятіе, сотканное головой человѣческой, хотя-бы то эта голова принадлежала Молешоту, Фохту, а наипаче Лаврову, столь краснорѣчиво читавшему лекціи о Философіи въ Пассажѣ, а не то Писареву, знаменитому философу *Русскаго Слова*" [260]).

Въ 1861 году, когда закрытъ былъ С.-Петербургскій Уни-

верситетъ, въ которомъ я состоялъ вольнослушателемъ, я гостилъ, съ мая по декабрь мѣсяцъ, въ Тамбовской губерніи, у моихъ родителей, въ ихъ сельцѣ Ивановкѣ, и тамъ занимался приведеніемъ въ порядокъ прослушанныхъ лекцій по Русской Исторіи Н. И. Костомарова. Въ тоже самое время я слѣдилъ за тогдашнею Литературою. Въ моемъ Архивѣ сохранились листки, помѣченныя: *25—26 ноября 1861 года, сельцо Ивановка*, въ которыхъ заключаются выписки изъ тогдашнихъ журналовъ, и я уже тогда, въ дни моей юности, ими возмущался.

Вотъ эти выписки:

„Вся учено-литературная дѣятельность академика и профессора Срезневскаго представляется намъ чѣмъ-то въ родѣ взбитаго крема, прежде пріятнаго, но если положить его въ ротъ, то отъ него ровно ничего питательнаго не останется"...

„Каждое новое поколѣніе разрушаетъ міросозерцаніе предъидущаго поколѣнія; что казалось неопровержимымъ вчера то валится сегодня; вѣчныя истины существуютъ только для народовъ неисторическихъ, для Эскимосовъ, Папуасовъ, Китайцевъ".

„Всѣ понятія наши о природѣ и человѣкѣ, о государствѣ и обществѣ, о мысли и дѣятельности, о нравственности и красотѣ, мѣняются такъ быстро, что послѣдующее поколѣніе не оставляетъ камня на камнѣ въ міросозерцаніи предъидущаго".

„Страстный бредъ или пылкая діалектика юноши всегда западаютъ въ душу слушателя глубже, и шевелятъ ее живѣе, чѣмъ мудрый совѣтъ старика, высказанный осторожно, безстрастно и торжественно".

„И такъ, позвольте намъ юношамъ говорить, писать и печатать; позвольте намъ встряхивать своимъ самороднымъ скептицизмомъ тѣ залежавшіяся вещи, ту обветшалую рухлядь, которые вы называете общими авторитетами".

„Вотъ заключительное слово нашего юнаго лагеря: что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержитъ ударъ,

то годится, что̀ разлетится въ дребезги, то хламъ; во всякомъ случаѣ, бей направо и налѣво, отъ этого вреда не будетъ и не можетъ быть“.

„На насъ, юношей, очень многіе сердятся, да какъ и не сердится: иной, можетъ быть, лѣтъ пятнадцать рылся въ библіотекахъ и архивахъ, трудился въ потѣ лица, считалъ себя полезнымъ спеціалистомъ и вдругъ, о, разочарованіе! является какой-нибудь неизвѣстный юноша, высказываетъ о предметѣ спеціальныхъ изслѣдованій—мысли ошеломляющія спеціалиста своею оригинальностью и новизною, и прямо называетъ долголѣтніе труды вышеписаннаго ученаго сухимъ хламомъ, изъ котораго не выжмешь ни идеи, ни важнаго фактическаго результата. Какъ же такому спеціалисту не озлиться? Кто же рѣшится сознаться даже передъ самимъ собою въ томъ, что онъ въ продолженіи десятковъ лѣтъ не зналъ, что̀ дѣлалъ и съ какою цѣлію трудился. Чтобы рѣшиться на такое признаніе, на̀до быть почти великимъ человѣкомъ, а великіе люди не тратятъ жизни на перепечатку лѣтописей и на копировку старинныхъ шрифтовъ“.

„Новая идея, какъ пожаръ, разливается на сценѣ дѣйствія, не останавливается никакими преградами, просачивается сквозь щели стѣнъ, и дочиста сжигаетъ старый хламъ, подъ какимъ бы крѣпкимъ карауломъ его не содержали“.

„Крайними полюсами общественнаго мнѣнія можно назвать, съ одной стороны, Аскоченскаго, съ другой—ну хотя бы Чернышевскаго. У Аскоченскаго есть положительная сторона—ханжество и отрицательная ненависть къ человѣческому разуму. Эта отрицательная сторона, эта ненависть у него выражается грубо, рѣзко, нелѣпо; если отъ Аскоченскаго мы будемъ постепенно подвигаться къ Чернышевскому, эта ненависть будетъ находиться въ убывающей прогрессіи; мракобѣсіе перейдетъ въ мраколюбіе, наконецъ въ довольство мракомъ, въ терпѣніе мрака; доводы противъ разума будутъ видоизмѣняться, но полную эмансипацію разума мы найдемъ только у Чернышевскаго“.

„Посредственность не любитъ быстраго прогресса; онъ ее утомляетъ; довольствоваться наличнымъ умственнымъ капиталомъ, старою философскою системою, шлифовать и полировать уголки, любоваться подробностями,—вотъ ея дѣло, вотъ сфера ея муравьиной дѣятельности".

„А тутъ, вдругъ, придетъ какой-нибудь нахалъ, все переворочаетъ, все переломаетъ, нашумитъ, напылитъ. Молча перенести дерзкое нападеніе невозможно: самолюбіе мѣшаетъ, да и опасно; мальчишки народъ заносчивый, зазнаются, примутъ молчаніе за признакъ слабости; надо спорить, да и притомъ какъ спорить. Вы сошлетесь на авторитетъ, а онъ вамъ скажетъ, что знать его не хочетъ; вы скажете: это говоритъ Гегель! А онъ отвѣтитъ: а мнѣ что за дѣло".

„Теперь настали другія времена; выработалось другое, послѣднее слово".

„Только узкіе и вялые умы живутъ въ области преданій, тогда, когда можно выдти въ область дѣйствительно живыхъ идей и интересовъ".

„И такъ, умственная посредственность всегда отличается пассивнымъ консерватизмомъ, и противупоставляетъ натиску новыхъ идей тупое сопротивленіе инерціи".

„Чернышевскій возстаетъ противъ Кавура за то, что, находясь по своему положенію во главѣ современной Италіи, Сардинскій министръ сдерживалъ воодушевленіе народа (боясь, чтобы оно не хватило черезъ край), вмѣсто того, чтобы поддерживать его и давать ему направленіе. Кавура осуждаютъ за то, что онъ былъ болѣе Піемонтскимъ подданнымъ, чѣмъ гражданиномъ свободной Италіи".

„И другой странѣ смиренной
Полной вѣры и чудесъ,
Богъ отдастъ судьбу вселенной,
Громъ земли и гласъ небесъ!

(Хомяковъ).

Это провозвѣстіе вызываетъ только горькую улыбку сожалѣнія о цѣломъ рядѣ заблужденій, въ которыя впадалъ

такой умный талантливый и такъ широко-развитый человѣкъ, какъ Хомяковъ“!

„Наука не имѣетъ въ себѣ ничего вѣчнаго, ничего идеальнаго; скажемъ болѣе, въ Наукѣ нѣтъ ничего постояннаго, если только она не подавлена гнетомъ преданія или рутины, а живетъ и развивается, какъ все нормальное и разумное; она видоизмѣняетъ свои предметы, формулируетъ построенія сообразно потребностямъ вѣка и человѣческой жизни. Почему не предположить, что современныя знанія, при другихъ условіяхъ общечеловѣческой жизни, не обратятся въ ту же паутинную схоластику“.

„Я считаю очевидность единственнымъ ручательствомъ дѣйствительности; я вижу въ жизни только процессъ и устраняю цѣль и идеалъ“.

„Великой задачей нашего времени становится умственная эмансипація массъ“.

„До сихъ поръ, сколько можно припомнить, народная инниціатива выражалась только въ эпоху самозванцевъ, да въ 1812 г.; во все остальное время народъ нашъ представлялъ собою огромную массу, повиновавшуюся данному извнѣ толчку по силѣ инерціи, и принимавшую любую форму, смотря по тому, откуда чувствовалось давленіе“.

„Читающій классъ, гуманизированный общечеловѣческими идеалами, проводимыми Журналистикой, можетъ сдѣлаться посредникомъ между передовыми дѣятелями Русской мысли и нашими младшими братьями—мужиками“.

„Но что же можетъ и что должна сдѣлать Журналистика для той публики, которая исключительно занимается чтеніемъ журналовъ? Она должна разбить ея предразсудки и помочь ей выработать себѣ разумное міросозерцаніе. При этомъ она должна имѣть въ виду ту часть публики, которая способна подвинуться впередъ, людей молодыхъ и свѣжихъ людей, способныхъ принять истину и отрѣшиться отъ отцовскихъ заблужденій. Для такихъ людей талантливый критикъ съ живымъ чувствомъ и энергическимъ умомъ, критикъ подобный

Бѣлинскому, могъ бы быть въ полномъ смыслѣ слова учителемъ нравственности".

Возмущенный такимъ направленіемъ Журналистики, Погодинъ писалъ Шевыреву; „Пересмотрѣлъ журналы. Ругаютъ Карамзина, Сперанскаго, Державина подлецами, отвергаютъ всякую честь у нихъ и благородство. Каково"!

Самъ И. С. Тургеневъ, 6 августа 1861 года, писалъ П. В. Анненкову: „Читаю я мало, и то, что̀ мнѣ попадается въ Русскихъ журналахъ, не очень способно возбудить желаніе подобнаго упражненія. Совершился какой-то наплывъ бездарныхъ и рьяныхъ семинаровъ—и появилась новая, лающая и рыкающая Литература. Что изъ этого выйдетъ — неизвѣстно, — но вотъ, и мы пошли въ старое поколѣніе, непонимающее новыхъ дѣлъ и новыхъ словъ". Въ другомъ письмѣ своемъ Анненкову, Тургеневъ еще рѣзче отзывается о тогдашней Журналистикѣ: „Описаніе ваше нравственнаго состоянія Петербургской жизни есть capo d'opera. Размышляя о немъ, начинаешь понимать, какъ въ разлагающемся животномъ зарождаются черви. Старый порядокъ разваливается, и вызванныя къ жизни броженіемъ гнили — выползаютъ на свѣтъ Божій разныя гниды, въ лицахъ которыхъ мы—къ сожалѣнію—слишкомъ часто узнаемъ своихъ знакомыхъ... На дняхъ здѣсь (т.-е., въ Парижѣ) проѣхалъ человѣконенавидѣцъ Успенскій (Николай) и обѣдалъ у меня. И онъ счелъ долгомъ бранить Пушкина, увѣряя, что Пушкинъ, во всѣхъ своихъ стихотвореніяхъ, только и дѣлалъ, что кричалъ: *На бой, на бой за святую Русь*".

Въ 1861 году, Тургеневъ окончилъ свое произведеніе *Отцы и дѣти*. По поводу одного изъ героевъ романа *Базарова*, П. В. Анненковъ имѣлъ интересный разговоръ съ М. Н. Катковымъ. „Въ одно утро",—пишетъ Анненковъ,— „я собрался и явился у его дверей. М. Н. Катковъ принялъ меня очень добродушно, но рѣчь его была сдержана. Онъ не восхищался романомъ, а напротивъ, съ первыхъ же словъ замѣтилъ: *Какъ не стыдно Тургеневу было спускать флагъ*

передъ радикаломъ и отдать ему честь, какъ передъ заслуженнымъ воиномъ.—Но, Михаилъ Никифоровичъ,—возражалъ я,—этого не видно въ романѣ. Базаровъ возбуждаетъ тамъ ужасъ и отвращеніе. *Это правда,* — отвѣчалъ онъ, — *но въ ужасъ и отвращеніе можетъ рядиться и затаенное благоволеніе, и опытный глазъ узнаетъ птицу въ этой формѣ...* —Неужели вы думали, Михаилъ Никофоровичъ,—воскликнулъ я, — что Тургеневъ способенъ унизиться до апоѳеозы радикализму, до покровительства всякой умственной и нравственной распущенности?.. *Я этого не говорилъ,* — отвѣчалъ Катковъ, горячо и видимо одушевляясь, — *а выходитъ похоже на то. Подумайте только, молодецъ этотъ Базаровъ господствуетъ безусловно надо всѣми и нигдѣ не встрѣчаетъ себѣ никакого дѣльнаго отпора. Даже и смерть его есть еще торжество, вѣнецъ, коронующій эту достославную жизнь, и это хотя и случайное, но все-таки самопожертвованіе. Далѣе идти нельзя!*—Но, Михаилъ Никифоровичъ, — замѣтилъ я,—въ художественномъ отношеніи никогда не слѣдуетъ выставлять враговъ своихъ въ непригляднομъ видѣ, а напротивъ, рисовать ихъ съ лучшихъ сторонъ. — *Прекрасно-съ,*— полу-иронически и полу-убѣжденно возражалъ Катковъ,—*но тутъ, кромѣ искусства, припомните, существуетъ еще и политическій вопросъ. Кто можетъ знать, во что обратится этотъ типъ? Вѣдь это только начало его. Возвеличивать спозаранку и украшать его цвѣтами творчества значитъ дѣлать борьбу съ нимъ вдвое труднѣе впослѣдствіи. Впрочемъ*—добавилъ Катковъ, подымаясь съ дивана, — *я напишу объ этомъ Тургеневу*" [261]).

21 декабря 1861 года, вотъ что писалъ Н. А. Мельгуновъ къ Шевыреву о состояніи нашей Литературы и общества: „Положеніе нашей Литературы, какъ и общества, довольно печально, т.-е., во сколько оно переходное. Представь, есть люди, которые печатно перещеголяли Чернышевскаго. Онъ теперь уже чуть не *отсталый.* Все это въ Петербургѣ. У насъ (т.-е., въ Москвѣ) — вещь удивительная!

Корши, Кетчеръ (!!) и др. сражаются подъ знаменами Бориса Чичерина, Соловьева и Дмитріева за Самодержавіе (beaucoup), Православіе (un peu) и Народность (въ придачу), но съ фанатизмомъ, ожесточеніемъ, и вызываютъ бури въ Университетѣ. Словомъ, Петербургъ—это крайняя лѣвая сторона, гора (которая, разумѣется, родитъ мышь), а Москва—крайняя правая. Середину занимаютъ: здѣсь Катковъ, въ Питерѣ—Дудышкинъ (*Отечественныя Записки)*. У нихъ, право, всего больше можно найти здраваго смыслу" [262]).

LXXXII.

Возвратившись изъ своего путешествія, Погодинъ проявилъ необыкновенную и самую разнообразную дѣятельность, а потому, когда Шевыревъ писалъ ему, что „читалъ его все", то Погодинъ ему отвѣчалъ: „Развѣ такъ увѣдомляютъ? Всего читать ты не могъ, потому что оно разсыпано по всѣмъ изданіямъ... Донъ-Кихотство мое кажется мнѣ самому подъ часъ смѣшнымъ; но грѣшно, кажется, и молчать" [263]).

17 декабря 1860 года, Московская Практическая Академія Коммерческихъ Наукъ праздновала пятидесятилѣтній свой юбилей.

„17-го декабря, прошлаго, закончившагося въ вѣчность 1860 года",—повѣствуетъ Н. Ф. Павловъ,—„мирные жители Покровскаго бульвара были взбудоражены необыкновеннымъ движеніемъ, нарушившимъ сонное благоденствіе обитаемой ими мѣстности. Бывало, кое-когда проскрипитъ тутъ по снѣгу карета, проползетъ погонялка и протащится, опустивъ голову, пѣшеходъ, а въ этотъ день, казалось, вся Москва, точно не нашла лучше мѣста, катилась къ огромному дому, который, впрочемъ, имѣлъ право и на это стремленіе экипажей, и на сочувствіе сердецъ. Если домъ великъ матеріально, то велико и нравственное значеніе его. Въ немъ расположился не частный человѣкъ для своего удовольствія и на потѣху другимъ, а отвела себѣ мѣсто жительства мудрая наставница людей—Наука. Въ немъ обще-

ство, убѣжденное, что безъ свѣта знаній нельзя ни продать, ни купить, ни завести фабрики; что знаніе есть, послѣ денегъ, вторая душа торговли, — пріютило Россійское юношество, чтобъ оно росло, цвѣло, училось и являлось въ жизнь для борьбы съ мракомъ невѣжества, во благо коммерціи, во славу Отечества. Бѣлоручки уступили свои палаты чернорабочимъ, аристократической праздности наслѣдовала плебейская дѣятельность, идея пользы поселилась въ просторныхъ комнатахъ, приготовленныхъ для другой цѣли, и фамилію графовъ Мамоновыхъ, которымъ прежде принадлежалъ этотъ домъ, смѣнила Практическая Академія Коммерческихъ Наукъ. Съ перваго взгляда, этотъ ходъ событій не можетъ уже не произвести отраднаго впечатлѣнія. Пріятно, даже вчужѣ, когда общество движется просвѣщенными побужденіями и когда оно отводитъ учебному заведенію такую хорошую квартиру. Но какое же чудо совершилось въ Практической Академіи 17-го декабря? Къ чему была велія радость, великолѣпный обѣдъ, кажется на триста человѣкъ, и даже огни иллюминаціи? Практическая Академія оглянулась назадъ, сочла годы своего существованія, или, вѣрнѣе, годы своей вывѣски и пришла въ неописанный восторгъ. При счетѣ оказалось пятьдесятъ лѣтъ.

Пятьдесятъ лѣтъ, не простое число. Это — юбилейная эпоха, юбилей. Еще у Евреевъ, по закону Моисея, черезъ каждое пятидесятилѣтіе совершались публичныя торжества. Съ тѣхъ поръ, пятидесятилѣтній возрастъ получилъ значеніе и, мало-по-малу, вошелъ въ почетъ. Празднованіе юбилеевъ понравилось новѣйшимъ народамъ и особенно полюбилось въ нашемъ Отечествѣ. Юбилей есть засвидѣтельствованіе передъ обществомъ долговременной дѣятельности и непрерывныхъ трудовъ, принесенныхъ на пользу ему, — дань уваженія заслугамъ, честному труду, признаннымъ дарованіямъ, ощутительному вліянію, дѣламъ правды, добра, просвѣщенія, которые, въ длинный промежутокъ времени, капля по каплѣ, долбили кору зла и невѣжества“ [264]).

Юбилейный обѣдъ Коммерческой Академіи не обошелся безъ рѣчи Погодина.

Онъ сказалъ: „Праздники и торжества Науки, образованія, просвѣщенія, всегда пріятны, радостны, для друзей добра въ Отечествѣ; но мы живемъ въ такое мудреное время, что даже и на радостномъ веселомъ праздникѣ, по-неволѣ задумываешься. Почтенный директоръ прочелъ намъ любопытную Исторію прошедшаго пятидесятилѣтія. Это, прекрасное сѣяніе—приготовленіе почвы. Пожелаемъ, чтобъ въ остальной половинѣ столѣтія, которая начнется съ завтрашняго дня, прекрасное сѣяніе дало прекрасные плоды. Пожелаемъ, чтобъ воспитанники Московской Коммерческой Академіи заняли почетное мѣсто въ рядахъ Русскаго купечества, — пожелаемъ, чтобъ они своею жизнію, образомъ дѣйствій, распространили убѣжденіе о высокомъ значеніи этого сословія, которое въ благоустроенномъ государствѣ ни въ чемъ не уступаетъ никакому другому, удовлетворяя насущныя потребности и желанія, разливая всюду довольство и обиліе, облегчая средства къ содержанію для богатыхъ и бѣдныхъ, соединяя отдаленныя части свѣта узами обоюдныхъ выгодъ,—какое Министерство имѣетъ задачу выше?

Но этой высокой цѣли купечество не можетъ достигать безъ образованія.

Во вчерашнихъ газетахъ читалъ я объ обѣдѣ въ Пекинѣ у Русскаго посланника для Англійскихъ и Французскихъ уполномоченныхъ. За обѣдомъ пріѣхалъ къ нему Русскій офицеръ, совершившій путешествіе изъ Сибири въ четырнадцать дней. Англичанинъ и французъ изумились этому быстрому сообщенію, употребивъ для своей экспедиціи не дни и не мѣсяцы, а годы.

А какъ Русское купечество воспользовалось такимъ сосѣдствомъ, такимъ удобствомъ, легкостію и дешевизной сообщенія съ востокомъ, югомъ и срединою Азіи? Съ какимъ участіемъ принято у насъ на биржѣ извѣстіе о взятіи Англичанами и Французами Пекина, столицы трехсотъ - милліон-

наго государства? Никто, кажется, и ухомъ не повелъ. Была у насъ Кяхтинская торговля чаемъ, да и та принимаетъ, говорятъ, другое направленіе. Въ прошломъ году, напечатанъ торговый трактатъ нашъ съ Японіей, вслѣдствіе экспедиціи, стоившей немало денегъ государственному казначейству: какіе же товары приготовили мы отправлять въ Японію, и вывозить изъ нея? Я объѣхалъ нынѣшнимъ лѣтомъ Закавказье и Крымъ: ни объ одномъ Русскомъ домѣ нигдѣ я не слыхалъ — здѣсь Армяне, тамъ Греки, какъ Англичане и Нѣмцы въ Петербургѣ. Воспитанники Коммерческой Академіи должны сознать новыя отношенія и выгоды Россіи, какъ государства Европейскаго и Азіатскаго: торговать, какъ торговали у насъ прежде, нельзя, какъ нельзя вести всякія дѣла по старому, политическія, государственныя, ученыя.

Образованіе должно проникнуть въ нѣдра нашей торговли, и образованіе здоровое, полезное, а не мишурное, не наружное, не поверхностное, которымъ наше купечество старается подражать высшему сословію. Бренчать на фортепіано, чему богатые купцы начали учить своихъ дѣтей, лепетать по-Французски не значитъ еще имѣть литературное образованіе, и обувать дѣтей въ коротенькіе чулочки не значитъ еще перенимать почтенные Англійскіе нравы. Оборони Богъ Русское купечество отъ той пустоты, которая слѣдуетъ за такимъ образованіемъ. Настоящее образованіе научаетъ не гоняться за наружнымъ блескомъ, за титломъ дворянина, которое я вижу на иныхъ купеческихъ домахъ, за чиномъ XIV класса, который испрошенъ для Коммерческаго Училища, и вмѣстѣ сознавать свое достоинство, не дрожать всѣмъ тѣломъ предъ всякою воинскою осанкой, и имѣть въ виду не только частную пользу, но и общую.

Вотъ мои желанія, милостивые государи! Позвольте соединить ихъ всѣ въ одинъ тостъ: За улучшеніе купеческаго быта“ [265])!

Юбилейный праздникъ Коммерческой Академіи навелъ Н. Ф. Павлова на слѣдующія мысли: „Практическая Акаде-

мія! Коммерческія науки! Титулъ пышенъ. Но гдѣ же пути ваши къ безсмертію, а хоть какая-нибудь скромная тропинка, которую протоптали вы въ самой жизни? Мы вѣримъ, что у васъ, въ стѣнахъ Академіи, все прелесть, все чудо, что вы не заносились въ облака и держитесь существеннаго, практики, хотите пользы, а не теряетесь въ мечтаніяхъ; ну, такъ укажите намъ вашъ слѣдъ за стѣнами Академіи?.. Что-жъ, ваши бухгалтеры вытѣснили изъ конторъ банкировъ бухгалтеровъ иностранцевъ, а у Русскихъ купцовъ—бухгалтеровъ - самоучекъ? Что-жъ, какой-нибудь изъ вашихъ воспитанниковъ способствовалъ развитію иныхъ отраслей промышленности, улучшилъ разныя производства, дѣлалъ, на основаніи Науки, нововведенія, правилъ, вмѣсто англичанина или нѣмца, важною фабрикой? Открылъ торговый домъ, пустился въ полезное предпріятіе, которое невозможно было другимъ, потому что они, слѣпые, не прозрѣли, не учились въ Академіи?.. Гдѣ же, въ продолженіе длинныхъ пятидесяти лѣтъ, хоть тѣнь вашего вліянія на ту коммерцію, которая составляетъ цѣль вашего существованія? И странное дѣло! Изъ университетовъ, изъ семинарій, изъ духовныхъ академій, изъ пансіоновъ, изъ кадетскихъ корпусовъ выходили люди и въ большомъ количествѣ, сдѣлавшіеся извѣстными Россіи на разныхъ поприщахъ, на служебномъ, на ученомъ, даже на промышленномъ и торговомъ. Выходили таланты, заявившіе себя въ искусствахъ, въ литературѣ. Только изъ заведеній, предназначенныхъ преимущественно для купеческаго сословія, не вышло ни одного, чье имя могли бы мы повторить смѣло передъ лицомъ общества, кто получилъ бы хотя малѣйшее значеніе въ кругу какой бы то ни было общественной дѣятельности? Историкъ Практической Академіи называетъ четыре, или пять именъ, прибавляя и проч., и проч. Для пятидесяти лѣтъ это черезъ-чуръ мало, да и тѣ, кого назвалъ онъ, не кончили курса въ Академіи, а прошли чрезъ Университетъ и посвятили себя совсѣмъ не той цѣли, для которой готовили ихъ, или хотѣла готовить Практическая Академія" [388]).

LXXXIII.

По смерти, въ 1860 году, главнаго смотрителя Страннопріимнаго Дома Графа Шереметева въ Москвѣ, Л. Н. Верещагина, въ Московскомъ Дворянскомъ Собраніи происходили выборы его преемника. По поводу этихъ выборовъ, Погодинъ писалъ: „Въ послѣднихъ числахъ декабря (1860 года), происходили, въ Дворянскомъ Собраніи, выборы въ должность главнаго смотрителя Страннопріимнаго Шереметевскаго Дома,— и что же? Всѣ балотировавшіяся лица были забалотированы.

Какимъ образомъ могло случиться, чтобъ изъ восемнадцати почтенныхъ граждан ни одинъ не удостоился избранія?

Никакой другой причины предположить, кажется, нельзя, кромѣ той, что избиравшіяся лица не были извѣстны большинству, и остались для него только буквами: а, б, в, г, и т. д.

Такая неизвѣстность не мѣшала прежде класть бѣлый шаръ направо, кому бы то ни было, по первой просьбѣ или указанію. Но въ наше время, вся прежняя система, обветшавъ, оказывается несостоятельною, и жизнь предлагаетъ намъ ежедневно новые уроки, которыми благоразуміе велитъ пользоваться. Такъ случилось именно и на выборахъ: никто не хотѣлъ подать своего голоса безъ основанія, всякій имѣлъ своего кандидата, и такимъ образомъ, совокупность голосовъ раздѣлилась между избиравшимися лицами.

Какое-же средство остается для соединенія голосовъ?

Мнѣ кажется, что избираемыя лица должны стараться познакомить съ собою всѣхъ избирателей, если и не по-Англійски: они должны объяснить хоть на выборахъ, какъ они смотрятъ на искомую должность, что̀ предполагаютъ дѣлать при ея исполненіи, что̀ намѣрены исправить, улучшить, ввести, отстранить, въ предѣлахъ ея обязанностей.

Должность смотрителя Страннопріимнаго Шереметевскаго Дома считалась, вообще, до сихъ поръ какою-то sine cur'ою,

спокойною и выгодною. Прекрасный домъ, обширный садъ, теплое отопленіе, блестящее освѣщеніе, кажется даже экипажъ, и никакого почти срочнаго опредѣленнаго занятія: общій, пожалуй, номинальный надзоръ, подпись нѣсколькихъ бумагъ, присутствіе по праздникамъ за обѣднею, и прогулка по палатамъ—вотъ и все. Я имѣлъ честь быть знакомъ со всѣми почти смотрителями, начиная отъ основанія Дома. Почтенные и достойные люди, они смотрѣли на дѣло одинаково, съ небольшими измѣненіями,—и ничего больше въ голову ни имъ, никому не приходило. Больше, казалось, и дѣлать нечего. Не пользоваться ничѣмъ, сверхъ назначеннаго—это уже было верхомъ чести и благородства.

Но въ наше время можно, думаю, требовать болѣе. За такое богатое, выгоднѣе сенаторскаго, содержаніе, можно отъ смотрителя требовать, по крайней мѣрѣ, шести часовъ ежедневной внимательной работы.

Необходимо изложить въ собраніи Дворянства обязанности смотрителя Странноприимнаго графа Шереметева Дома.

Формалисты скажутъ: обязанности изложены въ уставѣ Дома; это не наше дѣло.

А мы отвѣтимъ: обязанности нужно изложить для тѣхъ лицъ, кого должны избирать дворяне, чтобъ подавать голосъ могли они только тѣмъ, кто окажется, по ихъ мнѣнію, способнымъ преимущественно занять это мѣсто, кто дастъ слово, представитъ, такъ сказать, нравственное поручительство въ его вѣрности.

Кому же изложить обязанности?

Кому угодно, кто, что̀ замѣтилъ при томъ или другомъ случаѣ, относительно Странноприимнаго Дома, тотъ и говори во всеуслышаніе.

Почему бы, напримѣръ, не посовѣтовать смотрителю, чтобъ онъ ежедневно, въ разные часы, осматривалъ богадѣльню, вступалъ въ разговоръ съ призрѣваемыми, разспрашивалъ ихъ: довольны ли они содержаніемъ, прислугою и проч.; чтобъ онъ бывалъ, какъ можно чаще, за ихъ обѣдомъ,

ужиномъ, завтракомъ, и отвѣдывалъ ихъ кушанья; чтобъ онъ обходилъ всѣ палаты больничныя, и наблюдалъ внимательно за лѣченіемъ, за пищею, за чистотою; чтобъ онъ заглядывалъ подчасъ и на кухню, и на погребъ, и въ аптеку.

Какъ вы думаете, не пошли ли-бъ всѣ дѣла лучше при такомъ бдительномъ надзорѣ высшаго лица? Не сдѣлались бы сидѣлки учтивѣе, сторожа осторожнѣе, лѣкаря внимательнѣе? Не сдѣлался ли бъ обѣдъ сытнѣе и ужинъ вкуснѣе, а лѣкарства дѣйствительнѣе, больные здоровѣе, призрѣваемые довольнѣе?

Все идетъ впередъ, все должно преобразоваться къ лучшему, и нельзя нигдѣ довольствоваться старыми привычками. Страннопріимный Домъ графа Шереметева, имѣетъ преимущество предъ всѣми заведеніями этого рода именно въ томъ, что у него есть особенный смотритель съ свободнымъ временемъ и всѣми средствами содержать Домъ въ отличномъ положеніи, и этому смотрителю до сихъ поръ не доставало только вразумленія.

Самую больницу можно, кажется, преобразовать, не въ примѣръ, или въ примѣръ другимъ. Конечно, это дѣло ученыхъ факультетовъ; но если факультеты молчатъ, то почему же постороннему человѣку, не медику, а больному, не сказать и о больницахъ, какъ, напримѣръ, сказано недавно мірянами о духовныхъ училищахъ?

Мнѣ кажется, всего нужнѣе и важнѣе для успѣховъ практической медицины въ Россіи, для пользы медиковъ, преимущественно молодыхъ, вѣрныя и подробныя исторіи болѣзней. Писать заднимъ числомъ, скрывать свои ошибки, переправлять соотвѣтственно своимъ видамъ, соображаться съ проповѣдуемыми теоріями, какъ это обыкновенно у насъ водится,—не приноситъ пользы, а только вредъ. Я потребовалъ бы отъ медиковъ, хоть въ Шереметевской больницѣ, чтобъ они ежедневно, предъ самимъ смотрителемъ или его помощникомъ, въ шнуровыхъ книгахъ, вели поденныя, а въ иныхъ случаяхъ и часовыя записки о ходѣ болѣзней, объ

употребляемыхъ лѣкарствахъ, объ ихъ дѣйствіяхъ, согласно и вопреки ожиданіямъ, о всѣхъ новыхъ явленіяхъ, и о конечномъ исходѣ, откровенно, честно. Смертности до сихъ поръ въ больницѣ вѣдь не больше, чѣмъ въ другихъ,—отъ ошибокъ никогда не были свободны и первыя знаменитости,—такъ бояться и стыдиться промаховъ нечего, лишь бы совѣсть была чиста, а все отъ насъ зависящее было исполнено. Такія записки должно печатать еженедѣльно.

Я допустилъ бы всѣхъ желающихъ, студентовъ, лѣкарей и проч. присутствовать при осмотрахъ больныхъ, и при прописаніи имъ лѣкарствъ.

Возвратимся къ нашему избранію.

Получивъ отъ Дворянства понятіе о предполагаемыхъ обязанностяхъ, можетъ быть, нѣкоторыя лица сами отказались бы отъ исканія; другія предложили бы свои замѣчанія, предположенія, мнѣнія, и такимъ образомъ, дали бы избирателямъ основанія избирать раціонально, а не лотерейно. Поживѣе, господа, повнимательнѣе“!

Статья Погодина обратила на себя вниманіе старшаго врача больницы Страннопріимнаго Дома графа Шереметева, Тарасенкова, и онъ, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, по поводу этой статьи, напечаталъ *Нѣчто о больницахъ*. „Многія изъ замѣчаній М. П. Погодина“,—писалъ Тарасенковъ,—„вѣроятно примутся въ соображеніе при новыхъ выборахъ въ смотрители; нѣкоторыя изъ замѣчаній, вѣроятно, встрѣтятъ возраженія о неточности, напримѣръ, о номинальномъ надзорѣ, о богатомъ содержаніи, о мнимомъ экипажѣ и проч., будутъ исправлены тѣми лицами, до которыхъ это ближе касается. Я не стану также входить въ объясненіе, что долженъ дѣлать и чего не долженъ дѣлать главный смотритель“. Съ своей же стороны, Тарасенковъ счелъ своею обязанностью сказать нѣсколько словъ только о больницѣ. Между прочимъ, Тарасенковъ рѣшительно не могъ понять предположеніе Погодина, что Исторіи болѣзней были бы лучше, если бы онѣ писались предъ смотрителемъ или его помощникомъ, которые,

замѣчаетъ Тарасенковъ, „по большей части не знаютъ Латинскаго языка и, не будучи медиками, не могутъ имѣть достаточныхъ свѣдѣній для ихъ обсужденія“. Вмѣстѣ съ симъ Тарасенковъ присоединяется къ предложенію Погодина, чтобы допустить желающихъ студентовъ и лѣкарей присутствовать при осмотрѣ больныхъ и при прописываніи имъ лѣкарствъ“ [267]).

LXXXIV.

Въ 1861 году, умеръ Кавуръ. Кончина его произвела на Погодина сильное впечатлѣніе. Въ своемъ *Дневникѣ* онъ записалъ:

Подъ *27 мая 1861:* „Извѣстіе о смерти Кавура поразило. Напишу. Думалъ“.

— *28* — —: „Набросалъ о Кавурѣ“.

— *31* — —: „Писалъ о Кавурѣ“.

— *1 іюня* —: „Набросалъ о Кавурѣ“.

— *3* — —: „Пересмотрѣлъ о Кавурѣ“.

— *4* — —: „Обдѣлывалъ Кавура“.

— *6* — —: „Прочелъ Аксакову Кавура“.

Въ статьѣ Погодина, мы, между прочимъ, читаемъ: „Стрѣлой пролетѣла по Европѣ скорбная вѣсть о внезапной кончинѣ Кавура—и всѣ мыслящіе степенные люди, какого бы то ни было рода вздрогнули, прослезились, задумались. Всѣ отдали единодушно справедливость заслугамъ достойнаго гражданина, почтили память неутомимаго труженика, выразили сочувствіе пламеннымъ мечтамъ патріота.

Старый Геренъ почиталъ отличительнымъ характеромъ Новой Исторіи, главнымъ ея предметомъ, образованіе изъ всѣхъ Европейскихъ государствъ одной системы, одного цѣлаго, одного живаго организма...

Къ признакамъ Новѣйшей Исторіи отнесемъ также образованіе въ Европѣ какой-то магнитической связи между избранными душами, какого-то живаго священнаго союза...

Рости и множься, малое стадо! Служи духомъ и истиною...

Имѣетъ ли въ дѣлахъ міра сего это тайное, духовное, священнодѣйствіе?

Разумѣется, имѣетъ...

Смерть Кавура едва ли есть не первое происшествіе, при которомъ Европейская симпатія обозначилась такъ явно, и, вмѣстѣ, обняла столько различныхъ государствъ и народовъ. Достоинъ ли ея былъ Кавуръ? Былъ ли онъ такъ чистъ, безукоризненъ, справедливъ, что заслужилъ ея по праву?

На что искать сокровенныхъ источниковъ дѣйствій, для насъ, впрочемъ, недоступныхъ? Они подлежатъ суду совѣсти, суду Божію. На что намъ вскрывать слабыя стороны великихъ дѣятелей, неразлучныя съ поврежденнымъ естествомъ человѣческимъ. Если предъ нами сіяетъ божественный ликъ Мадонны, или совершается чудо Преображенія, перенесенное съ Ѳавора на полотно, то для чего мы будемъ смущать себѣ воображеніе воспоминаніями о ночныхъ оргіяхъ Рафаэлевыхъ?

Мы видимъ высокую цѣль Кавура, мы видимъ безпримѣрныя его усилія достигнуть этой цѣли—и чего намъ спрашивать болѣе, для засвидѣтельствованія ему нашего уваженія?

Италія! Кто не оплакивалъ несчастной судьбы ея? Кто не скорбѣлъ, воспоминая прежнее ея величіе? Отчизна геніевъ, мастерская безсмертныхъ художниковъ... Италія благословенная природою—въ какомъ положеніи находилась она предъ нашими глазами? Праздность, нищета... невѣжество, лѣнь, суевѣріе,—господство иноплеменниковъ... Страна дичала, плодородныя земли лежали впустѣ... Всѣ были убѣждены въ необходимости перемѣны: Пій IX, Кавуръ, Гарибальди, Карлъ-Альбертъ, Викторъ-Эммануилъ, Францискъ II.

Кавуру между ними предоставила судьба привести въ исполненіе свою мысль, дѣйствовать успѣшнѣе всѣхъ, для освобожденія Отечества, для нравственнаго возрожденія Италіи.

Какія препятствія представлялись ему на пути?.. Съ кѣмъ предстояла ему борьба? Съ государствомъ, которое въ десять разъ было сильнѣе его Отечества... Большая половина самой Италіи старалась ему противодѣйствовать, съ папою во главѣ.

А каковы были друзья Кавура, съ которыми ладить было ему еще труднѣе, чѣмъ бороться съ врагами? Франція... Извольте перехитрить Наполеона III! Англія... извольте устоять противъ ея опредѣленій! А домашнія партіи? Чего не было въ игрѣ? Энтузіазмъ и окаменѣлость, вѣра и безвѣріе, разврать и невѣжество, закоренѣлыя привычки, страсти, наслѣдственныя вражды и соперничество.

А Кавуръ все-таки шелъ впередъ, шелъ безъ устали.

Онъ ошибался, провинялся, преступалъ, можетъ быть, границы справедливости, но при такихъ столкновеніяхъ, въ такомъ водоворотѣ внутреннихъ дѣлъ и водопадѣ внѣшнихъ нечаянностей, кто же и подумать осмѣлится о сохраненіи безусловной чистоты и правды? Это дѣло Итальянцевъ между собою! Есть простая Русская пословица, которую, не во гнѣвъ пуристамъ, можно, кажется, употребить, говоря о народномъ дѣлѣ: *Свои собаки грызися, чужая не приставай*, что высокимъ дипломатическимъ слогомъ выражается принципомъ *невмѣшательства*.

И вотъ, послѣ всѣхъ подъятыхъ трудовъ, принесенныхъ жертвъ, послѣ всѣхъ испытанныхъ неудачъ и униженій, избѣгнутыхъ опасностей, послѣ безконечныхъ ночей, проведенныхъ безъ сна, съ мучительною тоскою, въ пріисканіи средствъ спасенія, послѣ всѣхъ страшныхъ потрясеній...—Италія, наконецъ, вздохнула свободно... Освобождена большая часть Ломбардіи, присоединились: Тоскана, Парма, Модена, Романья; Сицилія и Неаполь пошли въ составъ цѣлаго... Имя Королевства Итальянскаго огласилось въ мірѣ. Остается въ чужомъ владѣніи только одна красавица Венеція. Государству не достаетъ только столицы, и вонъ, вдали, на темномъ горизонтѣ, засвѣтился куполъ святаго Петра!.. Въ эту самую минуту тѣлесныя силы измѣняютъ труженику, голова мутится, руки спускаются, и несчастливецъ падаетъ, бездыханный, подъ бременемъ своей заботы! Трагическая судьба!

Неужели съ послѣднимъ вздохомъ Кавура кончилось для него все? Страшно подумать. Гдѣ же справедливость, гдѣ судъ

и воздаяніе? *Достоинъ дѣлатель мзды своея!* О, нѣтъ, новые книжники и фарисеи, не въ вашемъ сухомъ, логическомъ, отрицательномъ, тлѣнномъ ученіи заключается правда! Не у васъ почерпнетъ человѣчество живой воды, для освѣженія своего существа! Не вамъ говорить: *Азъ есмь путь, истина и животъ*! Умъ кичитъ. Сердцу, съ его любовію, вѣрою и надеждою, неподлежащими никакимъ заключеніямъ строгой логики, внѣ ея мнимыхъ непреложныхъ законовъ, должно ввѣряться преимущественно человѣчество, что касается до высшихъ его стремленій.

Что̀ чувствовалъ, что̀ думалъ Кавуръ, видя приближеніе къ себѣ смерти?.. Не представлялась ли ему манившая къ себѣ фигура высочайшаго поэта, великаго Данте, за шесть сотъ лѣтъ, начертавшаго планы объ единствѣ Италіи" [268])?

Статью свою о Кавурѣ Погодинъ желалъ напечатать въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*; но Коршъ писалъ ему: „Считаю нужнымъ увѣдомить васъ, Михаилъ Петровичъ, что ваша статья о Кавурѣ не можетъ быть напечатана завтра. Всѣ политическія статьи разсматриваются Комитетомъ, а засѣданіе его будетъ въ середу. На всякій случай, возвращаю вамъ статью, тѣмъ болѣе, что въ ней нѣтъ ничего фактическаго".

Получивъ отказъ Корша, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*, подъ *5 іюня 1861 года*: „Отправилъ о Кавурѣ въ *Московскія Вѣдомости* и получилъ назадъ. Каково! Вѣрно отъ того, что есть въ пользу Христіанства".

Погодинъ не останавливался и отправилъ свою статью къ Краевскому, который отнесся благосклоннѣе къ статьѣ Погодина. „Вотъ",—писалъ Краевскій—„вѣдь вы опять будете упрекать меня въ медленномъ печатаніи вашихъ статей! А кто тутъ виноватъ? Статья о Кавурѣ получена въ Конторѣ только *вчера, 12 іюня*, въ *Духовъ День*, а на письмѣ, къ ней приложенномъ, вами помѣчено *5 іюня*. Кто-жъ виноватъ, что письмо и статья пришли ко мнѣ ровно черезъ недѣлю, тогда какъ теперь черезъ недѣлю можно получать письма чуть не изъ Мадрита? Вчера же статья отправлена въ наборъ, нынче наберется

и будетъ у цензора, если никакой помѣхи не будетъ отъ Цензуры Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (которая, въ последнее время, со всѣмъ съ ума сошла, вѣроятно предупреждая въ этомъ королеву Викторію), то напечатается въ четвергъ".

Въ другомъ своемъ письмѣ, Краевскій сообщаетъ Погодину: „Статью вашу о Кавурѣ испакостилъ, конечно тотъ же самый баронъ Бюлеръ, цензоръ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и членъ Главнаго Управленія Цензуры, который ежедневно пакостить политическій отдѣлъ во всѣхъ Петербургскихъ газетахъ".

А Погодинъ въ *Дневникѣ* своемъ, подъ *18—21 іюня* 1861 года, записалъ: „Кавуръ наконецъ напечатанъ. Съ измѣненіями. Досадно"!

Статья Погодина о Кавурѣ возбудила негодованіе князя Н. Н. Голицына. „Я не хотѣлъ вѣрить глазамъ моимъ",—писалъ онъ,—„когда прочиталъ *Михайла Погодинъ* подъ хвалебною статьею въ честь и похвалу Кавуру!.. Первому бандиту нашего вѣка, для котораго ничего не было святаго, ни трактаты, ни права, ни слово честное, ни церковь, ибо онъ все это попиралъ ногами. А уже русскому еще менѣе слѣдовало бы его превозносить. Не онъ ли пустилъ въ Крымъ двадцать тысячъ флибустіеровъ, чтобы убивать нашихъ Русскихъ воиновъ, безъ всякой причины, и безъ объявленія войны. Самые Піэмонтцы говорили мнѣ въ Симферополѣ: мы проданы. Большое униженіе для Россіи было, когда князь Орловъ допустилъ, чтобы этотъ революціонеръ засѣдалъ въ Парижскомъ конгрессѣ. Ему тамъ мѣста не должно было быть. Мы воевали съ Франціею и Англіею, а Сардинію не вызывали на брань. Это сущій позоръ. А кончина его на пятьдесятъ второмъ году отъ рожденія не есть ли явное наказаніе неба. Хотя папа, въ отлученіи имъ произнесенномъ противу покусившихся на достояніе церкви, не назвалъ никого, но каждый участвовавшій въ такихъ продѣлкахъ могъ знать, палъ ли онъ или нѣтъ подъ анаѳему. Кавуръ былъ въ этомъ

отношеніи въ главѣ отлученныхъ. Однако, онъ просилъ пріобщенія Св. Тайнъ. По церковнымъ правиламъ, какъ восточнымъ такъ и западнымъ, отлученный отъ церкви, можетъ *in articulo mortis*—получить пріобщеніе Св. Даровъ только тогда, когда онъ примирится съ церковью. Одно или другое: или онъ проклялъ свое прошедшее, тогда онъ, если бы выздоровѣлъ, долженъ былъ сойти съ политическаго поприща и отказаться отъ своихъ заблужденій. Или, если онъ пріобщился, и остался въ душѣ тѣмъ же Кавуромъ, тогда онъ учинилъ богохуленіе и погубилъ свою душу. — Богу одному извѣстно какой изъ сихъ двухъ категорій онъ принадлежитъ. Кто знаетъ Исторію Италіи въ средніе вѣка, тотъ долженъ быть убѣжденъ, что единство Итальянскаго Королевства есть сумасбродная мечта, которая никогда не осуществится. Терпѣніе небесное велико; но оно и разражается въ данный часъ ужаснымъ образомъ. Первый ударъ кары небесной явился надъ Кавуромъ. Скоро вы увидите живыя явленія не менѣе значительныя. Уже и состояніе Неаполитанскаго Королевства должно дать подумать и заставить призадуматься всѣхъ поборниковъ тѣхъ гнусныхъ явленій и грабежей, которые повторяются въ Италіи уже теперь. А состояніе напряженное Варшавы и Царства Польскаго не есть ли плодъ Кавурскихъ продѣлокъ? Не намъ, не намъ подобаетъ хвалить такого бандита. Извините за откровенности, но ей Богу! не понимаю вашихъ политическихъ воззрѣній".

LXXXV.

Почти весь апрѣль 1861 года Погодинъ провелъ въ Петербургѣ, и былъ непрестанно приглашаемъ на великосвѣтскіе обѣды и рауты. Самъ министръ Иностранныхъ Дѣлъ князь А. М. Горчаковъ оказывалъ Погодину необыкновенное вниманіе. „Я очень сожалѣю",—писалъ онъ ему, —„что вы не застали меня дома, когда вы заѣзжали ко мнѣ въ бытность вашу въ Петербургѣ; надѣюсь, что когда вы

опять посѣтите нашу столицу, вы не откажете мнѣ въ удовольствіи видѣть васъ".

Вскорѣ послѣ этого письма, Погодинъ опять посѣтилъ „нашу столицу", и получилъ слѣдующее приглашеніе: „Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ проситъ сдѣлать честь пожаловать къ нему на вечеръ, въ пятницу, 7-го апрѣля" [269]).

„Я чувствую себя очень хорошо";—писалъ Погодинъ Шевыреву, —„и работаю безъ устали. Не знаю, какъ благодарить Бога за сохраненіе силъ и живость духа. Принимаю участіе во всемъ, какъ въ юные года *Московскаго Вѣстника*, не только *Москвитянина*" [270]).

Будучи въ такомъ настроеніи, Погодину вздумалось описать три вечера, проведенные имъ въ Петербургѣ.

Къ этимъ *Тремъ вечерамъ въ Петербургѣ*, онъ предпослалъ слѣдующее предисловіе:

„Сдѣлано общее замѣчаніе, что путешественникъ въ чужомъ городѣ часто усматриваетъ гораздо болѣе мѣстнаго обывателя: всякая особенность бросается ему въ глаза, а обыватель, приглядѣвшись къ ней, не придаетъ ей цѣны или значенія. Такъ точно и въ наукахъ: спеціалисты слишкомъ освоиваются съ своими положеніями и боятся выступать изъ заповѣднаго ихъ круга. Не зная края, смѣлѣе можно выступать впередъ и найдти новую тропинку, если съумѣешь впрочемъ остеречься, чтобы не сломить себѣ шеи. Во всякомъ случаѣ, Наукѣ не слѣдуетъ быть слишкомъ высокомѣрною и пренебрегать посторонними замѣчаніями.

Изъ тишины кабинета мнѣ случилось попасть на нѣсколько времени въ пучину Петербургской жизни; три вечера, почти сряду, провелъ я въ трехъ различныхъ обществахъ: въ собраніи политико-экономическаго комитета между учеными, потомъ между капиталистами и на великосвѣтскомъ блестящемъ раутѣ. Видѣнное и слышанное мною навело меня на нѣкоторыя мысли, коими и хочу теперь подѣлиться. Примите ихъ въ замѣнъ современныхъ замѣтокъ, кои я обѣщалъ, и отъ коихъ совершенно отказываюсь: вновь происходящее ставитъ

меня въ тупикъ, говорить вполнѣ я не могу, а сказанное въ полголоса подаетъ поводъ къ кривымъ толкованіямъ, и приноситъ больше вреда, нежели пользы, по крайней мѣрѣ, въ извѣстномъ классѣ читателей, которые, какъ предубѣжденные, не могутъ судить хладнокровно и видѣть ясно самыя простыя вещи".

Высказавъ это, Погодинъ приступаетъ къ описанію вечера перваго, проведеннаго имъ въ Географическомъ Обществѣ.

„Нельзя не порадоваться",—писалъ онъ,—„публичному обсужденію важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ, въ присутствіи представителей Правительства... Преніе обращалось преимущественно о крупной и мелкой собственности, о необходимости увеличенія участковъ по мѣрѣ удаленія отъ городовъ, объ отношеніи ея къ пролетаріату...

Пролетаріатъ—какъ можетъ быть въ странѣ, гдѣ на квадратную милю приходится съ небольшимъ по десяти человѣкъ, а въ Европѣ живутъ по пяти и болѣе тысячъ!

Явленія западной жизни, ихъ причины и слѣдствія, для насъ любопытны, аналогически полезны, и только. Самая Наука Политической Экономіи составлена, сочинена, снята, выведена изъ явленій западной жизни, а большая часть ея правилъ прикладывается къ намъ весьма насильственно, а можетъ быть и пагубно.

Въ концѣ засѣданія, Серно-Соловьевичъ предложилъ замѣчаніе, обращая вниманіе на явленія въ жизни Славянскихъ государствъ.

Употреблю сравненіе изъ области, мнѣ болѣе извѣстной.

Наука Исторіи имѣетъ свои эпохи. Въ послѣднее время, въ Европѣ взглянули на нее иначе: Нибуръ явился съ сомнѣніями, Гизо—съ анализомъ, Тьери—съ колоритомъ времени и мѣста, заимствованными изъ источниковъ.

Наши посредственности, ограниченности и бездарности бросились на эту новость, и давай ломать Русскую Исторію.

Одни не нашли въ ней того, что поразило ихъ въ За-

падной Исторіи (личность, среднее сословіе, такія-то страсти), и заключили, что у насъ нѣтъ Исторіи.

Другіе начали сомнѣваться о Рюрикѣ, потому что Нибуръ сомнѣвался въ Ромулѣ, и заключили, что первый періодъ Русской Исторіи также баснословенъ, какъ и Римскій.

Третьи начали вставлять цѣликомъ изъ лѣтописей и грамотъ, думая, что они своими вставками такъ оживятъ Русскую Исторію, какъ Тьери или Барантъ оживили Англійскую и Французскую.

Вотъ происхожденіе нелѣпостей Каченовскаго, Полевого, Соловьева, которыхъ прославила современная Журналистика по своимъ видамъ и увлекла за собою толпу.

Ихъ уже почти и нѣтъ! Кто не смѣется надъ скептицизмомъ Каченовскаго, надъ прогматическими выходками Полевого, надъ родовымъ бытомъ Соловьева и Кавелина, ихъ систематизированіемъ безъ системы, съ ихъ толкованіями о народѣ, котораго все-таки не видать изъ-за Государства. Все тѣ же князья, тѣ же ихъ дѣйствія, и новаго—ничего!

Нѣтъ! законы Русской Исторіи, идеи ея, надо извлечь изъ нея самой, а это гораздо труднѣе, чѣмъ навязывать ей готовые чужіе. Готовую теорію нельзя прикладывать къ практикѣ, точно тоже надо сказать и о Политической Экономіи. Политическая Экономія не дала намъ до сихъ поръ ни одного правительственнаго распоряженія, котораго пользу можно бы было ощупать руками, а развѣ наоборотъ. Затрудненія только что увеличиваются.

Трудъ, капиталъ, рента, балансъ—все тоже у насъ, да не такъ. Мѣстность, народонаселеніе, характеръ жителей, всѣ побочныя обстоятельства, совершенно другія у насъ, чѣмъ на Западѣ, и жизнь наша хозяйственная велась сама по себѣ, а слѣдовательно, и должна вестись извнѣ, совершенно иначе.

Истины, вѣрнѣйшія наблюденія, остроумнѣйшія объясненія и твердѣйшія правила, выработанныя Западною Наукою изъ жизни, производятъ у насъ только замѣшательство въ

понятіяхъ, сбиваютъ окончательно съ толку и приводясь въ исполненіе, разстроиваютъ дѣла.

Сколько мнѣ случалось слышать, способнѣйшіе въ нашихъ политическихъ экономовъ начинаютъ сознаваться, что они зашли далеко. Слава Богу! Ошибиться извинительно и простительно, и честь тому, кто откровенно сознается въ ошибкѣ.

Самолюбіе въ сторону. Обстоятельства наши такъ мудрены, что семь мудрецовъ Греческихъ зачесали бы подъ часъ въ головѣ.

Надо удивиться, какъ мало оригинальныя явленія въ Русской жизни, бросались въ глаза, вооруженные западными очками. Былъ у насъ лажъ на ассигнаціи, доходившій до двадцать процентовъ. Что же это значило? Что ассигнацій было мало въ оборотѣ? Нѣтъ, Наука говорила намъ, что ихъ было слишкомъ много.

Лажъ высокій былъ вмѣстѣ и на серебро, и на золото; а серебра, золота было очень много въ оборотѣ, а теперь нѣтъ и безъ лажа.

Вдругъ, указомъ велѣно было считать ассигнаціи и серебро, золото, безъ лажу, и указъ повсемѣстно былъ приведенъ въ исполненіе, а на Западѣ такой указъ и немыслимъ.

Вывозъ золота и серебра былъ у насъ запрещенъ. Нѣтъ, сказала Наука, выпускайте золото и серебро: это не причинитъ намъ убытка. Ну вотъ, золото и серебро выпустили мы изъ рукъ, но барышъ получили плохой. Вмѣсто золота и серебра, мы получили другіе капиталы. Какіе же капиталы мы получили? и гдѣ они? что производятъ? Вздорожаетъ у васъ золото, говорила намъ Наука, вамъ привезутъ его много, какъ товаръ. До сихъ поръ этого дорогого товара мы не видали однакожъ въ глаза, и вотъ уже мѣдь стала намъ въ честь; а золото вытаскивается послѣднее изъ дорогой страны въ дешевую.

Слишкомъ много у насъ ассигнацій, сказала Западная Наука, извлекши это положеніе изъ жизни, основанной на недовѣрчивости и оппозиціи, надо ихъ уничтожить, чтобы

возстановить равновѣсіе, но дѣло въ томъ, что наши кредиторы спрашиваютъ долги съ своихъ должниковъ, хоть ассигнаціями; за ассигнаціи на ярмаркѣ вамъ поклонятся въ поясъ, да ассигнацій-то нѣтъ. Никому въ голову не приходило у насъ никогда спрашивать долги монетою.

Карамзинъ, еще въ 1810 году, замѣтилъ, что ассигнаціи не считаются у насъ заемными письмами, а только размѣнными знаками.—Посошковъ, крестьянинъ временъ Петра I, судитъ почти также.

Настоящее безденежье, на простой взглядъ, кажется, очень естественно. Положимъ—у меня была тысяча рублей; пока я не затѣвалъ лишнихъ расходовъ, ея было для меня достаточно, но какъ я пустился въ разныя предпріятія на десять тысячъ руб., то, разумѣется, попалъ въ затрудненіе.

Россія пробавлялась своею монетою и своими ассигнаціями: теперь затѣяно желѣзныхъ дорогъ почти на 400 милліоновъ, пароходныхъ обществъ до 35 милліоновъ, фабрикъ около 100 милліоновъ. Это вѣдь все новые расходы: разумѣется, для всѣхъ этихъ предпріятій нужны новыя деньги. А мы и старыя деньги вынули изъ употребленія: капиталы Опекунскаго Совѣта, промѣненные на пяти-процентные билеты, большею своею частію составляютъ мертвый запасъ, ибо обращеніе ихъ затруднительно, при томъ они слишкомъ крупны и неудобны для полученія процентовъ; присоедините къ тому, что ни закладывать, ни получать изъ Опекунскаго Совѣта, по обстоятельствамъ, нельзя; продажи и покупки недвижимыхъ имѣній остановились, и обороты въ этомъ отношеніи прервались. Вотъ и безденежье.

Чтобъ содѣйствовать кровообращенію, ненадо перевязывать жилъ на рукахъ, ногахъ и животѣ. Чѣмъ просторнѣе, свободнѣе, тѣмъ лучше.

Для новыхъ дѣлъ нужны, по крайней мѣрѣ, новые знаки, какіе хотите, лишь бы аккредитованные, обезпеченные.

Многіе откупщики, аптекари, трактирщики, почтосодержатели выдаютъ по разнымъ мѣстамъ свои марки, прини-

маемыя въ народѣ съ благодарностію: ясно, что за марки казенныя будетъ народъ благодарить Правительство кольми паче“.

Высказавъ это, Погодинъ счелъ нужнымъ предупредить читателей, что „всѣмъ этимъ замѣчаніямъ не придается никакой цѣны, никакого значенія. Можетъ быть, они совершенно неосновательны и предлагаются только въ примѣръ того, что иному профану можетъ придти подъ часъ въ голову“.

LXXXVI.

Другой вечеръ Погодинъ провелъ у В. А. Кокорева. Между гостями было много капиталистовъ, которые разсуждали откровенно о своихъ дѣлахъ. Вотъ что Погодинъ сообщалъ вообще о положеніи дѣлъ:

„Демидовы, Строгоновы и прочіе горнозаводчики находятся въ великомъ затрудненіи для веденія своихъ дѣлъ.

Графъ Бобринскій проситъ о милліонномъ пособіи для своихъ сахарныхъ заводовъ. Брантъ, владѣлецъ корабельной верфи въ Архангельскѣ, ищетъ шестьсотъ тысячъ р. за высочайшею порукою.

Братья Шиповы, владѣющіе огромными предпріятіями и заведеніями, предлагаютъ вѣрнѣйшія акціи по полтинѣ за рубль.

Одинъ сильный домъ Алексѣевыхъ обанкрутился на огромную сумму, и за двѣ его фабрики, стоившія болѣе милліона, даютъ только 180,000 р. с.

Барковъ, желѣзный торговецъ, обанкрутился на 5 мил.

Мѣняевъ, старинный Петербургскій домъ, прекращаетъ платежи.

Бенардаки ѣдетъ закрывать свои одиннадцать заводовъ.

Кокоревъ подвергается опасности.

Рыбинскій откупъ оказывается несостоятельнымъ, потому что привозу въ Рыбинскъ клади было меньше вдвое, а народу меньше втрое.

Нарская и Протвинская Бумаго-Прядильни страдають, а последняя не можетъ продолжать работы.

Сельскій Хозяинъ ликвидированъ; Закаспійское товарищество Кавказъ и Меркурій, Бѣломорская компанія, Амурская компанія, Дружина,—колеблются.

Воля ваша, а слушая такой реэстръ, нельзя не задуматься: всѣ поименованныя лица извѣстны были своей основательностію, опытностію, честностію и расчетливостію. Что за общая напасть! Содѣйствіе и пособіе всѣмъ имъ необходимо. А. П. Шиповъ прочелъ записку (напечатанную послѣ въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ*), которая мнѣ, профану, показалась очень дѣльною и удовлетворительною: въ пополненіе вынутыхъ знаковъ (см. выше), пусть Правительство выдастъ всѣмъ нуждающимся, подъ залогъ ихъ предпріятій и имуществъ, какія-нибудь обезпеченныя имъ ассигнаціи, которыя ходили бы повсемѣстно наравнѣ съ прочими государственными обязательствами; съ теченіемъ времени, по мѣрѣ платежей, они вынимались бы изъ оборота, и никто не остался бы въ убыткѣ, а всѣ въ барышахъ.

Статья Шипова напомнила мнѣ старую мысль, выраженную мною когда-то въ письмѣ, по поводу передачи нашихъ желѣзныхъ дорогъ Французскому обществу.

Почему бы не сдѣлать вотъ какой опытъ: выстроить какую-нибудь желѣзную дорогу, верстъ во сто, на особыя бумажныя деньги, кои ходили бы вездѣ, какъ чистыя деньги. Эти знаки обезпечивались бы самою желѣзною дорогою, и постепенно, по мѣрѣ ея доходовъ, вынимались бы изъ употребленія. Дорога эта черезъ тридцать, сорокъ лѣтъ пришлась бы Правительству даромъ.

Нельзя новыми бумажными знаками обременять рынокъ, да рынка такого въ натурѣ нѣтъ, какой намъ мерещится. Никакія бумаги у насъ на биржѣ не продаются, и никакихъ покупателей на акціи у насъ не находится. Это все миражъ. Вотъ вамъ самый ясный примѣръ: построеніе Троицкой дороги — предпріятіе вѣрное. Строится она отлично, по

единогласному свидѣтельству всѣхъ знающихъ людей. Никакой жалобы, замѣчанія не было слышно. Готова она будетъ непремѣнно черезъ годъ. Одинъ изъ директоровъ продаетъ свои акціи, по причинѣ своихъ обстоятельствъ, по полтинѣ за рубль, — барышъ вѣрный, и не является никакихъ покупателей.

Мысль эта, положимъ, окажется нелѣпою, вредною; тогда вы уничтожите ваши знаки и заплатите за нихъ чѣмъ угодно. Дорога цѣны не потеряетъ. Бѣда не неисправимая! А участокъ я имѣю честь рекомендовать: отъ Троицы до Ростова, или отъ Одессы до Маяковъ. Такая постройка будетъ повыгоднѣе постройки Французовъ, которые обѣщались привезти намъ капиталовъ, но не привезли, а напускали только козловъ въ огородъ"!

Воротясь въ Москву, Погодинъ передалъ сосѣднимъ фабрикантамъ, на Дѣвичьемъ полѣ, извѣстія о затруднительномъ положеніи. „Мы сами, батюшка", — сказали ему фабриканты, — „терпимъ точно тоже и по среднимъ своимъ дѣламъ. Что за причина? Богъ знаетъ. А чѣмъ бы помочь, по вашему? Не можемъ знать, а кажется хорошо бы было возвысить цѣну серебряной и золотой монеты".

По дорогѣ, въ прошлогоднее свое путешествіе, Погодинъ слышалъ вездѣ единогласное желаніе: уменьшить счетную единицу и сдѣлать ее ассигнаціонной, такъ называемый рубль, равный франку, а серебряный рубль считать въ 4 ассигнаціонныхъ.

Третій вечеръ Погодинъ провелъ въ великосвѣтскомъ раутѣ. „Боже мой"! — восклицаетъ онъ. — „Сколько свѣту, сколько блеску, какое богатство! Какое великолѣпіе! Ни одного платья на дамѣ не стоило меньше ста рублей серебромъ, а весь нарядъ клади круглымъ счетомъ по тысячѣ! Малѣйшая косыночка равнялась десяти четвертямъ ржи, и тончайшіе рукавчики не получишь меньше чѣмъ за двадцать четвертей овса! А за шаль опрастывай цѣлый закромъ; за колечки, за сережки иныя, подпимай на вилы пять стоговъ сѣна.

И вспомнилъ я Невскій проспектъ! На сколько милліоновъ помѣщается товару въ его магазинахъ! Какой же это товаръ? Мука, крупа, масло, мясо, соль? Фи! Здѣсь только des petits-riens, трень-брень! Такъ для чего же вы ихъ покупаете, безсмысленныя, когда нужда вездѣ распространяется, и когда не достаетъ средства нашему народу для удовлетворенія насущныхъ своихъ потребностей? Если крестьяне устраиваютъ между собою общества воздержности, и отказываются отъ самаго сладкаго своего удовольствія, то почему же вы не устроите между собою общества бережливости, не произнесете обѣта тратить года на два, на три, вдвое меньше обыкновеннаго? Почему вы не убѣдите вашихъ мужей, вмѣсто го-сотерна по пяти р. с. за бутылку, пить, въ продолженіе двухъ-трехъ лѣтъ, Русское пиво и наливку по тридцати коп.? Да уже и Итальянскую-то оперу къ чорту, съ выраженіемъ презрѣнія тѣмъ антрепренерамъ, которые надрываются — ищутъ вамъ голосовъ съ жалованьемъ по сту тысячъ за сезонъ. Нашли, злодѣи, время потѣшать людей руладами! Перестанемъ мы выписывать всякую дрянь,—ну вотъ и курсъ поднимется, и золото заведется, и деньги найдутся.

Строятъ огромные дома, украшаютъ ихъ безпрестанно новою мебелью, перемѣняютъ обои, нанимаютъ всякаго сброду,—тащутъ деньги за границу, мотаютъ, да и хотятъ, чтобъ денегъ было много. Нѣтъ, денегъ не напасешься, когда употреблять ихъ такимъ безпутнымъ и глупымъ образомъ.

Бережливость! Вотъ самое простое и вѣрное, первое лѣкарство противъ нашей болѣзни безденежья [271]).

По возвращеніи въ Москву, Погодинъ, 4 мая 1861 года, писалъ Шевыреву: „Прежде всего выражу тебѣ мою радость, что ты чувствуешь себя хорошо. Въ этомъ удостовѣрилъ меня Левъ Толстой, съ которымъ случилось мнѣ возвращаться изъ Петербурга въ Москву... А и время же мудреное и трудное... Денежныя дѣла всѣ находятся въ великомъ разстройствѣ: милліонеры въ затрудненіи: Демидовъ, Строгоновъ, Кокоревъ,

Бенардаки, Шиповъ и проч. Барковъ обанкрутился на пять милліоновъ и умеръ. За Бранта поручился государь. Бобринскій проситъ пять милліоновъ для поддержки. Дѣла Кокорева очень плохи" [272]).

LXXXVII.

Свои *Три вечера въ Петербургѣ*, Погодинъ передалъ Ѳ. В. Чижову, для напечатанія въ *Акціонерѣ*.

Статью эту Чижовъ принялъ съ опасеніемъ. „Вотъ вамъ корректура",—писалъ онъ Погодину—„потрудитесь поправить ту, на которой моя замѣтка. Мы два редактора, потому, въ отсутствіе другаго, я не могъ принять на себя полной отвѣтственности во всемъ. Цифры желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ и фабрикъ вставлю; онѣ не совсѣмъ вѣрны, я ихъ сейчасъ же просмотрю. Пожалуста, пришлите теперь же, потому что сегодня же я пошлю въ Типографію. По-моему, лучше всего было бы не касаться вопроса, потому что и безъ того цензоръ можетъ пострадать,—а кто возьметъ это на себя"?

Вскорѣ по напечатаніи статьи Погодина, Аксаковъ писалъ ему: „Напроказили вы, надѣлали бѣдъ, Михаилъ Петровичъ; ваша статья въ *Акціонерѣ* надѣлала такого переполоха, что вы и представить себѣ не можете. Чижовъ завтра скачетъ въ Петербургъ. Иностранные здѣсь корреспонденты дали о ней знать во всѣ биржи по телеграфу и вы уронили Русскій курсъ".

„Вы говорите",—писалъ Погодину Н. Ѳ. фонъ-Крузе—„что никогда не находились въ столь скорбномъ расположеніи духа. Вѣрю" [273]).

„Что сказать о себѣ",—писалъ Погодинъ Шевыреву,—„меня снаряжали въ Вятку за послѣднюю прилагаемую статейку: *Три вечера*. Рѣшился замолчать; стѣну лбомъ не прошибешь" [274]).

Шевыревъ отвѣчалъ: „Все это очень грустно, что̀ ты пишешь. За что же тебя въ Вятку? Ужъ вѣроятно ты такого

слова не скажешь. Приложенья твоего къ письму я не получилъ, а хотѣлось бы прочесть твои *Три вечера*".

Письмо это Шевыревъ писалъ изъ Специи. Тамъ же въ то время пребывала и О. Ѳ. Кошелева, которая, въ свою очередь, писала Погодину: „Что это за гоненіе на васъ. Неужели Вятка существуетъ еще у насъ? И что за *Вечера* вы написали? Шевыревъ получилъ сегодня утромъ отъ васъ письмо, а мнѣ сообщилъ и показывалъ ваше письмо вечеромъ. Я такъ и обомлѣла. Ради Бога, растолкуйте подробно... Я очень о васъ безпокоюсь. Ужъ вы нѣсколько помолчите печатно. Да очень боюсь за *День*. Теперь 11-ть ночи. Море очень бушуетъ. Ожидали грозу и бурю, но миновало. Ожидаютъ дождя на завтрешній день.—Дай Богъ"!

Познакомившись съ *Тремя вечерами*, Шевыревъ писалъ Погодину: „Да тебя озолотить слѣдовало. Какая тутъ Вятка! Но видно уже времена такія, когда молчать приходится, а не говорить".

Графинѣ Блудовой, которая лѣто, по обычаю, вмѣстѣ съ своимъ отцомъ, проводила въ Москвѣ, Погодинъ писалъ: „Я разбитъ какъ будто параличемъ, добрая графиня, и чѣмъ далѣе, тѣмъ чувствую себя хуже и хуже, тошнѣе. Тяжело было мнѣ увидѣть, что сорокалѣтними трудами, принимая къ сердцу всякое дѣло, считая долгомъ отзываться на всякій вопросъ, заслужилъ я такъ мало вниманія, участія, расположенія. Нѣсколько случайныхъ строкъ, непонятыхъ, перетолкованныхъ вкривь—и цѣлой жизни какъ будто не бывало. Герценъ пишетъ, что Русское Правительство поддерживается штыками и статьями Погодина. Въ Москвѣ кричатъ, что я устроилъ народныя демонстраціи въ честь государя. А въ Петербургѣ утверждаютъ, что я подрываю государственный кредитъ и хочу произвести общее разстройство. Бѣдный Донъ-Кихотъ! Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ и умолкни. Осѣняю себя крестнымъ знаменіемъ и умолкаю. Жаль только, что не раньше. Когда я протяну ноги, можетъ быть и найдется кто-нибудь сказать обо мнѣ слово поласковѣе, слышан-

наго теперь. А вамъ все-таки сердечное спасибо: я замѣтилъ какъ вы желали вчера ободрить меня и разсѣять. Прошу васъ покорно не приглашать меня, какъ можно долѣе: я никуда не гожусь — и вся моя надежда на Рюполковъ и Изяславовъ. Займусь ими всецѣло, какъ уже и началъ мѣсяцъ и можетъ быть и забуду эту нелѣпицу" [275]).

Скорбное чувство свое Погодинъ излилъ предъ давнимъ своимъ покровителемъ княземъ П. А. Вяземскимъ, которому, 26 іюня 1861 года, писалъ: „На бѣднаго Макара шишки валятся. Мнѣ хотѣлось заявить, что я убѣгаю отъ текущихъ вопросовъ, и той самой статейкой, въ коей эта мысль послужила вступленіемъ и вмѣстѣ поводомъ, накликалъ страшную грозу. Точно также, при назначеніи министромъ Норова, разразилась надо мною гроза отставкою двухъ цензоровъ, пользовавшихся сильнѣйшей протекціей: Похвиснева и Ржевскаго. За что? — За какую-то повѣсть, забытую да и нечитанную никѣмъ, напечатанную лѣтомъ, во время моего отсутствія, въ *Москвитянинѣ*. Воля ваша — это странно! Есть какая-то партія или лицо, которое дѣйствуетъ противъ меня, придирается періодически и пр., пользуясь всякимъ случаемъ малѣйшей неосторожности. Прошу васъ прочесть внимательно эту несчастную статейку: *Три вечера*, написанную чрезъ два мѣсяца послѣ нихъ, чтобъ отплатить журналисту, который прислалъ мнѣ свой журналъ даромъ, а по его программѣ мнѣ ничего нельзя было написать, кромѣ экономическаго. Смыслъ перваго вечера: наша Русская экономическая жизнь развилась иначе, чѣмъ на западѣ, слѣдовательно, западныхъ правилъ къ намъ прикладывать безусловно нельзя. Смыслъ второго вечера: затруднительныя обстоятельства, въ коихъ находятся наши лучшіе, сильнѣйшіе дѣятели, указываютъ на причины общія, а не частныя и вмѣстѣ вызываютъ пособія Правительства (а они-то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые и разсердились на меня). Смыслъ третьяго вечера: бережливость—вотъ главное, безспорное лѣкарство, а за все прочее я не стою, потому что не понимаю, передавая голосъ общій.

Я привыкъ къ напраслинамъ, кои составляютъ, кажется, основаніе моего креста. Но мнѣ больно, очень больно, если изъ-за меня должны потерпѣть и пострадать другіе, напримѣръ, цензоръ. Сдѣлайте милость, употребите ваше стараніе, чтобъ дѣло обошлось какъ можно легче для цензора. Сообщите это и Ѳедору Ивановичу Тютчеву. Пусть наказаніе падаетъ на одного меня, если такое важное преступленіе требуетъ непремѣнно наказанія. Прошу убѣдительно! Я очень встревоженъ и, смѣявшись до сихъ поръ, готовъ хоть плакать. Говорятъ, что Кокоревъ на меня жаловался, а у меня есть собственноручное письмо его, въ которомъ онъ говоритъ совершенно противное" [276]).

Изъ Петергофа, 11 августа 1861 года, князь П. А. Вяземскій отвѣчалъ Погодину: „Поздно получилъ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, письмо ваше, отъ 26 іюля. Оно какъ-то долго залежалось въ моемъ городскомъ домѣ. Но и до полученія его, уже говорилъ я съ министромъ *) о вашемъ дѣлѣ, и послѣ письма, опять говорилъ ему. Вы теперь уже знаете, что онъ отстоялъ цензора. Статей вашихъ я не имѣлъ случая прочесть. Но скажу вамъ откровенно, что онѣ много шума надѣлали не въ одномъ оффиціальномъ и цензурномъ мірѣ, но всполошили и многихъ частныхъ и непредубѣжденныхъ читателей, иностранныхъ дипломатовъ, биржу нашу и равно иностранную. Къ тому же достовѣрно и то, что на эти статьи были жалобы Правительству отъ лицъ, вами въ нихъ упоминаемыхъ. Эти статьи отозвались набатомъ противъ общественнаго и частнаго кредита. Теперь все кончено и, вѣроятно, забыто. Слѣдовательно, безпокоиться вамъ не для чего. Во всякомъ случаѣ, я того мнѣнія, что правда дѣло хорошее и обязанностью возлагается на каждаго; но въ вопросахъ животрепещущихъ, въ вопросахъ жгучихъ, правда хороша и обязательна только тогда, когда имѣешь убѣжденіе, что достигнешь цѣли, что правду прило-

*) Графомъ Е. В. Путятинымъ. *Н. Б.*

жишь къ дѣлу и поправишь его. Иначе и правда только что производитъ шумъ и гвалтъ, растравляетъ болячку, а не залѣчиваетъ ее. Наша Литература не то, что въ другихъ странахъ: тамъ она сливается съ другими существенными и узаконенными гласностями, которыя другъ друга провѣряютъ и уравновѣшиваютъ. Наша Литература должна быть осторожнѣе и ограниченнѣе въ кругу дѣйствія своего, не изъ малодушія, не изъ потворства, а изъ благоразумія и сознанія того, что она можетъ и чего не можетъ, а слѣдовательно, и до чего дотрогиваться ей не должно. Поприще наше и безъ того еще пространно, и можемъ на немъ много блага творить, вспомня Державина и стихъ его:

Нѣтъ въ мірѣ царства столь пространнаго,

помня Карамзина, который рѣзко говорилъ правду, когда ее отъ него требовали, и иногда даже и когда не требовали, но безъ огласки на площади. Съ правдою, такъ же какъ и съ огнемъ, слѣдуетъ обращаться осторожно. Когда Литература наша сдѣлается порядочною, тогда порядокъ отъ нея и на все разольется. А теперь и голосъ правды, посреди воплей лжи и нравственнаго безначалія, не возбуждаетъ спасительнаго вниманія и не различается отъ неурядицы“ [277]).

Препровождая къ князю Вяземскому *Три вечера* и объясненіе, Погодинъ писалъ: „Ей Богу, есть что-то роковое въ писаніяхъ. Habent sua fata libelli. Особенно это случается со мною. Посылаю вамъ брошюрку, произведшую гвалтъ. Соломинки подломить не предполагалъ я, а говорилъ спроста. Вижу, что не умѣю говорить въ данныхъ обстоятельствахъ, и умолкаю, обрекаю себя на проклятую ссылку въ Муромъ, чтобъ избѣгнуть зла. Прилагаю статейку, которую написалъ-было въ объясненіе, но рѣшился не печатать, прочитавъ такія ругательства на себя, какимъ не подвергался, кажется, никто. И отъ кого же? Отъ человѣка, который нѣсколько лѣтъ являлся ко мнѣ съ знаками уваженія, сочувствія и дружбы. Я заступался за него и передъ вами, объяс-

няя его выраженія о Пушкинѣ и Бѣлинскомъ рядомъ, неосмотрительностію или что-то въ этомъ родѣ. Его глаза мнѣ нравились, ну вотъ онъ и разодолжилъ меня. И за что же?.. Ну, да Богъ съ ними! Въ деревню, въ глушь, въ Саратовъ! Я ли не былъ терпѣливъ, но и я выведенъ изъ терпѣнія. Надо переждать это странное время... Что̀ печатаютъ—а мы молчи, какъ неблагонамѣренные" [278]).

Замѣтимъ также, что въ предыдущемъ своемъ письмѣ къ князю Вяземскому, отъ 26 іюля 1861 года, Погодинъ писалъ: *Говорятъ, что Кокоревъ на меня жаловался, а у меня есть собственноручное письмо его, въ которомъ онъ говоритъ совершенно противное*".

А между тѣмъ, тотъ же Погодинъ, 30 марта того же 1861 года, писалъ князю Вяземскому: „Пишу къ вамъ два слова, многоуважаемый князь Петръ Андреевичъ, но очень важныя. Во вторникъ идетъ въ Комитетѣ Министровъ дѣло Кокорева о Курскѣ. Дѣло простое и ясное; за Курскъ дана цѣна на откупахъ вдвое противъ Орла и прочихъ городовъ, потому что Правительство заявило тамъ желѣзную дорогу. Желѣзная дорога не состоялась, слѣдовательно, Курскъ долженъ быть сравненъ съ Орломъ и прочими. Кокоревъ человѣкъ въ высшей степени благонамѣренный, добрый и Русскій. Это я знаю близко и документально. Ему должно помогать, въ видахъ общей пользы. Говорю это смѣло, и увѣряю словомъ честнаго и благороднаго человѣка, что это такъ. Вы знаете меня достаточно и согласитесь, что я не осмѣлился бъ говорить такимъ образомъ и въ такомъ случаѣ, не имѣя твердыхъ основаній. Министръ Финансовъ призналъ право Кокорева. Нужно, чтобъ, и въ Комитетѣ посмотрѣли на него безъ предубѣжденія. Вотъ чего онъ опасается и проситъ меня пріѣхать въ Петербургъ, для объясненія Петру Александровичу Валуеву черезъ васъ. Я радъ былъ бы исполнить его желаніе, но думаю, что это лишнее. О Валуевѣ общее мнѣніе таково, что онъ смотритъ на дѣло, и если дѣло право и ясно, то и говорить нечего. Вы на словахъ добавите остальное, о чемъ

я васъ наиубѣдительнѣйше прошу. Повторяю вамъ, что это человѣкъ рѣдкій, и что онъ имѣетъ великія права на общее уваженіе; послѣднія увлеченія его честныя и благородныя: онъ далъ милліонъ на Черноморскую торговлю, милліонъ на Кавказскую, милліонъ на Волжско-Донскую дорогу, полъ-милліона правовѣдамъ для „Сельскаго Хозяина“—и разстроился потому, что всѣ эти дѣла имѣютъ только будущее. Роздалъ онъ эти деньги, ясно, не для выгодъ. Впрочемъ, больше писать некогда. Вы перечтите эти основанія. Поручаю себя, какъ и дѣло, вашему доброму сердцу. Похлопочите“ [279]).

LXXXVIII.

Печальная исторія съ *Тремя вечерами* удручала Погодина, и 6 октября 1861 года, онъ писалъ Шевыреву: „Я совершенно осовѣлъ и какъ ни бился, ни трудился, ни порывался, а наконецъ увидѣлъ, что дѣлать ничего нельзя и рѣшился уѣхать въ глушь, чтобъ ничего не видать, не слыхать, не читать газетъ и журналовъ и погрузиться въ Древнюю Русскую Исторію. Богъ съ ними! Въ послѣднее время, получилъ я столько огорченій, оскорбленій, обидъ, что даже мое терпѣніе истощилось. Писать нельзя, потому что всякое живое слово выбрасывается, а остающееся подвергается нелѣпымъ толкованіямъ возбужденныхъ партій. Кто въ лѣсъ, кто по дрова. Когда говорятъ страсти, разсудокъ молчи. Пусть пройдетъ это странное и вмѣстѣ страшное время. Я собрался было ѣхать въ Сибирь, съ Вагнеромъ, который заводитъ заводъ мѣдно-плавильный, я отдалъ ему свой капиталъ; но онъ задержался въ Петербургѣ, а пароходъ послѣдній уже отплылъ по Камѣ. Такъ мы пускаемся въ Муромъ, въ Карачарово, предложенное Уваровымъ. Тамъ думаю пробыть до конца зимы, а къ веснѣ уѣхать въ Лейпцигъ, чтобъ печатать Исторію. Поѣхалъ бы я за границу и совсѣмъ, но хочется прежде собрать и привесть въ порядокъ свои сочиненія, отдать долгъ Отечеству“ [280]).

На это письмо Шевыревъ отвѣчалъ: „Наконецъ-то я дождался отъ тебя письмеца, которому очень обрадовался. Но радость перешла въ горе, когда я прочелъ его. Что за уныніе овладѣло тобою. Какъ это быть могло! Ты-ли, съ твоею энергіею, раздраженъ и бѣжишь въ лѣса Муромскіе, въ колыбель Ильи богатыря, чтобы тамъ поискать силъ и крѣпости для борьбы за матушку Русь съ соловьями разбойниками, и съ Кіевскимъ обжорливымъ идолищемъ, и со всѣми чернокнижниками идольскими... Добрый путь тебѣ—но чуръ, чтобы зимою была готова Русская Исторія, чтобы поспѣлъ томъ писемъ объ Россіи, чтобы собраны были въ одно всѣ твои политическія сочиненія—и чтобы все это тиснули станки Липецкіе, чтобы все это превратилось въ настоящій липецъ для Русскихъ читателей.—Смотри же! Тебѣ ли горевать? Тебѣ ли понурить голову? На Муромъ я еще согласенъ въ слѣдъ за Ильею, но въ Сибирь, за Ермакомъ Тимоѳеевичемъ, нѣтъ—не слѣдъ тебѣ, не дорога! Какъ тебѣ, Европейскому человѣку, въ Азію, помилуй! Господь съ тобою. Изъ Мурома махни однимъ скокомъ въ Липецкъ, а тамъ къ намъ, во Флоренцію“...

Съ своей стороны, О. Ѳ. Кошелева, изъ Генуи, писала Погодину: „Передъ отъѣздомъ (изъ Флоренціи), за недѣльку, получилъ Шевыревъ ваши *Три вечера* и мы вмѣстѣ прочли и очень намъ обоимъ понравились и удивлялись: какъ отъ нихъ могла подняться буря, просто неимовѣрно! Понимаю, какъ васъ это все мучило. И очень понимаю, что вамъ хочется уѣхать. Но какъ страшно зарываться въ Муромъ. Вы привыкли къ ежедневнымъ новостямъ, къ ежедневнымъ сношеніямъ съ людьми... Я не понимаю, какъ вы проведете шесть мѣсяцевъ въ деревнѣ. А если уже хотите уединиться, то пріѣзжайте лучше въ Дрезденъ. Письма къ вамъ будутъ приходить скорѣе, чѣмъ въ Муромъ. Московскихъ друзей и недруговъ не увидите еще лучше чѣмъ въ деревнѣ, и жить вамъ будетъ дешевле, гдѣ вы, вѣроятно, будете покупать и людей дарить. Право, я серьезно васъ уговариваю переѣхать

въ Дрезденъ и ближе: вѣдь на третій день вы въ Дрезденѣ, и я васъ встрѣчаю у дебаркадера и все устроимъ скорехонько... Право, не эгоистически васъ зову. Уѣхать вамъ куда-нибудь, понимаю, необходимо, а право лучше нельзя придумать, какъ въ Дрезденъ... А въ Муромъ и не забирайтесь".

Водворившись въ Дрезденѣ, Кошелева не переставала звать Погодина въ этотъ городъ. „Вотъ вамъ"—писала она,—„на прельщенье и видъ мѣста, гдѣ я наняла квартиру... Пріѣдите, то прямо съ желѣзной дороги ко мнѣ, милости просимъ. Я васъ по Русскому угощу и уложу, кого на диванъ, кого на постель, а кого и на полъ.—Не привыкать намъ на станціяхъ просторной нашей Россіи всему пріучиться, и тутъ радушіе найдется. Шутки въ сторону, въ самомъ дѣлѣ, у меня можете остановиться... Неужели вы не пріѣдете сюда, любезный Михаилъ Петровичъ. Быть не можетъ. Кромѣ отдыха, въ Дрезденѣ, подумайте, какъ легко вамъ съѣздить въ Прагу, недѣль хоть на двѣ въ Вѣну. А сколько Славянъ въ Вѣнѣ. Я провела два дня въ Вѣнѣ и поражена была, какъ церковь полна была Сербами и проч.

А какая славная личность Михаилъ Ѳедоровичъ *). Какъ онъ на своемъ мѣстѣ—даже наружность его, манеры, не только образъ мыслей, весь онъ—какъ ни есть представитель Русской народности. Какъ интересны его разсказы.—Онъ былъ очень ко мнѣ любезенъ и очень уговаривалъ пожить тутъ и въ Прагѣ.—Вы вѣдь давно не были между Славянами, Михаилъ Петровичъ. Возобновите съ ними сношенія и забудете собственныя непріятности и неурядицы отечественныя въ ихъ интересахъ. Право, уѣхать вамъ мѣсяцевъ на шесть необходимо, а въ Муромъ это просто невыносимая мысль. Въ своей деревнѣ теперь непріятно жить, а въ чужой, гдѣ, быть можетъ, вы увидите возмутительныя распоряженія, а перемѣнить вамъ вѣдь нельзя. А дадите хоть пожалуй совѣтъ, а въ это время случись тревога—припишутъ вамъ, еще

*) Вѣнскій протоіерей Раевскій. *Н. Б.*

и скажутъ бунтовщикъ. И Правительство, пожалуй, скажетъ, что де „нарочно въ деревню уѣхалъ, чтобъ народъ мутить". Право, не вижу для васъ благоразумнѣе плана, какъ поѣздка сюда. Въ декабрѣ можете въ Парижъ съѣздить, слушать лекціи Шевырева; въ маѣ—въ Лондонъ, на выставку.—Вотъ сколько я вамъ причинъ насчитала да просто всѣ причины міра сего слетѣлись заразъ, чтобы въ васъ возбудить желаніе сѣсть въ вагонъ и пуститься на Дрезденъ. Какъ я вамъ благодарна, любезный Михаилъ Петровичъ, за ваши оба письма. Такъ много въ нихъ дружбы согрѣвающей и такъ много интереснаго. Но все желается болѣе подробностей".

Въ иномъ духѣ писала къ Погодину графиня А. Д. Блудова, когда узнала о намѣреніи его уединиться въ Карачаровѣ. „Все, что говорите о реакціи противъ Петра",—писала она,—„и о забвеніи его и вообще всѣхъ историческихъ дѣятелей, заслугъ, какъ скоро они не принадлежатъ къ *одной* партіи съ пишущимъ или говорящимъ, весьма прискорбно, справедливо. Нѣтъ! у насъ нѣтъ *любви* къ Россіи, а только сумасбродная страсть къ какой-то выдуманной Руси. Что̀ говорилось въ среднихъ вѣкахъ, можно, къ несчастію, повторять и теперь: „У всякаго князя своя Русь", и среди этихъ либеральныхъ междуусобій—опять погибаетъ она, родимая! Отдаю вамъ полную справедливость за ваше молчаніе, и могу только сказать вамъ: *давайте молчать!* Счастливъ тотъ, кто можетъ уѣхать въ Муромъ! Оттуда пишите къ намъ—авось, и намъ повѣетъ хорошимъ деревенскимъ воздухомъ. А то все это куреніе разными мануфактурными духами наводитъ какое-то глупое пьянство на самыхъ лучшихъ людей! Батюшка и Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ вамъ кланяются".

„Очень понимаю расположеніе духа",—писалъ Я. К. Гротъ къ Погодину—„которое вы выражаете на послѣдней страницѣ своего письма, но нахожу, что нельзя и не должно слишкомъ принимать къ сердцу то, что пишутъ невѣжи. Надо вѣрить въ побѣду истины и трудиться для нея. Желаю,

чтобы поѣздка въ Муромъ состоялась: она развлечетъ и освѣжитъ васъ. Богъ помочь вамъ въ Древней Исторія".

LXXXIX.

„Такъ горько, такъ тяжело",—писалъ Погодинъ Шевыреву,—„что на свѣтъ Божій не глядѣлъ бы. Авось, въ Древней Исторіи успокоюсь и отдохну отъ нелѣпостей ежедневныхъ".

„Правда",—писалъ Мордовцовъ Погодину,—„что *времена тяжелыя*. Я вамъ отъ души сочувствую. Но, Боже мой! когда человѣчеству было хорошо? Когда, по крайней мѣрѣ, было ему лучше? Горькое убѣжденіе—а что дѣлать"!

Максимовичъ, съ своей Михайловой Горы, утѣшалъ упавшаго духомъ друга. „Я сердечно радъ",—писалъ онъ,—„что ты работаешь надъ Исторіей; подальше отъ нынѣшняго времени. Это спасательное убѣжище".

Это „спасительное убѣжище" озарилось сообщеніемъ Куника о двухъ проповѣдяхъ Константинопольскаго патріарха Фотія,—этихъ начальныхъ страницахъ нашей Исторіи.

„Я теперь остановился"—писалъ Куникъ (1 іюня 1861 г.) Погодину,—„на двухъ проповѣдяхъ патріарха. Наукъ предложилъ переписать фотографическій текстъ и приготовить его къ печати. Дѣло это было очень трудное, потому что Фотій цитируетъ очень многія мѣста изъ Ветхаго Завѣта, который нужно знать очень точно, чтобы вѣрно понять общій смыслъ. Теперь, когда я уже постигъ все это, я хочу сообщить вамъ нѣчто изъ содержанія проповѣдей. Изъ нихъ мы не узнаёмъ новыхъ событій, но ими подтверждаются извѣстныя уже. Какъ историческія рѣчи, произнесенныя по поводу извѣстнаго случая, проповѣди принадлежатъ къ достопримѣчательнѣйшимъ памятникамъ Среднихъ вѣковъ. Фотій является въ нихъ строгимъ обличителемъ нравовъ и представляется намъ именно такимъ, какимъ онъ былъ. О притворствѣ, какъ бы недовѣрчиво ни относились къ нему, здѣсь нельзя и думать, потому что первую рѣчь онъ произносилъ, когда Русскіе еще

стояли передъ вратами, а императоръ еще не пришелъ на помощь. Онъ изображаетъ положеніе города отчаяннымъ, потому что, если бы не помощь Божія, то городъ неминуемо былъ бы взятъ кровожадными врагами, которые изъ простой кровожадности закололи бы и всѣхъ людей и всѣхъ животныхъ. Онъ заключаетъ первую проповѣдь призываніемъ идти къ Пресвятой Богородицѣ и просить Ее о спасеніи, твердо уповая, что если народъ чистосердечно покается и дастъ обѣтъ исправиться, то будетъ спасенъ.

Вторую проповѣдь онъ произносилъ вскорѣ послѣ воспослѣдовавшаго избавленія отъ угрожавшей гибели и именно съ чисто-христіанско-дидактическою цѣлью. Съ сильно захватывающимъ краснорѣчіемъ онъ еще разъ изображаетъ передъ слушателями огромную опасность прошедшихъ дней, и напоминаетъ имъ объ ихъ обѣтѣ исправиться, если Богъ избавитъ ихъ; о томъ, какъ небо спасло ихъ, и говоритъ, что они поэтому должны исполнить свой обѣтъ—исправить свой образъ жизни. Врядъ ли гдѣ въ Латинскихъ источникахъ такъ ярко изображена кровожадность Нормановъ, какъ во второй проповѣди, кровожадность Руси.

Онъ картинно изображаетъ, какъ Русскіе, на ихъ унизанныхъ воинами корабляхъ, съ высоко поднятыми мечами, подошли къ городу. Тогда всѣ въ городѣ провели ужасную ночь. На другое утро, такъ видно изъ проповѣди,—произнесъ патріархъ свою первую рѣчь, а затѣмъ, какъ онъ самъ говоритъ во 2-й проповѣди, онъ обнесъ икону Божіей Матери вокругъ стѣнъ города, и вдругъ,—такъ говоритъ онъ—враги повернули назадъ. О прибытіи императора здѣсь нѣтъ и помину. Патріархъ, *повидимому*, самъ едва понимаетъ, почему враги такъ внезапно повернули назадъ.

Нѣкоторыя мѣста:

1 проповѣдь. Гнѣвъ Божій обрушился на насъ, за нашу грѣховную жизнь, и съ сѣвера выползъ народъ и пошелъ на

нась, какъ противъ второго Іерусалима, и народы *), вооруженные луками и копьями, появились съ концовъ свѣта.

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что Русскіе явились такъ внезапно, что онъ не можетъ даже подыскать этому подобія. Вслѣдствіе этой внезапности, совсѣмъ нельзя было приготовиться къ оборонѣ, и бѣдствіе началось, какъ только ихъ увидали; о ихъ прибытіи не было раньше никакихъ слуховъ, между тѣмъ, какъ нападающіе были отдѣлены отъ Константинополя столькими странами, населенными различными народами, судоходными рѣками и богатыми гаванями морями. Ἐθναρχία есть область или, по Византійски, намѣстничество. Такъ какъ Византійцы называли Славянскихъ племеноначальниковъ анархами, потому что они не были монархами въ Византійскомъ смыслѣ, то, можетъ быть, смыслъ таковъ: *Черезъ многія страны и области.*

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ въ нѣсколькихъ строкахъ, что Ῥῶς нельзя сравнить съ другими варварами, которые нападали на Византію. Этотъ новый, до тѣхъ поръ неизвѣстный, врагъ особенно гордился своимъ оружіемъ.

Для хронологіи, новый источникъ не представляетъ никакихъ точныхъ основаній. Онъ дѣлаетъ только намекъ на землетрясеніе, которое постигло Константинополь весною 865 года. Нашествіе было въ іюлѣ или августѣ 865 года.

Источникъ этотъ важенъ для опредѣленія времени жизни св. Георгія Амастридскаго, на которое впервые обратилъ вниманіе Горскій. Уже въ 1845 году, я упомянулъ, что авторъ имѣлъ передъ собою окружное посланіе патріарха, сочиненное въ зиму 866—867 года. Теперь же для меня достовѣрно, что при описаніи Ῥῶς онъ пользовался проповѣдями патріарха. Легенда же о св. Стефанѣ Сурожскомъ относится не къ 865 году, но только къ Владиміру.

---

*) Ссылка на Іеремію, VI, 22.23: *Сія глаголетъ Господь: се людіе грядутъ отъ сѣвера, и языкъ великъ востанетъ отъ конецъ земли.*

Лукъ и щитъ возмутъ: мучителенъ есть, и не умилосердится: гласъ его, яко море шумящее: на конехъ и колесницахъ ополчится аки огнь, на брань на тя, дщи Сіоня.

Греческій текстъ вообще ясенъ, но я боюсь, что въ переводѣ трудно передать встревоженное состояніе духа патріарха, если переводчикъ не будетъ очень опытнымъ. Впрочемъ, я надѣюсь, что Дестунисъ сдержитъ свое обѣщаніе.

Въ одномъ мѣстѣ 2-ой проповѣди, Фотій изображаетъ яркими красками опасность и свирѣпость враговъ, но прибавляетъ: кто въ состояніи изобразить Илліаду нашей скорби" [281])?

Въ нашей Литературѣ, Бесѣды патріарха Фотія давно обратили на себя вниманіе ученыхъ.

Еще въ 1840 году, ректоръ Троицкой Академіи архимандритъ Филаретъ (впослѣдствіи архіепископъ Черниговскій) писалъ Погодину: „Вы спрашивали меня, не встрѣчалось ли мнѣ въ рукописяхъ что нибудь относящееся до Русской Древней Исторіи. Тогда забылъ сказать вамъ объ одномъ, давно извѣстномъ мнѣ, обстоятельствѣ историческомъ, но о которомъ, сколько извѣстно, ни одинъ изъ Русскихъ историковъ не упоминалъ печатно. Дѣло вотъ въ чемъ: патріархъ Фотій написалъ двѣ Бесѣды на нападеніе Руссовъ. Удинъ пишетъ, что сіи Бесѣды были доставлены Николаю Гензіусу, посланнику Бельгійскому, въ 1670 году, извѣстнымъ у насъ Паисіемъ Лигаридомъ Газскимъ. Очень жаль, что неизвѣстно гдѣ бы можно было отыскать сіи Бесѣды теперь. Драгоцѣнная рукопись! И остается рукописью забытою. Вотъ памятникъ, который по многимъ отношеніямъ стоилъ бы быть напечатаннымъ".

Въ тоже время Погодинъ получаетъ изъ Кіева справку изъ Комбефизія, при слѣдующемъ письмѣ: „Спѣшу довести до вашего свѣдѣнія одну мою историческую находку, которую отъ васъ зависитъ подарить окончательно Русской Исторіи. Это—что бы вы думали? Не менѣе, какъ двѣ проповѣди патріарха Фотія, говоренныя имъ въ Константинополѣ послѣ и по случаю вторженія Россовъ. Гдѣ же эта рѣдкость? У васъ въ Синодальной Библіотекѣ, между Греческими рукописями. Указаніе сіе нашелъ я у Комбефизія".

Изъ письма же Филарета, Погодинъ, какъ мы видѣли,

узналъ, что митрополитъ Газскій Паисій подарилъ проповѣди Фотія Голландскому посланнику Николаю Гензіусу. „Теперь спрашивается“,—писалъ Погодинъ,—„что онъ подарилъ, самые подлинники, у насъ хранившіеся, или снялъ съ нихъ копіи? Если копіи, то подлинниковъ должно отыскивать въ неразобранныхъ и неописанныхъ до сихъ поръ, къ стыду нашему, сокровищахъ Синодальной Библіотеки. Если Паисій отдалъ подлинники, то ихъ надо отыскивать въ Голландіи, о чемъ и пишу теперь въ Лейденъ и Брюссель, и вѣрно получу оттуда справку скорѣе, нежели изъ какого отечественнаго книгохранилища. Еще надо справиться въ Парижѣ. Объ этомъ я прошу знаменитаго Газе“.

Эти строки Погодина были напечатаны въ *Москвитянинѣ* 1841 года, и на нихъ, безъ сомнѣнія, обратилъ вниманіе митрополитъ Филаретъ, и конечно приказалъ А. В. Горскому отвѣтить на нихъ Погодину. Горскій писалъ: „Въ послѣднемъ нумерѣ *Москвитянина* вы начали сообщать извѣстія о древнѣйшей Руси. Очень полезное дѣло! Только, для предупрежденія недоумѣній, на послѣдующее время, надобно бы требовать отъ корреспондентовъ точныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній о самихъ источникахъ, изъ которыхъ заимствуютъ новооткрывшіяся извѣстія. Я это говорю къ тому, что въ Комбефизовой Библіотекѣ, изъ которой сообщено вамъ вторичное извѣстіе о Бесѣдахъ Фотіевыхъ, помѣщенъ тотъ же самый реестръ Бигоціевъ, какой находится и у Удена. Поэтому, какъ у Удена, такъ и у Комбефиза ничего не говорится, чтобы эти Бесѣды находились въ Москвѣ, въ *Синодальной* Библіотекѣ, которой въ 1672 году не существовало, а сказано только, что реестръ этотъ вышелъ первоначально изъ рукъ Паисія, митрополита Газскаго, который былъ у насъ въ тѣхъ годахъ въ Москвѣ. Поэтому осмѣлюсь прибавить,—несправедливы, въ настоящемъ случаѣ, и жестокія нападенія на недостатокъ хорошаго описанія Греческихъ рукописей Синодальной Библіотаки“ [282]).

Не смотря однако на это, въ 1849 году, Куникъ писалъ

П. М. Строеву: „Бередниковъ сообщилъ мнѣ, что вы убѣждены въ томъ, что извѣстныя Бесѣды Фотіевы находятся въ Москвѣ. Я потерялъ было почти всю надежду, что онѣ найдутся, хотя полагалъ, что онѣ сохранялись еще въ XVIII-мъ столѣтіи, подъ заглавіемъ *Orationis Catecheticae*. Судя по извѣстіямъ, сообщаемымъ Паисіемъ западнымъ ученымъ, списокъ этихъ Бесѣдъ привезенъ изъ Аѳонской Горы весьма старинный и почеркъ его довольно труденъ для чтенія. Вы меня весьма обяжете, если сообщите мнѣ то, что вамъ извѣстно объ этихъ Бесѣдахъ. Если онѣ дѣйствительно уцѣлѣли, то Академія не замедлитъ ихъ издать съ точнымъ Русскимъ переводомъ. Кстати было бы прибавить полный текстъ (съ Русскимъ переводомъ) жизни Георгія Амастридскаго. Авторъ ея пользовался окружнымъ посланіемъ патріарха".

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ содержанія отвѣтнаго письма Строева, о которомъ лишь вскользь упоминаетъ Бередниковъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Строеву: „Съ Куникомъ еще не видался, а потому не могъ передать ему вашихъ любопытныхъ замѣчаній о посланіяхъ Фотія и о продѣлкахъ Паисія Лигарида" [283]).

Наконецъ, въ 1861 году, какъ мы уже видѣли, Куникъ предпринялъ изданіе Бесѣдъ Фотія, и извѣстіемъ объ этомъ изданіи утѣшилъ находившагося въ мрачномъ расположеніи духа Погодина; но изданіе это не выходило въ свѣтъ и до сего дня.

Не смущаясь предпринятымъ Академіею Наукъ изданіемъ, преосвященный Порфирій, въ 1864 году,—издалъ эти знаменитыя Бесѣды патріарха Фотія. „Я нашелъ ихъ",—писалъ Порфирій,—„въ богатой рукописями библіотекѣ Аѳоно-Иверскаго монастыря, и весьма обрадовался этой находкѣ. Это было въ 28 день декабря мѣсяца 1858 года. Съ жадностію я прочелъ двѣ первыя изъ нихъ... и пришелъ въ такой восторгъ, что все существо мое взыграло отъ радости. И было чему радоваться! Вѣдь мнѣ, искавшему многоцѣнныхъ перловъ на

Востокѣ, попались два брилліанта, о которыхъ рѣдко кто зналъ, а многіе, весьма многіе, и не слыхали“ [284]).

Изданіе свое *Четырехъ Бесѣдъ патріарха Фотія*, преосвященный Порфирій посвятилъ императрицѣ Маріи Александровнѣ.

XC.

Еще въ началѣ сороковыхъ годовъ, П. М. Строевъ писалъ: „Житія Святыхъ Русскихъ, въ разныя времена сочиненныя, передѣланныя, дополненныя, представляютъ богатый и почти непочатый запасъ для Исторіи общежитія, мнѣній и повѣрьевъ прежней Руси, и даже въ нихъ есть много фактовъ, незамѣченныхъ бытописателями. Кто соберетъ всѣ Житія Святыхъ Русскихъ и прочтетъ это со вниманіемъ и критикою, тотъ удивится богатству этого историческаго источника. Карамзинъ воспользовался только тѣмъ, что случайно попалось ему подъ руку; но чего не извлекъ бы этотъ великій мужъ, еслибы приготовлено было напередъ полное собраніе ихъ“ [285])!

Раздѣляя это мнѣніе Строева, Погодинъ углубился въ изученіе Житія преподобнаго Θеодосія, игумена Печерскаго.

Разсужденіе свое, подъ заглавіемъ: *Житіе Θеодосія, какъ матеріалъ историческій,* Погодинъ отправилъ къ И. И. Срезневскому, для напечатанія въ изданіяхъ Академіи Наукъ.

А. Θ. Бычковъ, познакомившись съ этимъ разсужденіемъ до его напечатанія, 11 декабря 1860 года, писалъ Погодину: „И. И. Срезневскій, далъ мнѣ, по вашему желанію, для прочтенія, присланное вами въ Отдѣленіе разсужденіе, подъ заглавіемъ: *Житіе Θеодосія, какъ матеріалъ историческій.* Для меня оно было интересно тѣмъ, что служило подтвержденіемъ мысли, высказанной мною и печатно и письменно, о необходимости разсмотрѣть житія нашихъ Святыхъ съ исторической точки зрѣнія. Работавъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, надъ житіями, я убѣдился, что они драгоцѣнный матеріалъ для историка, и преимущественно для бытовой стороны

жизни народа. Но, къ сожалѣнію, чѣмъ позднѣе составлены житія, тѣмъ болѣе въ нихъ риторики, фразъ, заимствованныхъ изъ твореній св. отцевъ, болѣе выдумокъ—плодовъ фантазіи автора монаха. Такихъ капитальныхъ житій, какъ Несторовы, весьма немного. Въ сдѣланныхъ мною выпискахъ изъ житій, я вездѣ строго держался текста подлинника, то есть, выписывалъ цѣликомъ мѣста, имѣющія какое либо отношеніе къ Исторіи; вамъ не нужно было этого дѣлать, такъ какъ житіе Ѳеодосія напечатано безъ всякихъ измѣненій Бодянскимъ; другія же житія, напротивъ, сокращены и передѣланы Св. Димитріемъ, а блаженнымъ Муравьевымъ достаточно исковерканы. Позвольте передать вамъ нѣсколько замѣчаній на вашъ трудъ или, лучше, указаній на ваши обмолвки; они послужатъ вамъ доказательствомъ внимательнаго, съ моей стороны, чтенія вашей статьи. Едва ли справедливо ваше выраженіе, что „Житіе Ѳеодосія дополняетъ пробѣлы, находившіеся въ лѣтописяхъ и грамотахъ“. Какія у насъ грамоты отъ XI-го в.? Не думаю, чтобы ученіе о вѣрѣ преподавалось всѣмъ, „ходило въ общемъ оборотѣ“; слова: „како и кымъ образомъ спасется“ того вовсе не доказываютъ. Ѳеодосій былъ отданъ учителю, потому что былъ не простого рода. „Ходя въ заплатахъ и на работу—говоритъ мать Ѳеодосіева своему сыну—ты укоризну себѣ и роду своему твориши“. Неужели во время Карамзина не были извѣстны рукописныя житія, когда ихъ знали при Петрѣ Великомъ? Встрѣчаются нѣкоторыя неточности между вашимъ изложеніемъ и текстомъ житія, какъ, напримѣръ, Изяславъ не приказывалъ вратарю идти къ игумену за разрѣшеніемъ отворить ворота; вратарь, испугавшись гнѣвнаго голоса князя, самъ побѣжалъ къ игумену; бояринъ не приходилъ къ князю съ жалобою о постриженіи его сына; Изяславъ узналъ объ этомъ не отъ него. Ключникъ князя назывался въ мірѣ не Ефремомъ; такъ онъ былъ названъ по принятіи мнишескаго образа. Въ исчисленіи замѣчательныхъ словъ, употребленныхъ въ житіи, вы неправильно протолковали слово *копытцы*—

это не стенько, а родъ обуви—скорѣе лапти. Въ заключеніе считаю долгомъ вамъ передать, что четыре слова, отнесенныя вами къ числу непонятныхъ, всѣ имѣютъ значеніе и очень часто встрѣчаются въ памятникахъ нашей древней Литературы; такъ, *камыкъ* значитъ камень; *порода*—рай; *понѣ*—по крайней мѣрѣ: *бѣдяща*—прося. Присылка Срезневскимъ вашей статьи принесла мнѣ о васъ вѣсточку“ [286]).

Когда разсужденіе Погодина было напечатано, въ *Русскомъ Вѣстникѣ* появилось ироническое замѣчаніе, подъ заглавіемъ *Странное Недоумѣніе.* Тамъ сказано: „Во времена преподобнаго Ѳеодосія, по выводу Погодина, были нищіи; доказательство: (Ѳеодосій) *даяше нищимъ.* Бояре имѣли *особую* одежду боярскую; доказательство: *облече въ одежю славьню, свѣтлу, якоже е лѣпо боляромъ.* Служба церковная совершалась ежедневно; доказательства: *хожаше* Ѳеодосій *въ церковь Божію по вся дни*“.

Кромѣ того, въ этомъ изслѣдованіи, Погодинъ имѣлъ неосторожность заявить, что въ Житіи Ѳеодосія ему встрѣтились слова *совершенно непонятныя*, а именно: *понѣ, порода, бѣдяща, камыкъ.* Объ этихъ словахъ *Русскій Вѣстникъ* посовѣтовалъ „почтенному академику справиться съ Словаремъ Востокова“.

Погодинъ весьма оскорбился этою замѣткою, и въ отвѣтъ написалъ: *Разрѣшеніе Страннаго Недоумѣнія.* Отправляя эту статью въ *Русскій Вѣстникъ*, онъ выразилъ Редакціи свое неудовольствіе за напечатаніе *Страннаго Недоумѣнія.* Редакція же, печатая статью Погодина, сдѣлала ему колкое замѣчаніе: „Напечатавъ статейку г. Н. Н., мы охотно помѣщаемъ и отвѣтъ Погодина, хотя и не видимъ, къ чему служитъ это объясненіе. Онъ упрекаетъ насъ, зачѣмъ мы „пропустили *Недоумѣніе* по дѣлу, о которомъ недоумѣвать нечего“. Намъ казалось, что незнаніе, заявленное ученымъ по предмету его спеціальныхъ занятій, могло возбудить недоумѣніе. Впрочемъ, предоставляемъ самому Н. Н. разбираться съ Погодинымъ“.

Въ отвѣтѣ своемъ Погодинъ, между прочимъ, пишетъ: „Въ нашъ вѣкъ, недоумѣній вездѣ не оберешься, а у насъ такъ имъ и счету нѣтъ; долгъ всякаго благонамѣреннаго человѣка разрѣшить ихъ по мѣрѣ возможности, и я считаю себя счастливымъ разрѣшить главное недоумѣніе откровеннымъ сознаніемъ, что я слова: *понъ*, *порода*, *бѣдяща*, *камыкъ* не понималъ, не зналъ, и если они мнѣ прежде попадались, то забылъ, а справиться въ Словарѣ Востокова мнѣ не пришло въ голову“ [287]).

Другимъ предметомъ изученія Погодина въ то время было Поученіе Владиміра Мономаха.

Этотъ драгоцѣнный памятникъ былъ открытъ графомъ Алексѣемъ Ивановичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ и изданъ имъ при сотрудничествѣ почтеннаго И. Н. Болтина, въ 1793 году, въ Петербургѣ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Духовная великаго князя Владиміра Всеволодовича Мономаха дѣтямъ своимъ, названная въ Лѣтописи Суздальской Поученье.* Печатано въ Типографіи Чужестранныхъ Единовѣрцевъ.

Къ своему изданію графъ Мусинъ-Пушкинъ присовокупилъ примѣчанія, которыя большею частію направлены противъ „вредной галоманіи“ и навлекли на него много недоброжелателей. Впослѣдствіи, а именно въ 1813 году, графъ Мусинъ-Пушкинъ писалъ Калайдовичу, что въ этихъ примѣчаніяхъ, „единственную имѣлъ я цѣль показать отцевъ нашихъ почтенные обычаи и нравы, кои моднымъ Французскимъ воспитаніемъ исказилися. Сіи примѣчанія причинили мнѣ много непріятностей, и не одни Французы; къ сожалѣнію, меня и у Двора бранили, но какъ я имѣлъ тогда сильную опору *), а потому и презиралъ злословіе“. На тѣ же примѣчанія указываетъ графъ Мусинъ-Пушкинъ и въ письмѣ своемъ къ Д. Н. Бантышъ-Каменскому (того-же 1813 года),

---

*) Въ лицѣ императрицы Екатерины Второй. *Н. Б.*

которому совѣтуетъ прочитать ихъ. „Я первый написалъ сіе смѣло и тогда, какъ другіе не смѣли, а у Двора многіе, какъ то: Бецкій, Шуваловъ и графъ Строгоновъ, публично говорили, что я иду противъ Петра и Екатерины“ [288]).

Вотъ объ этомъ-то драгоцѣнномъ памятникѣ, Погодинъ, въ 1861-мъ году, напечаталъ свое разсужденіе въ *Извѣстіяхъ* Академіи Наукъ.

„Если въ Лѣтописи Нестора“,—писалъ Погодинъ,—„заключается основаніе нашей Исторіи, то *Договоры* Олега и Игоря, *Правда* Ярослава, Сказаніе Василія, Несторово житіе Ѳеодосія, *Поученіе* Мономаха, *Слово о полку Игоревѣ*,—суть ея главныя дополненія, объясненія, подтвержденія, оживленія. По странному случаю, *Поученіе* не было со времени своего открытія, до сихъ поръ, предметомъ особаго изслѣдованія, между тѣмъ какъ за *Правду* и *Слово о полку Игоревѣ* съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ принимались многіе, которыхъ рядъ до сихъ поръ не прерывается. А оно заслуживаетъ въ полной мѣрѣ изслѣдованія подробнаго и основательнаго“ [289]).

Въ тоже время Погодинъ написалъ изслѣдованіе *о жизни и дѣлахъ Володимера Мономаха*, которое приложилъ къ статьѣ второй своего *Хронологическаго Указателя Древней Русской Исторіи.*

Изслѣдованіе свое Погодинъ заключаетъ: „Мы изложили всѣ свидѣтельства, мы разобрали всѣ событія. Самая строгая историческая критика должна преклониться предъ личностію Мономаха. И вотъ, какъ отозвался объ ней одинъ изъ нашихъ незванныхъ историковъ, которые время отъ времени насылаются на бѣдную нашу Литературу враждебнымъ ей рокомъ:

„Когда говорятъ о Мономахѣ, какъ о человѣкѣ, превосходившемъ другихъ современниковъ умомъ, силою воли, лучше понимавшемъ, въ чемъ состоитъ безопасность Русскихъ земель — нѣтъ спора. Но когда хотятъ представить его героемъ добродѣтели и человѣчества, безкорыстнымъ, кроткимъ, великодушнымъ—мы опровергаемъ сіе мнѣніе дѣлами Мономаха, и, не обвиняя его за своекорыстіе, въ то же время говоримъ, что

во всѣхъ дѣлахъ и даже словахъ, онъ является намъ совершеннымъ эгоистомъ, человѣкомъ хитрымъ, стремившимся только къ собственному своему и дѣтей своихъ благу. Погибель Романа и Глѣба Святославичей, Ярополка Изяславича, Ярослава Ярополковича, Глѣба Минскаго—лежатъ на его памяти; онъ или самъ былъ причиною, или допускалъ другихъ совершать злодѣйства, имѣвъ средства предупредить ихъ. А поступки его въ отношеніи къ Святополку, завладѣніе великокняжескимъ престоломъ послѣ его смерти, и ненависть къ Олегу—дѣла, бывшія причиною междоусобій, смытыя потоками крови и ничѣмъ неоправдимыя?

Мы не стали бы воспоминать объ этихъ нелѣпостяхъ Полеваго, которыя въ свое время осыпались похвалами отъ современныхъ журналистовъ, еслибъ и въ наше время не являлись бездарные ему подражатели, уродующіе Русскую Исторію, суесловящіе о Сильвестрахъ, Борисахъ и другихъ великихъ дѣятеляхъ Русской Исторіи, и точно также какъ Полевой находящіе своихъ панегиристовъ" [290]).

Эту вторую часть своего *Хронологическаго Указателя Древней Русской Исторіи,* Погодинъ отправилъ къ И. И. Срезневскому, для печатанія его въ *Ученыхъ Запискахъ* Академіи Наукъ.

31 марта 1861 года, Срезневскій писалъ Погодину: „Наборъ второй статьи *Хронологическаго Указателя* начатъ быть не можетъ немедленно: набирается *Грамматика* Востокова,—и остановить этотъ наборъ нельзя, потому что надо спѣшить кончить. Востокову восемдесятъ лѣтъ уже минуло. Онъ еще не слабъ, но уже и не попрежнему крѣпокъ. Надобно кончить изданіе прежде, чѣмъ онъ, не дай Боже, сляжетъ. А хотѣлъ бы еще увидѣть нашего великаго старца на праздникѣ своемъ, и чтобы на немъ были увѣнчаны лаврами его безсмертные труды—*Словарь* и *Грамматика.* Хотѣлось бы... удастся ли только? Развѣ опять сдѣлаютъ студенты, какъ сдѣлали они въ память пятидесятилѣтней его дѣятельности, издавъ его портретъ и поднесли его ему же самому на университетскомъ актѣ. Готовился тогда и юбилей, но нашлись

люди, которымъ это не понравилось, задѣвъ за живое, какъ говоритъ Н. И. Гречь. Какъ бы то ни было, возвращаясь къ прежнему, я постараюсь попросить фактора заняться и наборомъ вашей статьи, но въ успѣхѣ еще не вполнѣ увѣренъ: Типографія завалена работами, а рукъ мало" [291]).

О своихъ занятіяхъ, Погодинъ писалъ Шевыреву: „Оканчиваю Исторію Кіевскаго Княженія, и лѣтомъ Древняя Исторія будетъ отдѣлана вполнѣ до ига Татарскаго. Томъ *Хронологическаго Указателя* и томъ Дополненій къ семи прежнимъ томамъ. Еслибъ послали меня въ Вятку, то я тамъ кончилъ бы все скорѣе, потому что здѣсь много времени все-таки отнимается разными отношеніями" [292]).

XCI.

Среди своихъ занятій Древней Русской Исторіей, Погодинъ получаетъ письмо изъ Харькова, отъ профессора П. А. Лавровскаго (10 января 1861 г.), въ которомъ прочелъ: „Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1856 года, я имѣлъ удовольствіе послать вамъ письмо, по прочтеніи доставленныхъ мнѣ княземъ Н. Н. Голицынымъ корректурныхъ листовъ письма вашего къ И. И. Срезневскому. Въ этомъ письмѣ, незначительною долею, коснулись вы и моего разсужденія 1852 года, въ которомъ высказалъ я мнѣніе о несуществованіи на югѣ Россіи, въ древнее время, нарѣчія Малорусскаго. Возобновляя это мнѣніе, какъ самый первый его виновникъ, вы, въ упомянутомъ письмѣ къ Срезневскому, сдѣлали и упрекъ, на счетъ мой и И. И. Срезневскаго, что мы такъ невнимательны къ столь важному вопросу и не продолжаемъ своихъ занятій нарѣчіемъ Малорусскимъ. Упрекъ такой показался мнѣ вполнѣ несправедливымъ,—и въ письмѣ на ваше имя, въ 1856 году, я считалъ обязанностью высказать, что, во-первыхъ, званіе профессора Славянскихъ нарѣчій вовсе еще не служитъ ручательствомъ въ обработкѣ такого предмета, гдѣ главный матеріалъ разсѣянъ въ массѣ народной, на огромномъ про-

странствѣ,—а средства профессора Русско-провинціальныхъ университетовъ едва достаточны, чтобъ существовать, а не дѣлать, при всей задушевной готовности, ежегодныя экскурсіи по городамъ и деревнямъ ближайшихъ и отдаленныхъ губерній. Харьковъ же мѣсто моей службы, слишкомъ *цивилизованный* городъ, чтобы найти хотя какое-нибудь вознагражденіе на его базарахъ и рынкахъ. Во-вторыхъ, тамъ, гдѣ матеріалъ находится подъ рукою, будучи обнародованъ въ печати, профессоры не упускаютъ случая воспользоваться имъ, какъ можно скорѣе, и, въ доказательство, я указалъ вамъ тогда на свою статью, посланную, въ концѣ 1855 г., въ Петербургъ. Вотъ слова мои въ письмѣ къ вамъ: „Эта статья еще въ ноябрѣ прошлаго года была отправлена въ Академію Наукъ (откуда немедленно поступила въ Редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, быть можетъ, она уже отпечатана, быть можетъ, вы ее уже и пробѣжали; но какъ я ничего этого не знаю, то и считаю долгомъ выписать изъ нея нѣсколько строкъ заключенія“. Не моя вина, что замѣтки мои о Малорусскомъ нарѣчіи появились въ печати только черезъ четыре года, въ половинѣ 1859. Изъ прилагаемаго теперь вамъ оттиска, вы увидите, что еще до прочтенія корректурныхъ листовъ вашего письма къ И. И. Срезневскому, я, на основаніи данныхъ языка, вывелъ уже заключеніе о ближайшемъ родствѣ Южно-Русскаго языка съ Южно-Славянскими, что̀ нашелъ вполнѣ возможнымъ объяснить продолжительнѣйшимъ сосѣдствомъ и сожительствомъ Южно-Русскаго народа съ Сербами и Хорватами, въ первобытной ихъ родинѣ, въ Карпатахъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, подтвердилъ я и прежнюю свою мысль о несуществованіи на югѣ Россіи, до XIII—XIV столѣтій, Малорусскаго языка, какъ особеннаго отъ Великорусскаго.

Между тѣмъ, въ ту пору, какъ статья моя лежала въ неизвѣстности, появились въ *Русской Бесѣдѣ* и письма къ вамъ Максимовича, имѣвшія задачею опровергнуть ваши доводы въ письмѣ къ Срезневскому и доказать исконность на

югѣ Россіи нарѣчія Малорусскаго и даже несомнѣнное отраженіе особенностей его въ старинной письменности Русской. Въ отвѣтной статьѣ своей, вы снова упрекнули и И. И. Срезневскаго, и меня въ холодности къ вопросу и прямо вызвали насъ на оцѣнку филологическихъ доказательствъ Максимовича. Но и въ настоящемъ случаѣ, упрекъ также оказался несправедливымъ. Едва только прочтены были одиннадцать *Писемъ* съ приписокою Максимовича, какъ уже отвѣтъ мною былъ приготовленъ и тотчасъ же посланъ въ ту же Редакцію, въ Петербургъ. Отвѣтная статья ваша появилась въ Харьковѣ мѣсяца черезъ два послѣ этого. Къ глубокой горечи, и *Замѣчанія* на письма Максимовича постигла участь нисколько не лучшая, какъ и статью о Малорусскомъ нарѣчіи. Мнѣ оставалось лишь удивляться нежеланію Редакціи возвратить мою статью и, въ заключеніе, невозможности найти ее въ ней, когда явился я самъ лично съ просьбою, во время проѣзда черезъ Петербургъ въ Харьковъ, изъ-за границы, въ ноябрѣ 1860 года. Въ этотъ проѣздъ, имѣлъ удовольствіе посѣтить я и васъ, въ Москвѣ. На вашъ вопросъ о *Малорусскомъ вопросѣ*, въ сжатомъ видѣ, сообщилъ я все, что описываю теперь въ подробности. Вы высказали желаніе познакомиться съ моимъ отвѣтомъ Максимовичу. Съ полною готовностью посылаю его вамъ, и въ томъ неизмѣнномъ видѣ, какъ вышелъ онъ изъ подъ моей руки, 8 декабря 1856 г. Позволяю вамъ распорядиться, какъ этимъ отвѣтомъ, такъ и настоящимъ письмомъ, по вашему благоусмотрѣнію... Гонораръ, въ случаѣ, ежели бы вы заблагоразсудили отпечатать отвѣтъ, понятно, не будетъ для меня лишнимъ“ [293]).

Запоздалый отвѣтъ свой, П. А. Лавровскій напечаталъ только въ 1861 году, въ *Основѣ*. Редакція же *Основы* помѣстила этотъ отвѣтъ Лавровскаго съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Письмо Лавровскаго къ Погодину объясняетъ, почему такъ поздно является въ печати статья, написанная четыре года тому назадъ. Погодинымъ она была передана Костомарову, отъ котораго поступила къ намъ. Помѣщаемъ ее

не какъ выраженіе мнѣнія Редакціи, по вопросу о Южно-Русскомъ языкѣ, а какъ личное мнѣніе автора, могущее вызвать возраженіе, а можетъ быть и разрѣшеніе вопроса, весьма любопытнаго въ настоящее время, когда — съ одной стороны — Великоруссы, а съ другой — Поляки — усматриваютъ въ древней Южно-Русской письменности начатки своихъ собственныхъ языковъ и не признаютъ въ то же время, признаковъ языка мѣстнаго. Лавровскій весьма часто ссылается на Новгородскія Лѣтописи; но вспомнимъ мнѣніе, высказанное надавно Костомаровымъ о поразительномъ сродствѣ между Новгородскою и Южно-Русскою народностью".

Лавровскій свой отвѣтъ заключаетъ такъ: „Не измѣнивши нимало своего мнѣнія вслѣдствіе писемъ Максимовича къ Погодину, напротивъ, еще болѣе укрѣпившись черезъ нихъ въ прежнемъ своемъ положеніи, что Малорусское нарѣчіе, дѣйствительно, ничѣмъ не выразило себя въ древней письменности Русской, что на югѣ Россіи въ древности рѣшительно не видно и не было такого отдѣльнаго нарѣчія отъ языка сѣвернаго, какое существуетъ теперь, я тѣмъ не менѣе не могу не желать и, если смѣю, просить, чтобы Максимовичъ подвергнулъ вопросъ этотъ новому обслѣдованію и представилъ болѣе вѣрныя, справедливыя и прочныя доказательства своего убѣжденія, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, бездоказательнаго" [294]).

Максимовичъ не торопился на вызовъ Лавровскаго. Черезъ годъ послѣ письма Лавровскаго, 12-го января 1862 года, Максимовичъ, съ своей Михайловой Горы, писалъ Погодину: „Можетъ быть еще возьмусь послѣ за отвѣтъ Лавровскаго, по твоей милости явившійся въ *Основѣ*. Охота же была тебѣ напускать на меня этого гуся. Мнѣ ничего не хочется писать по сердечному влеченію или призванію: нѣтъ вдохновенія ни на что. Курить бы люльку да и только. Одинъ лишь сынишка заставляетъ иногда присматриваться вдаль... Какой славный мальчикъ. Такъ и чуется мнѣ въ немъ великій чело-

вѣкъ, если Богъ не дастъ ему выроcти въ уродствѣ воспитанія и жизни. Но, то и будетъ ему, что Богъ дастъ".

Наконецъ, и только въ 1863 году, Максимовичъ напечаталъ въ *Днѣ* Аксакова *Новыя письма*, но не къ Лавровскому, а къ своему другу, „любезному академику" Погодину, въ которыхъ выступилъ противъ „отчужденія", какъ онъ писалъ, „насъ Малороссіянъ, изъ нашей Приднѣпровской родины, отъ нашего Кіева и всей нашей древней исторической жизни, столь многозначащей въ общей жизни Русскаго міра, — это отлученіе отъ насъ нашихъ древле-Кіевскихъ писателей и подвижниковъ—и заставили меня вступить въ полемику съ тобою, на столько же историческую, на сколько и филологическую... Я уже и думалъ забыть объ этой нашей полемикѣ, и моими письмами къ тебѣ о *Богданѣ Хмельницкомъ* надѣялся вызвать тебя на обѣщанную бесѣду со мной объ этомъ великомъ подвижникѣ и представителѣ Украины, который историческимъ дѣломъ своимъ доказалъ ясно ближайшее сродство Малороссійскаго народа съ Великороссійскимъ... Но вотъ становится между нами г. Лавровскій, съ своимъ *Отвѣтомъ* на мои *Филологическія Письма*... И не хотѣлось бы а пришлось мнѣ еще разъ побесѣдовать съ тобою, любезный академикъ, во всеуслышаніе — о старобытности Малороссійскаго нарѣчія на нашемъ Кіевскомъ югѣ... Надо исполнить мое обѣщаніе — не остаться безотвѣтнымъ, если „записные филологи" напишутъ что-либо въ пользу твоей исторической гипотезы — о заселеніи Кіево-Переяславской земли *Великороссіянами* на все древнее, до-Батыевское время, и о переселеніи на ихъ мѣсто *Малороссіянъ* съ Карпатскихъ горъ, уже послѣ нашествія Татарскаго" [295]).

XCII.

Извѣстный авторъ *Русскаго Раскола Старообрядства* Аѳанасій Щаповъ, отъ изученія раскола перешелъ къ изученію важнаго вопроса Русской Исторіи—колонизаціи.

Этими занятіями Щапова заинтересовался Погодинъ и поручилъ Кривошапкину сообщить ему свѣдѣнія о ходѣ занятій этого ученаго. 6 февраля 1861 года, изъ Казани, Кривошапкинъ писалъ Погодину: „Вы видите, что, на основаніи даннаго вами права, я обращаюсь письмомъ къ человѣку-гражданину, безъ оффиціальнаго титла. Двѣ записочки ваши, отъ 3-го и 16-го января, я получилъ при посылкѣ. Е. Ф. Аристову я въ тотъ же вечеръ передалъ и привѣтъ вашъ, и брошюры: онъ, конечно, очень и радъ и благодаренъ, и въ свою очередь кланяется. Его студенты очень любятъ, а профессора не любятъ; потому студенты составили единогласную подписку просить его еще на пять лѣтъ остаться преподавателемъ всѣхъ анатомическихъ наукъ, тогда какъ профессорамъ хотѣлось втереть нѣмца Шарбе (3-го). Съ Григоровичемъ *) еще не видѣлся и слѣдовательно, поклона вашего не передалъ.

Отвѣтомъ замѣшкался изъ за Щапова, съ которымъ вчера только побесѣдовалъ (а ранѣе не заставалъ и я его, и онъ меня); оказалось, что онъ дѣйствительно готовитъ въ печать трудъ о *колонизаціи*, что, по его мнѣнію, предметъ самый существенный, а никто еще имъ не занялся. Болѣе никакихъ трудовъ, кромѣ составленія лекцій, онъ не предпринимаетъ. Лекціи его ведутъ изложеніе Исторіи несистематично, а отрывками—о болѣе важныхъ, жизненныхъ, по его мнѣнію, предметахъ. Мнѣ очень отрадно было видѣть, что онъ не за родовой бытъ и не за Соловьева; онъ разработываетъ тоже элементъ общинный; только, къ сожалѣнью, незнакомъ съ *Русской Бесѣдой*, а выписалъ себѣ акты всевозможные, работалъ много надъ ними, и прямо выбиралъ и основывается на нихъ, подъ наитьемъ, сколько могу замѣтить я, взглядовъ Искандеровскихъ. Онъ очень бѣденъ и потому, я думаю, недурно бы было, если бы вы ему выслали въ подарокъ *Рус-*

*) Викторомъ Ивановичемъ, профессоромъ Славянскихъ нарѣчій въ Казанскомъ Университетѣ. *Н. Б.*

скую Бесѣду, гдѣ особенно есть важныя историческія статьи и на нихъ бы указали. Онъ не заискиваетъ ни у ректора, ни у профессоровъ Словеснаго Факультета, потому его—можетъ быть—и не выболтируютъ, потому что онъ пока такъ себѣ исправляетъ должность. Студенты его и на рукахъ носятъ, и часто апплодируютъ на лекціяхъ. Онъ мнѣ говорилъ, что готовъ бы уѣхать въ столицы на частную должность и заняться разработкою историческихъ матеріаловъ. Я думаю, не худо бы его, въ такомъ случаѣ, пригласить къ постоянному и самостоятельному сотрудничеству при имѣющемъ возникнуть *Москвитянинѣ*" [296]).

Но не одною колонизаціею былъ занятъ въ то время Щаповъ, онъ выступилъ, какъ мы уже знаемъ, на поприще политическаго оратора и мечталъ о преобразованіи государства. Во всеподданнѣйшемъ письмѣ, Щаповъ представилъ проектъ преобразованія государственнаго управленія.

По счастію, въ то время былъ еще живъ Филаретъ. Подъ скромнымъ заглавіемъ: *Мнѣніе митрополита Филарета о всеподданнѣйшемъ письмѣ баккалавра Казанской Академіи Щапова, содержавшемъ въ себѣ проектъ преобразованія государственнаго управленія*, Филаретъ, 25 мая 1861 года, писалъ: „Письмо сіе содержитъ проектъ преобразованія государственнаго управленія.

Чтобы разсмотрѣть сіе сочиненіе во всѣхъ его частяхъ, необходимо было бы написать болѣе четырнадцати листовъ, на сколькихъ оно написано. Много было бы похищено времени у пишущаго. Не будетъ ли довольно указать нѣкоторыя черты, чтобы видна была птица по полету?

I. Прежде всего онъ обращаетъ вниманіе на образованіе крестьянъ и требуетъ областныхъ обществъ, сельскихъ училищъ.

„Мы, ученые, обязаны платить подати на сельскія и народныя училища изъ своего жалованья, которое исходитъ отъ народа.

Общества могли бы отправлять за границу даровитыхъ

крестьянскихъ дѣтей, съ руководителями, для ознакомленія съ устройствомъ, пріемами, способами, орудіями и машинами заграничнаго сельскаго хозяйства".

Блестящій, но нескоро уловимый для практики идеалъ— крестьянскій сынъ, воспитанный податями ученыхъ, подъ руководствомъ гувернера, странствующій по Европѣ, и потомъ возвращающійся въ Отечество, чтобы съ иностранными пріемами взяться за Русскую соху и борону, за невозможностію пріобрѣсти иностранныя земледѣльческія орудія и машины!

II. Преобразователь жалуется, что много людей *поглотили* рекрутскіе наборы.

Но онъ не открываетъ способовъ, какъ обойтись безъ нихъ. Или онъ думаетъ, что рекрутскіе наборы не нужны будутъ, когда крестьяне будутъ грамотны, и узнаютъ иностранные земледѣльческіе пріемы?

III. Отъ сельскихъ перешедъ къ городскимъ училищамъ, преобразователь опредѣляетъ три степени ихъ: 1) первоначальныя общесословныя приходскія училища. 2) Общесословныя гимназіи и общесловныя семинаріи, если сіи не будутъ соединены съ гимназіями. 3) Общесословные университеты и духовныя академіи, если не будутъ соединены съ университетами, и общесословные реальные институты.

Для первоначальныхъ приходскихъ училищъ назначаетъ онъ слѣдующіе предметы: Грамматика, Ариѳметика, знаніе главныхъ истинъ Христіанскаго ученія, преимущественно нравственнаго, знаніе главныхъ обязанностей гражданина, знаніе главныхъ началъ Физики, Естественной Исторіи, Географіи, Исторіи, преимущественно Русской, Словесности, Искусства и Поэзіи.

Такъ щедро преобразователь надѣляетъ знаніями ученика приходскаго училища. И еслибы это удалось ему, то нужно ли было бы идти въ гимназіи?

IV. Въ училищахъ высшей степени преобразователь открываетъ между прочимъ факультеты коммерческой и ремесленной.

Это очень ново. Поэтому будетъ факультетъ прядильный, ткацкій, кузнечный, столярный, сапожный и пр. Неужели, напримѣръ, факультетъ историческій, которому, кажется, усвояетъ себя Щаповъ, согласится дать свое ученое и почетное наименованіе столярному и сапожному ремеслу?

Какъ факультетъ обыкновенно даетъ ученыя степени, то факультетъ ремесленный не будетъ ли производить кандидатовъ и магистровъ столярнаго или сапожнаго ремесла?

V. Щапову хочется погрузить духовныя училища въ слишкомъ разностихійную массу свѣтскихъ училищъ, можетъ быть, потому, что онъ не находитъ въ духовныхъ училищахъ *демократическаго ученія*, которое мечтаетъ видѣть даже въ Евангеліи, и которое желалъ бы привить готовящимся къ служенію Церкви, посредствомъ обученія въ свѣтскихъ училищахъ.

Скажемъ къ слову, что истинно разумѣющіе Евангеліе никогда не находили и не найдутъ въ немъ демократическаго ученія. Не демократическія слѣдующія слова Христовы: *Воздадите кесарева, кесареви* (*Матѳ.* XXII. 21). Апостолы, безъ сомнѣнія, вѣрнѣе разумѣли ученіе Христово, нежели мудрователи, родившіеся чрезъ семнадцать столѣтій послѣ апостоловъ. Но, конечно, не демократическія слѣдующія слова Апостола: *Повинитеся убо всякому человѣчу созданію Господа ради: аще царю, яко преобладающу, аще ли князѣмъ, яко отъ него посланнымъ* (*1 Петр.* II, 13—14); *отъ него*, а не отъ народа поголовными голосами. *Бога бойтеся, царя чтите* (17). Христосъ Спаситель создалъ церковь, а не государство; іерархію, а не демократію. Эти предметы далекіе отъ того, чтобы ихъ смѣшивать. Щаповъ хочетъ церковные соборы пародировать „центрально земскими соборами"; и сіи послѣдніе имѣютъ у него точно демократическое основаніе,— поголовную подачу голосовъ; но церковные соборы имѣютъ іерархическое основаніе; они составляются изъ членовъ, которыхъ *Духъ Святый постави епископы* (*Дѣян.* XX, 28), И такъ, демократическое ученіе не въ Евангеліи, не въ церкви, а только въ головѣ у Щапова".

Къ этимъ строкамъ сдѣлано нижеслѣдующее примѣчаніе: „Впрочемъ Щаповъ не выдумалъ ничего новаго: демократическое Христіанство провозглашено было въ Парижскую революцію 1848 года. Предъ толпою мятежниковъ носили крестъ и священниковъ заставляли освящать дерево свободы. Демократическое Христіанство стрѣляло въ Христіанъ недемократическихъ; а когда Парижскій архіепископъ хотѣлъ прекратить кровопролитіе, демократическое Христіанство убило архіепископа на баррикадѣ".

Засимъ Филаретъ продолжаетъ: „Неудивительно если духовенство не пожелаетъ дѣтей своихъ, готовящихся къ служенію Церкви, погрузить въ разностихійную массу „общесословныхъ училищъ", по опасенію, чтобы духъ церковный, православный, духъ послушанія, кротости, скромности, не былъ разстроенъ вліяніями несродными и чуждыми. И должно надѣяться, что проницательность высшей власти не допуститъ сего.

Но если Щаповъ хочетъ имѣть „безсословныя", какъ онъ выражается, или „общесословныя низшія и высшія училища", почему же онъ не требуетъ, чтобы военныя учебныя заведенія также погружены были въ гимназіи или въ университеты, не смотря на значительное сродство военныхъ наукъ съ университетскими? Не потому ли, что признаетъ нужнымъ особенное, опредѣленное управленіе къ особенностямъ военной службы? Почему же не признаетъ подобной особенности и въ духовныхъ училищахъ по особенному роду ученія, и по роду службы, требующему особеннаго предварительнаго приготовленія?

VI. Преобразователь требуетъ *мѣстныхъ безсословныхъ* (т.-е. поголовными голосами) *выборовъ въ общественныя должности, начиная съ губернатора до послѣдняго полицейскаго, гарантированнаго круговой порукой.*

Спрашивается: есть ли гдѣ подобное? Выбираетъ ли народъ губернатора въ Англіи, во Франціи, гдѣ угодно?

Спрашивается: что же останется въ рукахъ верховной власти?

Спрашивается: не хочетъ ли преобразователь устроить Венгерскую всенародную оппозицію противъ Правительства?

VII. Преобразователь требуетъ *областныхъ совѣтовъ* изъ членовъ, выбранныхъ народомъ, и *центрально-земскихъ соборовъ* изъ членовъ, выбранныхъ областными совѣтами; безъ ограниченія поручаетъ симъ совѣтамъ и соборамъ и государственныя дѣла, и даже устройство войска, не заботясь о томъ, какая сила будетъ охранять верховную власть и самодержавіе противъ столь усиленной демократической стихіи.

Да судятъ государственные люди, что̀ хочетъ дѣлать Щаповъ, или, что̀ умѣетъ дѣлать, или чему внезапно наученъ восторгомъ панихиды и геніемъ Бездны *),—строить, или разрушать.

VIII. Наконецъ, преобразователь требуетъ *уничтожить цензуру и дозволить полную гласность и свободу печати; и всякое сочиненіе предоставить на отвѣтственность автора.*

Какъ онъ не видитъ, что государства, уже немалое время трудящіяся надъ соглашеніемъ свободы съ порядкомъ, борются съ трудомъ не только съ неограниченною, но и съ ограничиваемою свободою печати, какъ напримѣръ, Франція?

Говорить объ отвѣтственности автора; но передъ кѣмъ? О судѣ онъ не говоритъ. А отвѣтственность предъ общественнымъ мнѣніемъ есть ненаказанность. Когда возмутительнаго писателя порицаютъ люди охранительные, онъ находитъ свое оправденіе и даже славу въ людяхъ, склонныхъ къ возмущенію.

А если на авторовъ надобно приносить жалобы въ управу благочинія или въ уѣздный судъ; можно ли надѣяться правосудія?

Предметъ сей требуетъ не такъ легкаго сужденія, какое позволилъ себѣ преобразователь.

Кажется, довольно. Кажется, можно видѣть птицу по полету“ [297]).

---

*) См. выше, глава IX-я.

Въ то время, когда Погодинъ печаталъ свой Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, въ *Днѣ* Аксакова появилось слѣдующее стихотвореніе графа А. К. Толстого:

Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
Что ты изволишь въ котлѣ варить?

Кашицу, матушка, кашицу,
Кашицу, сударыня, кашицу!

Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А гдѣ ты изволилъ крупъ достать?

За̀ моремъ, матушка, за̀ моремъ,
За̀ моремъ, сударыня, за̀ моремъ!

Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
Нешто своей крупы не было?

Сорная, матушка, сорная,
Сорная, сударыня, сорная!

Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
Чѣмъ же ты изволишь мѣшать ее?

Палкою, матушка, палкою,
Палкою, сударыня, палкою!

Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
Вѣдь каша-то выйдетъ кру̀тенька!

Кру̀тенька, матушка, кру̀тенька,
Кру̀тенька, сударыня, кру̀тенька!

Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
Вѣдь каша-то выйдетъ со̀лона?

Со̀лона, матушка, со̀лона
Со̀лона, сударыня, со̀лона!

Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А ктожъ будетъ ее расхлебывать?

Дѣтушки, матушка, дѣтушки,
Дѣтушки, сударыня, дѣтушки! 298)

Въ Петербургѣ эта пѣснь произвела непріятное впечатлѣніе, о чемъ графиня Блудова сообщила Аксакову. Послѣдній же отвѣчалъ: „Пѣсня Толстого прекрасна въ художественномъ отношеніи и можетъ казаться балаганною только важнымъ генераламъ, утопившимъ въ своей генеральской важности все живое въ себѣ. Кромѣ того, есть старинная народная пѣснь той же формы".

Но къ „важнымъ генераламъ" присоединился Погодинъ, и на другой же день по напечатаніи этого стихотворенія, 12 ноября 1861 года, написалъ *Два слова графу А. К. Толстому, въ отвѣтъ на его пѣсню о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ.*

„Правду сказали вы, что каша, заваренная и замѣшанная царемъ Петромъ Алексѣевичемъ крута и солона, но, по крайней мѣрѣ, есть что̀ хлѣбать, есть чѣмъ сыту быть, а попади Карлъ XII на какого нибудь Ѳедора Алексѣевича или Ивана Алексѣевича, такъ пришлось бы, можетъ быть, дѣтушкамъ на долго и зубы положить на полку. И царь Петръ Алексѣевичъ сказалъ правду, что своя крупа была не только сорная, но и затхлая, прогорьклая. Объ этомъ можно удостовѣриться, читая современныя свидѣтельства, изданныя въ нынѣшнемъ году...

Пѣсня (графа Толстого) забыла пословицу: *Говорить на волка, говорить и по волку*".

КОНЕЦЪ КНИГИ ОСМНАДЦАТОЙ.

21 октября 1903 года.
Вильна.

1) *Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, м. Московскаго*. М. 1887, 9—15.

2) *Письма*, XXVI. *Современная Лѣтопись* 1861 № 10, стр. 19.

3) *Записки и Дневникъ*. II, 246, 249.

4) *Старина и Новизна*. IV, 71.

5) *Красное яичко*, стр. 7—12. *Русскій Архивъ*. 1894. № 2, стр. 232.

6) *Письма*, XXVI.

7) *Красное яичко*. стр. 12, 14—16. *Русскій Архивъ*, 1894, № 2, стр. 232. *Письма*, XXVI. *Русскій Архивъ*. 1891, № 3, стр. 352.

8) *Вѣстникъ Всемірной Исторіи* 1901, № 4, стр. 89; *Вѣстникъ Европы* 1885, апр. стр. 477—478, 480—481.

9) *Русскій Архивъ* 1897, № 1, стр. 55—56. *Письма Филарета къ архіеп. Тверскому Алексѣю*. М. 1883, стр. 235—236.

10) *Красное яичко*, стр. 17—30. *Письма*, XXVII, XXVI.

11) *С.-Петербургскія Вѣдомости* 1861. № 79. *И. С. Аксаковъ*. IV, 48—49. *Письма*, XXVI. *Россія, полное географическое описаніе нашего Отечества*. Спб. 1899, I, 109. *Русскій Архивъ* 1872, № 6, стр. 1210. *Письма*, XXVI.

12) *Русскій Архивъ* 1901, № 6, стр. 298.

13) *Письма Филарета къ Антонію* IV. 287.

14) *Письма*, XXVII. XXVI.

15) *Красное яичко*, стр. 17—30

16) *Письма*, XXVI.

17) *Красное яичко*, стр. 31—49.

18) *Письма*, XXVI.

19) Старина и Новизна, IV, 73.

20) *Русскій Архивъ* 1883. *Записки и Дневникъ*, II, 256.

21) *Письма*, XXVI.

22) *Записки и Дневникъ*, II, 258, 253, 255. *Русскій Архивъ* 1894, № 2, стр. 233—234.

23) *Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ Филарету*. Спб. 1900, стр. 457—459. *Русская Старина* 1890, іюль, стр. 217—218. *Русскій Архивъ*, 1882. №6., стр. 210—213. *Вѣстн. Всемірн. Исторіи*, 1901, № 5.

24) *Записки и Дневникъ*, II, 258.

25) *Письма*, XXVI.

26) *Русскій Архивъ*, 1897. № 1, стр. 48—50.

27) *За послѣдніе годы*. Спб. 1898, стр. 441.

28) *Вѣстникъ Европы* 1885, апр., стр. 487—488.

29) *Русскій Архивъ* 1889, № 10, стр. 738—739; 1897, № 1, стр. 49—50, 56. *Письма*, XXVII. *Русскій Архивъ* 1894, № 2, стр. 232.

30) *Русскій Вѣстникъ* 1896, май, стр. 132—135.

31) *Московскія Вѣдомости*, 1861, № 79; *Домашняя Старина*. М. 1900, стр. 82—83. *Русскій Архивъ* 1897, № I. стр. 48. *Записки и Дневникъ* II, 294.

32) *Письма*, XXVI.

33) *Колоколъ* 1861, № 105, стр. 293.

34) *Татищевъ*, стр. 575. *Записки и Дневникъ* II, 246. Батуринскій. *Всемірный Вѣстникъ* 1903., февр., стр. 164.

35) *Руссеій Архивъ* 1870, стр. 1926—1928.

36) *Письма Филарета къ Антонію*, IV, 315.

37) *Русскій Архивъ* 1892, № 2, стр. 206. *Письма Филарета къ Антонію* IV, 315.

38) *Польскій Вопросъ*. М. 1867, стр. 65.

39) *Письма*, XXVI.

40) *Польскій Вопросъ*, стр. 65—72.

41) *Письма*, XXVI.

42) *Русскій Архивъ*, 1897, № 1, стр. 48.

43) *Московскія Вѣдомости* 1861, №№ 114, 113.

44) *Польскій Вопросъ*, стр. 72—74.

45) *Русскій Архивъ*. 1897. № 1, стр. 47.

46) *День* 1861. № 2, стр. 13—14.

47) *И. С. Аксаковъ* IV, 206, 257—263, 206, 263—266, 209, 265.

48) *Русское Слово* 1861. апр., Рус. Литер., стр. 91—113.

49) *Письма*, XXVI.

50) *Основа* 1861. Октябрь, стр. 1—15.

51) *Русскій Архивъ*, 1897. № 1. стр. 54.

52) *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу*. Спб. 1882, стр. 79.

53) *Современная Лѣтопись*.

54) *И. С. Аксаковъ* IV, 259, 263—264, 266—267.

55) *День* 1861, № 2, стр. 18.

56) *Основа* 1861. Апр., стр. 67—90. Май, стр. 1—33. Августъ, стр. 56—68.

57) *Русскій Вѣстникъ* 1861. XXXI, 917.

58) *День* 1861. №№ 3, 5, 7, 9; 1862. № 13; 1861. № 2.

59) *И. С. Аксаковъ*, IV, 260.

60) *День*, 1861. № 2.

61) *И. С. Аксаковъ*, IV, 206, 266, 261—262. 200. *Русское Обозрѣніе* 1897. Май, стр. 76—78, 86—90.

62) *Московскія Вѣдомости* 1861, №№ 109, 111.

63) *Сочиненія Филарета*. М. 1885, V, 513—514.

64) *Русскій Архивъ*, 1897, № 1, стр. 49.

65) *Письма Филарета къ Антонію*. IV, 215.

66) *Московскія Вѣдомости* 1861, № 115—116.

67) *Сочиненія Филарета*. V, 514—515.

68) *Хроника моей жизни*. Тр. Л. II, 616.

69) *Московскія Вѣдомости* 1861, № 127.

70) *Хроника моей жизни*, II, 616.

71) *Письма Филарета митр. Москов. къ высочайшимъ особамъ и другимъ лицамъ*, Тверь 1888. II, 96—98.

72) *Московскія Вѣдомости* 1861, № 127.

73) *Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ Филарету*. Спб. 1900, стр. 569—573.

74) *Русскій Архивъ*, 1899. № 8, стр. 591; 1897. № 1, стр. 49.

75) Татищевъ, стр. 561.

76) *Православное Обозрѣніе* 1861. Май, стр. 207.

77) *Письма Филарета къ Леониду*. М. 1883, стр. 43—44.

78) *Хроника моей жизни*, II, 626—627.

79) *Письма Филарета къ А. Н. Муравьеву*. Кіевъ. 1869. стр. 589.

80) *Письма Филарета къ Антонію*. IV, 290.

81) *Кіевскія Епарх. Вѣдомости*, 1861, стр. 71—78.

82) *Русскій Архивъ*, 1897, № 1, стр. 52; 1883, стр. 125.

83) *Источники Русской Агіографіи*. Спб. 1882, стр. 551—553.

84) *Душеполезное Чтеніе*, 1861. Сент. стр. 3—9.

85) *Источники Русской Агіографіи*. стр. 553—559.

86) *Душеполезное Чтеніе*, 1861. Сент. стр. 9—12.

87) *Письма Филарета къ Антонію*. IV, 305—307.

88) *Письма къ Филарету*. Спб. 1900, стр. 398. *Письма Филарета къ Антонію* IV, 351. *Письма Филарета къ А. Н. Муравьеву*, стр. 589, 591.

89) *Хроника моей жизни*, II, 635—637.

90) *Воспоминаніе о Леонидѣ*. Харьковъ. 1877, стр. 93—94. *Письма Филарета къ* А. Н. М., стр. 589—590.

91) *Духъ Христіанина*. Спб. 1861—1862. Октябрь, стр. 1—34.

92) *Православное Обозрѣніе* 1861. Сент. Замѣтки, стр. 141—146.

93) *Духъ Христіанина* 1861—1862. Октябрь.

94) *Русскій Архивъ* 1892. № 9, стр. 98—99.

95) *Духъ Христіанина* 1861—1862. Октябрь. Письмо изъ Висбадена, стр. 42—51.

96) *Русскій Архивъ* 1892, № 2, стр. 96—97.

97) *Письма Филарета къ* А. Н. М., стр. 591—592.

98) *Татищевъ*, стр. 561.

99) *Русская Старина* 1899. Мартъ, стр. 572—573. *Московскія Вѣдомости* 1861, №№ 193—196.

100) *Русскій Архивъ* 1897. № 1. стр. 52.

101) *Московскія Вѣдомости* 1861. №№ 184, 189—190, 193—196.

102) *Русская Старина* 1898. Іюнь, стр. 586—587.

103) *Письма Филарета къ Алексѣю*, стр. 238

104) *Татищевъ*, стр. 561.

105) *Чтенія И. О. И. Д. Р.* 1887. I, 246.

106) *Татищевъ*, стр. 561—562.

107) *Письма*, XXVII. *Московскія Вѣдомости* 1861, №№ 187, 189.

108) *Русскій Архивъ* 1889, № 6, стр. 279.

109) *Московскія Вѣдомости* 1861, №№ 201, 208, 212—214.

110) *Русскій Архивъ* 1889, № 6, стр. 281—282.

111) *Татищевъ*, стр. 562.

112) *Русскій Архивъ* 1897, № 1, стр. 52.

113) *Московскія Вѣдомости* 1861, № 230.

114) *С.-Петербургскій Университетъ*. Спб. 1870, стр. 307—313. *Письма Филарета къ Антонію*, IV, 284—285. *Письма*, XXVI. *Русскій Архивъ* 1889, № 10, стр. 264—266.

115) *Московскія Вѣдомости* 1861, № 10.

116) *Рѣчи*. М. 1872, стр. 230—232.

117) *Московскія Вѣдомости* 1861, № 10.

118) *Рѣчи*, стр. 232.

119) *Письма*, XXVI.

120) *Записки и Дневникъ* А. В. Никитенко. II, 244—245.

121) *Письма*, XXVI.

122) *Современникъ* 1861, LXXXVII, Внутр. Обозр., стр. 368—370.

123) *Записки и Дневникъ*, II, 249.

124) *Русскій Архивъ* 1897, № 1, стр. 48.

125) *Записки и Дневникъ* II, 253—255. *Русская Старина* 1882, XXIV, 528—529. *Записки и Дневникъ*, II, 253—255.

126) *Русскій Архивъ* 1883, стр. 119—120.

127) *Русская Старина* 1882, XXIV, 528—529. *Записки и Дневникъ*, II, 255—258, 259, 260.

128) *Русскій Архивъ* 1897, № 1, стр. 48.

129) *Письма Филарета къ Антонію*, IV, 294—295.

130) *Русскій Архивъ* 1897, № 1. стр. 49.

131) *Русская Старина* 1901, іюль, стр. 82—83.

132) *Русскій Архивъ* 1884, II, 126.

133) *Записки и Дневникъ* II, 276, 278, 279, 268, 269.

134) *Русскій Архивъ* 1883., стр. 124.

135) *Русская Старина* 1898. Іюнь, стр. 577.

136) *Русская Старина*, 1882, XXXIV, 529, 530; *С. Петербургскія Вѣдомости* 1861, № 229.

137) *Записки и Дневникъ*, II, 281.

138) *С. Петербургскія Вѣдомости* 1861, № 229.

139) *Записки и Дневникъ*, II, 282.

140) *С. Петербургскія Вѣдомости* 1861, № 229.

141) *Записки и Дневникъ*. II, 283, 284.

142) *С. Петербургскія Вѣдомости* 1861, № 229.

143) *Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ Филарету*, стр. 563—564. *Письма Филарета къ Антонію*, IV, 311—312.

144) *Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета*. М. 1887, V, 137—139.

145) *Записки и Дневникъ*, II, 287.

146) *Письма*, XXVI.

147) *Записки и Дневникъ*, II, 258.

148) *Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета*, V, 68—69.

149) *Русская Старина* 1898, іюнь, стр. 587—588.

150) *Русскій Архивъ* 1883, стр. 126—127.

151) *Русская Старина* 1898, стр. 588—591; 1896, май, стр. 354.

152) *И. С. Аксаковъ*, IV, 194—195

153) *Русскій Архивъ* 1894, № 10. стр. 254.

154) *Записки и Дневникъ*. II, 288, 279.

155) *Письма Филарета къ Антонію*, IV, 311—313.

156) *День*, 1861, № 3.

157) *Русскій Вѣстникъ* 1903, окт., стр. 493. *Русское Обозрѣніе* 1897, май, стр. 81, 90. *И. С. Аксаковъ*, IV, 207, 267—268.

158) *Записки и Дневникъ*, II, 253.

159) *Московскія Вѣдомости* 1861, № 238.

160) *Записки и Дневникъ*. II, 285.

161) *Отечественныя Записки* 1861, CXXXIX. Русск. Литер., стр. 1—10.

162) *Московскія Вѣдомости*, 1861, № 278.

163) *И. С. Аксаковъ*, IV, 208.

164) *День* 1861, № 5.

165) *И. С. Аксаковъ*, IV, 200—205.

166) *Русскій Архивъ* 1897, № 1, стр. 51.

167) *Записки и Дневникъ*, II, 291.

168) *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу*. Спб. 1882, стр. 79—80.

169) *Русская Старина* 1897, май, стр. 356.

170) *Русскій Архивъ* 1897, № 1, стр. 53—54.

171) *Русская Старина* 1901, іюль, стр. 81—82.

172) *Русскій Архивъ*, 1897, № 1, стр. 54.

173) *Письма Филарета къ Антонію*, IV, 318.

174) *Записки и Дневникъ*, II, 296—297.

175) *Татищевъ*, стр. 562. *Р. Стар.* 1882, XXXIV, 532. XXXIII, 835—836. XXXIV, 534—536.

176) *Русскій Архивъ* 1896. № 3, стр. 390.

177) *Русская Старина* 1901. Августъ, стр. 241—242. *Русскій Архивъ* 1897, № 1, стр. 56; 1896, № 3, стр. 390—391. *Письма*, XXVII.

178) *Письма Филарета къ Антонію*. IV, 320. *А. Н. Муравьеву*, стр. 595, 594,

179) *Русскій Архивъ* 1892, № 2, стр. 207.

180) *Записки и Дневникъ*, II, 288—289.

181) *День* 1861, № 1.

182) *С. Петербургскія Вѣдомости* 1861. № 237.

183) *Московскія Вѣдомости* 1861, № 247.

184) *Русскій Архивъ* 1897, № 54, 56.

185) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. Спб. 1880, III, 3—5, примѣч.

186) *Юбилей пятидесятилѣтней*

литературной дѣятельности князя П. А. Вяземскаго. Спб. 1861; *Старина и Новизна* 1901, стр. 173—174.

187) *Записки и Дневникъ*, II, 248.

188) *Русскій Архивъ* 1897, № 1, стр. 46.

189) *С.-Петербургскія Вѣдомости* 1861, № 58.

190) *Письма*, XXVI.

191) *Отечеств. Записки* 1861, CXXIII. Русск. Литер., стр. 93—99.

192) *Современникъ* 1861, LXXXVI. Обозр., стр. 473—486.

193) *Искра* 1861, № 10, стр. 144—146.

194) *Сѣверная Пчела* 1861, № 75.

195) *Жизнь и Труды М. П. Погодина.* Спб. 1890. III, 233—234.

196) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго.* Спб. 1879, II, 265.

197) *Полное Собраніе Сочиненій Н. Ѳ. Щербины.* Спб. 1873, стр. 295—297.

198) *Сѣверная Пчела* 1861, № 75.

199) *Старина и Новизна*, IV, 70—71.

200) *Письма*, XXVI.

201) *Старина и Новизна*, IV, 71.

202) *Сѣверная Пчела* 1861, № 83.

203) *Русскій Архивъ* 1883, стр. 120.

204) *Русская Рѣчь.* 1861, № 46, стр. 690—692.

205) *Наше Время* 1861, № 18, стр. 313—317.

206) *Письма*, XXVI. *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго.*

207) *Современная Лѣтопись*, 1861, № 16, стр. 24—25.

208) *А. П. Ермоловъ.* М. 1864, стр. 451.

209) *Московскія Вѣдомости* 1861, № 86, стр. 690.

210) *Наше Время* 1861, № 14.

211) *Русскій Архивъ* 1883, стр. 120.

212) *Старина и Новизна*, IV, 72.

213) *Письма*, XXVI.

214) *Русскій Архивъ* 1886, № 6, стр. 303—304.

215) *Письма*, XXVI.

216) *Московскія Вѣдомости* 1861, № 96.

217) *Рѣчи.* М. 1872, стр. 342—348.

218) *Русская Рѣчь* 1861, № 18.

219) *Московскія Вѣдомости* 1861, № 135.

220) *Старина и Новизна*, IV, 71—72.

221) *Московскія Вѣдомости* 1861, № 135.

222) *Старина и Новизна*, IV, 72—73.

223) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А Вяземскаго.*

224) *Письма*, XXVI. *И. С. Аксаковъ*, IV, 233. *Письма*, XXVI.

225) *Рѣчи*, стр. 349—352.

226) *Жизнь графа Сперанскаго.* Спб. 1861, стр. X—XI.

227) *Русская Старина*, 1902, янв., стр. 152—153.

228) *Рѣчи*, стр. 224—226.

229) *Русская Старина*, 1902, янв., стр. 145—146.

230) *Письма*, XXVI.

231) *Записки и Дневникъ*, II, 286.

232) *Русскій Архивъ*, 1896, № 3, стр. 387; 1897, № 1, стр. 53; 1883 г. стр. 127.

233) *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу*, стр. 79.

234) *Письма*, XXVI.

235) *Русскій Архивъ*, 1871, стр. 1097—1104.

236) *Письма*, XXVI. *Московскія Вѣдомости*, 1862, № 284.

237) *Старина и Новизна*, IV, 66.

238) *Письма*, XXVI.

239) *Московскій Вѣстникъ*, 1860, № 10, стр. 28.

240) *Письма*, XXVI. Иванъ Барсуковъ. *Русскій Вѣстникъ*, 1903, іюль, стр. 67—68; *Русская Старина*, 1901, августъ, стр. 254—256. *Русское Обозрѣніе*, 1896, январь, стр. 276, 278.

241) *Воспоминаніе о С. П. Шевыревѣ*, 1869, стр. 30.

242) *Письма*, XXVI.

243) *Русскій Архивъ*, 1883, стр. 124

244) *Письма*, XXVI.

245) *Русскій Архивъ*, 1872, № 6, стр. 1208—1210.
246) *Воспоминаніе о С. П. Шевыревѣ*, стр. 32—33.
247) *Русскій Архивъ*, 1883, стр. 117—118.
248) *Письма*, XXVI.
249) *Русская Рѣчь*, 1861, № 38, 18.
250) *И. С. Аксаковъ*, IV, стр. 45, 47, 181—182, 53—54.
251) *Записки и Дневникъ*, II, 252—253.
252) *И. С. Аксаковъ*, IV, 183—185.
253) *Русскій Архивъ*, 1883, стр. 125.
254) *И. С. Аксаковъ*, IV, 212.
255) *Письма*, XXVI.
256) *И. С. Аксаковъ*, IV, 71, 219, 221. *Русское Обозрѣніе*, 1897, май, стр. 95.
257) *Русскій Архивъ*, 1883, стр. 120.
258) *Записки и Дневникъ*, II, 289—291, 293. *Письма Филарета къ Антонію*, IV, 322.
259) *Русскій Архивъ*, 1895, № 2, стр. 225—228.
260) *Записки и Дневникъ*, II, 285, 287—288.
261) *Вѣстникъ Европы*, 1895, апр., стр. 495, 483—484, 476, 497—498.
262) *Русская Старина*, 1898, декабр., стр. 583.
263) *Русскій Архивъ*, 1883, стр. 119.
264) *Наше Время*, 1861, № 1, стр. 12—13.
265) *Рѣчи*, стр. 427—429.
266) *Наше Время*, 1861, № 1.
267) *Московскія Вѣдомости* 1861, № 29.
268) *С.-Петербургскія Вѣдомости*, 1861, № 133.
269) *Письма*, XXVI.
270) *Русскій Архивъ*, 1883, стр. 118.
271) *Аукціонеръ*, 1861.
272) *Русскій Архивъ*, 1883, стр. 118, 120.
273) *Письма*, XXVI.
274) *Русскій Архивъ* 1883 г., стр. 124.
275) *Письма*, XXVI.
276) *Старина* и *Новизна*, IV, 73—74.
277) *Письма*, XXVI.
278) *Старина* и *Новизна*, IV, 74—75.
279) *Письма*, XXVI.
280) *Русскій Архивъ* 1883 г., стр. 126.
281) *Письма*, XXVI.
282) *Жизнь и Труды М. П. Погодина*. Спб. 1892. V, 408—410.
283) *Жизнь и Труды П. М. Строева*. Спб. 1878, стр. 463.
284) *Жизнь и Труды М. П. Погодина*, V, 410—411.
285) *Жизнь и Труды П. М. Строева*, стр. 375—376.
286) *Письма*, XXVI.
287) *Русскій Вѣстникъ* 1861, XXXII. Литер. Обозр., стр. 164, XXXIII. Литер. обозр., стр. 100—101.
288) *Дневникъ А. В. Храповицкаго*. Спб. 1874, стр. 536.
289) *Извѣстія* Академіи Наукъ. X, л. 11—17, стр. 234—244.
290) *Хронологическій Указатель Древней Русской Исторіи*, стр. 95—124.
291) *Письма*, XXVI.
292) *Русскій Архивъ* 1883, стр. 125.
293) *Письма*, XXVI.
294) *Основа* 1861. Августъ, стр. 14—40.
295) *Письма*, XXVII. *Новыя Письма къ М. П. Погодину, о старобытности Малороссійскаго нарѣчія*. Москва. 1863.
296) *Письма*, XXVI.
297) *Собраніе мнѣній и отзывовъ* Филарета м. Московскаго. М. 1887, V, 64—68.
298) *День* 1861. № 5, стр. 3.

ДОПОЛНЕНІЯ.

I.

Къ главѣ XV-й, книги II-й Жизни и Трудовъ М. П. Погодина, стр. 94—99.

Извѣстный путешественникъ, ботаникъ и Можайскій помѣщикъ Борисъ Алексѣевичь Федченко сообщилъ мнѣ нижеслѣдующее любопытнѣйшее дополненіе къ біографическимъ свѣдѣніямъ о Михаилѣ Александровичѣ Максимовичѣ:

„Профессоръ Московскаго Университета М. А. Максимовичъ является однимъ изъ наиболѣе выдающихся изслѣдователей Московской флоры. Въ 1824—1826 гг., по порученію Московскаго Университета, предпринялъ М. А. Максимовичь цѣлый рядъ поѣздокъ по Московской губерніи, съ спеціальной цѣлью изслѣдованія ея флоры. Эти поѣздки были описаны М. А. Максимовичемъ въ особой статьѣ, напечатанной въ *Новомъ Магазинѣ естественной исторіи, физики, химіи и свѣдѣній экономическихъ*, издаваемомъ Иваномъ Двигубскимъ, за 1825-й годъ, но, къ сожалѣнію, напечатано лишь начало *Записокъ*, а именно часть, относящаяся къ поѣздкѣ по уѣздамъ: Богородскому, Бронницкому, Коломенскому и Серпуховскому. Остальная часть *Записокъ* напечатана не была и существуетъ ли въ рукописи — неизвѣстно.

Въ томъ же *Новомъ Магазинѣ* Двигубскаго, за 1826-й г., М. А. Максимовичъ помѣстилъ крайне интересную статью подъ заглавіемъ: *Списокъ растеній Московской флоры*, составленный Михаиломъ Максимовичемъ, и въ томъ же году *Прибавленіе* къ этому списку. Въ моей бібліотекѣ находится экземпляръ отдѣльнаго оттиска *Списка*, представляющій библіографическую рѣдкость. Между прочимъ, въ предисловіи къ *Списку*, М. А. Максимовичъ говоритъ, что „полное же оныхъ (явнобрачныхъ растеній) описаніе, составленіемъ котораго теперь занимаюсь, будетъ издано въ непродолжительномъ времени"... Мы знаемъ, что, къ сожалѣнію, это намѣреніе не было осуществлено. Было бы интересно знать, не сохранились ли рукописи М. А. Максимовича, относящіяся къ „полному описанію"...

Насколько велико значеніе *Списка* Максимовича, видно уже изъ того, что изъ 926 растеній, приводимыхъ имъ для Московской губерніи, цѣлыхъ *сто* видовъ приводятся имъ впервые.

Многія находки М. А. Максимовича не были послѣ него никѣмъ повторены и потому иногда возникали сомнѣнія въ точности опредѣленія или дѣйствительности нахожденія въ Московской губерніи. Прошлымъ лѣтомъ, мнѣ удалось блистательнымъ образомъ подтвердить нахожденіе *двухъ* изъ числа такихъ наиболѣе заподозрѣнныхъ видовъ; оба оказались растущими въ 30 верстахъ отъ Москвы, на озерахъ, куда гг. Московскіе батаники не удосужились собраться на экскурсію за весь долгій срокъ, отъ 1825-го до 1903 года (Моя замѣтка *Озера сѣвера Московскаго уѣзда* напечатана въ газетѣ *Русскія Вѣдомости*, 12 августа 1903 года).

Прибавлю еще, что М. А. Максимовичъ былъ первымъ ботаникомъ, собиравшимъ растенія въ *Можайскомъ* уѣздѣ и указавшимъ для этого уѣзда нѣсколько рѣдкостей *). *Всѣ* эти

---

*) Въ своей Автобіографіи М. А. Максимовичъ писалъ: „Въ лѣтніе мѣсяцы 1824 года, Максимовичу поручено было отъ Московскаго Университета обозрѣть Московскую губернію относительно естественныхъ ея произведеній

указанія подтвердились новѣйшими изслѣдованіями. *Одно* изъ указанныхъ М. А. Максимовичемъ растеній, *шалфей душистый*, встрѣчается, въ Можайскомъ уѣздѣ, въ одной лишь мѣстности, въ лѣсу близъ сельца Романцева, владѣнія уѣзднаго предводителя Дворянства, А. К. Варженевскаго, вслѣдствіе чего является предположеніе, что М. А. Максимовичъ побывалъ въ 1824—26 гг. и въ Романцевѣ, гдѣ, между прочимъ, съ 80-хъ годовъ производятся ботаническія изслѣдованія А. К. Вартеневскимъ и съ тѣхъ поръ побывало немало другихъ ботаниковъ...

Гербарій М. А. Максимовича представляетъ одну изъ наибольшихъ драгоцѣнностей Ботаническаго Сада Императорскаго Московскаго Университета".

и преимущественно растеній. Подъ непрерывными дождями, въ продолженіе іюня и іюля, Максимовичъ успѣлъ обозрѣть только южную половину губерніи и, добравшись до ботаника Адамса, жившаго въ *Можайскомъ* уѣздѣ, отложилъ, по совѣту его, путешествіе на лѣто 1825 года". *Н. Б.*

II.

Къ главѣ X-й, книги XV-й, стр. 91—92.

Сергѣй Спиридоновичъ Татищевъ сообщилъ неизвѣстный мнѣ нижепомѣщаемый отвѣтъ М. П. Погодина (отъ 27 марта 1852 года) съ собственноручными отмѣтками императора Александра II-го на письмо князя В. А. Долгорукаго (отъ 22 марта 1858 года), извлеченный Сергѣемъ Спиридоновичемъ изъ Архива III-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи (№ 390):

„Милостивый государь
князь Василій Андреевичъ.

Спѣшу отвѣтить вашему сіятельству на письмо ваше, отъ 22 марта, полученное сію минуту (Вчера, за моимъ отсутствіемъ, оно не было оставлено въ моемъ домѣ).

Записки мои и письма ходили по рукамъ въ Петербургѣ и Москвѣ во множествѣ копій и легко могли попасть за границу, вмѣстѣ съ другими рукописями, туда отвсюду отправляемыми *).

Что касается до самого меня, то я никому, ничего для напечатанія за границу не посылалъ, кромѣ двухъ извѣстныхъ писемъ, помѣщенныхъ за моей подписью въ *le Nord*.

Какимъ образомъ письмо къ В. П. Титову о воспитаніи оказалось въ рукахъ редакторовъ *Парижскаго сборника*, я

---

*) Отмѣтка рукою государя: *Если они ходили по рукамъ, значитъ отъ него самого, что признаю поступкомъ безчестнымъ относительно тѣхъ, къ кому они писаны.*

имѣю предположеніе, догадку, коихъ передать теперь боюсь, чтобъ не ошибиться, но въ самое короткое время надѣюсь удостовѣриться и результатъ немедленно сообщу вашему сіятельству во исполненіе воли государя императора.

Когда я былъ въ Парижѣ въ запрошломъ лѣтѣ, то слышалъ, что тамъ было получено много статей изъ Россіи, тома на четыре.

Въ Москвѣ недавно я видѣлъ печатный циркуляръ отъ какихъ то книгопродавцевъ Нѣмецкихъ, заключающій вызовъ къ Русскимъ писателямъ присылать все, что угодно, для напечатанія безъ цензуры, кажется, въ Лейпцигѣ.

Единственное противодѣйствіе грозящему наводненію— основать въ Россіи правительственный свободный журналъ, подъ умной и благонамѣренной независимой редакціей. Этотъ журналъ сдѣлается тотчасъ же нравственной грозой для всѣхъ нашихъ злоупотребленій, сильнѣе всякой полиціи, утвердитъ довѣріе къ Правительству и доброй волѣ его, нормируетъ заграничное печатаніе.

Я давно уже опасался, чтобы мои письма не были напечатаны за границею *) и потому хотѣлъ было просить позволенія напечатать ихъ здѣсь, для чего и заготовилъ особое предисловіе, которое теперь кстати прилагаю на усмотрѣніе вашего сіятельства.

Съ совершеннымъ почтеніемъ пребыть честь имѣю
милостивый государь
вашего сіятельства покорнѣйшій слуга
Михаилъ Погодинъ.

P. S. По поводу письма вашего сіятельства, отъ 27 февраля, я рѣшился пріѣхать въ Петербургъ для личнаго объясненія, но страшная простуда задержала меня въ комнатѣ".

*) Отмѣчено рукою государя: *Вздоръ!*

